

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ АН СССР
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ
ДЕЯТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

*Л. Я. Бляхер, А. Т. Григорьян, Б. М. Кедров,
Б. Г. Кузнецов, В. И. Кузнецов, А. И. Купцов,
Б. В. Левшин, С. Р. Микулинский, Д. В. Ознобишин,
З. К. Соколовская (ученый секретарь), В. Н. Сокольский,
Ю. И. Соловьев, А. С. Федоров (зам. председателя),
И. А. Федосеев (зам. председателя),
Н. А. Фигуровский (зам. председателя),
А. А. Чеканов, С. В. Шухардин, А. П. Юшкевич,
А. Л. Яншин (председатель), М. Г. Ярошевский.*

С. И. Романовский

**Александр Петрович
КАРПИНСКИЙ**

1847—1936

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

Александр Петрович Карпинский. Романовский С. И. Л., «Наука», 1981. 484 с.

В книге рассказывается о жизни, научной и научно-организационной деятельности «отца русской геологии» академика А. П. Карпинского (1847—1936). Подробно анализируются его работы по палеонтологии и стратиграфии, тектонике и палеогеографии, петрографии и месторождениям полезных ископаемых. Впервые используются архивные материалы, воссоздающие двадцатилетнюю историю борьбы русских геологов за организацию в стране государственной геологической службы. Детально описывается многотрудная деятельность А. П. Карпинского на посту первого выборного президента Академии наук. Жизнь А. П. Карпинского — это девяностолетняя история русской интеллигенции, семидесятилетняя история отечественной геологической науки, пятидесятилетняя история Академии наук. Библ. — 175 назв., ил. — 43.

Ответственные редакторы

член-корреспондент Л. И. КРАСНЫЙ
академик А. Л. ЯНШИН

Р $\frac{20100-207}{054(02)-81}$ 51-81 (н.-п.).1904010000.

© Издательство «Наука», 1981 г.

Предисловие

Первая половина 1936 г. унесла одного за другим трех величайших творцов отечественной науки и культуры: 27 февраля в Ленинграде умер Иван Петрович Павлов, 18 июня в Горках — Алексей Максимович Горький, а 15 июля в Удельной, под Москвой, закончил свой долгий многотрудный жизненный путь Александр Петрович Карпинский, «всероссийский староста науки», как любовно называл его А. В. Луначарский.

А. П. Карпинский принадлежал к тому особому, а потому тем более ценному типу ученых, в ком редкое дарование исследователя органично сочетается с выдающимися организаторскими способностями, что в совокупности с удивительной душевной чуткостью необычайно влечет к себе сердца людей. Все, кто хоть раз соприкоснулся с Александром Петровичем, не говоря уже о тех, кто имел счастливую возможность слушать его лекции в Петербургском горном институте или работать с ним в Геологическом комитете, оказывались во власти его обаяния. Вот почему после смерти А. П. Карпинского проникновенные слова о нем говорились не только его учениками — геологами, но и учеными других специальностей, для которых этот «великий старец» был живым вдохновляющим примером беззаветного и бескомпромиссного служения Истине, которому он отдал 70 лет своей почти девяностолетней жизни.

Личность А. П. Карпинского многогранна. Первый выборный президент Академии наук, он не только способствовал сохранению ее состава в тяжелых условиях первых послереволюционных лет, но и помог безболезненной ломки перестроить ее работу, направив главные

усилия на нужды разрушенного гражданской войной пародного хозяйства. И при этом он оставался ученым-геологом. «Нестор русских геологов», «отец русской геологии» — так справедливо называли и называют Александра Петровича его геологические внуки и правнуки. Имя его по праву стоит в одном ряду с такими корифеями естествознания, как А. Гумбольдт, Ч. Лайель, Р. Мурчисон, Э. Зюсс и другие, с которыми связана новая эра в развитии геологии как науки. «Нам, непосредственным работникам эпохи Карпинского, — писал академик А. А. Борисяк, один из любимых учеников Александра Петровича, — даже трудно полностью установить размеры влияния этой крупнейшей фигуры в истории нашей геологии на развитие различных ее течений. Это дело будущего ее историка» [30, с. 591].

Об А. П. Карпинском писали много и охотно, и не только геологи. В общей сложности его жизни и творчеству посвящено около 200 работ, но большей частью это — небольшие заметки биографического характера, личные воспоминания, а иногда и солидные статьи, но освещающие лишь отдельные грани его энциклопедического наследия. Среди этих работ всего три популярные книги — О. А. Баян, Я. М. Черноусова и Я. Н. Кумока. Между тем еще в 1936 г. академик Б. А. Келлер писал: «У нас есть еще большой долг и перед самим А. П. Карпинским и перед всей нашей страной. Мы должны написать книгу об его жизни и творчестве. В ней — в этой книге — найдется много такого, чему всем нам надо учиться» [70, с. 8].

Автор, разумеется, далек от мысли пытаться исчерпать столь неохватную тему, как личность А. П. Карпинского, и тем более — влияние его работ на развитие различных направлений геологической науки. Но если удастся воссоздать его облик, если будут ясны и мотивированы его поступки, если читатель проникнет в творческую лабораторию ученого, которая у Александра Петровича была не совсем обычной, если, наконец, старым работникам Академии наук при чтении этой книги вспомнятся тяжкие, но проникнутые оптимизмом и верой в будущее первые послереволюционные годы, то цель автора будет достигнута.

В книге отсутствует список научных трудов А. П. Карпинского, ибо он уже неоднократно публиковался. До-

статочно назвать лишь два библиографических труда: «Александр Петрович Карпинский. Библиографический сборник», составленный В. А. Фейдер (М.—Л., 1938), в котором аннотированы 500 работ ученого, и выпущенный к столетию со дня рождения А. П. Карпинского «Библиографический указатель трудов» со вступительной статьей Н. М. Страхова (Л.—М., 1947). В конце предлагаемого издания помещен список важнейших работ об А. П. Карпинском, на которые по ходу изложения приводятся ссылки в квадратных скобках с указанием порядкового номера работы в списке и, если необходимо, страницы. Туда не вошли газетные публикации, поскольку значительная их часть впоследствии перепечатывалась в журналах и специальных сборниках, а мелкие заметки, рассеянные в многочисленных центральных и местных газетах, учесть не представляется возможным. Все прочие первоисточники, включая и работы самого А. П. Карпинского, вынесены в подстрочные примечания.

Большое участие в работе над книгой принимали внучка А. П. Карпинского А. В. Балтаева-Нехорошева и его правнучка О. А. Толмачева. Много ценных сведений сообщили профессора В. В. Тихомиров и Р. Ф. Геккер. Отдельные главы работы прочли И. И. Абрамович, Е. А. Басков, Л. И. Боровиков, В. И. Драгунов, Н. В. Иванов, А. В. Кольцов, А. И. Коробков, А. П. Марковский и М. А. Ржонсницкая. Член-корреспондент АН СССР Л. И. Красный и академик А. Л. Яншин взяли на себя нелегкий труд по научному редактированию рукописи. Всем им автор выражает самую искреннюю признательность.

Пролог

«Величие ума своего он сочетал с величием своего сердца...»

Летом 1937 г. на несколько дней Москва стала местом встречи ведущих геологов из многих десятков стран. Здесь проходил XVII Международный геологический конгресс (МГК), на пленарных и секционных заседаниях которого обсуждались насущные проблемы геологии. Многие из делегатов, особенно геологи старшего поколения, давая свое согласие на участие в работе Конгресса, надеялись встретить и поговорить в Москве со старейшиной советских геологов, почетным председателем Организационного комитета Конгресса, президентом Академии наук СССР Александром Петровичем Карпинским, с которым они были лично знакомы, хорошо знали и высоко ценили его работы по самым разнообразным разделам геологической науки. Но этим надеждам не суждено было сбыться.

А. П. Карпинский не дожил года до этого события. Конгресс прошел без него, но его незримое присутствие ощущалось во всем. Академик В. А. Обручев выступил с речью в память А. П. Карпинского, а те делегаты, тематика докладов которых была близка научным интересам А. П. Карпинского, старались уделить внимание его работам и поделиться своими воспоминаниями о личных встречах с признанным главой советских геологов. Известный французский ученый Ш. Жакоб сказал: «Когда я прибыл в СССР три года тому назад с французской научной делегацией, я с изумлением и благодарностью увидел на перроне вокзала в Ленинграде этого благородного старца, который ждал меня и пожелал сопровождать меня во всех моих посещениях. На одном из приемов, секретом устройства которых вы так пре-

красно владеете, на берегу Невы, во дворце, предназначенном для собраний ваших ученых, Карпинский поднялся с места. Во вдохновенном порыве, в котором отразилась вся его душа, он восхвалял герб наших Конгрессов с двумя скрещенными молотами и прекрасным девизом „*Mente et Malleo*“»,¹ т. е. «разумом и молотком».

В том же 1937 г. академик А. А. Борисяк писал: «Обаятельная личность Александра Петровича не требует описания, его прекрасная одухотворенная фигура еще стоит перед нашими глазами» [30, с. 598]. Но время немолимо: все меньше остается людей, кто работал или иными путями общался с А. П. Карпинским, и уж тем более тех, кто полностью сохранил в своей памяти его неповторимый облик. Поэтому представляется важным, прежде чем описывать жизненный путь ученого и его научные труды, постараться воссоздать образ Александра Петровича — ученого, человека и гражданина.

Биография А. П. Карпинского с виду небогата впечатляющими событиями, вся его трудовая жизнь «неразрывно связана с теми учреждениями, в которых он работал» [148, с. VIII]. Но, как известно, у великих людей все великое — в голове, а отсутствие резких изломов в судьбе не делает жизнь такого человека менее интересной и поучительной.

Прежде всего хотелось бы разъяснить, почему именно А. П. Карпинского единодушно признают «отцом русской геологии» и как вообще следует понимать эти слова.

Если ученый закладывает основы новой ветви науки и получает при этом фундаментальные научные результаты, то его «родительские права» не вызывают сомнений и никем не оспариваются. С А. П. Карпинским дело обстоит иначе: он всю жизнь трудился в традиционных рамках уже давно разрабатывавшейся науки. Ведь и до него геология знала великих ученых. Это прежде всего А.-Г. Вернер, родоначальник «нептунизма», на многие десятилетия предопределившего интерпретаторский настрой геологов. Это и Ч. Лайель, один из авторов актуалистического принципа реставрации геологической истории, Д. Холл и Дж. Дэна, творцы теории геосинклиналей. Сюда по праву следует причислить и Н. А. Головкинского, создавшего теорию образования слоистого строе-

---

¹ Тр. XVII сессии МГК, 1939, т. I, с. 154.

ния осадочных толщ и внесшего в науку принцип «возрастного скольжения геологических горизонтов», и многих других геологов.

Даже из этого перечня видно, что каждый из названных ученых вошел в историю науки благодаря решению какой-либо одной геологической проблемы. Никто из них не соединял в себе одновременно палеонтолога и стратиграфа, петрографа и минералога, тектониста и специалиста по месторождениям полезных ископаемых и не внес в развитие этих дисциплин столько нового и оригинального, сколько сделал А. П. Карпинский. Никто до него не ставил задачу геологического картирования как крупную научную проблему и не решал ее столь масштабно — для территории самой большой в мире страны. «Александр Петрович в нашей стране был единственным геологом, с одинаковым авторитетом, с одинаковым мастерством разрабатывавшим самые различные геолого-минералогические темы, черпая материал для своих работ из самых различных ветвей сложного цикла науки о Земле, — в этом отношении он был истым энциклопедистом, каких больше уже нет», — писал о нем А. П. Герасимов [42, с. 4].

И действительно, в петрографии он одним из первых применил для изучения горных пород поляризационный микроскоп, революционизировавший эту науку; в стратиграфию ввел представление о «переходных слоях», которое и в наши дни является одним из принципов ее теоретических основ, войдя в науку под названием «принцип Карпинского». Ему принадлежит открытие артинского яруса. В палеонтологии он одним из первых использовал биогенетический закон Мюллера—Геккеля для изучения филогении целой группы фауны (аммоноидеи) и многое сделал для интерпретации бывших до того загадочными проблематик (трохилиски, палеодиктион и др.). В тектонику он ввел своеобразное представление о «кряжеобразовательном процессе» и в пределах Европейской России наметил линии развития «зачаточных горных кряжей», которые, с легкой руки Э. Зюсса, вошли в науку как «линии Карпинского». Помимо этого А. П. Карпинский впервые в геологической науке для огромной территории Русской платформы и ее обрамления установил закономерности тектонического режима, управлявшего сменой трансгрессивных и регрессивных эпох

осадконакопления, и построил серию палеогеографических карт, наглядно иллюстрировавших эти закономерности.

Здесь перечислены лишь основные теоретические достижения ученого. Но, как любил повторять сам Александр Петрович, нет ничего более плодотворного по своим практическим последствиям, чем теоретические научные достижения, и своими работами неоднократно доказывал справедливость этих слов. Хорошо известно, например, что и с артинским ярусом Карпинского связаны месторождения так называемого второго Баку, открытые в конце 20-х годов. По результатам геологических исследований 70-х годов прошлого столетия он предсказал Бахмутское месторождение каменной соли и отстаивал наличие на Восточном склоне Урала месторождений каменного угля.

Но и это еще не все. Основной задачей советских геологов А. П. Карпинский считал создание детальной геологической карты Союза — основы как теоретических работ, так и практических рекомендаций по поискам месторождений минерального сырья. «Это, — как писал впоследствии академик А. Е. Ферсман, — огромная проблема, значение которой мы не всегда достаточно оцениваем» [158, с. 33]. И, наконец, еще в 1900 г. А. П. Карпинский говорил: «Геологу нужна вся Земля, и давно уже миновало время, когда считалось возможным делать общие выводы из изучения незначительных районов».² Это было его научным *credo*, чему он сам неуклонно следовал и требовал того же от своих учеников и сотрудников.

Вот почему именно А. П. Карпинского с полным правом можно считать отцом нашей отечественной геологической науки или, выражаясь более точно, главой школы советских геологов.

Что же касается биографии ученого, то она, как писала его старшая дочь Е. А. Толмачева, «в узком смысле слова... измеряется страницами, самое большее — главами» [148, с. VIII], а сам А. П. Карпинский скромно заметил: «В учебном и служебном отношениях жизнь

---

² Карпинский А. П. Речь об участии Горного ведомства в геологическом изучении России. Собр. соч., т. IV. М.—Л., 1949, с. 405.

моя слагалась крайне благоприятно, без всякого усилия и хлопот с моей стороны».³

Вот вкратце основные вехи его жизненного пути. Одиннадцать лет от роду А. П. Карпинского отдают в закрытое учебное заведение — Петербургский корпус горных инженеров, где он проводит восемь лет и заканчивает его с чином поручика и званием горного инженера. Чуть менее двух лет работает на Урале и затем вновь попадает в Горный институт, но уже в качестве преподавателя — сначала адъюнкта, затем профессора. В 1882 г. создается Геологический комитет, и Александр Петрович, не прерывая работы в Горном институте, становится его активным сотрудником, вначале как старший геолог, а с 1885 г. в качестве директора. В 1886 г. его избирают в Академию наук, где он проходит путь от адъюнкта Академии до ее первого выборного президента. К этому можно добавить, что 78 лет его самостоятельной жизни распределились всего между тремя пунктами: 75 из них он прожил в Петербурге—Петрограде—Ленинграде, два — на Урале и один год — в Москве.

Но, как мы уже отмечали, биография ученого слагается прежде всего его трудами, и с этой точки зрения она отнюдь не проста. Член 21 иностранной Академии и научного общества, а также 29 отечественных научных обществ, университетов и институтов, — вот только внешние стороны признания выдающихся научных заслуг Александра Петровича Карпинского.

Хорошо известно, что всю свою жизнь Александр Петрович пользовался исключительным уважением и непрекаемым авторитетом у коллег-геологов и безграничным доверием своих товарищей по Академии наук, выдающихся ученых самых разных специальностей — от математиков до востоковедов. Яркой иллюстрацией к этому служит такой факт, как единодушное избрание его на самые разные должности — от директора Минералогического общества до президента Академии наук. В те годы выборы осуществлялись по системе «записок». Каждый из участвующих в этой процедуре писал на листке бумаги предлагаемую им кандидатуру и опускал его в урну, по вскрытии которой неизменно оказывалось, что на подавляющем большинстве листов (кроме одного-двух)

---

³ Карпинский А. П. Автобиография. — Огонек, 1927, № 2.

значилась фамилия Александра Петровича. Те, кто знаком (по историческим материалам) с этой системой, согласятся, что такое единодушие — факт исключительный, ибо чаще всего «записками» выборы проводились в два, а то и в три тура, пока кто-либо не получал перевес в один-два голоса.

Секрет столь редчайшего единства мнений в самой личности А. П. Карпинского. М. С. Королицкий писал, что «в историю советской культуры А. П. Карпинский войдет не только как один из величайших ученых нашего времени, но и как чистейшая моральная личность, высоко принципиальная и непоколебимая в вопросах общественных, в сфере творческой и научно-познавательной мысли» [80, с. 59]. Ради творчества, ради Науки и Истины жил А. П. Карпинский, сам неоднократно повторявший, что любит науку как источник истины. И эту любовь он пронес через более чем семидесятилетнюю жизнь в науке. «Как загорался этот старик с молодым сердцем, — пишет академик Г. М. Кржижановский, — когда он говорил о великом значении науки» [82, с. 9]. Именно такую пламенную, вдохновенную его речь услышали советские и иностранные гости, съехавшиеся в Ленинград в сентябре 1925 г. на торжества, посвященные 200-летию Академии наук. Александр Петрович, говоря об интернациональном братстве ученых, в частности сказал: «Братство, о котором я упомянул, братство без искусственных рамок, налагаемых самим человечеством, не играющих никакой роли в истинной науке, является насущной потребностью каждого действительного ученого, покоряющегося лишь одной Истине и с полным удовлетворением предпочитающего чужое лучшее своему хорошему».⁴ Последние слова можно было бы назвать девизом жизни ученого. Истина всего дороже, уж кто ее первым постиг — значения не имеет.

Всю жизнь ратовавший за приоритет отечественной науки, он никогда не отстаивал свой собственный, не придавая ему значения. Если ему случалось узнать, что кто-то заинтересовался той же проблемой, что занимала его самого, он готов был без конца рассказывать о ней едва начинающему геологу, готов был делиться с ним

---

⁴ ЛО ААН (Ленинградское отделение Архива Академии наук), ф. 265, оп. 1, д. 123, л. 10 и 10 об.

любими своими работами, даже неопубликованными. «Сколько рукописей он роздал почти незнакомым людям, — вспоминает Е. А. Толмачева, — чтобы помочь им разобраться в каком-нибудь вопросе» [146, с. 61]. Подчас это мешало завершить собственное исследование, так как необходимые сведения содержались в отданной и невозвращенной ему работе, но он и об этом не жалел. Печалило лишь то, что безвозвратно уходящее время уносило с собой вовремя неопубликованные и потому забытые идеи.

В день 80-летия Александр Петрович, пытаясь подвести некоторые итоги своей научной работы, с оттенком горечи говорил: «Если же спросить, достаточно ли сделано научного за весь протекший 60-летний период самостоятельной деятельности, то придется ответить отрицательно, а неопубликование своевременно сделанных наблюдений заслуживает строгого осуждения. Некоторым уменьшением вины может служить то, что автор не делал секрета из своих работ, предоставляя пользоваться желающим его рукописями».⁵ А еще через 7 лет, когда А. П. Карпинский решился наконец опубликовать сводную работу об Урале, написанную им почти за 30 лет до этого, то вдруг спохватился, что три четверти рукописи, в свое время аккуратно перебеленные его женой и верной помощницей, розданы и забыто кому. Начались волнения и поиски. Кое-что удалось найти, но далеко не все. Работа эта, включенная в IV том собрания его сочинений, увидела свет уже после смерти А. П. Карпинского.

Все геологические труды Александра Петровича, начиная от мелких заметок и до работ монографического характера, отличались простотой и ясностью суждений. В своих воспоминаниях В. И. Крыжановский пишет: «Помню, я лично пришел к нему осенью 1910 г. спросить о некоторых неясностях в вопросах образования никелевых руд. В беседе я упомянул, что мне непонятна работа по этому месторождению одного из наших больших ученых. Александр Петрович положил мне на плечо руку и сказал: „Видишь ли, когда автор сам хорошо понимает, что он пишет, то и другие его хорошо понимают; когда автор сам меньше понимает, что он пишет, — и

---

⁵ Карпинский А. П. Автобиография.

другие его меньше понимают; а когда автор и сам не понимает, что он пишет, и другие его не понимают...» [86, с. 69]. Эта справедливая, хотя по сути и не новая, мысль неоднократно доказана и трудами самого А. П. Карпинского: видя в опубликовании своих работ единственный смысл — поделиться с коллегами добытыми им фактами и новыми идеями, изложенными в форме, не допускающей разноречивых толкований, он, в стремлении сделать их доступными для всеобщего понимания, настолько забывал о своем авторстве, что случалось наносить ущерб собственному приоритету в установлении той или иной закономерности.

Но Александра Петровича это нимало не заботило. Более того, часто он старался изъять свою фамилию из авторского коллектива, если ему казалось, что к подобным заключениям самостоятельно могли прийти и другие геологи. Так, 15 сентября 1919 г. А. П. Карпинский в письме к А. А. Борисяку поясняет сделанные им примечания к своей работе «Очерки геологического прошлого Европейской России», вышедшей в том же году повторным изданием в серии «Классики естествознания»: «В одном месте, где говорится о геологических подразделениях, принятых на Болонском конгрессе (1881 г., — *С. Р.*), я зачеркнул свое имя, как неприложное к этим решениям. В предложенной мною записке был затронут вопрос об установлении делений на фации и [...]»⁶ отложений континентальных, что сделалось бы ясным и без моих намеков».⁷ И такую авторскую скромность он не утратил до глубокой старости, несмотря на всеобщее признание своих трудов и самый высокий научный авторитет.

С годами все меньше оставалось времени на личную научную работу — все силы отнимали заботы об Академии. Но Александр Петрович продолжал следить за всеми новинками геологической литературы, старался не пропустить ни одного интересующего его доклада. Он уже с трудом ходил, тяжело опираясь на палку, но любую погоду неизменно отправлялся и в Горный институт на заседания Минералогического общества, директором которого он был с 1899 г.; и в Университет, при котором

---

⁶ Неразборчивое слово.

ЛО ААН, ф. 265, оп. 6, д. 720, л. 2.

работало Ленинградское общество естествоиспытателей, где он с 1903 г. был председателем отделения геологии и минералогии; и в Минералогический музей на заседания минералогического кружка; и в Академию наук на доклады своих товарищей других специальностей; и в Геологический комитет, почетным директором которого он был с 1903 г. Ко всему новому в науке А. П. Карпинский испытывал неиссякаемый интерес. «Жажда знаний, не покидавшая его до последних дней жизни, — пишет в своих воспоминаниях академик Г. А. Надсон, — может сравниться лишь с его безграничной любовью и преданностью науке или с его удивительным трудолюбием» [105, с. 42].

Сам А. П. Карпинский неоднократно говорил, что на заседаниях, слушая других, он отдыхает. А слушать он умел — с неподдельным интересом, внимательно, сосредоточенно, терпеливо, доброжелательно глядя на докладчика. В тех же воспоминаниях академика Г. А. Надсона есть такие слова: «Помню — это было не раз — Александр Петрович покидает свое место в президиуме, берет стул и садится возможно ближе к докладчику, чтобы лучше слышать его, чтобы лучше видеть то, что он демонстрирует. Самые длинные — нередко к тому же самые утомительные — доклады он слушал с тем же сосредоточенным, неутомимым вниманием. Помнится, как часто (да, увы, часто!) во время очень длинных заседаний и старые и молодые товарищи покидали зал заседания и направлялись в кулуары, чтобы отдохнуть или просто покурить, поболтать... И когда они возвращались, они находили Александра Петровича слушающим доклад с тем же вниманием, почти в той же позе. И в этом отражалось его высоко серьезное отношение к науке, к тому, что происходит в ученом собрании» [105, с. 42].

Интересные воспоминания о заседаниях ферсмановского минералогического кружка начала 20-х годов оставила О. А. Воробьева: «Скромно, нередко сбоку у стола сидел человек, овеянный большой славой ученого, первый советский президент Академии наук. Он внимательно слушал А. Е. Ферсмана, который в своей блестящей речи рисовал картину научного освоения Кольского полуострова и покорения Хибин с их огромнейшими запасами апатита. „Голубчик, ведь это замечательно! — про-

сто сказал Александр Петрович, — нужно подумать, что может еще сделать Академия“».⁸

Эти же события описывает и наш известный геохимик А. А. Сауков. На доклад о железных рудах Урала обещал прийти сам А. П. Карпинский. «Все собрались, ждем Александра Петровича, в ожидании его идут разговоры об особой занятости президента, несмотря на его преклонный возраст, о том, как разнообразны его интересы и как велика его популярность среди самых широких кругов населения... Ферсман сказал ему об этом, когда он пришел. В ответ Александр Петрович улыбается и говорит: „Я тоже думал, что меня все знают, но вот сегодня, когда я шел сюда, убедился, что еще не все меня знают. Иду из дома по набережной Невы, подхожу к Академии, перехожу через трамвайный путь, его замело снегом, и я по-стариковски замешкался. В это время от моста идет трамвай, дает звонки, я тороплюсь, но не успеваю перейти. Трамвай останавливается, из него выходит вагоновожатый, подходит ко мне, берет за воротник и говорит: «Ты что же, старый бездельник, по путям ходишь, мешаешь движению: раз не можешь ходить — сиди дома», — сказал и перевел меня на тротуар. Очевидно, он меня не узнал“, — закончил под дружный смех Александр Петрович».⁹ После такого веселого начала и доклад прошел с особенным подъемом. Александр Петрович сосредоточенно и внимательно слушал, изредка согласен кивая головой. Он был доволен докладчиком.

А. П. Карпинский, как видим, никогда не бывал пассивным слушателем. Он вникал в суть доклада, и если она импонировала ему, обязательно высказывал свое одобрение. Особенно радовали его молодые, начинающие геологи, сумевшие в своих докладах правильно оценить факты и найти им подобающее место в интерпретации рассматриваемого явления. Но скверно ощущал себя тот, кто отваживался жонглировать ими, как это ловко умеют делать некоторые. Обычно мягкий, Александр Петрович превращался в грозного оппонента и даже внешне менялся — зардевшиеся щеки и словно вытянутое лицо. Все понимали — гневается Карпинский. Но так бывало редко, а чаще он и критиковал все с той же доброжела-

⁸ А. Е. Ферсман. Жизнь и деятельность. Сборник воспоминаний. М., 1965, с. 268—269.

⁹ Там же, с. 145.

тельностью, спокойно, серьезно и всегда по сути дела. «Своим принципиальным противником, — вспоминает его дочь Е. А. Толмачева, часто сопровождавшая отца на научные заседания, — он не уступал ни одной позиции без тяжелых упорных боев. И спорил он по-своему — спокойно, с улыбкой на лице. Так спорить может лишь тот, кто абсолютно убежден в своей правоте» [146, с. 61].

Особенно упорно он добивался от докладчиков полной увязки фактов, когда речь заходила о практически важных вопросах, решение которых зависело от четкой интерпретации использованных фактов. Александр Петрович говорил: «*Истинная наука* (курсив автора, — С. Р.) никогда не может расходиться с практикой, так как она преследует лишь истину и ничто, безусловно не доказанное, не выдает за таковую».¹⁰

И это высказывание тем более ценно, что сам А. П. Карпинский прекрасно понимал, как в родной ему стихии — геологии подчас трудно отличить истинное знание от остроумной интерпретации. И виной тому суть геология — наука, не оставляющая надежд на проверку приводимых рассуждений, в особенности касающихся вопросов генетических — как образовался тот или иной объект. Многие годы Александр Петрович спорил со своими оппонентами и по поводу образования никелевых и платиновых месторождений, и по вопросам генетической интерпретации проблематик, особенно им любимых. Уважение к факту, безусловному, непреложному, добыть который в геологии отнюдь не просто, он пронес через всю жизнь и требовал того же от других, более молодых своих коллег.

И еще — всепоглощающая страсть к знаниям. Академик А. М. Деборин вспоминает: «Не могу не привести прямо потрясающего факта, характеризующего А. П. Карпинского как великого ученого. После смерти И. П. Павлова он неоднократно публично сокрушался по поводу того, что он не успел поговорить с Павловым по одному важному научному вопросу, который придется разрабатывать и правильное направление которому мог бы дать только его великий собрат по науке И. П. Павлов. Ве-

¹⁰ Карпинский А. П. Речь о взаимных отношениях геологических исследований и разведок в Европейской России. — В кн.: Труды I Всеросс. съезда деятелей по практич. геологии. СПб., 1908, с. XLII—XLVI.

ликий художник мог бы нарисовать на эту тему поистине потрясающую картину: два великих старца, дни которых уже сочтены, спешат друг к другу для обмена мнениями по вопросу, который имеет большую важность для жизни человечества» [54, с. 23].

В феврале 1926 г. друзья Александра Петровича собирались отметить 40-летний юбилей его пребывания в Академии наук. А. П. Семенов-Тянь-Шанский, сын известного русского географа-путешественника, написал к этому торжеству специальное «застольное слово». Но юбилей прошел скромно, и оно осталось произнесенным. А. П. Семенов-Тянь-Шанский, горячо любивший Александра Петровича и знавший, что для него в науке главное — Истина, свою речь посвятил ей. Вот ее содержание,

Истина в жизни бывает часто орудием обоюдоострым. Пушкин, бывший в своих произведениях олицетворением искренности и правды, отразил свое отношение к Истине в жизни в гениальном стихотворном афоризме:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.

Даже и в наши дни, обедненные расцветом позитивизма и материализма, можно сказать об Истине:

С истиной будь как с огнем ты в жизни порой осторожен,
Истина, как и огонь, светит и сушит и жжет.

В течение всей жизни с молодых лет до своей прекрасной старости дорогой Александр Петрович неуклонно служил Истине: он неустанно содействовал торжеству ее в науке, неизменно служил ей и в жизни. Но, пронося в жизни эту Истину, он никогда никого не обжигал ею, никогда ничего не иссушал.

Чем же он достигал этого? Да только тем, что он всегда думал о других больше, чем о себе, любил их больше, чем себя, и обращал всякое доброщение на общую пользу. И вот Истина в доброжелательных руках дорогого Александра Петровича путеводно светила многим и многим, согревала их и поощряла к дальнейшим благостным добродетелям...

Истинно счастлив лишь тот, кто до дня золотого заката
От чистой души пронесет свет и тепло для других.¹¹

Жаль, что Александр Петрович не услышал эту прекрасную речь.

История знает немало ученых, заслуживших не меньшую славу «больших», даже «великих», и благодарность потомков своими выдающимися трудами. Но немного найдется таких, чья нравственная чистота вызывала столь неоспоримое признание и единодушное восхищение современников.

«У него (Карпинского, — С. Р.) были противники, но не было врагов, — отмечал академик А. А. Борисяк, — кроме тех особого рода недоброжелателей, которые всегда бывают у того, кто поднимается головой выше их уровня» [30, с. 598].

«...Как живой встает перед глазами этот обаятельный старик, — пишет М. С. Королицкий, — полный внутреннего очарования и внешней неподрожжаемой простоты; простоты не в том смысле, что он чужд был людской гордыни и высокомерия, а что в нем не было и тени этих

¹¹ ЛО ААН, ф. 722, оп. 1, д. 77, л. 3—4.

черт, что они совершенно, органично не вязались с его внешним и внутренним существом, со всем его духовным обликом. То, что в других могло казаться искусственным, навешанным, надуманным, декоративным, составляло в нем нечто неотъемлемое, безраздельно с ним связанное, некую как бы неотделимую категорию. И это сказывалось всегда и во всем» [80, с. 57].

«Во всей своей жизни, — как бы развивает эту мысль академик Г. М. Кржижановский, — он был таким простым, кристально чистым, отзывчивым и изумительно скромным и доступным человеком» [82, с. 9]. Эта доступность подчас мешала его собственным исследованиям, на которые с годами оставалось все меньше и меньше времени. Но изменить себе он не мог, таковой уж была эта редкая натура: свои личные интересы всегда отодвигались на задний план.

К нему шли сплошной чередой ходатаи, просители, жалобщики, и он всех выслушивал, неизменно внимательно и доброжелательно, близко к сердцу принимая беды других, зачастую мало знакомых ему людей. Академик Г. А. Надсон вспоминает: «Всякая несправедливость глубоко его возмущала и приводила часто в очень возбужденное состояние, причем он вовсе не считался с состоянием своего здоровья. Правду, правду больше всего ценил он — и в науке, и в жизни! Фальшь, неискренность, лицемерие он не выносил, он ненавидел их...» [105, с. 43]. Характеристику Александра Петровича продолжает его дочь Е. А. Толмачева: она считает, что главными чертами характера ее отца были «редкая скромность, исключительная порядочность и честность»,¹² а в другом месте добавляет к этим чертам «исключительное трудолюбие». «Мой отец, — пишет Евгения Александровна, — был... образцом строжайшей дисциплины».¹³ И все же особый акцент хочется сделать на простоте: «Все, кому приходилось встречаться с Александром Петровичем, хорошо помнят эту сразу бросающуюся в глаза черту — бесконечную простоту и внешнюю, и внутреннюю».¹⁴ Скромность его отражает хотя бы такой, пусть небольшой, но очень выразительный штрих. В дореволю-

---

¹² Там же, ф. 265, оп. 9, д. 241, л. 7.

¹³ Там же, оп. 8, д. 35, л. 82.

¹⁴ Там же, д. 6, л. 7.

ционные годы, уезжая на какое-нибудь официальное торжественное заседание, куда надо было являться «при полном параде», он очень смущался своей блестящей от орденов груди и зачастую «на обратном пути вез их в кармане».¹⁵ Но одна «черта как бы доминировала в Александре Петровиче — это сочувствие к людям» [80, с. 57], — заключает М. С. Королицкий. Ею продиктованы все поступки, стиль жизни и общения с окружающими. Ею, в первую очередь, определялась та жизненная позиция, которой он не изменял на любом из занимаемых высоких постов. Остановимся на этом подробнее.

Сочувствие людям — понятие емкое. Оно немислимо без понимания, а понять человека — значит постичь его суть и желания, чего, в свою очередь, невозможно сделать, если не отнестись к этому непредвзято, с искренней доброжелательностью. «За все 20 лет, что я знал Александра Петровича, — пишет академик А. Н. Крылов, — его доброжелательное отношение во всем проявлялось само собою, оно было в самой его натуре и не могло не проявляться».¹⁶ Оно не покидало его и в моменты возникновения разногласий, и, отстаивая свою точку зрения, Александр Петрович никогда не переносил свое отношение к предмету спора на человека, его затеявшего. «В Париже в 1899 г., — как впоследствии вспоминал академик Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, в момент описываемых событий еще молодой ученый, — мы с ним проводили разные точки зрения на классификацию изверженных пород, продолжая в то же время оставаться в близких приятельских отношениях почтенного уже академика и молодого профессора, являвшихся представителями петрографии тогдашней России на этом международном собрании» [96, с. 49].¹⁷

Доброжелательностью и сочувствием людям объясняется и другая редкая черта А. П. Карпинского — его исключительная доступность, которая, по словам А. П. Герасимова, доставляла ему «немало трудов и забот», поскольку толкала «обездоленных и постигнутых несчастьем искать у него помощи и заступы, и очень часто высокий авторитет Александра Петровича давал ему возможность

---

¹⁵ Там же, л. 6.

¹⁶ Крылов А. Н. Мои воспоминания. М.—Л., 1945, с. 484.

¹⁷ Речь идет о совещании Международной петрографической комиссии.

оказать людям существенную помощь» [40, с. 217]. В другой статье А. П. Герасимов развивает эту мысль: «Мне много раз приходилось быть свидетелем того, как, в особенности в выходные дни, к нему один за другим шли разные люди, молодые и старые, геологи и не геологи, с самыми различными вопросами и нуждами, всех он принимал, всех выслушивал, всем старался так или иначе помочь» [42, с. 7—8]. Однако не следует представлять его этаким неразборчивым добродеем. Он оказывал содействие лишь после того, как, вникнув в суть дела, убеждался в справедливости и обоснованности просьбы, и уж тогда — не жалея сил и времени.

С особенной теплотой и заботой относился А. П. Карпинский к начинающим ученым, еще только пробующим свои силы на научном поприще. В этих случаях он не только не жалел ни времени, ни сил, чтобы поддержать засомневавшегося в своих способностях молодого человека, но часто был вынужден, отложив собственную работу, брать на просмотр чужие рукописи, вникать в них, находить рациональные зерна с тем, чтобы ободрить человека не одним только ласковым словом, но, так сказать, с фактами в руках. Вспоминает внук А. П. Карпинского А. И. Толмачев: «За советом обращались к нему и геологи, и химики, и математики... Внимательно выслушивал он приходивших к нему молодых людей... Вопрос о том, относится ли дело, по которому хочет кто-либо поговорить, к формальной области компетенции Александра Петровича, не ставился. Человек, близкий или желающий быть близким к науке, нуждается в помощи — для Александра Петровича этого было достаточно. И он — большой ученый и большой человек — находил возможность уделить внимание всем обращавшимся к нему. Находил, потому что хотел найти».¹⁸

Очень интересный пример доброй принципиальности А. П. Карпинского приводит в своих воспоминаниях академик А. Н. Крылов. Написаны они очень живо, остроумно и интересно, поэтому приведем этот отрывок полностью: «Получаю как-то от Президиума Академии наук толстую тетрадь и предложение дать отзыв. Просмотрел, вижу, что сплошное незнание основных начал механики

---

¹⁸ ЛО ААН, ф. 265, оп. 2, д. 49, л. 7.

и математики, нелепые рассуждения и громадное самое пышное словоизвержение. Пишу отзыв: „Представленное *MV* сочинение не только не может быть помещено в академических изданиях, но ему даже не место в деле № 66. Это сочинение надо отправить в Архив дома, что по дороге в Удельную на 9-ой версте“.

Надо сказать, что в дело № 66 подшивались сообщения о квадратуре круга, трисекции угла, перпетуум-мобиле и прочие сему подобные произведения. Через 2 или 3 дня встречаю Александра Петровича:

— Что это Вы, голубчик, какой отзыв дали, разрешите мы в протокол просто занесем, что по отзыву специалиста сочинение *MV* по своему содержанию в академических изданиях напечатано быть не может; не сердитесь, возьмите свой отзыв обратно, чтобы его и к протоколам не подшивать. Бедняга автор, может быть, целый год работал, придет справляться, да этот отзыв и увидит, зачем его так огорчать; что он вздор написал — этим он никому не повредил, за что же его обижать, но, конечно, вздор печатать не следует» [87, с. 51].

Очень часто, стараясь помочь обращающимся к нему людям, А. П. Карпинский писал многочисленные письма в вышестоящие органы, хлопоча одному пенсию, другому квартиру, пытаюсь восстановить третьего на работе. Он писал в Президиум Академии наук по поводу пособия для учительницы Е. Д. Лермонтовой, в дирекцию Дома ученых с просьбой предоставить жилье престарелой артистке В. В. Тимашевой, в пенсионную комиссию Наркомпроса о пенсии вдове действительного члена Академии художеств художника Крыжицкого, директору Библиотеки Академии наук по поводу восстановления на работе В. В. Николаева и т. д. и т. п. Бывало, что А. П. Карпинский не знал лично обращающихся к нему людей, а потому затруднялся составить подходящее ходатайство. Тогда он обращался за помощью к другим. Так, 2 августа 1931 г. А. П. Карпинский пишет непременно секретарю Академии наук С. Ф. Ольденбургу.

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович.

Не будете ли так добры написать краткую характеристику общественной деятельности Федора Дмитриевича Батюшкова, которого, к сожалению, я не знал и не могу написать тех нескольких слов, которые, при имеющихся других документах, могут помочь его племяннице и приемной дочери Марианне Нико-

лаевне Батюшковой получить пенсию. Молодая, хорошо образованная барышня больна туберкулезом.¹⁹

В первые пореволюционные годы, особенно в период гражданской войны, когда в Петрограде не было дров, электричества, а для поддержания деятелей науки была создана специальная комиссия по улучшению быта ученых (КУБУ), к А. П. Карпинскому, который и сам страшно бедствовал, наиболее часто обращались за помощью. Вот один из примеров его поддержки. Он пишет С. Ф. Ольденбургу.

Дорогой Сергей Федорович.

Позвольте препроводить Вам на усмотрение КУБУ данную моей дочерью Татьяной Александровной выписку о положении учительницы Лермонтовой, которая уже не первый год состоит в третьей группе. Она очень бедствует. Жалованье учительницы вовремя не получают. В ее жилой комнате — 2°. Крайне нуждается в обуви, и если б нашлась лишняя пара чешских ботинок, то одним этим было бы оказано г. Лермонтовой большое благодеяние. Я виделся несколько раз с Лермонтовой, слишком робкой, чтоб добиться чего-нибудь самостоятельно.

Душевно преданный, Ваш А. Карпинский.²⁰

Да, Александр Петрович, будучи президентом Академии наук и обладая огромным личным авторитетом, был надежной опорой и помощником своих сотрудников, товарищей по Академии, просто знакомых и даже незнатных людей, нуждающихся в его помощи. Очень хорошо оценил эту сторону натуры А. П. Карпинского академик Г. М. Кржижановский: «Он никогда не был чиновником в своих обязанностях, каждый из нас мог подойти к нему и видеть глубоко гуманного, отзывчивого и глубоко прямого человека. Мы были убеждены, что если А. П. Карпинский защищает то или другое лицо, то или другое обстоятельство или дело, то он защищает его с глубокой прямоотой, искренностью, прямодушием. Ни малейшего двуличия, ни малейшего желания поддаться в этом человеку не было».²¹

Всю свою долгую жизнь он оставался самим собой, не меняясь ни при каких обстоятельствах. «Ни на одном из высоких постов, которые А. П. Карпинский занимал, —

---

¹⁹ Там же, ф. 208, оп. 3, д. 256, л. 32.

²⁰ Там же, л. 34.

²¹ Там же, ф. 2, оп. 1-1936, д. 4, л. 2.

пишет академик В. А. Обручев, — он не управлял как бюрократ; подчиненные никогда не чувствовали в нем высокомерного начальника, а только старшего, опытного и доброжелательного товарища, заинтересованного в успехе общей работы» [117, с. 7].

Действительно, «управлял» Александр Петрович необычно. Когда требовалось, например, поручить академику какое-либо дело, не входящее в его прямые обязанности, он никогда не прибегал к приказаниям, распоряжениям, а действовал лишь силой убеждения, причем спокойно и без намека на давление. «Ну что ж Вы, голубчик, не соглашаетесь. Ведь, кроме Вас, и просить некого. Кто ж лучше Вас сделает», — говорил обычно Карпинский. «И смотрит своим особенно ясным, как бы ласкающим взором, — тут не откажешься», — вспоминал академик А. Н. Крылов.²² Если на заседаниях, где обсуждались геологические вопросы, в присутствии А. П. Карпинского возникали разногласия во взглядах, то и здесь он не использовал ни свое положение, ни авторитет, а выступал столько, сколько требовалось, чтобы силой доводов и фактов склонить оппонентов на свою сторону. Отсутствие какого бы то ни было высокомерия и чувства «высоты кресла», которое он занимал, было самым характерным в Карпинском-администраторе.

Любопытно, что даже в должности президента Академии наук Александр Петрович не имел ни референтов, ни личного секретаря. Он все делал сам, а его исключительная эрудиция и привычка к строжайшей дисциплине позволяли ему успевать участвовать в самых разных мероприятиях: от юбилейных пушкинских торжеств до I Всесоюзного математического съезда. Единственным постоянным его помощником была старшая дочь Евгения Александровна Толмачева, свободно владевшая многими европейскими языками и прекрасно разбиравшаяся в специфике академической работы. С ее помощью Александр Петрович вел огромную переписку с зарубежными корреспондентами, готовил свои выступления и приветственные речи на различных съездах, конференциях и семинарах. Она же часто сопровождала отца в заграничных командировках.

---

²² Крылов А. Н. Мои воспоминания, с. 483.

А. П. Карпинский был разносторонне образованной и увлекающейся натурой. Хорошо знал и любил литературу, музыку, живопись. Прекрасно разбираясь в искусстве, ценил и читал не только старых русских мастеров, но и современную ему талантливую молодежь. С первых дней пребывания в Академии наук он старался не пропускать интересные доклады своих товарищей — историков и литературоведов, с увлечением участвовал в самых разнообразных мероприятиях Академии, не имеющих ничего общего с его специальностью. Вот только некоторые из них: 1899 г. — А. П. Карпинский в составе комиссии по вопросу об авторском праве на литературные, музыкальные и художественные произведения; 1901 г. — участвует в комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам (с 1904 г. — председатель этой комиссии); 1904 г. — член международной ученой воздухоплавательной комиссии; 1911 г. — в составе комиссии по вопросу о сооружении в Петербурге памятника Ломоносову и постройке Ломоносовского института; 1913 г. — член комиссии по изданию коллективного труда «Россия»; 1915 г. — в составе комиссии по охране памятников страны в районе военных действий; в этом же году он избран председателем комиссии по обсуждению некоторых вопросов преподавания математики в средней школе и т. д.

А. П. Карпинский находил время участвовать и выступать на торжественном собрании Академии наук, посвященном 100-летию со дня рождения Л. Пастера (1922 г.); Пушкинском празднике в селе Михайловском (1924 г.); торжественном заседании Академии наук, посвященном экспедиции Р. Амундсена на Северный полюс (1926 г.); торжестве открытия музея-квартиры А. С. Пушкина в Ленинграде (1927 г.); заседаниях Академии наук по случаю 60-летия со дня рождения М. Горького и 100 летия со дня рождения Л. Н. Толстого (1928 г.) и т. д.

Б. М. и Е. К. Ляпуновы вспоминали: «Когда 6 апреля 1930 г. в малом конференц-зале (Академии наук в Ленинграде, — *С. Р.*) состоялось заседание „Славянской комиссии“ в память последнего председателя ее академика П. А. Лаврова, Александр Петрович не только согласился быть председателем этого заседания, но и сам сказал несколько прочувствованных слов в память покойного идеа-

листа славяноведения и доброго человека».²³ Хорошо известно, что А. П. Карпинский был председателем общества «Пушкинский уголок», в почетные члены которого по его предложению был избран А. В. Луначарский. «Я очень благодарю Общество, — писал Анатолий Васильевич А. П. Карпинскому, — за избрание меня почетным членом и особенно подчеркиваю то удовольствие, которое доставило мне извещение об этом избрании, подписанное Вашим глубоко уважаемым мною именем».²⁴ Эти слова не просто дань вежливости, а выражение глубокого почтения, которое испытывал к А. П. Карпинскому первый советский нарком просвещения еще со времени первых лет Советской власти, когда их совместными усилиями Академия наук перестроила свою работу, направляя главные силы на решение крупных народнохозяйственных проблем.

Любовь к искусству — литературе, живописи и музыке — были воспитаны в Александре Петровиче с детских лет. Он сам неплохо рисовал, прекрасно играл на фортепьяно и даже пробовал сочинять, обладал великолепным музыкальным слухом. Он старался не пропускать новых спектаклей, любил ходить в оперу и филармонию, на вернисажи живописцев. «Ленинград мог видеть своего президента на концертах, театральных представлениях, видеть как знатока и ценителя музыкального и сценического искусства, — вспоминает М. С. Королицкий. — Александр Петрович был также большой ценитель произведений литературы, корифеев слова, этих, по его выражению, „монбланов мысли и художественного творчества“» [80, с. 58]. Любимыми его русскими композиторами были М. И. Глинка, М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков. «Но он любил и знал итальянцев, особенно старых, — писал А. П. Герасимов. — Он сам рассказывал, что в 1926 г., присутствуя в Риме на каком-то обеде в дни чествования столетия со дня смерти Беллини,²⁵ он ока-

²³ ЛО ААН, ф. 265, оп. 2, д. 43, л. 41.

²⁴ Там же, оп. 6, д. 378, л. 1. Заметим, кстати, что в фонде А. П. Карпинского имеется большое число писем к нему от крупных деятелей русской и советской культуры: А. В. Луначарского, А. К. Глазунова, К. С. Станиславского, Л. В. Собинова, П. З. Андреева и других, которые представляют большой интерес для истории русской культуры.

²⁵ А. П. Герасимов ошибся — в 1926 г. могли отмечать только 125 лет со дня рождения В. Беллини.

А. П. Карпинский. Рисунок художника П. С. Наумова, 1925 г. (Публикуется впервые).

зался единственным, кто помнил конец одной арии из оперы „Норма“ и пропел его» [42, с. 8]. Частыми гостями квартиры Карпинских были певцы П. З. Андреев и В. И. Ершов, драматические актеры Е. П. Корчагина-Александровская и Е. И. Тиме. Дочь А. П. Карпинского Татьяна Александровна закончила Академию художеств по мастерской Д. Н. Кардовского. Кстати, ее однокурсником был известный впоследствии гравер П. Я. Павлинов, прославившийся своей пушкинианой. В доме Карпинских постоянно, бывали художники П. С. Наумов, М. Д. Бернштейн, П. А. Шилинговский. Знаком Александр Петрович был с М. П. Мусоргским и И. Е. Репиным, как рассказывает его внучка А. В. Балтаева-Нехорошева. А его длительная теплая дружба с композитором А. К. Глазуновым хорошо известна.

«Душевно рад, — писал А. П. Карпинскому народный артист СССР Павел Захарович Андреев, — что нас объединяет любовь к родному искусству, „что душу волнует,

что сердце живет“». ²⁶ «Я очень огорчен тем, что перед Вашим отъездом не мог с Вами свидеться, чтобы обнять Вас», — пишет К. С. Станиславский. ²⁷ «Все мы от всей души желаем Вам доброго здоровья, счастья и благополучия», — пишет из Парижа А. К. Глазунов. ²⁸ Это лишь несколько штрихов той большой любви и уважения, которое питали к старейшине советской науке выдающиеся деятели отечественного искусства. Причем эти слова адресованы не А. П. Карпинскому — президенту Академии наук, а А. П. Карпинскому — человеку огромной культуры, ценителю и знатоку прекрасного.

Часто случается, что когда человек живет долгой и насыщенной жизнью и переживает многих из сверстников, то после своей смерти в памяти даже долго и хорошо знавших его людей он остается стариком. Так случилось и с А. П. Карпинским. К 1936 г., когда он умер и его друзья и товарищи по Академии взялись за перо, чтобы излить чувства глубочайшей любви и уважения к этому «великому старцу», то оказалось, что в живых не осталось ни одного человека, кто помнил бы Александра Петровича молодым. Поэтому во всех воспоминаниях А. П. Карпинский предстает как живая история отечественной геологической науки за последний 70-летний период ее существования, как живая история Академии наук за 50 лет, как живое воплощение 90-летней истории русской интеллигенции.

Действительно, А. П. Карпинский родился в царствование Николая I при крепостном праве, пережил «эпоху реформ» 60-х годов прошлого века, подъем революционного движения 70-х годов, жесточайшую реакцию 80-х. На его глазах нарастала волна нового революционного подъема в начале следующего века, приведшего Россию в 1917 г. к Великой Октябрьской социалистической революции. Он встал во главе Академии наук в самый трудный период ее существования, когда старая русская интеллигенция, не понимавшая идей и задач «октябрьского переворота», готова была покинуть Россию или прекратить работу «на большевиков». Это его усилиями Академия ни на один день не прерывала работу и без колеба-

---

²⁶ ЛО ААН, ф. 265, оп. 6, д. 20, л. 2 (письмо от 21 мая 1929 г.).

²⁷ Там же, д. 556, л. 1 (письмо от 14 июля 1928 г.).

²⁸ Там же, д. 169, л. 1 (письмо от 4 января 1929 г.).

Четыре поколения Карпинских: Александр Петрович, А. И. Толмачев (внук), правнучка Леночка, Евгения Александровна (дочь). 1935 г. Одна из последних фотографий А. П. Карпинского.

ний принял предложение Советского правительства о сотрудничестве. Это он в течение первых 20 лет Советской власти вел Академию по пути развертывания принципиально новых исследований в невиданных ранее масштабах. Это при его непосредственном участии Академия стала крупнейшим, работающим по единому плану государственным учреждением. И все это пришлось видеть и свершить одному человеку! «Александр Петрович, несмотря на свой большой возраст, — писал академик Б. А. Келлер, — сохранил в своем старом усталом теле всю силу свежей научной мысли, всю страстную горячность сердца в поисках истины и справедливости» [70, с. 7].

Последние годы жизни А. П. Карпинского проходили в том же ритме, в таком же напряженном труде, к которым он привык с юности. Когда ему перевалило далеко за 80, он говорил: «Хотя голова моя еще ясна, но мне уже трудно делать многое из того, к чему я привык в течение своей многолетней жизни». Трудно стало ходить, и он совсем не мог работать с микроскопом, что для него как геолога было особенно тяжелым испытанием. «Микроскоп

съел мой правый глаз», — с горечью говорил Александр Петрович, и ему, 88-летнему, по его настойчивому требованию сделали глазную операцию, вернули зрение, и он смог в последний год жизни, как и в былое время, по 10 часов в день проводить за чтением научной литературы. Он не пропускает ни одного заседания в Академии, а когда его деликатно спрашивали, не устает ли он, не тяжело ли ему проводить столько часов в многолюдной аудитории, он с мягкой улыбкой отвечал: «Я здесь отдыхаю, потому что слушаю с интересом чужие мысли. А дома я работаю и много работаю. Мне мало осталось жить, а сделать хочется еще много» [44, с. 6].

«Эта неизменная доброта, эта радость мироощущения, — писал М. С. Королицкий, — это восприятие вселенной и людей особенно подкупали в Александре Петровиче, в этом убеленном сединами 90-летнем старце; подкупало тем более, что это было не случайное настроение, мимолетное и скоропреходящее, но струящееся изнутри, согретое светлым умом и гуманным сердцем; оттого оно и было в нем так прекрасно» [80, с. 57]. Таким и сохранила человеческая память облик великого ученого и великого человека Александра Петровича Карпинского.

«К Горному институту он всю жизнь относился с нежной любовью»

Глава 1. Горняцкая династия

В царствование Екатерины II для развития горнодобывающей промышленности в Россию охотно приглашались иностранные специалисты. Многие из них, обретая здесь вторую родину, пустили прочные корни, и потомки их вместе с фамилией — единственным напоминанием об иностранном происхождении — долгие годы наследовали и горняцкую профессию. К таким традиционно горняцким династиям относились семейства Грасгофов, Иосса, Меллеров, Тиме и другие. Но наряду с ними широкой известностью пользовались в те годы и исконно русские — Ивановы, Котляревские, Ботышевы, Москвины, Карпинские.¹ Многие потомственные горные инженеры, носящие одну из этих русских фамилий, по материнской линии были в тесном родстве с семействами Тиме, Иосса или Грасгофов. Не составлял исключения и род Карпинских. Академик Н. С. Шатский отмечал, что «из уральских горных династий фамилия Карпинских была хотя и не самой влиятельной, но весьма многочисленной и одной из самых старых» [168, с. 4], а ее тесное родство с Аносовыми, Грасгофами, Редикорцевыми и Грамматчиковыми в значительной мере способствовало и расширению масштабов ее активного влияния на весь строй и организацию горной промышленности в наиболее развитых в то время добывающих районах России — Урале и Алтае.

Действительно, по материнской линии Александр Петрович был в родстве с Грасгофами, Аносовыми и Грамматчиковыми. Бабушка А. П. Карпинского, урожден-

---

¹ Павлов М. А. Воспоминания металлурга. Ч. 1, 2. М.—Л., 1943, с. 156.

ная Аносова, была родной сестрой великого русского металлурга Павла Петровича Аносова (1799—1851), а его дед Фердинанд Богданович Грасгоф с 1819 г. служил на Урале, сначала на Южном, а затем на Северном, в должности начальника Богословского горного округа, имея чин шихтмейстера. Он был сыном главы семейства Грасгофов Богдана (Готлиба) Грасгофа, прибывшего в Россию из Саксонии еще во второй половине XVIII в. Внучка Готлиба Грасгофа и была матерью Александра Петровича.

Мария Фердинандовна Карпинская-Грасгоф родилась 17 ноября 1823 г.² О ее детстве и юности сведений не сохранилось. Семнадцати лет от роду она вышла замуж за Петра Михайловича Карпинского, соединив, таким образом, в кровном родстве Аносовых, Грасгофов и Карпинских, и переехала к мужу в захолустный североуральский поселок Турьинские Рудники, входивший в состав Богословского горного округа. Ее муж в это время служил «управителем Турьинских медных рудников, золотых промыслов и Петропавловского завода»³ в чине капитана.

Петр Михайлович Карпинский был на 15 лет старше своей юной жены. Он родился в 1808 г. в Москве, в семье горного инженера Михаила Михайловича Карпинского, первого из этой фамилии закончившего Горное училище⁴ в Петербурге в 1799 г. Впоследствии М. М. Карпинский работал на Тамбовском квасцовом заводе, имея чин берггешворена. С 1817 по 1825 г. он был маркшейдером Московского горного ведомства и обербергпробирером Московской пробирной палаты. В 1825 г. его переводят в Петербург, где в это время в Горном институте учится его сын Петр Михайлович, и он начинает службу в Департаменте горных и соляных дел в чине обергиттенфервальтера. Умер М. М. Карпинский в 1848 г. в Петербурге, похоронен на Волковом кладбище.

Старший сын М. М. Карпинского, дядя Александра Петровича, Александр Михайлович Карпинский также получил высшее горнотехническое образование, закончив Петербургский горный институт в 1825 г. Некоторое время он работал инспектором классов этого института и служил в Петербургском монетном дворе. Затем занялся

---

² Все даты до 1918 г. даются по старому стилю.

³ ЛО ААН, ф. 265, оп. 2, д. 60, л. 5.

⁴ Так в то время назывался Горный институт.

Мария Фердинандовна Карпинская, мать ученого; 40—50-е годы XIX в. (Публикуется впервые).

активной научной деятельностью, помещая свои геологические и главным образом палеонтологические работы в «Горном журнале». Известен он и как переводчик на русский язык обширной монографии Бронна «Система раковин первобытного мира». Александр Михайлович явился родоначальником «алтайской ветви» Карпинских.⁵

Кроме Александра Михайловича, еще два сына М. М. Карпинского получили образование в Горном институте. В 1829 г. его заканчивает Петр Михайлович Карпинский «1ый» и Михаил Михайлович Карпинский «2ой». В звании «практикантов» они направляются на работу в Богословский округ Северного Урала, где, поработав некоторое время на рудниках и шахтах, приступают

⁵ Генеалогию родов Карпинских и Грасгофов тщательно изучила Е. А. Толмачева, но не успела обработать свои черновые записи, поэтому автор, сверив все приводимые ею сведения с материалами Центрального Государственного Исторического архива (ЦГИА) и убедившись в их абсолютной точности, дабы сохранить приоритет Е. А. Толмачевой, ссылается на ее материалы, а не на первоисточники из ЦГИА.

к самостоятельным «геогностическим» исследованиям. Так, в течение 1836 и 1837 гг. М. М. Карпинский «2ой» составляет детальную пятиверстную «петрографическую карту» Богословского округа, позднее опубликованную в «Горном журнале» (1840 г., кн. X), и прилагает к ней подробное орографическое и геологическое описание местности. Он же одним из первых обратил серьезное внимание на связь растительного покрова и оруденения, т. е. выявил определенные характеристики флоры, являющиеся надежным индикатором при поисках руд. Впоследствии в течение многих лет М. М. Карпинский «2ой» был управляющим крупным горным округом на Урале.

Управляющим одного из южноуральских горных округов был и другой родственник Александра Петровича, Павел Михайлович Карпинский. Под его руководством проходил стажировку будущий академик-металлург М. А. Павлов, оставивший очень интересные воспоминания о старом Урале и, в частности, о Павле Михайловиче Карпинском. «Со смертью Карпинского, — писал М. А. Павлов, — исчез „последний из могикан“ старого Урала. Таких управляющих на Урале не осталось. Это был управляющий старого типа, вершитель судеб, владыка округа».⁶ Таким же «управителем» был и Петр Михайлович Карпинский «1ый».

Отец Александра Петровича прослужил на Урале 25 лет, пройдя путь от «практиканта» на Богословских заводах до «горного начальника Екатеринбургских заводов». Занимался он, однако, не только руководством работами на подопечных ему горнодобывающих предприятиях, но и чисто геологическими изысканиями, в результате которых им в 1831 г. открыты, в частности, золотосодержащие россыпи в районе Богословского Завода. В течение 10 лет (с 25 ноября 1837 г. по 27 октября 1847 г.) П. М. Карпинский управлял Турьинскими рудниками, куда он привез свою молодую жену и где появились на свет все его дети. О Петре Михайловиче также не сохранилось достоверных воспоминаний. Неизвестны ни его характер, ни привычки, ни семейный уклад дома Карпинских, но в дошедшем до нас бесхитростном стихотворении некоего Хлебникова, написанном 26 января 1856 г. и посвященном этой семье, есть такие строки: «Беспристра-

---

⁶ Павлов М. А. Воспоминания металлурга, с. 287.

стный, как мы знаем, Петр Михайлыч, наш отец, мы, как дети, Вам желаем в жизни счастья венец».⁷ Беспристрастность, т. е. справедливость в отношении к людям, была, таким образом, одной из главных черт характера отца Александра Петровича. Он, по-видимому, сумел ее привить и своим детям. Во всяком случае, Александр Петрович ее унаследовал.

Поселок Турьинские Рудники входил в состав Богословского Завода, который, в свою очередь, принадлежал к Верхотурскому уезду Пермской губернии. Богословский Завод — это огромная территория с шахтами, рудниками, промыслами, приисками и заводами. Горный начальник такого округа несомненно обладал большой властью.

Несколько слов из истории Богословского горного округа.⁸ В 1752—1754 гг. некий верхотурский «разночинец» Григорий Посников открыл три железорудных месторождения по берегам речки Колонги, впадающей в реку Вагран. Эти месторождения, как и три другие и десять медных, открытых там же и тем же Посниковым, в 1754 г. купил купец Максим Походяшин и в 1758 г. начал строить на Колонге, при впадении ее в Вагран, Петропавловский завод, запущенный в 1764 г. В 1759—1760 гг. Походяшин строит новые заводы: один — на р. Турье «в 60 верстах к югу от Петропавловского, а другой — на р. Павде, в 70 верстах от первого». Завод на р. Турье назывался сначала Турьинским, а затем Богословским. Рудники, заложенные на базе первоначально открытых медных месторождений, впоследствии стали именоваться Турьинскими, а медное производство первые десятилетия существования этих рудников оставалось ведущим. В 40-х годах прошлого века территория Турьинских рудников была все еще диким и практически необжитым краем. На горные работы часто попадали «отчаянные люди», «беглые», не имевшие ни семьи, ни пристанища. Направляли в рудники и приговоренных к каторге. «Сюда отбирались те из них, — цитирует Я. М. Черноусов архивные документы, — которые знают какое-либо ремесло или искусство, имеют не более 40 лет от роду и не подвержены неизлечимым болезням и увечьям, препятствующим

⁷ ЛО ААН, ф. 265, оп. 8, д. 41, л. 1.

⁸ Гривнака К. И. Богословский горный округ. — Горный журнал, 1887, т. II, с. 1—86.

щим исполнять тяжелые работы» [161, с. 4]. В 1844 г. на Турьинских рудниках работало около 10 тысяч человек.

Вот в таком месте жил «управитель Турьинских медных рудников» капитан П. М. Карпинский и здесь же родились все пятеро его детей — дочь и четыре сына. Старшей была Мария Петровна Карпинская, родившаяся 18 августа 1841 г. Начальное образование она получила в частном женском пансионе Екатеринбурга. 11-летней девочкой ее зачисляют «пенсионеркою горного ведомства в Санкт-Петербургское училище Св. Екатерины»,⁹ однако закончить обучение в Петербурге ей помешала внезапная смерть отца, и в 1858 г. она возвращается домой, к матери, чтобы той легче было перенести обрушившееся на семью горе и одиночество, ибо трех сыновей М. Ф. Карпинская отправила в Петербургский Горный институт. Впоследствии Мария Петровна вышла замуж за горного инженера В. И. Редикорцева и целиком посвятила себя воспитанию детей. Умерла она 22 апреля 1923 г. в возрасте 82 лет. Интересная деталь: матерью В. И. Редикорцева была Л. Д. Романовская, родная сестра Г. Д. Романовского — известного русского геолога, профессора Петербургского горного института, первого наставника А. П. Карпинского в его самостоятельных геологических исследованиях.

С 1843 по 1850 г. в семье Карпинских появились четыре сына: в 1843 г. — Михаил, в 1845 г. — Алексей, в 1846 г. — Александр и в 1850 г. — Петр.¹⁰ Последний из них умер в 5-летнем возрасте, и поэтому все последующие годы Александр Петрович считался младшим в семье.

Как ни странно, но точное место рождения А. П. Карпинского долгие годы было предметом споров. Объясняется это тем, что Богословский Завод в 40-х годах прошлого века состоял из множества мелких рабочих поселков, ютившихся вблизи шахт и рудников. Далеко не во всех из них были церкви, по метрическим книгам которых

⁹ ЛО ААН, ф. 265, оп. 2, д. 62, л. 2.

¹⁰ Коротко о братьях А. П. Карпинского. Михаил Петрович закончил Горный институт в 1865 г. и практически все последующие годы прослужил на Путиловском заводе. Был женат на М. А. Шателен. Умер в 1918 г. Алексей Петрович обучался в Горном институте на одном курсе со своим старшим братом. Затем работал геологом в поисковых партиях в Сибири и на Урале. Женился он на Е. П. Брусвицкой, родной сестре жены Александра Петровича. Умер в 1920 г.

можно было бы восстановить точное место рождения. Кроме того, в этих книгах фиксировалось крещение ребенка, а не рождение. Однако тщательные и кропотливые архивные розыскания, в которых приняли участие многие, в том числе и юные следопыты г. Краснотурьинска,¹¹ позволяют сейчас назвать точное место рождения А. П. Карпинского. Это Фроловский Рудник территории Турьинских медных рудников Богословского горного округа.¹² Свидетельство о рождении, представленное Александром Петровичем при поступлении в Петербургский корпус горных инженеров, утверждает, что «в метриках Турьинских рудников Максимовской церкви за (1847) тысяча восемьсот сорок седьмой год № 9 генваря двенадцатого дня значится так: тысяча восемьсот сорок шестого года декабря двадцать шестого дня у майора Корпуса горных инженеров Петра Михайлова Карпинского и законной жены его Марии Фердинандовны родился сын Александр. Восприемники: полковник Корпуса горных инженеров Фердинанд Богданов Грасгоф и вдова обербергмейстерская жена Анна Захарова Пестерева. Молитствовал и крестил священник Александр Кубасов с дьяконом Димитрием Ляпустиным и дьячком Гавриилом Воскресенским».¹³

А. П. Карпинскому не было и года, когда его отец, получив новое назначение — пост «горного начальника Екатеринбургских заводов», перевез свое семейство из поселка Турьинские Рудники в Екатеринбург, столицу Урала, в те годы напоминавшую скорее большую деревню: немощные пыльные улицы, у высоких ворот купеческих особняков чинно разгуливают гуси, в многочисленных придорожных лужах развалились свиньи — обычные атрибуты провинциального города. Семья Карпинских поселилась в казенном двухэтажном доме «горного начальника», стоявшем на берегу Верх-Исетского пруда.

¹¹ Этих розысканий могло и не быть, если бы проводившие их лица поинтересовались «метрикой» А. П. Карпинского, без которой он не был бы принят в Горный институт (Государственный исторический архив Ленинградской области, в дальнейшем ГИАЛО, ф. 963, оп. 1, д. 8485).

¹² К сожалению, точное место рождения А. П. Карпинского не было известно в 1941 г., когда бывший поселок Богословского Завода переименовали в г. Карпинск, считая, что именно здесь родился президент Академии наук СССР.

¹³ ГИАЛО, ф. 963, оп. 1, д. 8485, л. 3.

По водной его глади скользили гуси и утки, и маленький Саша мог часами наблюдать за ними. В летние и осенние месяцы отец часто брал его с собой в инспекторские поездки по шахтам и промыслам Екатеринбургского уезда.

Начальное образование сыновья Карпинских получили в домашних условиях. Мария Фердинандовна сама обучила их немецкому и французскому языкам, игре на фортепьяно, а для уроков русского языка и математики приглашала учителей. У Карпинских была прекрасно оборудованная библиотека, и Александр, как только научился читать, с жадностью и любопытством просматривал толстые и тяжелые книги в кожаных переплетах с золотым теснением и красивыми загадочными картинками. Много было книг и об Урале, а также геологических работ с красочными и непонятными геогностическими картами.

Когда Александру исполнилось 7 лет, его отец, уже полковник Корпуса горных инженеров, в возрасте 45 лет вышел в отставку. Ему назначили пенсию в размере 857 руб. 70 коп. серебром в год и попросили освободить казенный дом. Напряженная и нервная работа в течение 25 лет сказалась на здоровье Петра Михайловича. Стало пошаливать сердце, и он принужден был все чаще ложиться в постель, а спустя три года, находясь с женой в Уфе, внезапно скончался от «разрыва сердца». Их сыновья (Михаил, Алексей и Александр) в это время гостили у родственника П. М. Карпинского, жившего в Миассе на берегу Ильменского озера. Об этом Александр Петрович вспомнил уже на склоне лет, когда работал над статьями для журнала «Юный натуралист» и, обращаясь к детям, писал, как важны для наблюдательного юного ума и сильны детские впечатления, которые порой всплывают через многие десятилетия и приходят на помощь при самых неожиданных обстоятельствах.

После смерти мужа Мария Фердинандовна осталась одна с четырьмя детьми на руках. Старшей Марии было 16 лет, и она училась на последнем курсе училища Св. Екатерины в Петербурге, а младшему Александру шел 11-й год. Назначенной М. Ф. Карпинской пенсии — 33 рубля в месяц — было явно недостаточно, чтобы прокормить семью. К тому же надо было подумать об образовании сыновей. И Мария Фердинандовна воспользовалась правом бесплатного обучения детей в Петербургском корпусе горных инженеров, которое ей давала прощ-

Семья Карпинских: Алексей, Петр Михайлович, Мария, Александр, Мария Фердинандовна, Михаил. 1850 г., Екатеринбург.

лая служба мужа при Горном департаменте. С ближайшим «детским караваном» она отправляет трех сыновей в Петербург. В «укладке», т. е. небольшом сундучке, заключавшем нехитрый багаж будущих студентов, Александр Карпинский увозил справку, которая вместе с «метрикой» была единственным пока его документом: «дано сыну умершего полковника Петра Карпинского, Александру Карпинскому, имеющему от роду 10 лет, в том, что он здорового телосложения, никаким болезням не подвержен, имел прививную оспу и корь, оказавшие вполне свое действие».¹⁴ Братья сели в возок, и «детский караван» в сопровождении офицера и горного инженера, представленных к возкам с золотом и драгоценными камнями, а также лекаря, который должен был следить за здоровьем детей, двинулся в свой долгий и утомительный путь по разбитым дорогам в столицу.

За пять лет до Александра Карпинского в Корпус горных инженеров также на правах казеннокоштного воспи-

¹⁴ ЛО ААН, ф. 265, оп. 2, д. 4, л. 4.

танника был зачислен некий Ал. Кавадеров, сын горного инженера с Урала. (Сколь тесен мир — для поступления в Горный корпус его готовил Николай Александрович Грамматчиков, дядя Александра Карпинского). Кавадеров оставил свои воспоминания об учебе в Горном корпусе тем более ценные, что они, наряду с воспоминаниями А. Иванова и Д. И. Соколова, относящимися к значительно более раннему периоду, а также конспективными заметками самого А. П. Карпинского, являются единственным источником, откуда мы можем черпать сведения о порядках, нравах и быте воспитанников этого закрытого и военизированного учебного заведения.¹⁵

Ал. Кавадеров в свое время прибыл в Петербург тоже с «детским караваном». «Все нас, детей, занимало дорогой, — вспоминает он, — и встречающиеся на пути живописные местности, и убогие деревеньки, и многолюдные богатые села с блестящими издали куполами церквей, и мощные улицы губернских городов с их красивыми и сравнительно большими зданиями, и т. д. Но более всего произвели на нас впечатление старушка Москва с ее бесчисленными храмами и многими памятниками старины и Николаевская железная дорога, о которой до того времени мы не имели ни малейшего понятия».¹⁶ Но вот и Петербург!

Начальник «детского каравана» с рук на руки под расписку сдал трех братьев Карпинских инспектору классов подполковнику П. А. Олышеву и отправился в обратный путь.

Глава 2. Петербургский корпус горных инженеров

В дельте Невы, на юго-западной оконечности Васильевского острова, расположено монументальное творение великого русского зодчего А. Н. Воронихина — Ленинградский горный институт имени Г. В. Плеханова, один из лучших памятников архитектуры начала XIX в. Это —

---

¹⁵ Есть, правда, еще воспоминания Константина Скальковского, закончившего Горный институт в 1863 г.: «Воспоминания молодости (по морю житейскому)». Изд. Суворина. СПб., 1906. Однако познакомиться с ними автору не удалось.

¹⁶ Кавадеров Ал. Воспоминания о Горном корпусе. — Русская старина, 1905, т. 123, с. 423.

старейшее высшее техническое заведение нашей страны, основанное по Указу императрицы Екатерины II 21 октября 1773 г., однако первые его 19 студентов (кадетов) были зачислены лишь 28 июня 1774 г. Поначалу оно именовалось Горным училищем и пункт первый его Устава гласил: «В сей корпус в кадеты определять из Московского университета российских дворян и офицерских детей, а также из дворян Лифляндских и Эстляндских, а если кто пожелает, и из иностранных: таковых записывать же с обязательством вечного подданства».¹ С 1776 г. в Горное училище стали принимать и детей горных чиновников. В 1804 г. оно было переименовано в Горный кадетский корпус, а в 1806 г. — как высшее учебное заведение приравнено к университетам. В 1833 г. Горный кадетский корпус стал называться Горным институтом, но уже с 1834 г. — по-новому — Институтом корпуса горных инженеров, просуществовав с этим наименованием до 1866 г., т. е. до конца обучения в нем А. П. Карпинского.

Институт корпуса горных инженеров состоял под прямой опекой начальника штаба Корпуса горных инженеров, а директор института осуществлял лишь «непосредственное заведование». В институте в то время обучалось около 360 человек. С начала 1834 г. по Указу Николая I институт стал закрытым военно-учебным заведением, несмотря на то что именно с этого года ввели новое звание — горный инженер. Процесс обучения в институте подразделялся на две ступени — приготовительную и горную. Воспитанники первых четырех классов, называемые кадетами, формировали резервную роту; следующих двух — кондукторами, формировавшими кондукторскую роту, и двух старших классов — офицерами (прапорщиками и подпоручиками). На должности дежурных офицеров-воспитателей назначались офицеры гвардии, прививавшие воспитанникам строгую военную дисциплину. Правда, в конце 50-х годов, когда наконец стало очевидным, что специальные горно-геологические знания трудно увязать и совместить с учебным заведением чисто военного образца, муштра несколько поослабла. А. П. Карпинский вспоминал, что в это время Горный институт имел

---

¹ Ленинградский горный институт. Юбилейный сб., 1773—1923, Л., 1926, с. 26.

«полувоенный строй с постепенно ослабевавшей, затухавшей военной дисциплиной».²

Итак, вскоре после смерти Петра Михайловича все три его сына подали прошение о зачислении их в Горный институт. 14 марта 1857 г. Александра Карпинского записали «кандидатом для поступления в штатные воспитанники»,³ но только в начале лета следующего года он отправляется в Петербург. От Екатеринбурга до Москвы добирались на лошадях, от Москвы до Петербурга — по железной дороге. И вот Александр на берегу Невы и, закинув голову, любуется красивым фронтоном здания, где ему практически безвыездно предстоит провести восемь лет. С волнением он поднимается по ступеням и, с трудом открыв массивную дверь, попадает в обширный вестибюль. Здесь, в Горном институте учились его отец и дед,⁴ получили высшее горное образование многие из фамилии Карпинских. Александр был двенадцатым Карпинским, прибывшим в Петербург в Горный институт, но его стали называть Карпинским «5ым», ведя счет по прямой линии — от его отца, Карпинского «1го».

Чтобы перейти в разряд штатных воспитанников, Александру надлежало держать вступительные экзамены. Они состоялись 7 августа 1858 г., и он «...оказал следующие познания:

из Закона Божия	10 баллов
из русского языка	8 »
из французского языка	6 ^{1/2} »
из немецкого языка	7 »
из арифметики	6 »
из географии	7 »

Итого 44^{1/2} балла».

Инспектор классов подполковник П. А. Олышев начертал: «согласно испытанию может поступить в первый подготовительный класс».⁵ Итак, с 7 августа 1858 г. Кар-

² Карпинский А. П. Краткие воспоминания о Горном институте за период 1858—1866 гг. — Зап. Горного ин-та, 1928, т. VII, вып. 2, с. 7.

³ ГИАЛО, ф. 963, оп. 1, д. 8485, л. 1.

⁴ Дед Александра Петровича, М. М. Карпинский, закончил Горное училище в 1799 г., когда это здание еще не было построено.

⁵ ГИАЛО, ф. 963, оп. 1, д. 8485, л. 61.

пинский «5ый» — воспитанник Петербургского корпуса горных инженеров.

Что же ожидало 11-летнего Александра за дверьми этого старейшего специального высшего учебного заведения России? Известный русский геолог, профессор Горного института Д. И. Соколов в увлекательных «Исторических и статистических описаниях» своего родного института вспоминает: «Питомцы Корпуса встают от сна, в учебные дни — в шесть, а в праздничные — в семь часов. Через полчаса строятся они во фронт по своим комнатам и бывают осматриваемыми на счет чистоты и опрятности».⁶ Под жильё воспитанникам отводилось 24 комнаты. Д. И. Соколов продолжает: «Как постельное белье воспитанников, так и носильное ими сменяется дважды в неделю. Всеми пособиями к соблюдению чистоты и опрятности снабжаются они с избытком. Обувь и платье их чистят каждое утро комнатные служители».⁷

Под барабанный бой кадеты строились в две шеренги (по отделениям) и маршировали в малый рекреационный зал, т. е. помещение для отдыха между уроками. После их осмотра они направлялись в большой рекреационный зал, где сходились обе роты, и оттуда — в столовую. Вместо чая на завтрак полагался стакан сбитня с молоком (горячий напиток на меду с разными специями) и круглая булочка. Затем кадеты расходились по отделениям и около часа готовили дообеденные уроки. В 9 часов обе роты маршировали в классы; в 12 часов — краткий перерыв, во время которого «кухонные солдатики» разносили по классам черный хлеб с солью; с 13 до 14 часов — военные занятия либо уроки пения, музыки, фехтования, гимнастики и танцев; в 14³⁰ — обед. «Кормили нас вообще недурно», — вспоминает Ал. Кавадеров. До вечерних занятий — свободное время, в 19 часов садились за уроки, в 21 — ужин, в 22 — отбой.

Как видим, день насыщен до предела. Послабления допускались только в праздничные дни: чуть позже подъем, обед из четырех блюд, отпуск к родственникам или «подготовка к театральным представлениям». Иногда в праздники воспитанники строем отправлялись на экскурсии в Кунсткамеру, в Эрмитаж или Академию художеств.

---

⁶ Ленинградский горный институт. Юбилейный сб., с. 28,

⁷ Там же.

Возили их и за город, показывая обнажения пород по берегам рек, разработки песчаных карьеров, производство на заводах и фабриках.

Красивое зрелище представлял строй кадетов Корпуса горных инженеров, старательно марширующих вдоль гранитных парапетов Невы. Привлекала прежде всего их форма: синие мундирчики с черным бархатным воротником и красной выпушкой, на голове — кивер; на боку — тесак на черной кожаной портупее. Возглавляли колонну молодцеватые офицеры лейб-гвардии Финляндского полка — по 4 офицера на каждое отделение, а отделения формировались по возрасту. Огорчало Александра только одно: он всегда замыкал строй, ибо был самым низкорослым из всех воспитанников Корпуса. Низенький, плотный, почти квадратный, — ни дать ни взять «чемодан», как его и прозвали товарищи по отделению. Но в обиду себя он не давал, да и обижали его редко. Незлобивый и прямодушный характер располагал к себе, и у Александра практически не было «врагов», которые бы лезли к нему с кулаками. Ну, а если и случалось, то он мог постоять за себя, да и два старших брата всегда приходили на помощь. Вспоминая свои первые годы в Корпусе горных инженеров, Александр Петрович отмечал: «Я лично никакой обиды не испытывал».⁸ Несомненно, так оно и было.

Воспитание с детских лет в закрытом учебном заведении, где кадеты жили замкнутой, сравнительно однообразной жизнью, могло бы дурно сказаться на их характере и наклонностях, но этого не случилось, как дружно заверяют и А. П. Карпинский и Ал. Кавадеров. «В мое время, — пишет Ал. Кавадеров, — направление, которого держались кадеты, было поистине прекрасное. Все неприглядное в нравственном отношении, как-то заискивание, лесть, обман, ложь, скупость, попрошайство и вообще все гаденькие и нечестные поступки, строго порицались и клеймились презрением большинства».⁹

Основное время, естественно, посвящалось учебе. Конец 50-х годов прошлого века для Горного института ознаменовался еще и тем, что утратило силу жесткое разделение на разряды — горный и заводской. Воспитанники овла-

⁸ Карпинский А. П. Краткие воспоминания о Горном институте. ., с. 12.

⁹ Кавадеров Ал. Воспоминания о Горном корпусе. — Русская старина, 1905, т. 123, с. 440.

девали поэтому значительно большим числом предметов, что положительно сказывалось на их дальнейшей самостоятельной работе. Это было «энциклопедическое время», как назвал его впоследствии Александр Петрович. Не травили кадеты время и на зубрежку древних языков в младших классах, да и другие предметы не делились на «гимназические» и «высшие», а «многие из наук высшей школы и часто в соответствующем объеме преподавались еще, так сказать, в гимназическом отделе закрытого института».¹⁰ Так, в младших классах изучалась вся теоретическая химия, включая химию органическую, вся физика, кристаллография, минералогия, начертательная и аналитическая геометрия, дифференциальное исчисление, зоология, ботаника, а также гражданские законы и ряд других наук.

Учился Александр Карпинский прекрасно. Его интересовало все, а великолепная память и пытливый ум значительно облегчали усвоение многочисленных и весьма трудных предметов. За окончание подготовительной ступени он получил из рук директора института С. И. Волкова похвальную грамоту. Кроме того, за «отличное благонаравие, прилежание и успехи в науках» воспитанник 4-го подготовительного класса Карпинский «5ый» награжден книгой.¹¹ Так пролетели первые четыре года учебы. Но впереди предстояло самое интересное: старшие (кондукторские), а затем и офицерские классы, где уже изучают серьезные науки, где читаются лекции по палеонтологии и геогнозии, где можно выполнять первые самостоятельные исследования, сидя в музее за определением незнакомых раковин или изучая состав и кристаллографическую форму какого-нибудь редкого минерала. Да и сама структура института начинает претерпевать серьезные изменения, которые в конечном итоге не замедлили благотворно сказаться на уровне подготовки воспитанников. Изменения эти были вызваны отчетливо проявившимися недостатками — следствием проведения в жизнь «военизированного» устава 1848 г., предписывающего: а) прием воспитанников с 12-летнего возраста, когда еще практически невозможно выявить ни их способностей, ни призвания; б) сокращенный до 4 лет общий (гимназический)

¹⁰ Карпинский А. П. Краткие воспоминания о Горном институте..., с. 9.

¹¹ ЛО ААН, ф. 265, оп. 2, д. 5, л. 3.

курс обучения, вследствие чего большинство воспитанников оказывались неподготовленными к прохождению специальных курсов; в) отсутствие практических занятий, что при подготовке горных инженеров является недопустимым.

В 1851 г. герцог М. Лейхтенбергский возбудил ходатайство об изменении прежнего устава института. Был разработан проект нового, устранявшего перечисленные недостатки, но министр финансов «не давал ему хода», желая якобы увязать его основные положения с готовившимся в то время новым университетским уставом, утвержденным Александром II только в 1863 г., а еще через два года, в 1865 г., был введен и новый устав Горного института, по которому последний стал открытым учебным заведением. Однако еще до его официального утверждения в Горном институте стали ощущаться веяния будущих нововведений: с 1861 г. прекратили прием воспитанников в начальные классы; постепенно уменьшилось число часов, отводимых военным занятиям, которые вскоре и вовсе прекратились; в 1865 г. была упразднена военная форма воспитанников Горного института, а старшие из них получают разрешение жить на частных квартирах. Именно в этот переходный для института период и обучается в нем Александр Карпинский. Он одним из последних поступает кадетом в начальный класс и заканчивает институт с курсом, выпущенным последним с присвоением воинского чина.

Но пока до окончания института остается еще четыре года, в течение которых Александру Карпинскому предстоит слушать специальные геологические и горнотехнические дисциплины, и он с упоением отдается этим занятиям. В это время в Горном институте большинство предметов вели выдающиеся педагоги и ученые, много лет состоявшие профессорами института и членами Академии наук. Назовем некоторых из них.

Высшую математику читали И. И. Сомов и Г. А. Тиме. Перу академика Иосифа Ивановича Сомова принадлежат специальные курсы по аналитической и начертательной геометрии для студентов Горного института. Но сферой его личных интересов преимущественно была теория эллиптических функций, и за одну из работ на эту тему он в 1850 г. получил от Академии наук Демидовскую премию. (Отзывы о работе дали В. Я. Буняковский и

М. В. Остроградский). После смерти М. В. Остроградского в 1862 г. И. И. Сомов был избран в Академию наук. С его уходом туда (1865 г.) кафедру математики в Горном институте занял Георгий Августович Тиме, преподававший до этого математику в младших классах, в том числе и Александру Карпинскому. Сам Г. А. Тиме также закончил Горный институт еще в 1853 г., а увлеченностью математикой обязан своему учителю И. И. Сомову. К сожалению, А. П. Карпинский не оставил своих воспоминаний о Г. А. Тиме, одной из своеобразных фигур Горного института второй половины XIX в., занимавшего кафедру математики без малого 50 лет. Но такие воспоминания оставили другие ученики Г. А. Тиме более позднего времени — академики М. А. Павлов и А. Н. Крылов. М. А. Павлов вспоминает: «С первого взгляда по нервным подергиваниям рук и лица было видно, что человек он не вполне нормальный. Между прочим, он не мог держать в руке мел. Если требовалось писать на доске, то это делал студент под диктовку Жоржа (так за глаза называли Г. А. Тиме студенты, — *С. Р.*). Когда студент чего-нибудь не понимал или путал, то Тиме нервничал, разбивал мел о доску».¹² Кроме Горного института, Г. А. Тиме одно время читал математику в Военно-Морской академии. «В свои лекции он не вносил ничего оригинального, — пишет А. Н. Крылов, — а придерживался почти буквально какого-либо учебника, не указывая, какого именно... Читал он ясно и отчетливо, но все это можно было найти в других учебниках».¹³

Физике молодой А. П. Карпинский обучался у члена-корреспондента Академии наук Р. Э. Ленца (сын известного физика академика Э. Х. Ленца), а химии — у горного инженера Н. А. Иванова, ученика знаменитого Г. И. Гесса. Последний осуществил коренную ломку преподавания химии в Горном институте: ввел занятия по аналитической химии, т. е. реализовал лабораторный принцип обучения химии, а практические занятия проводил на образцах руд, что, естественно, повышало интерес к химии у будущих горных инженеров. В таком же ключе преподавал и Н. А. Иванов. Именно ему обязан А. П. Карпинский своей любовью к химической науке и

¹² Павлов М. А. Воспоминания металлурга. Ч. 1 и 2. М.—Л., 1943, с. 43.

¹³ Крылов А. Н. Мои воспоминания. М.—Л., 1945, с. 109—110.

дальнейшим собственным разработкам методик определения точного химического состава руд и горных пород.

Александр Карпинский слушал лекции Г. А. Иосса и Н. А. Кулибина по металлургии, галургии, горному и пробирному искусствам, П. А. Ольшева — по маркшейдерскому искусству, горной и прикладной механике, В. В. Бека — по неорганической химии и горной статистике, А. С. Татаринова — по горному искусству. Но особый интерес будущий «отец русской геологии», разумеется, питал к геологическим дисциплинам, преподавание которых в те годы в Горном институте было связано с именами таких маститых геологов, как Г. П. Гельмерсен, В. Г. Ерофеев, П. В. Еремеев, П. А. Пузыревский и, наконец, Н. П. Барбот де Марни.

Первые представления о предметах геологической науки воспитанники получали еще в гимназических классах, знакомясь с так называемой приготовительной минералогией по коллекциям пород музея и живым рассказам о природе камня. Большим подспорьем процессу преподавания была прекрасно выполненная учебная шахта, сооруженная на пригорке, неподалеку от «директорского двора». Кадетам очень нравилось спускаться в нее со свечками в руках. Ее многочисленные галереи, кваршлагги и штрекы были точной копией «взаправдашней» шахты, а вделанные в стены образцы руд и минералов, искусно имитирующие настоящие месторождения, давали будущим геологам и горнякам наглядное представление об объектах, которые им предстояло разведывать и изучать по окончании института.

В двух первых специальных классах читалась уже описательная минералогия, содержащая последовательную характеристику минералов различного химического состава: карбонатов, галоидов, силикатов и т. д. Основным учебным руководством по кристаллографии и минералогии были в то время «Лекции по минералогии» Н. И. Кокшарова, опубликованные в 1863 г. При Александре Карпинском эти дисциплины вел крупнейший русский минералог, будущий академик Павел Владимирович Еремеев, прекрасный педагог и блестящий лектор. Академик М. А. Павлов, слушавший лекции П. В. Еремеева в начале 80-х годов, вспоминал: «Это был оратор в истинном значении слова — человек, не употреблявший никаких замысловатых фраз, говоривший простым русским

языком, но так, что все сказанное представлялось совершенно ясным и хорошо запоминалось. Должен сказать, — продолжает М. А. Павлов, — что хотя кристаллография, т. е. учение о форме, которую имеют кристаллы, казалась весьма сухой наукой, но лекции Еремеева были настолько интересны, что всех студентов положительно захватывали.¹⁴ Студенты прозвали П. В. Еремеева «гениальнейший аббат Гаюи», к авторитету которого он часто обращался в своих лекциях.

П. В. Еремеев, сам бывший питомец Горного института, долгое время работал помощником смотрителя музея при институте, а с 1854 по 1862 г. — еще и помощником инспектора классов. С 1866 г. он — профессор минералогии и кристаллографии, хотя лекции по этим предметам читает с 1857 г. Его собственные научные интересы относились к области морфологической и описательной минералогии. «П. В. Еремеев, — отмечал А. П. Карпинский, — в последнее время являлся в России наиболее видным представителем так называемой описательной минералогии, каким он признавался и за пределами нашего отечества». И далее: «С особенным увлечением и любовью П. В. Еремеев занимался исследованием псевдоморфических минералов, этих интереснейших продуктов, свидетельствующих о ряде процессов, видоизменяющих минеральные вещества и проливающих свет на замечательные геологические явления, совершающиеся в крупном размере».¹⁵ Много и успешно он занимался кристаллографическим описанием и гониометрическими измерениями минералов. У него обучилось не одно поколение геологов. Ф. П. Брусницын, родной брат жены Александра Петровича, закончивший Горный институт в 1872 г., когда А. П. Карпинский уже работал там преподавателем, вспоминает: «Если среди моих сверстников встречается немало людей, серьезно и беззаветно преданных науке и горному делу, то нельзя не признать одной из важных причин для этого — влияние примера такого преданного науке, преподаванию и молодежи учителя, каким был Павел Владимирович».¹⁶ А вот слова академика Ф. Н. Чернышева, также одного из учеников П. В. Еремеева: «Есть два типа педагогов: одни сосредоточивают все вни-

¹⁴ Павлов М. А. Воспоминания металлурга, с. 42.

¹⁵ Зап. С.-Петерб. минер. об-ва, 1899, ч. 37. Протоколы, с. 5—7.

¹⁶ Там же, с. 25.

мание на наиболее талантливых учениках, главным образом стремятся к созданию в лице их способных ученых и мало заботятся об уровне знаний большинства своих слушателей; другие же, напротив, более всего заботятся о том, чтобы заронить искру любви к науке у самого последнего из своих учеников и внушить ему интерес к изучаемому предмету... Бесспорно, почтенна задача профессоров первого рода; но для общих культурных целей, на мой взгляд, гораздо почтеннее наставники второго типа, стремящиеся развить любовь и интерес к излагаемому предмету в общей массе своих слушателей. Таким наставником, бесспорно, и был Павел Владимирович».¹⁷ Умер он 6 января 1899 г.

Одним из любимых педагогов Александра Карпинского был профессор палеонтологии Василий Гаврилович Ерофеев, в последние годы учебы молодого Карпинского в институте состоявший еще и инспектором классов. Живые, образные рассказы В. Г. Ерофеева об обитателях древних морей, о том, как по ископаемым остаткам, нередко очень плохой сохранности, можно восстановить прижизненный облик животного, а также условия его обитания, настолько заинтересовали Александра Карпинского, что он сам все последующие годы с особым тщанием исследовал все так называемые проблематики и достиг в этом выдающихся успехов. В. Г. Ерофеев, помимо палеонтологии, много и серьезно занимался чисто геологическими изысканиями. А. П. Карпинский указывал, что особенно важное значение имели исследования, произведенные В. Г. Ерофеевым в Славяно-Бахмутской соленосной области. По точному его указанию «была найдена подземная залежь каменной соли, что, как известно, дало начало развитию в упомянутой области новой отрасли горной промышленности».¹⁸

После окончания Горного института А. П. Карпинский не расставался со своим учителем и уже будучи профессором этого учебного заведения (В. Г. Ерофеев в это время был его директором), и находясь в должности старшего геолога Геологического комитета (В. Г. Ерофеев — опять же директор). Всю жизнь Александр Петрович

¹⁷ Там же, с. 3.

¹⁸ Изв. Геол. комитета, 1884, т. III, № 8, с. 3. Следует заметить, что к этому открытию был непосредственно причастен и сам А. П. Карпинский.

Василий Гаврилович Ерофеев (1822—1884).

хранил литографированный курс лекций В. Г. Ерофеева по палеонтологии («Ископаемые моллюски»), изданный еще в 1856 г., не раз обращаясь к нему в своей собственной педагогической работе.¹⁹

Геологические курсы в Горном институте, т. е. собственно геологию, геогнозию (историческую геологию) и месторождения полезных ископаемых, во время учебы Александра Карпинского вел крупнейший русский геолог и талантливый педагог профессор Николай Павлович Барбот де Марни. Ученик академика Г. П. Гельмерсена, он в своей педагогической работе во многом следовал принципам и методам преподавания своего учителя, т. е. давал широкий охват проблемы, обширно иллюстрируя излагавшуюся тему фактическим материалом. Собственные исследования Н. П. Барбота де Марни были весьма разнообразны как по тематике, так и по охвату территории России. Он проводил полевые работы почти во всех

¹⁹ ЛО ААН, ф. 265, оп. 7, д. 24.

губерниях Европейской России и считался непревзойденным знатоком геологии Херсонской, Курской, Харьковской, Екатеринославской, Киевской, Волынской, Подольской, Рязанской, Воронежской, Симбирской, Саратовской, Тамбовской и других губерний. Незадолго до смерти (настигшей его 4 апреля 1877 г. в Вене на 46 году жизни) Н. П. Барбот де Марни был занят систематическим изложением результатов своих геологических исследований, составляя сводное описание геологического строения Европейской России. «Пользуясь расположением покойного, — с грустью отмечает А. П. Карпинский, — я имел случай ознакомиться с частью этого сочинения в рукописи и могу только высказать глубокое сожаление, если этому замечательному и обширнейшему труду не суждено будет появиться в печати». Давая высокую оценку геологических работ своего учителя, Александр Петрович заключает: «Язык их ясен, прост и точен, без всяких лишних слов».²⁰ К слову сказать, и работы ученика в точности подпадают под эту характеристику.

Лекции Н. П. Барбота де Марни, быть может, и не такие яркие и увлекающие красотой слога, как у его коллеги по институту П. В. Еремеева, отличались строго последовательным изложением материала, согласно ясной и точно выработанной системе. А. П. Карпинский вспоминал: «О лекциях его в Горном институте я, как ученик Николая Павловича, могу сказать, что они отличались строгой научностью, систематичностью, редким умением разграничивать наиболее существенное от фактов и явлений сравнительно меньшего значения; к достоинствам же изложения должно отнести простоту, ясность и в особенности точность определений».²¹

Занятия у таких талантливых педагогов и крупнейших русских ученых несомненно помогли Александру Карпинскому выбрать направление своей будущей деятельности: еще до окончания института он твердо решил посвятить себя геологии и прежде всего изучению геологического строения и полезных ископаемых родного ему Урала. Уже на склоне лет Александр Петрович так оценивал время своего пребывания в Корпусе горных инженеров: «Лично для меня переходное состояние института

---

²⁰ Зап. С.-Петербург. минер. об-ва, 1878, ч. 13, с. 398.

²¹ Там же, с. 399.

*А. П. Карпинский в форме поручика
по окончании Горного института,
1866 г.*

случилось очень благоприятно: оно не задержало моего выпуска и в то же время дало возможность ознакомиться с некоторыми научными течениями, ушедшими впоследствии из институтского преподавания». ²² (Подразумевается курс политической экономии, который одно время читался на последнем году обучения воспитанников).

Мы уже отметили, что отсутствие деления на горный и заводской разряды в переходный для института период обеспечило возможность любознательным студентам слушать много смежных дисциплин, давая, таким образом, широкие знания в области горного дела. А. П. Карпинский писал: «И как бы ни казалась на первый взгляд узкой избранная им (студентом, — С. Р.) специальность (например доменная или медная плавка), каждый инже-

²² Карпинский А. П. Краткие воспоминания о Горном институте..., с. 9—10.

нёр, чтобы быть не только выдающимся, но вообще хорошим работником, должен быть настоящим ученым в своей и тесно соприкасающихся областях».²³ Сам Александр Петрович в геологической науке был, как хорошо известно, энциклопедистом, геологом-универсалом, с равным успехом работавшим и как петрограф, и как стратиграф, и как палеонтолог, и как специалист по рудным и нерудным полезным ископаемым. Этим он обязан не только объективным факторам, прежде всего нарастанием геологической науки на узкие и относительно обособленные дисциплины, не только своему исключительному природному дарованию, но и обучению в Горном институте в переходный, наиболее благоприятный для его воспитанников период.

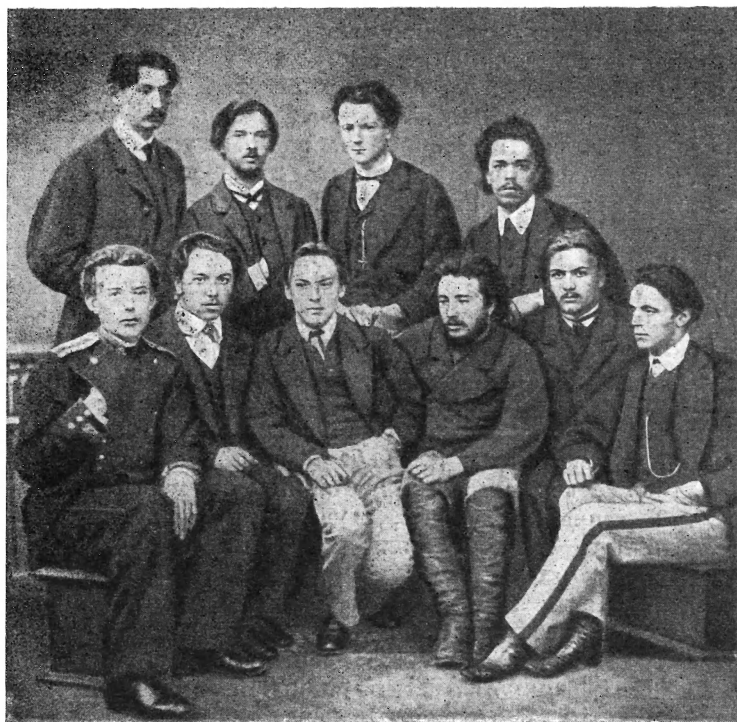
Студенческая жизнь в Корпусе горных инженеров не замыкалась на одну только учебу. Студентов во все времена отличала живость интересов, чуткая и непосредственная реакция на происходящие в стране события, тяга к искусству и вольной жизни. Не составляли исключения и студенты Горного института 60-х годов прошлого века. Большой подъем испытало студенчество под влиянием крестьянской реформы 1861 г., реформы судопроизводства (гласность, присяжные, адвокатура), резких послаблений цензурного деспотизма и, наконец, университетской реформы 1863 г., по которой российские университеты получили относительную автономию. В том же году были отменены телесные наказания, запрещены избиения шпицрутенами в армии и плетью в полиции. Все эти прогрессивные нововведения были, разумеется, не от щедрот царизма, а явились вынужденной мерой, реакцией на нарастающий революционный подъем в стране.²⁴ В частности, университетская реформа была вызвана усилением студенческой активности в конце 50-х—начале 60-х годов. В апреле 1861 г. император заявил министру народного просвещения, что студенческие волнения ему надоели и он намерен закрыть некоторые университеты,²⁵ и так как сходки студентов и активный бойкот занятий не прекращались, то в декабре 1861 г. Петербургский университет был закрыт. Разумеется, не стояли

---

²³ Там же, с. 9.

²⁴ Революционное движение 1860-х годов. М., 1932.

²⁵ «Современный мир», 1907, № 9.

А. П. Карпинский среди молодых горных инженеров (начало 70-х годов). Стоят (слева направо): М. Муфель, А. В. Романов, М. О. Долгополов, Алексей Петрович Карпинский; сидят: В. П. Деви, Александр Петрович Карпинский, Ф. П. Брусницын, В. Богачев, Комаров, Данилов.

в стороне от этих событий и студенты Института корпуса горных инженеров, хотя в условиях закрытого учебного заведения они не могли проявить такую же активность, как их университетские товарищи.

Разнообразен был досуг студентов-горняков. После муштры и казарменного режима одни студенты, обретя относительную свободу полужакрытого учебного заведения, окунулись в нее с головой, желая наверстать упущенное и не пропустить ничего, что можно урвать от жизни в столичном городе, пока их не отправили на работу в «медвежьи углы» России: посещали трактиры, уве-

селительные заведения сомнительного толка, «откуда при очень пошатнувшейся дисциплине возвращались поздно, а иногда и с повышенным настроением и пониженным сознанием».²⁶ Других же свободный выход из стен института приводил в библиотеки, музеи, театры. «Я лично, — пишет Александр Петрович, — часто предпочитал два дня не обедать, чтобы раз на галерке прослушать оперу».²⁷ Любимым его композитором той поры был М. И. Глинка. На летние каникулы Александр Карпинский оставался в Петербурге, ибо денег для поездки в Екатеринбург у него, разумеется, не было. «Летом воспитанники, не уезжавшие к родным или на практику, — продолжает свои воспоминания Александр Петрович, — переезжали на дачи, где старшие вели топосъемку. Ставили там и спектакли, приглашая окрестную публику. Увлечение музыкой привело к организации собственного оркестра. Исполняли даже увертюру к „Свадьбе Фигаро“ Моцарта».²⁸

С 1865 г., когда Александр Карпинский перешел в последний офицерский класс, студенты получили практически полную свободу. Дали даже стипендию — 25 руб. в месяц. Для многих эта свобода оказалась роковой: они так и не смогли преодолеть последний барьер — выпускной класс и перешли в разряд «вечных студентов». «Некоторые из бывших моих товарищей в младших и средних классах, — пишет А. П. Карпинский, — были впоследствии моими учениками, когда через три года по выходе из института я начал преподавать на последнем его курсе».²⁹

Итак, учеба позади. Подводные рифы соблазнов вольной студенческой жизни Александр Карпинский преодолел без труда. 11 июня 1866 г. он вторым по успеваемости заканчивает Горный институт и получает «Свидетельство», т. е. диплом.

Окончивший с полным успехом курс учения в Институте корпуса горных инженеров Александр Карпинский за прилежа-

---

²⁶ Карпинский А. П. Краткие воспоминания о Горном институте..., с. 11.

²⁷ Там же, с. 13.

²⁸ Там же, с. 11.

²⁹ Там же, с. 12.

ние и отличные успехи в науках награжден малою золотою медалью, в чем свидетельствуем с приложением казенной печати.

Директор института генерал-лейтенант Гельмерсен Г. П.
Инспектор классов полковник Ерофеев В. Г.³⁰

Для рода Карпинских Петербургский горный институт стал традицией. Практически вся мужская часть этой фамилии, о чем свидетельствует ниже приведенный список, в разные годы получила в этом институте специальность горного инженера.

Карпинский Михаил — в 1799 г. (дед Александра Петровича).
Карпинский Александр — в 1825 г. (дядя Александра Петровича).
Карпинский Михаил — в 1829 г. (дядя Александра Петровича).
Карпинский Петр — в 1829 г. (отец Александра Петровича).
Карпинский Петр — в 1846 г.
Карпинский Илиодор — в 1848 г.
Карпинский Николай — в 1852 г.
Карпинский Леонид — в 1864 г.
Карпинский Павел — в 1864 г.
Карпинский Михаил — в 1865 г. (брат Александра Петровича).
Карпинский Алексей — в 1865 г. (брат Александра Петровича).
Карпинский Александр — в 1866 г.

В дальнейшем Александр Петрович отдал Горному институту 30 лет своей жизни, работая в нем сначала адъюнктом, затем профессором, и питал к нему самые нежные, теплые чувства. Е. А. Толмачева писала: «Александр Петрович до самого конца своей жизни относился к институту с особой любовью, я бы сказала, с нежной любовью» [148, с. XI]. Свой родной институт он называл просто «Горный», а когда в 1923 г. отмечалось 150-летие со дня его основания, А. П. Карпинский был выбран почетным председателем юбилейной комиссии.

Глава 3. Адъюнктская диссертация

Итак, восемь лет напряженной учебы позади. А. П. Карпинский в новой форме поручика и с дипломом горного инженера в кармане покидает ставший ему родным Горный институт, а вместе с ним и полюбившийся красавец-город на Неве. Он молод — ему только 19 лет. И хотя жаль расставаться с любимыми профессорами, друзьями, со всем тем, что стало ему привычным

---

³⁰ ЛО ААН, ф. 265, оп. 2, д. 5, л. 1.

и близким за эти годы, он стремится как можно быстрее начать самостоятельные исследования, проверить себя, свои знания в практической работе геолога. А едет он на Урал! Сам Александр Петрович вспоминал впоследствии, что оканчивавшие Горный институт могли определяться на работу «по собственному усмотрению» в один из горнозаводских районов России, и он, не задумываясь, выбирает Урал, «где родился и провел детские годы».¹ Там, в Екатеринбурге, — его мать, сестра, много родных и близких ему людей, его родина, корни старинной горняцкой фамилии Карпинских.

Приказом по Корпусу горных инженеров с 28 июня 1866 г. А. П. Карпинский поступает в распоряжение главного начальника Уральских горных заводов. Лето этого года он проводит в Екатеринбурге и его окрестностях, знакомясь главным образом с горными работами: посещает рудники, горноперерабатывающие предприятия. Но не этот род деятельности, при всей ее важности, влечет его. Он стремится к изыскательской работе, геологическим исследованиям. И уже 2 сентября 1866 г., уступая его настойчивым просьбам, главный начальник Уральских горных заводов переводит А. П. Карпинского в Златоустовский округ и определяет в помощники к известному в то время геологу, также уроженцу Урала и дальнему родственнику А. П. Карпинского, Геннадию Даниловичу Романовскому.² Именно ему обязан Александр Петрович приобретением первых самостоятельных навыков полевого геолога. Некоторое время в маршруты они ходят вместе, но вскоре, убившись в недюжинных способностях своего помощника, Г. Д. Романовский стал поручать ему самостоятельные наблюдения. Партия их была небольшой: два геолога и двое рабочих.

¹ Карпинский А. П. Урал и Уральская сессия Академии наук. Собр. соч., т. II. М.—Л., 1939, с. 425.

² Г. Д. Романовский (1830—1906) родился на Миасском заводе Оренбургской губернии. Горный институт закончил в 1851 г. Занимался геологическими исследованиями во многих губерниях Европейской России. Объездил Урал и Среднюю Азию. С 1871 г. — профессор кафедры горного искусства в Горном институте, с 1875 по 1879 г. работает в Средней Азии, где выдвигается как видный палеонтолог. Затем вновь (до выхода в отставку в 1896 г.) работает в Горном институте. Он известен как инициатор широкой постановки буровых работ при геологических исследованиях. Ввел так называемое паровое бурение скважин.

Вечерами у костра рассматривали принесенные образцы, наносили на карту изученные обнажения. Уже тогда Александра Петровича как геолога отличала исключительная наблюдательность, точность описания увиденного и умение составить целостную картину из, казалось бы, разрозненных фактов.

Высокую оценку способностям своего молодого помощника Г. Д. Романовский дал в рапорте Горному департаменту от 29 февраля 1868 г. В нем, в частности, есть такие строки: «... горный инженер Карпинский 7ой (с этой нумерацией была постоянная путаница: в Горном институте Александр Петрович официально значился как Карпинский 5ый, а в делах Горного департамента — почему-то как Карпинский 7ой, — *С. Р.*), бывши временно прикомандирован ко мне по приказанию г. Директора Горного департамента, настолько любознателен и сведущ в геологических науках, что я осмеливаюсь заявить Горному департаменту о пользе зачисления этого способного инженера по Главному Управлению для геологических исследований».³ Этот рапорт вскоре сыграет свою положительную роль в дальнейшей судьбе начинающего геолога.

А пока Александр Петрович продолжает работать на Урале, в Златоустовском округе, где пробыв год, получает свое первое повышение по службе: с 1 августа 1867 г. ему дают вполне самостоятельную работу, назначив смотрителем Миасских золотых промыслов. Но 1 декабря того же года он едет в Петербург, в отпуск, и непредвиденно для себя остается там, получив приглашение от своего учителя Н. П. Барбота де Марни заняться преподавательской и научной работой в Горном институте. Мы знаем теперь, что этим он обязан прежде всего Г. Д. Романовскому, давшему прекрасную аттестацию А. П. Карпинскому как практическому геологу. Александр Петрович так описывает свою недолгую самостоятельную работу на Урале: «В течение 2½ лет (ошибка: Карпинский работал на Урале с 28 июня 1866 г. по 1 декабря 1867 г., — *С. Р.*) я занимался на Урале, кроме быстрого ознакомления с металлургическими и механическими горнозаводскими производствами и самостоятельных геологических исследований, главным образом поисками и разведками золотоносных россыпей, поисками

---

³ ЦГИА, ф. 37, оп. 53, д. 399, л. 1 об.

свинцовых руд, а также геологическими наблюдениями в Зауральской степи и изучением рудных месторождений восточного склона Урала, в качестве прикомандированного к одному русскому геологу (Г. Д. Романовскому, — С. Р.), которому я и обязан тем, что, приехав в Петербург по частному поводу, я неожиданно получил предложение вернуться в институт».⁴

Вопрос о назначении А. П. Карпинского адъюнктом Горного института решался более года, так как по закону прежде должна быть защищена адъюнктская диссертация. И Александр Петрович целыми днями работает над ней в лабораториях института — сам делает химические анализы привезенных им с Урала образцов пород, сам изготавливает шлифы и тщательно исследует их под микроскопом. К началу 1869 г. она готова. Тему он избрал петрографическую — «Авгитовые породы деревни Мулдакаевой и горы Качканар». Н. П. Барбот де Марни дал высокую оценку диссертации, и по его рекомендации она была опубликована в «Горном журнале» за 1869 г. Это — первая печатная работа А. П. Карпинского. 11 мая 1869 г. он ее успешно защищает на Совете института и с 15 мая утверждается адъюнктом кафедры геологии, геогнозии и рудных месторождений, став, таким образом, ближайшим сотрудником профессора Н. П. Барбота де Марни.

Адъюнктская диссертация А. П. Карпинского заслуживает подробного рассмотрения. Но прежде — немного об истории петрографии во второй половине XIX в. В 1828 г. английский физик У. Николь изобретает поляризационную призму, с помощью которой появилась возможность исследовать кристаллооптические свойства минералов. Вмонтированная вскоре в микроскоп, она ознаменовала собой новую эру в петрографии — появление микроскопического метода, позволившего детально и точно изучать минералогический состав горных пород по специально изготовленным шлифам. Идея шлифов и первые опыты их использования принадлежат англичанину Г. Сорби, который своими работами показал, что исследование в шлифах структуры горной породы проливает свет на происхождение минералов и породы в целом, не говоря уже о значительном повышении точности диагно-

⁴ Карпинский А. П. Краткие воспоминания о Горном институте за период 1858—1866 гг. — Зап. Горного ин-та, 1928, т. VII, вып. 2, с. 14.

*Александра Павловна Брусницына,
невеста А. П. Карпинского, 1872 г.
(Публикуется впервые).*

стики составляющих породу минералов. С 1858 г., т. е. с момента появления основополагающих работ Г. Сорби (Sorby), и ведет летосчисление микроскопический метод изучения горных пород — петрография, в современном ее понимании. Работы Г. Сорби и его методика изучения тонких и прозрачных срезов горных пород в поляризованном свете под микроскопом привлекли к себе внимание геологов многих стран. Одними из первых оценили огромные преимущества нового метода русские геологи: в 1868 г. шлифы изготавливает А. А. Иностранцев, а в 1869 г. — А. П. Карпинский.

Введение микроскопа в практику петрографических исследований революционизировало целую науку. В 1923 г. академик Ф. Ю. Левинсон-Лессинг писал: «Быть может, нет другой науки, в которой можно было бы указать такой резкий перелом, как тот, который совершился в начале 60-х годов прошлого столетия в пет-

рографии».⁵ Огромной заслугой А. П. Карпинского, только начинавшего свой путь в науке 22-летнего горного инженера, является то, что он одним из первых в России оценил неограниченные возможности микроскопического метода в петрографии и с успехом использовал его в первой же своей самостоятельной научной работе.

Адъюнктская диссертация А. П. Карпинского состоит из двух самостоятельных разделов: авгитовая порода деревни Мулдакаевой и пироксеновая порода горы Качканар. Материал для нее Александр Петрович собрал за время своей самостоятельной работы на Урале менее чем за год. В начале статьи он пишет: «Я считаю нелишним заметить, что ответственность за сообщаемые в настоящей статье факты должна лежать на мне, так как почти все они основаны на моих личных наблюдениях».⁶ Как видим, чувство ответственности перед научным фактом проявилось у него в первой же самостоятельной работе.

Авгитовая порода, найденная А. П. Карпинским близ деревни Мулдакаево, что в Миасском горном округе Южного Урала, представляет собой карбонатизированный уралит-авгитовый сланец. «Порода имеет почти всегда сланцеватое строение, — сообщает Александр Петрович, — очень часто в весьма высокой степени. Сложение породы всегда зернистое. Довольно ясно распознаются три следующие составные части: известковый шпат, авгитовый минерал и минерал красного цвета, природу которого по наружному виду определить невозможно».⁷ По составу порода не принадлежала ни одному из известных в то время видов горных пород. Неясно было также, является ли она первично осадочной или магматической. А. П. Карпинский предлагает для нее специальное название, «так как отличительный ее петрографический характер дает ... достаточный для этого повод». Он называет ее мулдакаитом, «по местности, в которой она находится».⁸ Но его заинтересовал, конечно, и первичный состав этой необычной породы, для чего необходимо было выяснить, какие вторичные процессы привели к ее об-

---

⁵ Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Успехи петрографии в России. Пгр., 1923, с. 5.

⁶ Карпинский А. П. Об авгитовых породах деревни Мулдакаевой и горы Качканар на Урале. СПб., 1869, с. 9.

⁷ Там же, с. 5—6.

⁸ Там же, с. 8—9.

А. П. Карпинский — адъютант Горного института (до 1877 г.).

разованию. С этой целью он самостоятельно делает химические анализы мулдакаита⁹ и, изготовив (также самостоятельно) шлифы и тщательно исследовав их под микроскопом, получает следующие результаты (как среднее по трем анализам):

SiO ₂	CO ₂	Fe ₂ O ₃	FeO	MnO	Al ₂ O ₃	CaO	MgO	K ₂ O	Na ₂ O	H ₂ O
30.91	17.51	8.97	1.97	Сл.	4.55	28.86	4.91	0.4	1.02	0.92

Как выяснилось, в состав породы входят роговая обманка, уралит, авгит и незначительное количество гематита. А. П. Карпинский полагал, что мулдакаит — продукт изменения зеленых сланцев (авгит и полевые шпаты зеленых сланцев замещаются кальцитом), но не исключал и обратное течение процесса, допуская, что «сопредельный зеленый сланец мог образоваться из мулдака-

⁹ В настоящее время это название петрографами не используется.

ита».¹⁰ Академик Д. С. Белянкин, останавливаясь на этой работе А. П. Карпинского, отметил, что мулдакаит — это, несомненно, метаморфическая порода, генетически связанная с зелеными сланцами [16].

Столь же тщательно исследовал А. П. Карпинский и пироксеновую породу из горы Качканар, самой северной из «магнитных гор» Урала, которую ранее принимали за гиперстенит. Порода оказалась магнетит-авгитовым габбро.

Очень лестно о первой самостоятельной работе А. П. Карпинского отзывался Ф. Ю. Левинсон-Лессинг. Он, в частности, писал, что мулдакаит «представляет исторический интерес в трех отношениях: это — первая уральская порода, исследованная микроскопически, первая микроскопическая работа Карпинского и первая порода, получившая новое название от русского петрографа».¹¹

Адъюнктская диссертация А. П. Карпинского — добротная работа квалифицированного петрографа. «Обработка материала исключительно тщательная, продуманная, всесторонняя; стиль изложения лаконичный и деловой. Словом, профессиональная работа, и она должна была импонировать академикам и профессорам; не шла вразрез традициям, а углубляла их; новизна в ней лишена дерзости. Карпинский дебютировал уверенно, но скромно», — так оценил этот первый шаг в науке А. П. Карпинского Я. Н. Кумок [91, с. 31].

После защиты адъюнктской диссертации А. П. Карпинскому предстояло прочесть две пробные (вступительные) лекции. Они состоялись 15 мая 1869 г. Тема одной из них — «О жильных месторождениях медных руд на Урале» — была выбрана самим начинающим адъюнктом, а тему другой — «О вековых поднятиях» — назначил Совет Горного института. После этого он зачисляется на кафедру профессора Н. П. Барбота де Марни.¹² К педагогической работе А. П. Карпинский приступил с осени 1869 г., начав чтение лекций на последнем курсе. На летний же период, или, как тогда говорили, на время летней

¹⁰ Карпинский А. П. Об авгитовых породах..., с. 25.

¹¹ Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Успехи петрографии в России, с. 322.

¹² В Горном институте в то время было всего 9 должностей профессоров и 8 — адъюнктов.

вакации, он едет на полевые работы вместе со своим новым шефом. Цель работ — геологические исследования по линиям строящихся железных дорог Центральной и Южной России. Однако А. П. Карпинский считает незавершенными свои геологические наблюдения на Урале, и 13 июня 1869 г. в рапорте на имя директора Горного института пишет: «Желаю заняться изучением некоторых кристаллических пород Южного Урала, честь имею почтительнейше просить Ваше превосходительство разрешить мне по окончании моей командировки для исследований по линиям железных дорог Курско-Харьковской и Азовской возвратиться в Санкт-Петербург через Южный Урал для набора материала для вышеупомянутых занятий».¹³ Просьба удовлетворена.

Итак, для А. П. Карпинского начинается новая длительная и очень плодотворная полоса его научной и педагогической деятельности. Он с головой окунается в эту работу, готовит новые (для него) курсы лекций, проводит значительную часть времени в Горном музее и в химической лаборатории. С 1869 г. А. П. Карпинский становится одним из активных членов Петербургского минералогического общества (избран действительным членом 11 февраля) и Общества естествоиспытателей (избран 14 мая), выступает с многочисленными докладами и сообщениями на заседаниях этих Обществ.

Глава 4. Формирование исследовательского стиля

Первое десятилетие научной деятельности А. П. Карпинского протекало в стенах Горного института, где он до 1877 г. был помощником профессора Н. П. Барбота де Марни, а с 1877 г. (после смерти своего учителя) стал профессором и возглавил кафедру геологии, геогнозии и рудных месторождений. В это же десятилетие полностью определились и всеобъемлющие геологические интересы А. П. Карпинского. Он выполняет работы по минералогии, петрографии, стратиграфии, палеогеографии, тектонике, по месторождениям полезных ископаемых. В это же время сформировался и особый стиль исследовательской работы ученого, о чем речь пойдет дальше, и его

¹³ ГИАЛО, ф. 963, оп. 1, д. 5205, л. 2.

научное мировоззрение как естествоиспытателя, которому он не изменял все последующие годы интенсивной творческой деятельности.

До начала работы в Геологическом комитете Александр Петрович выполнил и опубликовал 43 статьи, из которых примерно половина — мелкие, в 1—2 странички, сообщения и резюме докладов, сделанных им на заседаниях Петербургского общества естествоиспытателей. Но и эти заметки представляют интерес и для истории науки, и для раскрытия секретов творческой лаборатории ученого. Время, разумеется, внесло свои коррективы в конкретно-научные результаты, поскольку наука не стоит на месте. Но значимость работ ученого следует оценивать не мерками сегодняшнего дня, ибо в геологической науке, традиционно развивающейся на региональном, причем сугубо описательном, уровне, конкретно-научные результаты неизбежно корректируются и перекрываются работами последующих поколений ученых, а тем вкладом, который они дали в момент выполнения исследований, и тем, насколько они способствовали совершенствованию и изменению существовавших воззрений. «Новые достижения науки, — справедливо отмечал академик А. Н. Заварицкий, — незаметно входят в наше сознание и меняют прежние представления, а чтобы проследить деятельность ученого за долгое время, надо видеть ее на фоне меняющегося состояния науки, идей, сменяющих одна другую, совершенствовавшихся методов исследования, даже изменяющегося языка, которым изложены результаты исследований» [56, с. 23].

Действительно, когда А. П. Карпинский начинал самостоятельную работу, геологическая наука развивалась как бы в едином русле, сосредоточивая свои усилия на региональных исследованиях, причем главным образом в перспективных в промышленном отношении районах. Любое исследование ставилось и осуществлялось комплексно и включало в себя и описание геологических структур, и определение состава горных пород, и оценку возрастных соотношений групп слоев по видовой идентификации фауны. Еще не было узких специалистов — стратиграфов, петрографов, тектонистов или палеонтологов, а были просто геологи, которые должны были знать все эти необходимые компоненты геологической науки. И А. П. Карпинский знал их и знал хорошо. Уже в пер-

вые годы самостоятельной работы он выполняет исследования и по стратиграфии, и по петрографии, и по тектонике. Академик А. А. Борисяк, описывая становление А. П. Карпинского как ученого-геолога, отмечал, что «геология дифференцировалась на глазах А. П. Карпинского. Он рос как ученый вместе с развитием геологической науки. Все ее дисциплины были ему доступны, и он оставался хозяином в них до конца жизни. Всеобъемлющие интересы А. П. Карпинского в геологии обуславливали комплексный характер его работы, создали его особый стиль в ней и в его отношении к явлениям природы» [32, с. 411]. Далее, развивая свою мысль, А. А. Борисяк продолжает: «Ничего специфически узкоприкладного, часто мешающего ученым углубляться в теоретические вопросы, не было в работах А. П. Карпинского. Он и тут был мастером, и тут давал образцовую работу, и тут учил, как надо вести исследование» [там же, с. 413].

Первые работы Александра Петровича были преимущественно петрографическими. Это небольшие заметки, посвященные либо описанию состава и условий образования конкретной горной породы, либо демонстрирующие новый метод исследования. Причем в любой заметке такого рода проявлялась первая важнейшая особенность исследовательского стиля А. П. Карпинского — *присутствие главной идеи, освещающей рассматриваемый им вопрос*. Е. А. Толмачева писала академику Д. И. Щербакову, что «у Александра Петровича в разных местах его коротеньких, как будто совсем не важных статей высказываются интересные, глубокие мысли, которые он сам не считал чем-то необычным и не облакал их в форму эффектных теорий или схем».¹ У нас еще будет возможность убедиться в справедливости этих слов.

Наличие руководящей идеи, нацеливающей и определяющей стиль исследования, Александр Петрович считал непременным условием любой, даже незначительной, на первый взгляд, работы. Умение наблюдать природу — основное качество естествоиспытателя, а умение сконструировать из этих наблюдений научную гипотезу, проверяемую новыми, более детальными исследованиями, — это уже талант ученого. Александр Петрович любил в этой

---

¹ ЛО ААН, ф. 265, оп. 8, д. 35, л. 90 (письмо от 17 декабря 1952 г.).

связи приводить слова гениального немецкого поэта и крупнейшего натуралиста конца XVIII—начала XIX века И.-В. Гёте: «Нужно помнить, что попытки разрешить загадки природы приводят в сущности к конфликту между наблюдением и мышлением. Наблюдение дает нам сразу полное представление об объекте, а мышление хочет по своему доказать и разобрать, каким образом мог и должен был получиться данный объект. Не будучи в состоянии в этом разобраться, мышление призывает себе на помощь воображение, и, таким образом, постепенно возникают рассуждения, которые приводят нас обратно к наблюдению, более внимательному, более углубленному...».² Эти слова И.-В. Гёте в 1932 г. А. П. Карпинский процитировал на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня смерти великого немецкого поэта и мыслителя. Александр Петрович никогда специально не занимался методологией познания, но именно в этих словах заключена его, если можно так выразиться, методологическая платформа. Тщательность наблюдений, умение отсеять главное от второстепенного и создать из добытых фактов целостную картину характерны для любой геологической работы А. П. Карпинского. Очень часто, читая статьи своих коллег, он видел, что факты в них не увязывались в единое целое или, что еще хуже, создавали только иллюзорную видимость законченного исследования. В таких случаях Александр Петрович приходил в особенное возбуждение, так как справедливо считал работы такого рода чистой профанацией. Он никогда не обнародовал свои труды, если в них хоть что-нибудь оставалось для него необъясненным. По этой причине очень многие интересные его исследования так и остались неопубликованными. «Высокая требовательность к себе, глубокая продуманность... отмечают все работы Карпинского», — писал академик А. Н. Заварицкий [55, с. 18].

Сам Александр Петрович говорил: «Настоящий, действительный работник науки ищет только истину, правду, неизбежно ведущую к справедливости. Истинный ученый не знает ни зависти, ни недоброжелательности. Он не может не возмущаться лишь научной ложью (умышленным выдаванием предположений за наблюдавшиеся факты, искажением чужих мыслей). Такая ложь (не

---

² Там же, оп. 1, д. 163, л. 3—4.

ошибки, всегда возможные) является одним из самых больших и вредных нравственных преступлений».³ Эти прекрасные и глубоко справедливые слова, сказанные, казалось бы, об идеале ученого, к которому непросто приблизиться, по единодушному признанию членов Академии наук, знавших А. П. Карпинского, как нельзя более отражают суть самого их автора. Приведем лишь один пример.

Любой естествоиспытатель, а геолог прежде всего, хорошо представляет себе, что генетические вопросы чаще всего не решаются однозначно в силу абсолютной невозможности воспроизвести в эксперименте геологические процессы. Суждения о механизме протекания этих процессов, а в конечном итоге и о генезисе исследуемого объекта, выводятся исходя из принципа эмпирической непротиворечивости. Иными словами, геологи удовлетворяются предлагаемой генетической концепцией, если следствия из нее не противоречат эмпирическому материалу. Но как оценить эту непротиворечивость и какие факты считать достаточными для принятия той или иной гипотезы? Случается, идут по наиболее легкому пути: рассматривают лишь те признаки объекта, которые укладываются в предлагаемую генетическую схему, а остальные, явно ей противоречащие, словно не замечают, хотя они и хорошо известны. Это не что иное, как сознательная научная недобросовестность, чем, к сожалению, грешат некоторые исследователи.

Работы Александра Петровича, в особенности крупные статьи монографического характера, с этой точки зрения выполнены в совершенно исключительном методологическом ключе. Прежде чем прийти к какому-либо выводу, он последовательно выдвигает и бракует множество гипотез, как оригинальных, так и предложенных его предшественниками, и останавливается на той, которой не противоречит ни один из известных ему фактов. Так построены его монографии по аммонейм артинского яруса, по геликоприону и по трохилискам. *Это вторая характерная черта исследовательского стиля А. П. Карпинского.*

Ясно, что после такого тщательного фильтрования гипотез, оставшаяся заслуживала особого доверия автора,

---

³ Там же, д. 141, л. 3—4.

и он ее неуклонно и твердо отстаивал. Уже на склоне лет А. П. Карпинский писал: «Равнодушному к вопросам приоритета, мне все-таки трудно молчать в интересах истины или наибольшего к ней в данное время приближения, тем более, что мой возраст не позволяет рассчитывать, что в дальнейшем я буду в состоянии препятствовать распространению взглядов, которые решительно считаю ошибочными».⁴ Он имел право писать так не потому, что был старейшиной советской науки, а в силу этой, отмеченной нами особенности своего исследовательского стиля. Александр Петрович продолжает: «Чужие идеи не очень редко ассимилируются, конечно, бессознательно, как свои собственные. В этом большой практической беды нет, так как идеи не пропадают, а вопросы приоритета большой цены не имеют. Но гораздо хуже, когда выводы ученого излагаются неточно и в этом виде критикуются... Научная критика только тогда бывает крайне полезной и желательной, когда она рассматривает значение каждого аргумента автора, приведенного как основание его вывода, и лишена всяких голословных утверждений».⁵ А. П. Карпинскому было особенно обидно и неприятно читать работы, базирующиеся на недобросовестном отношении к его собственным выводам, ибо непредвзятый читатель не мог усмотреть в его статьях ничего, кроме того, что хотел сказать их автор. Действительно, «во всех своих исследованиях А. П. Карпинский всегда точно и до конца отшлифовывал каждую мельчайшую деталь большой и многогранной работы, — вспоминает Н. Ф. Погребов, — и давал четкие, ясные и определенные ответы на все возникавшие вопросы» [125, с. 58].

Так работал и создавал свои труды Александр Петрович. Он всегда стремился, как любил повторять, «дать научно достоверное, а не только вероятное решение вопроса». Из этого вытекает *третья характерная черта его исследовательского стиля — глубокое и всестороннее изучение интересовавшей его проблемы с привлечением всех доступных фактов и всей опубликованной в мире литературы по этому вопросу*. Наиболее ярко она проявилась

---

⁴ Карпинский А. П. О некоторых новых данных об остатках организмов, признаваемых проблематическими, о делаемых относительно их и других ископаемых выводах и о научной критике. Собр. соч., т. I. М.—Л., 1945, с. 486.

⁵ Там же, с. 495.

в двух его классических монографиях: «Об остатках едестид и о новом их роде *Helicoprion*» (1899 г.) и «О трохилисах» (1906 г.), на которых мы еще подробно остановимся.

И, наконец, *четвертой характерной особенностью исследовательского стиля А. П. Карпинского является практическая нацеленность всех его работ, какого бы вопроса они не касались.* Этим он, конечно, обязан своим учителям по Горному институту, а также общему настрою геологических исследований тех лет, когда практическая необходимость, собственно, и являлась основанием для постановки работ, выполнявшихся по заданию Горного департамента, который, в свою очередь, получал заказы и ассигнования от различных государственных учреждений или частных предпринимателей. Особенно наглядно эта черта исследовательской работы А. П. Карпинского проявилась в годы его пребывания в Геологическом комитете, когда им лично было дано около 1000 ответов на самые разнообразные запросы министерств, земств или частных лиц.

И в заключение укажем еще на одну характерную особенность, весьма типичную для работ А. П. Карпинского и тесно связанную с главной чертой его натуры — исключительной скромностью. Те, кто внимательно читал его труды, очевидно, обратили внимание на то, что очень многие важные выводы или мысли автора не выделены в них курсивом или разрядкой, как любят делать некоторые геологи, а упрятаны в примечаниях (сносках), весьма обильных в его статьях. Наиболее показательной в этом плане работой Александра Петровича являются его «Очерки геологического прошлого Европейской России», т. е. статьи по тектонике и палеогеографии, вышедшие в 1919 г. (повторно) в серии «Классики естествознания».

Но вернемся в первое десятилетие его самостоятельной научной деятельности, которая слагалась из преподавания геологии на IV и V курсах Горного института и собственных научных исследований в свободное от основной работы время. Надо сказать, что средств на ведение научной работы своих преподавателей, тем более связанных с дорогостоящими полевыми исследованиями, Горный институт не имел. Поэтому каждой экспедиционной поездке А. П. Карпинского предшествовало прошение директора института в Горный департамент, кото-

рый, в свою очередь, ходатайствовал перед Министерством финансов. Только после замыкания этой цепочки прошений А. П. Карпинский мог собираться в дорогу, и начиная с 1869 г. он каждое лето в поле.

В 1869 г. А. П. Карпинский вместе с Н. П. Барботом де Марни отправляется на три месяца для проведения геологических наблюдений по линии строившейся в то время Курско-Харьковско-Таганрогской железной дороги, после чего уже один едет на Урал для изучения кристаллических пород. Там же на Урале он проводит и три летних месяца 1871 г., а в следующем году вновь едет в Центральную и Южную Россию (вместе с Н. П. Барботом де Марни), чтобы продолжить начатые в 1869 г. работы. Однако этот сезон он провел практически самостоятельно, так как его профессор заболел, уехал лечиться за границу и оттуда письменно руководил работой молодого адъюнкта.⁶ И все же родной Урал неудержимо тянет к себе, и летом 1873 г. он экскурсирует в Оренбургском крае, ведя геологические работы в бассейне р. Сакмары. В 1875 г. ему пришлось отправиться в Порховской уезд Псковской губернии, так как местное земство и промышленники пожелали найти в своем крае месторождения каменной соли. Но в следующем году — вновь Урал и уже на 5 месяцев: А. П. Карпинский назначен научным руководителем сразу двух партий, ведущих поиски каменного угля на восточном склоне Урала. Начиная с этого года А. П. Карпинский работает преимущественно на Урале, ведя многоплановые комплексные исследования, результаты которых отражены им в многочисленных статьях. Главным итогом этих работ явилось детальное геологическое картирование восточного склона Уральских гор и расшифровка его сложного и весьма своеобразного геологического строения.

Самые первые работы А. П. Карпинского были преимущественно петрографическими. Объясняется это тем, что в 1869—1874 гг. он работает как помощник Н. П. Барбота де Марни, научные интересы которого лежали преимущественно в сфере стратиграфии и тектоники, и ему был нужен квалифицированный петрограф для точной диагностики горных пород. Нельзя сказать,

---

⁶ ЛО ААН, ф. 265, оп. 6, д. 41.

что петрография стала излюбленным приложением творческих возможностей молодого ученого, но и здесь проявился его незаурядный исследовательский талант и прежде всего в плане расшифровки загадочных (необычных) объектов, которым впоследствии он отдал много сил, но уже как палеонтолог. Как петрограф А. П. Карпинский описывает русские эпидозиты, уральский березит, туркестанский калыб-таш, кыштымский борзовит, миаскит Ильменского края, грорудитовую породу Восточного Забайкалья и многие другие горные породы. Но наиболее ценными и интересными являются его работы, в которых поднимаются общие вопросы петрографии. К ним в первую очередь относится статья «О петрографических законах» (1870 г.) и тесно примыкающая к ней другая его работа — «Законы совместного нахождения полевых шпатов» (1874 г.). Что же это за законы?

Еще до введения в петрографию микроскопического метода петрографы выделили целый ряд характерных для некоторых типов пород ассоциаций минералов, или, как бы мы теперь сказали, минеральных парагенезисов. На этом основании они пытались вывести правила (или законы) этих парагенезисов, установить запрещенные ассоциации минералов и т. п. Попытки такого рода вполне естественны и свидетельствуют прежде всего о стремлении вывести петрографию из чисто описательного (фиксаторского) русла, перейти от бездумного накопления фактического материала к его систематизации и обобщению. «Нужно, однако, заметить, — писал академик А. Н. Заварицкий, — что все эти законы формулировались в то время слишком категорически; также категорически они ниспровергались. Некоторые из ниспровергнутых „законов“ впоследствии опять пришлось восстанавливать уже не в такой категоричной форме, как раньше, а как некоторую тенденцию» [55, с. 17]. Авторами заинтересовавших А. П. Карпинского петрографических законов были немецкие ученые Науман и Рот, каждый из которых сформулировал 5 «законов ассоциаций»: первый — в 1858 г., второй — в 1864 г. В 1869 г. появилась критическая статья Ласпейреса, полностью отрицавшая справедливость законов Наумана и Рота. А. П. Карпинскому, разделявшему взгляды ее автора, статья понравилась, и в своей работе «О петрографических законах» он широко ее цитирует. Однако конечный

вывод А. П. Карпинского более оптимистичен, чем заключение Ласпейреса. Сам сторонник широких обобщений, он также пытался найти некие общие закономерности в сонахождении минералов в горных породах.

«Несмотря на то что большая часть петрографических законов уже опровергнута, — писал Александр Петрович, — мы все-таки должны признать за ними немало-важное значение, так как законы эти, представляя лишь, так сказать, временные обобщения или группировки добытых до известного времени данных, без сомнения послужили и еще послужат материалом для выводов, более близких к истине, нежели они сами».⁷ Вывод этот, безусловно, справедлив, и «законы» Наумана и Рота были раскритикованы А. П. Карпинским не потому, что были не верны в корне, а в связи с тем, что они выдавали желаемое за действительное, т. е. эмпирически подмеченные закономерности без всяких к тому оснований возвели в ранг петрографических абсолютов, не дав к тому же их теоретического обоснования. «Однако нет никакого сомнения, — пишет А. П. Карпинский, — что подобные законы могут быть найдены. На это указывает уже тот факт, что сложные горные породы обладают в известной степени индивидуальностью, обуславливающейся, конечно, некоторой законностью в сонахождении составляющих их минеральных элементов».⁸ А. П. Карпинский, таким образом, призывает не торопиться с формулировкой «законов», пока они не проверены на множестве объектов, а установленная закономерность не осмыслена теоретически. Так, четвертый закон Рота (сходный, кстати сказать, с первым Наумана) гласил, что щелочные полевые шпаты (ортоклаз, олигоклаз, альбит) не могут встречаться вместе с известково-натровыми (лабрадором, анартитом). А. П. Карпинский привел много фактов, не укладывающихся в этот «закон», и в противовес ему сформулировал три новых закономерности: «1) различные виды клинокластических полевых шпатов (плагноклазов) встречаются с ортоклазом тем реже, чем они менее кислотны; 2) клинокластические полевые шпаты, являясь как одновременные образования, не могут находиться

⁷ Карпинский А. П. О петрографических законах. — Горный журнал, 1870, т. II, № 4, с. 78—79.

⁸ Карпинский А. П. Законы совместного нахождения полевых шпатов. — Горный журнал, 1874, т. III, № 7, с. 46.

вместе; 3) входящие в состав горных пород клинокластические полевые шпаты могут представлять переходы из одной разности в другую в одном и том же месторождении породы».⁹

Любопытно, что Александр Петрович будто предвидел разную значимость этих обобщений и под первым номером поместил наиболее важный свой вывод, полностью выдержавший, как отмечал академик Д. С. Белянкин [16], испытание временем. Оценивая эту работу А. П. Карпинского, академик А. Н. Заварицкий писал, что «последнее положение имеет определенный смысл. Точно так же — не является ли второе из его положений соответствующим знаниям того времени выражением установленного теперь хода кристаллизации плагиоклазов, как твердых растворов, меняющих свой состав во время кристаллизации? А под первым из положений без его изменений подпишется теперь всякий петрограф» [57, с. 25].

Отметим, кстати, что уже в этих статьях молодого ученого проявились характерные черты его исследовательского стиля. Формулируя свои закономерности, А. П. Карпинский сам приводит массу доводов не в их пользу, т. е. ничего не скрывает ни от себя, ни от читателя. Кроме того, под все эти закономерности он старается подвести стройную теоретическую базу (использует, в частности, теорию изоморфизма плагиоклазов Чермака). Иными словами, пытается вскрыть и объяснить причины, лежащие в их основе. «Приводя прилагаемые положения, — заканчивает свою статью А. П. Карпинский, — я не сомневаюсь в их полезности, хотя и допускаю, что они могут оказаться неверными. Для опровержения их не представится затруднений, так как первый противоречащий факт покажет их несостоятельность. Но вместе с тем обстоятельство это поведет к ближайшему расследованию других выводов, находящихся с ними в логической связи».¹⁰

А. П. Карпинского как петрографа интересовал не собственно состав пород, а условия образования характерных минеральных парагенезисов, т. е. процессы кристаллизации, метаморфизации и «псевдоморфизации», или

---

⁹ Там же, с. 51.

¹⁰ Там же, с. 59—60.

метасоматоза. Процессы эти он исследовал на примере эпидозитов (1871 г.), метаморфической породы, состоящей главным образом из эпидота и кварца; гранитов (1872 г.), анамезита (1873 и 1874 гг.), тахилита (1874 г.), барзовитовой породы (1874 г.), или корундового пегматита, т. е. изверженной горной породы, состоящей преимущественно из корунда и анортита; березита (1875 и 1877 гг.) и т. д. Академик А. Н. Заварицкий указывал, что «исходя из факта существования псевдоморфоз по пироксену из эпидота и кварца, т. е. имеющих состав горной породы — эпидозита, А. П. Карпинский подходит к явлениям образования горных пород путем замещения, путем метасоматизма (курсив мой, — С. Р.), как мы теперь говорим, или псевдоморфизации пород, как говорил Карпинский» [55, с. 14].

Он, конечно, не мог в то время дать приемлемую для нас трактовку метасоматических процессов, но поражает уже то, что молодой геолог, только начинавший свой самостоятельный путь в науке, фиксирует свое внимание на самых сложных, нерешенных наукой вопросах и пытается в «омертвелых телах» увидеть следы былых геологических процессов. «Выяснение процессов изменений, замечаемых нами в толщах горнокаменных пород, — справедливо отмечает Александр Петрович, — представляет один из самых интересных вопросов современной геологии. К сожалению, однако, почти во всех случаях мы можем доказать лишь самый факт изменения; характер же совершающегося при этом процесса остается неизвестным или настолько темным, что, подвергаясь критической оценке различных ученых, получает нередко противоречащие определения».¹¹

Среди этих процессов А. П. Карпинский прежде всего заинтересовался процессами метаморфическими, а в их числе наибольшее внимание уделил псевдоморфизации пород, т. е. преобразованию их вещественного состава в условиях массопереноса. «Что же касается общего его тезиса о метаморфизме, — писал академик Д. С. Белянкин, — как о феномене существенно псевдоморфическом (метасоматическом), то он вполне сохранил свою жизненность и силу также и для нашего времени» [16,

---

¹¹ Карпинский А. П. Псевдоморфоз гранита. — Горный журнал, 1872, т. II, № 5—6, с. 305.

с. 610]. Добавим к этому, что большая роль процессов метасоматоза при формировании метаморфических пород по-настоящему начинает выявляться лишь в последние годы, после длительного периода господства идей изохимического метаморфизма. Следовательно, А. П. Карпинский задолго предсказал появление этого направления в учении о метаморфизме.

Помимо отмеченного, с именем А. П. Карпинского петрографа связано введение в петрографию понятия о дифференциации,¹² которое он использовал при расшифровке порядка выделения минералов из расплава, вполне соответствующее «современным представлениям и опередившее взгляды того времени» [57, с. 25]. Он неоднократно возражал против утверждения, что возраст породы есть характерный ее петрографический признак. И это также можно поставить ему в заслугу, ибо уже в те годы были зафиксированы многочисленные случаи конвергенции состава разновозрастных пород. А. П. Карпинский первым изучил химический состав уральского березита,¹³ который до него многие петрографы отождествляли с гранитом. Он же показал, что березит (местное уральское название гидротермально измененной алюмосиликатной породы, считающейся характерным признаком на золото, — *С. Р.*) имеет метаморфическое происхождение и близок по своим свойствам к типичным грейzenам.

Интересно отношение А. П. Карпинского к классификации горных пород. Он, как хорошо известно, был решительным противником классификаций на химической основе, о чем долгие годы полемизировал с Ф. Ю. Левинсоном-Лессингом, считая, что разделение пород по химизму «не будет соответствовать тому, что мы видим непосредственно в природе, при геологических исследованиях на месте» [55, с. 17]. По мнению Карпинского, в основу подразделения пород следует положить качественный минералогический состав и структурные соотно-

---

¹² Карпинский А. П. Анамезит в Европейской России. — В кн.: Научно-исторический сб., изданный Горным ин-том ко дню его 100-летнего юбилея. Отд. 2. СПб., 1873, с. 1—33.

¹³ Карпинский А. П. О березите. — Тр. С.-Петербург. об-ва естествоиспыт., 1875, т. VI, с. CXLIH—CXLVI; Добавление к сообщению о березите. — Тр. С.-Петербург. об-ва естествоиспыт., 1877, т. VIII, с. 13—14.

шения. Заметим, кстати, что сходных позиций придерживался и Е. С. Федоров. Александр Петрович считал, что петрографам будет полезен опыт биологических систематик, т. е. предлагал строить номенклатуру горных пород, исходя из их подразделения на семейства, роды и виды. Это его предложение оказалось весьма живучим. Хотя практически неизвестны петрографические классификации, построенные по аналогии с систематиками биологов, еще и сегодня раздаются голоса в пользу такого рода подразделений. Что же касается противопоставления структурно-минералогического и химического подходов к классификациям горных пород, то оно вполне правомерно в сфере конкретных задач. Действительно, для первичной (полевой) диагностики пород наилучшими характеристиками оказываются их минеральный состав и структура, а для решения более тонких петрологических задач, безусловно, требуется подразделение этих пород по химическому составу. Все последующее развитие петрографии подтверждает справедливость этого тезиса.

Заметим, кстати, что ортодоксальность таких противопоставлений по прошествии ряда лет поняли и «высокие спорящие стороны». По крайней мере, академик Ф. Ю. Левинсон-Лессинг оставил в подтверждение этого письменное свидетельство: «Спор о том, — писал он в 1923 г., — должна ли классификация изверженных пород быть петрографической или геологической, следует ли отдавать предпочтение химическому составу (или, в зависимости от воззрений автора, минералогическому составу и структуре) или геологическим соотношениям, представляется мне поставленным на неправильную почву. Классификация должна быть и петрографической и геологической, смотря по тому, какая в данном случае преследуется цель: дать ли картину соотношений магм или взаимоотношений горных пород как некоторых геологических тел».¹⁴

Оценивая вклад Александра Петровича в развитие отечественной петрографии, обратимся к словам Б. М. Куплетского: «В лице А. П. Карпинского мы имеем авторитетнейшего петрографа своего времени, воспитателя большого числа русских петрографов и прямого предшествен-

---

¹⁴ Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Успехи петрографии в России. Пгр., 1923, с. 154.

ника академиков Е. С. Федорова и Ф. Ю. Левинсона-Лессинга в создании русской петрографической школы».¹⁵

Как минералога А. П. Карпинского в первые годы его работы интересуют главным образом методические вопросы, т. е. техника минералогических исследований. Он проверил личными наблюдениями на чугуноплавильных заводах старое утверждение С. К. Девиля и Г. Розе о потере минералами удельного веса при прокаливании.¹⁶ Он исследовал природу жидкости, наблюдаемой в кристаллах некоторых минералов, в частности аметиста, сделав об этой работе сообщение на отделении минералогии и геологии Петербургского общества естествоиспытателей 5 мая 1879 г. и посвятив ей специальную обстоятельную статью.¹⁷ А. П. Карпинский, проделав опыты вместе со своим товарищем по Горному институту, профессором химии К. Д. Сушиным, установил, что так называемая жидкость Брюстера есть не что иное, как «жидкий угольный ангидрит», т. е. CO_2 . Важным следствием его экспериментов, в процессе которых жидкость переходила в газообразное состояние, является открывшаяся возможность ориентировочной оценки глубины и температуры кристаллизации. 27 марта 1880 г. А. П. Карпинский делает доклад в Петербургском обществе естествоиспытателей на тему «О новом способе разделения минеральных смесей», доказывая преимущества использования для этих целей тяжелой жидкости К. Д. Сушина ($\text{BaJ}_2 + 2\text{HgJ}_2$), удельный вес которой оказался более 3, а при температуре 30° достигал 3.5. В те времена это был действительно наиболее удачный состав «тяжелой жидкости». В последующие годы Александр Петрович неоднократно возвращается к интересовавшим его вопросам минералогических исследований, делая многочисленные сообщения на заседаниях Петербургского минералогического общества.

---

¹⁵ Куплетский Б. М. Петрографические работы Академии наук. — В кн.: Очерки по истории Академии наук. М.—Л., 1945, с. 46.

¹⁶ Тр. С.-Петерб. об-ва естествоиспыт., 1874, т. V, с. 49.

¹⁷ Карпинский А. П. О нахождении в минеральных веществах включений жидкого угольного ангидрита. — Горный журнал, 1880, т. II, № 4—5, с. 96—117.

В первые годы самостоятельной геологической работы А. П. Карпинский полностью сформировался и как геолог-стратиграф. Напомним, что летний сезон 1873 г. он провел на Урале, оценивая перспективы Оренбургского края на каменный уголь. Работы велись между реками Белой и Уралом. Самым ценным результатом проведенных там исследований явилось выделение *артинского яруса* как самостоятельного стратиграфического подразделения.¹⁸ Артинский ярус А. П. Карпинский относил к пермо-карбону, считая его переходным между каменноугольной и пермской системами. Что же послужило основанием для его выделения?

Подробно описав разрезы, вмещающие уголь, Александр Петрович отмечает: «Оставив покуда в стороне вопрос об эпохе образования сейчас описанных, сопровождающихся углем отложений, я буду называть всю эту свиту пород (песчанистые известняки, песчаники, известняк и мергель) *песчаниковой группой*»¹⁹ (курсив мой, — С. Р.). Выделенную «группу» он помещает «между каменноугольной системой и почвой пермской». Из этого явствует, что коль скоро эта группа отложений помещается выше каменноугольной системы, но ниже почвы системы пермской, то она должна представлять собой свиту, принадлежащую одновременно обоим системам, а это, в свою очередь, возможно лишь в том случае, если системы трактовать не как естественные образования, резко разграниченные друг от друга в природе, а как некие условные категории, выделяемые исследователем. Поэтому и границы их искусственны, т. е. представляют собой условно проводимые рубежи в непрерывном разрезе осадочных образований, между которыми существует постепенный переход, фиксируемый сменой определенных групп фауны. Именно такими, переходными между каменноугольной и пермской системами, считал А. П. Карпинский выделенную им «песчаниковую группу» пород. Действительно, далее он пишет: «Не существует ли между осадками песчаниковой группы и прилегающими к ним отложениями систем каменноугольной и

---

¹⁸ Карпинский А. П. Отчет о геологических исследованиях, произведенных в Оренбургском крае летом 1873 г. — Горный журнал, 1874, т. II, № 6, с. 288—314.

¹⁹ Там же, с. 294.

пермской постепенного петрографического перехода?.. Я думаю, однако, что такой переход действительно существует. В некоторых местах, прилегающих к выходам горного известняка (например, по Б. Сюрюну) замечается такая последовательность обнажений песчаниковых осадков, в которой породы являются разностями, составляющими как бы результат постепенного изменения известняка в известковистый песчаник».²⁰

Все это чисто литологическая характеристика, которой, вообще говоря, недостаточно для выделения самостоятельной стратиграфической единицы, и А. П. Карпинский дает палеонтологическое обоснование этой переходной «песчаниковой группы» слоев. Он замечает, что некоторые остатки головоногих из песчаниковой группы ранее были найдены в песчаниках близ Артинского Завода, «отнесенных Мурчисоном к образованиям верхней каменноугольной формации»,²¹ в то время как Х. И. Пандер и В. И. Мёллер считали артинский песчаник принадлежащим перми. А. П. Карпинский же утверждает, что «в отложениях песчаниковой группы органические остатки, свойственные артинскому песчанику, каковы, например, *Goniatites Jossae* и *G. soboleskyanes*, сопровождаются видами не пермскими, но встречающимися в горном известняке. Между этими видами с точностью определены *Fusulina cylindrica*».²² Итак, налицо постепенные литологические переходы в пределах песчаниковой группы, и комплексы фауны как бы уже не каменноугольные, но еще и не пермские. Отсюда Александр Петрович заключает, что выделенная им песчаниковая группа — это член, «связующий каменноугольную и пермскую системы», а самым верхним горизонтом, еще надежно относимым к «каменноугольной почве», является «фузулиновый известняк».

Проанализировав таким образом характерные особенности «песчаниковой группы», А. П. Карпинский приходит к убеждению: есть все основания для выделения ее в самостоятельную стратиграфическую единицу. «Для описанной песчаниковой группы, — заключает Александр Петрович, — я предлагаю название артинского яруса по

---

²⁰ Там же, с. 301.

²¹ Там же, с. 302.

²² Там же.

имени той местности, где осадки этой группы были прежде всего изучены»²³ (курсив мой, — С. Р.).

В настоящее время артинский ярус, как известно, относится к нижней перми. Но принципы, на основе которых он выделен А. П. Карпинским, живы и сегодня. «Принцип переходных слоев», или просто «принцип Карпинского», играет существенную роль в теоретической стратиграфии и прежде всего в вопросах границ подразделений Международной стратиграфической шкалы и их соотношения с подразделениями региональных шкал.²⁴

Начиная с 1876 г. А. П. Карпинский полностью посвящает свои полевые работы исследованиям Урала, главным образом Южного и Восточного. Совместно с Ф. Ю. Гебауером, Ф. П. Брусницыным и А. А. Лешем он составил довольно подробную геологическую карту территории от г. Верхотурья (на севере) до г. Верхнеуральска (на юге). Впервые в русском силуре Урала он находит остатки гониатитов и подразделяет каменноугольную систему на три отдела, а не на два, как было принято ранее, различая здесь «горный известняк и две группы слоев, лежащих выше и ниже его».²⁵ Интересные суждения высказывает А. П. Карпинский по поводу определения возраста третичных осадков восточного склона Урала: «Как известно, геологическая древность рассматриваемых осадков, — пишет он, — определялась до сих пор гадательно. Мурчисон, как это делалось и ранее, принял их за третичные пресноводные образования, причем большинство геологов были склонны причислять их к новейшему отделу почвы». Но А. П. Карпинский, прекрасно знавший геологическую литературу, помнил, что еще в XVIII в. Паллас указал на наличие в этих отложениях органических остатков. Летом 1876 г. он посещает места, указанные Палласом, и действительно находит там многочисленные остатки зубов рыб, на основе которых относит эти отложения к эоцену, а точнее — к «морским отложениям эоценовой формации».²⁶

²³ Там же, с. 303.

²⁴ Халфин Л. Л. Принцип А. П. Карпинского и границы подразделений международной стратиграфической шкалы. — Тр. СНИИГГИМС, 1970, вып. 110, с. 4—10.

²⁵ Карпинский А. П. Геологические исследования и каменноугольные разведки на восточном склоне Урала. — Горный журнал, 1880, т. I, № 1, с. 86.

²⁶ Там же, с. 89.

Третичным осадкам восточного склона Урала А. П. Карпинский позднее посвящает специальную работу.²⁷ Его заинтересовал вопрос приложимости установленного им ранее «принципа переходных слоев» к образованиям других геологических систем и к более дробным подразделениям шкалы. В итоге он приходит к выводу, который формулирует, как всегда, предельно осторожно: «Исследования этих (третичных, — *С. Р.*) осадков, вероятно, покажут, что между их подразделениями не существует резкой границы и что отложение их происходило при постепенном отступании западного берега третичного бассейна от оси Урала».²⁸ Проблема переходных отложений и, как следствие этого, условности подразделений стратиграфической шкалы интересовала А. П. Карпинского долгие годы. Всю жизнь оставаясь сторонником этого принципа, он устанавливает наличие пермо-карбона в Дарвазе, протягивая, таким образом, артинский ярус на юго-восток от Урала; по опубликованным материалам датирует пермо-карбоном продуктусовый известняк Соляного кряжа в Пенджабе (Индия); находит его аналоги на острове Сицилия и т. д.

Проблемами чистой палеонтологии в первые годы научной деятельности А. П. Карпинский специально не занимается. Увлечение ею пришло позднее в результате его интенсивных занятий геологическим картированием и необходимыми (в этой связи) стратиграфическими изысканиями. Его вдумчивый и пытливый разум исследователя-естествоиспытателя не могли удовлетворить обычные определения и систематика фауны. Он и здесь старался обнаружить общие проблемы, решение которых имело бы общенаучное значение, выходящее за рамки датировки слоев. И такую проблему он находит. Детально исследуя фауну аммонитов артинского яруса, А. П. Карпинский устанавливает, что некоторые виды гониатитов, переходя из нижних горизонтов яруса в верхние, «показывают известное усвершенствование». Проблема эволюции развития аммоидей надолго захватывает ученого. Ей он посвящает специальную монографию

²⁷ Карпинский А. П. Третичные осадки восточного склона Урала. — Зап. Уральск. об-ва любителей естествозн., 1883, т. VII, вып. 3, с. 60—72.

²⁸ Там же, с. 72.

«Об аммонейх артинского яруса и некоторых сходных с ними каменноугольных формах», опубликованную в 1890 г.²⁹ Пока же 5 мая 1879 г. на заседании Петербургского общества естествоиспытателей Александр Петрович делает доклад, в котором впервые высказывает мысль об эволюционной ветви развития этой группы фауны.³⁰

Геологические исследования в годы, когда начинал свою работу А. П. Карпинский, велись главным образом на средства Горного департамента, который отпускал их только в том случае, если видел в проектируемых работах практическую целесообразность и экономическую выгоду. Поэтому рассмотренные нами чисто научные результаты А. П. Карпинского и в области петрографии, и минералогии, и стратиграфии, и палеонтологии получены им попутно с ведением поисковых и разведочных работ на разные виды полезных ископаемых. Однако и сами эти работы глубоко интересовали ученого, поскольку, помимо чисто прагматических целей, он преследовал и цели научные: его привлекали вопросы генезиса месторождений, трактовка механизма геологических процессов, приведших к локализации повышенных концентраций полезного компонента в единичных точках геологического пространства.

Он занимается поиском каменной соли в Харьковской и Псковской губерниях, каменного угля на восточном склоне Урала, россыпного и коренного золота, а также никелевых и платиновых руд на Урале и т. д. Из наиболее интересных рекомендаций А. П. Карпинского отметим его прогноз месторождения каменной соли в районе Бахмута по закономерным скоплениям гипса в отложениях пермской системы. Однако «окончательно решить этот вопрос, — пишет Александр Петрович, — могут только разведочные работы, в относительном успехе которых вряд ли можно сомневаться».³¹ А. П. Карпинский настолько детально исследовал геологическое строение

---

²⁹ Подробному анализу этой работы А. П. Карпинского посвящена гл. 9.

³⁰ Тр. С.-Петерб. об-ва естествоиспыт., 1879, т. X, с. 70.

³¹ Карпинский А. П. О возможности открытия залежей каменной соли в Харьковской губернии. — Горный журнал, 1870, т. III, № 9, с. 464.

Профессор А. П. Карпинский, середина 80-х годов.

местности в районе Бахмута и Славянска, что смог даже указать точное место заложения скважин. «Наиболее удобным пунктом в Харьковской губернии для заложения буровых работ является местность, заключающая Славянские соляные озера, и именно та часть ее, где соленость проявляется в наибольшей степени, т. е. где находятся колодцы, рассолы которых отличаются наибольшей густотой». Мы знаем, что прогнозы эти впоследствии блестяще подтвердились. Аналогичные же работы, поставленные в Псковской губернии, дали отрицательный результат,³² что также подтвердилось позднейшими исследованиями.

К концу 70-х годов А. П. Карпинского увлекают проблемы тектоники. Следует отметить, что отдельных вопросов взаимоотношения геологических структур, а также условий образования осадочного чехла Русской плат-

³² Карпинский А. П. О признаках солености в Псковской губернии. — Горный журнал, 1876, т. I, № 2, с. 179—192.

формы, он касался и в более ранних своих работах при изложении истории геологического развития отдельных районов. Так, при описании восточного склона Урала А. П. Карпинский, естественно, обращает внимание на резкие различия в геологическом строении и условиях залегания пород по западную и восточную стороны от оси Уральского хребта и высказывает «шарьяжную» гипотезу сложения осадков восточного склона, которая и в наши дни, к сожалению, разделяется далеко не всеми геологами. «Наибольшая изогнутость и запутанность пластования встречается среди слоев верхней каменноугольной группы, — пишет Александр Петрович, — в меньшей степени — в слоях горного известняка, нижней каменноугольной группы и девонской почвы и в еще меньшем размере — в пластах силура, которые местами являются даже горизонтальными. Обстоятельство это указывает, что в исследованной части Урала *складчатость и изгибы слоев зависели отчасти не от сил, действовавших на толщу пород в вертикальном направлении, но от бокового перемещения пластов*»⁸³ (курсив мой, — С. Р.).

Сам Александр Петрович высказанную им гипотезу «шарьяжной», естественно, не называл (не будем забывать, что писал он об этом еще в 1880 г.), а потому она осталась незамеченной ни последующими исследователями Урала, ни даже толкователями уральских работ А. П. Карпинского [90, 97]. Уральские шарьяжи традиционно связываются с именем крупного русского геолога Г. Н. Фредерикса, который писал об этом в конце 20-х — начале 30-х годов этого столетия, т. е. почти через 50 лет после А. П. Карпинского. «Идеи Г. Н. Фредерикса, — читаем у Е. А. Кузнецова, — всколыхнули геологический мир, и исследователи Урала стали обращать внимание на явления, ускользавшие от них ранее» [90, с. 638]. Если бы они не забыли к тому времени старых работ А. П. Карпинского и заметили бы в них не только идею «уфимского горста», то шарьяжная гипотеза «всколыхнула бы геологический мир» на полстолетия раньше. Правда, справедливости ради, следует отметить, что воззрения Г. Н. Фредерикса не находили, к сожалению, приверженцев, и тектоника Урала трактовалась и в 30-х,

⁸³ Карпинский А. П. Геологические исследования и каменноугольные разведки на восточном склоне Урала. — Горный журнал, 1880, т. I, № 1, с. 91.

и в 40-х, и в 50-х годах в классическом варианте: жесткая докембрийская глыба (Уфимский горст), которая дает направления главным складкам Уральского хребта.

Работы А. П. Карпинского по тектонике и палеогеографии мы обстоятельно проанализируем в гл. 13. Пока же коснемся самых первых его работ в этом направлении, предопределивших последующие, более обстоятельные исследования.

27 ноября 1882 г. А. П. Карпинский на заседании Петербургского общества естествоиспытателей делает доклад «Об образовании горных кряжей», в котором он впервые изложил подмеченную им закономерность в южной части Европейской России, где «местности, в которых породы имеют нарушенное пластование, располагаются с известной правильностью».³⁴ Такую правильность он объясняет общей причиной — «кряжеобразовательной силой». Полосу пород с «нарушенным пластованием», которую А. П. Карпинский и назвал «кряжевой полосой» (рис. 1), он протянул до Везерских гор на западе и до Каратау, Актау и Султануиздага на востоке. Ее-то впоследствии Э. Зюсс и назвал «линией Карпинского». Этой же теме А. П. Карпинский посвятил специальную статью.³⁵ Он различает кряжевую полосу и «зачаточный горный кряж», «проявление которого в разных частях *кряжевой полосы* весьма различно».³⁶ Характерным примером «зачаточного кряжа» А. П. Карпинский считал Донецкую возвышенность.

На обязанности геологов, по мнению Александра Петровича, «лежит, так сказать, выслеживание кряжеобразовательных процессов в тех областях, где теперь никаких гор нет, и нередко констатирование отсутствия этих процессов в местностях с гористым рельефом».³⁷ Карпинский понимал, что выделение им «кряжевой полосы» по отдельным точкам, где фиксируется дислокация пород, проблематично, но таков уж был редкий склад ума ученого — выстраивать разрозненные, на первый взгляд, факты в стройную систему, ибо в этом он видел прежде

³⁴ Карпинский А. П. Об образовании горных кряжей. — Тр. С.-Петерб. об-ва естествоиспыт., 1883, т. XIII, вып. 2, с. 96—97.

³⁵ Карпинский А. П. Замечания о характере дислокации пород в южной половине Европейской России. СПб., 1883. 14 с.

³⁶ Там же, с. 4.

³⁷ Там же, с. 5.

всего предназначение научных геологических исследований. Если же впоследствии окажется, что его система требует корректировки, то и это естественно — новые факты и должны уточнять и детализировать старые представления. «Подобные обобщения, если они и оказываются лишь временными, приносят иногда пользу в том отношении, что способствуют при последующих наблюдениях накоплению в известном направлении фактического материала, дающего возможность более обстоятельной разработки затронутого вопроса».³⁸

Напрасно Александр Петрович опасался за жизнестойкость своих обобщений. Даже по прошествии более 80 лет академик Н. С. Шатский мог написать, что построение это «настолько хорошо увязывало имевшиеся в то время разрозненные факты, что под названием „линий Карпинского“... оно прочно и надолго утвердилось в нашей и заграничной геологической литературе».³⁹ Позднее над этим же вопросом работали Д. Н. Соболев, А. Д. Архангельский, Г. Штилле, С. Н. Бубнов, М. М. Тетяев, Н. С. Шатский и другие геологи. Не во всем они, разумеется, были согласны с А. П. Карпинским: отказывались от формальных линейных ограничений этой структуры, от включения в нее Донецкого бассейна и т. д. Но главная мысль Александра Петровича — о направленных дислокациях фундамента Русской платформы — оставалась в силе. «До сих пор, — писал в 1946 г. Н. С. Шатский, — сохраняются первые представления А. П. Карпинского о положении Донбасса и об его ограничениях, „линиях Карпинского“, конечно, с рядом существенных поправок».⁴⁰

И еще несколько слов по поводу «линий Карпинского». Они представляют собой *только условные границы* между дислоцированными и ненарушенными образованиями, но никак не границы каких-либо тектонических структур. «Эти линии, — справедливо указывал Н. С. Шатский, — ограничивают одно из замечательных и редких тектонических образований земного шара; это дислоцированная полоса, характеризующаяся интенсивным прогибанием в геологическом прошлом, с накоплением в неко-

³⁸ Там же, с. 14.

³⁹ Ш а т с к и й Н. С. Большой Донбасс и система Вичита. Ст. 2.— Изв. АН СССР, сер. геол., 1946, № 6, с. 58.

⁴⁰ Там же, с. 89.

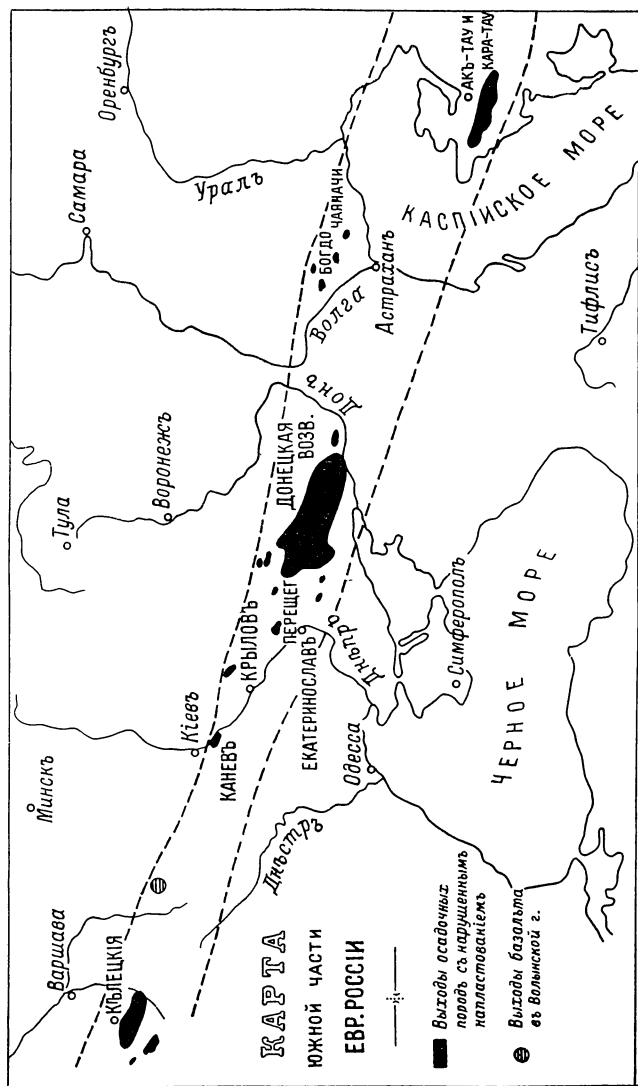

Рис. 1. «Зачаточная каржевая полоса» А. П. Карпинского в южной части Европейской Россіи.

торых районах мощных осадков геосинклинального типа; и при этом эта полоса в виде узкой (300 км) и весьма длинной ленты (до 1500 км) прорезает типичную платформу — Русскую платформу» [165, с. 39]. Идею «зачаточной кряжевой полосы» А. П. Карпинский развивал и в более поздних своих работах.⁴¹

Как же образовалась эта уникальная «кряжевая полоса»? Гипотезы на этот счет высказывались самые разнообразные — и то, что она возникла из «внутриматериковой геосинклинали» (Д. Н. Соболев), и то, что она фиксирует возможность образования геосинклинальных условий внутри тела платформы (А. Д. Архангельский), и то, что представляет собой «окраину герцинской складчатой зоны» (М. М. Тетяев), и то, что она являет собой особую «платформенную структуру, сходную с системой Вичита в США» (Н. С. Шатский) и т. п.

М. М. Тетяев, разбирая эту первую крупную тектоническую работу А. П. Карпинского, указал, что его взгляды не только опередили воззрения геологов конца XIX в., но могут служить руководством и для нашего времени [144]. Он полагал, что главным теоретическим достижением ученого является представление о «кряжевой полосе», которую требуется «выслеживать» в современном выровненном рельефе. «Эта актуальная задача геотектонического исследования, — пишет М. М. Тетяев, — была поставлена А. П. Карпинским с чрезвычайной ясностью для его времени, и следует признать, что ни его современники, ни последующие поколения геологов не оценили всей глубины поставленной задачи, сузив ее значение до установления так называемых „линий Карпинского“» [144, с. 20]. «А. П. Карпинский, — заключает свою оценку тектонического наследия «отца русской геологии» М. М. Тетяев, — работал как настоящий ученый. Зная, что познание бесконечно, и заботясь о его непрерывном развитии, он не давал своим выводам окончательной формы, замыкающей путь к дальнейшим исследованиям, а, наоборот, выдвигал их как ступень, с которой открываются более широкие перспективы будущей работы» [144, с. 21]. Эти слова с полным основанием

---

⁴¹ Карпинский А. П. О результатах некоторых буровых работ в бассейне Припяти. — Изв. Акад. наук, VI сер., 1907, т. I, № 9, с. 243—246.

можно отнести ко всем геологическим трудам А. П. Карпинского, а не только к его немногочисленным статьям по тектонике.

В заключение коснемся еще одного направления геологических исследований Александра Петровича, которое также определилось в первые годы его самостоятельной работы. Это — палеогеографические реконструкции и широкие палеогеографические обобщения. Сам термин «палеогеография», как недавно установлено, ввел в науку еще в 1870 г. выдающийся русский геолог Н. А. Головкинский.⁴² А. П. Карпинскому это не было известно, поэтому в своих первых работах по палеогеографии он этого термина не употребляет. Но зато при их переиздании в 1919 г. (см. гл. 13) он широко пользуется именно им.

Первой чисто палеогеографической работой А. П. Карпинского явилась небольшая заметка,⁴³ резюмировавшая его доклад на заседании Петербургского общества естествоиспытателей, который он сделал 24 марта 1874 г. В этом сообщении А. П. Карпинский доказал, что в пределах Троицкого и Челябинского уездов Оренбургской губернии еще в конце олигоцена было море. Впервые к реконструкциям такого рода он здесь привлекает не только находки морской фауны, но и текстуры пород, т. е. использует подход, явившийся прообразом будущей динамической палеогеографии.

Наиболее крупной палеогеографической работой А. П. Карпинского этого периода явилась его обобщающая статья «Замечания об осадочных образованиях Европейской России», опубликованная в 1880 г. и послужившая базой для еще более широких и глубоких обобщений на эту тему, с которыми Александр Петрович выступил в последующие годы. Толчком к созданию этой работы послужили соображения, возникшие в результате чтения им цикла лекций «Осадочные образования» сту-

---

⁴² Романовский С. И. Вклад Н. А. Головкинского в развитие геоморфологии в нашей стране. — Геоморфология, 1978, № 3, с. 112—117.

⁴³ Карпинский А. П. Замечания к сообщению Аленицына об озерах Троицкого и Челябинского уездов Оренбургской губернии. — Тр. С.-Петерб. об-ва естествоиспыт., 1874, т. V, вып. 2, с. XL—XLII.

дентам IV курса Горного института. В своих лекциях А. П. Карпинский стремился систематизировать материал и показать эволюцию геологического развития Русской платформы. Размышления на эту тему привели его к обобщениям, изложенным в этой работе. «Самостоятельные взгляды, — пишет он, — существуют, вероятно, у большинства геологов, в особенности у тех, которые, занимая кафедры, принуждены бывают тщательно и нередко вполне самостоятельно разбираться в массе накапливающегося материала».⁴⁴ В своей статье А. П. Карпинский сосредоточивает внимание на палеогеографии каменноугольного периода, наиболее важного в практическом отношении, и приводит геологическую карту каменноугольного времени. Это, конечно, еще не палеогеографическая схема, поскольку морские отложения на ней не отделяются от континентальных. Он и в этой статье возражает против деления каменноугольной системы на два отдела, из которых верхний представлен пресноводной, а нижний — морской формациями. Такое (в целом примитивное) толкование разделялось в те годы многими геологами, хотя, как пишет А. П. Карпинский, «за таковое оно могло быть принято только в том случае, если бы геологи согласились признать абсурд, что в первый период каменноугольной эпохи вся земля была покрыта морем, а во второй или последний период вся ее поверхность представляла сушу».⁴⁵ Он справедливо полагает, что наиболее полно каменноугольная система представлена в Донецком бассейне, но «для установления детального и, вероятно, своеобразного распределения Донецких осадков необходимо еще систематически собрать более или менее значительный материал и тщательно его обработать, — работа нелегкая, но в высшей степени интересная, благодарная и полезная в практическом отношении»⁴⁶ (курсив мой, — С. Р.). Это указание своего учителя выполнили в дальнейшем его ученики и сотрудники Ф. Н. Чернышев и Л. И. Лутугин — родоначальник отечественной угольной геологии.

---

⁴⁴ Карпинский А. П. Замечания об осадочных образованиях Европейской России. — Горный журнал, 1880, т. IV, № 11—12, с. 242.

⁴⁵ Там же, с. 243.

⁴⁶ Там же, с. 247.

Очень интересные мысли высказал А. П. Карпинский по практическим вопросам стратиграфии — корреляции разнофациальных осадков и выборе групп фауны для обоснования стратиграфической шкалы. В итоге своих палеогеографических реконструкций территории Европейской России он установил, что в разные отрезки времени это пространство представляло собой систему замкнутых или полузамкнутых морских бассейнов, контуры которых выявляются при сопоставлении одновозрастных колонок осадочных образований. Но здесь возникают проблемы, о которых еще в 1868 г. писал Н. А. Головкинский,⁴⁷ т. е. теоретические основы для такого рода сопоставлений. Александр Петрович справедливо замечает по этому поводу: «Взаимное приравнение литологически сходных осадков, принадлежащих к различным геологическим областям или бассейнам, лишено всякого значения, за исключением, быть может, нескольких местных случаев, каждый раз нетрудно объяснимых».⁴⁸ Слова эти глубоко верные. Проверены они многими поколениями геологов. Уже в наши дни проблемой корреляции разнофациальных толщ занимались академики В. В. Меннер, А. Л. Яншин и другие, работы которых подтвердили жизнестойкость идей Н. А. Головкинского и А. П. Карпинского.

Столь же современны и суждения Александра Петровича относительно фаунистической основы глобальной стратиграфической шкалы. Еще в 1880 г. он писал: «Геологами неоднократно было замечается теоретически весьма понятное явление, что организмы со сравнительно низшей организацией имели относительно большое географическое распространение. Фораминиферы, принадлежащие к числу простейших форм, как нельзя лучше оправдывают подобное заключение, нуммулиты и корненожки современного океанического ила представляют хорошие тому примеры».⁴⁹ Заметим, кстати, что современная международная стратиграфическая шкала океанских осадков разработана на основе именно этой группы фауны.

Подытоживая изложенные в этой главе данные, можно с уверенностью заключить, что А. П. Карпинский как

---

⁴⁷ Головкинский Н. А. О пермской формации в центральной части Камско-Волжского бассейна. СПб., 1868. 144 с.

⁴⁸ Карпинский А. П. Замечания об осадочных образованиях... с. 243.

⁴⁹ Там же, с. 244.

ученый-геолог энциклопедического склада полностью сформировался в первое десятилетие своей самостоятельной научной деятельности. В это же время была заложена прочная база для его последующих фундаментальных работ по палеогеографии и тектонике, стратиграфии и палеонтологии.

Глава 5. Профессор Горного института

В 1877 г. скоропостижно скончался Н. П. Барбот де Марни, и Александру Петровичу предложили возглавить кафедру геологии, геогнозии и рудных месторождений. 7 мая 1877 г. 30-летний ученый становится профессором. В Горном институте в то время было всего четыре кафедры геологического профиля. Кафедрой кристаллографии и минералогии руководил профессор П. В. Еремеев. Практические же занятия по этим дисциплинам на II и III курсах вел адъюнкт Г. Г. Лебедев, который после ухода П. В. Еремеева из Горного института в 1896 г. стал во главе кафедры. Г. Г. Лебедеву принадлежит обширный «Курс минералогии», являвшийся настольной книгой нескольких поколений студентов. Кафедру палеонтологии до 1873 г. занимал профессор В. Г. Ерофеев, а с 1873 по 1885 г. — В. И. Мёллер, литографированный курс лекций которого до 1897 г. был единственным учебным пособием. С 1897 г. студенты обучались по «Курсу палеонтологии» И. И. Лагузена. Сам И. И. Лагузен преподавал палеонтологию с 1874 по 1899 г. Кафедрой горного и маркшейдерского искусства с 1871 по 1896 г. (с небольшим перерывом) руководил Г. Д. Романовский. Его помощником с 1885 г. был Н. Д. Коцовский. Наконец, четвертую геологическую кафедру — геологии, геогнозии и рудных месторождений — с 1877 г. занял А. П. Карпинский. Помощником к нему был назначен один из его первых учеников, выдающийся русский ученый И. В. Мушкетов, который читал курс геологии и геогнозии, написал превосходный двухтомный учебник «Физическая геология» и считался лучшим знатоком геологии Средней Азии. Он же автор капитального сочинения «Туркестан». «И. В. Мушкетов был вполне выдающимся, блестящим, неутомимым профессором, — говорил о нем А. П. Карпинский. — Способности его в этом отношении

были изумительными. То, что вырабатывается более или менее долгой практикой, далось ему сразу. Как профессор, он быстро приобрел себе высокую репутацию, и высшие учебные заведения наперерыв раскрывали перед ним двери своих аудиторий».¹ В 1896 г. И. В. Мушкетов сменил А. П. Карпинского на посту руководителя кафедры геологии, геогнозии и рудных месторождений.

Курсы, которые читали А. П. Карпинский и И. В. Мушкетов, не пересекались. Александр Петрович вел петрографию, историческую геологию и курс месторождений полезных ископаемых, а Иван Васильевич читал общую, или динамическую геологию. Студенты сначала знакомились с общей геологией (по Мушкетову), а уж на следующем курсе — с исторической геологией (по Карпинскому). На траурном заседании Минералогического общества 5 февраля 1902 г., посвященном памяти И. В. Мушкетова, неожиданно для всех скончавшегося от воспаления легких, Александр Петрович с горечью говорил: «Физическая, или динамическая геология, лучшим знатоком которой он у нас по справедливости считался и которой он главнейше посвящал свои научные занятия и лекции, является в настоящее время одним из необходимейших предметов общего образования. Мушкетов сделал этот, полный интереса и значения предмет в своем прекрасном устном и печатном изложении доступным целому ряду его многочисленных слушателей, четверть века сменявшихся перед ним в аудиториях нескольких учреждений».²

Однако вернемся в 1873 г. В этом году 9 ноября в Екатерининской церкви, что на бывшей Кадетской, ныне Съездовской, линии Васильевского острова, Александр Петрович обвенчался с Александрой Павловной Брусницыной, 19-летней дочерью покойного профессора Академии художеств. Познакомил их брат Александры Павловны Ф. П. Брусницын, обучавшийся в Горном институте у Александра Петровича. Он продолжил горняцкую линию своего деда, штейгера Л. И. Брусницына, еще в 1813 г. открывшего на Урале крупное месторождение россыпного золота. Александру Петровичу шел в то время

---

¹ Зап. С.-Петерб. минер. об-ва, 1902, ч. 40, вып. 1, с. 25.

² Там же, с. 26.

27 год. Он подает прошение на имя директора Горного института академика Н. И. Кокшарова: «Желая вступить в законный брак с дочерью вдовы Коллежского советника Брусницыной Александрой имею честь покорнейше просить о разрешении Вашего превосходительства на этот брак». «Его превосходительство», конечно же, благословило молодых. Но им надо было на что-то жить, и Александр Петрович просит поддержать его не только морально, но и ссудить ему несколько сот «подъемных». Н. И. Кокшаров вынужден довести эту просьбу адъюнкта своего института до сведения — ни много, ни мало — министра финансов. «Долгом моим считаю, вместе с тем, — писал директор Горного института М. Х. Рейтерну, — донести Вашему высокопревосходительству, что как сам господин Карпинский, так и будущая его жена не имеют никакого состояния и что поэтому половина получаемого им по своему адъюнктскому годовому содержанию, т. е. сумма в 600 руб., могла бы служить для него весьма существенным вспомоществованием» (газета «Известия» за 18 июля 1936 г.).

Итак, поставив в известность о своем бракосочетании всю иерархическую лестницу чиновников, вплоть до министра финансов, А. П. Карпинский привозит свою молодую жену в их новую квартиру в преподавательском корпусе, стоявшем во дворе Горного института. Здесь они проживут 25 лет и здесь же родятся все пятеро их детей.

Уже 10 августа 1874 г. счастливые родители держали на руках своего первенца — дочь Евгению;³ 17 января 1876 г. родилась вторая дочь — Татьяна;⁴ 2 июня 1881 г. — третья дочь — Мария⁵ и, наконец, 21 апреля 1886 г., четвертая дочь — Александра.⁶ Был у Карпин-

---

³ Е. А. Карпинская-Толмачева (1874—1963), верный друг и помощник своего отца. Многие сделала для увековечения памяти А. П. Карпинского.

⁴ Т. А. Карпинская (1876—1942), художница, многие годы преподававшая рисование в средней школе. Всю жизнь прожила с отцом. Умерла в Ленинграде во время блокады.

⁵ М. А. Карпинская-Беккер (1881—1943), закончила Высшие женские (Бестужевские) курсы. Вышла замуж за художника Н. Н. Беккера. Умерла в Париже во время немецкой оккупации.

⁶ А. А. Карпинская-Нехорошева (1886—1942), училась в Петербургской консерватории. Вышла замуж за юриста В. Т. Нехорошева. Умерла в Ленинграде во время блокады.

*Александра Павловна с дочерью Татьяной.
(Публикуется впервые).*

ских и сын — Коля, который, однако, 13 августа 1884 г. умер от воспаления мозга. Было ему всего пять лет. Говорят, что именно с этого времени голова у Александра Петровича стала абсолютно белой.

Воспитывать детей Александре Павловне помогала бабушка, Мария Фердинандовна, «женщина умная, образованная, много читавшая, „вольнотумка“, как тогда говорили» [148, с. XI]. Позднее ей пришлось уехать в Екатеринбург, к старшей дочери Марии Петровне Редикорцевой, рано овдовевшей и оставшейся с семьей детьми на руках. Александр Петрович ежегодно во время своих экспедиционных поездок на Урал навещал ее, да и она изредка навещалась в Петербург, чтобы сдать в пансион очередную свою внучку.

Жизнь в семье Карпинских шла своим чередом. Александр Петрович много работает, летом отправляется в экспедиции, а семья переезжает на дачу, в Лахту. В воспитание детей, как вспоминает Евгения Александровна, отец не вмешивался, всецело доверяясь своей жене, но был в курсе всех их детских забот. С Урала он шлет им ласковые письма и сам с удовольствием разбирает каракули своих дочерей. 30 июля 1884 г. он пишет семилетней Евгении:

Милая моя Женюрка.

Поздравляю тебя с рождением. Теперь ты большая девочка и, верно, будешь всегда хорошо вести себя и хорошо учиться. Я рад, что мама хвалит тебя за учение. Скоро приеду с Урала и привезу тебе шишку и игрушку — какую ты хочешь. Напиши скорее, какую? Поцелуй маму.

Твой папа.⁷

Внутрисемейная атмосфера дома Карпинских была на редкость благоприятной — спокойной, уравновешенной, доброжелательной. Семья была большой и дружной, хотя каждый жил своей (как ему казалось) независимой жизнью. «При очень большой простоте внутреннего уклада нашей, в сущности, очень тесной семьи, — вспоминает Евгения Александровна, — личная жизнь каждого из ее членов являлась его неприкосновенной собственностью. Если бы кто-нибудь из них изложил в письменной форме все свои внутренние переживания, то для остальных членов семьи они оказались бы, вероятно, откровением» [148, с. VIII]. Да, семья была настоящая. Были общие интересы (и немало) и была личная жизнь каждого, его внутренний мир, куда остальные не смели вторгаться с докучливыми распросами.

Карпинские «принимали» по четвергам. В этот день к обеду собиралось много друзей их дома: был и Алексей Петрович с женой (родной сестрой Александры Павловны), были товарищи студенческих лет Александра Петровича, частенько заходил и Фридрих Богданович Шмидт, академик — палеонтолог, бобыль и добрейшей души человек. Бывал и ученик Александра Петровича Феодосий Николаевич Чернышев. Эти вечера — большой праздник семьи и большая радость для девочек. «Я часто задавала себе вопрос, — продолжает свои воспоминания

---

⁷ ЛО ААН, ф. 265, оп. 9, д. 87, л. 1.

*А. П. Карпинский с женой и дочерью Евгенией и
Татьяной, 1877 г.*

Евгения Александровна, — что привлекало в наш дом людей, которых, казалось бы, ничто не могло в нем интересоваться, но теперь, оглядываясь назад, я вижу, что в нашем доме они находили то, что им не хватало ни у себя дома, ни в других домах, — настоящую семью...» [148, с. XXI]. Позднее в их доме, помимо геологов, стали частыми гостями композитор А. К. Глазунов, художники — товарищи Татьяны Александровны по Академии художеств, музыканты, с которыми знакомил Александра Петровича его товарищ по институту и большой ценитель музыки Н. А. Москвин. Музыку в семье Карпинских любили все. Она была общей страстью, но у Александра

Петровича была и собственная — книги. Он мог часами рыться в книжных развалах букинистов и бывал по-настоящему счастлив, если удавалось отыскать что-либо интересное. К концу жизни Александр Петрович собрал поистине уникальную библиотеку — более 50 000 томов.

Но главным, естественно, была работа, ничуть, однако, не влиявшая на внутренний распорядок жизни всего семейства. До 1882 г. Александр Петрович работал только в Горном институте. Учебные занятия и сопутствующая им научная работа поглощали все время. Лекции он читал всегда с утра, с 9 часов. Такое расписание диктовала мигрень, доставшаяся ему по наследству от матери и, в свою очередь, переданная им некоторым из своих детей. «Просыпался 2—3 раза в неделю со „свинцовой головой“». В такие дни после лекций „возвращался домой полуживым“, — вспоминал впоследствии А. П. Карпинский.⁸ К пятидесяти годам головные боли прошли бесследно. Но за 25 лет таких мучений много времени «пропало для умственных занятий». Готовился к лекциям Александр Петрович вечерами, когда мигрень слабела. В гостиной на рояле раскладывались геологические карты, и он, прохаживаясь по комнате, «проигрывал» про себя будущую лекцию. Присутствие детей ему никогда не мешало. Пока они были маленькими, могли с шумом носиться по комнатам, залезать под рояль — он их не замечал. Когда девочки подросли, то, зная эту особенность отца, могли, не отвлекая его, наигрывать что-нибудь на рояле, когда он тут же изучал геологическую карту. Никогда он не требовал для себя особых удобств и умел «работать в условиях, которые другим могли показаться неприемлемыми» [148, с. XV].

Александр Петрович, как уже говорилось, вел в Горном институте три предмета: петрографию, историческую геологию и рудные месторождения. Аудиторной системы тогда не было, как и специальных кабинетов, а каждая группа студентов была прикреплена к своему постоянному «классу». Профессора, сменяя друг друга, входили в класс и читали свои лекции. На занятия Александр Петрович являлся обычно с кипой книг и свертками геологических карт и, разложив все это на столе, начинал

---

⁸ Карпинский А. П. Автобиография. — Огонек, 1927, № 2.

свою лекцию-беседу. Подняв над головой «один из огромных томов Барранда, — вспоминает академик А. А. Борисяк, — он говорил обычно: „Кто не испугается такого тома, из того выйдет геолог“» [30, с. 593].

А. П. Карпинский никогда строго не придерживался утвержденной министерством программы, которая явно не поспевала за быстро растущими геологическими знаниями. На новые и интересные факты он не жалел ни времени, ни сил. На первом месте в его изложении стояли «глубина и серьезность содержания, глубоко западавшие в души внимательных молодых слушателей», — делится своими студенческими воспоминаниями А. П. Герасимов [40, с. 216]. «А. П. Карпинский не был красноречивым лектором, — как бы подхватывает эти приятные воспоминания академик В. А. Обручев, — захватывавшим слушателей блестящими оборотами речи, красивыми фразами и интонациями, подчеркивающими особо важные слова. Его лекции носили характер как бы спокойной деловой беседы, всегда поясняемой демонстрацией геологических карт, разрезов, таблиц с изображением ископаемых фаун и флор, планов и разрезов рудных месторождений, и на лекциях по петрографии — характерных шлифов минералов и горных пород, которые студенты по очереди смотрели под микроскопом, получая пояснения; свои пояснения профессор неустанно повторял каждому. Далеко не все студенты курса посещали его лекции, — заканчивает В. А. Обручев, — но все, которые слушали их регулярно, становились геологами» [116, с. 5].

Да, слушатели А. П. Карпинского — это «будущие его верные ученики и сотрудники», — подтверждает академик А. А. Борисяк [32, с. 416].

Чем же привлекал А. П. Карпинский своих студентов? Прежде всего доверием к их способностям. Лекции он всегда строил по следующей схеме: постановка вопроса — его история — все «за» и «против» его решения и, наконец, «белые пятна», которые он откровенно обнажал перед своими слушателями. Причем интересно, что студент «никогда не узнавал, что наиболее остроумные, наиболее увлекательные схемы, сообщавшиеся ему, принадлежат не кому иному, как именно Карпинскому» [30, с. 593]. Студентов, таким образом, покоряло доверие профессора, то, что он делился с ними, как с равными, пере-

шенными проблемами науки, и они, благодарные ему за доверие, самозабвенно отдавались изучению, а впоследствии и служению геологической науке. «Без сомнения, — заключает А. П. Герасимов, — его лекции сыграли большую роль в выборе специальности для многих питомцев Горного института» [42, с. 2].

Экзаменов у А. П. Карпинского студенты не боялись. Они знали, что даже в случае полного «провала» памяти «неуд» Александр Петрович не поставит — у него не поднималась рука. Не выручала его даже строгая и внушительная парадная форма, которую он обязательно надевал на экзамены. Вот как описывает экзамен у А. П. Карпинского А. П. Герасимов, его ученик одного из последних выпусков. Александр Петрович был уже тогда академиком, имел чин тайного советника, а его горняцкий генеральский мундир должен был, казалось, нагонять страх на студентов. Но не тут-то было. «... Я не помню случая, — вспоминает А. П. Герасимов, — чтобы в мое время кто-нибудь ушел с экзамена у Карпинского с „двойкой“ (мы знаем, что так было во все годы преподавания Александра Петровича, — С. Р.); иногда он сердился, ворчал, говорил, что в будущем году на выпускных экзаменах он таких знаний не потерпит, но все отлично знали, что на пятом курсе никакого экзамена по геологии нет и спокойно уходили домой, заработав тройку, — этот „балл душевного спокойствия“, как тогда говорили» [42, с. 3].

Еще одна небезынтересная деталь. Для получения диплома необходимо было сдать «Закон Божий», а студенты 70—80-х годов в массе своей отличались безбожностью, и многие из них так бы и не получили диплома горного инженера, если бы... не Александр Петрович. По правилам Отец Петр должен был принимать этот экзамен в присутствии одного из профессоров. Чаше других им оказывался А. П. Карпинский. «Батюшка» ставит безбожнику «неуд», а Александр Петрович, пряча ухмылку в бороду, — «хор». Средний балл, как легко подсчитать, — все та же спасительная тройка.

Остановимся теперь несколько подробнее на курсах, которые вел в Горном институте профессор А. П. Карпинский. 25 февраля 1885 г. Александр Петрович представил Совету института свои соображения «по порядку и характеру преподавания геологических дисциплин»,

В протоколах Совета читаем: «Полный курс геологии в Горном институте распадается на следующие отделы:

- 1) динамическая геология (на 3-м курсе);
- 2) петрография;
- 3) учение об осадочных образованиях;
- 4) прикладная геология».⁹

Только динамическую геологию читал И. В. Мушке-тов. Остальные же предметы вел А. П. Карпинский. При-чем курс прикладной геологии был достаточно обшир-ным. Он включал описание рудных месторождений, по-иски и исследование источников минеральных вод, а также геологические условия ирригации и основы поч-воведения. Между 3-м и 4-м курсами А. П. Карпинский предлагал проводить учебную геологическую практику под руководством профессоров, а между 4-м и 5-м — про-изводственную практику, разбив студентов на партии по 3—5 человек. «Каждой такой партии, — говорил на Со-вете Карпинский, — поручается исследование какой-ни-будь местности, главнейше месторождение какого-нибудь полезного ископаемого».¹⁰ Собранный за лето материал должен был обрабатываться на 5-м курсе и лечь в основу работы, которую бы сейчас мы назвали «дипломным проектом». Эти предложения Александра Петровича ока-зались удивительно живучими. До сих пор студенты-гео-логи его родного «Горного» обучаются по такой системе.

26 сентября 1889 г. А. П. Карпинский опять высту-пает в Совете института, на сей раз — с предложением по ходу практических занятий по курсу петрографии. «Я полагал бы полезным, — сказал Александр Петро-вич, — всех вообще студентов V курса ознакомить с глав-нейшими из этих приемов (петрографических исследова-ний, — *С. Р.*), именно с механическим анализом при по-мощи тяжелых жидкостей и электромагнитов, с наиболее важными микрохимическими реакциями и, наконец, с ми-кроскопическими исследованиями, начиная с пригото-вления препаратов и общих приемов исследования кристалло-графических, оптических и др. свойств минералов и кончая изучением признаков главнейших пороодообразо-вательных минералов».¹¹ Это — так сказать, практическая сторона дела, и А. П. Карпинский самолично, чтобы об-

⁹ ГИАЛО, ф. 963, оп. 1, д. 6370, л. 42.

¹⁰ Там же, л. 42 об.

¹¹ Там же, д. 6374, л. 117—118.

лёгчить студентам усвоение обширного материала, занимается совершенствованием лабораторных методов петрографии. В 1871 г. он разрабатывает оригинальный метод определения содержания кварца в породе и с успехом применяет его при исследованиях березита. Этот метод в 1884 г. переоткрывается за границей Хазардом и выдается им за «новый и свой»;¹² совершенствует методы разделения минералов различного удельного веса с помощью тяжелых жидкостей, рекомендуя для этих целей лучшую в то время «жидкость проф. Сушина»; составляет специальные таблицы: а) «для первоначального ознакомления с ходом микроскопического определения составных частей горных пород», б) для усвоения классификации «массивных горных пород и обозначения их минеральных элементов»; изобретает «двойниковую призму Николя для более успешного исследования плеохроизма»¹³ и т. д.

Александр Петрович пишет специальные руководства, базирующиеся на его многолетнем опыте преподавания петрографии в Горном институте, — «Петрографические заметки» (1884) и «Материалы для изучения способов петрографических исследований» (1885), — которые, по словам их автора, предназначаются «как моим настоящим и бывшим слушателям, так и вообще всем лицам,

¹² В этой связи А. П. Карпинский с горечью замечает: «Лица, занимающиеся в России научными исследованиями, делая наблюдения и открытия, для которых не требуется ни особого труда, ни особой сообразительности, нередко оставляют эти наблюдения и открытия без опубликования, предполагая, что они легко могут быть, при известных обстоятельствах, сделаны большинством ученых совершенно самостоятельно. Путем устной передачи (в лекциях, беседах и т. д., — *С. Р.*) такие наблюдения делаются нередко общеизвестными и приобретают иногда некоторое, не совсем ничтожное, значение. Между тем имя автора их или совершенно забывается, или вместо него выступает новое лицо (обыкновенно уже вне пределов России, в которой потерять приоритет русскому ученому, конечно, труднее)» (Петрографические заметки. — Изв. Геол. комитета, 1884, т. III, № 8, с. 266—267).

¹³ Об этом изобретении А. П. Карпинский доложил 21 апреля 1890 г. Петербургскому обществу естествоиспытателей. В своем сообщении он, в частности, сказал: «Наиболее пригодной она является для демонстрирования при преподавании, например для сравнительного изучения световых явлений при перекрещенных и параллельных николях, при наблюдениях с помощью чувствительных пластинок и прочее» (Тр. С.-Петерб. об-ва естествоиспыт., 1891, т. 21, вып. I, с. XI).

интересующимся упомянутыми приемами».¹⁴ Об этой работе А. П. Карпинского академик Д. С. Белянкин более чем через 50 лет писал, что «они (т. е. «Материалы...», — С. Р.) не утратили своего значения и в настоящее время» [16, с. 619].

К сожалению, в те годы редко писали учебники для студентов, а чаще издавали так называемые литографированные курсы, т. е. размноженные литографским способом конспекты лекций, написанные от руки кем-либо из наиболее аккуратных студентов. А. П. Карпинский опубликовал таким способом свои лекции по петрографии 1876 г., в которых описан состав и условия образования всех важнейших типов горных пород.¹⁵ Основные же теоретические положения петрографии, которые профессор А. П. Карпинский сообщал студентам, разбросаны в его научных статьях. Так, уже оставив педагогическую работу, Александр Петрович писал в 1903 г.: «Мои ученики за время моего продолжительного преподавания петрографии, начатого около 35 лет тому назад, могли бы засвидетельствовать, что, стараясь облегчить их память, я особенно останавливался на общности плана, которому следует минералогический состав пород, причем предвиделась вероятность открытия всех главнейших самостоятельных пород, найденных в последние 30 лет... При группировке пород отрицалось значение их подразделения на простые и сложные, отрицалось значение для петрографической классификации геологической древности; кажущаяся преобладающая древность так называемых плутонических пород пояснялась глубиной их происхождения и прочее. Почти все это, — со свойственной ему скромностью заключает А. П. Карпинский, — было заимствовано мною у предшественников и не представлялось уже тогда новым, хотя и не пользовалось среди геологов особым распространением».¹⁶

Это и есть основные петрологические идеи (не столь, кстати, очевидные, как об этом пишет А. П. Карпин-

¹⁴ Карпинский А. П. Материалы для изучения способов петрографических исследований. СПб., 1885, с. 2.

¹⁵ Карпинский А. П. Описание главнейших горных пород. Лекции, читанные в Горном институте. Издал И. Левицкий. СПб., 1876, 408 с. Литографированное издание.

¹⁶ Карпинский А. П. О замечательной так называемой гродуитовой горной породе из Забайкальской области. — Изв. Акад. наук, V сер., 1903, т. XIX, № 2, с. 31.

ский), которые он внушал своим студентам. Вот, к примеру, его воззрения о магме: «...О каждой магме надлежащее представление получится лишь тогда, когда мы будем в состоянии определить, в какие соединения группируются входящие в ее состав элементы — соединения, выкристаллизовывающиеся при соответственных условиях в форме определенных минералов.

Мы должны стремиться к определению в еще жидкой магме, так сказать, ее минералогического состава».¹⁷ Легко видеть, что Александр Петрович придерживался «молекулярной» концепции строения магмы, справедливо считая, что для суждения о процессах магматизма надо знать молекулярное строение расплава. Более того, согласно развиваемой концепции, те соединения, которые кристаллизуются из расплава, грубо говоря, в нем и содержатся. Именно об этом и говорит А. П. Карпинский. Позднее на смену молекулярной теории пришла ионная, но в последние годы петрологи вновь вернулись к квазимолекулярной концепции, а представления о том, что минеральный состав пород тоже подготовлен структурой магмы, развивается трудами академика Н. В. Белова.

О взглядах А. П. Карпинского на петрографические классификации мы уже указывали в гл. 4. Тезис Александра Петровича о примате минералогического состава пород и их структуры выдержал испытание временем только в одном отношении: такого рода классификация, усовершенствованная затем академиком А. Н. Заварицким, оказалась очень удобной для практической определительной работы, но это не означает, как думал А. П. Карпинский, что «на одном общем химическом составе никакая петрографическая классификация невозможна».¹⁸

Второй курс, читавшийся А. П. Карпинским в Горном институте, в разные годы назывался по-разному: учение об осадочных образованиях, геогнозия, или (точнее) историческая геология. Он был любимым предметом и самого Александра Петровича, поскольку в нем концентрировались знания сразу по многим геологическим дисциплинам — палеонтологии и стратиграфии, тектонике и палеогеографии и, наконец, геологическому карти-

---

¹⁷ Там же, с. 25.

¹⁸ Там же, с. 28.

рованию, научный интерес к которому у А. П. Карпинского проявился при чтении именно этого курса. Академик В. А. Обручев вспоминал много лет спустя, что «курс исторической геологии... требовал для иллюстрации предъявления слушателям геологической карты России. Единственная существовавшая в то время геологическая карта Европейской России, составленная Р. Мурчисоном в 1845 г., конечно, уже сильно устарела, и Александру Петровичу пришлось самому составлять рукописную карту по новым данным и в более крупном масштабе, которая в копиях быстро распространилась» [116, с. 10]. Для этой цели А. П. Карпинский купил 60-верстную карту Европейской России на 6 листах и пачку «бланковых», или, как бы мы их теперь назвали, контурных, карт и роздал их слушателям. «Они закрашивали разными цветами места на картах — от архея до современных отложений, — рассказывал впоследствии А. П. Карпинский. — Так вместе со студентами была составлена первая 60-верстная карта Европейской России на основании имевшихся тогда данных, значительно превышавших данные на прежних картах».¹⁹ Заметим, кстати, что такой самодельной картой А. П. Карпинский пользовался вплоть до 1893 г., когда Геологическим комитетом была выпущена новая, более совершенная геологическая карта.

В свои лекции по исторической геологии Александр Петрович включал палеонтологическое обоснование крупных стратиграфических подразделений, рисовал картину закономерных изменений в смене по разрезу основных типов осадочных пород, останавливался на методах фациального анализа и т. д. Целый ряд высказываемых им положений представляет значительный интерес и для современной геологии. Так, он излагает принцип своеобразного «возрастного скольжения» фаунистических комплексов, который служит некоторым теоретическим обоснованием любимой его идеи о переходных слоях и отчетливо перекликается с принципом возрастного скольжения геологических горизонтов Н. А. Головкинского, высказанным за 10 лет до А. П. Карпинского.

В лекциях 1878/79 г. Александр Петрович говорил студентам: «Форбс исследовал Средиземное море и, основываясь на различии животных, найденных им на раз-

---

¹⁹ Карпинский А. П. Автобиография.

личных глубинах, разделил восточную его часть на 8 поясов. Предположим, что подобный водоем выполнится осадками. Таким образом, получим толщи осадков, заключающих последовательно формы животных, начиная с самых нижних до верхних слоев. Будущий геолог может поэтому заключить, что эти окаменелости представляют фауну, существовавшую по очереди; но опытному наблюдателю не трудно будет добиться истины, обратив внимание на нахождение окаменелостей, свойственных верхним слоям, в нижних осадках, которые тут попали случайно. Только самые верхние осадки будут заключать окаменелости, свойственные верхним слоям, без примеси видов нижних горизонтов».²⁰

Эта идея была основной среди биостратиграфических построений А. П. Карпинского. Он полагал, что замещение исчезающих органических форм новыми происходит последовательно и постепенно, без резких скачков (мутаций), «так что каждая данная фауна или флора представляет лишь изменение предшествовавшей. Это учение, — говорил А. П. Карпинский, — существовало уже давно (Ламарк и многие др.), но в научную теорию оно развилось только после трудов Дарвина и Уоллеса».²¹

Если это так, а в справедливости этого тезиса, как видим, Александр Петрович не сомневался, то отсюда в явном виде и вытекали его воззрения на принципы выделения и границы стратиграфических подразделений, которые, с позиций многих и современных геологов, не придерживающихся так называемой концепции естественности в стратиграфии, восходящей своими корнями к катастрофизму, считаются наиболее разумными.

До II МГК в Болонье (1881 г.), принявшего современную стратиграфическую номенклатуру, которую сразу же полностью перенял и А. П. Карпинский, он придерживался своего, им же самим разработанного «стратиграфического кодекса». Так, аналогом *отдела* у А. П. Карпинского выступала *формация*, в определение которой он вкладывал чисто стратиграфическое звучание. «Формация, — говорил он на лекциях студентам, —

²⁰ Карпинский А. П. Курс геогнозии. Лекции, читанные в Горном институте в 1878/79 г. Литографированное издание, с. 7—8.

²¹ Карпинский А. П. Извлечение из лекций об осадочных образованиях. Горный институт. СПб., 1884, с. 4.

есть группа осадков, отличающихся единством палеонтологического характера, т. е. такая группа осадков, в которых органические остатки существенно одинаковы... Границы, которые мы проводим между формациями, основываясь на различии органических остатков, — продолжал А. П. Карпинский, — совершенно искусственны и там только резко очерчены, где в образовании осадков изменениями уровня морского дна или другими причинами были вызваны перерывы и, таким образом, была нарушена последовательность в образовании общего ряда пластов. Формации, сходные по палеонтологическим признакам, соединяются в почву или систему»²² (курсив мой, — С. Р.). В наши дни в понятие «формация», с легкой руки академика Н. С. Шатского, вкладывается иное, «парагенетическое» звучание, не вносящее, кстати, ясности прежде всего в процедуру выделения формаций, а следовательно, и в вопрос об их границах. Сторонникам этого учения следовало бы заглянуть в работы крупнейших русских геологов прошлого: А. П. Карпинского, Ф. Н. Чернышева, С. Н. Никитина и других, в которых дебатированные в наши дни вопросы уже сто лет тому назад достаточно четко и ясно освещены.

Формации А. П. Карпинский делит на ярусы, ярусы — на пояса (зоны). Чаще же ярусы делятся просто на слои. Все это подразделения *хронологические*. Кроме них, Александр Петрович справедливо предлагал различать и единицы *хорологические*, в основе которых лежит латеральное распространение организмов. Очень интересны предложения А. П. Карпинского по понятийной основе фациального анализа. «Если осадки различных местностей или различной древности образовались в среде однородного характера, то такие осадки называются *изомезичными*. В противном случае, — заключает Александр Петрович, — они получают название *гетеромезичных*».²³ И далее: «Отложения одной и той же провинции могут вследствие местных причин являться с различными петрографическими или палеонтологическими признаками. Такие отложения называются *фациями*... Осадки одинаковых фаций, принадлежащие к разным провинциям или имеющие различную древность, назы-

²² Там же, с. 6.

²³ Там же, с. 7.

ваются *изотопными*, в отличие от *гетеротопных* осадков, принадлежащих к различным *фациям*».²⁴

Такое понимание фации разделяется и многими современными геологами (Г. Ф. Крашенинников, Р. Мур и др.), хотя однозначности в толковании этого понятия пока не достигнуто, да и вряд ли когда-нибудь это случится, если геологи будут по-прежнему апеллировать к первоисточнику (А. Грессли), либо уяснять, уточнять или формализовывать это понятие без учета исторически сложившейся этапности геологических задач, решаемых фациальным анализом, т. е. не будут различать палеогеографический и седиментологический его этапы.²⁵

Третьим курсом, который читал А. П. Карпинский в Горном институте, была прикладная геология, включавшая в себя и сведения о рудных месторождениях. До него «рудные месторождения» в 1863—1877 г. вел Н. П. Барбот де Марни. Однако первое в России учебное пособие по этой дисциплине составил именно А. П. Карпинский.²⁶ «Трудно переоценить его работы по изучению отдельных видов рудных полезных ископаемых, — читаем мы в монографии «Ленинградский горный институт». — Широта кругозора, блестящая эрудиция, тонкая наблюдательность, использование при исследованиях петрографических методов, которыми он владел в совершенстве, позволили Карпинскому дать образцы строго научных описаний ряда рудных месторождений Урала, до сих пор не утративших своего значения».²⁷

А. П. Карпинский говорил студентам, что открытие месторождения полезного ископаемого — это конечный практический итог работы геолога, в котором фокусируются предварительные всесторонние исследования геологических особенностей изучаемого района. Для того же чтобы знать, какие характеристики могут считаться «про-

²⁴ Там же.

²⁵ Романовский С. И. О содержательной нагрузке задач фациального анализа. — Изв. АН СССР, сер. геол., 1973, № 11, с. 104—109.

²⁶ Карпинский А. П. О рудных месторождениях. Извлечение из лекций об осадочных породах. СПб., 1886, 68 с.; Месторождения полезных ископаемых на Урале. — В кн.: Очерк месторождений полезных ископаемых в Европейской России и на Урале. СПб., 1884, с. 3—86, 208—241.

²⁷ Ленинградский горный институт им. Г. В. Плеханова, 1773—1973. М., 1973, с. 147.

гнозными», необходимо тщательно и всесторонне (что очень важно!) анализировать уже открытые месторождения: изучать их геологическую структуру, особенности локализации рудовмещающих участков, зоны перехода рудоносных пород в безрудные (вмещающие), вещественный состав руд, текстурные характеристики пород и т. п. Такое исследование неизбежно приведет к более обоснованному суждению о генезисе месторождения, а следовательно, позволит наметить и рациональный комплекс дальнейших поисковых и разведочных работ. Тем более, что понятие «руда» относительно. Оно неизбежно меняется с развитием техники обогащения полезных ископаемых и истощением крупных, богатых хорошей рудой, месторождений. «С усовершенствованием техники, — говорил Александр Петрович на лекциях, — рудой могут являться и такие вещества, к которым ранее это название было неприменимо».²⁸

В своих лекциях А. П. Карпинский не приводит собственной классификации рудных месторождений, хотя обоснованно критикует уже существующие. Научное изучение рудных месторождений в то время только начиналось, и он понимал, что знаний еще очень мало, чтобы обосновать добротную, не умозрительную классификацию. Тогда еще во всю шло накопление фактических данных, и заслугой А. П. Карпинского в этом плане можно считать тот факт, что он верно ориентировал своих учеников, приучая их с институтской скамьи к комплексности в исследованиях, к умению находить взаимосвязь, казалось бы, разнородных явлений и использовать ее для обоснованных генетических построений. Описание месторождений А. П. Карпинский систематизировал по типам руд и давал исчерпывающую их характеристику.

Таково главное содержание курсов, читавшихся адъюнктом, с 1877 г. — профессором и с 1894 г. — заслуженным профессором Петербургского горного института А. П. Карпинским.

В 1896 г. Александр Петрович выслужил положенные для пенсии 30 лет и оказался перед решением — либо оставить работу в Горном институте, либо вновь писать прошение «о продлении срока службы» и проходить кон-

---

²⁸ Карпинский А. П. О рудных месторождениях, с. 3.

курс. В это время он был еще и директором Геологического комитета и ординарным академиком Академии наук. Поэтому, перегруженный работой в Комитете и Академии, он решает оставить преподавательскую деятельность. Кафедра геологии, геогнозии и рудных месторождений переходит к И. В. Мушкетову. Студенты, горячо любившие своего профессора, преподнесли ему прекрасно оформленный альбом со своими фотографиями и адрес, который подписали 146 человек. На серебряной крышке альбома была выгравирована геологическая карта Европейской России. В адресе, подаренном студентами, в частности, говорилось: «Позвольте нам, Вашим ученикам, выразить то глубокое уважение и симпатию, которые мы чувствуем к Вам не только как к ученому, столь много потрудившемуся для развития геологических знаний, не только как к разносторонне образованному профессору и лектору, но также как к человеку, всегда отличавшемуся гуманностью, сердечным отношением к своим ученикам и удивительной скромностью к своим заслугам» [14, с. 96]. Растроганный А. П. Карпинский всем студентам последних двух выпусков подарил свое фото с дарственной надписью. Этот альбом и адрес, как утверждала Е. А. Толмачева, были самыми дорогими из всех многочисленных подношений, которые скопились у А. П. Карпинского за долгие годы служения науке.

Горный институт с сожалением расставался с Александром Петровичем. Директор института В. И. Мёллер 22 октября 1896 г. пишет ему: «Ввиду оставления Вами, согласно прошению, службы в Горном институте... имею честь выразить Вашему превосходительству от имени Совета искреннюю признательность за Вашу плодотворную деятельность в Горном институте, на пользу которого Вы отдали многие годы своей жизни, содействуя образованию целых поколений горных инженеров».²⁹

Одновременно с А. П. Карпинским Горный институт покинули Г. Д. Романовский, Г. А. Тиме и П. В. Еремеев. Их ученики Н. С. Курнаков и Л. И. Лутугин провели подписку среди сотрудников института и, собрав 5900 руб. ассигнациями, написали рапорт на имя директора с просьбой учредить четыре премии имени бывших профессоров Горного института А. П. Карпинского,

---

²⁹ ЛО ААН, ф. 265, оп. 3, д. 55, л. 1.

Г. Д. Романовского, Г. А. Тиме и П. В. Еремеева для «выдачи их за лучшие работы студентов института по геологии, высшей математике и маркшейдерскому искусству, горному искусству и минералогии».³⁰ Премии должны были присуждаться на проценты от собранного капитала, один раз в два года по 100 руб. каждая. Так закончилась преподавательская деятельность А. П. Карпинского. За 30 лет работы в Горном институте он, как писал В. И. Мёллер, воспитал «целые поколения горных инженеров». Назовем наиболее выдающихся его учеников.

Мушкетов И. В. (выпуск 1872 г.), профессор Горного института и старший геолог Геологического комитета.

Краснопольский А. А. (выпуск 1878 г.), старший геолог Геологического комитета.

Михальский А. О. (выпуск 1878 г.), консерватор, впоследствии старший геолог Геологического комитета.

Чернышев Ф. Н. (выпуск 1880 г.), академик, директор Геологического комитета.

Федоров Е. С. (выпуск 1883 г.), академик, директор Горного института.

Богданович К. И. (выпуск 1886 г.), профессор Горного института, директор Геологического комитета.

Обручев В. А. (выпуск 1886 г.), академик.

Лутугин Л. И. (выпуск 1889 г.), профессор Горного института, геолог Геологического комитета.

Герасимов А. П. (выпуск 1893 г.), старший геолог Геологического комитета.

Яковлев Н. Н. (выпуск 1893 г.), член-корреспондент АН СССР, директор Геологического комитета.

Борисяк А. А. (выпуск 1896), академик.

Вебер В. Н. (выпуск 1897 г.), профессор, первый выборный директор Геологического комитета.

Мы должны были бы еще назвать Г. А. Ржонсницкого (1880 г.), М. Н. Миклухо-Маклая (1882 г.), Н. Н. Барбота де Марни (1886 г.), В. А. Наливкина (1892 г.), А. Н. Рябинина (1897 г.), В. А. Соколова (1898 г.), А. М. Терпигорева (1897 г.), Н. Ф. Погребова, исключенного из Горного института за революционную деятельность, и многих, многих других. Некоторые из непосредственных учеников А. П. Карпинского сами работали в Горном институте и воспитали сотни своих учеников — геологических внуков Александра Петровича. До сего дня геологические кафедры Ленинградского горного института, у истоков которых он стоял, чтят его заветы и прививают современным студентам все то лучшее, что много лет тому назад принес в стены родного «Горного» Александр Петрович Карпинский.

³⁰ ГИАЛО, ф. 963, оп. 1, д. 5651.

Часть вторая

«Формально он был третьим, а по существу первым директором Геологического комитета»

Глава 6. Создание Геологического комитета

С 1882 г. начинается новый крупный этап научной деятельности А. П. Карпинского. Не прерывая работы в Горном институте, он с первых шагов первого государственного геологического учреждения России — Геологического комитета — становится активным его сотрудником, сначала в должности старшего геолога, затем директора и наконец почетного директора. Геолкому Александр Петрович отдал 21 год жизни, а если считать его не прекратившееся научное сотрудничество с этим учреждением после официального ухода с директорского поста, то и все 40 лет активной творческой деятельности.

Россия затянула с организацией государственной геологической службы на долгие годы и дала обойти себя многим странам Европы, осуществившим это мероприятие, столь жизненно необходимое им для развития, значительно раньше, некоторые — даже не одним десятилетием. Так, в Великобритании, например, геологическая служба (Geological Survey) была создана в 1832 г., в Австрии — в 1849 г., во Франции — в 1855 г., в Швеции — в 1858 г., в Финляндии — в 1865 г., в Италии — в 1868 г., в Венгрии — в 1872 г., в Германии — в 1873 г., в Бельгии — в 1877 г.

Чем же это объясняется?

У России были, разумеется, собственные объективные причины и, прежде всего, социально-экономического характера, задержавшие создание геологической службы. Ведь организация такой службы — прямое следствие перехода страны на капиталистический путь развития, неизбежно сопровождающийся бурным ростом промышленности, которая, в свою очередь, требует постоянного прироста сырьевых ресурсов, что обеспечить усилиями

добровольных научных обществ, а тем более отдельных геологов, невозможно. Неслучайно именно в Англии — первой стране, где сложились новые экономические отношения, — была создана и первая в мире государственная геологическая служба. Россия в этом отношении явно не доросла, а когда к 60-м годам дотянулась до нужного уровня, случилось обычное для того периода — новое прогрессивное начинание натолкнулось на непреодолимое сопротивление чиновнично-бюрократической машины царской России, раскрутить которую даже самым умным и энергичным людям того времени не удавалось долгие годы.

Много лет спустя академик Ф. Н. Чернышев напишет: «Как пример бюрократического понимания науки в России приведу, что вопрос о создании центрального геологического учреждения чуть ли не был отклонен вследствие категорического заявления министерства финансов, что в России нет землетрясений, а потому ей нет надобности в правительственном геологическом институте».¹

Между тем Россия более других стран нуждалась в государственном геологическом учреждении, как самая крупная, одна из самых отсталых и в то же время богатых природными ресурсами держав. Посмотрим, как передовые русские геологи старались провести в бюрократические верха идею организации Геологического комитета. Но сначала немного истории о состоянии и организации геологических исследований в «докомитетский» период.

В начале XIX в. научная жизнь в России концентрировалась вокруг Академии наук, университетов и научных обществ. В первой четверти XIX в. в России насчитывалось 6 университетов: Московский (основан в 1755 г.), Дерптский (1802 г.), Виленский (1803 г.), Казанский (1804 г.), Харьковский (1804 г.) и Петербургский (1819 г.). Научных обществ было и того меньше: Московское общество испытателей природы (1805 г.), Петербургское минералогическое общество (1817 г.) и, наконец, Русское географическое общество (1845 г.). Был еще, конечно, Петербургский горный институт (1773 г.), сосредоточивший хоть и крупные, но малочисленные силы геологов.

¹ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1—1905, д. 38, л. 20 об.

До 1807 г. геологические работы в России велись только в горнодобывающих районах по заказам промышленников и предпринимателей. Никем они не контролировались и никто их не координировал. Функции эти должен был осуществлять Горный департамент, созданный в 1807 г. при министерстве финансов вместо упраздненной Берг-коллегии и уже в 1811 г. переименованный в Департамент горных и соляных работ. В его ведении находились все горные округа, где он и развернул геологические исследования (главным образом на Урале) с целью открытия новых месторождений полезных ископаемых. Ориентировались, разумеется, лишь на ближайшие годы, руководствуясь единственной целью — открыть то, что легко открывается, а потому детальным работ по геологическому картированию Горный департамент не предусматривал. Составлялись только «геогностические» и «петрографические» карты отдельных месторождений и прилегающих территорий. Карты эти стали атрибутом геологических работ после утверждения в 1829 г. инструкции В. Ю. Соймонова по ведению горно-геологических изысканий. Инструкция действовала до 1850 г., после чего была заменена новой, более совершенной.

Выступая 6 декабря 1900 г. с речью по случаю 200-летней годовщины Горного ведомства, А. П. Карпинский говорил: «Специальные геологические работы первоначально производились почти исключительно Горным ведомством и притом в районах, имеющих горнопромышленное значение. Большое количество ценных по тому времени материалов оставалось в местных горных управлениях и не было опубликовано за отсутствием соответствующего печатного органа».² Такой «печатный орган» появился в 1825 г. Это был знаменитый «Горный журнал» — старейшее периодическое специализированное горно-геологическое издание. Геологи печатали не только отчеты о проведенных работах, но и монографии чисто научного характера, понимая, что поиск — поиском, а развитие науки должно идти своими, причем опережающими практические работы, темпами. Так появляются на свет первые палеонтологические монографии. В 1821 г. Х. И. Пандер публикует систематическое описание сирийских беспозвоночных, а в 1825 г. Э. И. Эйхвальд —

---

² Карпинский А. П. Собр. соч., т. IV, М.—Л., 1949, с. 394.

силурийских трилобитов. Последнему принадлежит и первая сводная работа по всем известным тогда в России палеонтологическим остаткам — своеобразная четырехтомная энциклопедия, опубликованная в 1853—1855 гг.

Уже в 20-х годах начинается свои систематические геологические исследования Г. П. Гельмерсен, а с 40-х годов к детальному изучению Кавказа приступает Г. В. Абих. В это же время работают широко известные геологи А. Ф. Миддендорф, А. А. Кейзерлинг, И. Мюллер. За геологическую карту Европейской России Г. П. Гельмерсен в 1841 г. получает от Академии наук Демидовскую премию. Для научного анализа быстро накапливающегося геологического материала Горное ведомство приглашает в Россию А. Гумбольдта, Г. Розе и других ученых. Богатейшие палеонтологические коллекции Горного музея при Горном институте в конце 30-х годов были отправлены в Германию Л. фон Буху, по изучении которых тот указал на возможность существования в пределах России палеозойских образований, бывших до того известными лишь на Западе. Именно это обстоятельство и послужило поводом для экспедиции Мурчисона, Вернейля и Кейзерлинга. «Труды этой экспедиции, — продолжает свою речь А. П. Карпинский, — составили эпоху не только в геологическом изучении России, но и вообще в учении об осадочных отложениях и внесли новую струю и оживление в геологические работы в нашей стране».³

Первым из русских геологов, кто осознал необходимость монополизации государством геологосъемочных работ, был академик Г. П. Гельмерсен, который самостоятельно занимался геологической службой более 40 лет. Уже в 1862 г., выступая с докладом в Академии наук, он доказывал, что неизученность геологического строения России отрицательно сказывается на развитии горнозаводской промышленности, принося ей значительные убытки. Г. П. Гельмерсен, таким образом, ставил экономику страны в прямую зависимость от геологического картирования, которое, с его точки зрения, должно быть сконцентрировано в государственном геологическом учреждении.

---

³ Там же, с. 396.

Параллельно с усилиями Г. П. Гельмерсена, которые он предпринимал по линии Академии наук, вопрос о систематическом геологическом картировании России был поставлен Петербургским минералогическим обществом. 26 февраля 1865 г. секретарь Общества П. А. Пузыревский вынес это предложение на рассмотрение его членов. В решении записали: «Назначить комиссию для обсуждения этого предложения».⁴ Членами комиссии стали Н. П. Барбот де Марни, Г. П. Гельмерсен, Э. К. Гофман, В. Г. Ерофеев, Н. И. Кокшаров и П. А. Пузыревский. (Заметим, что А. П. Карпинский в это время еще только заканчивает Горный институт). Комиссия полностью одобрила предложение П. А. Пузыревского, а уже через год дирекция Общества в лице его президента герцога Н. М. Лейхтенбергского и директора Н. И. Кокшарова добилась отпуска ежегодной дополнительной субсидии в 3000 руб. серебром из средств государственного казначейства. В последующие годы деньги на ведение систематического геологического картирования губерний Европейской России Минералогическое общество стало получать от Горного департамента. 22 апреля 1866 г. Минералогическое общество утвердило нечто вроде инструкции по ведению геологосъемочных работ, в которой, в частности, говорилось: «Означенные исследования должны быть преимущественно детальные (в масштабе 3 версты в дюйме), составленные для западной части Европейской России Военно-топографическим депо. Дирекция не исключает исследований, имеющих целью решение более общих геологических вопросов, но во всяком случае отдает преимущество исследованиям первого рода».⁵ Иными словами, именно детальная геологическая съемка ставилась во главу угла и Минералогическим обществом. Та же комиссия разработала и специальные «Правила для руководства при снаряжении геологических экспедиций, отправляемых Минералогическим обществом».

До 1882 г., т. е. до образования Геологического комитета, Минералогическое общество вело планомерные и интенсивные геологические исследования во многих губерниях Европейской России. На средства Общества работали Н. П. Барбот де Марни, Н. А. Головкинский,

⁴ Зап. С.-Петерб. минер. об-ва, 1866, ч. 1, с. 324.

⁵ Там же, 1867, ч. 2, с. 401.

В. В. Докучаев, А. А. Иностранцев, И. И. Лагузен, И. В. Мушкетов, П. А. Пузыревский, Г. Д. Романовский, И. Ф. Синцов, Ф. Б. Шмидт, а также И. Б. Ауэрбах, Г. А. Траутшольд и И. С. Бок. В результате уже к концу 1870 г. была составлена первая сводная геологическая карта (80-верстная).⁶ Следует также отметить, что по инициативе академика Н. И. Кокшарова с 1869 г. стали выходить «Материалы для геологии России», в которых публиковались отчеты о геологических исследованиях, проводимых на средства Минералогического общества.

Все эти мероприятия сыграли важную положительную роль не только по своему прямому назначению, но и как своеобразное наглядное средство убеждения в необходимости создания государственного геологического учреждения, что никак не могли уразуметь чиновники из министерства государственных имуществ, в ведение которого с 1873 г. перешел Горный департамент. Итак, польза систематического геологического картирования России очевидна, и это доказали геологи, проводившие работы по заданиям Минералогического общества, но проку (практической пользы) от таких работ пока еще мало, поскольку дело это масштабное, средств требует куда больше, чем те, которыми располагает добровольное Минералогическое общество. Одним словом, это важнейшее государственное дело, и оно должно быть под контролем государства.

Именно так рассуждали геологи, которые непрерывно осаждали Горный департамент и Министерство финансов докладными записками, хотя далеко не всегда были единодушны в понимании главной задачи государственной геологической службы. И это явилось уже субъективной причиной столь длительной (почти 20 лет) борьбы русских ученых с чиновниками из царских министерств.

Первым, кто в официальной бумаге, поданной на «высочайшее имя», указал на необходимость учреждения нескольких штатных должностей геологов при Главном горном начальнике Уральских заводов, был герцог Н. М. Лейхтенбергский. Произошло это в 1866 г. Однако Горный совет, куда был направлен этот документ, ответил, что хотя в настоящее время штатных мест геологов

---

⁶ Там же, 1870, ч. 5, с. 390.

действительно не имеется, но это только потому, что... в них и нужды нет.

29 февраля 1868 г. докладную записку в Горный департамент подает первый наставник А. П. Карпинского в его самостоятельной работе Г. Д. Романовский. Он доказывает необходимость учреждения «при Главном горном управлении постоянных должностей геологов с целью систематического исследования России исключительно в отношении полезных ископаемых».⁷ Против такой ориентации «государственных геологов» резко и справедливо возразил академик Г. П. Гельмерсен. В своем «мнении», поданном в Горный ученый комитет, куда была препровождена записка Г. Д. Романовского для всестороннего обсуждения, он резонно заметил, что организация геологического учреждения подменяется в этой «Записке» созданием Разведочного института, что не одно и то же. Прежде чем разведать месторождение, замечает Г. П. Гельмерсен, его надо найти, а это можно сделать только путем планомерного и систематического исследования геологического строения России и составления ее геологической карты. Эта задача должна быть ведущей у «государственных геологов».

Горный ученый комитет рассмотрел данный вопрос 23 мая 1869 г. Постановили: 1) учредить при Главном горном управлении должности 7 горных инженеров, 2) считать их обязанностями: составление геологической карты России, исследование отдельных месторождений и т. д. Специального же геологического учреждения решили не создавать.⁸

В первой половине февраля 1870 г. на имя министра финансов М. Х. Рейтерна поступает обстоятельная докладная записка от герцога Н. М. Лейхтенбергского.⁹

⁷ ЦГИА, ф. 37, оп. 53, д. 399, л. 3.

⁸ Там же, л. 169 об.

⁹ В своей монографии «Геологический комитет. История геологии в России» (М., 1964) И. Л. Клеопов преподносит эту записку как «особенно интересную докладную записку В. Г. Ерофеева, ... наиболее полно и подробно разбирающую современное состояние и перспективы развития геологических исследований в России» (с. 19). Эту грубейшую ошибку этот автор допустил потому, что пользовался «списком», т. е. последним ее экземпляром, на котором не было подписи автора докладной, но зато весь ее текст был испещрен пометами В. Г. Ерофеева. Первый же экземпляр этой «Записки» он отыскать не потрудился.

(Через несколько лет профессор Горного института В. И. Мёллер признается, что «первый проект мною составленный, был представлен Его императорским высочеством герцогом Николаем Максимилиановичем»).¹⁰ Он предлагал при Горном департаменте иметь 3 единицы горных инженеров, служащих на амплуа «чиновников особых поручений» и выполняющих работы «собственно по горной части». «Одинаково необходимым,— писал далее Н. М. Лейхтенбергский,— основание ныне же в С.-Петербурге особого Геологического учреждения, на обязанности которого должно лежать подробное и возможно систематическое исследование России в геологическом отношении».¹¹ В этой записке вопрос организации геологической службы впервые рассматривался столь подробно и конструктивно.

Для ее обсуждения 6 апреля 1871 г. министр финансов приказал создать специальную Комиссию, в которую вошли Г. П. Гельмерсен, Л. А. Соколовский, Н. И. Кокшаров, Г. А. Иосса, В. Г. Ерофеев, П. В. Еремеев, В. И. Мёллер и Н. П. Барбот де Марни (секретарь). По многим вопросам проекта Устава и штатов Геологического учреждения члены Комиссии не пришли к единодушному решению. И когда 10 марта 1876 г. Г. П. Гельмерсен пригласил «господ членов Комиссии» для подписания составленного ими проекта, то трое из семи (В. Г. Ерофеев, П. В. Еремеев и Н. И. Кокшаров) к своей подписи присовокупили еще и оговорку — «при особом мнении». Еще больше «особых мнений» возникло при обсуждении вопроса о помещении для будущего Геологического учреждения.

Такой диссонанс в столь квалифицированной Комиссии был на руку министру финансов, и проекту этому, как «явно недоработанному», не было дано дальнейшего хода. Однако его оценка была определенно несправедливой: в этом документе было продумано все до мелочей. И подтверждением этому служит тот факт, что через 5 лет накануне II Международного геологического конгресса (1881 г.), когда встал вопрос о выполнении Россией своих международных обязательств по составлению

¹⁰ ЦГИА, ф. 37, оп. 53, д. 1859, л. 60 об. (из письма В. И. Мёллера директору Горного департамента Ф. И. Раселли от 24 января 1880 г.).

¹¹ Там же, д. 399, л. 72 об.

Международной геологической карты Европы и вновь возобновились действия по организации в стране государственного геологического учреждения, именно этот проект, наряду с дополнениями В. И. Мёллера по финансам и штатам, лег в основу «Положения о Геологическом комитете».

Пока же — неудача и довольно обидная. 2 марта 1879 г. в письме министру государственных имуществ П. А. Валуеву Г. П. Гельмерсен высказывает эту неостывшую за три года обиду: «Не могу не вспомнить, что Устав и штат Геологического учреждения, представленные Вашему Высокопревосходительству в 1876 г., до крайности были неудовлетворительны как в принципах, так и в форме. В числе 7 членов, участвовавших в Комиссии, в которой составлялся Устав, было только 3 члена специальных геологов (если не считать Г. П. Гельмерсена, то это В. Г. Ерофеев, В. И. Мёллер и Н. П. Барбот де Марни, — *С. Р.*); из остальных четырех членов только один вполне сочувствовал взгляду специалистов (Г. А. Иосса, — *С. Р.*). В мнениях и прениях оказалось полнейшее несогласие, и председательствующий Комиссии, к крайнему своему сожалению, вынужден был представить на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства Устав, с которым препровождалось столько же почти особых мнений, сколько находилось в Комиссии членов».¹²

Не будем далее останавливаться на всех перипетиях этой длительной и драматической борьбы, тем более что она подробно изложена в работе «История организации в России государственной геологической службы».¹³ Перейдем к фактам, ранее неизвестным, проливающим свет на непосредственную причастность А. П. Карпинского к организации первого геологического учреждения России.

Еще 28 октября 1875 г. академик Г. П. Гельмерсен привлек к делам Комиссии молодого адъюнкта Горного института А. П. Карпинского. В письме к Ф. И. Раселли, директору Горного департамента, он, в частности, заметил: «Полагая удобным поручить производство дел Ко-

¹² Там же, л. 341.

¹³ Романовский С. И. История организации в России государственной геологической службы. — Вопросы истории естествознания и техники, 1981, № 3.

миссии, назначенной для составления Устава Русского геологического учреждения, не одному из господ членов ее, а лицу отдельному, но также сведущему по геологическим наукам, честь имею обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбой, назначить, буде можно, для упомянутой должности адъюнкта Горного института надворного советника Карпинского, изъявившего согласие принять на себя этот труд».¹⁴ Дела Комиссии Александр Петрович принял из рук своего учителя В. Г. Ерофеева. Так, за 7 лет до образования Геологического комитета, А. П. Карпинский оказывается в самом эпицентре борьбы русских геологов за организацию государственной геологической службы. Уже под первым проектом Комиссии 1876 г. мы видим его подпись.

И вот, наконец, долгожданный день! 19 января 1882 г. на представленных ему бумагах Александр III начертал: «Быть по сему». В этот день родился Геологический комитет, первое в России государственное геологическое учреждение — ядро, из которого впоследствии выросла многотысячная армия отечественных геологов. История российской геологии вступила в новую эпоху — эпоху государственной геологической службы.

Почему же российское правительство оказалось столь консервативным? А. П. Карпинский в отчете о состоянии и деятельности Геологического комитета за первое трехлетие его существования так отвечает на этот вопрос: «Необходимость систематических геологических исследований России давно была признана правительством, но осуществление их путем основания особого геологического института постоянно встречало затруднения по финансовым причинам».¹⁵ Александр Петрович, конечно, правильно оценил корень зла непростительной медлительности царского правительства, но он не мог, по понятным соображениям, раскрыть смысл словосочетания «по финансовым причинам» и дать им свою оценку. Сделаем это за него.

Действительно, нельзя было не осознать полезность для страны государственной геологической службы. И, возможно, правительство это понимало, но искало и наконец нашло наихудший выход из создавшегося положения: организовать государственное геологическое уч-

¹⁴ ЦГИА, ф. 37, оп. 53, д. 399, л. 227.

¹⁵ Изв. Геол. комитета, 1885, т. IV, с. 83.

рёждение, не предоставив ему ни специального помещения, ни дополнительных ассигнований на геологические работы. Рассуждало оно так. Горный департамент все равно тратит на геологические исследования 30 000 руб. в год. Пусть теперь эти деньги отойдут Геологическому комитету — ни копейкой больше. Помещение ищите сами, сотрудников содержите сами, но систематические геологические исследования Российской империи обеспечьте на высоком уровне с постоянным приростом сырьевой базы страны. Сегодня мы преклоняемся перед самоотверженностью и титаническим трудом первых геологов. Но не стоит забывать, что в такие условия их поставили сознательно, ибо, переложив деньги из одного кармана в другой, правительство просто расписалось в своем полном безразличии к будущему своей страны.

Итак, Геологический комитет создан. Государственная геологическая служба страны, занимающей площадь, как известно, в 1/6 часть суши, в лице восьми энтузиастов-геологов, самозабвенно влюбленных в свое дело, поместилась в двух небольших комнатах при Горном институте. Разумеется, они сознавали истинную цену «широкого жеста» царского правительства, видели те реальные трудности, которые будут стоять на их пути, но это их не испугало. Они рьяно взялись за дело. Так начинался героический период деятельности Геологического комитета!

Какие же задачи стояли перед Геолкомом в начальный период его работы? Они четко определены уже во втором пункте Положения о Геологическом комитете.

1. Систематическое исследование геологического строения России.

2. Разработка относящихся до сего предмета сведений и создание научных по оному сочинений.

3. Составление и издание подробной геологической карты государства.

4. Собираание горных пород и полезных ископаемых и составление из них систематических коллекций.

5. Содействие другим ведомствам и частным лицам по предметам занятий Комитета.¹⁶

Седьмой пункт Положения посвящен Присутствию Геолкома, или, как бы мы теперь сказали, Ученому совету: «Присутствие Геолкома образуется под председа-

¹⁶ Там же, 1882, т. I, с. 10.

тельством директора из старших геологов. Сверх того, членами Присутствия по званию своему состоят: академики императорской Академии наук по минералогии, геологии и палеонтологии, а также профессора Горного института и императорского С.-Петербургского университета по кафедрам геологии, палеонтологии и минералогии». ¹⁷ Важнейшим обстоятельством, закрепленным в Положении, была коллегиальность руководства Геологическим комитетом, которая вверялась Присутствию, а широкое представительство в нем ведущих геологов столицы обеспечивало высокий научный уровень всей деятельности Комитета. Этому же способствовало то, что все должности в Комитете были выборными: геологами могли стать только высококвалифицированные работники, уже проявившие себя на этом поприще. Полезным начинанием, которое Геолком заимствовал у Минералогического общества, было привлечение к геологическим исследованиям геологов из других городов, не входивших в штат сотрудников, но работающих по заданию Комитета на его средства. Этот, впоследствии весьма многочисленный, контингент лиц именовался «геологами-сотрудниками». Первыми геологами-сотрудниками Комитета были П. Я. Армашевский (Киев), А. Э. Гедройц (Дерпт), П. И. Кротов и А. А. Штукенберг (Казань), И. Ф. Синцов (Одесса), Ф. Б. Шмидт (Петербург) и др.

Штатных же сотрудников (кроме директора и консерватора) предстояло выбрать Присутствию, которое собралось на свое первое заседание в квартире профессора Горного института В. И. Мёллера, предоставившего две комнаты «под Комитет». Это историческое заседание состоялось 15 марта 1882 г. под председательством первого директора Геологического комитета 80-летнего академика Г. П. Гельмерсена. А. П. Карпинский на этом заседании исполняет обязанности секретаря. Присутствие должно было выбрать трех старших и трех младших геологов. Вокруг стола расположились виднейшие геологи того времени: академики Г. П. Гельмерсен, Ф. Б. Шмидт и Н. И. Кокшаров, профессора П. В. Еремеев, А. А. Иностранцев, В. И. Мёллер и А. П. Карпинский.

На три вакансии старших геологов были предложены магистр Петербургского университета В. В. Докучаев,

---

¹⁷ Там же.

профессор того же университета А. А. Иностранцев, профессор Горного института А. П. Карпинский, П. В. Еремеев, В. И. Мёллер и Г. Д. Романовский, горный инженер И. В. Мушкетов, магистр С. Н. Никитин и академик Ф. Б. Шмидт. На 3 места — 9 человек! П. В. Еремеев, А. А. Иностранцев, В. И. Мёллер и Г. Д. Романовский отказались от баллотировки. Таким образом, кандидатами в старшие геологи оказались выбранными А. П. Карпинский (6:0), Ф. Б. Шмидт (5:1), В. В. Докучаев (5:2), И. В. Мушкетов (5:2) и С. Н. Никитин (4:3). После голосования В. В. Докучаев и Ф. Б. Шмидт добровольно сняли свои кандидатуры. На три вакансии младших геологов было предложено пять человек: В. А. Домгер, А. А. Краснопольский, А. И. Сорокин, А. О. Струве и Ф. Н. Чернышев. А. О. Струве отказался от баллотировки и оставшиеся 4 кандидата набрали необходимое большинство голосов.

Утверждал решение Присутствия министр государственных имуществ. Фамилия А. И. Сорокина в приказе по министерству от 6 июня 1882 г. не фигурировала. Итак, вот они — первые геолкомовцы: директор — Г. П. Гельмерсен; старшие геологи — А. П. Карпинский, И. В. Мушкетов и С. Н. Никитин; младшие геологи — В. А. Домгер, Ф. Н. Чернышев и А. А. Краснопольский, который некоторое время еще исполнял и обязанности секретаря Комитета.

На этом же историческом заседании произошло еще одно немаловажное событие: было решено приобрести у вдовы покойного профессора Н. П. Барбота де Марни его геологическую библиотеку — 1183 тома. Так было положено начало обширной библиотеки Геолкома, одной из самых представительных специализированных библиотек России.¹⁸ Ее первым заведующим был выбран С. Н. Никитин.

Академику Г. П. Гельмерсену к моменту учреждения Геолкома было уже 80 лет. Он много сил положил на создание Комитета, но, к сожалению, по состоянию здоровья уже не мог руководить им и попросил отставки. 25 октября 1882 г. директором Геологического комитета

---

¹⁸ В настоящее время это — Всесоюзная геологическая библиотека, богатейшая в Советском Союзе и одна из крупнейших геологических библиотек мира.

(по совместительству) назначили директора Горного института В. Г. Ерофеева, видного русского геолога и палеонтолога и, как мы помним, одного из учителей А. П. Карпинского.

Жалованье геологам платили по тем временам приличное. Старшим геологам полагалось в год 1500 руб. жалованья, 750 руб. столовых и 750 руб. квартирных. Младшие геологи получали соответственно 800 руб. + +350 руб. +350 руб. Директор и совместители получали только жалованье. Совместителями (исключая директора В. Г. Ерофеева) были А. П. Карпинский и И. В. Мушкетов. Остальные работали только в Геологическом комитете. «Приходится поражаться, — справедливо заметил В.П. Нехорошев, — как этот „родничок“ не захирел и не засох, а сохранился, и не только сохранился, а принес большую пользу в течение первых 35 лет существования при царском правительстве».¹⁹ Воистину можно утверждать, что первый состав Геолкома — это «могучая кучка» геологов, трудами которых заложены прочные основы государственной геологической службы.

Первыми заботами вновь созданного геологического учреждения было укрепление своей научной базы и налаживание контактов с русскими и зарубежными научными обществами и организациями. Первым таким шагом было утверждение А. П. Карпинского главным редактором геологической карты Европейской России взамен ушедшего с этой должности В. И. Мёллера. 10 ноября 1882 г. Александра Петровича выбрали также представителем России в Международной комиссии по изданию геологической карты Европы (тоже вместо В. И. Мёллера). К этому времени он уже приобрел своими работами широкое международное признание: II МГК в Болонье (1881 г.) присудил А. П. Карпинскому II премию за сочинение «Опыт систематической унификации графических обозначений в геологии», написанное как раз в связи с нуждами геологической картографии. На этом же Конгрессе было принято решение об издании Международной геологической карты Европы. Перечислим важнейшие мероприятия, предпринятые Геолкомом в первые годы своего существования.

¹⁹ Нехорошев В. П. Восемьдесятiletие государственной геологической службы в России—СССР и роль в ней ВСЕГЕИ. — Тр. ВСЕГЕИ, 1970, т. 127, с. 11.

1. Начало геологическому музею Комитета²⁰ положила обширная палеонтологическая коллекция фауны разных систем фанерозоя (3744 экземпляра), которую принес в дар Комитету С. Н. Никитин. 29 января 1883 г. он предложил «основать геологическое собрание, в котором сохранять существенный материал, послуживший составлению карты и геологического описания местностей. Преследуя эту цель, геологические коллекции Комитета должны быть расположены в географическом порядке по бассейнам рек и отдельным горным кряжам».²¹

2. Уже 10 ноября 1882 г. Комитет постановил издать 10-верстную геологическую карту Европейской России. Главный редактор — А. П. Карпинский. 29 января 1883 г. он представляет свои соображения о составлении и издании этой карты.

3. 30 декабря 1882 г. Присутствие решило издавать «Известия» и «Труды Геологического комитета». Интересная деталь: «редакция каждого сочинения, помещаемого в „Трудах Геологического комитета“, предоставляется автору».²² Не было у Комитета сил выполнять еще и эту работу.

4. 31 января 1885 г. исполняющий обязанности директора Геолкома А. П. Карпинский впервые выступает с предложением об увеличении штата Комитета. 6 февраля он пишет рапорт в Горный департамент, в котором указывает, что «по количеству научных сил Русский Геологический комитет остается далеко позади всех существующих в других странах учреждений подобного рода».²³ И это несмотря на то, что по площади некоторые из этих стран менее любого заштатного русского уезда. Сравнительные цифры, которые приводит А. П. Карпинский, не утешительны для России. Если соотнести площадь Испании или Японии с площадью только Европейской России и учесть число «государственных геологов» в этих странах, то «в Геологическом комитете должны бы принимать участие до 150 и 117 геологов», соответственно.

Еще не став утвержденным директором, Александр Петрович начинает твердо и последовательно бороться за

---

²⁰ Ныне — Центральный геологоразведочный музей имени акад. Ф. Н. Чернышева — богатейшее в мире собрание минералов, горных пород и фауны.

²¹ Изв. Геол. комитета, 1883, т. II, с. 2.

²² Там же, 1882, т. I, с. 50.

²³ ЦГИА, ф. 37, оп. 53, д. 2670, л. 9.

увеличение штата и ассигнований Комитету. В том же рапорте он с горечью констатирует: «Если штат Комитета не будет увеличен, то при непрерывной работе всех штатных геологов Комитета и четырех геологов-сотрудников означенная задача (составление 10-верстной геологической карты Европейской России, — *С. Р.*) может быть выполнена не ранее, как через 50 лет».²⁴ Трезвая оценка. Жизнь подтвердила ее, ибо уже через несколько лет, не дожидаясь окончания 10-верстной съемки (1:420 000), пришлось составлять карту существенно более мелкого масштаба — 60-верстную (1:2 520 000).

Приводя в рапорте ошеломляющую разницу в необходимом и существующем количестве штатных единиц Комитета (150 против 8), А. П. Карпинский ничуть не рассчитывал на такую щедрость министра финансов, во власти которого было выделение дополнительных ассигнований, а лишь хотел «пронять» безотрадной картиной действительного положения дел. Просил же он скромно: 15 000 руб. в год дополнительно, что соответствовало расходам на содержание еще одного старшего, двух младших геологов и увеличение числа геологов-сотрудников. Но не надеясь даже и на это, в тот же день направляет еще один рапорт в Горный департамент, прося разрешения хотя бы на «прикомандирование к Комитету начинающих геологов», на срок не менее двух лет. Однако и такая скромная просьба требовала весомого обоснования, и Александр Петрович пишет: «В рапорте моем приведено сравнение только с геологическими учреждениями Испании и Японии во избежании резкости такого сравнения. Но если сопоставить штат Комитета, например, с учреждениями Великобритании, то, сообразно пространству Европейской России, наш Комитет должен был бы иметь более 900 исследователей и ежегодно расходовать свыше 1 600 000 руб., несмотря на то, что любая часть Англии геологически изучена лучше почти всех частей России».²⁵ Если же сравнить с Бельгией, то следовало бы иметь в Комитете свыше 2300 геологов!

Министр государственных имуществ переправил эти рапорты А. П. Карпинского в Горный ученый комитет, который разрешил прикомандирование к Геолкому

---

²⁴ Там же, л. 9 об.

²⁵ Там же, л. 15.

молодых горных инженеров. Да, трудно было первым. Они просто задыхались от работы, от тесноты, от безденежья.

Средств было действительно немного. Их распределяли между собой сами геологи — все зиждилось на честности и высоком моральном облике геолкомовцев. Статья 9 пункта 11 «Положения о Комитете» давала возможность Присутствию «обращения сбережений по одним статьям расхода на покрытие передержек по другим статьям». Правило это часто приходило на выручку: только благодаря ему удалось наладить, к примеру, закупку литературы, ибо специальных средств на это не отпускалось. Лучшая статья экономии — разъездные, которые, вообще говоря, давались безотчетно, но именно благодаря этим деньгам скапливались в Комитете свободные суммы денег, которыми Присутствие и распоряжалось по своему усмотрению. Ни одной неподотчетной копейки геолкомовцы не утаивали от товарищей. В. П. Нехорошев вспоминает: «Мне посчастливилось в 1914 г. начать геологическую работу с крупным ученым — геологом Геологического комитета — ВСЕГЕИ Н. Н. Яковлевым, сподвижником Н. К. Крупской по бесплатной воскресной рабочей Смоленской школе. Он начал работать в Комитете с 1893 г. под руководством Ф. Н. Чернышева. Н. Н. Яковлев записывал каждый гривенник, затраченный при поездке на извозчике, поражая меня скупостью. Лишь по возвращении с полевых работ, когда мне было поручено составить авансовый отчет, я узнал, что это не скупость, а исключительная щепетильность в отношении казенных денег... Н. Н. Яковлев, свято храня традиции первых геологов Комитета, записывал все произведенные в связи с командировкой расходы, а остатки „разъездных“ по возвращении сдавал в кассу Комитета».²⁶

Вот как в первые годы выглядело финансирование полевых работ. По «Ведомости о предположенных Присутствием Геологического комитета денежных выдачах по предстоящим в 1883 г. командировкам штатных геологов, геологов-сотрудников и коллекторов» предназначалось,

---

²⁶ Нехорошев В. П. Восемьдесятлетие государственной геологической службы. ..., с. 12.

в частности, «старшему геологу, горному инженеру, коллежскому советнику А. П. Карпинскому:

Прогонов на 3 лошади до Сысертского завода	
и обратно	409 р. 30 к.
Суточных по 2 руб. в сутки на 3 месяца	180 р.
Разъездных	300 р.
Авансом на наем проводников, рабочих, покупку инструментов и др. расходы	400 р.

Всего 1289 р. 30 к.»²⁷

Это была первая командировка А. П. Карпинского от Геологического комитета. О ней он написал подробный отчет, на котором у нас еще будет случай остановиться.

Комитет еще не успел толком развернуть свои исследования, как на него одно за другим обрушиваются несчастия. 17 декабря 1884 г. после долгой болезни скончался директор Геолкома В. Г. Ерофеев, которого уже несколько месяцев заменял на директорском посту А. П. Карпинский. 10 января 1885 г. внезапно умирает младший геолог В. А. Домгер, а 4 февраля того же года — Г. П. Гельмерсен. В Геолкоме происходят первые перестановки. Директором (сначала, правда, и. о. директора) назначается А. П. Карпинский. Ф. Н. Чернышев избирается старшим геологом, а Н. А. Соколов и А. О. Михальский — младшими. Последний из них до этого работал консерватором, т. е. хранителем коллекций и делопроизводителем. Сменил его на этом посту гениальный русский ученый-кристаллограф, уже опубликовавший «Начала учения о фигурах», Е. С. Федоров. 30 марта 1885 г. он вступил в свою «бумажную» должность.²⁸

В 1885 г. Комитет по-прежнему ютился в Горном институте, но уже не в двух комнатах профессорской квартиры В. И. Мёллера, а в «своих» помещениях. Горный

---

²⁷ Изв. Геол. комитета, 1883, т. II. (Утверждено 7 мая 1883 г.).

²⁸ Именно так трактует это назначение Е. С. Федорова Я. Н. Кумок в книге «Евграф Федоров» (М., 1971), и мы с ним полностью согласны. Однако справедливости ради следует сказать, что Е. С. Федоров только в 1883 г. закончил Горный институт и как геолог еще себя не проявил, а Геолкому нужны были прежде всего геологи-съемщики. К тому же для занятия геологических должностей полагалось иметь ученую степень — магистерскую или докторскую.

институт выделил Геолкому зал для коллекций, комнату под библиотеку и канцелярию и комнату для работы геологов. Вспоминая первое трехлетие существования Геологического комитета, С. Н. Никитин писал: «Комитету пришлось, как и всякому новому делу, бороться и с неизвестностью и с непонятностью для массы образованного общества цели его установления, с равнодушием одних и с недоброжелательностью других, чьи личные интересы близко соприкоснулись с начинающеюся деятельностью Комитета».²⁹

Вот в таких условиях начинали трудиться первые геологи первого государственного геологического учреждения страны. Основной их работой в то время было составление геологической карты Европейской России. Еще не было единого взгляда на принципы и методы ведения такой работы, а потому представляемые разными геологами даже соседние листы карты оказывались нестыкуемыми. С. Н. Никитин замечает по этому поводу: «Отсутствие общего плана, различие теоретических точек зрения и неравномерность эрудиции по различным отделам науки у двух соседних исследователей, может быть, нигде не порождает такого хаоса, такой подчас полной невозможности сводки этих исследований, как в геологической картографии».³⁰ Тот же С. Н. Никитин совместно с А. П. Карпинским пишут специальную «Инструкцию лицам, командированным Геологическим комитетом для систематического исследования геологического строения России и составления ее геологической карты».³¹ Исполнение ее было обязательным. И уже вскоре она стала приносить свои плоды. Практическую целесообразность рекомендаций Инструкции проверил С. Н. Никитин на представленных им листах геологической карты, в объяснительной записке к которым были впервые систематизированы все известные и вновь добытые сведения о юрской системе. Столь же детально был исследован эоцен Европейской России И. Ф. Синцовым (теперь эти отложения датируют плиоценом), силур Прибалтики Ф. Б. Шмидтом. Уже в первые три года существования

---

²⁹ Никитин С. Н. Задачи и деятельность геологических учреждений. — Изв. Геол. комитета, 1885, т. IV, с. 49.

³⁰ Там же, с. 53.

³¹ Изв. Геол. комитета, 1883 (1884), т. II, № 8, с. 115—129.

Геолкома велись интенсивные работы на Южном Урале А. П. Карпинским и Ф. Н. Чернышевым, в Центральной России — С. Н. Никитиным, в Приднпровье — В. А. Домгером, на Полтавщине — П. Я. Армашевским, на западном склоне Урала — А. П. Карпинским, Ф. Н. Чернышевым, А. А. Штукенбергом и П. И. Кротовым.

С первых шагов своего существования Геологический комитет, помимо бытовых трудностей, связанных с отсутствием собственного подходящего помещения, ничтожным штатом геологов и столь же ничтожным финансированием исследований, испытал много сложностей и, так сказать, содержательного порядка: приходилось практически с нуля закладывать научные основы геологической картографии, ибо все существовавшие до того карты (Г. П. Гельмерсена, Р. Мурчисона и др.) были составлены одним лицом на основании собственных взглядов на эту работу. Комитет же привлек к таким исследованиям десятки геологов, разбив всю территорию Европейской России на листы, а потому, помимо уже упомянутой нами «Инструкции», требовалось разработать научные основы геологического картирования с тем, чтобы огромный и тяжкий труд, затраченный каждым исполнителем, сводил к минимуму сложности при стыковке соседних листов.

Успеху общей работы способствовало единственное, в чем повезло Комитету с первых же шагов, — в его составе работали крупнейшие геологи того времени. Помимо этого, «Комитету посчастливилось на первых, самых трудных порах выработки общего плана деятельности иметь во главе своей в лице директора В. Г. Ерофеева человека, преданного с любовью делу Комитета и его задачам и проникнутого достойными подражания основами для успешного выполнения его задачи».³²

В. Г. Ерофеев действительно дал верное направление работам Комитета. Но уже с осени 1884 г. руководство Геолкомом фактически осуществлял А. П. Карпинский, полностью воспринявший моральные и деловые установки своего учителя. Кроме них в Комитете работало всего 6 человек. И такой мизерный штат сохранялся вплоть до 1897 г., т. е. весь «героический» 15-летний период деятельности Комитета. Героический потому, что

---

³² Никитин С. Н. Задачи и деятельность..., с. 57.

такими ничтожными (по количеству) силами менее чем за 10 лет была составлена и опубликована геологическая карта Европейской России, вошедшая в состав международной геологической карты Европы. Кто же они, эти первые геолкомовцы, работавшие бок о бок с А. П. Карпинским и составившие на многие годы славу русской геологической службы?³³

Сергей Николаевич Никитин (1851—1909), член-корреспондент Академии наук, старший геолог Комитета со дня его основания. Закончил Московский университет как ботаник. Впоследствии он написал даже учебник ботаники, выдержавший несколько изданий. Магистерскую диссертацию защитил по палеонтологии, и с этих пор работает как геолог, палеонтолог и гидрогеолог. Известен С. Н. Никитин как крупнейший специалист своего времени по юре и мелу Европейской России, как первооткрыватель татарского яруса верхней перми («яруса черных мергелей»), стратиграфическое положение которого было им точно определено; как один из лучших знатоков Подмосковского угольного бассейна. Он считался выдающимся специалистом по четвертичным образованиям («послетретичным осадкам», как их тогда называли). С. Н. Никитина наряду с Н. А. Головкинским по праву можно считать основоположником отечественной гидрогеологии. Он же — инициатор, основатель и руководитель «Русской геологической библиотеки», более 10 лет издававшейся усилиями сотрудников Геолкома. «Сергей Николаевич, — писал о нем А. А. Борисяк, — принадлежал к той небольшой, но славной кучке наших „отцов“, которые четверть века назад заложили первый камень нынешнего Комитета и на гроши в короткий срок создали и Комитет, и его славу и, в значительной мере, славу русской геологической науки».³⁴

Иван Васильевич Мушкетов (1850—1902), профессор Горного института, старший геолог Комитета со дня его основания. Закончил Петербургский горный институт. В течение года работал на Урале, затем в Средней Азии, лучшим знатоком геологии которой справедливо считался. Свои взгляды на геологическое строение

³³ Мы даем краткую характеристику только тем лицам, которые были в штате Геолкома с 1882 по 1897 г. и приняли активное непосредственное участие в его исследованиях.

³⁴ Изв. Геол. комитета, 1909, т. XXVIII, с. 10.

этой территории он изложил в фундаментальном двухтомном труде «Туркестан». По заданиям Геолкома И. В. Мушкетов исследовал Калмыцкие степи Астраханской губернии, минеральные источники Северного Кавказа, Сакские соляные озера Крыма, много лет работал в Туркестане. В частности, в 1887 г. он возглавил крупную комплексную экспедицию, выяснявшую причины катастрофического землетрясения, полностью разрушившего город Верный (Алма-Ата). И. В. Мушкетов — автор прекрасного учебника «Физическая геология» и один из основоположников учения о динамике ландшафтообразования. Е. С. Федоров полагал, что наиболее характерным для И. В. Мушкетова была «мудрая властность», привлекавшая и неудержимо тянувшая к нему самых разнообразных людей — от студентов-разночинцев до клерикальных профессоров, а А. П. Карпинский считал идеальной чертой И. В. Мушкетова «порядок и справедливость при строгом исполнении каждым своих обязанностей».

Феодосий Николаевич Чернышев (1856—1914), академик, младший, затем старший геолог, а с 1903 г. — директор Геологического комитета. Закончил Петербургский горный институт в 1880 г. Первое время работал вместе с В. И. Мёллером на западном склоне Урала. Один из инициаторов и организаторов полярных геологических исследований на Тимане, Новой Земле и Шпицбергене. Крупнейший специалист своего времени по девонским отложениям Урала, да и вообще девонской системе. Он автор фундаментальных монографий по девонской фауне, о которых А. П. Карпинский говорил, что они «являются вечным вкладом в мировую научную литературу».³⁵ Не менее известен он и как прекрасный знаток каменноугольной и пермской фауны. Ф. Н. Чернышев — первооткрыватель кунгурского яруса нижней перми, хотя сам термин «кунгурский» принадлежит А. А. Штуkenбергу. Долгое время руководил геологическими работами Комитета по Донецкому бассейну. Во многом усилиям Ф. Н. Чернышева Геологический комитет обязан тем, что более чем через 30 лет, но все же была разрешена одна из важнейших его бед: отсутствие полноценного собственного помещения. В 1914 г. Геолком переехал в новое прекрасное здание, «Дворец геоло-

---

³⁵ Изв. Акад. наук, VI сер., 1914, т. VIII, № 3, с. 169.

гии», как его называл Феодосий Николаевич, где и поныне размещается крупнейшее геологическое учреждение Союза — ВСЕГЕИ.

Александр Александрович Краснопольский (1853—1920), младший геолог, геолог, а с 1897 г. — старший геолог Комитета. Он был единственным из первого состава Геолкома, кто «неразрывно посвятил ему всю свою многолетнюю, свыше 38 лет, деятельность до своего последнего дня», — говорил А. П. Карпинский.³⁶ После окончания в 1878 г. Петербургского горного института остался работать в Горном музее, занимаясь обработкой палеонтологических коллекций. Затем более 10 лет трудится на западном склоне Урала. С 1893 г. он, по заданию Геолкома, возглавил геологические исследования в районе Транссибирской железнодорожной магистрали. Известен А. А. Краснопольский и как крупный гидрогеолог, автор монографии «Грунтовые и артезианские колодцы», «обнаружившей в авторе значительные математические познания», — замечает А. П. Карпинский.³⁷

Александр Октавианович Михальский (1855—1904), консерватор, младший геолог, геолог и, наконец, с 1897 г. — старший геолог Комитета. Закончил Петербургский горный институт в 1878 г. и стал работать при институтском музее, исследуя фауну брахиопод. Долгое время вел полевые работы в Польше, изучал Келецкий кряж. Затем специализировался по каменноугольным и железорудным месторождениям, исследуя Домбровский бассейн и Криворожский железорудный район. А. О. Михальский, однако, как и все геологи первого состава Комитета, был специалистом широкого профиля. Он, к примеру, считался одним из лучших знатоков мезозойской фауны цефалопод, главным образом аммонитов. Написал монографию «Аммониты нижнего волжского яруса», за которую получил премию Минералогического общества. Александр Октавианович, как говорил о нем К. И. Богданович, принадлежал к числу людей, около которых создается необыкновенно симпатичная атмосфера.

Николай Алексеевич Соколов (1856—1907), член-корреспондент Академии наук, младший геолог, геолог,

³⁶ Там же, 1920 (1924), т. 39, № 7—10, с. 571.

³⁷ Там же, с. 572.

лог и с 1897 г. — старший геолог Комитета. Закончил Петербургский университет. Был оставлен при нем ученым хранителем геологического кабинета. Известен Н. А. Соколов как крупнейший гидрогеолог и геоморфолог. Он же является основоположником стратиграфии южнорусского кайнозоя. Геологические исследования проводил главным образом на юге России. Автор широко известной в свое время монографии «Дюны, их образование, развитие и внутреннее строение». «Это, — как писал А. П. Карпинский, — настолько обстоятельное, всестороннее изучение этого теоретически и практически важного вопроса, какое не встречалось ни в одной из опубликованных ранее работ в этом направлении».³⁸ Другая его монография — «Нижнетретичные отложения южной России» — была удостоена Академией наук премии Гельмерсена. «Скромный, лишенный всякого искания популярности, охотно и незаметно делившийся своими знаниями и наблюдениями, Николай Алексеевич являлся по своим душевным качествам желательным товарищем во всяком научном учреждении», — заключает А. П. Карпинский.³⁹

Валериан Александрович Домгер (1852—1885), младший геолог Комитета, проработавший в нем менее 3 лет. Рано скончавшийся, В. А. Домгер проявил себя как эрудированный и способный геолог. За 12 лет самостоятельных исследований он успел потрудиться в Донецком бассейне, в южных и центральных губерниях России. Заинтересовался генезисом стилолитов, но не смог довести эти исследования до конца. Товарищи его по Геолкому считали, что наибольшего успеха В. А. Домгер добился при изучении палеогеновых отложений.

Евграф Степанович Федоров (1853—1919), академик, консерватор Геолкома с 1885 по 1894 г. В течение шести лет вел геологические исследования на Северном Урале, включая его восточный склон и часть Западно-Сибирской низменности. Он сумел открыть в этих районах месторождения бурых углей, марганцевых и железных руд. Много сделал для изучения петрографического состава горных пород Северного Урала. Однако работа в Комитете для Е. С. Федорова, гениального кри-

³⁸ Там же, VI сер., 1907, т. I, № 4, с. 83.

³⁹ Там же, с. 84.

сталлографа и геометра, была все же вынужденным, затянувшимся эпизодом в его нелегкой жизни. «...Я занимал в Геологическом комитете только канцелярскую должность», — с горечью вспоминал впоследствии Евграф Степанович.⁴⁰

Вот какие ученые под руководством Александра Петровича Карпинского закладывали прочные основы государственной геологической службы. «Эти люди, — писал В. П. Нехорошев, — проявили безграничную, доходящую до самопожертвования любовь к родине, к своему нелегкому делу и сумели передать это здоровое начало пришедшему позднее (в 1897 г., — *С. Р.*) пополнению».⁴¹ Среди этого пополнения также было много крупных ученых, подхвативших эстафету геолкомовских «старичков». Это Н. Ф. Погребов, Л. И. Лутугин, А. А. Борисяк, К. И. Богданович и многие другие. К. И. Богданович вспоминал впоследствии: «Теперешнее поколение молодых геологов, может быть, с улыбкой прочтет эти строки, рассказывающие, какой несказанной радостью было для меня, когда в 1884 г. „сам“ А. П. Карпинский ввел меня в эти комнаты (в Горном институте, — *С. Р.*), предмет наших желаний, поручив мне перечислить какую-то сотню—другую высотных данных в метрах в русские меры».⁴²

Глава 7. Геологическая карта Европейской России

13 октября 1884 г. А. П. Карпинский впервые председательствовал на заседании Присутствия вместо заболевшего В. Г. Ерофеева. С этого дня он становится фактическим руководителем Геологического комитета. Бумажная волокита с его утверждением тянулась около 4 месяцев. И наконец 24 февраля 1885 г. Министерство государственных имуществ обращается со «всепоподданнейшим» докладом к императору Александру III: «За смертью тайного советника Ерофеева должность директора Геологического комитета остается вакантною, а равно и в составе членов Горного ученого комитета ощущается

⁴⁰ Шафрановский И. И. Евграф Степанович Федоров. М.—Л., 1963, с. 83.

⁴¹ Нехорошев В. П. Восьмидесятилетие государственной геологической службы..., с. 11.

⁴² Там же, с. 13—14.

необходимость в лице, специально занимающемся разработкою геологических вопросов. Ввиду сего министр государственных имуществ полагал бы: профессора Горного института по кафедре геологии, геогнозии и рудных месторождений, старшего геолога Геологического комитета, горного инженера, статского советника Карпинского 5го назначить директором Геологического комитета и членом Горного ученого комитета с оставлением в должности профессора Горного института, на что и преемлет долг испрашивать высочайшее Вашего императорского величества соизволение...».¹ «Соизволение» поступило уже на следующий день, и с 25 февраля 1885 г. Александр Петрович становится «формально третьим, а по существу первым директором Геологического комитета», ибо с его именем связан «героический период» деятельности этого учреждения.

Геологическое картирование Геолком начинал, разумеется, не на пустом месте. Еще в XVIII в. по материалам экспедиций П. С. Палласа, И. И. Лепехина и других были составлены «ранние» геологические карты,² на которых просто показывались места добычи полезного ископаемого, но никакой собственно геологической нагрузки такие карты не несли. Они были скорее «горными», чем геологическими. С развитием научных основ стратиграфии (начало XIX в.) делает шаг вперед и геологическая картография. Появляются геологические карты Донбасса (Е. П. Ковалевский, 1810—1816 гг., А. Б. Ивановичий и Б. К. Бледе, 1832 г.), побережьев р. Дона (А. И. Оливьери, 1827—1828 гг.). В 1839 г. Г. П. Гельмерсен приступает к составлению первой сводной геологической карты Европейской России, используя материалы по Донбассу, Карелии, окрестностям Петербурга, Новгорода и Псковской губернии. Он имел в своем распоряжении также схематическую геологическую карту Европейской России Н. И. Кокшарова, опубликованную в 1840 г., а также карту Средней и Юго-Восточной России Л. фон Буха. Эта капитальная работа Г. П. Гельмерсена была напечатана в 1841 г. под названием «Генеральная карта горных формаций Европейской России» в масштабе

¹ ЦГИА, ф. 40, оп. 2, д. 101, л. 14.

² Сизова О. А. К истории возникновения и развития геологической карты России до 1881 г. — Тр. ин-та истории естествознания и техники, 1957, т. 9, с. 184—206.

60 верст в дюйме. Следующим крупным достижением геологической картографии была «Геогностическая карта Европейской России», составленная легендарным английским геологом Р. Мурчисоном. Карта увидела свет в Лондоне в 1845 г., в 1849 г. была переиздана в России с дополнениями А. Д. Озерского, а в 1863 г. — с исправлениями Г. П. Гельмерсена.

В 1867 г. Н. П. Барбот де Марни определил «геологическую карту как графическое изображение горизонтально распространенных минеральных толщ». С этого времени «геогностические карты» стали именоваться «геологическими».³ В 1865 г. выходит новая, исправленная и дополненная, геологическая карта Европейской России и Урала Г. П. Гельмерсена, в которой он обобщил весь имевшийся к тому времени геологический материал по Донбассу (А. А. Носов), Кавказу (Г. В. Абих), Московской губернии (И. Б. Ауэрбах), Киевской губернии (К. М. Феофилакт), Финляндии (Н. П. Пузыревский), Лифляндии и Курляндии (Х. И. Пандер, К. И. Гревингк), Южному Уралу (Н. Г. Меглицкий, А. И. Антонов, Н. П. Барбот де Марни), Казанской и Симбирской губерний (П. И. Вагнер), Петербургской губернии (С. С. Куторга). В 1870 г. Г. А. Траутшольд публикует геологическую карту Московской губернии, в 1874 г. К. М. Феофилакт — Киевской, а в 1879 г. Г. В. Абих — геологическую карту Кавказа.

Как видим, к моменту организации Геолкома геологическая картография уже добилась ощутимых успехов. И все же вновь созданное государственное геологическое учреждение считало своей основной задачей систематическое и планомерное изучение геологического строения России и создание на этой базе геологической карты возможно более крупного масштаба. Почему? Причин здесь несколько.

Во-первых, все составленные до того времени карты были преимущественно плодом творчества отдельных ученых, что неизбежно сказывалось и на методике картирования, и на интерпретации геологического строения местности, и, разумеется, на масштабах карт. Во-вторых, были закартированы лишь важные в промышленном отношении районы и отдельные (непромышленные) губер-

---

³ Там же, с. 189.

нии. Геологическое же строение остальной территории при составлении сводной геологической карты Европейской России оставалось либо «белым пятном», либо интерполировалось между соседними заснятыми листами, что неизбежно снижало качество геологической нагрузки всей карты. В-третьих, начиная с 1881 г., т. е. со времени II МГК в Болонье, Россия включилась в создание Международной геологической карты Европы. Поэтому при подготовке русских листов этой карты требовалось учитывать международные нормы и правила, что привело к пересмотру научных основ геологического картирования.

Сообразуясь с основной задачей, Геологический комитет под руководством А. П. Карпинского ориентировал свою деятельность в первое, «героическое», десятилетие своего существования. Требовалось: 1) выбрать подходящую топографическую основу карты; 2) разработать единые условные обозначения (легенду); 3) составить инструктивные требования к ведению полевых работ с тем, чтобы полностью унифицировать методику картирования и исключить несогласования при стыковке листов, заснятых разными авторами; 4) спланировать работу таким образом, чтобы русская часть листов Международной карты была готова к установленным срокам.

В русскую подкомиссию Международной геологической карты Европы после Болонского конгресса 1881 г. вошли: В. И. Мёллер (председатель), Г. П. Гельмерсен, А. Э. Гедройц, В. В. Докучаев, П. В. Еремеев, В. Г. Ерофеев, А. А. Иностранцев, А. П. Карпинский, Н. И. Кокшаров, В. В. Коссинский, И. И. Лагузен, И. В. Мушкетов, Г. Д. Романовский, А. О. Струве, В. В. Хорошевский и Ф. Б. Шмидт, т. е. все ведущие геологи России того времени. С 1882 г., как мы уже знаем, эту работу возглавил А. П. Карпинский. Возглавил не по должности, а по знаниям, ибо в 1882 г. он еще не был директором Геолкома, но уже пользовался исключительным авторитетом у коллег-геологов.

Масштаб Международной геологической карты Европы был выбран 1:1 500 000. Для большинства европейских стран внести свою лепту в эту общую работу оказалось делом несложным как благодаря небольшой их территории, так и уже налаженной геологической службе. «Совершенно иной характер рассматриваемая работа должна иметь в России, — говорил А. П. Карпинский. — Для этой

страны существует общая геологическая карта Мурчисона и Гельмерсена в масштабе 150 верст в дюйме, тогда как новая карта должна быть составлена приблизительно в 36-верстном масштабе».⁴ Однако «независимо от упомянутых неблагоприятных условий, в которые при исполнении рассматриваемой международной работы поставлены русские геологи, — продолжает А. П. Карпинский, — нельзя не прибавить, что на долю последних, при их сравнительно небольшом числе, выпадает составление карты не меньшего пространства, чем то, геологическое изображение которого составляется совокупными усилиями многочисленных геологов Западной Европы».⁵ Это не жалоба на трудности и тяжкую ношу взваленного на себя бремени. Это скорее слова человека, гордого за своих товарищей-геолкомовцев (да и за себя тоже), гордого тем, что они ничтожно малыми силами выполняют огромную по тяжести работу. А в успешном исполнении этой задачи Александр Петрович не сомневался.

Для составления 10-верстной геологической карты Европейской России всю территорию разбили на 9 областей: Балтийскую, Днепровскую, область западной границы, Волго-Донскую, Прикаспийскую, Уральскую, Крымо-Кавказскую, Северную и Финляндию. На каждую из этих областей приходилось по несколько листов карты. С учетом же геологической изученности (ибо игнорировать накопленный опыт предшественников не имело смысла) европейскую часть России разделили на три категории. Материал для этого подготовил А. П. Карпинский.

Александра Петровича полностью захватила работа по Геологическому комитету. Он уже обладал богатым опытом геологической съемки, работая и в Центральной России и главным образом на Урале; самолично, как мы знаем, изготовил для студентов Горного института обзорную геологическую карту Европейской России, которая и легла в основу карты геологической изученности, представленной им Геолкому 31 марта 1883 г. К тому же вопросы геологического картирования волновали его и как ученого-геолога, волновали потому, что он понимал, — без единой методики ведения этих работ, без научно обоснованных взглядов на тектонику и стратиграфию, как основы для расшифровки тектонических структур и воз-

⁴ Изв. Геол. комитета, 1885, т. IV, с. 27.

⁵ Там же, с. 29.

растных соотношений геологических образований, показываемых на карте, не может быть решена столь глобальная задача: составление Международной геологической карты Европы. И А. П. Карпинский вносит свой вклад в ее решение — пока, конечно, только в методику решения. Он пишет доклад «Опыт систематической унификации графических обозначений в геологии», отправляет его в 1881 г. в Болонью делегатам II МГК и с удовольствием узнает, что геологи из разных стран не только разделили его взгляды, но и присудили ему за эту работу одну из премий Конгресса. 2 февраля 1882 г. А. П. Карпинский делает доклад на заседании отделения геологии и минералогии Петербургского общества естествоиспытателей «О новом способе обозначения осадочных образований», а 29 января 1883 г. докладывает Присутствию Геолкома свои соображения «По составлению и изданию геологических карт». Он продумал все до мелочей — и номенклатуру листов, и тексты, и шрифты, и условные обозначения. На следующем заседании Присутствия, 5 февраля 1883 г., А. П. Карпинский, продолжая свой доклад, говорит о раскраске карты. (Заметим, что принятая по предложению А. П. Карпинского цветовая гамма для раскраски геологических систем осталась практически неизменной до настоящего времени. Действительно, триасовую систему он предложил закрашивать фиолетовым цветом, юрскую — синим, меловую — зеленым, третичную — желтым. «Принимая, однако, во внимание, — говорил Александр Петрович, — что общее подразделение третичной системы довольно сложно, палеогеновые осадки (эоцен и олигоцен) означаются чистым желтым цветом, а неогеновые — красновато-желтым, т. е. оранжевым».⁶ Эту же раскраску принял как обязательную для всех стран и II МГК). Интересно, что раскраска систем мезозоя и кайнозоя была утверждена по А. П. Карпинскому, а для систем палеозоя были приняты цвета, предложенные швейцарским геологом А. Геймом. Также почти неизменной осталась до наших дней и раскраска на геологических картах изверженных пород, тоже предложенная А. П. Карпинским.⁷

⁶ Там же, 1883, т. II, с. 9.

⁷ 28 октября 1883 г. Комитет рассмотрел изготовленный в типографии макет раскраски карт и принял уже окончательно предложения А. П. Карпинского.

Итак, уже в начале 1883 г. Геолком полностью проработал формальные основы будущей геологической карты. Но оставалось главное — методика ведения геологической съемки. Ее разработку Присутствие поручило С. Н. Никитину и А. П. Карпинскому. 11 мая 1883 г. С. Н. Никитин сообщает Присутствию текст составленной им «Инструкции». Ее цель Сергей Николаевич сформулировал следующим образом: «Имея в виду составление общей геологической карты Европейской России в 10-верстном масштабе и систематического описания геологического строения страны, Комитет обращает внимание геологов, принявших на себя, по его поручению, выполнение какой-либо части этой задачи, на необходимость полного единства в общем плане этого значительного и продолжительного предприятия. Это единство и целостность требуют точного соблюдения некоторых выработанных Комитетом условий, которые, суживая в известных границах личный произвол исследователя, позволили бы видеть в каждой статье, несмотря на многочисленный личный состав участников (немногим более 20 человек с учетом геологов-сотрудников, — *С. Р.*), одну руководящую идею в одинаковом ее развитии и в возможно более близкой степени полноты и законченности».⁸ Под этими словами и в наши дни мог бы подписаться любой геолог. В них, разумеется, нет указаний на то, как эту «руководящую идею» реализовать на практике, расшифровывая запутанное геологическое строение отдельных местностей, но это уже дело таланта геолога и никаких общих рецептов здесь быть не может.

10 декабря 1883 г. А. П. Карпинский сделал обобщающий доклад по материалам своих первых двух сообщений и «Инструкции» С. Н. Никитина. Утвержденный Присутствием текст этого доклада стал обязательной инструкцией к составлению 10-верстной геологической карты Европейской России.⁹ Менее двух лет понадобилось Геолкому, чтобы полностью подготовиться к реализации поставленной задачи. Причем уже полевой сезон 1883 г. не

---

⁸ Изв. Геол. комитета, 1883, т. II, с. 75.

⁹ Карпинский А. П. Дополнение к инструкции лицам, командированным Геологическим комитетом для систематического исследования геологического строения России и составления ее геологической карты. — Изв. Геол. комитета, 1883 (1884), т. II, с. 115—129.

пропал даром — все геологи Комитета разъехались «по своим листам», чтобы осенью доложить Присутствию о первых полученных ими научных результатах.

Александр Петровичу Комитет поручил одни из самых сложных в геологическом отношении листов общей геологической карты — восточный склон Урала. В 1884 г. он печатает на трех листах 10-верстную геологическую карту этого района, составленную им по собственным материалам, а также по материалам А. Леша, Ф. Гебауера, Ф. Брусницына и других геологов. К моменту опубликования всей геологической карты Европейской России в 1893 г. эти листы корректировались и уточнялись другими сотрудниками Геолкома. В 1886 г. выходит из печати геологическое описание и карта 139 листа, куда вошел почти весь Златоустовский уезд, восточная часть Уфимского и северо-восточный угол Стерлитамакского уездов Уфимской губернии. Туда же попадала часть Оренбургской и Пермской губерний. Одним словом, 139 лист — это почти вся северная часть Южного Урала. Геологическое описание этого листа составили А. П. Карпинский и Ф. Н. Чернышев.¹⁰ В последующие годы Александр Петрович работает преимущественно на восточном склоне Урала: от Верхотурьи на севере до Верхнеуральска на юге.¹¹

Всего необходимо было заново заснять 95 листов 10-верстной карты. Уже к 1885 г. к печати было подготовлено более 10 листов, описание которых публиковалось в первых томах «Трудов Геологического комитета». Среди отснятых листов были: бассейн Волги с притоками, районы Москвы и Новгорода (С. Н. Никитин, А. П. Павлов), Урал и Тиман (А. П. Карпинский, Ф. Н. Чернышев), Донбасс и Криворожье (В. А. Домгер, П. Я. Армашевский), Домбровский каменноугольный бассейн в Польше (А. О. Михальский), окрестности Петербурга и районы Прибалтики (Ф. Б. Шмидт).

В процессе работы выявились и первые принципиальные сложности, которые касались главным образом картирования массивов изверженных горных пород. Дело в том, что многие геологи, пытаясь придать единообразие

¹⁰ Тр. Геол. комитета, 1886, т. III, № 2, 113 с.

¹¹ Карпинский А. П. Геологические исследования, произведенные на Урале в 1888 г. (Предварительный отчет). — Изв. Геол. комитета, 1889 (1890), т. VIII, № 8, с. 197—214.

принципам картирования, напосили на карту изверженные породы с учетом их возрастных соотношений, т. е. так же, как картировались осадочные образования. Это сразу же не замедлило сказаться — появился разнобой и неоднозначность в стратиграфической привязке изверженных пород. 18 января 1886 г. А. П. Карпинский предложил Присутствию: «Ввиду того, что научные основания для хронологической группировки кристаллически наслоненных пород не разработаны еще удовлетворительно и что исследователи нередко придерживаются относительно этого вопроса весьма различных взглядов, было бы полезно, чтобы авторы, работающие по поручению Комитета, на доставляемых ему картах наносили упомянутые породы, руководствуясь петрографическими их подразделениями. Это дало бы Комитету единственную возможность сделать сводку карт соседних местностей, исследованных различными геологами».¹² И сегодня это предложение Александра Петровича остается в силе. Правда, кроме петрографических подразделений изверженных пород, в наше время показывается и возраст их, но это — главным образом благодаря успехам абсолютной геохронологии, о которой в конце XIX в. только мечтали, полагая, что возраст изверженных пород в будущем удастся оценивать «с помощью астрономии».

Работа по составлению 10-верстной геологической карты Европейской России быстро продвигалась вперед. Столь же быстро рос и международный авторитет Геолокома. В августе 1892 г. А. П. Карпинский присутствовал на геологическом совещании по изданию геологической карты Европы. Оно проходило в Швейцарии (г. Лозанна). Вернувшись домой, Александр Петрович с гордостью заявил своим товарищам по Комитету, что иностранные геологи полностью отдают «на откуп» Геологическому комитету все нововведения к принятым II МГК в Болонье правилам геологической картографии. «Комиссия решила предоставить русскому геологическому учреждению, — говорил А. П. Карпинский, — *полную свободу* (курсив мой, — С. Р.) относительно изменений и пополнения тех обозначений, которые этим учреждением будут признаны необходимыми. Вместе с тем, — продолжал с радостной улыбкой А. П. Карпинский, — Комиссия единогласно по-

---

¹² Там же, 1886, т. V, с. 2.

становила, что некоторые обозначения, приведенные на составленной Геологическим комитетом карте и относящиеся до геологических данных, общих России и Западной Европе (например, гравица ледниковых отложений), должны быть приняты и для всей карты Европы». ¹³

Это была победа! В короткий срок (менее чем за 10 лет) русская геологическая служба не только проявила себя в деле, но и заставила прислушиваться и считаться с ее мнением своих значительно более солидных по стажу западноевропейских коллег. На юбилейном заседании Присутствия Геологического комитета, посвященном 10-летнему периоду его существования, директор Комитета А. П. Карпинский сказал: «... Комитет может засвидетельствовать, что работы его получили значительное распространение за пределами нашего отечества, где они пользуются справедливой оценкой». ¹⁴

Главной работой Геолкома в первое 10-летие была, разумеется, геологическая карта Европейской России. Но в процессе ее создания геологи получили богатейший материал по тектонике, стратиграфии, палеонтологии изученных регионов, что дало им возможность параллельно с составлением отдельных листов карты написать обширные монографии, внесшие огромный вклад в развитие этих наук. «Не считая возможным входить в оценку своей деятельности за упомянутый срок, — говорил в юбилейной речи А. П. Карпинский, — конечно, очень короткий для нашей обширной страны, Комитет, однако, считает себя вправе рассчитывать, что будущий историк геологии в России отметит эту деятельность, как существенно обогатившую наши сведения почти по всем геологическим образованиям». ¹⁵

Да, первое десятилетие Геологического комитета было воистину героическим не только по напряжению, с которым велась главная работа, но и по тем чисто научным результатам, которые были получены геологами Комитета.

К началу 1891 г. Комитет изготовил макет 60-верстной обзорной геологической карты Европейской России, пришедшей на смену уже устаревших аналогичных карт Р. Мурчисона и Г. П. Гельмерсена. Первое сообщение об этой работе А. П. Карпинский сделал 18 марта 1891 г.

¹³ Там же, 1892, т. XI, с. 30.

¹⁴ Там же. с. 4.

¹⁵ Там же, с. 3.

на заседании физико-математического отделения Академии наук, где продемонстрировал академикам 6 листов новой карты. Второй доклад об этой карте А. П. Карпинский сделал на годичном заседании Петербургского минералогического общества 12 января 1893 г. Это была первая по-настоящему крупная работа Комитета, и Александр Петрович, стремясь к тому, чтобы коллеги-геологи прониклись уважением к труду и результатам деятельности его товарищей-геологов, принес на заседание и развесил все существовавшие до сих пор сводные карты Европейской России. Он «подробно объяснил, — читаем мы в протоколе этого заседания, — как собирався научный материал составителями новой карты и указал те принципы, которыми руководствовался Геологический комитет при издании карты в том виде, в каком она была представлена собранию».¹⁶ В 1893 г. эта карта на 6 листах и объяснительная записка к ней, составленная А. П. Карпинским, С. Н. Никитиным, Ф. Н. Чернышевым и другими, была опубликована.¹⁷ А. П. Карпинский — главный редактор карты.

В том же 1893 г. А. П. Карпинский, С. Н. Никитин, Ф. Н. Чернышев, Н. А. Соколов и А. О. Михальский на базе только что законченной карты составили три листа международной геологической карты Европы, собираясь представить их VI МГК в Цюрихе. Карта эта публиковалась в Берлине в течение 1903—1913 гг.

Таким образом, Россия успешно справилась со взятыми на себя обязательствами, подняв престиж русской геологической науки в глазах европейских ученых. Александр Петрович, возглавлявший титаническую работу первых геологов, хорошо понимал, что с созданием этой карты работа по геологическому картированию не закончится. Мы уже говорили о том, что Комитет своей главной задачей считал составление геологической карты России *в возможно более крупном масштабе*, ибо изменение масштаба карты — это не просто изображение того же в увеличенном размере, а создание принципиально новой интерпретации геологического строения страны. Еще

¹⁶ Зап. С.-Петерб. минер. об-ва, 1893, ч. 30, с. 435.

¹⁷ Геологическая карта Европейской России (на 6 листах) в масштабе 60 верст в дюйме (1 : 252 000). Объяснительная записка. СПб., 1893, 24 с. (В 1915 г. эта карта была опубликована вторично).

в 1903 г., выступая на I Всероссийском съезде деятелей по практической геологии, А. П. Карпинский совершенно справедливо отметил, что «Представление о геологическом строении России и его картографическое изображение являются результатами выводов, основанных на тщательном изучении весьма немногочисленных, редких и недостаточных материалов».¹⁸ Именно так подходили к трактовке научных основ геологического картирования первые работники Геологического комитета, стремясь, по мере возможностей, углублять и совершенствовать те геологические дисциплины, от которых в первую очередь зависит достоверность и значимость этих выводов, т. е. качество геологической карты.

Однако созданием 60-верстной геологической карты Европейской России не ограничивалась деятельность ни самого А. П. Карпинского (см. об этом гл. 8), ни руководимого им Геологического комитета. С начала 90-х годов Комитет приступил к детальным съемочным работам в промышленно развитых районах: Донбассе, рудных районах Криворожья и Урала. Начали съемку в полосе Транссибирской железнодорожной магистрали и в золотоносных районах Сибири. В 1901 г. Комитет приступил к систематическому изучению нефтепосных областей Кавказа и Прикаспия. Детальные исследования прежде всего в Донбассе дали блестящие результаты. Составленная Л. И. Лутугиным и его помощниками 1-верстная карта (1:42 000) открыла принципиально новые возможности корреляции угольных пластов на основе детально разработанной стратиграфии каменноугольных отложений. Методика Л. И. Лутугина пользуется заслуженным признанием и у современных геологов-угольщиков.

В 1897 г. правительство наконец-то вняло просьбам Комитета и несколько увеличило его штат, что дало возможность сильно расширить фронт работ и провести уже упомянутые нами детальные исследования. Помимо этого, удалось организовать и крупные экспедиции: Ф. Н. Чернышева — на Новую Землю и на Тиманский кряж, С. Н. Никитина — для исследования степей Уральской

---

¹⁸ Карпинский А. П. Речь о взаимных отношениях геологических исследований и разведок в Европейской России. — В кн.: Труды I Всеросс. съезда деятелей по практической геологии и разведочному делу, состоявшегося с 8 по 16 февраля 1903 г. в С.-Петербурге. СПб., 1908, с. XLIV—XLV.

области и Усть-Урта, гидрогеологическую экспедицию Н. А. Соколова, исследования Калмыцких степей И. В. Мушкетова и т. д. Следует упомянуть и о работах Э. В. Толля в составе экспедиции на ледоколе «Ермак» под руководством адмирала С. О. Макарова. Экспедиция эта состоялась в 1899 г., и в ее организации по линии Академии наук большое участие принимал А. П. Карпинский. «Ермак» прошел от Норвежского побережья до устья Енисея. В повторной экспедиции на «Ермаке» в 1901 г. от Геолкома принял участие В. Н. Вебер.

Заботу у Александра Петровича как директора Геологического комитета было хоть отбавляй. Он писал ответы на большинство из поступавших в Комитет запросов от организаций, земств и частных лиц, просматривал все публикуемые в «Известиях» и «Трудах Геологического комитета» статьи и монографии, самолично писал инструкции для всех вновь организуемых геологических партий. Так, в 1891 г. началось строительство железной дороги через всю Сибирь — от Урала до Тихого океана, и Комитету было поручено начать геологические исследования вдоль полосы строящейся дороги, к которым он и приступил в 1893 г. Личный вклад А. П. Карпинского в организацию этих работ был столь велик, что управляющий Министерством государственных имуществ даже ходатайствовал о его премировании — беспрецедентный для того времени случай. В докладной, составленной управляющим, читаем: «г. Карпинскому пришлось в текущем году составить подробные и сложные инструкции для каждого из чинов трех горных партий, рассмотреть все полученные от этих чинов донесения и отчеты и дать по оным заключения, а также выработать программу работ упомянутых партий на будущий год».¹⁹ Но были заботы, увы, и другого характера.

Некоторые геологи из нового пополнения Комитета, принятого в 1897 и в последующие годы, помимо основной работы, занимались какой-то тайной деятельностью, которую тщательно от всех скрывали. «Тайная деятельность» — это подпольная революционная работа, в которой активное участие, к примеру, принимали В. А. Вознесенский и А. Н. Рябинин. В начале 1897 г. был арестован В. А. Вознесенский, но по просьбе А. П. Карпин-

---

¹⁹ ЦГИА, ф. 40, оп. 2, д. 109, л. 151—152.

ского ему разрешили прямо в камере обрабатывать полевые материалы. Освобожденный за отсутствием явных улик в феврале 1897 г., уже в апреле следующего года он вновь оказывается за решеткой. А. П. Карпинский пытается вызволить молодого геолога, ссылаясь на важность его участия в полевых работах 1898 г. 30 апреля 1898 г. Александр Петрович получает секретное послание из департамента полиции, который «имеет честь уведомить Геологический комитет, что горный инженер Вознесенский арестован по обвинению в государственном преступлении, ввиду чего участие его текущим летом в работах Комитета представляется совершенно невозможным».²⁰

Долго сокрушенно качал седой головой директор Геолкома — он явно не одобрял эти «увлечения» новых своих сотрудников. Одобрять-то, действительно, не одобрял, но и в беде не оставлял. Жандармское управление вновь вняло его просьбам и разрешило В. А. Вознесенскому работать в камере. Тот рьяно принялся за дело, но тюремная камера — не кабинет Геолкома, и работа его подвигается крайне медленно. Совесть мучает В. А. Вознесенского, что он этой вынужденной медлительностью подводит своих товарищей. 10 июня 1899 г. он пишет из тюрьмы А. П. Карпинскому: «Так как за последние полтора месяца для меня выяснилось, что при наличных условиях освещения и обстановки и, как следствие их, состояния моего здоровья, составление отчета будет подвигаться крайне медленно и потому окончание его замедляет еще более против моих ожиданий, то я прошу Геологический комитет не обвинять меня за такое промедление».²¹ Заметим, что В. А. Вознесенскому неудобно перед Комитетом, от которого он не отделяет ни своих товарищей, ни самого А. П. Карпинского. Такова была сила коллектива, дружно выполнявшего огромную по масштабам работу.

В начале 1900 г. у А. П. Карпинского начался новый тур переписки с жандармским управлением: теперь по поводу арестованного А. Н. Рябина. В тюрьме он провел более года и был освобожден под негласный надзор полиции. Однако вести полевые работы летом 1901 г. «Канцелярия главноначальствующего гражданской частью

²⁰ ЛО ААН, ф. 265, оп. 3, д. 88, л. 3.

²¹ Там же, л. 9,

на Кавказе» ему отказала: зачем поднадзорному мутить воду на их территории, пусть себе едет куда-нибудь подале — в Сибирь, например.

Но и такого рода делами не ограничивались заботы директора Геолкома. Одной из важнейших своих обязанностей А. П. Карпинский считал обеспечение Комитета помещением, в котором можно было бы нормально работать, не протискиваясь между шкафами с образцами пород и не бегая по всему городу из одной лаборатории в другую. Однако первые два десятилетия успехов не принесли. «Необходимость для Геологического комитета помещаться в отдельном собственном доме, — читаем мы в протоколе заседания Присутствия от 11 декабря 1901 г. — ощущалась еще тогда, когда Комитет занимал квартиру в здании Горного института, и еще тогда Комитет начал хлопотать о приобретении для него отдельного дома, но, к сожалению, до сих пор эти хлопоты не имели успеха. В то же время деятельность Комитета разрослась настолько, что ему приходится помещаться в пяти отдельных квартирах, платить за них большие деньги и быть стесненным в помещении настолько, что правильная работа Комитета становится все более и более невозможной, и постройка отдельного дома является крайне необходимой».²²

До постройки специального здания в 1914 г. Комитет размещался по адресам: 1) Васильевский остров, 4 линия, д. 15 — арендованный особняк графини Остен-Сакен, что было главным помещением Геолкома; 2) 7 линия, д. 2 — квартира Ф. Н. Чернышева; 3) 5 линия, д. 30, кв. 1; 4) 12 линия, д. 25 — помещение химической лаборатории; 5) Александровский проспект Петербургской стороны, д. 19.

Бывший особняк графини Остен-Сакен сохранился до наших дней. Чтобы представить, как в нем размещался Геологический комитет, воспользуемся воспоминаниями академика П. И. Степанова, начавшего работу в Комитете в 1902 г. «Это был одноэтажный особняк, носивший все черты старого барского жилья, — пишет П. И. Степанов, — уютного и предназначенного для интимной жизни, но мало приспособленного для научного учреждения...

---

²² Изв. Геол. комитета, 1901, т. XX, с. 160.

Залом Присутствия Геологического комитета была большая комната с камином — бывшая столовая. Посередине стоял длинный стол заседаний, покрытый синим сукном. Для членов Комитета вокруг стола были расставлены венские кресла, а для лиц рангом пониже — венские стулья...

В выступе одного зала, где, по-видимому, прежде был зимний сад, стоял рабочий стол А. П. Карпинского. Когда он работал за столом, его величественный профиль четко вырисовывался на фоне большого венецианского окна, выходявшего во двор особняка. Все проходившие через зал старались идти тихо, не топтать ногами и громко не разговаривать...

Как сейчас помню заседания Присутствия, которые собирались в помещении библиотеки, за большим столом, покрытым в дни собраний синим сукном. Заседания происходили каждый месяц, а иногда созывались и экстренные собрания. Центральные места за столом всегда занимали А. П. Карпинский и Ф. Н. Чернышев,²³ а около них сидел секретарь Н. Ф. Погребов. Затем размещались старшие геологи и просто геологи. До введения нового устава Геологического комитета ведущая группа членов Присутствия была очень небольшой».²⁴

А. П. Карпинский испробовал все возможные средства, чтобы сдвинуть с мертвой точки больной для Комитета вопрос о помещении. Он даже несколько раз ездил на обед к принцессе Ольденбургской, бывшей президентом Минералогического общества, чтобы там в непринужденной обстановке убедить принцессу замолвить за них слово перед родственниками в Зимнем Дворце. Во время своего директорства Александр Петрович так и не дождался решения этой проблемы, но его усилия не пропали даром. Преемник А. П. Карпинского на директорском посту, энергичный и талаптливыи Ф. Н. Чернышев, довел это дело до конца — уже в 1914 г. Геолком перебрался в новое прекрасное здание на Среднем проспекте, а почетный директор А. П. Карпинский получил

---

²³ Эти воспоминания относятся ко времени после 1903 г., когда Ф. Н. Чернышев стал директором Геолкома, а А. П. Карпинский — почетным директором.

²⁴ Степанов П. И. Воспоминания геолога. — В кн.: Памяти акад. П. И. Степанова. М., 1952, с. 55—56.

в этом «Дворце геологии» персональный кабинет в пожизненное пользование.

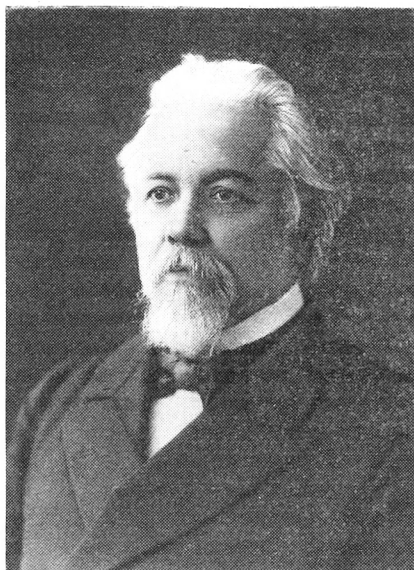
Нельзя не остановиться еще на одной стороне деятельности А. П. Карпинского в период его директорства в Геологическом комитете — активном участии во многих международных мероприятиях и прежде всего в сессиях Международных геологических конгрессов, которое способствовало поднятию научного авторитета всего слаженного коллектива геолкомовцев.

Первым из русских геологов, принявшим участие уже в I сессии МГК в Париже в 1878 г., был В. И. Мёллер. Он же представлял Россию и на знаменитой, уже много раз упоминавшейся нами, II сессии МГК в Болонье (Италия, 1881 г.). Ему же обязаны русские геологи участием России в разных комиссиях этого конгресса. А. П. Карпинский, как мы знаем, работал в двух подкомиссиях — по унификации геологических обозначений и по унификации геологической номенклатуры. На III МГК в Берлин в 1885 г. А. П. Карпинский не смог поехать. Но он послал свои соображения, предварительно рассмотренные Присутствием Геологического комитета, как член Международной комиссии по унификации геологических обозначений и как член комиссии по геологической карте Европы. Кроме того, «благодаря энергичной деятельности А. П. Карпинского, к Берлинской сессии конгресса в 1885 г. русские геологи могли уже продемонстрировать почти половину геологической карты, которая была намечена к изготовлению».²⁵

Личное участие в Международных геологических конгрессах А. П. Карпинский принимает начиная с 1894 г., т. е. с VI сессии в Цюрихе (Швейцария). Вместе с ним от Геолкома на конгрессе были С. Н. Никитин, Ф. Н. Чернышев и А. О. Михальский. Александра Петровича избрали вице-президентом этой сессии конгресса и председателем следующей, VII сессии МГК, которую решено было провести в России. Уже этот факт является неоспоримым доказательством высокого международного авторитета русской геологической науки, который она сумела завоевать благодаря главным образом деятельности в Рос-

---

²⁵ Келлер Б. М. Русские геологи на Международных геологических конгрессах (I—XII сессии). — В кн.: Очерки по истории геологических знаний. Вып. 1. М., 1953, с. 123.

Академик А. П. Карпинский — директор Геологического комитета, 1903 г. (Публикуется впервые).

сии первого государственного геологического учреждения — Геологического комитета. В Цюрихе А. П. Карпинский сделал обзорный доклад об особенностях геологического строения России и тех мест, которые предполагаются для экскурсирования делегатов конгресса.

В должности директора Геологического комитета А. П. Карпинский проработал 18 лет. «За это время, — читаем мы в адресе, преподнесенном Геолкомом Александру Петровичу к 50-летнему юбилею его научной деятельности 11 июня 1916 г., — определился характер деятельности Комитета и формы ее и создалась его репутация, которой он может и должен гордиться».²⁶

Все это, безусловно, так. Геолком стал любимым детищем А. П. Карпинского. Но уже с конца 80-х годов он теснейшим образом связан работой и с Академией наук, а все расширяющиеся масштабы деятельности Ко-

---

²⁶ ЛО ААН, разряд V, оп. 1-К, д. 5, л. 81.

митета требовали все большего и большего к нему внимания. Полностью отдавать свое время Комитету А. П. Карпинский уже не мог, а частичное его внимание пошло бы не на пользу Комитету, да это было и не в характере Александра Петровича. Поэтому в 1903 г. он принимает решение уйти с директорского поста, передав управление Комитетом своему ученику и большому другу Ф. Н. Чернышеву.

30 марта 1903 г. А. П. Карпинский получил личное послание министра земледелия и государственных имуществ: «Именным высочайшим указом, данным правительствующему Сенату в 22 день текущего марта, всемиловитейше повелено уволить Вас от должности директора Геологического комитета, с присвоением Вам звания почетного директора Геологического комитета».²⁷ Это свое новое звание Александр Петрович очень ценил. Оставив Комитет как директор, он не оставил своих забот о нем: А. П. Карпинский по-прежнему отвечает на наиболее интересные и сложные запросы с мест, посещает все заседания Присутствия, публикует в «Известиях» и «Трудах» Комитета свои работы и т. д. В тяжелом 1919 г. старые геолкомовцы проявили к своему бывшему директору исключительное уважение, избрав его «постоянным членом Присутствия с соответствующим вознаграждением». Геолком не забыл А. П. Карпинского.²⁸

Глава 8. Личное участие А. П. Карпинского в исследованиях Геологического комитета

Все свои основные исследования по геологии А. П. Карпинский выполнил за годы работы в Геологическом комитете. И хотя часть из них опубликована в «Записках Минералогического общества» и в «Известиях Академии наук», осуществлялись они на базе его личных полевых наблюдений во время экспедиций от Комитета и материалов, присылаемых в Геолком из различных уголков России. Во время работы в Комитете Александр Петрович

---

²⁷ Там же, ф. 265, оп. 3, д. 90, л. 1.

²⁸ До сих пор на одном из кабинетов ВСЕГЕИ (№ 133) висит табличка «Кабинет академика А. П. Карпинского».

напечатал две свои крупные монографии: «Об аммонеех артинского яруса...» (см. гл. 9) и «*Helicoprion*» (см. гл. 10). По материалам Комитета выполнены им и капитальные обобщения по тектонике и палеогеографии Европейской России (гл. 13).

В этой главе мы остановимся не столько на анализе научного значения работ А. П. Карпинского, выполненных в Геологическом комитете, ибо наиболее важным из них будут посвящены отдельные главы нашей книги, сколько на их направленности, которая показывает энциклопедический характер творчества А. П. Карпинского, сформировавшийся еще в первое десятилетие его научной деятельности. Отметим и практическую нацеленность всех его геологических исследований. Он любил говорить, что он «не только геолог, но и горный инженер» и блестяще доказывал справедливость этих слов своими многочисленными работами, опубликованными за годы службы в Геологическом комитете.

Разумеется, важнейшими исследованиями Александра Петровича этого периода являются его работы по Уралу — по тектонике, стратиграфии и полезным ископаемым, главным образом восточного склона Уральского хребта. Он первый достаточно подробно исследовал третичные отложения восточного склона и дал их обоснованное стратиграфическое членение; верно оценил возраст нижнемезозойских угленосных отложений как раннеюрский (рэт), которые ранее относили к карбону; впервые обнаружил средне- и верхнедевонские отложения на восточном склоне Среднего Урала и составил полный разрез каменноугольных образований; дал подробное описание фауны птеропод; первое сводное описание месторождений полезных ископаемых Урала с акцентом на структуру и генезис месторождений никеля и платины. А. П. Карпинский первым обратил внимание на возможность ледникового происхождения верхнепалеозойских конгломератов и высказал предположение об оледенении, имевшем место в каменноугольное время на Урале. Он первым подверг критике точку зрения А. Гумбольдта о существовании в пределах Урала некоего горного узла (гора Юрма), от которого Уральский хребет якобы расходитя на три параллельные субмеридиональные ветви. Он же впервые дал оригинальную расшифровку чешуйчатого строения осадков восточного склона, предвосхитив,

таким образом, шарьяжную гипотезу Г. Н. Фредерикса. Вот только главные результаты, полученные А. П. Карпинским по геологии Урала за годы его работы в Геологическом комитете.

На полевые работы, начиная с 1883 г., Александр Петрович ездил только на средства Комитета. Правда, поездки эти были не такими частыми, как ему хотелось бы (много времени отнимали его директорские обязанности, а с 1886 г. и нагрузки по линии Академии наук), но исключительно плодотворными.

Вот краткая хронология экспедиционных работ А. П. Карпинского: 1883 г. — в течение трех месяцев вел съемку в Кыштымском и Уфалейском горных округах Урала; 1884 г. — три месяца провел в Пермской и Оренбургской губерниях; затем в течение трех последующих лет в полевых исследованиях не участвовал; в 1888 г. едет на два с половиной месяца на Урал для досъемок листов 138, 139, 143 и 144 общей геологической карты Европейской России и съемок 137 листа; в 1890 г. командирован на 2 месяца и 10 дней в Казанскую и Таврическую губернии, а затем вновь на Урал с «целью геологических исследований и разведочных работ»; летние месяцы 1891 г. проводит в экскурсировании по Харьковской, Киевской, Минской и Виленской губерниям «с целью получения материалов, недостающих для составления 10-верстной геологической карты России». В дальнейшем А. П. Карпинский прекратил собственные полевые исследования — не мог выкроить на это время.

Много сил, труда, да и времени отнимали ответы на многочисленные запросы, поступающие в Геологический комитет. Промышленники просили дать рекомендации о перспективах на то или иное полезное ископаемое вблизи их заводов, рудников и шахт. Земства заботились главным образом о водоснабжении. Губернаторы — о перспективах развития подопечных им губерний. Любопытные натуралисты присылали в Комитет посылки с различными интересными (как им казалось) образцами пород и фауны. И на все эти запросы надо было отвечать и отвечать срочно и обстоятельно. «За 18 лет работы Геологического комитета, — говорил в 1900 г. А. П. Карпинский, — было дано *безвозмездно* (курсив мой, — С. Р.) более 1000 разъяснений на запросы частных лиц и учреждений; причем нередко запросы эти вы-

зывали разработку более или менее значительных доставлявшихся в Комитет материалов».¹

Да, отвечать на некоторые запросы было непросто даже при энциклопедической эрудиции А. П. Карпинского, и он еще в 1887 г. признавал, что это «требовало затраты весьма значительного труда».² Характерное явление в этой связи в 1915 г. сделал директор Геологического комитета К. И. Богданович. На заседании Присутствия он сообщил, что только в течение лета 1915 г. поступил ряд настолько спешных запросов о месторождениях некоторых полезных ископаемых, что «ответы были даваемы не только устно, но даже по телефону».³ Вот в таком ритме работал Геолком. В таком же ритме работал и А. П. Карпинский, ибо он за годы своей службы в Комитете самолично ответил более чем на половину всех запросов. Заметим, кстати, что Александр Петрович не снял с себя этих обязанностей и после ухода из Комитета. Мы уже писали, что его уход не повлиял ни на его отношение к Комитету, ни на его контакты с этим учреждением. Так, в 1909 г. он ответил на запрос главного начальника Уральских горных заводов относительно характера Уральских каменноугольных месторождений. В 1910 г. дал заключение о геологическом строении Ивановской дачи, что в 10 верстах от Екатеринбурга. И так далее.

Остановимся вкратце на конкретных примерах, иллюстрирующих многоплановую работу А. П. Карпинского в Геологическом комитете. Прежде всего — стратиграфия, но не потому, что она была излюбленным предметом ученого, а в силу важного прикладного значения этой дисциплины, как основы геологического картирования — главной заботы Александра Петровича этих лет. Наиболее крупная стратиграфическая работа А. П. Карпинского была опубликована в 1890 г. (гл. 9). Основным результатом, который он получил в этой области, — концепция «переходных слоев». Они, как он полагал, должны непременно существовать между всеми геологическими системами, а возможно, что и между отделами внутри систем.

¹ Карпинский А. П. Речь об участии Горного ведомства в геологическом изучении России. Собр. соч., т. IV. М.—Л., 1949, с. 401—402.

² Изв. Геол. комитета, 1887, т. VI, с. 129.

³ Там же, 1915, т. XXXIV, с. 266.

Вот только один пример. В 1885 г. А. О. Михальский, работая на территории Царства Польского, открыл в пределах Сandomирского края нижнесилурийские отложения. А. П. Карпинского заинтересовало это открытие, и, тщательно изучив весь добытый А. О. Михальским материал, он пришел к выводу, который следовало (с его точки зрения) сделать и А. О. Михальскому. «Здесь (деревня Ключанова, — *С. Р.*) рядом выступают верхнесилурийские слои и нижние горизонты нижнесилурийских отложений, а потому, возможно, что раскопки обнаружат тут и промежуточные осадки».⁴ В 1892 г. А. П. Карпинский открыл нижний силур и кембрий на территории Минской губернии, тогда как ранее на геологических картах вся эта площадь покрывалась третичными осадками. «Нижние горизонты русских кембрийских осадков, — пишет А. П. Карпинский, — приобретают на отдаленной их южной окраине преимущественно песчаниковый характер, и овручские песчаники именно окажутся рассматриваемыми отложениями».⁵ Ранее их причисляли к архею.

Мы уже упоминали о пересмотре А. П. Карпинским возраста углесодержащих осадков восточного склона Урала, которые до его работы все геологи относили к карбону. Осадки эти обнажаются на Южном Урале, вблизи Миасса. Тщательно проанализировав собранные образцы фауны и флоры, Александр Петрович приходит к выводу об их «рэтическом, или нижеюрском возрасте, в пользу чего могут говорить и тектонические данные».⁶

Как стратиграф А. П. Карпинский придерживался классических, т. е. биологических, основ этой науки и видел перспективы ее развития только в связи с развитием палеонтологии. По этой причине палеонтологические исследования занимают в его творчестве все более прочное место. Однако палеонтология интересовала Алексан-

---

⁴ Карпинский А. П. Заметка о нижесилурийских отложениях Царства Польского. — Изв. Геол. комитета, 1886, т. V, № 11, с. 512.

⁵ Карпинский А. П. О нахождении нижнего силура и кембрия в Минской губернии. — Горный журнал, 1892, т. I, № 2, с. 305.

⁶ Карпинский А. П. Мезозойские угленосные отложения восточного склона Урала. — Горный журнал, 1909, т. III, № 7, с. 59.

дра Петровича и сама по себе — он очень увлекался всякими загадочными формами (проблематиками) и их расшифровке посвящал весь свой досуг. Так, именно в часы досуга он выполнил одну из лучших своих работ — классическое исследование трохилисков (гл. 11).

Во время полевых работ 1884 г. на Урале А. П. Карпинский тщательно исследует девонские известняки по р. Урал (вблизи г. Верхнеуральска) и в них впервые в России (об этом он упоминает сам) обнаруживает редкие экземпляры климений (головonoгие с плоскoспиральной раковинoй). «Как известно, — отмечает А. П. Карпинский, — за пределами Западной Европы климении до сих пор не были находимы. Все русские и американские формы, описывавшиеся под этим названием, не относятся к рассматриваемому роду. Тем интереснее является открытие первых внеевропейских климений на азиатском склоне Урала, которое так сильно увеличивает область их горизонтального распространения».⁷ В том же году в слоях красного известняка на р. Бобровке (притоке уральской р. Ирбит) А. П. Карпинский открывает 7 новых видов птеропод, принадлежащих тентакулитам.⁸ Он делает заключение о глубоководном происхождении известняков и сопоставляет уральские и богемские формы тентакулитов. Такие тщательные палеонтологические исследования и сравнения идентичных форм, найденных в разных районах, существенно уточняли стратиграфическое положение вмещающих их отложений и увеличивали надежность межрегиональной корреляции стратиграфических схем.

За годы работы в Геологическом комитете А. П. Карпинский опубликовал много статей по месторождениям полезных ископаемых. Его интересовало тектоническое и стратиграфическое положение этих месторождений, вещественный состав вмещающих пород и руд и, разумеется, вопросы генезиса, которым он, как ученый-геолог, уделял самое пристальное внимание. Александр Петрович занимался месторождениями никеля и платины, мар-

---

⁷ Карпинский А. П. О нахождении остатков климений на Урале. — Изв. Геол. комитета, 1884, т. III, № 4, с. 159.

⁸ Карпинский А. П. Die fossilen Pteropoden am Ostabhange des Urals. — Mém. Acad. sci. Pétersb., 1884 (1885), VII sér. t. XXXII, N 1, p. 1—20.

ганца и золота, асбеста и угля и т. д. Все эти работы он вел большей частью попутно с геологической съемкой, но иногда изучал месторождения специально, когда на то выходило распоряжение Горного департамента. Но даже в этих редких случаях ему не удавалось провести всеобъемлющего в его понимании исследования — не хватало ни времени, ни отпущенных средств. «Конечно, вопросы о происхождении руд в рассматриваемом районе (Южный Урал, — *С. Р.*) и вообще на Урале не могут быть не только исчерпаны, но даже разносторонне рассмотрены при обыкновенных геологических исследованиях. Для разрешения таких вопросов требуется организация исследований, обставленных особыми, специальными условиями», — пишет А. П. Карпинский. И далее добавляет более определенно: «Для достижения таких результатов, однако, необходимо, чтобы исследования носили обширный разносторонний научный характер и не были суживаемы преследованиями каких-нибудь определенных практических целей».⁹

Но даже невыполнение этих условий не помешало Александру Петровичу высказать глубокие и передовые для того времени суждения о происхождении никелевых руд в результате постмагматических процессов изменения змеевика, который, «судя по его структуре и часто по остаткам первоначальных элементов, образовался через изменение то диаллагоновой, то оливиновой породы».¹⁰ Он полагал, что никелевые месторождения (по крайней мере, на Урале) представляют собой результат выветривания змеевиковых массивов. Академик А. Г. Бетехтин [18] указывал, что эти данные подтвердились на многих месторождениях никеля на Урале. В 1891 г. А. П. Карпинский публикует свою обобщающую работу по уральским никелевым месторождениям.¹¹ Там он наиболее подробно разобрал генезис Ревдинского месторождения, которое ранее считалось жильным. А. П. Карпинский установил тесный парагенезис ревденскита (никелевой зелени) и бурого железняка и сделал вывод, что «та и дру-

---

⁹ Карпинский А. П. Геологические исследования, произведенные в Южном Урале летом 1884 г. — Изв. Геол. комитета, 1885, т. IV, № 7, с. 332.

¹⁰ Там же, с. 327.

¹¹ Карпинский А. П. Месторождения никелевых руд на Урале. — Горный журнал, 1891, т. IV, № 10, с. 52—101.

гая руда в рассматриваемых месторождениях образовалась при одинаковых условиях». А так как «способ образования залежей бурого железняка через превращение известняков можно считать прочно установленным со времен работ Бишофа»,¹² то, следовательно, так же образовалась и руда никеля. Для того времени (еще раз подчеркнем) взгляды эти были новаторскими. Более того, А. Г. Бетехтин полагал, что и на копец 30-х годов нашего века эта работа А. П. Карпинского не утратила своего значения.

Интересовали Александра Петровича и железорудные месторождения Урала. Он изучал их в Салдинском, Тагильском, Алапаевском, Исетском, Троицко-Байновском, Синаро-Каменском, Кыштымском, Уфалейском, Режевском, Златоустовском и в других районах восточного склона Среднего и Южного Урала. Железорудные месторождения он делил на 4 типа: 1) магнитные железняки, 2) красные железняки, 3) бурые железняки и 4) шпатовые железняки. Зная хорошо литературу и геологическое строение европейской части России, он давал квалифицированные заключения по этим месторождениям и из других районов. Так, в 1882 г. он не рекомендовал горнопромышленникам юга России вкладывать средства в поиск железорудных месторождений западной части Донбасса.¹³ В заключении на рапорт горного инженера Лебедзинского «О разведках железных руд в гранитной полосе Новороссии» А. П. Карпинский предложил Горному ведомству сделать детальную геологическую съемку Криворожского бассейна. Направление дальнейших разведочных работ было указано А. П. Карпинским и правлению товарищества Алапаевских заводов на Урале. Вообще же все эти детальные работы Александр Петрович проводил сам и рекомендовал их обращающимся к нему организациям и отдельным лицам с одной целью — выяснения генезиса месторождений, без знания которого, по твердому его убеждению, невозможно проектировать и разведочные работы. «Теория образования руд, — писал А. П. Карпинский в первый же год существования Геологического ко-

---

¹² Там же, с. 86.

¹³ Карпинский А. П. Заключение по вопросу о продолжении разведок железных руд в Донецком бассейне. — Изв. Геол. комитета, 1882, т. 1, с. 13—14.

митета, — могла бы служить в известной степени основанием для дальнейших поисков новых месторождений».¹⁴ Золотые слова. Но, к сожалению, и современная металлогенеза не может воспользоваться наставлениями «отца русской геологии», ибо теория рудогенеза по-прежнему остается «голубой мечтой» геологов.

Очень много внимания в своих геологосъемочных работах на Урале уделял А. П. Карпинский поискам месторождений каменного угля. Однако публикаций по этому вопросу у него мало. Уже после того как Александр Петрович оставил службу в Геолкоме, он напечатал по заказу Комитета большую обзорную работу по месторождениям каменного угля на восточном склоне Урала.¹⁵ Его прогноз на обнаружение в этом районе крупных угольных месторождений весьма пессимистичен: «Каменноугольная промышленность на восточном склоне Урала пока еще ничтожна и надежды на большое развитие ее в будущем не очень велики».¹⁶ Приходится признать, что это оказалось не вполне верным. В последующие годы на восточном склоне Среднего Урала был открыт такой широкоизвестный сейчас каменноугольный бассейн, как Челябинский.

Очень интересны рекомендации А. П. Карпинского по исследованиям Донецкого бассейна, которые в последующие годы блестяще претворили в жизнь Ф. Н. Чернышев и особенно Л. И. Лутугин. Еще в 1882 г., т. е. задолго до начала «донецкой одиссеи» Л. И. Лутугина, Александр Петрович писал: «Цель будущих исследований бассейна должна заключаться в самом подробном его изучении, в расчленении каменноугольных осадков на отдельные ярусы, в отчетливом характеризовании этих ярусов, в показании — какие полезные ископаемые свойственны тому или другому ярусу, и в подробном нанесении последних на геологическую карту и разрезы».¹⁷

А. П. Карпинский в 1888 г. по присланной в Комитет

---

¹⁴ Карпинский А. П. Об исследовании месторождений железных руд в Донецком бассейне. — Изв. Геол. комитета, 1882, т. 1, с. 4.

¹⁵ Карпинский А. П. Месторождения ископаемого угля на восточном склоне Урала. — В кн.: Очерк месторождений ископаемых углей России. Гл. VI. СПб., 1913, с. 271—333.

¹⁶ Там же, с. 271.

¹⁷ Карпинский А. П. Об исследовании месторождений... с. 10.

фауне установил мезозойский возраст Приморских месторождений каменного угля, тогда как ранее их (по аналогии с Сахалинскими) считали третичными; в 1894 г. дал заключение о малой вероятности обнаружения месторождений нефти в Ярославской губернии; в 1893 г. в ответ на запрос Главного артиллерийского управления дал заключение о наличии в России месторождений серного колчедана, который использовался как одна из компонент для изготовления пороха; в 1894 г. написал обстоятельную записку о возможностях водоснабжения Янкульской степи в Ставропольской губернии, и через два года рекомендовал для водоснабжения городов Нарвы, Луги, Гдова и Новой Ладогы использовать речную воду. Такая рекомендация, по крайней мере для Луги, вызвана плохим качеством добывавшейся в то время подземной воды, а детальных гидрогеологических исследований, естественно, не проводилось. В 1911 г. А. П. Карпинский писал о возможностях получения артезианских вод в районе Таганрога и т. д.

Особенно много времени отнимал разбор и изучение присылаемых в Геологический комитет минералогических, петрографических и палеонтологических коллекций. Но времени на эту работу Александр Петрович не жалел. И это себя оправдывало. Многие из присланных образцов явились объектами пристального изучения и положили начало целой серии последующих работ. Так, в частности, было с геликоприоном, доставленным Александру Петровичу в посылочном ящике, прибывшем из Красноуфимска. В селе Берестье Ровенского уезда Волынской губернии рыли колодец и нашли кусочки какого-то смолистого вещества; отправили его в Геолком, и А. П. Карпинский установил, что это — ископаемая древесная смола, что немаловажно для палеогеографических реконструкций. По распоряжению Архангельского губернатора А. П. Карпинский в 1885 г. занимался изучением образцов пород, найденных в Онежском уезде. Установил (правда, предположительно), что образцы девонские, а это внесло серьезные коррективы в соответствующий лист составлявшейся в то время геологической карты Европейской России. Такой же полезной оказалась посылка, присланная в 1885 г. любознательным натуралистом из г. Кургана Тобольской губернии. В ней содержались образцы пород, возраст которых А. П. Карпинский определил как третичный.

В 1887 г. в Комитет пришла посылка из Березовского горного округа на Урале. Это была уже систематизированная местными рудознатцами коллекция пород, вмещающих жильное золото. А. П. Карпинский сам изготовил шлифы, исследовал их под микроскопом и детально описал лиственит, магнезит, березит и т. д. — всего 15 образцов. В том же году с р. Рыбной в Енисейском золотоносном округе в Комитет прислали образец породы, которая якобы пересекается золотоносными жилами кварца. Порода оказалась сильно измененной, а потому А. П. Карпинский назвал ее эпидиоритом. Часто получал Александр Петрович посылки от своего уральского товарища Ф. Ю. Гебауера, заведовавшего каменноугольными работами близ Каменского Завода. Он понимал толк в «геологических редкостях» и знал любовь к ним А. П. Карпинского.

Нередко поступали в Комитет, прямо на имя А. П. Карпинского, тщательно подобранные и по-своему систематизированные коллекции минералов. Так, в 1899 г. ему прислали большую коллекцию минералов из Гиссарского хребта, в которой были великолепные кристаллы горного хрусталя и гипса, образцы альмандина и другие минералы. Богатую коллекцию минералов и образцов фауны получил А. П. Карпинский и в 1901 г. Ее прислал Оренбургский отдел Географического общества. Уральские геологи подобрали хорошую коллекцию олигоценовой фауны, найденной ими в Челябинском уезде, и отправили ее в дар А. П. Карпинскому.

Перечень этот можно было бы продолжать до бесконечности, ибо, как мы уже отмечали, за годы работы в Геологическом комитете Александр Петрович дал ответы приблизительно на 1000 запросов, определил и систематизировал десятки минералогических и палеонтологических коллекций и т. п. Причем делал он это не только потому, что очень любил разгадывать геологические загадки, но и в связи с тем, что сознавал важность присылаемых материалов для чисто научных, исследовательских работ геологов Комитета — как дополнительных фактов, зачастую корректирующих их главную работу — составление листов геологической карты Европейской России.

Итак, личный вклад А. П. Карпинского в исследование Геологического комитета огромен. Не говоря уже о руководстве этим учреждением в течение 18 лет, о заботах

главного редактора геологической карты Европейской России, он сам вел съемку на Урале, написал три монографии и более 200 статей без учета не публиковавшихся им большей частью ответов на запросы заинтересованных в мнении Комитета учреждений и отдельных лиц.

В эти годы Александр Петрович был уже авторитетнейшим геологом, удостоенным чести быть избранным в Академию наук. «Мы не можем назвать такого другого нашего геолога, — писал о нем Л. С. Либрович, — который дал бы столько важных обобщений по геологии нашей страны, а в частности, и Урала, и главнейшие заключения которого не только не теряли бы своего значения в течение многих десятков лет, но, наоборот, находили бы все новые и новые подтверждения в результатах позднейших исследований» [97, с. 14].

Трудно себе представить, как он успевал справляться со всеми обязанностями — Горный институт, Горный совет и Горный ученый комитет, Геологический комитет, Академия наук, не говоря уже об общественных нагрузках по Минералогическому обществу и Обществу естествоиспытателей. Н. Ф. Погребов вспоминал, что, отвечая на этот вопрос, Александр Петрович говорил: «...лучшее время — раннее утро: он встает в 5 часов и со свежими силами работа идет легко и быстро» [125, с. 59]. Но это относится к научной работе, а для всяких прочих дел ему в течение дня приходилось буквально разрываться между перечисленными здесь учреждениями.

Глава 9. «Об аммонейх артинского яруса...»

Во время полевых работ 1873 г. на Южном Урале А. П. Карпинский сделал одно из самых замечательных своих открытий и обобщений в стратиграфии. Он выделил артинский ярус в качестве самостоятельной единицы стратиграфической шкалы и поместил его между каменноугольными и пермскими отложениями. Ученый считал, что артинский ярус — «переходные слои», фауна которых и прежде всего аммоноидеи принадлежат как карбону, так и перми. «Отложение это, — писал впоследствии об артинском ярусе Александр Петрович, — имеет настолько своеобразный характер, что по своей отличительности между всеми осадками России с ним могут идти в срав-

пение лишь отложения сарматские и волжские».¹ Своеобразие отложений артинского яруса (помимо литологического состава) он видел в многообразии видов амmonoидей, которые, как он полагал, дадут возможность проследить их эволюционную ветвь и обосновать таким путем непрерывное и направленное развитие этой группы фауны, что, в свою очередь, докажет и непрерывность геологической летописи, а значит, и искусственность подразделений земной коры на «системы», «отделы» и т. д.

Следовательно, предпринятое А. П. Карпинским в конце 80-х годов капитальное исследование амmonoидей артинского яруса имело главной целью обоснование его старого тезиса о переходных слоях и доказательство своих оригинальных воззрений на стратиграфические подразделения в целом, хотя это исследование в основе своей было палеонтологическим и сразу выдвинуло его автора в ряд ведущих палеонтологов мира.

В чем же была оригинальность взглядов А. П. Карпинского на стратиграфические классификации? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить существовавшие в те годы подходы к выделению геологических систем. Их было два и каждый из них имел свою теоретическую базу. Согласно первому, геологические системы — это обособленные друг от друга естественными границами геологические тела. Основывался он на теории катастроф. Согласно второму, геологические системы — это искусственные стратиграфические подразделения, результат членения земной коры по наиболее резкой смене руководящей фауны. Его теоретической базой являлась эволюционная теория Ч. Дарвина. Никаких «двойственных основ» стратиграфической классификации, которые некоторыми современными теоретиками стратиграфии возведены даже в ранг одного из ее «принципов» (Никитина—Чернышева), не существовало. Стратиграфы того времени (как, впрочем, и современные, ибо прошедшие сто лет мало что изменили в теоретических основах этой науки) мучительно искали выход из сложившейся ситуации, поскольку первый подход был явно методологически несостоятелен, и это всеми уже тогда сознавалось, а вто-

---

¹ Карпинский А. П. Об амmonoях артинского яруса и некоторых сходных с ними каменноугольных формах. СПб., 1890. с. 4.

рой не давал в руки методического ключа к выделению и классификации стратиграфических подразделений, ибо эволюционное развитие фауны, несинхронное для разных регионов и неравнозначное для разных групп, не позволяло уверенно проводить границы между стратиграфическими единицами разного ранга, выделенными пусть и искусственно.

Над этими же проблемами долго размышлял и А. П. Карпинский. В итоге он пришел к концепции «переходных слоев» между отделами и системами и к своей трактовке стратиграфической классификации. Данной проблемой Александр Петрович не прекращал заниматься практически всю жизнь — с момента открытия артинского яруса в 1874 г. и до конца 20-х годов нашего века. Вот краткие, зафиксированные публикациями, вехи его раздумий и над артинским ярусом, и над эволюцией аммоноидей, и над проблемой «переходных слоев». 5 мая 1879 г. он выступает на заседании отделения геологии и минералогии Петербургского общества естествоиспытателей, рассказывая об эволюции некоторых видов гониатитов артинского яруса при переходе от нижних горизонтов яруса к верхним.² Там же 27 ноября 1883 г. он делает сообщение о переходных карбон-пермских слоях в Дарвазе (Средняя Азия).³ В том же году он публикует на немецком языке подробную статью по материалам своего доклада,⁴ а через год в книге Г. Д. Романовского — русский, немного дополненный, ее текст.⁵ А. П. Карпинский тщательно описал пять новых видов гониатитов, обнаруженных в известняке, присланном ему из Дарваза; установил идентичность одного из среднеазиатских видов с *Goniatites uralicus* Karp. из артинских отложений Урала. Похожими на артинские оказались и другие 4 вида гониатитов. Дарвазские отложения, содержащие эти низшие виды аммоноидей, А. П. Карпинский также отнес к пермо-карбону и считал «весьма замечательным» фактом то, что в районах, отстоящих друг от друга на 1800 км, на-

---

² Карпинский А. П. О фауне артинского яруса. — Тр. С.-Петерб. об-ва естествоиспыт., 1879, т. X, с. 70.

³ Там же, 1883, т. XIII, вып. 2, с. 98.

⁴ Зап. С.-Петерб. минер. об-ва, II сер., 1883, ч. 18, с. 212—220.

⁵ Карпинский А. П. Признаки каменноугольно-пермских осадков в Дарвазе. — В кн.: Материалы для геологии Туркестанского края. Вып. 2, СПб., 1884, с. 136—142.

ходятся сходные виды фауны, обнаруженные к тому же в литологически различных типах пород.

20 ноября 1888 г. он делает сообщение физико-математическому отделению Академии наук о законченной им большой работе об аммонитах артинского яруса. Результаты ее оказались настолько интересными, что Александр Петрович решает первыми познакомить с ней своих западноевропейских коллег, занимавшихся сходными проблемами, и в «Мемуарах» Академии в 1889 г. печатает немецкий вариант этой монографии.⁶ 29 ноября 1888 г. он вновь делает доклад о своей работе, знакомя товарищей по Академии с русским текстом монографии, которая выходит отдельным изданием в 1890 г. А 20 ноября 1890 г. Александр Петрович делает доклад на заседании Петербургского минералогического общества и публикует полный русский текст своей работы в «Записках» Общества. Интересно, что в тот же день он делает доклад и в Академии наук, напечатав затем на немецком языке в «Бюллетене» Академии статью о фауне аммонитов артинского яруса.⁷ В ней он дополняет новыми фактами немецкий текст своей монографии.

Проходит пять лет. В конце 1895 г. А. П. Карпинский делает доклад в Академии наук о результатах применения онтогенетического метода к роду *Prolecanites*.⁸ Затем новые исследования на много лет отвлекают его от этой работы, но он все же не забывает о ней. 15 апреля 1921 г. Александр Петрович выступает с докладом на заседании Русского палеонтологического общества. На этот раз онтогенетический метод применен им к фауне *Prolecanitidae* на материале разобранной палеонтологической коллекции покойного академика Ф. Н. Чернышева, который привез необычного вида аммонит из семейства *Medlicottidae*, найденный им в артинских отложениях Новой Земли.⁹ Об

---

⁶ Карпинский А. П. Ueber die Ammoneen der Artinsk-Stufe und einige mit denselben verwandte carbonische Formen. — Мém. Acad. sci Pétersb., VII sér., 1889, t. XXXVII, N 2, 104 S.

⁷ Карпинский А. П. Zur Ammoneen — Fauna der Artinsk-Stufe. — Bull. Acad. sci. Pétersb., 1891, t. II (XXXIV), pp. 139—154.

⁸ Карпинский А. П. О нахождении в Азии *Prolecanites* и о развитии этого рода. — Изв. Акад. наук, V сер., 1896, т. IV, № 2, с. 179—194.

⁹ Карпинский А. П. On a new species of ammonoid of the family *Medlicottinae*; on the relationship between genera of this

этой статье А. П. Карпинского А. А. Чернов писал, что она «явилась естественным продолжением его большого исследования об аммонейх артинского яруса, ...создавшего ему славу крупнейшего палеонтолога» [160, с. 9].

Такое настойчивое возвращение к теме исследования эволюции артинских аммоноидей говорит об одном — его автор придавал огромное значение и для палеонтологии и для стратиграфии онтогенетического метода изучения целой группы фауны, впервые столь последовательно и широко опробованного на русских материалах. Уже эта крупная палеонтологическая работа А. П. Карпинского получила широкое признание. Долгие годы его построения входили в учебники палеонтологии. Парижская Академия наук удостоила Александра Петровича за эти исследования (правда, с большим запозданием — только в 1921 г.) премии имени Кювье. В настоящее время они считаются классическими.

Рассмотрим более обстоятельно эту монографию А. П. Карпинского. Материалом для нее послужили собственные полевые сборы автора, а также экземпляры каменноугольных и пермских аммонитов из фондов музея при Горном институте и палеонтологические коллекции Ф. Н. Чернышева, А. А. Краснопольского, Г. Д. Романовского, А. А. Иностранцева, Е. С. Федорова, П. И. Кротова, А. П. Павлова и А. А. Штукенберга. Все эти геологи полностью разделяли концепцию «переходных слоев» А. П. Карпинского. Они также относили артинский ярус к пермо-карбону и, изучая его, тщательно собирали образцы фауны, могущие уточнить возраст артинских слоев, которые в разных районах Урала были представлены литологически различными образованиями и не исключено, что им свойственно было своеобразное «возрастное скольжение» фаунистических горизонтов. Александр Петрович проработал и многообразную литературу по сходным (в фаунистическом отношении) с артинскими отложениям Пенджаба (Индия), Дарваза (Бухара), Сицилии (Италия), Техаса (США), Тироля (Австрия), а также Закавказья, Шпицбергена и Австралии. В пределах же Урала, как отмечал А. П. Карпинский, «артинские осадки тянутся вдоль западного склона... от Киргизских степей

---

family, and on the ontogeny and phylogeny of *Prolecanitidae*. — Ежег. Русск. палеонтол. об-ва, 1922—1924 (1926), т. IV, с. 1—9.

до Ледовитого океана, образуя полосу, ширина которой иногда превышает 100 км».¹⁰ Эту полосу вслед за А. П. Карпинским обследовали и его товарищи по Геологическому комитету — Ф. Н. Чернышев и А. А. Краснопольский, а также геологи-сотрудники Комитета А. А. Штукенберг и П. И. Кротов.

Еще до открытия артинского яруса в палеозойских отложениях восточной окраины Европейской России Вернейль нашел и описал фауну аммоней, по внешнему виду приближающуюся к типичным аммонитам. Отложения с аммонейми Р. Мурчисон впоследствии отнес к карбону. Затем Х. И. Пандер и В. И. Мёллер пересмотрели возрастную привязку аммоней и содержащие их отложения датировали поздней пермью. Таким образом, получалось нечто вроде «артиллерийской вилки». Но это, конечно, не означает, что именно ею руководствовался А. П. Карпинский, привязывая артинский ярус к пермо-карбону. К тому же, как мы уже отмечали, тщательное исследование артинских аммоней А. П. Карпинский предпринял не с целью обоснования возраста артинских слоев, который он установил еще в 1874 г., а для воссоздания эволюционной ветви аммоноидей и доказательства на этой основе справедливости своей стратиграфической концепции «переходных слоев». Использованный им для этого онтогенетический метод, теоретической основой которого являлся биогенетический закон Мюллера-Геккеля, также, вообще говоря, не был новостью для западноевропейских геологов. Академик А. А. Борисяк [25, с. 26] писал в связи с этим: «Работа Александра Петровича об артинских аммонейх вводила в русскую палеонтологическую литературу онтогенетический метод изучения ископаемых».

Под влиянием эволюционного учения, лишь в 1870-х годах начавшего проникать в палеонтологические работы, в западной литературе были сделаны попытки восстановить „эмбриологию“ аммонитов по внутренним оборотам раковины (А. Hyatt, 1872) и доказать повторение в онтогении их филогении (Würtenberger, 1880); к этому времени относятся и классические исследования над развитием раковины аммоней W. Branco (1881), положившего в основание их классификации особенности эмбриональ-

---

¹⁰ Карпинский А. П. Об аммонейх артинского яруса..., с. 4,

ной камеры. *Александр Петрович применил новый метод к изучению целой фауны»* (курсив мой, — С. Р.).

Биогенетический закон был установлен немецкими палеонтологами Мюллером и Геккелем в 1866 г., т. е. вскоре после опубликования эволюционной теории Ч. Дарвина. Согласно этому закону (который правильнее было бы назвать принципом, ибо он провозглашает только руководящую идею, отклонения от которой слишком часты, что не позволяет экстраполировать результаты за пределы исследованного материала), индивидуальное зародышевое развитие живых существ частично повторяет основные этапы развития всего ряда предковых форм. Следовательно, биогенетический закон отражает реальные явления повторяемости истории развития предковых форм (филогенез) в индивидуальном развитии особи (онтогенез). Для того чтобы этот закон стал действенным оружием исследования, необходимо выбрать такую группу фауны, индивидуальные особенности особей которой имеют достаточно информативные в филогенетическом отношении признаки. Именно такой группой и являются аммоноидеи, т. е. обширный надотряд (в современной классификации) головоногих моллюсков, включающий гониатитов, цератитов и аммонитов.

Среди же артинских аммонитов доминирующее положение занимает семейство пролеканитид, которыми в первую очередь и занялся А. П. Карпинский. Раковины их плоские, спирально свернутые. Различаются они формой, размерами, скульптурой и другими признаками. Особенно важное значение имеют лопастные линии, т. е. изгибы наружного края перегородок, разделяющих раковину на отдельные камеры. Лопастные линии хорошо видны на ядре аммонита, если удалить его раковину. «Развитие аммонита, — пишет А. А. Чернов, — начинается с начальной шаровидной камеры, вокруг которой по мере роста мягкого тела происходит его завивание, причем животное отделяет в своей задней части последние известковые перегородки, обитая только в последней, или жилой, камере. Лопастные линии последних перегородок становятся все более сложными, и, таким образом, раковина несет в себе весь путь индивидуального развития, или онтогенеза. Вместе с тем этот путь в сокращенной форме представляет длительный процесс развития предковых форм данного аммонита, и, изучая индивидуальное раз-

витие аммонита, мы устанавливаем те последовательные формы лопастных линий, которые были свойственны его предкам, тем более древним, чем более ранние стадии мы изучаем. Таким образом, устанавливается филогенетическое развитие различных ветвей аммонитов и устанавливаются между ними родственные связи» [160, с. 10].

Чем же объяснить такую устойчивость «генетической информации», которую передают животные из поколения в поколение, причем о тех признаках, которыми сами уже не обладают, но которые были характерны для их далеких предков? А. П. Карпинский объяснял это с позиций популярной тогда теории «внешней среды», не меняющейся во все время роста молодой особи. Даже в 1947 г., анализируя монографию А. П. Карпинского, Л. Ш. Давиташвили подтверждает эту интерпретацию: «свободное, самостоятельное существование молодежи и ее пребывание в тех же условиях среды, при которых живут взрослые, благоприятствуют... рекапитуляции предковых признаков в онтогенезе» [50, с. 53]. Сегодня, конечно, такая трактовка выглядит поверхностной.

Итак, А. П. Карпинский приступил к исследованию онтогенеза аммоноидей с целью воссоздания полной эволюционной ветви этой группы фауны для того, чтобы восполнить ту информацию о ее видовом многообразии, которая неизбежно утрачивается вместе с исчезновением (например, в результате регионального размыва) осадков. Александр Петрович так трактует значение избранного им онтогенетического метода: «Подобная обработка целой фауны (аммонеи артинского яруса, — *C. P.*)... дает возможность делать выводы относительно таких явлений, на выяснение которых обыкновенные приемы палеонтологических исследований дают весьма мало надежды вследствие так называемой неполноты геологической летописи».¹¹ Далее, развивая эту мысль, он пишет: «То, чего не позволяет нам выяснить очевидная бедность остатков исчезнувших организмов, в значительной степени будет разъяснено изучением внутреннего их развития и обнаруживающимися при этом возможными соотношениями таких организмов к формам, существовавшим в другие времена, или к формам синхроничным, но населявшим

---

¹¹ Карпинский А. П. О нахождении в Азии *Prolecanites*..., с. 179.

другие области или жившим при иных внешних условиях».¹² Он, таким образом, ясно видит прикладное значение своего исследования, которое, кроме ответа на вопросы эволюционной палеонтологии, должно во многом прояснить и стратиграфию вмещающих исследуемые формы отложений, а также палеогеографию территории, населявшейся в свое время многообразными видами аммоноидей.

А. П. Карпинский получил требуемые ответы на все интересовавшие его вопросы. Он построил своеобразное генеалогическое древо аммоноидей, точнее их филогенетическую родословную от девонского периода до пермского. Так, «для наиболее сложного из изученных Карпинским родов — *Medlicottia*, — на основании его онтогенеза Карпинский устанавливает его филогению в ряду *Ibergiceras* (девон) — *Paraprolecanites*—*Pronorites*—*Sicanites*—*Medlicottia*; подобные выводы получены и для других родов и остались непоколебленными результатами новейших исследований других авторов», — писал известный советский палеонтолог Н. Н. Яковлев в 1937 г. [171, с. 15]. Филогенетическая родословная рода *Medlicottia* изображена на рис. 2. Девонского предка *Medlicottia* — род *Ibergiceras* — А. П. Карпинский назвал «низшим типом аммоной». Рисунок, который мы заимствовали из анализируемой монографии А. П. Карпинского, дает наглядное представление о тех стадиях развития, которые прошли *Medlicottia* почти за 170 млн. лет. Хорошо также видны различия изученных родов аммоной, которые отчетливо совпадают с их геологическим возрастом. Действительно, вслед за девонским предком пролеканитид — родом *Ibergiceras* — идет род *Prolecanites*, живший в интервале средний—поздний девон—ранний карбон. (Позднее, в 1896 г. А. П. Карпинский выделил новый вид *Prolecanites asiaticus* из каменноугольных отложений Киргизской степи). На следующей стадии появляется род *Paraprolecanites*. С этого времени (ранний—средний карбон) пролеканитиды расходятся в своем развитии как бы на три ветви. Первая ветвь завершается в артинском веке родом *Daraelites*, вторая — *Parapronorites* и, наконец, третья ветвь приводит к медликоттиям.

---

¹² Там же.

«Насколько это исследование Александра Петровича вносило новый свет в понимание древнейших аммоней, — писал академик А. А. Борисяк, — видно из того, что до того многие из входящих в его таблицу форм разными авторами относились к различным семействам и даже отрядам. Александр Петрович объединяет их в одно семейство *Prolecanitidae*» [25, с. 27].

Но, может быть, это не эволюция одного рода, а сходные по внешним признакам пришлые формы, которые не характеризуют последовательное развитие рода, являясь просто-напросто пространственными его заместителями в последующие геологические периоды? Александр Петрович проанализировал и эту альтернативу (вспомним особенности его исследовательского стиля) и пришел к твердому выводу в пользу единого филогенетического древа. «Изучение развития артинских форм, — пишет А. П. Карпинский, — свидетельствует, однако, что родственные многим из них виды аммоней существовали в предшествовавший каменноугольный период в том же бассейне (курсив мой, — С. Р.), каменноугольные отложения которого непосредственно сменились артинскими. Таким образом, медликоттии, пропинокоцеры и парапронориты развились через преобразования в разных направлениях проноритов, присутствие которых в верхних каменноугольных отложениях Урала давно известно. Еще меньше выводов считать пришлыми гастреоцеров, которые также найдены в русских верхнекаменноугольных отложениях как на Урале (*Gastr. Marianum*), так и в других частях обширной русской каменноугольной площади (*Gastr. russiense*, *Gastr. aff. Listeri*)». ¹³

Таким образом, А. П. Карпинский доказал, что артинские аммоноидеи развились на месте из прежних каменноугольных форм, а не мигрировали на Урал со стороны. Следовательно, между каменноугольным и пермским морскими бассейнами перерыва не было, как это считалось до работы А. П. Карпинского на основании изучения, кстати, тех же аммоноидей. Заметим, что именно такого воззрения на палеогеографию Урала придерживался Э. Зюсс, но он вынужден был изменить его после получения от А. П. Карпинского экземпляра этой монографии.

---

¹³ Карпинский А. П. Об аммоней артинского яруса..., с. 145—146.

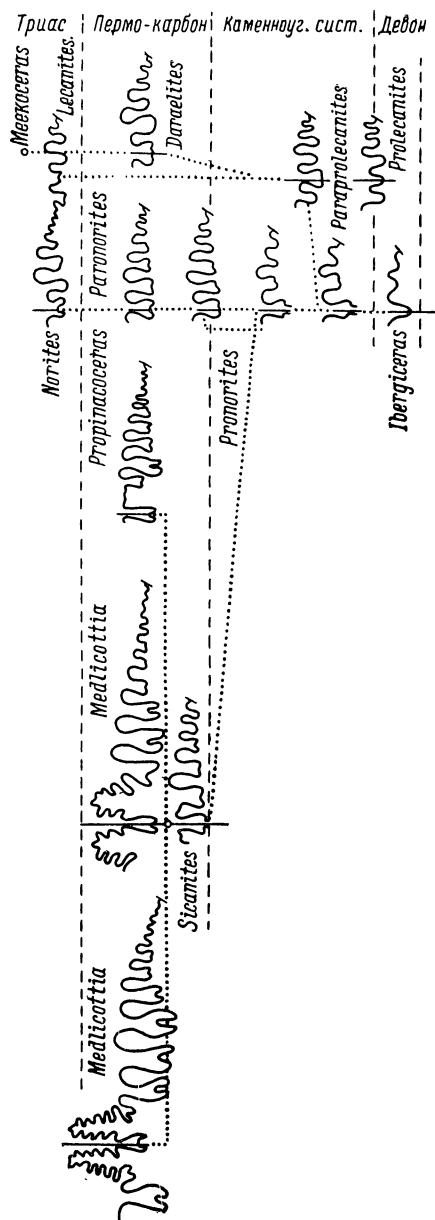

Рис. 2. Филогенетическое древо рода *Medlicottia*.

Резюмируя эту часть своей работы, Александр Петрович пишет: «Таким образом, мне кажется, что фауна аммоней артинского яруса (или, по крайней мере, большинство этих форм) имеет автохтонное происхождение и развилась из так называемых гониатитов, населявших тот же бассейн (но при ином его очертании) в предшествовавшую верхнекаменноугольную эпоху».¹⁴

Интересен еще факт установления А. П. Карпинским возрастного скольжения палеонтологических горизонтов артинского яруса. Сам принцип возрастного скольжения геологических горизонтов (палеонтологических и петрографических) ввел в геологическую науку Н. А. Головкинский в 1868 г. Александру Петровичу он был, разумеется, известен. Но в то время еще не было прецедентов практического преломления этого принципа — всем он казался отвлеченной от реальности абстракцией. Поэтому большой заслугой А. П. Карпинского является то, что он нашел конкретную его иллюстрацию на примере хорошо известных ему отложений артинского яруса. Он показал, что возраст слоев этого яруса в Сакмарском бассейне относительно более древний в сравнении с типичными отложениями того же яруса в районе Артинского Завода на Среднем Урале, «что впоследствии, — как указывает Л. С. Либрович, — тоже получило только дальнейшее подтверждение» [97, с. 10]. Единственное, что не подтвердилось дальнейшими работами более позднего периода, — это трактовка условий седиментации отложений артинского яруса, которые А. П. Карпинский повсеместно считал мелководными. Новейшими работами, в частности И. В. Хворовой, показано, что часть отложений этого яруса, представленного флишевой формацией, являются безусловно глубоководными.

Итак, чисто палеонтологическая часть работы завершена и завершена блестяще. Но А. П. Карпинский идет дальше, ибо и само это исследование, как мы уже имели возможность отметить, он предпринял не только ради построения эволюционно-генеалогического древа пролеканитид, но главным образом для обоснования своей концепции «переходных слоев» и для разработки в будущем более точной стратиграфической шкалы, которая оставалась еще весьма несовершенной, главным образом, как

---

¹⁴ Там же, с. 146.

думали многие, из-за неполноты геологической летописи. Поэтому заключительную часть своей монографии, весьма значительную по объему, он посвящает геологическим приложениям выполненного исследования и прежде всего детальному обсуждению проблемы стратиграфических классификаций, в частности проблеме «пермо-карбона» в том понимании, которое он в нее вкладывал.¹⁵

Разберем более обстоятельно то, что вошло в современную стратиграфию как «принцип Карпинского», — его концепцию обязательного существования переходных слоев между стратиграфическими подразделениями высокого ранга (отделами и системами). На чем он основан? Отвечая кратко, — на последовательном проведении в жизнь эволюционной теории Ч. Дарвина и на последовательном отношении к принципу «искусственности» геологических классификаций. Действительно, попытаемся показать справедливость нашего тезиса, используя высказывания на эту тему самого А. П. Карпинского. Предварительно только заметим, что проблема выделения единых стратиграфических подразделений вследствие отсутствия четких (дедуктивно сформулированных) теоретических оснований этой науки и на сегодняшний день остается краеугольным камнем методологических разногласий теоретиков стратиграфии, а потому воззрения на эту проблему А. П. Карпинского, хотя и отличались некоторыми противоречиями, были прогрессивны для своего времени. Да и сегодня еще некоторые стратиграфы полагают, что «принцип Карпинского» должен быть полностью ассимилирован стратиграфической наукой.¹⁶

Что такое стратиграфическая единица любого ранга? Это некая группировка слоев, отличающаяся от нижележащей и перекрывающей ее группировки по каким-либо

---

¹⁵ Любопытно отношение А. П. Карпинского к проблеме перемещения континентов, которое отчетливо видно и в этой, отнюдь не тектонической его работе. За двадцать с лишним лет до известной монографии А. Вегенера Александр Петрович писал: «Вследствие известного до сих пор нахождения этих форм (пролеканитид, — *С. Р.*) лишь в Западной Европе и Северной Америке можно было предполагать, что прежняя область их распространения обнимала и соединяющее теперь названные районы океаническое пространство» (там же, с. 193).

¹⁶ Халфин Л. Л. Принципы А. П. Карпинского и границы подразделений Международной стратиграфической шкалы (МСШ). — Тр. СНИИГГИМС, 1970, вып. 110, с. 4—10.

характеристикам. Очень туманно, неконкретно, но тем не менее это так, а дать более четкое определение невозможно. Эти «какие-либо характеристики» в классической биостратиграфии являются характеристиками фауны, причем руководящей для данного отрезка геологического времени. Отсюда напрашивается вывод — смена в разрезе руководящей фауны означает переход к новой группировке слоев (новой стратиграфической единице). Теоретически это так, а практически? Практически же все обстоит далеко не так ясно. Что считать сменой руководящей фауны? Когда она полностью исчезает из разреза или когда появляются слои, содержащие одновременно руководящую фауну для нижележащей стратиграфической единицы и руководящую фауну перекрывающего стратиграфического подразделения? Куда относить эти слои? Более того, до сих пор мы рассматривали лишь единый разрез в какой-либо определенной точке геологического пространства. Ну, а если мы отступим от нее на 100 или 1000 км? В тех местах условия могли быть иными, а потому и осадки и содержащаяся в них фауна тоже будут иными. Или только частично — осадки те же, а фауна иная, либо те же виды фауны, но включенные в другие в литологическом отношении осадки. Будут ли выделенные в этих разрезах стратиграфические единицы совпадать? В литологическом отношении чаще всего нет, нередко не совпадают они и в фаунистическом. Но ведь надо выделять единые для всей Земли подразделения, эквивалентные в хронологическом смысле. Где искать критерии для параллелизации разрезов и для синхронизации выделенных в них стратиграфических единиц разного ранга?

Далее, еще более важный вопрос: как относиться к разработанной стратиграфической классификации, т. е. к выделенным единицам и их рубежам, — как к действительно существующим овеществленным этапам геологической истории, единым для всего Земного шара, или как к искусственной группировке геологических тел, отражающей не «действительный» ход событий, а наше представление о нем?

Вот те вопросы, которые непрестанно задавали себе геологи второй половины прошлого века и на часть из них отвечали, кстати, более определенно, чем некоторые из современных стратиграфов. Начнем с последнего во-

проса. В 1911 г. А. П. Карпинский писал: «Неоднократно было замечено,¹⁷ что наши естественноисторические классификации представляют в сущности классификации наших сведений о группируемых предметах»¹⁸ (курсив мой, — С. Р.). Итак, у А. П. Карпинского сомнений не было: классифицируются «сведения» о предметах. Уточняются сведения, уточняется и классификация, постепенно приближаясь к той, которая будет удовлетворять всей массе накопленных наукой «сведений». Иначе говоря, Александр Петрович четко различает законы природы, как абсолютную истину, и законы науки, как некое приближение к этой истине. Не представляет исключения и стратиграфия.

Обратимся далее к первой группе поставленных нами вопросов. В 1873 г., как мы знаем, А. П. Карпинский работал в Оренбургском крае, исследуя каменноугольные отложения, и в ряде мест обнаружил слои, фауна которых частично принадлежала каменноугольному времени, а частично (и это было точно доказано) — пермскому. Где в данном разрезе провести границу между карбоном и пермью? А. П. Карпинскому, как он сам это считает, «удалось показать, что рассматриваемые слои, отличаясь своеобразной фауной, носят *переходный характер* (курсив мой, — С. Р.) между отложениями каменноугольной и пермской систем, так что в строгом смысле они столько же относятся к первой, как и ко второй, представляя то звено, которое связывает на восточной окраине Европейской России типические осадки обеих названных систем».¹⁹ Так родилось его представление о «переходных слоях», первым прецедентом которых А. П. Карпинский называл выделенный им артинский ярус.

Александр Петрович прекрасно знал современную ему и старую геологическую литературу, а потому для него не было секретом, что в других районах Европы эти переходные слои между каменноугольной и пермской системами не отмечаются. Кроме того, верхние горизонты

---

¹⁷ Первым из русских геологов, кто сформулировал передовые и для нашего времени представления о геологических классификациях, был Н. А. Головкинский (Романовский С. И. Николай Алексеевич Головкинский. Л., 1979. 191 с.).

¹⁸ Карпинский А. П. Замечания о *Helicoprion* и других едестидях. — Изв. Акад. наук, VI серия, 1911, т. V, № 16, с. 1113.

¹⁹ Карпинский А. П. Об аммонейх артинского яруса..., с. 3—4.

карбона и нижние перми представлены совсем другими отложениями. Этот факт почему-то настораживал А. П. Карпинского, и он не желал, чтобы «его» артинский ярус сопоставляли с «красным лежнем» Германии, хотя прекрасно понимал, что в латеральном отношении осадки фациально замещаются, а за пределами бассейна осадконакопления вообще могут быть представлены совсем иным набором пород, будучи в то же время хронологически идентичными. Так или иначе, но он не согласен с тем, что артинский ярус все же следует отнести к нижней перми (в современной классификации он там и оказался, причем из него выделен в качестве самостоятельной единицы еще и сакмарский ярус), поскольку «применение для артинских слоев этого термина, указывающего на предполагаемый параллелизм их с типичским мертвым красным лежнем, кажется мне мало подходящим».²⁰

Но, с другой стороны, Александр Петрович признает за стратиграфическими классификациями только одно назначение — искусственную группировку отложений, а потому, казалось бы, соединение этих переходных отложений с одной из систем не должно вызывать принципиальных возражений. Он так и пишет: «Конечно, при искусственности деления на системы эти промежуточные слои, во время установления систем вовсе не известные, в различных странах с большим или меньшим произволом можно отнести то к системе вышележащей (пермь), то к нижележащей (карбон)».²¹

Какой же смысл видел А. П. Карпинский в «искусственных» стратиграфических классификациях? Он полагал, что весьма полезные только как региональные подразделения, они станут препятствовать сопоставлению отложений из разных бассейнов седиментации. Думается, что такой трактовкой он без оснований суживал то рациональное, что, без сомнения, содержится в понятиях «искусственная или условная» стратиграфическая классификация, полностью укладывающееся в рамки современного модельно-целевого (или, как его иначе именуют, системного) подхода к методологии научных исследований. А боязнь А. П. Карпинского сопоставлений (сигн-

---

²⁰ Там же, с. 153.

²¹ Там же.

хронизации) разнофациальных отложений как-то не вяжется с его геологической эрудицией и его же собственными исследованиями по стратиграфии.

Действительно, предоставим слово самому Александру Петровичу: «Коль скоро мы отказываемся от взгляда, что существующая хронологическая классификация осадочных образований представляет естественную их систему, то главнейшее значение такой классификации будет заключаться лишь в том, чтобы помочь нам разобраться в массе имеющегося фактического материала при помощи сопоставления осадков, близких по времени их образования». С этим мы должны полностью согласиться. И вдруг: «Если же мы все каменноугольно-пермские отложения, в которые входят осадки, чрезвычайно близкие к карбону, соединим в один нижнепермский отдел вместе с непосредственно примыкающими к цехштейну горизонтам мертвого красного лежня, то такое соединение нельзя будет не счесть за направленное в ущерб той пользе, какую искусственная система может нам дать».²² Если не акцентировать внимание на словах «чрезвычайно близкие к карбону», поскольку они не очень вяжутся с тем, что сам А. П. Карпинский понимал под «переходными слоями», то в остальном приходится признать, что остается неясным — почему синхронизация разнофациальных отложений наносит ущерб «искусственной» системе стратиграфической классификации?

Мы уже указывали в начале главы, что своеобразным теоретическим базисом «естественной» классификации в стратиграфии была теория катастроф, а для «искусственных» классификаций таким базисом оказалась эволюционная теория. Ясно, что эти подходы скорее не дополняют, а исключают друг друга. Поэтому не может быть компромиссов и между стратиграфическими классификациями, базирующимися на разных принципах. Именно так полагал А.П. Карпинский, и именно поэтому он пришел к концепции «переходных слоев». Александр Петрович справедливо отмечает, что «когда были устанавливаемы различные осадочные системы, то почти во всех случаях они казались резко между собою разграниченными, без чего господствовавшая прежде гипотеза о катаклизмах, уничтожавших характерные для соответ-

---

²² Там же, с. 154.

ствующих периодов фауны и флоры, не могла бы иметь места.

*При такой гипотезе подразделение осадочных образований на системы казалось естественным...»*²³ (курсив мой, — С. Р.).

Прервем пока цитату и зададим вопрос — как понимать в данном контексте слово «естественный»? Однозначно — как предопределенное самой Природой членение осадочной оболочки на системы. Против этого А. П. Карпинский справедливо восстает. Но можно слово «естественный» понимать и несколько по-иному. Предположим на минуту, что действительно стратиграфические системы резко различаются (хотя бы по фауне) и столь же резко разграничены (разумеется, в каком-то едином разрезе). Тогда с полным правом можно говорить о том, что видимые в разрезе различия систем «естественны», поскольку в природе все естественно. Но Александра Петровича, как ученого, интересуют не иллюстрации конкретными примерами этого понятия, а его научное содержание, т. е. смысл, какой можно было бы использовать как методическое оружие исследователя. И здесь он совершенно прав — такого смысла нет — опираться на это понятие при выделении систем нельзя.

Если системы резко разграничены, например, региональным размывом, то они будут представлять собой только некие осколки систем и оказывается неясным, где же тогда граница между ними, причем не региональная, ибо она в таком случае не имеет хронологического смысла, а глобальная, фиксирующая различия между определенными этапами геологической истории всей Земли. Этот своеобразный парадокс стратиграфии, т. е. проведение границ там, где виден перерыв, а не в непрерывных разрезах, остается неразрешенным до сих пор. Александр Петрович сознавал его полностью, ибо в противном случае он бы не поставил в повестку дня современной ему стратиграфии «проблему пермо-карбона».

Продолжим, однако, высказывание А. П. Карпинского: «Впоследствии, когда переходные отложения были обнаружены по причине или открытия новых осадков, или более тщательного изучения уже известных отложений, такие осадки с промежуточным палеонтологическим

---

²³ Там же.

характером включали то в вышележащую систему, то в более древнюю. Выше было замечено, — продолжает Александр Петрович, — что при искусственности подразделения это безразлично, но, во всяком случае, желательно, чтобы при таком включении переходные слои не были смешиваемы с типическими отложениями системы (разрядка автора, — *C. P.*). Мне кажется, что и в интересах науки не следовало бы включать промежуточные осадки, по своему палеонтологическому характеру столько же принадлежащие к одной системе, как и к другой, непременно в какую-нибудь из них, а просто означать именем переходных между данными системами». ²⁴

Это очень важная, как нам представляется, мысль. Здесь уже А. П. Карпинский не настаивает на том, чтобы между системами в единой стратиграфической классификации, какой является Международная стратиграфическая шкала, обязательно помещались «переходные слои», но он акцентирует внимание на том, что в непрерывных разрезах они обязаны выявляться, и именно их наличие и есть своеобразный сигнал к переходу одной системы в другую.

В этом главное значение развитой А. П. Карпинским концепции «переходных слоев» и в этом смысле она полностью сохраняет свое значение и в наши дни. А то, что «никакого определенного принципа по отношению к группировке осадков, носящей переходный палеонтологический характер, не существует»,²⁵ создавал, как видим, и сам автор этой концепции. Тем более что уже во время работы А. П. Карпинского над данной монографией «мнение о принадлежности пермо-карбона к пермской системе в Западной Европе сделалось почти общепризнанным или, правильней сказать, весьма распространенным».²⁶ Значит ли это, что во время работы над монографией, т. е. через 16 лет после открытия артинского яруса, А. П. Карпинский остался в одиночестве со своим представлением о «переходных слоях»? Нет. Его точку зрения поддерживали геологи Комитета, работавшие на Урале и изучавшие артинские разрезы. Но дело в том,

---

²⁴ Там же, с. 154—155.

²⁵ Там же, с. 155.

²⁶ Там же, с. 164.

что сам А. П. Карпинский начинает понимать истинный смысл этой концепции — ее большое методологическое значение, положившее конец представлениям о системах, как о естественных, природой предопределенных группировках геологических тел, и одновременно ее практическое неудобство, поскольку не удавалось «состыковать» соседние системы так, чтобы не было этого, иногда значительного по объему, «шва» из переходных слоев.

Александр Петрович признает, что «последующие исследования могут выяснить, что при расширении границ систем до уничтожения тех пробелов, которые были при их установлении, границу эту, быть может, основательнее будет провести под артинскими слоями».²⁷ Да, так оно и оказалось. Артинский ярус разделили на два — артинский и сакмарский, и границу между каменноугольной и пермской системами сейчас проводят по подошве сакмарских слоев. Но и это не общепринятое в стратиграфии решение.

Очень интересно и даже поучительно читать этот заключительный раздел монографии «Об аммонеех артинского яруса...». В ней обнажены все сомнения автора о введенной им в 1874 г. концепции «переходных слоев», в нем читатель может наглядно проследить за раздумьями и размышлениями большого ученого, не стесняющегося признать, что его бывшая позиция постепенно утрачивает свое практическое значение. Вот что пишет А. П. Карпинский: «Для лиц, вступивших на геологическое поприще, когда мнение об искусственности хронологической классификации осадков сделалось уже распространенным, принятие промежуточных отложений может казаться еще излишним; но геологи, воспитанные еще прежней школой, когда господствовало иное представление о границах систем, не могут не оценить всей важности и значения исследований, направленных на отложения, выполнившие собою промежутки между системами в том значении последних, которое почти всеми придавалось им в то время... Хотя в настоящее время, — продолжает Александр Петрович, — для науки почти безразлично, принимать ли переходные отложения или границы систем на тех или других основаниях доводить до взаимного соприкосновения, но я никак не могу согла-

---

²⁷ Там же.

ситься, что введение в науку понятия о переходных образованиях было совершенно излишним; напротив, оно было плодотворно и способствовало уничтожению прежнего представления о системах, как об обособленных естественных группах».²⁸

Таким образом, А. П. Карпинский стоял в этом вопросе на самых передовых (для своего, да и для нашего времени тоже) позициях. Его подход к определению границ геологических систем сыграл огромную роль в теоретическом осмысливании основ стратиграфии и способствовал формированию той позиции в отношении стратиграфической классификации, которую занимают передовые стратиграфы современности, хотя надо признать, что в теоретическом отношении современная стратиграфия не очень отделилась от той, которая была хорошо знакома А. П. Карпинскому. Ему же принадлежат вещие слова: «В настоящее время можно привести примеры самых нижних или самых верхних слоев систем, принимаемых тем или иным ученым или группой ученых, но кто из геологов решился бы указать теперь на общепризнанную (разрядка Карпинского, — *С. Р.*) границу, например, между системами кембрийской и силурийской, силурийской и девонской, даже между девонской и каменноугольной, между триасовой и юрской и пр.».²⁹ Действительно, кто из стратиграфов решится на такое «указание» и по прошествии 90 лет со времени написания этих слов.

Прошло 20 лет со времени опубликования монографии «Об аммонейх артинского яруса...», но Александра Петровича не оставляют в покое изложенные там идеи. Отделилась в прошлое полемика между стратиграфами «старой» и «новой» школ, понемногу стала забываться (а зря!) концепция переходных слоев. Очевидно, ее нет, да и критиковали в новейших работах по стратиграфии. Иначе бы А. П. Карпинский в примечаниях к переизданным в 1919 г. своим работам по палеогеографии и тектонике не стал бы вновь разъяснять ее место в ряду теоретических идей стратиграфии. «Некоторые ученые полагают, — писал Александр Петрович, — что переходные осадки между хронологическими отделами

---

²⁸ Там же, с. 173.

²⁹ Там же, с. 174—175.

в геологии не должны быть устанавливаемы и как пример приводят пермо-карбон (в тесном смысле), к которому относится и артинский ярус. Ярус этот был установлен, — разъясняет А. П. Карпинский, — когда, несмотря на общую известность гениального творения Дарвина и др., ученые далеко еще не были единодушными относительно эволюционного хода развития организмов, на основании остатков которых геологические системы разграничивались. Границы эти часто признавались более или менее резкими и естественными, а потому доказательное установление переходных отложений между системами имело большое принципиальное научное значение. Теперь, когда в большинстве случаев универсальные границы между системами и их отделами (секциями) могут считаться искусственными, главное значение получает корреляция осадков, выяснение их одновременности в пределах определенного хронологического подразделения». ³⁰

Так оно и есть. Передним краем современной нам стратиграфии является проблема корреляции (синхронизации) разнофациальных толщ, проблема соотношения хроно-, био- и литостратиграфии и т. п.

Однако, признав в какой-то мере необязательность выделения переходных слоев при установлении региональных границ между системами, А. П. Карпинский до конца своих дней считал эту монографию наиболее ценным из того, что ему удалось сделать на уральских материалах. За 4 года до смерти, т. е. на 86 году жизни, Александр Петрович, выступая на выездной сессии Академии наук в Свердловске, сказал: «Самым важным результатом моих исследований на Урале я считаю установление артинского яруса и выяснение филогении филома пролеканитид, начиная от верхнедевонских слоев последовательно до триаса». ³¹

Таким образом, эта монография А. П. Карпинского стала вехой в развитии палеонтологии и стратиграфии. Она была одной из первых работ в мировой литературе, в которой бы столь отчетливо были показаны преимуще-

³⁰ Карпинский А. П. Очерки геологического прошлого Европейской России. Пгр., 1919, с. 49.

³¹ Карпинский А. П. О некоторых проблематических геологических процессах и об ископаемых Урала. Доклад. Л., 1932, с. 8.

ства нового онтогенетического метода исследования целой группы фауны. «Это, — писал А. А. Борисяк, — яркий пример преимуществ биологического изучения ископаемых остатков для более точного освещения геологических явлений перед более поверхностными определениями тех же остатков геологами» [32, с. 415]. «Он был одним из первых палеонтологов, — заметил Н. Н. Яковлев, — преломивших на свою практическую работу идеи эволюции» [171, с. 15]. «А. П. Карпинский, — продолжает эту цепочку высказываний Л. Ш. Давиташвили, — в совершенно четкой форме поставил задачу онтогенетического, точнее, по терминологии А. Гайэтта (Hyatt), — биопластологического, или, по А. Н. Северцову, — филэмбриогенетического, изучения целых фаун отдельных геологических горизонтов» [50, с. 54].

Высоко оценили этот труд А. П. Карпинского и иностранные его коллеги: Дж. П. Смит, Э. Ог, К. Циттель, К. Динер и другие, от которых он получил восторженные отзывы.

Глава 10. *Helicoprion*

В 1916 г. А. П. Карпинский написал, что XIX в. в палеонтологии ознаменовали три крупных открытия: париазаврус — среди рептилий, геликоприон — среди рыб и димонохеликс — между проблематиками. В этой главе мы остановимся на одном из них — геликоприоне.

Александр Петрович оказался непосредственно причастным как к его открытию, так и к его тщательному исследованию, реконструкции внешнего облика и, наконец, к определению его места в общей систематике ископаемых организмов. Геликоприон, конечно, нельзя считать проблематиком в узком смысле этого слова, ибо его принадлежность к вымершим акулообразным после появления монографии А. П. Карпинского не вызывала ни у кого сомнений; но по всему остальному — это характерный проблематик, поскольку требовалось по ничтожному обломку восстановить внешний облик животного, условия его обитания и захоронения. Фактов было мало и приходилось (как и в случае с типичными проблематиками) выдвигать гипотезы, которые, по крайней мере, контролировались бы имеющимися неоспоримыми данными.

Уже на склоне лет, много сил и труда отдав исследованию проблематических остатков в палеонтологии, Александр Петрович с грустью заключил, что «каковы бы ни были результаты хотя бы самых тщательных исследований проблематических образований, выводы эти неизбежно вызывают несогласия и различные новые толкования».¹ Это горькое признание вызывает еще и обиду за А. П. Карпинского потому, что по тщательности и глубине исследования проблематики он не знал себе равных. Он не вымучивал гипотезы, как это делали одни; они у него никогда не отражали безграничный полет неконтролируемой фантазии, как у других, а только связывали наблюдаемые факты в единую логически непротиворечивую цепь рассуждений. А между тем читатели и, что самое обидное, читатели-специалисты, не дав себе труда разобраться в его работе, с легкостью подвергли критике его выводы, причем с той же, с какой «разносились» ими действительно легковесные построения других авторов.

«История палеонтологии, — писал много лет спустя Д. В. Обручев, посвятив памяти А. П. Карпинского свое глубокое исследование геликоприона, — чрезвычайно богата необоснованными гипотезами и совершенно невероятными для позднейшего читателя фантазиями. История изучения едестид не составляет исключения. Среди всего этого моря необоснованных суждений и „остроумных“ догадок работы великого русского ученого высятся, как несокрушимое сооружение, построенное на прочном фундаменте тщательно изученных фактов и логически вытекающих из них выводов. Не все выводы оказываются верными в свете новых фактов. Но изменяются детали, а все сооружение остается и останется стоять как пример классической работы над очень нелегкой темой» [119, с. 57].

К изучению этой, уже второй, «классической работы над очень нелегкой темой» мы и приступаем.

Началось все весьма неожиданно для А. П. Карпинского. В 1898 г. на имя директора Геологического комитета пришел пакет. Отправитель Александру Петровичу

---

¹ Карпинский А. П. Об изучении проблематических объектов и явлений: исследование остатков *Helicoprion*. — Докл. Акад. наук, «А», 1930, № 15, с. 385.

был незнаком — некий А. Г. Бессонов, инспектор народных училищ Красноуфимского уезда Пермской губернии. В пакете лежали письмо и несколько фотографий необычного спирально свернутого животного, внешне очень похожего на аммонит. Поначалу Александр Петрович так и решил и уже готов был отложить это послание в сторону (слишком много неотложных дел), но что-то мешало ему это сделать. Вновь и вновь разглядывал он неумело выполненные фотографии, еще и еще раз перечитывал письмо А. Г. Бессонова, который сообщал, что вслед за письмом высылает посылку с образцами этого необычного животного. Сам А. Г. Бессонов, любознательный натуралист, был уверен, что это не аммонит, но что именно — этого он не знал, потому и решился побеспокоить директора Геологического комитета.

Через несколько дней пришла и посылка. Александр Петрович сам вскрыл ее и вынул это «замечательное ископаемое». Уже беглого взгляда было достаточно, чтобы убедиться — нет, это не аммонит... Но что? А. П. Карпинский почувствовал, что эта загадка не даст ему покоя ни на работе, ни дома, ни днем, ни ночью, пока он не разгадает ее. Он отложил все свои научные дела и с головой ушел в эту работу. Менее чем через год небольшая по объему, но весьма обстоятельная и глубокая монография была написана и представлена физико-математическому отделению Академии наук для опубликования. Назвал он ее так: «Об остатках едестид и о новом их роде *Helicoprion*». Сомнений не было: присланные А. Г. Бессоновым образцы принадлежали вымершим акулообразным (едестидам), но своим обликом не были похожи ни на один из известных в то время родов.

Александр Петрович был искренне признателен любознательному уральскому смотрителю народных училищ. Его посылка была бесценным приобретением науки. И А. П. Карпинский, доложив Присутствию Геолкома о полученном им даре, попросил уплатить А. Г. Бессонову «на издержки по добыче и пересылке образцов геликоприона 250 руб.», что и было исполнено.² Это был, кажется, первый случай, когда за присланные образцы Комитет уплатил столь внушительную сумму.

---

² Изв. Геол. комитета, 1898, т. XVII. (Заседание Присутствия от 17 апреля 1898 г.).

Что же представляла из себя эта загадка природы и почему ее следовало отождествлять с остатками едестид? Едестиды — это вымершее семейство рыб, которое относится к древнему отряду эласмобранхий. К этому же отряду принадлежат и современные виды акул. Рыбы этого отряда не имели твердого внутреннего скелета, потому и не сохранились в ископаемом состоянии. Природа законсервировала и сохранила лишь зубы, шипы (ихтиодорулиты) и плакоидные чешуйки (шагрени) этих рыб. Присланные же А. П. Карпинскому образцы представляли собой обломки какого-то загадочного спирально свернутого органа. Спираль плоская, обороты которой не соприкасаются. Число оборотов до 3.5. На наружной стороне спирали отчетливо видны остроугольные частые выступы, очень напоминающие зубы. Размеры этих зубных сегментов постепенно увеличиваются от внутренних оборотов спирали к наружным. В целом все это очень напоминало спирально свернутую пилу.

Д. В. Обручев [119] указывает, что к моменту опубликования монографии А. П. Карпинского о геликоприоне уже было описано 7 видов рода *Edestus* Leidy. У четырех из них наблюдались двусторонне симметричные ряды зубов. Найденны они были в каменноугольных отложениях Северной Америки. У ученых не было сомнения, что эти зубы принадлежат вымершим акулам, причем новому семейству акул, как еще в 1855 г. предположил крупнейший знаток ископаемых рыб Л. Агассис. Но вот где этот зубной ряд располагался — на этот счет суждения были весьма разнообразными. Приведем лишь некоторые реконструкции. Зубной аппарат *Edestus* представляет собой:

- а) челюсть (Э. Хичкок, И. Лейди, Дж. Ньюберри, Г. А. Траутшольд);
- б) роstr пилы-рыбы (Л. Агассис);
- в) плавниковый шип (ихтиодорулит) с зубами по заднему краю (Дж. Лейди, Дж. Холл, Р. Оуен);
- г) ихтиодорулит загадочной природы (К. Циттель, Г. Вудворт);
- д) ряд шипов второго спинного плавника (Дж. Ньюберри, А. Вудворт, Э. Коп);
- е) грудные шипы, состоящие из сросшихся плавниковых лучей (Э. Коп, Г. Вудворт);
- ж) симфизную нижнечелюстную дугу (Э. Хичкок, О. Иекель);

з) метаморфный орган на спине (у головы), происходящий из слияния шагреневых чешуек (Б. Дин, Ч. Истмен);

и) сегментированный (у *Edestus*) или несегментированный (у *Protopirata*) ихтиодорулит с зубами по верхнему краю (Г. А. Траутшольд).

Вот такие разнообразные воззрения были высказаны предшественниками А. П. Карпинского на природу загадочного зубного аппарата едестид. Гипотез, как видим, более чем достаточно, но верной может быть лишь одна из них или новая, еще не высказанная гипотеза. А. П. Карпинский не спешит приводить свою реконструкцию до завершения тщательного и всестороннего исследования как морфологических характеристик зубов животного и самой спирали, так и вещественного состава зубной ткани. Он заказывает шлифы известной геттингенской фирме Voigt und Hochgesang, делает химические анализы зубов и применяет новый для палеонтологии метод — гистологический, т. е. переносит центр тяжести своего исследования на изучение зубной ткани.

Уже осенью 1898 г. Александр Петрович выступает в Киеве на X съезде русских естествоиспытателей и врачей с сообщением о первых результатах, полученных в связи с изучением этой зубной спирали. Он относит изученный им образец к рыбам (к отряду эласмобранхий) и делится первыми результатами исследования вазодентина, т. е. вещества, из которого состоит этот спиральный орган. Не удержался Александр Петрович и от реконструкции всей рыбы. Он считает, что этот образец принадлежит какому-то новому, неизвестному пока роду и делает вывод, что животное «должно быть причислено к семейству, заключающему род *Edestus* (*Edestidae*)».³

16 декабря 1899 г. А. П. Карпинский докладывает в Академии наук о завершении им монографии об этой загадочной «спиральной пиле». В том же году она вышла отдельным изданием и в «Записках Академии наук» (VIII сер., т. VIII, № 7, 67 с.). «Ископаемое, — пишет Александр Петрович, — вместе с другим видом, наблюдавшимся ранее только в виде отпечатка, относится

---

³ Карпинский А. П. О новом замечательном ископаемом из артинских отложений. — В кн.: Дневник X съезда русских естествоиспытателей и врачей в Киеве. Киев, 1898, с. 243.

к новому роду, которому по форме найденной части животного в виде *спиральной пилы* (курсив автора, — С. Р.) предлагается название *Helicoprion*...». ⁴

Что же представляла собой эта спираль? «Спираль, — пишет А. П. Карпинский, — состоит из постепенно, но довольно быстро увеличивающихся частей („сегментов“), суживающихся к внешней стороне спирали, где они заканчиваются двусторонне симметричным зубом, с режущими зазубренными краями». ⁵

После обстоятельного исторического обзора исследований едестид Александр Петрович приводит тщательное описание всех найденных в России образцов вымерших акулообразных. Так, он описал найденный С. Н. Никитиным в Мячковских каменоломнях образец *Edestus cf. minor* Newb. «Приходится пожалеть, — пишет по этому поводу Д. В. Обручев, — что Александр Петрович, верный своей скромности, воздержался от установления нового вида, который из-за этого получил название *Ed. minusculas* Hay, 1909, а не, скажем, *Ed. Nikitini* в честь нашего этого экземпляра известного русского палеонтолога-эволюциониста» [119, с. 9].

А. П. Карпинский считал наиболее важным результатом проведенного им исследования не столько то, что ему удалось достоверно доказать принадлежность геликоприона, да и едестид вообще, к эласмобранхиям, — это, между прочим, было известно и до его работы, преимущественно по внешнему сходству с зубами кархародонов и других акул, — сколько то, что в монографии «причисление едестид к эласмобранхиям доказывается их гистологическим строением и шагреневыми чешуйками». ⁶ Использование в исследовательской работе палеонтолога гистологического метода было новаторством. Поэтому сам Александр Петрович считает его применение одним из важных достижений своей монографии о геликоприоне.

В этой монографии, быть может, как ни в одной другой из работ А. П. Карпинского, отчетливо проявилась исключительная особенность его исследовательского стиля — чрезвычайная осторожность в формулировании конечных выводов и открытый разбор всех возможных кон-

---

⁴ Карпинский А. П. Собр. соч. Т. I. М.—Л., 1945, с. 187.

⁵ Там же, с. 205.

⁶ Там же, с. 238.

курирующих гипотез, даже таких, которые в данный момент кажутся более правдоподобными и в большей мере подкрепленными фактическими данными, чем отстаиваемая автором. А. П. Карпинский обнажает перед читателями все свои сомнения, не скрывает неясные места, но, наоборот, старается оттенить их. Зато сделанный им вывод не так-то просто опровергнуть, ибо он профильтрован через десятки всесторонне рассмотренных гипотез. Александр Петрович так объясняет избранный им подход к исследованию: «При нижеследующем изложении я буду приводить сопоставления, которые делались мною во время исследования при поисках за истинной природой остатков едестид, хотя бы сопоставления эти в настоящее время казались мне сомнительными или даже неверными. На некоторых из них могли бы впоследствии, после напрасной затраты некоторого труда, самостоятельно остановиться будущие исследователи едестид; другие же сопоставления, быть может, подадут повод к выводам, мною упущенным из виду».⁷

Мы не будем разбирать все отбракованные Александром Петровичем гипотезы, а остановимся на его конечном результате — реконструкции внешнего облика геликоприона. Она представлена на рис. 3 и на первый взгляд кажется фантастически неправдоподобной, «гротескной», как ее назвал впоследствии американский палеонтолог О. Хэй (Hay).

Действительно, А. П. Карпинскому предстояло ответить на целый ряд вопросов, чтобы доказать обоснованность и более того — единственность своей реконструкции. Почему этот спиральный орган расположен в головной части животного? Был ли он скручен при жизни геликоприона или закручивался после его гибели? Каково назначение этой спирали и какой образ жизни вели геликоприоны? На все эти вопросы читатель находил подробные и обстоятельные ответы. В частности, первичную закрученность спирали А. П. Карпинский доказывает сле-

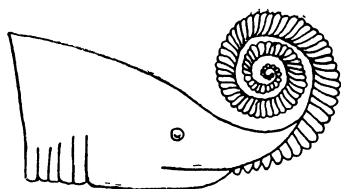

Рис. 3. *Helicoprion* в реконструкции А. П. Карпинского.

⁷ Там же.

дующим образом. «Если предположить, что зубы срединного ряда едестид, вытесняясь из полости рта, не отпадали, но, примыкая плотно к надвигавшимся за ними зубам, постепенно выдвигались за пределы челюсти, то образование спирального органа по мере роста животного могло бы найти себе правдоподобное объяснение (курсив автора, — С. Р.). В этом случае, — продолжает Александр Петрович, — спираль *Helicoprion* представила бы орган, отделяющийся от верхней или нижней челюсти животного, — орган, сопровождавшийся мягкими защищенными шагренями частями, заключающими, как и вазодентиновое вещество, вышеописанные сосуды для питания органа».⁸

Итак, спираль закручивалась по мере роста животного, а вытесненные из пасти зубы, оказавшиеся на спирали, меняли свое функциональное назначение, становясь неотъемлемой частью мощного орудия нападения этого морского хищника, которым у взрослых особей и была зубная спираль. А. П. Карпинский считал, что геликоприоны обитали в открытых морях позднекаменноугольного и пермо-карбонового времени. В поисках пищи они часто заходили на мелководье, где зачастую погибали, натываясь на прибрежные скалы и обламывая спираль. Этот сложный спирально скрученный орган не столько охранял животных от нападения, ибо в то время не было более грозных хищников, сколько, как пишет А. П. Карпинский, «мешал им жить», что привело, скорее всего, к их быстрому вымиранию.

Естественно, напрашивается вопрос, — если такая загадочная, фантастического облика акула действительно обитала в пермо-карбоновых морях, то почему не сохранились ни ее предки, ни ее потомки, которые, хоть и отдаленно, но должны были напоминать ее своим внешним обликом? Однако, как отметил в 1916 г. и сам А. П. Карпинский, «никаких ближайших предков как бы сразу появившихся разнообразных едестид мы не знаем. Неполнота геологической летописи в настоящем случае бросается в глаза».⁹ Вывод этот, думается, все же нельзя признать

---

⁸ Там же, с. 251.

⁹ Карпинский А. П. О новом виде *Helicoprion* (*Helicoprion clerci* n. sp.). Предварительное сообщение. — Изв. Акад. наук, VI сер., 1916, т. X, № 9, с. 707.

убедительным. Ведь и сам А. П. Карпинский на примере аммонитов одного только артинского яруса показал, что неполнота геологической летописи не в состоянии скрыть эволюционную ветвь развития организмов, если его изучать с помощью онтогенетического метода. Очевидно, и в данном случае неполнотой геологической летописи нельзя объяснить такое загадочное новообразование целого рода эласмобранхий. Да и сам Александр Петрович это прекрасно понимал, ибо в той же работе он отмечает, что «нередко обращалось внимание на явление, принимаемое некоторыми учеными за закон, что при филогенетическом развитии рядов форм, последняя, достигая большой специализации и значительного роста, угасает».¹⁰ Так ученый объяснил исчезновение рода. Ну, а как быть с предками? Вопрос этот остается открытым.

Возвращаясь к монографии, заметим, что не все в интерпретации А. П. Карпинского кажется в равной мере убедительным. Поэтому, заканчивая свою монографию, Александр Петрович отмечает: «В моей работе я изложил свои менявшиеся во время изучения материалов мнения и, приводя конечный вывод, в заключительных строках мемуара старался посеять сомнения в его правильности».¹¹ Заметим, он не отстаивает, а «сеет сомнения». Значит ли это, что автор сам не очень-то верил в правдоподобность своей реконструкции? Нет. Но для Александра Петровича (не побоимся повторить еще раз) главное в науке — истина, а не собственный приоритет; ему как ученому ясно, что новые материалы могут поколебать его выводы, и потому он сам подсказывает будущим исследователям возможные направления поиска. Он не скрывает уязвимые места своей монографии, а открыто на них указывает, но зато столь же четко пишет о том, что считает непреложно установленным фактом.

Ясно, что выполненная в такой манере работа не могла остаться незамеченной. Да и самого Александра Петровича живо интересовали мнения о ней ведущих палеонтологов мира. Всем им он отправляет экземпляры монографии и с нетерпением ждет откликов. Они не заставили себя долго ждать. А. П. Карпинский получает письма от Реневье, Соважа, Вудворта, Иекеля, Истмена

---

¹⁰ Там же, с. 708.

¹¹ Карпинский А. П. Собр. соч. Т. I. М.—Л., 1945, с. 264.

и многих других. Но наиболее обстоятельно монография о геликоприоне была разобрана на двух специально этому посвященных заседаниях Брюссельского общества геологии, палеонтологии и гидрологии в том же 1899 г. Обратившись к различным ученым с просьбой дать отзывы об этой монографии А. П. Карпинского, общество подвергло ее тщательному разбору. Но «с одним из главных заключений, по-видимому, большинства членов Общества, — писал в русском варианте этой монографии А. П. Карпинский, — что внутренние части спирали представляют резерв будущих больших активных зубов, согласиться, однако, нельзя».¹² На этой дискуссии был сделан и другой, уже вполне справедливый, вывод: господствовавшее ранее мнение, будто зубные ряды *Edestus* — ихтиодорулиты, оказалось разом уничтоженным в результате работы А. П. Карпинского [119].

Как же реагировали ведущие палеонтологи того времени? Большинство из них отнеслось с недоверием к главным выводам А. П. Карпинского. А. Вудворт, один из крупных специалистов по палеоихтиологии, так и не смог дать четкого ответа на вопрос — зуб это или шип. Г. Клаач продолжал настаивать, что спираль сворачивалась посмертно. Эту же мысль повторил И. Вальтер, хотя А. П. Карпинский тщательно разобрал такую возможность и доказал ее несостоятельность. Американский палеонтолог О. Хэй отстаивает идею шипа и называет реставрацию русского ученого «гротескной». Позднее, однако, О. Хэй был вынужден признать свою ошибку, когда был найден новый образец спирали вместе с хорошо сохранившейся частью черепа животного. Но были и другие отклики.

Вот что писал А. П. Карпинскому О. Иекель 24 марта 1899 г.: «Толкование Вашего удивительнейшего из всех остатков позвоночных как симфизного челюстного ряда кажется мне все более ясным, чем более я об этом напряженно думаю. Это, конечно, интереснейшая находка, сделанная в палеонтологии за долгое время» [91, с. 115]. Мнение бельгийского палеонтолога Э. Ван ден Брука об этой работе не столь восторженное: «Я благополучно получил для Общества и для себя Вашу прекрасную и столь интересную посылку, за которую искренне Вам благода-

---

¹² Там же, с. 262.

реп. Она будет представлена и обсуждена на заседании сегодня вечером и, конечно, возбудит живейшее любопытство.

Может быть, покажется дерзким, если я позволю себе выразить отличную от Вашей точку зрения. Однако в интересах науки высказать перед лицом загадки все возможные гипотезы, чтобы вызвать обсуждение» [91, с. 115—116].

Главное недоверие палеонтологов, как видим, вызывала реконструкция геликоприона с помещенной над верхней челюстью закрученной спиралью. Ч. Истмен, например, в 1900 г. так выразился об этой реконструкции: «Немногие, однако, будут готовы допустить, что этот высоко причудливый эскиз может быть принят всерьез, а потому, чем меньше будет сказано о нем, тем лучше» [119, с. 15]. Не разобрал, не проанализировал, а просто отмахнулся: раз необычно — значит, нереально и обсуждать тут нечего. Но уже в 1905 г. тот же Ч. Истмен признал открытие геликоприона «одним из самых поучительных и неожиданных палеонтологических открытий за ряд лет» [50].

Приведем еще несколько оценок реконструкции А. П. Карпинского. Бельгиец Э. Ван ден Брук утверждал, например, что спираль у геликоприона помещалась не снаружи, а внутри ротовой полости, а чтобы как-то объяснить ее функциональное назначение, он с легкостью допустил существование нескольких таких спиралей, перемалывающих заглатываемую хищниками пищу наподобие мельничных жерновов. Такую интерпретацию Д. В. Обручев назвал впоследствии «невероятной во всех отношениях» [119, с. 15]. А. Вудворт и Т. Фукс пошли еще дальше — они допускали существование у геликоприона по несколько спиралей в каждой челюсти. Интересно, что бы сказал по поводу этой версии доктор О. Хэй, если он куда более умеренную трактовку А. П. Карпинского назвал «гротескной»? С позиций морфолога критиковал А. П. Карпинского гейдельбергский зоолог Г. Клаач: «Он утверждал, — пишет Д. В. Обручев, — что и спирали то не было у живого животного, а образовалась она по-смертно путем сокращения соединительнотканного основания „спинного гребня шипов“» [119, с. 21]. Факт же слияния оснований зубов у геликоприона остался Г. Клаачем незамеченным.

Одним словом, вокруг этой работы А. П. Карпинского развернулась длительная интереснейшая дискуссия. «Монография Карпинского, написанная в последний год XIX столетия и последовавшая за ней многолетняя дискуссия не только славная, но и светлая страница в истории палеонтологии. Вероятно, дело не в одном том, что так виртуозно была раскрыта запутанная „шифровка“ природы, ключ к прочтению которой, казалось, был утерян; дело еще и в характере дискуссии. Вокруг геликоприона как бы образовался международный форум, существовавший десятки лет; ученые обменивались статьями и письмами. Их единственной целью было выяснение научной истины и ничто более не занимало их. Тон обсуждению задавал Карпинский; все ученые были искренне расположены друг к другу. Это всегда было мило сердцу Карпинского! Страстная заинтересованность в раскрытии истины лишена личного пристрастия и объединяет всех» [91, с. 116—117].

Уже на склоне лет, когда самая история изучения геликоприона имела 30-летний стаж, Александр Петрович с горькой иронией отвечал своим оппонентам: «Референты и критики научных сочинений, особенно богатые собственной интуицией, иногда думают, что пришедшая им после беглого просмотра сочинения мысль является новой и автором не принятой в соображение... Между тем неправильность приводимого взгляда была автором рассмотрена и *фактически* (курсив автора, — С. Р.) опровергнута».¹³ Да, так оно и было. То, что спиральный орган не может быть шипом на теле животного, и то, что он не закручивался после гибели акулы, и многие другие альтернативы тщательно рассматривались в монографии А. П. Карпинского и там же были отвергнуты, причем не в силу их априорной нереальности, а на основе «положительно известных явлений». Поэтому возражения оппонентов Александра Петровича выглядят поверхностными и необидительными и в силу этого не могли не огорчать его, хотя сам тон и настрой дискуссии были весьма дружелюбными.

---

¹³ Карпинский А. П. О некоторых новых данных об остатках организмов, признаваемых проблематическими, о делаемых относительно их и других ископаемых выводах и о научной критике. — Ежег. Русск. палеонтол. об-ва, 1927 (1928), т. VII, с. 2.

Однако время шло, и вновь находимые образцы спирали заставили многих оппонентов А. П. Карпинского пересмотреть свою оценку его реконструкции геликоприона. С 1901 г. самым активным сторонником Александра Петровича среди зарубежных палеонтологов становится Ч. Истмен. Да и сам автор после опубликования своей монографии ничуть не охладел к этой загадочной спирали. Летом 1902 г. отпечаток геликоприона был обнаружен в новом пункте на Урале, в обнажении по р. Басе, притоку Большого Инзера (Стерлитамакский уезд). 19 ноября 1902 г. на заседании Петербургского минералогического общества А. П. Карпинский сделал доклад об этой находке.¹⁴ В том же году в тех же отложениях А. А. Краснопольский обнаружил образцы рода *Campodus*, также принадлежащего к эласмобранхиям. Ранее такие образцы находили только в каменноугольных отложениях Бельгии и Северной Америки. В пермо-карбоне России (в артипском ярусе) их нашли впервые. Зубная спираль этого рода относится к едестидам, но отличается большей массивностью благодаря более широким, сросшимся у основания зубам. А. А. Краснопольский передал найденный образец А. П. Карпинскому, который посвятил его описанию специальную статью.¹⁵

Поток критических и большей частью, к сожалению, бездоказательных откликов зарубежных палеонтологов на монографию А. П. Карпинского о геликоприоне возбуждает исследовательское самолюбие автора. В отстаивании своей сложившейся точки зрения Александр Петрович был, как хорошо известно, терпелив и неустойчив. 16 апреля 1903 г. он делает специальный доклад на заседании физико-математического отделения Академии наук, где пытается подвести итоги трехлетней дискуссии с учетом вновь добытых за это время сведений. Новые же образцы геликоприона найдены в Австралии, в Соляном кряже, в Пенджабе, в Японии и в Северной Америке. В заключение доклада А. П. Карпинский с сожалением сказал: «Вследствие загадочности остатков *Helicoprion* они возбуждали всеобщий интерес и дали начало целому ряду критических статей и предположений об истинной их при-

¹⁴ Зап. С.-Петерб. минер. об-ва, 1903, ч. 40, вып. II.

¹⁵ Карпинский А. П. О присутствии остатков рода *Campodus* de Kop. в артипских отложениях России. — Зап. С.-Петерб. минер. об-ва, 1903, ч. 41, вып. 2, с. 32—37.

роде... Однако дело не подвинулось заметным образом вперед». ¹⁶

Так продолжалось и в последующие годы. В 1909 г. О. Хэй вновь воскресил, казалось, уже забытые взгляды Ф. Ньюберри о соответствии каждого сегмента *Edestus* одному из хвостовых шипов скатов *Trygon*. «Он считал возможным, — пишет в этой связи Д. В. Обручев, — что эти серии шипов развивались перед спинным плавником и, по мере прибавления новых сегментов, загибались и образовывали спираль типа *Helicoprion*. Эта спираль должна быть достаточно приподнята, чтобы зубы не вонзались в кожу. Она могла бы, возникая впереди спинного плавника, располагаться с одной его стороны. В подтверждение своей гипотезы О. Хэй сравнивает гистологическое строение *Edestus* и ихтиодорулитов *Ctenacanthus*» [119, с. 29].

В 1911 г. А. П. Карпинский подверг эти идеи уничтожающей критике, посвятив их разбору специальную статью, которую он начинает характерными для него словами: «Я не имею обыкновения писать какие-либо возражения или поправки, считая разногласия чрезвычайно полезными, а недоразумения, основанные на недосмотрах, хотя и вредными, но в скором времени сами собою устранимыми. Однако некоторые из них повторяются до сих пор. Не надеясь, что возможность выражать свои мнения останется за мной еще долгое время (Александр Петровичу 65 лет, — С. Р.), я хочу высказать их вкратце теперь». ¹⁷ Прошедшее время, а с момента опубликования монографии прошло уже 12 лет, сильно повысило интерес палеонтологов к этому загадочному ископаемому, но привлечение к его изучению все новых и новых исследователей, как это часто бывает, не прояснило, а затуманило проблему, ибо большинство ученых не анализировало работы предшественников, а, ознакомившись с конечным результатом, т. е. с реконструкцией внешнего облика рыбы, и не поверив в его правдоподобность, стремилось высказать свою точку зрения, не утруждая себя критическим анализом других реконструкций. Это-то и возму-

---

¹⁶ Карпинский А. П. Об органических остатках, описанных под названием *Helicoprion*. — Изв. Акад. наук, V сер., 1903, т. 18, № 4, с. XXIV.

¹⁷ Карпинский А. П. Замечания о *Helicoprion* и других едестах. — Изв. Акад. наук, VI сер., 1911, т. V, № 16, с. 1105.

щало Александра Петровича и это заставило его взяться за перо.

В который уже раз высказывается идея (Клаач), что спираль у геликоприона свернута посмертно, а при жизни она имела вид, напоминающий таранный орган пилюрыбы. И это несмотря на неоспоримые доказательства нереальности этого тезиса, приведенные А. П. Карпинским еще в 1899 г. Он тогда же доказал, что спираль представляет собой сплошное твердое образование, свертывание которого можно принять за вторичное с тем же успехом, что и считать вторичными изогнутость бивней у мамонтов или рогов у архаров. Вновь пришлось ему убеждать своих оппонентов (О. Хэй) и в том, что спираль должна принадлежать к области рта, а не рассматриваться как шипы на теле животного. Больше всего А. П. Карпинского поражают доводы типа: это — нереально, поскольку такое в настоящее время не наблюдается. Ученый с иронией замечает по этому поводу: «Многие при первом взгляде на приведенную в моей работе реставрацию высказывались против нее, указывая, что до сих пор подобное явление не наблюдалось. На это можно заметить, что и самая зубная спираль в $3\frac{1}{2}$ оборота до открытия *Helicoprion* не наблюдалась, и в какую бы часть животного мы ее ни поместили, также получалось бы обстоятельство, ранее никогда не наблюдавшееся».¹⁸

И в этой работе, как и в ранее опубликованных об этой загадочной зубной спирали, А. П. Карпинский неуклонно отстаивает только то, что считает твердо установленными фактами и не настаивает на тех положениях, которые и ему кажутся гипотетическими. В частности, он затрудняется дать определенный ответ на вопрос, почему в ископаемом состоянии практически всегда сохраняется только спираль, а остальные части тела животного приходится достраивать по косвенным данным. Предположения, которые высказал на этот счет А. П. Карпинский (обламывание спирали при столкновении животного с механическим препятствием на мелководье), и ему самому кажутся только вероятными. Против такого способа захоронения спиралей возражал и Д. В. Обручев [119]. Он справедливо полагал, что коль скоро спираль наращивалась в течение всей жизни животного, то совершенно не-

---

¹⁸ Там же, с. 1108.

вероятно, чтобы оно по мере роста ни разу не столкнулось с механическим препятствием. Столкновения же с живыми врагами этой рыбы тоже маловероятны, поскольку в тех морях она не имела «достойных» врагов. Скорее всего спираль отваливалась от уже мертвой рыбы и, как более устойчивая против механической обработки в прибрежной зоне моря, сохранялась, тогда как прочие части тела разлагались или уничтожались волнами. Но и в этом случае Александр Петрович не теряет надежды фактически обосновать свою правоту. Он верит, что у Красноуфимска «в чрезвычайно нежных отложениях с *Helicoprion* будут найдены остатки хрящей и, быть может, отпечатки мягких тканей этого животного».

Последующие события показали полную правоту А. П. Карпинского в его реконструкции геликоприона. 10 октября 1912 г. на заседании физико-математического отделения Академии наук он делает доклад, в котором, в частности, сообщает, что американский палеонтолог О. Хэй все же изменил свои взгляды на природу дугообразного органа едестид и принял интерпретацию А. П. Карпинского. В 1915 г. Александр Петрович получает новый образец *Helicoprion Bezsonovi* Карп., присланный ему с Урала М. О. Клером. Образец был найден в каменоломнях близ Красноуфимска и представлял собой мергель со спикулами губок и впаянной в породу спиралью геликоприона. Ее наибольший размер 350 мм. Это была самая крупная из находимых до сих пор спиралей. Ее тщательное изучение полностью подтвердило сделанные ранее выводы А. П. Карпинского. «Данная в моей монографии приблизительная реставрация головы *Helicoprion* с выступающим изо рта спиральным органом, — пишет Александр Петрович, — которая упомянутому американскому ученому (О. Хэй, — *C. P.*) представлялась гротеском, оказалась не только согласной с действительностью, но даже превзошедшей догадку в том отношении, что такой орган, судя по экземпляру *Edestus mirus*, находился в обеих челюстях».¹⁹

Еще через 7 лет А. П. Карпинский напишет: «Данный мною в 1899 г. рисунок со спиралью в верхней челюсти был сделан, конечно, провизорно, принимая в со-

¹⁹ Карпинский А. П. К вопросу о природе спирального органа *Helicoprion*. — Зап. Уральск. об-ва любителей естествознания, 1915, т. 35, вып. 8—10, с. 125.

ображение, что остатки *Helicoprion* были известны, главным образом, в прибрежных отложениях, т. е. при условиях, неблагоприятных для сохранения спирали, выдающейся из нижней челюсти. Однако мировое распределение остатков *Helicoprion* и другие соображения свидетельствуют о пелагической жизни этих животных и возможно, что около Красноуфимска, где найдено теперь довольно большое число экземпляров *Helicoprion Bessonovi*, временное придонное нахождение здесь животных особенно способствовало потере нижней спирали, если они и были снабжены спиралями в обеих челюстях».²⁰ Да, вопрос о числе спиралей геликоприона не решен до сих пор, как писал в 1953 г. Д. В. Обручев, хотя сам он (как и А. П. Карпинский) склонялся к тому, что была одна, прикрепленная к верхней челюсти спираль [119].

В течение 20 лет, с 1912 по 1932 г., Александр Петрович еще неоднократно возвращался к полюбившейся ему загадочной спирали. Он устанавливает новые виды геликоприона, обосновывает существование нового рода (*Parahelicoprion*), детализирует свою первоначальную реконструкцию, но главные свои выводы, сделанные еще в 1899 г., не меняет. Это и не требовалось, поскольку в США давний оппонент А. П. Карпинского О. Хэй обнаружил спираль с частью хорошо сохранившегося черепа. Спираль эта была прикреплена к верхней челюсти точно так, как это изобразил Александр Петрович, имея в своих руках только обломок спирали геликоприона. Реконструкция А. П. Карпинского оказалась удивительно точной. «Как много значит в палеонтологии случайная счастливая находка, — восклицает академик А. А. Борисяк, — за которой приходится охотиться — часто вслепую, реже сознательно и планомерно» [25, с. 28].

Итак, один прилично сохранившийся экземпляр и дискуссия о принадлежности спирали прекратилась. Ну, а если бы его не нашли? Безусловно, когда А. П. Карпинский исследовал обломки спирали, он надеялся, но не очень-то рассчитывал на то, что когда-либо удастся найти образец хорошей сохранности. Поэтому он столь скрупулезно и тонко провел свою работу, которая до сего дня может служить эталоном исследований такого рода.

---

²⁰ Карпинский А. П. *Helicoprion Ivanovi* n. sp. — Изв. Акад. наук, VI сер., 1922, т. 16, № 1—18, с. 376.

Наиболее крупное изучение едестид после А. П. Карпинского выполнил в 1953 г. Д. В. Обручев. Он установил, что зубы у них ориентированы корнем назад, «причем неожиданно оказалось, что это правило распространяется и на зубные спирали *Helicoprion*» [119, с. 56]. Этот исследователь отнес геликоприоны не к акулам, а к цельноголовым. Подводя итог своей работе, Д. В. Обручев пишет: «Бесспорным я считаю решение вопроса об ориентировке зубов. Однако, хотя оно „в корне“ отличается от взглядов А. П. Карпинского, тем не менее основные положения великого ученого этим не только не подрываются, но еще более подтверждаются... Когда теперь оказывается, что корни зубов *Helicoprion* направлены также назад, объединение всех едестид и геликоприонид в одной группе становится снова возможным, но уже на новой основе» [119, с. 56]. Еще до опубликования своей небольшой монографии Д. В. Обручев писал Е. А. Толмачевой (письмо от 1 октября 1952 г.): «Мне пришлось в некоторых вопросах отойти от взглядов Александра Петровича, но этот отход только способствовал утверждению его основных положений о значении спирали геликоприона. В последнем вопросе я оказался большим роялистом, чем сам король, и настаиваю на первоначальной реконструкции геликоприона, которая подверглась в свое время самым ожесточенным нападкам».²¹

Итак, концепция А. П. Карпинского прошла проверку временем и полностью восторжествовала. Пожалуй, в истории исследования проблематики трудно еще подыскать примеры столь поразительной живучести предложенной автором реконструкции. У Александра Петровича были все основания заявить в 1932 г., что «после продолжительных разногласий по этому вопросу в научной литературе Европы, Азии и Америки, он был разрешен в пользу первоначального моего толкования».²²

А вот некоторые отзывы геологов об этой его работе.

Л. Ш. Давиташвили: «Во всей мировой палеонтологической науке мы затрудняемся указать другого ученого, который дал бы столь же совершенный образец такого всестороннего изучения каких-либо вымерших животных и их остатков. Такую работу мог выполнить

²¹ ЛО ААН, ф. 265, оп. 8, д. 35, л. 52 об.

²² Карпинский А. П. О некоторых проблематических геологических процессах и об ископаемых Урала. Доклад. Л., 1932, с. 8.

только выдающийся естественный испытатель, в совершенстве владевший всеми методами геологических и биологических наук и обладавший колоссальной эрудицией» [50, с. 57].

А. С. Вудворт: «Описание странного „ихтиодорулита“ *Helicoprion* доктором Карпинским — образец того, чем должен быть такой труд — обстоятельным с каждой точки зрения: геологической, химической и биологической» [119, с. 50].

А. А. Борисяк: «Монография... на ряд лет сделалась центром внимания мировой палеонтологической литературы» [25, с. 27].

Ю. А. Косыгин: «Гениальное решение Карпинским задачи о геликоприоне было блестяще подтверждено фактами» [81, с. 14].

Что ж, нам остается только присоединиться к этим восторженным отзывам и добавить, что работой о геликоприоне Александр Петрович далеко не исчерпал свой интерес к исследованиям проблематических остатков. Скорее всего, эта монография только разожгла этот интерес, ибо после нее А. П. Карпинский выполнил еще целый ряд столь же виртуозных по тонкости анализа исследований, одним из которых явилась его монография о трохилисах.

Глава 11. Проблематики и трохилиски

Мы уже знаем, что одной из характерных черт А. П. Карпинского-палеонтолога была его любовь ко всякого рода загадкам природы, на разгадывание которых он не жалел ни сил, ни времени. Именно это его увлечение привело к появлению целой серии замечательных по тонкости работ о геликоприоне. Оно же явилось толчком к написанию самой крупной палеонтологической работы А. П. Карпинского — монографии о трохилисах и большого числа публикаций по самым разнообразным проблематикам. Он, как точно заметил Р. Ф. Геккер, был в России «первым и единственным палеонтологом, целеустремленно шедшим по оригинальному пути разгадки палеонтологических загадок (разрядка автора, — С. Р.)» [39, с. 101]. Эта страсть к палеонтологическим уникам, проявившаяся с самых первых

его самостоятельных шагов в науке, стала особенно отчетливой в годы работы Александра Петровича в Геологическом комитете. Штатные сотрудники Комитета, геологи других организаций и просто любознательные натуралисты, находя в поле какой-либо ископаемый остаток, с определением которого они не могли справиться, как к наивысшему авторитету обращались к помощи А. П. Карпинского. Чаще всего после тщательного изучения переданного ему образца он давал точное и исчерпывающее его определение, реже — отсылал нашедшего образец к необходимой литературе, где он уже был ранее описан, и уж совсем редко оставлял его у себя для тщательного и всестороннего исследования. Тогда и появлялись его заметки по проблематикам либо рождалась идея капитального исследования, если становилось ясным, что переданный ему образец совершенно неизвестен палеонтологической науке. Можно с уверенностью утверждать, что только ничтожная часть этих оригинальных исследований А. П. Карпинского увидела свет. Значительное же число своих «разгадок» он сообщал устно или письменно, но в форме, не предназначенной для опубликования.

Александр Петрович не скрывал своего увлечения проблематиками. «Кроме полевых геологических наблюдений и обработки собранных петрографических и палеонтологических материалов, меня всегда занимали вопросы и объекты проблематического характера», — уже на склоне лет любил он говорить своим коллегам-геологам. Но еще в 1909 г. в заметке, посвященной некоторым проблематическим органическим остаткам Японии, Александр Петрович четко и недвусмысленно писал об этом своем пристрастии: «Довольно значительная часть моей научной деятельности посвящена определению и изучению петрографических и палеонтологических материалов, в особенности проблематического характера, доставлявшихся как моими коллегами — русскими геологами и отчасти иностранными учеными, так и присылавшимися со стороны от неспециалистов».¹

Вот некоторые из проблематик, которыми занимался А. П. Карпинский. После опубликования в 1906 г. монографии о трохилисках многие геологи стали обращать пристальное внимание на разные проблематики, внешне

---

¹ Карпинский А. П. Собр. соч., т. 1. М.—Л., 1945, с. 427.

схожие с описанными в этой монографии. В 1908 г. А. П. Карпинский получает посылку из Японии, в которой находились тщательно упакованные плитки известняка с мелкими, еле видимыми невооруженным глазом, проблематиками, очень напоминающими *Sycidium*. Образец этот нашел японский палеонтолог Х. Ябе (Н. Yabe). Известняк каменноугольного возраста, и если проблематика оказалась бы действительно *Sycidium*, то это существенно расширило бы возрастной диапазон харовых, которые до этого находились только в отложениях девона. Это-то и заинтересовало и Х. Ябе и А. П. Карпинского. Однако тщательное их исследование привело Александра Петровича к выводу, что в данном случае японский палеонтолог ошибся — это не *Sycidium*, а скорее всего мицции, т. е. род известковых водорослей, установленный Шубертом. Александр Петрович счел это исследование достаточно важным. 20 мая 1909 г. он делает доклад о мицциях на заседании физико-математического отделения Академии наук, а в «Известиях» Академии печатает специальную статью.²

Получил Александр Петрович посылку и из США. Отправитель — доктор Х. Хизер (Н. Herzer) из г. Мариетта штата Огайо. В посылке тоже были плитки известняка толщиной всего 2 см, которые, как писал Х. Хизер, были обнаружены в одном пласте угля. Возраст отложенный пермский, на плитках хорошо видны «неопределимые каламитообразные отпечатки на плоскостях наслоения».³ Ничего похожего А. П. Карпинский ранее никогда не встречал. Он делает шлифы, перпендикулярные и параллельные плоскостям наслоения, тщательно изучает их и наконец приходит к твердому выводу, что хорошо видимые под микроскопом кругловатые известковые частицы образованы лучисто-радиальными агрегатами, внешние очертания которых часто predeterminedены взаимным их соприкосновением. Состоят они из кальцита. На сей раз столь причудливые формы создала неорганическая природа.

---

² Карпинский А. П. О некоторых проблематических органических остатках Японии. — Изв. Акад. наук, VI сер., 1909, т. III, № 15, с. 1045—1056.

³ Карпинский А. П. Заметка о проблематических образованиях в угленосных отложениях Washington County в штате Огайо. — Зап. С.-Петербург. Минер. об-ва, 1909, ч. 47, с. 28.

В 1930 г. А. А. Чернов передал Александру Петровичу два образца известняка необычного облика. Они были найдены Т. А. Добролюбовой в обнажении по р. Подчерем (приток Печоры) на Урале. Возраст породы предположительно позднедевонский — раннекаменноугольный. «Лица, видевшие доставленные два образца, — писал А. П. Карпинский, — или высказывались предположительно за принадлежность их к бриозам, губкам, или же отказывались высказать какое-либо мнение».⁴ Эта загадка и на этот раз не дает ему покоя. Изготовленные шлифы он тщательно изучает под микроскопом, что стоит теперь большого труда — ведь ему 85-й год, и глаза уже отказываются справляться с такой нагрузкой, но начатую работу доводит до конца. По его заключению, присланные проблематики — два налегающих друг на друга слоя чешуйчатого покрова пекогого животного. Размеры чешуек 1—1.5 мм. Скорее всего этот чешуйчатый покров был сброшен животным, ибо ориентировка чешуек свидетельствует о том, что он как бы вывернут наизнанку. Конечно, по одному покрову, да еще плохой сохранности, трудно определить животное, которому он принадлежал. Поэтому А. П. Карпинский дает ему условное название *Proamphibia problematica*, «чтобы, — как он пишет, — побудить будущих исследователей отнестись с законным сомнением к сделанному выводу и с открытием остатков скелета проблематического организма в сопровождении описанного чешуйчатого покрова заменить предложенное название более целесообразным».⁵

Одной из интересных работ А. П. Карпинского по проблематикам явилась его статья о палеодиктион, написанная в 1932 г.⁶ Интересно в этой статье не столько то, к какому выводу пришел Александр Петрович, ибо генезис данной проблематики остается загадкой и для современных геологов, сколько его методика работы, которая в данном случае описана им наиболее подробно и обстоятельно.

Палеодиктион — эти характерные сцепленные между собой шестигранные ячейки, хорошо видимые на плоско-

⁴ Карпинский А. П. Собр. соч., т. 1. М.—Л., 1945, с. 461.

⁵ Там же, с. 464.

⁶ Карпинский А. П. О проблематических отпечатках, известных под названием *Paleodiction meneghini*. — Изв. АН СССР, 1932, отд. матем. и естеств. наук, с. 1255—1267.

стях наложения некоторых глинистых пород (чаще всего аргиллитов), — впервые обнаружил и описал итальянский геолог Менегhini (Meneghini) еще в 1851 г. Он же дал этой проблематике и известное нам название. Менегhini полагал, что палеодиктион представляет собой отпечаток каких-то водорослей. С тех пор, т. е. с середины прошлого века, и вплоть до наших дней гипотезы, трактующие генезис этой проблематики, сыплются как из «рога изобилия» Уж больно красив и правилен его облик, а потому его исследователям кажется, что столь же красивой и изящной должна быть и трактовка условий его образования. Немецкий палеонтолог К. Майер (Mayer) трактовал палеодиктион как продукт усыхания грязи. Другие вновь возвращали гипотезы на биологическую почву, полагая, что эти шестиугольники — отпечатки губок или, быть может, кораллов, а возможно, что это просто соты пчел или ос. Были и такие, кто видел в них овеществленное свидетельство движения зыби на мелководье. Таким образом, гипотез масса и разделить их можно на два класса — органические и неорганические.

Ясно, что Александр Петрович при его любви к проблематикам не мог пройти мимо этого уникаума. Он хорошо знал всю литературу по палеодиктиону, но в «живом виде» этот проблематик ему не встречался. И только когда академик В. А. Обручев передал ему образец сланца (точнее аргиллита) с южного берега Крыма с хорошо видимым несомненным палеодиктионом, А. П. Карпинский с удовольствием углубился в его исследование...

Дома, на балконе своей квартиры, он продельывает опыты с прохождением газа через тонкодисперсный осадок, наблюдает, как ведут себя крупные капли дождя при соприкосновении друг с другом, вспоминает свои детские наблюдения над болотным газом, выходящим наружу при погружении в болотную жижу палки и т. п. Он тщательно замеряет размеры ячеей, исследует их площадное распространение и приходит к выводу, что происхождение их, скорее всего, неорганическое. Вообще же говоря, он не исключает и органических гипотез — все зависит от размера ячеей и площади, которую они занимают. Высказывает он и такую мысль — шестиугольные ячейки есть результат контакта круглых. Но все же склоняется к гипотезе неорганической: сцепленные шести-

угольные ячейки, т. е. палеодиктион, — это результат действия болотного газа, проникающего в слой песка и проходящего через «прикрывающий его тонкий илистый слой, образуя круглые кратеровидные возвышения, при разрастании которых до взаимного соприкосновения возникают угловатые, большей частью, почти всегда, шестиугольные петли».⁷ Возможно, такая трактовка происхождения палеодиктиона покажется некоторым не очень убедительной. Но она явилась результатом не просто рассуждений «по аналогии», не полетом фантазии автора, а итогом наблюдений, тщательных измерений и экспериментов.

Вообще говоря, увлечение проблематиками нельзя рассматривать только как некое неконтролируемое упражнение для ума, как тренировку фантазии и интуиции исследователя. Прежде всего разгадка этих природных феноменов — это оттачивание методики исследовательского стиля автора, поскольку только при доверии к методике работы появляется доверие и к конечному результату, т. е. к интерпретации проблематики. Что делать, когда внешний контроль исследования отсутствует...

Александр Петрович сам придавал большое значение именно методике изучения проблематики, требовал этого и от своих коллег-геологов и очень огорчался, когда тщательно выполненное исследование отвергалось «с порога» по той причине, что критик, не разобрав доводы автора, просто решал, что трактовка его не верна, потому что выглядит неправдоподобной, и взамен, не напрягаясь, предлагал свою гипотезу, ничем не аргументированную, но зато «правдоподобную». С такой критикой А. П. Карпинский сталкивался неоднократно. Вспомним наскоки на его реконструкцию геликоприона. Появятся они и после опубликования им монографии о трохилисках. Против необоснованной критики он решительно восстал в 1927 г., сделав специальный доклад на заседании Русского палеонтологического общества.

«Когда разногласие коснется вопросов, могущих быть разъясненными фактически, непосредственным наблюдением, — говорил в этом докладе Александр Петрович, — то можно падеяться, что с новыми находками истина более или менее скоро обнаружится, как это было, напри-

---

⁷ Там же, с. 1266.

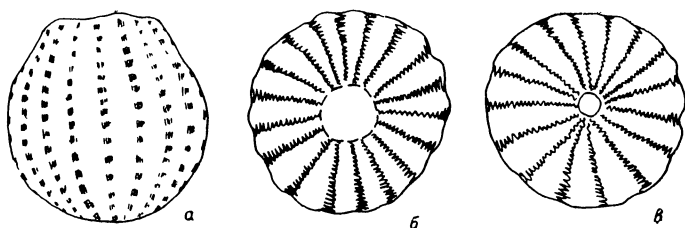

Рис. 4. Внешний облик трохилисков рода *Sygidium*.
 а — вид сбоку, б — со стороны воронки, в — со стороны чалого от-
 верстия. (Увеличено в 25 раз).

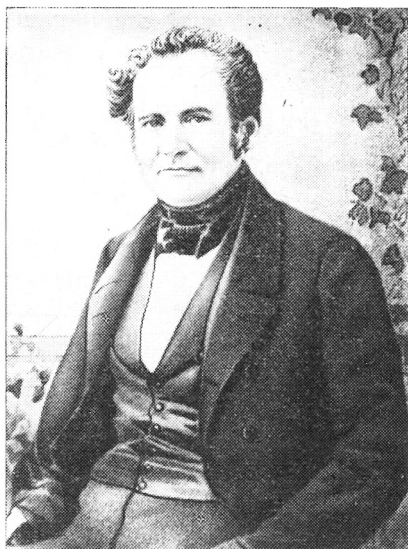
мер, с *Edestidae* или будет (а по моему мнению, уже есть) с трохилисками. Но если вопрос касается широких проблем, находящихся в связи с разнообразными признаками, значение и оценка которых в отдельности требует особо тщательного вдумчивого исследования, то от малейшего недочета в подобной частичной оценке может возникнуть такая путаница в стройном, само собой напрашивающемся построении, что разобрать ее лицам, не имеющим времени останавливаться на деталях, нелегко».⁸

Так говорил А. П. Карпинский через 20 лет после публикации своей классической, но, к сожалению, последней крупной палеонтологической работы. Мы имеем в виду его монографию о трохилисках. Если (как мы помним) уже первая его палеонтологическая работа «Об аммонейх артинского яруса...» сразу поставила А. П. Карпинского в ряд ведущих палеонтологов мира, то после завершения исследования по трохилискам он оказался в числе выдающихся палеоботаников. «Читая эту работу Александра Петровича, — писал впоследствии А. Н. Криштофович, — можно представить себе, что она написана не минералогом, геологом, горным инженером, а каким-либо первоклассным ботаником старой школы, равно владеющим морфологической и систематической стороной науки» [83, с. 32]. Начал же он эту капитальную работу в преддверии своего шестидесятилетия!

⁸ Карпинский А. П. О некоторых новых данных об остатках организмов, признаваемых проблематическими, о делаемых относительно их и других ископаемых выводах и о научной критике. — Ежег. Русск. палеонтол. об-ва, 1927 (1928), т. VII, с. 11.

Что же такое эти загадочные трохилиски? В переводе с латинского *trochos* — это вал, или колесо. Достаточно беглого взгляда на их увеличенное изображение (рис. 4), чтобы согласиться — название удивительно точно передает их облик. Трохилиски с прямыми ребрами получили название *Sycidium*, а со спиральными — *Trochiliscus*. История открытия этих образований тоже необычна. Приоритет его принадлежит не профессиональному палеонтологу и даже не геологу, а медику по образованию (но палеонтологу по призванию), члену Российской Академии наук Х. И. Пандеру, причем при весьма заурядных обстоятельствах, описанных в свое время Р. Ф. Геккером. «Дело в том, — пишет Р. Ф. Геккер, — что в излюбленных дачных местах петербуржцев и в не менее привлекательных местах для летнего отдыха в Прибалтике развиты всемирно известные своим богатством окаменелостей и прекрасной сохранностью силурийские и девонские отложения, а также кембрийские отложения — с более бедной, но очень интересной фауной. И вот в одном из таких мест, а именно в Павловске, где протекает известная речка Поповка, многие годы проживал на своей даче петербургский хирург А. Ф. Фольборт (1800—1876), а в Петербурге, Павловске и в Прибалтике проживал и производил исследования уроженец города Риги... Х. И. Пандер (1794—1865)» [39, с. 104]. Любопытные и весьма наблюдательные натуралисты А. Ф. Фольборт и Х. И. Пандер занялись сбором и изучением окаменелостей, сначала наиболее крупных и легко доступных, затем, промывая рыхлые породы, обнаружили мелкие, почти микроскопических размеров остатки фауны. Так были открыты на поверхности девонских известняков какие-то загадочные бугристые наросты, состоящие из множества шарообразных мелких телец. Х. И. Пандер, собравший к 1856 г. первую крупную коллекцию этих проблематик, дал им название *Trochiliscus* и предположил, что это — ископаемые семена (споры) каких-то плауновых растений [84].

Уже первая публикация о трохилисках привлекла к ним пристальное внимание крупнейших палеонтологов того времени — Зандбергера, Эренберга, Квенштедта, Дикке и др. Но, как это часто бывает, трохилиски не столько изучали, сколько спорили об их природе. В 1858 г. Эренберг отождествляет трохилиски с форами-

Х. И. Пандер (1794—1865).

ниферами. В 1861 г. к этой гипотезе присоединяется Квенштедт. Правда, он оставляет за собой право соотносить их и с яйцами животных или своеобразными «семенами» ликопоидий. Что касается *Sycidium*, то этот род был описан Г. Зандбергером еще в 1849 г. и тогда же отнесен к фораминиферам. Через 30 лет, т. е. в 1879 г., этот взгляд Г. Зандбергера на природу трохилисков разделил Шлеттер. В 1867 г. Квенштедт впервые высказывает мысль о возможном сравнении этих загадочных проблематик с харациями, хотя и на этот раз не исключает, что они могут быть и яйцами неких животных. Первое микроскопическое исследование трохилисков выполнил в 1876 г. известный русский петрограф А. Е. Лагорио. Это было крупным методическим достижением, но и оно не продвинуло разгадку проблематики, ибо А. Е. Лагорио (как и многие его предшественники) отождествил трохилиски с однокамерными фораминиферами. В 1880 г. родилась новая гипотеза: трохилиски — это яйца панцирных рыб. Ее автором был Траутшольд. Ф. Зандбергер (брат Г. Зандбергера) в том же году приходит к выводу

о тождественности трохилисков и сицидиумов. Наиболее обстоятельное исследование трохилисков (до А. П. Карпинского) выполнил в 1883 г. Дж. Дикке (Deeske). Он впервые высказался за принадлежность этих ископаемых к известковым водорослям, именно к сифонейм. «Такой взгляд на природу *Sycidium*, — писал в своей монографии „О трохилисках“ А. П. Карпинский, — сделался наиболее распространенным».⁹

Александра Петровича не могло не заинтересовать это природное образование уже в силу своей загадочности. Ну, а поводом к началу исследований, как это чаще всего и бывало у А. П. Карпинского, явился доставленный с Урала, а точнее из девонских слоев Лытневского округа, образчик известняка, сплошь покрытый какими-то мелкими проблематическими остатками. Нашедший образец К. В. Марков просил Александра Петровича диагностировать эти проблематики. «В остатках этих, — пишет А. П. Карпинский, — я сразу признал *Sycidium* G. Sandb., тождественность которого с так называемыми трохилисками Пандера была установлена Fr. Sandberger'ом».¹⁰

Однако мы уже знаем, что определительской работе у А. П. Карпинского всегда сопутствовало всестороннее исследование объекта и знакомство со всей опубликованной по этому вопросу литературой. Именно она не удовлетворила исследовательское любопытство ученого, поскольку, начиная с первых «прикидочных» работ по трохилисам самого Х. И. Пандера и кончая обстоятельным исследованием Дж. Дикке, проблема так и не была решена. Высказанные идеи — возможно и верные — требовали обоснования и доказательства на большом фактическом материале.

Александр Петрович взялся за эту работу. Он использовал богатейшую коллекцию Фольборта мельчайших ископаемых организмов, встречающихся в кембрийских, силурийских и девонских отложениях Петербургской губернии, а также материалы, собранные Ф. Гебауером. И хотя, как вспоминал впоследствии А. П. Карпинский, работа эта велась урывками, в редкие часы досуга, закончил он ее менее чем за год. 7 декабря 1905 г. он док-

⁹ Карпинский А. П. О трохилисках. — Тр. Геол. комитета, 1906, вып. 27, с. 7.

¹⁰ Там же, с. 4.

ладывает в Академии наук основные результаты своего исследования и просит разрешения Академии опубликовать написанную в связи с этой работой монографию «О трохилисках» в «Трудах Геологического комитета». Академия не возражала, и в 1906 г. это исследование было полностью опубликовано.

Уже в первом своем докладе о трохилисках А. П. Карпинский заявил, что трохилиски «не могут даже рассматриваться за прямых предков существующих харовых; но трохилиски, вероятно, являются представителями боковых ветвей той, очевидно очень древней и своеобразной группы растений *Charophyta*, одно из разветвлений которой, уже обособившееся не позднее юрской эпохи, уцелело в совершенно изолированном виде до настоящего времени, утратив, можно сказать, всякую видимую родственную связь с остальным современным растительным миром».¹¹ Этот же вывод А. П. Карпинский сделал и в монографии, хотя он со свойственной ему скромностью предупреждает читателя, что работу нельзя считать вполне законченной. «Я далек от мысли, — пишет Александр Петрович, — считать главнейшие из нижеприведенных выводов окончательными. Они мне кажутся лишь вероятными и более обоснованными».¹²

Что же это такое — харовые водоросли? Крупнейший наш палеоботаник А. Н. Криштофович дает такое определение: «Это высоко дифференцированная группа водорослей, имеющая чрезвычайно характерные антеридии, содержащие сперматозоиды и яйцевидные оогонии, в которых заключена яйцеклетка, обладает своеобразной способностью подвергаться окаменению по созревании своих „плодиков“, или оогониев, пропитываясь углекислым кальцием» [83, с. 29]. «Современные харацей, — дополняет это определение А. А. Чернов, — представляют изолированную группу, обособившуюся еще в мезозойской эре. У них выработалось половое размножение при помощи спорофиад, или оогоний. Последние снабжены очень прочной оболочкой, под прикрытием которой ооспоры могут сохраняться годами до наступления бла-

¹¹ Карпинский А. П. Исследования над загадочными организмами, остатки которых найдены Пандером около 50 лет назад в окрестностях Петербурга и названы им трохилисками. — Изв. Акад. наук, V сер., 1905, т. 23, № 4 и 5, с. XXVI.

¹² Карпинский А. П. О трохилисках, с. 1.

поприятных условий для их прорастания. Известковая скорлупа оогиий, образующаяся у многих видов хар, способствует сохранению их в ископаемом состоянии» [160, с. 17].

Но чтобы прийти к этим выводам, а главное, отождествить найденные Х. И. Пандером «загадочные организмы» с ископаемыми харовыми водорослями, надо было проделать ту гигантскую исследовательскую работу, за которую в начале 1905 г. взялся А. П. Карпинский. Что это была действительно крупная, порой изнуряющая работа, свидетельствует и ее исполнитель. «То, что кажется простым и понятным, когда исследование уже сделано — пишет Александр Петрович, — требовало повторных поверочных наблюдений над объектами, уже изученными, если на новых образцах замечались особенности, ранее не обнаруженные. Оценку подобных особенностей и уклонений можно было сделать только путем сравнительных наблюдений над возможно большим, иногда огромным числом экземпляров из одного и того же местонахождения».¹³

Дополнительную сложность представляла полная изолированность изучаемых форм как от нынеживущих представителей хараций, что, вообще говоря, неудивительно, но и от предковых форм, которые и установить-то не представлялось возможным. Ясно поэтому, что известные уже методические приемы палеонтологического анализа (актуализм), а также введенные в эту науку А. П. Карпинским (онтогенетический метод), при изучении трохилисков не подходили. И Александр Петрович разрабатывает новый, оригинальный способ генетического анализа. «При предположении, — пишет он, — что известные лишь во взрослом состоянии ископаемые формы могут иметь отношение к каким-нибудь современным организмам, при неизвестности ископаемых промежуточных типов, надлежит обратиться к изучению этих современных форм и в последовательном развитии целого организма или отдельных его частей найти ту фазу, которая могла бы являться для более или менее

---

¹³ Там же, с. 9.

отдаленного общего предка окончательной стадией»¹⁴ (разрядка автора, — С. Р.).

Что же это за прием? Это своеобразное соединение актуализма (предлагается изучать современные формы) с онтогенетическим методом («последовательное развитие целого организма»), причем с обращением в прошлое. Приему этому можно было бы дать название *ретросказательный онтогенез*. Но дело не в названии. Главное, что с помощью такого необычного в методологическом отношении подхода А. П. Карпинскому все же удалось разрешить загадку этого уникального проблематика.

Прежде всего он проводит тонкий сравнительный анализ *Sycidium* и *Trochiliscus*. В его распоряжении образцы с Урала, с р. Мсты Новгородской губернии, из окрестностей города Изборска Псковской губернии, с р. Сяси, что на границе Петербургской и Новгородской губерний. Все эти образцы девонского возраста. Вот как описывает А. П. Карпинский представителей рода *Sycidium*. «Органические остатки, относящиеся к роду *Sycidium*, представляют маленькую полую, обыкновенно эллипсоидальную или грушевидную, известняковую скорлупу, состоящую из продольных (меридиональных) частей или долей, сходящихся у отверстий, находящихся на каждом из полюсов. Эти продольные части являются или вогнутыми, и тогда они разделяются сравнительно узкими продольными бороздками... Строение скорлупы — концентрически тонкослойное».¹⁵ Их характерная форма, размеры, а также скульптура различных форм собственно трохилисков, представлены на рис. 5.

А что же трохилиски? Чем характерен их облик? Они чаще всего встречаются совместно с *Sycidium*, и потому А. П. Карпинскому стоило большого труда отделить их, тщательно промерить и описать. Вот как выглядят в его описании представители рода *Trochiliscus*: «Они представляют маленькую полую сферическую или эллипсоидальную известковую скорлупу, иногда приплюснутую, боченковидную, иногда вытянутую на одном конце, луковичеобразную. На одном из полюсов ископаемого находится круглое отверстие. Изредка замечается другое очень маленькое отверстие на противоположном конце скорлупы. Поверхность последнего покрыта спиральными ребрыш-

¹⁴ Там же, с. 48.

¹⁵ Там же, с. 9—10.

ками, направленными вправо. Ребрышки у различных видов являются то в количестве 8—9, то 18 (с редкими, незначительными и пока еще сомнительными индивидуальными отклонениями)». ¹⁶

То, что это некие отдаленные предки ныне живущих харадий, в этом у А. П. Карпинского сомнений нет. Об этом он заявляет сразу в начале своей монографии. Но ему бы хотелось так же, как это он сделал с артинскими аммонейми, перекинуть эволюционный мостик от трохилисков к современным видам харовых. «При палеонтологических исследованиях, — пишет Александр Петрович, — чрезвычайную услугу в биологическом и геологическом отношении может оказать исследование различных стадий роста или развития данного ископаемого организма, причем может выясниться родство его с прежде существовавшими весьма отличающимися формами, происхождение от одного общего корня с другими одновременными или даже более поздними формами и пр. В данном случае такой, так сказать, индуктивный порядок исследования трохилисков, если они действительно являются оогониями исчезнувших *Charophyta*, неприменим, так как у харадий известковая скорлупа представляет продукт инкрустации лишь конечной стадии развития оогония». ¹⁷ И он избирает методологический прием, о котором мы уже упомянули.

Вывод, который в результате делает А. П. Карпинский, во многом неожидан даже для него — трохилиски, возможно, и не предки харовых! Группа эта стоит особняком и в лучшем случае происходит от одного общего корня с харадиями. Приведем, однако, этот результат в изложении автора: «Если трохилиски не представляют организмов, родство которых со всем живущим исчезло или сгладилось в отдаленные времена, — осторожно начинает Александр Петрович, — то ближе всего они могут быть сопоставлены со стоящими теперь особняком *Characeae*. Трохилиски, однако, ... не только не могут быть отнесены к этому семейству, но даже и к предкам харовых. Они являются, быть может, лишь формами исчезнувших ветвей, происшедших от одного общего корня с *Characeae*. Но и этот вывод, — с оттенком сожаления

---

¹⁶ Там же, с. 29—30.

¹⁷ Там же, с. 47—48.

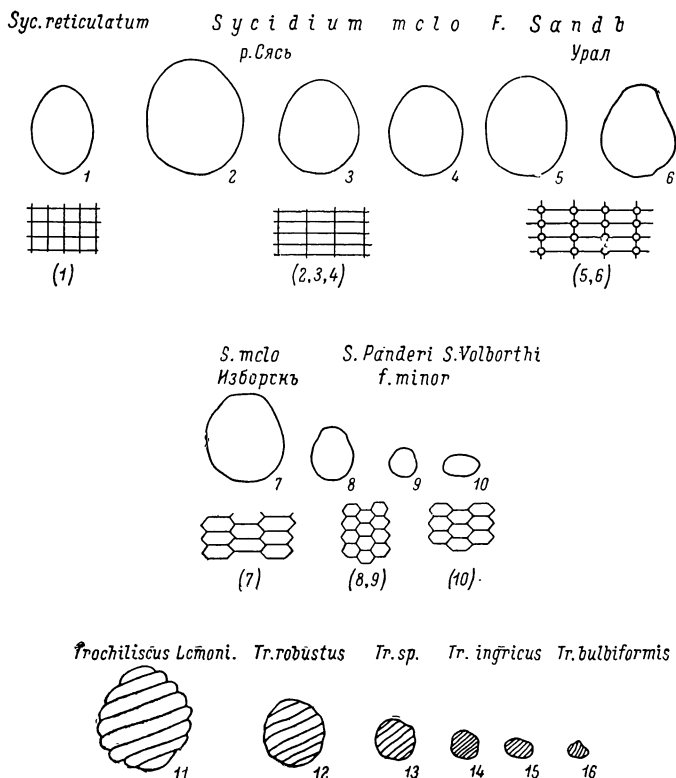

Рис. 5. Сравнительные размеры и скульптура различных форм *Sycidium* и *Trochiliscus*. (Увеличено в 12.5 раз).

заключает А. П. Карпинский, — еще долго будет считаться недоказанным, а некоторым, быть может, покажется невероятным, пока не будут обнаружены формы промежуточные, или, в очень исключительных случаях, трохилиски не будут наблюдаемы в непосредственном соединении с другими, более полно сохранившимися частями предполагаемых растений».¹⁸

И такие «исключительные случаи» представились. Ему удалось найти несколько образцов, когда оогонии *Sycidium* оказались отчетливо приклепленными к тонким осям, по всей вероятности, представляющим разветвле-

¹⁸ Там же, с. 83.

ние слоевища. «Если бы сицидии были сифонейми, — пишет А. Н. Криштофович, — такое расположение было бы немислимо» [84, с. 9]. Казалось бы, победа полная. Возврата к уже отвергнутой сифонеевой гипотезе больше не будет. Но нет. Нашлись ученые, которые поставили под сомнение и этот аргумент, так своевременно «подброшенный» самой природой. Дебаты возникли в 20-х годах, когда А. П. Карпинскому уже перевалило за 80. «Такой возврат к прошлому, — справедливо заключает Р. Ф. Геккер, — к этапу, наукой уже пройденному, глубоко задевал Александра Петровича. Его волновало не то, что кто-то из зарубежных ученых высказывался против него, Карпинского, а то, что этот исследователь недостаточно внимательно отнесся к материалу, поспешил и потому погрешил против истины. (А это, как мы знаем, всегда его возмущало, и он никак не мог понять, как могут ученые, не проанализировав всех аргументов своих предшественников, т. е. не изучив с тщанием их работу, вступить в полемику, да еще возрождать старые взгляды, давно рассмотренные, профильтрованные через факты и отвергнутые, — С. Р.). Александр Петрович вступал в переписку с такими авторами, „дедовски“ их поучал, высылал специально изготовленные рисунки и, более того, старался лично повидаться с ними, чтобы убедить в своей правоте» [39, с. 106].

Надо сказать, в отношении трохилисков это были редкие случаи. Подавляющее большинство палеоботаников безоговорочно приняло точку зрения А. П. Карпинского. «Притом относительно рода *Trochiliscus*, вероятно, без исключений; что же касается *Sycidium*, то некоторые еще продолжают допускать их принадлежность к сифонниковым водорослям, хотя едва ли с достаточным основанием», — заключает А. Н. Криштофович [83, с. 32.]

Сам Александр Петрович прекрасно понимал значение и важность для геологической науки выполненного им исследования. В 1906 г. он направляет монографию на имя Генерального секретаря X Международного геологического конгресса в Мексике с тем, чтобы собравшиеся там геологи могли, выражаясь современным языком, ознакомиться и оперативно обсудить новую информацию. Для этого он кратко сформулировал свои выводы в отдельном письме, которое и было зачитано делегатам 6 сентября 1906 г.

Глава 12. Седьмой Международный геологический конгресс

Разобранные нами три монографии А. П. Карпинского явились выдающимся вкладом в стратиграфию, палеонтологию и палеоботанику и снискали их автору заслуженную славу крупнейшего геолога нашей страны. Без преувеличения можно сказать, что на рубеже XIX—XX вв. имя А. П. Карпинского-геолога было самым известным и популярным и у зарубежных ученых.

У этих работ было и общее, как бы объединяющее их начало: все они выполнены в стенах Геологического комитета как раз в то время, когда все его сотрудники были заняты составлением геологической карты Европейской России, время, вошедшее в историю первого геологического учреждения нашей страны под именем «героического периода». Героическими эти годы были не только для Комитета в целом, но и для каждого из его сотрудников и в первую очередь, конечно, для его директора, сумевшего в короткий срок выдающихся исполнителей-одиночек сплотить в дружный, слаженно работающий коллектив. Для каждого сотрудника Комитет был родным домом, куда шли с радостью, ибо там ждала любимая работа и товарищеская, непринужденная атмосфера. И в этом, разумеется, заслуга директора, который ненавязчиво и незаметно как бы передал каждому сотруднику свой нрав: доброту, уверенность и спокойствие.

Карта хотя и была главной задачей, но помимо нее на каждом из 8 геологов, независимо от занимаемых должностей, лежали десятки и других забот: и составление ответов на многочисленные запросы с мест, и срочные выезды по письмам губернаторов и промышленников, и многочисленные консультации и, конечно же, своя научная работа, которая, с одной стороны, «питалась» той же картой, поскольку весь фактический материал собирался в процессе картирования, а с другой — по своим задачам и глубине проработки резко отличалась от картировочных полевых исследований и, разумеется, требовала специального времени для осмысливания и последующей публикации результатов. А где взять это время, если весь летний период геологи в поле, а осенью и зимой — только успевали обработать привезенный материал, вы-

чертить очередные листы карты и написать объяснительные записки к ним.

Что же говорить о директоре Комитета, который, продолжая участвовать в полевых работах, должен был отснять несколько самых сложных листов геологической карты (восточный склон Урала), просматривать и корректировать листы своих товарищей, отвечать от имени Геолкома на сотни запросов, участвовать в работе Горного ученого комитета, читать лекции в Горном институте, а с 1886 г. вести еще и активную работу в Академии наук. К тому же он прежде всего ученый, а не администратор, каковым себя никогда и не считал и вообще не любил этого слова. Он не мог забросить свои научные исследования, несмотря ни на какие нагрузки. И он вел их, вел урывками, «в редкие свободные часы досуга», а в результате — три классические монографии — гордость Геолкома и, конечно же, их автора. Неважно, что последняя из них — «О трохилисках» — написана в 1906 г., т. е. когда А. П. Карпинский формально уже не руководил Геологическим комитетом. Душой он был там, да и заглаживал в уютный особнячок на 4 линии частенько, не пропускал ни одного заседания Присутствия и работал за своим прежним столом, который, правда, пришлось перенести из директорского кабинета.

Геологическая карта Европейской России, за которую взялся Геолком с первого же года своего существования, была, как мы помним, и международным обязательством, ибо она должна была стать важнейшей составной частью Международной геологической карты Европы. Да и сроки были жесткие, и на каждом МГК, начиная со II-го, Болонского, подводились итоги этой грандиозной работы. Россия усилиями Геологического комитета выполнила свой долг в срок, ровно за 10 лет: в 1893 г. 60-верстная геологическая карта была опубликована, и А. П. Карпинский с радостью и гордостью за своих товарищей демонстрировал ее в 1894 г. в Цюрихе во время работы VI МГК. Престиж и авторитет русской геологической науки еще более поднялись: представленная карта вызвала изумление и восторг иностранных геологов своей детальностью, точностью и, конечно же, своими высокими полиграфическими качествами. Все это было очень важно, и прежде всего психологически, поскольку следующий Конгресс должен был состояться в Петербурге,

и настрой будущих его делегатов во многом мог повлиять на успех этого предприятия.

Русские же геологи готовились к этому Конгрессу тщательно и задолго. А. П. Карпинский в 1900 г. вспоминал, что еще 10 лет тому назад «последовало правительственное распоряжение о поручении Геологическому комитету озаботиться устройством VII Международного геологического конгресса в Санкт-Петербурге».¹ Чтобы оценить по достоинству гигантскую работу по подготовке этого Конгресса, проведенную А. П. Карпинским и его помощниками, и чтобы глубже понять его влияние на развитие геологической науки страны, вспомним вкратце историю этих международных форумов.

Впервые мысль о периодических международных собраниях геологов высказали ученые, собравшиеся в 1876 г. на выставке в Филадельфии (США). Присутствовавшие там геологи США, Канады, Англии, Швеции и Голландии обратились с предложением к своим французским коллегам собрать I Международный форум геологов во Франции в 1878 г., приурочив его к международной выставке. Французские геологи восприняли эту идею и претворили ее в жизнь. I МГК состоялся в Париже в 1878 г. с участием представителей 22 стран, в том числе и России. Семь русских геологов во главе с профессором Петербургского Горного института В. И. Мёллером принимали самое активное участие в разработке основных рекомендаций Конгресса. Конгресс же признал необходимым добиваться единства всех геологов в вопросах терминологии, номенклатуры, классификации и картографии. Ключ ко всем разногласиям был найден, но открыть с его помощью замок, сковывавший общение геологов разных стран, оказалось делом непростым. Сто лет прошло с того памятного года, а ключ, выражаясь фигурально, и поныне торчит в замке.

Конгресс в Париже знаменит еще и другим. С него началась деятельность многочисленных международных комиссий, ряд которых недавно отметил свой столетний юбилей. Возраст почтенный. Были выбраны три постоянные комиссии: по геологической номенклатуре (А. А. Иностранцев представлял в ней Россию), геологической картографии (от России В. И. Мёллер, который через 4 года

---

¹ Карпинский А. П. Собр. соч., т. IV. М.—Л., 1949, с. 404.

уступил свое место А. П. Карпинскому) и палеонтологической номенклатуре (без русского представителя). Кроме того, в каждой стране-участнице было решено создать соответствующие национальные подкомиссии.

Следующий, второй по счету, МГК собрался в 1881 г. в Италии, в уютном городке Болонья. Итальянский король, чтобы стимулировать выполнение решений предыдущего Конгресса, учредил премии за лучшие проекты «геологических картографических изображений». Мы помним, что А. П. Карпинский отправил на конкурс свой проект, который был удостоен II премии. На этот Конгресс Российское правительство делегировало 6 геологов, из которых трое (В. И. Мёллер, А. А. Иностранцев и Г. А. Траутшольд) вошли в бюро II МГК. «Эта же сессия Конгресса приняла решение об издании большой международной карты Европы, вверила исполнение дела членам картографической комиссии... и определила местом ее издания — Берлин».²

Ко времени III МГК, который состоялся в 1885 г. в Берлине в помещении Рейхстага, уже энергично работал молодой Геологический комитет. Его усилиями, а если быть точным, то усилиями главным образом А. П. Карпинского, С. Н. Никитина и Ф. Н. Чернышева, была закончена половина листов геологической карты России, которые С. Н. Никитин и представил на суд иностранных коллег. От России делегация была опять малочисленной — всего 6 человек. В бюро же Конгресса вошел один А. А. Иностранцев. Главный вопрос, который должны были обсудить геологи, — проблема геологических и прежде всего стратиграфических классификаций — так и не был решен. С. Н. Никитин и Ф. Н. Чернышев пришли к печальному, но, увы, верному заключению: «Единодушное соглашение (по этому вопросу) между геологами невозможно».³ Если основной судья такого рода заявлений — время, то прошедшие сто лет, думается, достаточный срок, чтобы признать справедливость этого пессимистического прогноза и прекратить ненужную трату времени на выработку «платформ»,

---

² Никитин С. Н., Чернышев Ф. Н. Международный геологический конгресс и его последние сессии в Берлине и Лондоне. — Горный журнал, 1889, т. 1, с. 117.

³ Там же, с. 118.

«оснований» и тому подобных теоретических ухищрений, не сдвигающих данную проблему с мертвой точки.

IV МГК проходил в 1883 г. в Лондоне, в помещении Лондонского университета. На сей раз Россия направила на Конгресс 13 человек, а А. А. Иностранцев был даже выбран его вице-президентом. Помимо него в совет Конгресса вошли С. Н. Никитин, Ф. Б. Шмидт и Ф. Н. Чернышев. Заметим, что все они — члены Присутствия Геологического комитета. На этом Конгрессе впервые был поднят (но не решен!) вопрос о возведении ордовика в ранг самостоятельной геологической системы. И снова дебатировалась проблема стратиграфических классификаций. И снова впустую, так как «не выяснена точка зрения членов Конгресса на самую основу и принцип построения геологической классификации»⁴ (курсив мой, — С. Р.). Еще один важный итог этого Конгресса, по поводу которого С. Н. Никитин и Ф. Н. Чернышев сообщают с чувством законной гордости: «...Мы уполномочены Советом Конгресса в качестве его делегатов обратиться в Геологический комитет с просьбой ходатайствовать перед Правительством о собрании сессии Конгресса в 1897 г. в Петербурге и принять на себя, по соглашению с Академией наук, Горным институтом и русскими университетами, труд организации этой сессии и сопровождающих ее экскурсий».⁵ Итак, уже за 9 лет до VII МГК иностранные геологи пожелали собраться в Петербурге, столице страны, авторитет геологов которой к тому времени стал общепризнанным. И не убоимся повторений, подчеркнув еще раз, — в этом заслуга ученых Геологического комитета и, конечно же, директора А. П. Карпинского.

Следующий, пятый по счету МГК собрался в 1891 г. за океаном, в Вашингтоне. Геологический комитет представляли на нем Ф. Н. Чернышев, Ф. Б. Шмидт и А. П. Павлов. О VI сессии МГК в Цюрихе (1894 г.) мы уже упоминали. А. П. Карпинский впервые принял личное участие в этом международном форуме геологов и был выбран вице-президентом Конгресса. На заключительном заседании Александр Петрович выступил с докладом о геологическом строении Европейской России и рассказал делегатам о строении тех мест, которые пред-

⁴ Там же, с. 137.

⁵ Там же, с. 149.

положительно намечались для геологических экскурсий. Разъезжаясь, делегаты договаривались о встрече через 3 года в Петербурге.

Итак, через три года — очередная VII сессия МГК. У сотрудников Геологического комитета работы и забот непочатый край, и львиная их доля легла на плечи А. П. Карпинского — директора Геолкома и председателя организационного комитета Конгресса. Прежде всего надо было подумать о местах будущих экскурсий, провести там детальную геологическую съемку, чтобы любые нюансы геологического строения местности были известны руководившему экскурсией геологу. А. П. Карпинский пишет многочисленным письма местным геологам; сам в 1895 г. едет на Кавказ для выбора наиболее интересного маршрута будущей экскурсии. Кроме того, надо было к началу Конгресса написать и опубликовать «геологические гиды», т. е. путеводители экскурсий. Для этого Геологический комитет на летние месяцы 1896 г., выражаясь современным языком, выписывает командировочные удостоверения: В. П. Амалицкому — на Волгу, в Нижегородскую губернию; Н. А. Головкинскому, А. Е. Лагорио и К. К. фон Фохту — в Крым; Ф. Н. Чернышеву — на Урал; С. Н. Никитину — в Центральную Россию и на Волгу; А. П. Павлову — на Волгу, но в районы Симбирской и Саратовской губерний с заездом на обратном пути в окрестности Москвы; К. Ф. Ругевичу — на Северный Кавказ; Н. А. Соколову — на р. Днепр; Ф. Б. Шмидту — в Петербургскую и Эстляндскую губернии; А. А. Штукенбергу — на реки Каму и Волгу, А. П. Карпинский выехал на Урал.

Сложностей было много. Кроме сложностей, так сказать, организационного порядка, главные затруднения были и в существе дела: за короткий срок надо было покрыть детальную геологическую съемкой разнородные части территории России, причем сделать это по единой методике, а ведь не все, кому было поручено руководство экскурсиями делегатов Конгресса, имели опыт такой съемки, сравнимый с опытом «старых» — да, уже старых! — геолкомовцев. Кроме того, не все, на кого А. П. Карпинский возлагал надежды, давали свое согласие провести экскурсии. Так, еще в феврале 1895 г. он получает письмо из Крыма. На бланке «Гидрогеолог Таврической губернской земской управы Николай Алек-

сеевич Головкинский» — текст: «... Я должен, однако, теперь же оговориться, что не могу рассчитывать на возможность своего личного присутствия на самой экскурсии. Хотя я постоянно странствую по горам и степям Крыма, но предполагаемая многочисленная и официальная поездка потребует, как я знаю по опыту, немало физического и нравственного напряжения, которое может оказаться мне не по силам, тем более через два года».⁶ А ведь Н. А. Головкинский по праву считался лучшим знатоком геологии Крымского полуострова, и потому А. П. Карпинский старается «не замечать» унылого настроения этого письма. Он вновь пишет Н. А. Головкинскому, еще и еще раз пытается убедить его в безвыходности положения, если тот откажется проводить экскурсию. И Н. А. Головкинский, конечно же, соглашается. Но его пессимистический прогноз, увы, подтвердился: за 2 месяца до экскурсии (9 июня 1897 г.) он скончался. Экскурсию по Крыму — от Алушты до Севастополя — провел А. Е. Лагорио.

Однако в преддверии Конгресса в жизни Геолкома произошло и радостное событие. Бесчисленные и долготлетние хлопоты А. П. Карпинского по увеличению мизерного штата Комитета наконец-то возымели действие. Негоже было иностранным гостям демонстрировать «прижимистость» русского правительства, и оно утвердило новое «штатное расписание» этого геологического учреждения. Его численность увеличили с 8 человек до 22, а бюджет — с 33100 до 74900 рублей в год. Щедрость поистине царская: если раньше Россию исхаживали 8 человек, то теперь 22! (Как бы им тесно не было на просторах Русской равнины...). 10 февраля 1897 г. Государственный Совет утвердил этот «щедрый» акт. Из нововведений упомянем следующее: упразднили должность младшего геолога, а вместо нее ввели две новые — геолога и помощника геолога; в состав Присутствия, помимо директора и старших геологов, теперь стали входить и геологи; ввели наконец-то должность лаборанта и даже «помощника лаборанта».

Появившиеся вакансии надо было оперативно замещать и замещать людьми достойными — знающими, опытными и, что немаловажно, просто «людьми хоро-

---

⁶ ЛО ААН, ф. 265, оп. 6, д. 174, л. 1.

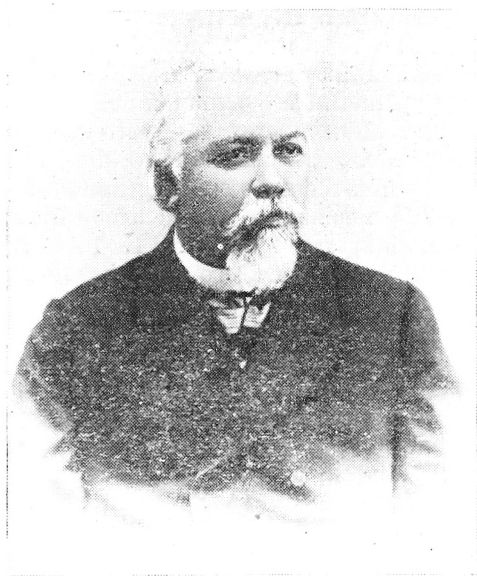
шими». А. П. Карпинский прекрасно понимал, что только дружный, сплоченный коллектив, т. е. «единая геологическая семья», и способен вытянуть взваленную на него непомерной тяжести работу. И приходится только удивляться, как это ему удалось в короткий срок подобрать столько новых сотрудников, сразу же вписавшихся в коллектив геолкомовцев и быстро выросших в крупных, а некоторые и в крупнейших геологов своего времени. Давайте всмотримся в новый состав Геолкома — состав 1897 юбилейного года, ибо в том году Геологический комитет отметил 15-летие своего существования.

Директор — академик А. П. Карпинский;

Старшие геологи: С. Н. Никитин, Ф. Н. Чернышев, А. А. Краснопольский, А. О. Михальский и Н. А. Соколов; геологи: Л. И. Лутугин, Э. В. Толль, Н. Н. Яковлев, Н. А. Богословский, Н. К. Высоцкий и О. А. Морозевич; помощники геолога: А. А. Борисяк, В. А. Вознесенский, Н. В. Григорьев, В. А. Наливкин, А. И. Хлапонин и П. Б. Риппас; консерватор — А. И. Хлапонин; Лабораторией заведовал И. А. Антипов, а должность секретаря исполнял (именно и. д.!) Н. Ф. Погребов.

Как оценить этот акт русского правительства? С одной стороны, 22 человека, конечно же, лучше, чем 8, а 74900 руб. более чем в два раза превышают прежнее ассигнование. Но с другой?...

Давайте сравним бюджеты геологических служб стран, несоизмеримых по площади с Россией. Геологи США получали более 2000000 руб. в год, Пруссии — более 290000 руб., Канады — более 250000 руб., Индии — более 210000 руб., Англии (без колоний) — более 168000 руб. Сравним еще один показатель: расходы стран на геологические исследования по отношению к площади их территории. Так вот, Пруссия на один квадратный километр тратила 90 коп., Англия — 58 коп., США — 10 коп., Индия — 4.5 коп., Канада — 3 коп. Россия на последнем месте — она расходовала 1.5 коп. на геологическое исследование каждого квадратного километра своей территории. Есть еще один показатель «забот» правительства о государственной геологической службе — это сравнение расходов на геологию с общим государственным бюджетом. Здесь мы получаем следующие результаты. По отношению к общему бюджету Россия тратит на геологиче-

А. П. Карпинский, начало 900-х годов.

ские работы в 62 раза меньше, чем Канада; в 20 раз меньше, чем США; в 8 раз меньше, чем Индия; в 7 раз меньше, чем Пруссия, и в 3 раза меньше, чем Англия. И все это, заметим, без учета Сибири и Дальнего Востока! Цифры впечатляющие и, увы, безрадостные...

Возвращаясь к Международному конгрессу, заметим, что еще на Цюрихской сессии было принято решение: в Оргкомитет VII МГК в Петербурге входит Геологический комитет в полном составе. Так вновь принятые в Комитет сотрудники сразу же стали членами Оргкомитета крупнейшего международного форума геологов. Помимо них, в Оргкомитете все внештатные члены Присутствия: А. А. Иностранцев, П. В. Еремеев, Ф. Б. Шмидт, В. В. Докучаев и И. И. Лагузен. Вошли в него и профессора многих русских университетов: А. П. Павлов, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, А. Е. Лагорио. Вот таким представительным был штаб по подготовке VII МГК. А возглавил его, как мы помним, А. П. Карпинский — президент Конгресса. Ф. Н. Чернышев был выбран гене-

ральным секретарем, а его помощником стал Н. Ф. Погребов. Финансами ведал А. О. Михальский.

И вот долгожданный день настал. 17 августа 1897 г. празднично украшенный большой зал Зоологического музея Академии наук принимал русских и зарубежных гостей, делегатов 26 стран. Зал не мог вместить всех желающих, а только официальных делегатов было зарегистрировано 704 человека — почти вдвое больше, чем на самой многочисленной, IV сессии МГК 1888 г. (Лондон). Оргкомитет, и прежде всего его председатель А. П. Карпинский, проделал огромную подготовительную работу. Иностранные гости были поражены — такого ни на одном Конгрессе не было: экскурсии до и после Конгресса; прекрасно изданные «геологические гиды» вручили всем делегатам; в течение двух месяцев делегаты получили право бесплатного проезда по железным дорогам России в вагонах 1-го класса, а для экскурсий по Крыму было зафрахтовано прекрасное судно «Великая княгиня Ксения», на котором можно было производить гидрографические наблюдения и брать пробы донных осадков. Бесчисленные встречи, торжественные обеды и ужины — все это не могло не удивить иностранных гостей. Их узнавали даже на улице, ибо у каждого делегата на груди блестел красиво оформленный жетон с выгравированным девизом Международных геологических конгрессов «*Mente et malleo*» — разумом и молотком!

Вернемся, однако, в зал Зоологического музея, который гудит, как растревоженный улей. Из-за стола президиума поднимается небольшой, плотный и совершенно седой «старик» (ему-то всего 51 год!). Зал затихает, и Александр Петрович начинает свою приветственную речь. Он призывает геологов, съехавшихся на Конгресс, сосредоточить усилия на решении кардинальных вопросов геологической науки, которые были предметом обсуждения и на ряде предыдущих сессий. Это — унификация геологической номенклатуры, классификации осадочных пород (впервые!) и разработка правил для введения новых терминов в стратиграфию и петрографию. А. П. Карпинский рассказал делегатам об основных достижениях русской геологии, о работе Геологического комитета и в заключение призвал всех геологов к объединению усилий в поисках научных истин. Об этом, заметим, он не устал говорить всю жизнь.

Еще до Конгресса А. П. Карпинский провез 150 человек по Уралу. Он руководил геологической экскурсией от Уржума до Екатеринбурга. Само время пребывания на Урале было недолгим — всего неделя, с 30 июля по 6 августа, но за эти 7 дней Александр Петрович сумел показать делегатам Ильменскую золотоносную россыпь; характерные выходы миаскистов, микроскопическое исследование которых было темой его специального доклада на Конгрессе; месторождения колумбита, гельвина и других минералов в Ильменских горах; Михайло-Архангельский золотой рудник в районе Челябинска. В «Геологическом гиде», который он написал на французском языке, он с особой детальностью остановился на третичных отложениях восточного склона Урала, которые, как мы помним, он тщательно изучал и связывал с ними расшифровку геологической специфики восточного склона. В этом же Путеводителе А. П. Карпинский еще раз остановился на фактах, доказывающих отсутствие «большого горного узла», от которого Урал якобы расходится на три ветви: западную (Уренгайские горы), центральную (главный Уральский хребет) и восточную (Ильменские горы). На следующий год этот Путеводитель был опубликован А. П. Карпинским на русском языке.⁷

Александр Петрович самолично просматривал и редактировал «геологические гиды» всех прочих экскурсий Конгресса. Н. Ф. Погребов вспоминает: «Под редакцией А. П. Карпинского был издан также получивший широкую известность путеводитель экскурсий Международного геологического конгресса в России, и мне пришлось видеть, с какой тщательностью и аккуратностью Александр Петрович редактировал не только русский текст представленных к печати статей, но главным образом их французские переводы, причем для последних, сомневаясь в правильности какого-нибудь термина или специального выражения, он, не щадя ни времени, ни труда, просматривал груды книг и не успокаивался до тех пор, пока не находил необходимого слова. А. П. Карпинский так относился ко всякой работе, которую брал на себя, независимо, было ли это исследование или ад-

---

⁷ Карпинский А. П. Восточный склон Урала и его минеральное богатство. — Вестн. золотопромышленности, 1898, с. 1—25.

министративная деятельность. Это являлось отличительной чертой его характера» [125, с. 57].

Да, Путеводитель экскурсий VII МГК, квалифицированно написанный и превосходно изданный, мог по праву быть предметом гордости русских геологов и в первую очередь геолкомовцев. Недаром в отчете за 1897 г. А. П. Карпинский, даже не пытаясь скрыть переполнявшие его чувства, писал: «Изданный Организационным комитетом геологический путеводитель по России останется навсегда свидетелем, каких результатов можно достигнуть в короткий срок при дружной общей работе. Путеводитель этот, без сомнения, представляет крупный вклад в геологическую литературу, давая не только маршрутное, но и общее описание геологического строения Европейской России с включением Урала и Кавказа; существенно отличаясь от гидов, изданных к прежним Конгрессам и являясь по некоторым вопросам первоисточником, он никогда не утратит научного значения».⁸ Так написал всегда скромный Александр Петрович, но и здесь не погрешил против истины: в путеводитель был вложен труд его сотрудников и товарищей по Геолкому, и он не мог не воздать им должное.

VII МГК явился этапным в цепи этих регулярных международных форумов еще и потому, что с него начинается история премии имени Спендиарова, уже вскоре ставшей одной из почетнейших геологических наград. В основе же ее лежало событие печальное. Во время работы Конгресса неожиданно скончался молодой многообещающий геолог Леонид Спендиаров, и его отец решил увековечить память единственного сына учреждением премии его имени. Он пожелал, чтобы проценты со сделанного им «вечного вклада» раз в три года Геологический комитет выплачивал в виде премии «за лучшее сочинение по геологии или лучший труд по вопросам, поставленным Международным геологическим конгрессом».⁹ И хотя выбор достойного сочинения предоставлялся Геолкому (с 1900 г. — Международным конгрессам, — *С. Р.*), но ее вручение происходит на очередной сессии МГК, и потому премия имени Леонида Спендиарова становится актом международного признания. За-

---

⁸ Изв. Геол. комитета, 1898, т. XVII, с. 42.

⁹ Там же, 1897, т. XVI, с. 111.

метим, что первая «премия Леонида Спендиарова» была присуждена уже на следующей, VIII сессии МГК (Париж, 1900 г.) А. П. Карпинскому. В отчете Геологического комитета за 1900 г. факт этот отмечен достаточно лаконично: «После отказов он (Карпинский, — С. Р.) должен был принять оказанную ему честь, но сумму премии оставил в распоряжение Совета Конгресса для нового присуждения. Сумма эта по окончании Конгресса была присуждена французским бюро по совещании с членами французского института по геологическим наукам швейцарскому ученому Шоффа для поддержания его геологических работ в Португалии».¹⁰

Итак, VII МГК окончен. Делегаты разъехались, а устроители смогли наконец вздохнуть с облегчением и несколько осмотреться. Оглядываясь назад, не верилось, что им удалось за кратчайшее время проделать такую грандиозную по масштабу работу, да так, что не только подготовленный и изданный ими путеводитель «существенно отличался от гидов, изданных к прежним Конгрессам», но и сам Конгресс не имел себе равных за всю — пусть и не очень пока значительную — историю их организации.

«Международный геологический конгресс в России прошел с исключительным успехом, — отмечалось в отчете за 1897 г., — на который ближайшие его устроители не могли надеяться».¹¹ Так оно и было. Где уж тут было «надеяться», когда геологической службе всего 15 лет, а международный синклит геологов вообще пришлось организовывать впервые. А уж кому-кому, а русским геологам, конечно, было известно, какое огромное значение для плодотворного развития науки имеют личные контакты ученых. О России же в то время ходили самые невероятные слухи, и иностранные геологи не очень-то жаловали ее своими визитами. И в этом плане Конгресс сыграл свою роль. «Личное знакомство со страной ученых всех стран света, — читаем мы далее в том же отчете, — имеет помимо научных результатов... также большое общее значение, рассеивая, между прочим, те предубеждения, которые, вследствие недостатка точных све-

---

¹⁰ Там же, 1901, т. XX, с. 152.

¹¹ Там же, 1898, т. XVII, с. 39.

дений о нашем отечестве, иногда находят себе место за пределами нашего государства».¹²

Немалую роль сыграл прошедший Конгресс и для морального настроя геологов Комитета, которые смогли воочию убедиться, какое значение придается их работам и как высоко они оцениваются их иностранными коллегами. Помимо этого, «для Геологического комитета минувший Конгресс представляет чрезвычайную важность упрочением и расширением связи и сношений с иностранными учеными, которые и ранее Комитет старался поддерживать на почве научных интересов и совместных геологических работ».¹³ Вот так оценили прошедший Конгресс геолкомовцы.

На иностранных же гостей он произвел прямо-таки незабываемое впечатление. А. П. Герасимов вспоминал впоследствии: «Даже в 1913 г., т. е. через 16 лет, мне пришлось в Италии слышать самые восторженные отзывы о нем от крупных специалистов» [42, с. 6]. Профессор Баварской Академии наук, крупнейший палеонтолог К. А. Циттель писал 29 июня 1898 г. А. П. Карпинскому: «На будущей неделе Вы, вероятно, получите благодарственный адрес в кожаном футляре от участников превосходных геологических экскурсий прошлого года. Это лишь слабое выражение нашей благодарности, — пишет далее профессор, — за бесконечно большую работу и труд понесенный Вами для нас. Составление адреса я взял на себя вместе с профессором Ротплетц и хотел бы, чтобы он остался для Вас приятным воспоминанием о тех днях, когда Вы покрыли себя славой».¹⁴ А вот что писал доктор Филиппсон: «Конгресс дал всем участникам прекрасную возможность познакомиться с Россией... прежде всего благодаря многочисленным экскурсиям в различные районы европейской части России, а также на Урал и Кавказ. Многочисленные участники Конгресса сердечно благодарят за этот великодушный подарок, преподнесенный нам Россией. Мероприятия в таком масштабе не проводились до сих пор ни на одном Конгрессе» [91, с. 97].

Это лишь два из многих сотен полученных А. П. Карпинским после Конгресса писем, которые мы привели

¹² Там же, с. 41.

¹³ Там же.

¹⁴ ЛО ААН, ф. 265, оп. 9, д. 18, л. 7.

только для иллюстрации чувств, переполнявших участников этого незабываемого форума геологов.

После окончания Конгресса все с удовольствием рассыпались в любезностях. Не отказали себе в этом А. П. Карпинский и Ф. Н. Чернышев. 10 ноября 1897 г. они пишут благодарственное послание управляющему Уральскими горными заводами И. П. Балашову.¹⁵

Милостивый государь Иван Петрович.

С окончанием экскурсий VII Международного геологического конгресса бюро Конгресса получило единодушное заявление всех участников в этих экскурсиях о небывалом успехе, достигнутом поездками в России. Относя этот успех всецело на долю теплого участия и широкого содействия, оказанных Конгрессу администрацией заводов и рудников, лежащих по пути экскурсий Конгресса, бюро Конгресса поставляет себе в приятный долг засвидетельствовать Вашему превосходительству глубочайшую благодарность за любезный прием, оказанный Уральской экскурсией при посещении ею Симских заводов и Бакальских рудников.

Александр Петрович принимал активное участие и в последующих Конгрессах. В 1900 г. он входит в бюро VIII МГК в Париже и как президент предыдущего Конгресса произносит там приветственную речь (заметим, на чистом французском). Помимо этого, в комиссии по номенклатуре горных пород он выступил со специальным докладом «О принципах классификации и номенклатуры горных пород». Он, как мы помним, имел на этот предмет свою особую точку зрения, которую и отстаивал. С ним были несогласны и активно спорили Е. С. Федоров и Ф. Ю. Левинсон-Лессинг. Отметим и его доклад на этом же Конгрессе — о создании международного плавучего института, идея которого по тем временам могла показаться фантастической, а на сегодня — это реальность. И впоследствии много сил и энергии А. П. Карпинский, А. О. Ковалевский и другие ученые вложили в организацию такого института — плавучей лаборатории по комплексному исследованию Мирового океана, но безрезультатно. Актуальность же и жизнестойкость этих идей доказывает международная практика океанологических работ сегодняшнего дня.

Через 10 лет, в августе 1910 г., он — в Стокгольме, в составе бюро XI МГК. Ему уже за 60 лет, и семья не

---

¹⁵ ЦГИА, ф. 892, оп. 3, д. 385, л. 1.

решается отпускать его одного в столь дальние поездки. На этот раз его сопровождает (и во многом помогает) старшая дочь Е. А. Толмачева. Этот Конгресс знаменателен тем, что на нем решили издать международный «стратиграфический лексикон» — прообраз современного «Стратиграфического словаря». В редколлегию от России вошел А. П. Карпинский.

На XII сессию МГК в Канаде (Оттава), которая состоялась в 1913 г., А. П. Карпинский не смог поехать, но принимал самое живое участие в подготовке доклада Комиссии по выработке стратиграфической терминологии. От имени русской подкомиссии он направил открытое письмо профессору Ваагену — председателю Международной комиссии по подготовке «Стратиграфического лексикона», которое было зачитано и одобрено делегатами. Россию в бюро Конгресса представляли на этот раз Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Ф. Н. Чернышев и В. И. Вернадский.

Последний раз личное участие в работе Международного геологического конгресса Александр Петрович принимает в 1926 г. Это была XIV сессия, проходившая в Испании (Мадрид). Вновь его сопровождает Е. А. Толмачева, теперь уже официальный личный секретарь. Они путешествовали около трех месяцев, посетив за это время, помимо Испании, еще и Англию, Францию и Италию.

Итак, мы видим, что личное участие А. П. Карпинский принимает далеко не во всех сессиях МГК, но его незримое присутствие делегаты ощущали в течение 60 лет. За этот громадный для жизни одного человека отрезок времени прошло 17 сессий Конгресса. Он был настоящей живой летописью этих крупнейших международных мероприятий геологов.

Чтобы закончить с перечнем международных предприятий, в которых (только как геолог!) принимал участие А. П. Карпинский, укажем еще комиссии, членом которых он состоял. Это Международные комиссии по: 1) унификации геологических обозначений, 2) геологической карте Европы, 3) номенклатуре горных пород, 4) изучению ледников, 5) премии Спендиарова, 6) изучению береговой линии в северном полушарии, 7) *Palaeontologia Universalis*, 8) стратиграфическому словарю и 9) статусу Конгрессов.

Однако не международными комиссиями и Конгрессами было занято основное время А. П. Карпинского. Главные его заботы на родине, в России, и направлены на подготовку научной смены (Горный институт), руководство геологической службой страны (Геологический комитет) и организацию научных геологических исследований (Академия наук). И по каждому из этих направлений Александр Петрович — признанный всеми лидер. А он уже не молод и не в состоянии, без ущерба для качества работы, пребывать в трех ипостасях. И поэтому он постепенно облегчает груз обязанностей. В 1896 г. он оставляет преподавательскую работу, подготовив в качестве преемника по руководству кафедрой своего ученика и товарища по Геолкому И. В. Мушкетова. В 1903 г. он уходит с поста директора Геологического комитета, передав свои полномочия также своему ученику и преданному другу Ф. Н. Чернышеву.

Но с уходом из Геолкома не порвались его связи с этим учреждением, расцвет и международное признание заслуг которого целиком связано с его трудами и заботами.

Последние годы пребывания А. П. Карпинского на директорском посту были осложнены резким расширением спектра геологических работ геолкомовцев при сохранении старой численности. Помимо этого, стало невообразимо тесно в особняке на 4 линии Васильевского острова. Приходилось нанимать одну квартиру за другой, а эта разбросанность по городу заметно осложняла работу. И Александр Петрович прилагает много сил и энергии, чтобы как-то разрешить эти проблемы. Мы помним, что его долголетние хлопоты по увеличению штата Комитета увенчались успехом: в 1897 г. число сотрудников увеличили сразу на 14 человек, но цифра эта ничтожна, если сопоставить ее с быстрым расширением географии и масштабом выполняемых исследований. Поэтому А. П. Карпинский не уменьшает давления на министерское начальство, но, увы, при его директорстве штаты Комитета больше не увеличивали.

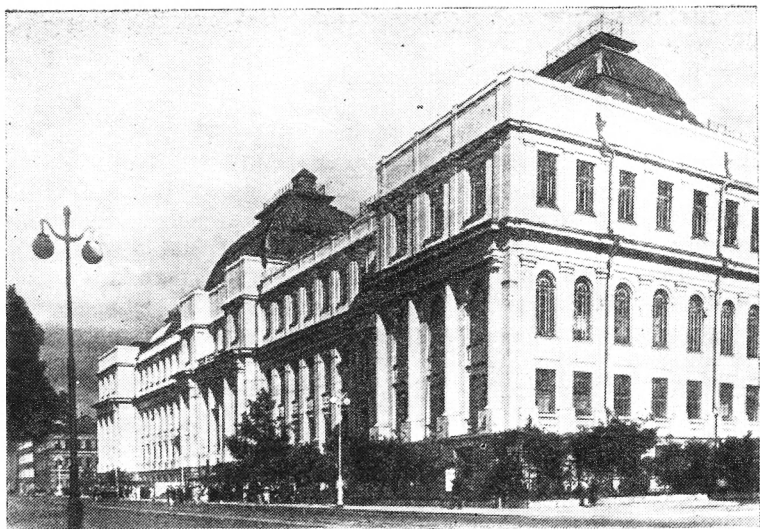
Заботила его и проблема помещения. Однако с этим было еще сложнее. Требовалось крупное разовое капиталовложение, а у «бедного» правительства денег никак не находилось. Александр Петрович пускал в ход даже «высшую дипломатию», когда попадал на званный обед

к великой княгине Ольге Александровне. Но и это не помогало... Деньги на строительство нового здания, специально предназначенного для Геологического комитета, «выбил» — именно выбил! — Ф. Н. Чернышев. В 1914 г. Комитет переехал в великолепный «Дворец геологии», до сего дня являющийся архитектурным украшением Среднего проспекта Васильевского острова. Но не будем забывать, что фундамент этого грандиозного мероприятия был заложен усилиями А. П. Карпинского.

В новом «Дворце геологии» Александр Петрович был самым желанным гостем. Увы, уже только гостем... Отход от активной работы неизбежно повлек и отдаление его от внутренней жизни и повседневных забот Комитета. Да и занятость в Академии наук не позволяла Александру Петровичу бывать в Комитете так часто, как ему хотелось бы. Единственное правило, которому он не изменял до последних дней пребывания в Ленинграде, это просмотр новых поступлений в Геолкомовскую библиотеку. Каждый вторник он неизменно приходил туда и подолгу листал свежие журналы и монографии.

Время шло, «старая гвардия», стоявшая у истоков геологической службы, постепенно выбывала из строя, а на смену ей приходили свежие, молодые силы геологов, для которых А. П. Карпинский был уже живой легендой Геолкома, его историей. И вот наступил день, когда из первого состава Геолкома в живых остался только он... Сколько утрат! Первым Комитет потерял В. Г. Ерофеева в 1884 г. В следующем (1885 г.) умирают Г. П. Гельмерсен и В. А. Домгер, в 1902 г. — И. В. Мушкетов; в том же году трагически гибнет Э. В. Толль; член Присутствия Комитета В. В. Докучаев умирает в 1903 г.; на следующий год Геолком теряет А. О. Михальского; Н. А. Соколов умирает в 1907 г., Ф. Б. Шмидт — в 1908, С. Н. Никитин — в 1909 г. Не дожив нескольких месяцев до переезда в новое здание, внезапно, в самом начале 1914 г., умирает Ф. Н. Чернышев. На следующий год не стало Л. И. Лутугина. В голодный 1919 г. умирают А. А. Иностранцев и Е. С. Федоров, а вслед за ними в 1920 г. сходит в могилу А. А. Краснопольский... Из близких А. П. Карпинскому людей — и близких, к тому же, по возрасту — в живых оставался только Н. Ф. Погребов. С ним и мог отвести он душу, когда бывал в своем родном Комитете.

Здание Геологического комитета (ныне ВСЕГЕИ) на Среднем проспекте Васильевского острова.

1 февраля 1920 г. состоялось торжественное заседание Присутствия Геологического комитета: отмечалась 38 годовщина его существования. Открывая это заседание, директор Комитета А. К. Мейстер сказал: «С чувством живейшего удовлетворения я хочу указать, что еще с нами и служит нам в нашей повседневной работе путеводной звездой тот идейный вдохновитель и главный руководитель всей деятельности Комитета в первую половину его существования, в так называемый героический период комитетской жизни, с именем которого связаны все геологические и научные завоевания Комитета — А. П. Карпинский, президент Российской Академии наук, почетный директор Комитета и член его Присутствия, *формально третий, по существу же первый директор Комитета*»¹⁶ (курсив мой, — С. Р.).

А через два года отмечали 40-летний юбилей Геологического комитета. Неизвестный автор написал бесхитрое стихотворение, которое на товарищеском ужине

¹⁶ Изв. Геол. комитета, 1920, т. XXXIX, с. 3.

распевали на мотив старой студенческой песни. Есть в нем и такие слова:

Пусть кипит в нем ключом
Вся премудрость наук,
Пусть сплотимся мы в нем
В тесный дружеский круг.¹⁷

Александр Петрович участвовал в этих торжествах, даже пытался подпевать своим молодым коллегам... Но вспоминался ему старый Геолком, Геолком первого десятилетия, когда не требовались призывы к сплочению в «тесный дружеский круг», ибо жили они одной семьей — теснее не бывает! И он вспоминал путь, который прошел Комитет за 40 лет. Срок немалый. Было, что вспомнить. Давайте вспомним и мы. Опустим только самый начальный период, который уже достаточно подробно описан (гл. 6, 7 и 8).

Основной задачей Комитета было составление 10-верстной геологической карты Европейской России. За первые 25 лет работы, т. е. к 1907 г., он вел интенсивные исследования в пределах 84 листов этой карты. Причем 30 из них уже были отсняты и еще 14 — почти отсняты. К 1907 г. была завершена съемочная работа на западном склоне и на значительной части Центрального Урала (А. П. Карпинский, Ф. Н. Чернышев, А. А. Краснопольский), в Тиманском кряже и в губерниях: Эстляндской, Московской, Костромской, Ярославской, Владимирской, Тамбовской, Орловской, Саратовской, Симбирской, Могилевской, Минской, Волынской, Херсонской, Полтавской, Екатеринославской, Келецкой, Радомской, Самарской, Уфимской, Пермской, Ставропольской, в области Войска Донского и др.

До 1891 г. все геологи Комитета работали исключительно на эту 10-верстную карту. Но с 1892 г. Геолком приступил к составлению детальных карт для отдельных промышленно важных районов. Была составлена подробная (на 60 листах) геологическая карта Донецкого каменноугольного бассейна в масштабе 1 верста в дюйме. Аналогичную карту пришлось сделать для Домбровского угольного бассейна. Еще более детальную — в полуверст-

---

¹⁷ ЛО ААН, ф. 265, оп. 3, д. 89, л. 2.

ном масштабе — карту вычертил для Криворожского железорудного района А. О. Михальский.

Из этих детальных работ следует выделить труд Л. И. Лутугина по Донецкому угольному бассейну. Начально этими работами руководил Ф. Н. Чернышев, но вскоре Урал и Заполярье поглотили все его время, да к тому же он убедился в исключительном трудолюбии и талантливости своего более молодого товарища. Л. И. Лутугин стал работать самостоятельно. Карту он делал прямо в поле — невиданное новшество для того времени. К тому же он разработал свой — лутугинский, как его стали называть впоследствии геологи-угольщики, метод картирования, заключавшийся в детальном, чаще всего послойном, прослеживании пластов угля и известняков и в детальном же стратиграфическом членении разреза. Он первым обратил должное внимание на палеофаунистику угленосных пластов, детально описал разрезы всех работавших в то время шахт. Поначалу такая методика работ вызывала скептические усмешки товарищей по Геолкому из-за излишней, как им казалось, скрупулезности. Но уже вскоре она получила всеобщее признание, а сам Л. И. Лутугин стал признанным авторитетом в угольной геологии. «Лаколичные справки с подписью Л. И. Лутугина, — справедливо отмечает А. В. Хабаков, — считались у горнопромышленников решающим документом в оценке выгоды тех или иных горных разработок».¹⁸

С постройкой Транссибирской железнодорожной магистрали, т. е. с 1890-х годов, Комитет начал исследование прилегающих к ней территорий. Были образованы три геологические партии: Енисейско-Минусинская, Ленская и Амурско-Приморская. Геологические маршруты вдоль этой магистрали, начатые с двух концов — из Западной Сибири и Уссурийского края, в 1894 г. сомкнулись на Байкале. В этих работах самое активное участие принимали К. И. Богданович, Н. К. Высоцкий, А. П. Герасимов, А. А. Краснопольский, В. А. Обручев, Л. А. Ячевский, П. К. Яворовский и другие геологи Комитета. В это же время велись интенсивные работы в золотоносных районах Сибири, по р. Лене (А. П. Ге-

---

¹⁸ Хабаков А. В. Деятельность Геологического комитета в России (1882—1917). — Тр. ин-та истории естествозн. и техники, 1959, т. 27, с. 155.

расимов, В. К. Котульский, А. К. Мейстер, В. А. Обручев, П. И. Преображенский и др.), в Забайкалье (А. А. Демин, Н. И. Свитальский, Г. И. Стальнов и др.), в Минусинском крае (Я. С. Эдельштейн) и т. д. В итоге Геолком смог опубликовать ряд выпусков «Геологических исследований и разведочных работ по линии Сибирской железной дороги», а также «Геологических исследований в золотоносных областях Сибири». И, конечно же, была издана геологическая карта Сибири, включая Туркестан.

С 1901 г. Комитет начинает систематические геологические исследования нефтеносных площадей Кавказа: ведутся работы в Дагестане, на Кубани и в Грозненском районе. Первое время здесь трудился К. П. Калицкий. К. И. Богданович осуществил маршрутные пересечения Кавказского хребта. С 1904 г. начали детальную съемку и поиски на Апшеронском полуострове. Здесь работали Д. В. Голубятников, И. М. Губкин и др. В 1908 г. приступили к картированию полуострова Челекен, а с 1910—1911 гг. поиски нефти велись еще в районах Ферганы и Прикаспия (К. П. Калицкий, В. Н. Вебер и др.).

С нефтяной проблемой связаны и промахи в работе Геолкома. Приходится вспоминать и об этом. «Неразработанность вопросов теории происхождения нефтяных залежей, — отмечает А. В. Хабаков, — сочетавшаяся у некоторых исследователей (например, у К. П. Калицкого и А. Н. Замятина) с чрезмерной осторожностью, переходящей в тормозящий дело скептицизм при оценке перспектив нефтеносности, явилась причиной крупнейшей неудачи маршрутно-поисковых обследований, организованных Комитетом в последующие годы в Приуралье и Поволжье. В этом важном вопросе Геологический комитет не поддерживал мнения своих давнишних сотрудников Г. Д. Романовского, А. П. Павлова, позднее И. М. Губкина, считавших Волжско-Уральскую область перспективной для бурения на нефть. Было признано правильным, — продолжает А. В. Хабаков, — и долгое время разделялось рядом членов ученого Присутствия во главе с К. П. Калицким мнение о целесообразности продолжения нефтепоисковых исследований в восточных частях Европейской России. Вследствие этого более чем на десятилетие запоздало издавна ожидаемое открытие и промышленное освоение огромной нефтеносной области, из-

Ф. Н. Чернышев (1856—1914).

вестной теперь под названием „Второго Баку“». ¹⁹ Нефтеносным же там оказался, в частности, артинский ярус — детище А. П. Карпинского.

Но и поисками нефти не ограничивались исследования Геолкома. Детальной геологической съемкой были покрыты золотоносные и платиноносные районы Урала, где работал Н. К. Высоцкий; детальной съемкой был покрыт Крымский полуостров (Н. А. Головкинский, Н. И. Андрусов, А. Е. Лагорио и др.). Н. А. Соколов составил крупномасштабные геологические карты окрестностей Москвы и Петербурга. Велись интенсивные работы и в Арктике: на Тимане, Новой Земле, Шпицбергене. Энтузиастами геологии Арктики были Ф. Н. Чернышев и Э. В. Толль.

Не забывал Геолком и о развитии гидрогеологических работ, которые велись главным образом в южных губерниях России (Н. А. Соколов). Обслеивались и источники питания важнейших рек Европейской России

---

¹⁹ Там же, с. 161.

(С. Н. Никитин). В 1906 г. Геологический комитет получил новое задание — организовать геологическое изучение источников минеральных вод Северного Кавказа. Эту работу с блеском провели А. П. Герасимов, а позднее — Н. Н. Славянов, В. П. Ренгартен, А. Н. Огильви и др.

Вот таков был спектр работ Комитета в первое 25-летие его существования. Силами 22 штатных сотрудников, которых до 1912 г. имел в своем составе Геолком, выполнялась на пределе физических возможностей вся эта громадная по объему работа. Ф. Н. Чернышев писал в 1907 г. в юбилейном отчете Геолкома: «Потребность в научных геологических основах при решении практических задач жизни становится все более ощутимой как правительственными учреждениями, так и промышленностью, и что выполнение широких задач, поставленных ограниченному персоналу Комитета, становится ему совершенно не под силу. Равным образом, — продолжает Феодосий Николаевич, — сколько бы ни старался Комитет, при теперешнем его ограниченном составе, сохранить в своих работах плановость, — этого ему достигнуть нельзя, так как жизнь не ждет и требует зачастую исследований такого рода и в таких районах, которые не могут быть предвидены никаким систематическим планом. *Только достаточный контингент геологов в Комитете мог бы обеспечить и исполнение исследований*»²⁰ (курсив мой, — С. Р.). Жизнь заставила все же пойти навстречу этим требованиям, и к 1914 г., т. е. к моменту переселения Геолкома в новое, специально для него построенное здание, он имел в своем составе уже около 140 сотрудников — цифра, в общем-то тоже ничтожная.

В новое здание переселился и Александр Петрович. На втором этаже ему отвели прекрасный просторный кабинет (№ 133) с фирменным, как бы мы сейчас сказали, геолкомовским столом, поражавшим посторонних лиц своими размерами, и большим числом коллекционных шкафов, где он хранил и свои старые образцы и образцы, присылавшиеся ему для диагностики. Уйдя из Геолкома, А. П. Карпинский не терял с ним связи. Он принимал самое живое участие в разработке перспективных планов геологических исследований, консультировал

---

²⁰ Изв. Геол. комитета, 1908, т. XXVII, с. 56—57.

и направлял работы по родному для него Уралу. К 1920 г. относятся теплые воспоминания о нем И. И. Горского, только начинавшего самостоятельный путь в науке. Ему было поручено составление крупномасштабной геологической карты угольных месторождений восточного склона Урала, где много лет тому назад работал А. П. Карпинский. За консультацией ему посоветовали обратиться к Александру Петровичу. Долго мялся И. И. Горский у его кабинета. Наконец робко постучал. Предоставим, однако, слово автору: «А. П. Карпинский принял меня не только любезно, но тепло и с живейшим интересом, когда он узнал, что буду работать в тех же местах, где около 35 лет тому пазад он сам производил исследования... Он не только все мне рассказал об условиях работы и о том, на что надо обратить особое внимание, но и передал мне свои неизданные материалы по данному району, содержащие его наблюдения, и что меня особенно тронуло, — это то, что, передавая мне один небольшой отчет, написанный от руки, он сказал: „Я вас очень прошу его не потерять, так как он написан рукой моей жены“. Такое доверие, сердечность, теплота отношения ко мне, человеку, только что им встреченному, меня поразила и взволновала чрезвычайно».²¹

Тревогу за рукопись, написанную рукой его жены, можно понять: еще не затянулась рана тяжелой утраты — Александра Павловна умерла в 1918 г., и он очень тяжело переживал эту потерю, ибо потерял не только жену, мать его детей и бабушку его внуков, но и лишился верного друга и помощника, с кем дружно и ладно прожил 46 лет.

Бывая в 20-х годах в своем родном Геолкоме, Александр Петрович убеждался в том, что новый состав геологов, новое его руководство верно восприняло традиции тех, кто когда-то начинал все на ровном месте. За эти годы заметно вырос уровень геологической науки, и немалая заслуга в этом ученых Комитета! Открыта масса месторождений полезных ископаемых и значительная их часть — усилиями геологов Комитета! Сам он еще в 1900 г. говорил: «Смотря совершенно объективно на деятельность Геологического комитета, нельзя не видеть, что основание его отразилось на повышении общего уровня

---

²¹ ЛО ААН, ф. 265, оп. 2, д. 51, л. 1—2.

наших исследований... Коллективно выработанный общий план работ, обставленных определенными требованиями, обязательный обзор всех литературных источников, точное обособление фактических данных и выводов, обязательный характер научной обработки материалов, сохранение последних на вечные времена, как оправдательных документов, доступных для общего пользования и т. п., конечно, должны были сильно повысить минимальные требования от научных геологических работ». ²² Вот таков был стиль работы при А. П. Карпинском. Таким он видел его и в последующие годы. И это искренне его радовало.

---

²² Карпинский А. П. Собр. соч., т. IV. М.—Л., 1949, с. 404.

Часть третья

«Академия наук была для него родной и своей...»

Глава 13. Избрание в Академию наук. Палеогеографические и палеотектонические реконструкции

В 1886 г. А. П. Карпинского единогласно избирают в Академию наук, присвоив ему поначалу звание адъюнкта. Ему неполных сорок лет, и он уже второй год возглавляет Геологический комитет и почти 10 лет — кафедру в Горном институте, и вроде звание адъюнкта (помощника, или ассистента академика) ему не очень под стать, но таковы порядки в Академии: для того чтобы получить полного или ординарного академика, надо еще пройти через ступени адъюнкта и экстраординарного академика.

Академию наук в те годы возглавлял граф Д. А. Толстой, назначенный на этот пост 25 апреля 1882 г. вместо умершего Ф. П. Литке, известного мореплавателя и путешественника, одного из основателей и бессменного президента Русского географического общества. Граф Д. А. Толстой «по совместительству» был еще и министром внутренних дел, и шефом жандармов. Надо сказать, что последние две должности были более сродни его натуре ярого реакционера, одного из вдохновителей печально знаменитого университетского устава 1884 г., полностью уничтожившего университетскую автономию.

Академия наук жила еще по уставу 1836 г. и внутри отделений структурировалась по кафедрам. Кафедра геологии этим уставом не предусматривалась. Вместо упраздненной кафедры географии и навигации была создана кафедра геогнозии и палеонтологии, которую с 1844 г. занимал Г. П. Гельмерсен, а после его смерти в 1885 г. — Ф. Б. Шмидт. Была еще и кафедра с оригинальным названием — кристаллографической ориктогнозии, которую возглавлял Н. И. Кокшаров, а также кафедра ориктогно-

зии и минералогической химии, более 30 лет руководимая Г. В. Абихом. Но в год избрания А. П. Карпинского тот скончался. Таким образом, в конце 80-х годов геологические науки в Академии представляли всего трое ученых: Н. И. Кокшаров, Ф. Б. Шмидт и А. П. Карпинский. Да и вообще, надо сказать, Академия не очень-то жаловала геологов. Александр Петрович был всего восьмым представителем от этой науки, избранным в Академию со дня ее основания. И это за 160 лет! Кто же они, его предшественники?

Это А. К. Шлигельмилх, избранный 14 декабря 1808 г. на кафедру минералогии; А. Т. Купфер, который стал академиком 27 августа 1828 г., также по кафедре минералогии; уже упомянутый нами Г. П. Гельмерсен возглавлял кафедру геогнозии и палеонтологии с 3 февраля 1844 г.; почетный академик Р. И. Мурчисон, выбранный 21 сентября 1845 г.; Г. В. Абих, академик с 8 января 1853 г., и Н. И. Кокшаров, избранный 2 июня 1855 г.; за 14 лет до А. П. Карпинского адъюнктом Академии становится Ф. Б. Шмидт (с 7 января 1872 г.)... И все! И хотя они геологи хорошо известные, ученые с мировыми именами, по так уж мало было их в Академии, что ни создать школы, ни выработать традиций, которым бы следовали их преемники, они не могли.

Конец 70-х — начало 80-х годов было тяжелым временем для Академии наук. Шла ожесточенная борьба между академиками старой школы, отстаивавшими уже закоснелые порядки николаевской эпохи, и вновь избранными из либеральных университетских профессоров, привнесших в Академию свободолобивый и независимый дух университетского устава 1863 г. Борьбу эту нельзя представлять единоборством двух партий — немецкой и русской, что нередко изображают в литературе по истории Академии наук, ибо, как справедливо заметил еще Г. А. Князев [71], среди академиков были и либеральные немцы и консервативные русские. Шла та же борьба, что и в российских университетах в преддверии «драконовского» устава 1884 г.

В начале 80-х годов в Академии наук произошло событие, всколыхнувшее всю российскую интеллигенцию: на выборах забаллотировали гениального русского химика Д. И. Менделеева. С протестами выступили академики А. С. Фаминцын и А. М. Бутлеров. Поднялась

невообразимая газетная шумиха. Авторитет Академии, несомненно, упал. История эта достаточно хорошо известна. Подробнейшим образом ее описали Г. А. Князев¹ и Н. А. Фигуровский.² Суть ее в общем-то проста, и рассматривать ее следует вкупе с тем «психологическим климатом», который в то время сложился в Академии. Климат же этот определялся, как мы уже отметили, непрекращавшейся борьбой старой академической гвардии с проникавшей в Академию либеральной университетской профессурой, и история с Д. И. Менделеевым была лишь одним из проявлений этой борьбы. Нельзя сбрасывать со счетов весьма малочисленный состав академиков (чуть более 40 человек), которые прекрасно друг друга знали, жили одной, хоть и не очень дружной, семьей и потому не желали, чтобы она пополнилась человеком с «весьма неудобным» характером, которым, как хорошо известно, был наделен Д. И. Менделеев.

Непременный секретарь Академии К. С. Веселовский вспоминал впоследствии: «Академик Бутлеров, бывший в то же время и профессором университета, вел постоянно открытую войну против Академии и в угоду своим университетским товарищам не раз пытался провести Менделеева в академики, вопреки желанию большинства членов физико-математического отделения».³ «Большинство», однако, было сомнительным, ибо уже первая баллотировка Д. И. Менделеева физико-математическим отделением 11 ноября 1880 г. дала перевес всего в один «черный шар» (9:10).

После смерти А. М. Бутлерова в 1886 г. А. С. Фаминцын вновь поднял вопрос об избрании в академики Д. И. Менделеева. Но его кандидатуру физико-математическое отделение даже не обсуждало. А. С. Фаминцын, возмущенный такой реакцией своих коллег-академиков, пишет докладную записку президенту Академии Д. А. Толстому. В ней он, в частности, указал, что «главным доводом непригодности Менделеева на академическое кресло приводят его бурный неудобный нрав».⁴

¹ Князев Г. А. Д. И. Менделеев и Императорская Академия. — Вестн. Акад. наук, 1931, № 3, с. 27—34.

² Фигуровский Н. А. Дмитрий Иванович Менделеев (1834—1907). М., 1961. 308 с.

³ Князев Г. А. Д. И. Менделеев..., с. 27.

⁴ Там же, с. 33.

Неприглядный, цинично откровенный, но зато простой подход: удобный характер — будет академиком, неудобный — обойдется без Академии. Вклад же в науку при такой аргументации, разумеется, не обсуждался.

А. П. Карпинский был в курсе этих событий и, конечно же, был на стороне Д. И. Менделеева, ибо для него всю жизнь интересы науки, или, как он любил говорить, интересы Истины, были превыше всего и уж, конечно, превыше личных качеств ученого. Александр Петрович весьма сочувствовал и А. С. Фаминцыну, все усилия которого в этом деле оказались напрасными. Вот записка, которую А. П. Карпинский написал А. С. Фаминцыну.

Многоуважаемый Андрей Сергеевич. Я заходил к Вам в воскресенье в 4-м часу, но не застал Вас дома. Дело Дмитрия Ивановича окончательно проиграно. Комиссии было сообщено от имени председателя, что в случае представления Дмитрия Ивановича, представлению этому не будет дано дальнейшего хода. Сообщая Вам об этом прискорбном обстоятельстве, остаюсь искренно Вас уважающий А. Карпинский [71, с. 53].

Так закончилась эта печально знаменитая история. К. А. Тимирязев писал впоследствии: «Академия, не имевшая в своих рядах ни Менделеева, ни Ценковского, ни Сеченова, ни Столетова, ни Лебедева, а еще недавно расставшаяся с Федоровым, такая Академия все равно что не существует для русского народа».⁵ Заключение мрачное, но несправедливое, а в отношении Е. С. Федорова — еще и неверное, ибо не Академия «рассталась с Федоровым», а тот с Академией (об этом см. гл. 14). Да, Академия, к большому сожалению, не имела в своих рядах ни Д. И. Менделеева, ни И. М. Сеченова, ни многих других великих русских ученых, но в то же время ее украшали имена В. Я. Буняковского, П. Л. Чебышева, А. М. Бутлерова, А. М. Ляпунова, А. А. Маркова и многих других корифеев мировой науки. Добавим, наконец, что ее украшало и имя А. П. Карпинского.

Вернемся, однако, к его избранию в Академию наук. Известно, что еще до 1886 г. Ф. Б. Шмидт дважды предлагал Александру Петровичу баллотироваться в Академию, но он оба раз отказывался. Академия наук была для А. П. Карпинского святыней, и стать ее членом он, безусловно, мечтал, но хотел прежде заявить о себе своим личным и серьезным вкладом в геологическую на-

⁵ Тимирязев К. А. Собр. соч., т. IX. М., 1939, с. 407.

уку. К этому времени уже был открыт артинский ярус, была создана его концепция «переходных слоев», но это, с его точки зрения, было недостаточным. И лишь когда с созданием Геологического комитета он возглавил фундаментальные по своим масштабам исследования по составлению геологической карты Европейской России, дал свое согласие представлявшим его академикам.

Однако все ли академики физико-математического отделения знали А. П. Карпинского как ученого-геолога? Как-то они отнесутся к его кандидатуре? К. С. Веселовский, как неприменный секретарь, был обязан представить академикам, хотя бы заочно, нового кандидата. В архиве К. С. Веселовского Г. А. Князев обнаружил его записку на французском языке, адресованную одному из академиков, где он, между прочим, писал: «Что касается кандидатуры Карпинского, могу Вам сказать, что президент (Д. А. Толстой, — *С. Р.*) не только дал на нее свое согласие, но и весьма ею интересуется, будучи убежден в громадной важности для Академии принять в свою среду директора Геологического комитета, учреждения, которому поручено давать направление всем геологическим работам в России и к делам которого Академия не может остаться индифферентной. Также можно надеяться, что все, кто понимает настоящие интересы Академии, дадут голос г-ну Карпинскому» [71, с. 52—53]. Записка эта написана в 1885 г.

В конце того же года академики Ф. Б. Шмидт, Н. И. Кокшаров, Г. И. Вильд и А. В. Гадолин подготовили текст необходимого по уставу «представления». В нем отмечались разносторонние интересы А. П. Карпинского как ученого-геолога, утверждалось, что он «один из лучших, если не лучший» знаток геологии России и к тому же истинный труженик науки, не отвлекаемый «ничем иным». 7 января 1886 г. это представление было зачитано академикам физико-математического отделения, а 7 февраля того же года — на Общем собрании Академии А. П. Карпинского избрали единогласно! 1 мая 1886 г. министр народного просвещения, статс-секретарь И. Д. Делянов сообщает графу Д. А. Толстому, что министерство утвердило адъюнктом Академии «Карпинского 5го» со дня избрания его Общим собранием.⁶

⁶ ЦГИА, ф. 733, оп. 121, д. 970, л. 263.

Итак, Александр Петрович — адъюнкт Академии наук по геологии. Отныне вся его жизнь до самого последнего часа связана с нею. Ей он отдаст впоследствии все силы своего таланта ученого и свои выдающиеся организаторские способности. 3 мая 1886 г. в первый раз появляется его подпись под протоколом Общего собрания. Пока эта подпись последняя в протоколе, ибо порядок подписей соответствовал старшинству избрания. Но уже к концу года «под ним» расписывались К. Г. Залеман, А. А. Марков и другие молодые адъюнкты.

А. П. Карпинский не задержался в адъюнктах. Уже 20 декабря 1888 г. Ф. Б. Шмидт зачитал физико-математическому отделению «Представление адъюнкта А. П. Карпинского в экстраординарные академики». Эту бумагу подписали также Н. И. Кокшаров, А. В. Гадолин, Г. И. Вильд и Ф. Ф. Бейльштейн, избранный в Академию на вакансию Д. И. Менделеева. 17 января 1889 г. А. П. Карпинский единогласно избирается физико-математическим отделением, а 4 марта того же года — Общим собранием Академии. Результат баллотировки (29:0) становится для него типичным. Оставалась всего одна ступень до полного (или ординарного) академика. Он ее блестяще преодолевает 17 апреля 1896 г., когда Общее собрание Академии опять же единогласно присваивает ему это звание. От имени академиков Ф. Б. Шмидта, Н. Н. Бекетова, А. О. Ковалевского, Ф. Ф. Бейльштейна и своего собственного А. П. Карпинского представил П. В. Еремеев, старый его учитель еще по Горному институту.

Одно событие заставляет нас все же вернуться на 10 лет назад. Событие это связано с превосходной традицией, существовавшей в Академии наук: каждый вновь избранный в Академию должен был произнести речь на Общем собрании академиков по одному из проблемных вопросов своей науки. Александр Петрович избирает сложнейшую и совершенно не разработанную тогда тему. Он рассказывает академикам о последовательном — за многие десятки миллионов лет — изменении геологических условий, господствовавших на громадной территории Европейской России. На торжественном публичном заседании Академии наук 29 декабря 1886 г. он выступает с речью «О физико-географических условиях Евро-

пейской России в минувшие геологические периоды», которая, по оценке последующих поколений геологов, составила целую эпоху в развитии геологической науки. Ее новизна и необычность состояли не только в масштабах (временных и пространственных) нарисованной картины, но главным образом в том, что А. П. Карпинский впервые — и весьма успешно! — применил эволюционную теорию для воссоздания изменения геологических условий, построив целую серию палеогеографических карт. Такого исследования, как отмечал много лет спустя академик Н. С. Шатский, «не было ни в нашей, ни в мировой литературе».⁷ «Исторический анализ, произведенный А. П. Карпинским для такой большой территории, как Европейская Россия, — заключает М. М. Тетяев, — был крупнейшим вкладом в мировую литературу того времени, давшим не только конкретный материал этих явлений, но и методику их изучения» [144, с. 19]. Далее М. М. Тетяев отмечает, что «значение взглядов А. П. Карпинского состоит не только в установлении смен различных бассейнов, но и в признании непрерывной изменчивости очертаний береговых линий, т. е. непрерывного перераспределения суши и моря» [там же].

Обратимся, однако, к самому докладу Александра Петровича. Изменение условий, существовавших на Русской равнине и ее обрамлении в каждый из геологических периодов фанерозоя, — сложный и длительно развивающийся геологический процесс, познать который можно только в историческом аспекте, последовательно воссоздавая сложную мозаику изменения морских и континентальных условий. Проблему эту призвана решать историческая геология. «То, что по отношению к современному состоянию земли составляет предмет изучения лиц весьма различных специальностей, — говорит А. П. Карпинский, — то по отношению к минувшим временам стремится выяснить историческая геология».⁸

Так он начинает свой доклад. На стендах развешаны вычерченные им палеогеографические карты. (Правда,

---

⁷ Шатский Н. С. Развитие геологии и геологических исследований в Академии наук. — В кн.: Очерки по истории Академии наук. Геол.-геогр. науки. М.—Л., 1945, с. 25.

⁸ Карпинский А. П. Очерк физико-географических условий Европейской России в минувшие геологические периоды. — Зап. Акад. наук, 1887, т. 55. Приложение № 8, с. 1.

сам он еще не называл эти схемы «палеогеографическими». К этому термину он прибегнул в 1919 г., когда эта статья была переиздана. Термин же «палеогеография» ввел в науку выдающийся русский геолог Н. А. Головкинский еще в 1870 г.,⁹ а 18 лет спустя его стал употреблять и товарищ А. П. Карпинского по Геолкому С. Н. Никитин, так что он был известен докладчику. Но, очевидно, он еще не привык к новому для него слову и не использует его, хотя метод исследования был палеогеографическим). Висела и нарисованная им от руки 60-верстная геологическая карта Европейской России, которую он изготовил для лекций по исторической геологии в Горном институте.

И все же, с какого геологического рубежа следует начать этот ретроспективный рассказ? Очевидно, с того, который представлен достаточно разнообразной фауной, являвшейся к тому же и единственным тогда мерилom «геологического времени». Александр Петрович не разделяет точку зрения многих геологов на то, что метаморфизованные докембрийские образования являются «первичными, образованными в таком виде, в каком мы их наблюдаем». Многие из них, по его мнению, изначально были типичными осадочными породами с несомненно содержащейся в них фауной. А «известный нам древнейший, так называемый кембрийский органический мир отделяется от действительного первобытного населения земли промежуток времени, не меньшим, чем промежуток, протекший от кембрийского периода до настоящего времени»,¹⁰ — резонно заключает А. П. Карпинский.

Геологам была уже известна общая закономерность хода геологической истории, когда древнейшие, т. е. докембрийские, образования либо стерты с лица земли, либо настолько сильно изменены постседиментационными процессами, что воссоздать их первичный облик и условия образования (при полном, к тому же, отсутствии фауны) не представлялось возможным. Отсюда и вывод А. П. Карпинского о разделении всего геологического этапа развития земли на два периода: исторический и до-

---

⁹ Ромаповский С. И. Вклад Н. А. Головкинского в развитие геоморфологии в нашей стране. — Геоморфология, 1978, № 3, с. 112—117.

¹⁰ Карпинский А. П. Очерк физико-географических условий..., с. 3.

исторический (докембрийский — в таком толковании). И второе заключение, вытекающее из только что сделанного вывода — нижней временной границей исторической геологии является кембрийский период, с которого и можно проследивать относительно достоверную картину геологической эволюции Европейской России: смену эпох трансгрессий и регрессий моря, изменение органического мира и последовательную смену характерных комплексов пород.

И Александр Петрович в популярной форме — ведь его слушатели в подавляющей массе не геологи — разворачивает перед академиками захватывающую картину изменения «геологического лика» Европейской России за много миллионов лет ее истории. Он не скрывает от аудитории, что нарисованная им картина — всего лишь рабочая гипотеза, правда, подкрепленная известными в то время фактами. Но он полагает, что геология уже подошла к тому рубежу, когда от накопления (порой бессистемного) фактического материала надо переходить к его обобщению, к построению на его основе схем эволюции земной коры, ибо наука начинается там, где от описания переходят к выводам, а от сбора фактов — к их синтезу в рамках какой-либо рабочей гипотезы. «Хотя уровень наших геологических знаний о России не позволяет сделать еще вполне безупречные выводы, — говорит в свойственной ему манере А. П. Карпинский, — но из этого еще не следует, чтобы геолог должен был воздерживаться от подобных обобщений: если они согласны со всеми известными данными или, по крайней мере, с некоторыми из них, не противореча остальным, то обобщения эти принесут пользу, давая указания для направления дальнейших исследований. Если же подобные выводы не верны, то первый идущий в разрез с ними факт положит предел их существованию».¹¹

Мысль эта проста и естественна, но чтобы следовать ей, т. е. решиться — именно решиться! — на столь глобальные обобщения, надо было действительно владеть — и владеть активно — всем тем громадным материалом, который к тому времени был накоплен соединенными усилиями русских геологов. Александр Петрович знал этот материал в совершенстве. Недаром представлявшие его

---

¹¹ Там же, с. 6.

в адъюнкты Академии наук ученые называли А. П. Карпинского «одним из лучших, если не лучшим знатоком геологии России».

Однако для таких обширных ретроспективных построений, за которые взялся А. П. Карпинский, мало быть даже «лучшим знатоком» геологического материала. Надо было обладать мощным аналитическим умом, чтобы хорошо известную разнородную грудку фактов связать в единую целостную картину хода геологической истории. Причем связать так, чтобы была ясна и мотивирована смена одних эпох другими, чтобы нашли логичное объяснение накоплению мощных каменноугольных толщ в один геологический период и мощных же соленосных разрезов в период последующий. И так далее.

Картину геологических изменений, происшедших на громадных пространствах Европейской России за последние 500 с лишним миллион лет (цифра эта, конечно, А. П. Карпинскому в 1887 г. была неизвестна), Александр Петрович рисует с помощью серии палеогеографических карт, построенных им для каждого из периодов фанерозоя. Мы не будем описывать эти карты, которые за прошедшие почти сто лет, конечно же, сильно обновились, а остановимся на отдельных, не утративших своей свежести и сегодня, мыслях автора.

А. П. Карпинского заинтересовала удивительная видовая изменчивость фауны, населявшей обширное раннедевонское море, несмотря на различия фациальных условий в разных частях этого бассейна. Он говорит по этому поводу: «Жившая в нем фауна, несмотря на далекое окружное сообщение его с бассейном Западной Европы, представляет большое сходство со свойственным последнему населением. Такое сходство, не уменьшающееся для Приуралья и в течение средней и позднедевонской эпох, нередко является поразительным».¹² Вообще, он придает большое научное значение изучению девонских осадков, столь различных в разных частях Европы. «Нашу среднедевонскую область по ее особенностям хотя нельзя отнести к самостоятельной геологической провинции (т. е. зоогеографической области), но она представляет более крупный хронологический отдел, чем то, что мы называем фацией, отдел, который в гео-

---

¹² Там же, с. 10.

логий еще не получил особого названия... Если прибавим к этому, — продолжает Александр Петрович, — что среднерусские девонские отложения представляют совмещение осадков двух западноевропейских типов (так называемого девонширского и древнего красного песчаника), одновременность которых была впервые фактически доказана именно в России, то можно сказать, что наши девонские осадки представляют действительно исключительный научный интерес».¹³

Интерес к девонским осадкам для А. П. Карпинского усиливался еще и тем, что в пределах их распространения проходила выделенная в свое время Р. Мурчисоном его знаменитая «девонская ось», которая якобы делила всю Русскую платформу на два бассейна — северный (Московский) и южный, простиравшийся до каменноугольных отложений Донецкой области. Сам Р. Мурчисон ценил открытие этой «девонской оси» наравне с открытой им же пермской системой. А. П. Карпинский же показал, что никакой «девонской оси» (по крайней мере, в понимании Р. Мурчисона, т. е. в виде антиклинального перегиба девонских слоев в районе Дона) не существует, а девонские слои в направлении с севера на юг все более удревляются.

Александр Петрович придерживался таких воззрений и во все последующие годы своей жизни, хотя некоторые геологи (С. Н. Никитин, В. Д. Соколов и др.) стояли на позиции Р. Мурчисона. В дальнейшем эту идею А. П. Карпинского активно поддерживал и развивал А. Д. Архангельский. В конечном итоге к началу 20-х годов восторжествовала позиция А. П. Карпинского, что было важно при постановке разведочных работ на Курской магнитной аномалии. Однако позднее было установлено, что антиклинальный перегиб все же существует, но значительно южнее, чем указал Р. Мурчисон. «Следовательно, — пишет по этому поводу Н. С. Шатский, — Р. Мурчисон был прав в своем общем выводе об антиклинальной ундуляции между Московским и Донецким бассейнами, но он неверно определил ее положение, против чего и возражал А. П. Карпинский» [165, с. 42], справедливо доказав, что «девонской оси» там, где ее указал Р. Мурчисон, не существует.

---

¹³ Там же, с. 13.

Столь же обстоятельно рассматривает А. П. Карпинский и осадки каменноугольной системы и в особенности разрезы Донецкого бассейна. В приложении к этой статье, переизданной, как уже отмечалось, в 1919 г., он писал, что «изучение Донецких отложений, по их особенному характеру, может составить эпоху в истории развития геологических знаний».¹⁴ Этот его прогноз блестяще подтвердился!

Нарисовав картину медленной и постепенной геологической эволюции территории Европейской России, Александр Петрович в заключение доклада ставит резонный вопрос — ну, а чем же интересно настоящее время? Продолжается ли эта эволюция или она уже завершилась? И сам же дает ясный и справедливый ответ: «Поверхность России продолжает изменяться и в настоящее время с той же медленностью, с которой вообще совершаются подобные, ускользающие от внимания большинства, изменения».¹⁵

Вот так закончил А. П. Карпинский свое первое публичное выступление перед академической аудиторией. Что же нового для геологической науки содержала эта популярная по форме, но чрезвычайно насыщенная фактами и мыслями речь?

Прежде всего Александр Петрович доказал двухъярусное строение Русской платформы (кристаллический фундамент плюс осадочный чехол). Во-вторых, обосновал — впервые он это сделал еще в 1883 г. — наличие на юге России «зачаточной кряжевой полосы». В-третьих, дал детальный структурный анализ среднерусского девонского поля, определив его тектоническую природу. И, в-четвертых, эта работа способствовала дальнейшему развитию уже популярной в то время теории геосинклиналей, ибо А. П. Карпинский на примере спокойной, консолидированной области, названной им впоследствии, согласно терминологии французских геологов, платформой, впервые показал не только эволюцию ее геологического развития за огромный промежуток времени, но и вскрыл характер протекавших при этом процессов, которые в пределах

---

¹⁴ Карпинский А. П. Очерки геологического прошлого Европейской России. Пгр., 1919, с. 48.

¹⁵ Карпинский А. П. Очерк физико-географических условий..., с. 33.

платформы развиваются, естественно, иначе, чем в подвижных областях.

Итак, эта и последующая палеогеографическая работа А. П. Карпинского, на которой мы еще остановимся, оказали решающее влияние на развитие палеогеографических исследований Русской платформы. Установленные им общие закономерности геологической эволюции этого региона были незыблемыми в течение нескольких десятилетий. Детализировались и уточнялись лишь палеогеографические карты отдельных геологических периодов и эпох. Так, А. П. Павлов составил позднее детальную палеогеографическую карту всей платформы для раннемелового времени, А. Н. Розанов — для поздней юры, Н. И. Андрусов — для третичного периода, Ф. Н. Чернышев — для каменноугольного, А. В. Нечаев — для пермского. Продолжает уточняться палеогеография этой территории и в настоящее время.

В 1894 г. выходит из печати вторая широкоизвестная палеогеографическая и одновременно тектоническая работа А. П. Карпинского «Общий характер колебаний земной коры в пределах Европейской России»,¹⁶ в которой он дает отчетливую тектоническую интерпретацию смене морских и континентальных условий, господствовавших в Европейской России в разные геологические периоды, используя представления о колебательных движениях земной коры. «Можно без преувеличения сказать, — писал по этому поводу М. М. Тетяев, — что основы этого учения (о колебательных движениях земной коры, — *С. Р.*) были заложены А. П. Карпинским в упомянутой статье» [144, с. 20]. Справедливости ради, однако, следует сказать, что представление о господствующей роли колебательных движений при формировании слоистой структуры осадочных толщ, накапливающихся при миграциях береговой линии бассейна седиментации, т. е. при трансгрессиях или регрессиях моря, было развито еще в 1868 г. выдающимся русским геологом Н. А. Головкинским.¹⁷ Н. И. Николаев, посвятив истории этой проблемы специальное исследование, отмечает, что А. П. Карпинский в своих заключениях о роли колебательных движений в создании и

---

¹⁶ Изв. Акад. наук, V сер., 1894, т. 1, № 1, с. 1—19.

¹⁷ Романовский С. И. Николай Алексеевич Головкинский (1834—1897). Л., 1979. 191 с.

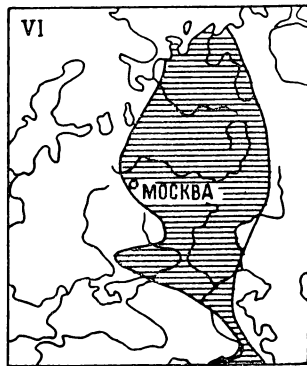
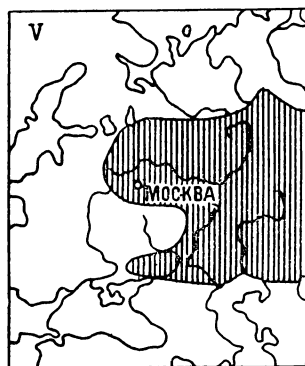
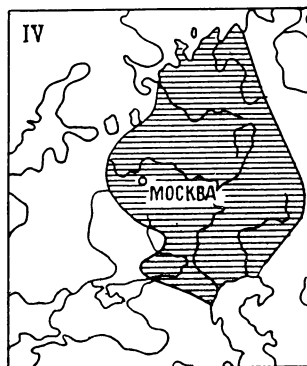
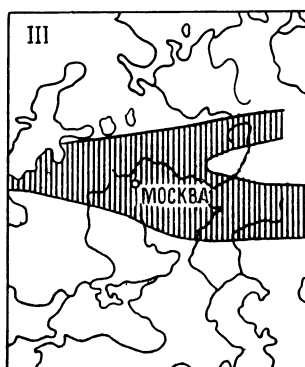
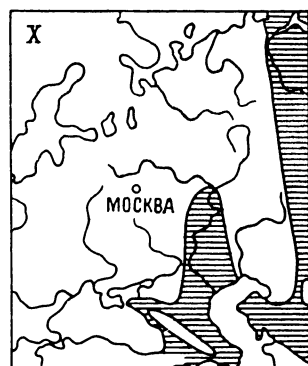
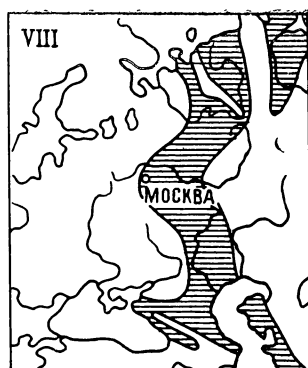
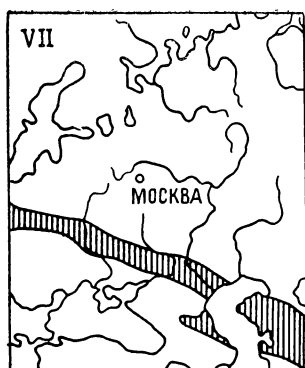

Рис. 6. Палеогеографические схемы, иллюстрирующие распределение

суши и моря в пределах Европейской России по периодам фанерозоя.

развитии геологических структур и рельефа земной поверхности приближается к аналогичным выводам Н. А. Головкинского, сделанным на 25 лет раньше.¹⁸ Поэтому заслуга А. П. Карпинского не в том, что он представил теорию колебательных движений «в законченном виде» (М. М. Тетяев), а в том, что он первым приложил ее к анализу громадного фактического материала по всей территории Европейской России и вскрыл с ее помощью целый ряд важнейших, неизвестных ранее закономерностей.

Это новое капитальное обобщение А. П. Карпинского первыми услышали члены физико-математического отделения Академии наук 8 декабря 1893 г. Не прошло и месяца, как Александру Петровичу пришлось повторить свое сообщение на открывшемся в Москве IX Съезде русских естествоиспытателей и врачей. Съезд этот надолго запомнился делегатам глубоким и интересным докладом А. П. Карпинского и яркой речью К. А. Тимирязева «Праздник русской науки», которую он произнес как приветствие от Московского университета. Речь эта — настоящий гимн естествознанию. «Если тот век, в котором мы живем, — говорил Климентий Аркадьевич, — принадлежит естествознанию, то этот день принадлежит русскому естествознанию, той у нас отрасли науки, в которой русская мысль всего очевиднее зацвела своею зрелостью и творческой силой».¹⁹ Эту «зрелость и творческую силу» и продемонстрировал А. П. Карпинский в своем докладе.

Что же представляла из себя эта новая капитальная — но не по объему, а конечному результату — работа А. П. Карпинского? Ее он выполнил с целью объяснения тех закономерностей распределения суши и моря в пределах Европейской России в разные геологические периоды, которые были впервые им установлены в только что разобранный нами статье 1887 г. Главная движущая сила, управляющая трансгрессиями и регрессиями моря, — колебательные движения земной коры, направленность которых и восстанавливается с помощью последовательной (по периодам) серии палеогеографических

---

¹⁸ Николаев Н. И. История развития основных представлений в геоморфологии (очерк первый). — В кн.: Очерки по истории геологических знаний. Вып. 6. М., 1958, с. 3—96.

¹⁹ Дневник X съезда русских естествоиспытателей и врачей. М., 1894, с. 10.

карт. «В настоящее время никто не сомневается, — начинает свою статью А. П. Карпинский, — что поверхностные массы земли, или так называемая земная кора, не находятся в спокойном состоянии».²⁰ Он, как известно, придерживался контракционной гипотезы, а потому и причины колебаний коры интерпретировал с ее позиций. Но не это главное в его работе. Главное — те закономерности, которые не утратили своей ценности и в наши дни. Закономерности эти касаются распределения морских бассейнов в пределах Европейской России. Причем Александр Петрович верно подметил, что палеогеографические карты «дают или максимальное распространение бассейна или чаще, так сказать, коллективное изображение, соединяющее в одно очертание все площади, бывшие под уровнем моря в те или другие части данного периода».²¹ Поэтому по этим картам нельзя, конечно, судить о динамике роста или затухания трансгрессии, а можно лишь представлять некую осредненную картину за 10—12 млн. лет. Но и такая точность палеореконструкций оказывается достаточной, чтобы восстановить контуры бассейнов осадконакопления, устойчиво сохранявшихся на протяжении длительного геологического времени. Таких крупных бассейнов оказалось на территории Русской платформы два: один — широтного и второй — субмеридионального протирания.

«Понижения земной коры, — пишет Александр Петрович, — вызывающие такое распределение бассейнов в широтном направлении, обнимают среднюю и южную части Европейской России; меридиональные понижения располагаются в ее восточной части».²² В современном рельефе эти направления как бы контролируются горными системами Кавказа и Урала. Контуры бассейнов наглядно изображены на приложенных к этой статье А. П. Карпинского палеогеографических картах (рис. 6).

Как же он объясняет их образование? «В пределах части земной поверхности, занятой в настоящее время Европейской Россией, — заключает А. П. Карпинский, — происходили последовательные колебания земной коры

²⁰ Карпинский А. П. Общий характер колебаний земной коры в пределах Европейской России. — Изв. Акад. наук, V сер., 1894, т. I, № 1, с. 1.

²¹ Там же, с. 3—4.

²² Там же, с. 4.

через смену понижений в широтном направлении с опусканиями меридиональными. Такие медленные, так сказать, волнообразные колебания не касались лишь северо-западной части России, где массив, состоящий из древнейших кристаллических образований и представляющий так называемый горст, являлся настоящим оплотом, или буфером, около которого, как около неподвижной оси, совершались перемещения упомянутых понижений и повышений».²³ Вот такую трактовку дает А. П. Карпинский. Конечно же, ее нельзя назвать генетической или палеодинамической реконструкцией, в строгом смысле слова, поскольку здесь не вскрыт механизм описываемых явлений и не раскрыта причина смены широтных и долготных устойчивых опусканий. Скорее это можно назвать феноменологическим описанием подмеченных закономерностей в распределении морских бассейнов. Да и само их распределение Александр Петрович, со свойственными ему скромностью и осторожностью, не считает установленным окончательно.

«Я не хочу высказать здесь по поводу этих направлений почти готовое, хотя в настоящее время еще очень рискованное обобщение, — пишет он в заключение своей статьи, — но думаю, что недалеко то время, когда местные дислокации будут связаны с универсальными и, через посредство последних, — между собой. Тогда при существующей причинной связи между этими явлениями и трансгрессиями при теперешней все большей и большей тщательности и детальности изучения в хронологическом и хорологическом отношении осадочных толщ и заключающихся в них органических остатков геологическая история, по крайней мере, последних, послеархейских ее периодов представит нам стройное целое...».²⁴ Прекрасное заключение! И верное понимание процесса познания. Но этот процесс, всегда более длительный и сложный, чем того хотелось бы исследователям, не дает нам право и сегодня сказать, что фанерозойский этап геологической истории Русской платформы и ее складчатого обрамления ясен нам «до конца», и мы можем представить его в виде целостной и стройной генетической теории.

Любопытная деталь. Очевидно, уже в те годы, т. е. на

---

²³ Там же, с. 17.

²⁴ Там же, с. 19.

рубеже XIX и XX вв., ученые задумывались над тем, что одними вертикальными перемещениями земных масс не объяснить сложнейшую мозаику тектонических структур. Начали говорить о горизонтальных смещениях отдельных блоков коры, появилась гипотеза шарьяжей, а канон незыблемости материков был поколеблен остроумными рассуждениями А. Вегенера. Не чужд этих идей был и А. П. Карпинский. Он никогда не отрицал «с порога» новых веяний, но и не принимал их, пока не убеждался на фактах в их достоверности. Он не отвергал даже концепцию мобилизма, только-только зарождавшуюся — об этом мы скажем отдельно, — но и не считал необходимым пересматривать с ее позиций свои старые построения. Такие пространства, как территория Европейской России, для масштабов материковых перемещений малы, а для шарьяжной концепции — слишком велики. Поэтому и не видел он оснований отказываться от установленной им закономерной связи вертикальных колебаний коры с распределением морских бассейнов. В примечаниях к разобранной нами статье 1894 г., которую также переиздали в 1919 г., Александр Петрович писал: «Иные тектонические горизонтальные перемещения, связанные с изменениями состава земных масс с глубиной, с изостазисом и другими явлениями, как, впрочем, и шарьяж, не могли иметь существенного значения по отношению к пространству, которому посвящена настоящая статья. Гипотеза Wegener'a о материковых перемещениях, — добавляет он, — и связанных с ними явлениях не остается без серьезных возражений».²⁵ Заметим: это не вежливая форма отвержения гипотезы, это не неприятие ее, а разумный скепсис и осторожность ученого, привыкшего доверять только фактам и только через них поверять справедливость пусть и очень остроумных и свежих теоретических построений. Ну, а какими фактами располагала гипотеза мобилизма в те годы? Некоторые геологи и ныне полагают, что их недостаточно, чтобы принять ее.

Итак, резюмируем результаты анализа этих двух небольших, но оказавших очень важное влияние на развитие нашей отечественной геологической науки, работ А. П. Карпинского.

---

²⁵ Карпинский А. П. Очерки геологического прошлого Европейской России. Пгр., 1919, с. 103.

Во-первых, он впервые в мире составил палеогеографические карты для такой обширной территории, каковой является Европейская Россия, и для всех геологических периодов фанерозоя вплоть до плиоцена. Аналогичную работу для Северо-Американской платформы Ч. Шухерт выполнил только в 1910 г.

Во-вторых, выявил определенные закономерности в колебаниях земной коры на площади Восточно-Европейской платформы, прослеженные через все периоды фанерозоя. «Это обобщение, — писал впоследствии академик А. А. Борисяк, — важнейший этап в истории геологии, ибо только с момента установления законов, управляющих явлениями, изучаемыми данной наукой, эта последняя становится настоящей наукой» [32, с. 414]. Через 30 лет эти закономерности уточнил в своей работе «Введение в геологию Европейской России» (ч. I, 1923 г.) А. Д. Архангельский.

В-третьих, установлено, что правильность колебаний платформы проявляется в том, что основной вектор колебаний всегда ориентирован параллельно либо Кавказскому, либо Уральскому горному кряжам.

В-четвертых, доказано, что наиболее жесткой частью Восточно-Европейской платформы является Балтийский щит.

«Таково значение тектонических исследований А. П. Карпинского по Восточно-Европейской платформе, исследований первого, после М. В. Ломоносова, русского геолога-теоретика», — заключает академик Н. С. Шатский [165, с. 50]. Академик Д. В. Наливкин задает риторический вопрос: «Что же является причиной такой исключительной, совершенно поразительной жизненности этих двух небольших книг, скорее даже брошюр?» И сам же на него отвечает: «А. П. Карпинский один из первых, если не первый, построил свою работу на двух основных положениях: 1) каждое геологическое явление представляет только этап, отдельное звено в непрерывно идущем и развивающемся историческом процессе; 2) каждое геологическое явление можно правильно понять, лишь изучая его во взаимоотношениях с другими сложными явлениями» [107, с. 14].

Прошло 35 лет с момента появления первой тектонической работы А. П. Карпинского — его статьи 1883 г. «Замечания о характере дислокации пород в южной половине Европейской России» (см. гл. 4) — и более 20 лет

после опубликования только что рассмотренных его работ по палеогеографии и тектонике Восточно-Европейской платформы. А они не устарели! Они продолжали жить активной жизнью — изучались геологами и указывали направления их исследованиям. Академия наук решила переиздать их. Прямо скажем, редкий, практически беспрецедентный случай, чтобы при жизни геолога его региональные работы переиздавались, причем без всяких изменений.

На Общем собрании Академии наук 3 марта 1918 г. выступил главный редактор журнала «Природа» профессор А. Е. Ферсман. Вот, что он сказал: «Издательство „Природа“ в настоящее время приступило к печатанию серии русских классиков в области естествознания, стараясь сделать доступным для более широких кругов специалистов и интересующихся историей русской научной мысли те произведения или монографии наших соотечественников, которые имели значение в ходе развития науки, но являются мало доступными для более широких кругов. До сих пор уже напечатаны две книги Мечникова и акад. Павлова. Весьма желательным являлось бы включение в эту серию и двух работ акад. Карпинского, посвященных вопросу о колебании земной коры в пределах Европейской России и помещенных в „Известиях Академии наук“ за 1894 г. и в „Записках“ за 1887 г. Ввиду сказанного, прошу Конференцию Академии наук не отказать разрешить издательству „Природа“ в перепечатке названных статей из академических изданий».²⁶

Так появились эти знаменитые по сей день «Очерки геологического прошлого Европейской России», включающие статьи Александра Петровича за 1883, 1887 и 1894 гг. Статьи, как мы уже отметили, напечатаны без «всяких изменений». Автор снабдил их только самыми необходимыми примечаниями с учетом появившегося нового фактического материала. Основные же выводы ему менять — и даже дополнять — не пришлось. И это главное. Эти же «Очерки» были изданы еще раз, уже в 1947 г., к столетней годовщине со дня рождения А. П. Карпинского.²⁷ В предисловии к этому изданию академик Д. И. Щербаков писал: «Последующие исследования не-

²⁶ Изв. Росс. Акад. наук, VI сер., 1918, т. XII, № 1—11, с. 890.

²⁷ Карпинский А. П. Очерки геологического прошлого Европейской России. М.—Л., 1947. 205 с.

скольких поколений геологов (автор имеет в виду работы А. Д. Архангельского, Н. С. Шатского, В. В. Белоусова, Е. В. Милановского и др., — *С. Р.*), доставивших огромный новый фактический материал, дополнили и уточнили выводы А. П. Карпинского, но не изменили его основных положений... Можно смело считать, — продолжает Дмитрий Иванович, — что эти работы, заключающие его главные обобщения в области геологии, являются самыми важными в его научном наследстве».²⁸

Сам А. П. Карпинский, правда, не разделял такой оценки его научного творчества. Он, как мы помним, наиболее важными своими научными результатами считал открытие артинского яруса и ювелирно выполненные исследования по аммонейм и геликоприону. Различие это объясняется, конечно, различием мерок, которыми можно оценивать вклад ученого в науку. И с этих позиций мы можем с полным правом, вслед за Д. И. Щербаковым, присовокупить к всесторонним исследованиям артинского яруса также и капитальные его обобщения по палеогеографии и тектонике Восточно-Европейской платформы. Вот как оценили эти обобщения А. П. Карпинского наши выдающиеся геологи — его ученики и последователи.

«Основные положения, так блестяще разработанные им, до сих пор остаются незыблемыми и жизненными. Они изменены только в деталях», — пишет академик Д. В. Наливкин [107, с. 18]. «Несомненно, — поддерживает Б. Л. Личков, — наиболее важное место в его наследии принадлежит его трудам в области тектоники и палеогеографии» [98, с. 9]. «Карпинский, — замечает В. В. Белоусов, — своей работой... заложил первые камни учения о колебательных движениях и одновременно положил начало всестороннему тектоническому изучению платформ, рассматривая их не как мертвые глыбы, а как живые, развивающиеся геоструктурные элементы».²⁹ «Это был луч света, впервые внесенный в бессветную тогда для геологов всего мира грудку фактов», — образно и удивительно точно подмечает академик В. И. Вернадский [36, с. 38]. «Судьба тех выводов, которые ученый делает из своих наблюдений, — пишет академик А. А. Борисяк, — решает и судьбу самого ученого

---

²⁸ Там же, с. 6.

²⁹ Белоусов В. В. Общая геотектоника. М., 1948, с. 51.

в истории науки. В этом отношении сводные работы А. П. Карпинского стоят на недостижимой высоте. Они — самое важное в его научном наследстве» [27, с. 31]. «Значение их для развития русской и советской геологии было огромно; оно велико еще и в наше время», — так писал в 1947 г. академик Н. С. Шатский [165, с. 34], и точно так же мы можем сказать и сегодня, т. е. почти через сто лет с момента опубликования этих уникальных трудов великого нашего геолога. «В этих статьях, — как бы подхватывает эту мысль А. А. Борисяк, — за каждой фразой — целый арсенал фактического материала, так тщательно собранного и так глубоко освещенного, что и сейчас... в них нельзя изменить ни одного слова... Последующие исследования, доставившие новые большие материалы, дополнили, но не изменили основных... обобщений А. П. Карпинского. Так совершенна его интуиция (или „догадка“, как он любил называть ее по-русски) — та научная „фантазия“, которая лежит в основе творчества ученого!» [32, с. 414].

И, наконец, вот как подытожены все эти отзывы в одном из последних изданий «Истории геологии»: «Эти обобщающие исследования А. П. Карпинского получили высокую оценку и мировое признание у современников. Фактически было подтверждено существование новой молодой науки — палеогеографии».³⁰

Есть у Александра Петровича еще одна тектоническая работа, которая в свое время не заслужила таких высоких оценок, как его труды по тектонике и палеогеографии Восточно-Европейской платформы. Она настолько опередила свое время, что современники отнеслись к ней только как к оригинальным упражнениям с географическим глобусом; да и последующие поколения геологов в целом не воспринимали ее всерьез, поскольку развиваемые в ней мысли не были созвучны тогдашнему состоянию геологической науки. И только когда в конце 60-х годов нашего века заговорили еще об одной ветви геологии — новой глобальной тектонике, а геологический мир, расколовшись на два лагеря — «мобилистов» и «фиксистов» — начал доказывать своим оппонентам абсурдность их идей, пришло, наконец, время новыми глазами про-

---

³⁰ История геологии. М., 1973. 388 с.

честь эту забытую всеми работу А. П. Карпинского, написанную еще в 1888 г. и названную им «О правильности в очертании, распределении и строении континентов». Эта небольшая статья содержит мысли столь глубокие, а идеи, развиваемые в ней, звучат столь современно, что ее без всякой натяжки можно отнести к тем немногим в мировой геологической литературе работам, которые предвосхищали основные идеи и положения «новой глобальной тектоники», с которыми и сегодня спорят многие советские геологи.

Обратимся, однако, к самой статье. Ее Александр Петрович, верный себе, начинает осторожными словами, давая своим читателям пищу для раздумий и оставляя за ними право не соглашаться с его выводами: «Я должен сознаться, — пишет он в сноске, — что выводам своим покуда не придаю особенного значения. В статье упомянуто, что известные до настоящего времени географические и геологические данные не позволяют еще по рассматриваемому вопросу сделать вполне безупречные сопоставления».³¹

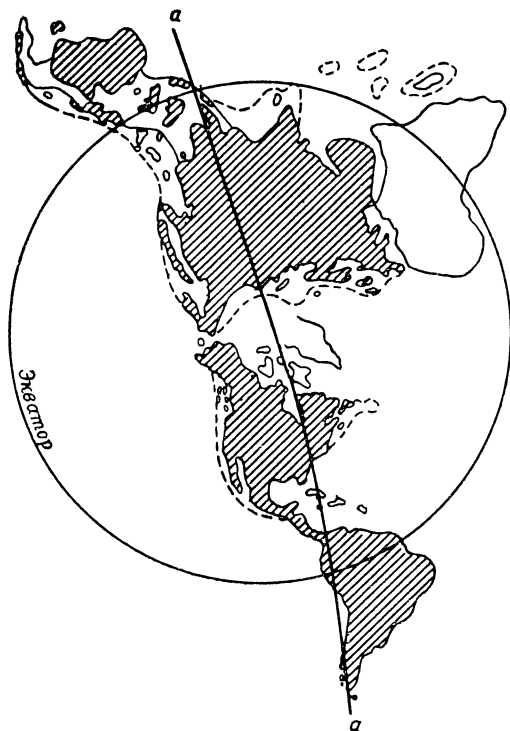
Что же это за данные, которые привлекли его внимание и заставили все же взяться за перо, высказать по их поводу свои соображения, пусть и не имеющие в глазах автора «покуда особенного значения»? Это, во-первых, одинаковое распределение континентов, которое А. П. Карпинский проиллюстрировал на очень остроумной проекции (рис. 7). Во-вторых, это сходные их очертания, которые в первом приближении имеют форму треугольников, что также хорошо видно на той же проекции. В-третьих, это «сходные орогенические отношения» континентов и, в-четвертых, их аналогичное геологическое строение. Вот какие аргументы побудили А. П. Карпинского провести это глобальное исследование и сделать первые, конечно же, предварительные, выводы.

«Чтобы выводы эти, — пишет он тут же, — не возбуждали никаких сомнений, потребуются еще исследования очень многих лет; наоборот, несправедливость их может быть обнаружена в ближайшем будущем, первым резко противоречащим им фактом».³² Глубочайшая по

³¹ Карпинский А. П. О правильности в очертании, распределении и строении континентов. — Горный журнал, 1888, т. 1, № 2, с. 252.

³² Там же.

*Рис. 7. Расположение материков в проекции
А. П. Карпинского.*

своей прозорливости мысль. Кому, как ни А. П. Карпинскому, широко эрудированному геологу-энциклопедисту, было понимать, что такие глобальные обобщения должны быть подкреплены неоспоримыми данными многих наук, — и палеонтологии, и тектоники, и стратиграфии, и данными о глубинном строении Земли, и, разумеется, данными о структуре и осадках Мирового океана. Недаром многие годы он потратил на организацию «Международного плавучего института», но до 1921 г. так ничего и не добился. Для того чтобы добыть эти факты, потребовались десятилетия. Потребовалось рождение геофизики и океанологии, абсолютной геохронологии и микропалеонтологии. Что же касается «первого резко противоречащего факта», то его и сегодня усиленно розыски-

вают геологи, придерживающиеся старых, веками устоявшихся «фиксистских» позиций.

Современный мобилизм ведет свою родословную от Ф. Бэкона, впервые обратившего внимание на сходство в очертании континентов. Обратить-то обратил, по значению этому не придавал, посчитав его, по-видимому, случайным. Разумеется, не придавали этому никакого значения и ученые, родившиеся намного позднее Ф. Бэкона. И наиболее консервативными в этом отношении были геологи, взгляды которых удачно выразил Ф. Науман в своем известном «Учебнике геогнозии»: «Хотя подобные географические аналогии, — цитирует его А. П. Карпинский, — во многих случаях могут быть весьма интересными и полезными, но по отношению к геологии им не должно придавать большого значения».³³ Этому указанию известного немецкого геолога верны и сегодня сторонники «фиксизма».

Ну, а каково отношение А. П. Карпинского к этому мимоходом оброненному Науманом снисходительному заключению? Он справедливо замечает, что *«если сходство в очертании материков не случайно, а обуславливается общей причиной, то, весьма вероятно, что оно влечет за собой известные законные аналогии и по отношению к другим элементам материков»*³⁴ (курсив мой, — С. Р.). Он, к сожалению, не рискнул назвать эту «общую причину». Но мы ее назвать можем — это раскол некогда единого материка Пангея, что и обусловило сходство очертаний современных материков и сходные же, в некоторых отношениях, черты их внутреннего строения. Совсем немного отделяло А. П. Карпинского от современной трактовки подмеченных им закономерностей. Однако ясно, что для него сомнений не было — материки движутся, и современное их положение в геологическом масштабе времени — лишь моментальный снимок этого движения. Большинство же его современников было убеждено в относительном постоянстве материков. Тем более, подчеркивает А. П. Карпинский, надо объяснить сходство их очертаний. Случайной игрой природы это быть не может!

Александр Петрович сам делал попытки состыковать материки и пришел к точному выводу, которого придержи-

---

³³ Там же, с. 253.

³⁴ Там же.

живаются геологи и сегодня: «Современные береговые линии, конечно, не соответствуют вполне очертанию континентов»,³⁵ а потому при доказательстве сходства, т. е. при совмещении материков, он в качестве их краев принимает *изобаты шельфа*, хотя «точно выполнить эту последнюю задачу теперь невозможно». ³⁶ Действительно, именно так поступают современные мобилисты и именно так доказал неслучайность совмещения контуров материков крупнейший наш математик академик А. Н. Колмогоров.

Далее Александр Петрович развивает главную свою мысль, что неслучайность совпадения контуров материков должна повлечь за собой и неслучайное распределение в их пределах основных геоструктурных элементов. Он цитирует в этой связи замечательные слова своего великого современника Э. Зюсса: «Значительные горные кряжи представляют лишь подчиненные члены тех огромных структурных явлений, которые обнимают весь земной шар. Можно исследовать и описать положения слоев и строение каждого данного кряжа в отдельности, но *нельзя дать правильного объяснения этим явлениям без отношения их к распределению горных кряжей вообще*»³⁷ (курсив мой, — С. Р.). А. П. Карпинский полностью разделяет эту мысль. Более того, проанализировав особенности геологического строения континентальных окраин, он приходит к удивительному по смелости для того времени выводу, что окраины континентов делятся на два принципиально различных типа: Тихоокеанский и Атлантический. Так и тянет облечь этот вывод в современную терминологическую одежду: Тихоокеанский (активный) тип фиксирует зону субдукции океанической коры, а Атлантический — зону ее пассивного дрейфа.

Вот как представлял себе А. П. Карпинский специфику континентальных окраин Тихоокеанского типа: «Таким образом, — заключает он, — вдоль всего Тихоокеанского побережья, следуя одному общему направлению по упомянутому, не проходящему через центр Земли и несколько деформированному кругу, *протягиваются горные кряжи, образовавшиеся через одностороннее надвигание в левую сторону*»³⁸ (курсив мой, — С. Р.). Ясно,

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, с. 255.

³⁷ Там же, с. 259.

³⁸ Там же, с. 264.

что в разных частях этого круга «надвигание в левую сторону» означает субдукцию коры в западном, восточном и других направлениях.

Еще один вывод, который А. П. Карпинский делает в этой статье, касается характеристики континентальных окраин Атлантического типа. Вслед за Э. Зюссом, он подчеркивает, что «между атлантической береговой линией и строением континентов не замечается никакого причинного соотношения».³⁹ Конечно, если учесть, что Атлантический тип фиксирует зону растекания и наращивания коры, т. е. процесс прямо противоположный тому, следствия которого наблюдаются на континентальных окраинах Тихоокеанского типа, — в зонах субдукции, где эта кора поглощается. Это уже современная трактовка, но величие ума А. П. Карпинского в том, что он в других, разумеется, терминах выразил те же идеи, остро волнующие всех современных геологов. Заметим также, что, помимо этих, наиболее важных мыслей, А. П. Карпинский высказывает и целый каскад идей, столь же созвучных современности, как и рассмотренные нами. Это и идея о древности Тихого океана, и идея о том, «что ось земли не всегда имела то положение, какое она имеет в настоящее время»⁴⁰ (курсив автора, — С. Р.), и целый ряд других столь же смелых для того времени мыслей.

Последующие истолкователи этой статьи А. П. Карпинского (Д. И. Мушкетов, Б. Л. Личков и др.) не могли, разумеется, дать ей ту оценку, какую она заслуживает, поскольку — мы вынуждены повторить это — наука еще не доросла в то время до ее понимания. И хотя уже существовали гипотезы Вегенера и Тэйлора, к которым многие геологи, к сожалению, относились с отчетливым пренебрежением, но еще не был накоплен тот обширный арсенал знаний, которым сейчас располагает «новая глобальная тектоника». И поэтому только сейчас удалось должным образом прочесть и оценить эту, пожалуй, самую оригинальную и по-настоящему революционную, работу нашего великого геолога.

---

³⁹ Там же, с. 265.

⁴⁰ Там же, с. 269.

Глава 14. Научно-организационная деятельность

В дореволюционной Академии наук работа ученых сосредоточивалась в самой Академии, на кафедрах. Решалось преподавание и работа по специальности в каком-либо правительственном учреждении. А. П. Карпинский поначалу использовал все эти возможности: заведовал кафедрой в Горном институте, директорствовал в Геологическом комитете, вел активную работу в Горном совете и Горном ученом комитете.

Однако Академия властно притягивала его к себе. С первых же лет своего избрания он с головой окунулся в водоворот академических дел, подчас весьма далеких от его специальности. Бесконечные комиссии, проекты самых разнообразных научных предприятий, рецензирование представленных работ, не говоря уже о собственных геологических исследованиях, поглощали все его время. Его уже просто физически не хватало на прочие заботы — Геолком и Горный институт. Правда, и лет ему немало — уже почти шестьдесят. И хотя чувствует он себя прекрасно, все же работать на три фронта, как в былые годы, он уже не может.

В Академии наук Александр Петрович трудился прямо-таки с юношеской энергией. Он не пропускает ни одного заседания физико-математического отделения и уж, конечно, присутствует на всех Общих собраниях. Очень часто выступает с докладами, после которых очередная его статья публикуется в «Известиях» или «Записках Императорской Академии наук»; пишет бумаги от имени многочисленных комиссий, в которых он участвует; вместе с другими академиками дает заключения о научных трудах очередного кандидата в Академию наук и т. п.

Если фиксировать только те выступления А. П. Карпинского в Академии наук, которые затем были опубликованы и вошли в список его научных трудов, то и тогда цифра окажется внушительной — 174. Но ведь это — ничтожная часть того, что слышали его коллеги. Мы знаем, что Александр Петрович докладывал в Академии наук о всех главных своих работах: об аммониях артинского яруса, о геликоприоне, о трохилисах и, конечно, о всех своих тектонических и палеогеографических обобщениях.

А скольким ученым он дал рекомендации в Академию наук. Александр Петрович является «крестным отцом»

практически всех советских геологов-академиков, да и не только геологов. Вот они, гордость отечественной и мировой науки: Ф. Н. Чернышев, М. А. Рыкачев, Е. С. Федоров, А. П. Павлов, П. И. Вальден, В. И. Вернадский, Н. И. Андрусов, А. Е. Ферсман, А. Ф. Иоффе, Г. В. Вульф, А. А. Борисак, В. А. Обручев, Ю. М. Шокальский, С. П. Костычев, А. Д. Архангельский, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг и др. Несколько десятков выдающихся иностранных ученых по его рекомендации были избраны в почетные члены Академии наук: Ф. Дарвин, А. Лакруа, Э. Ог, К. Динер, В. Кэмпбелл, М. Вольф, П. Ниггли, Л. Долло, В. Рамзай и многие другие.

Поистине огромна та научно-организационная работа, которую в Академии наук вел А. П. Карпинский. Приходится только удивляться его энергии и способности находить еще время для главного — своих личных геологических исследований. Мы приведем только краткий перечень тех мероприятий Академии, в которых Александр Петрович принимал самое живое участие. Причем ограничиваем их 1917 г., поскольку президентский период его деятельности — предмет особого рассмотрения.

Общее число всевозможных комиссий, отнимавших его силы и его время, превышало шесть десятков. Тут, конечно, есть и психологическая подоплека. Работа в большинстве комиссий, например по присуждению именных премий, требовала большой деликатности и непредвзятости. Поэтому присутствие в них А. П. Карпинского гарантировало от разного рода осложнений, могущих возникнуть при необъективных решениях. Товарищи по Академии быстро изучили ровный, доброжелательный и спокойный нрав Александра Петровича, и когда надо было организовать очередную комиссию, первой называлась его фамилия. Попробуем расклассифицировать эти комиссии.

По присуждению именных премий: имени акад. Г. П. Гельмерсена (участвовал с 1 марта 1888 г.), имени графа Д. А. Толстого, бывшего президента Академии наук (с 8 мая 1890 г.), имени великого князя Александра Михайловича (с 19 октября 1902 г.), имени профессора С. А. Иванова (с 20 ноября 1902 г.), имени М. В. Ломоносова (с 1 сентября 1904 г.), имени М. Н. Ахматова (с 3 марта 1910 г.), по общему вопросу об академических премиях (с 8 января 1905 г.).

По оценке научного наследия покойных ученых и приобретению коллекций: разбор и заключение по поводу 37 «дневников геологических экскурсий по Кавказу» акад. Г. В. Абиha (с 17 января 1889 г.), разбор дневников И. Д. Черского (с 14 апреля 1893 г.), оценка коллекции метеоритов Ю. И. Семашко (с 30 марта 1897 г.), оценка и покупка минералогической коллекции Г. А. Кочубея (с 26 мая 1910 г.).

По условиям раскопок и доставки трупов мамонтов, найденных: в Туруханском крае (с 19 сентября 1889 г.), в Верхоянском крае (с 9 января 1908 г.), в Енисейской губернии (с 6 февраля 1913 г.). Была и комиссия по рассмотрению проекта об объявлении остатков мамонта и других ископаемых остатков государственной собственностью (с 29 апреля 1909 г.).

По организации научных исследований в государственном масштабе: магнитная съемка территории России (с 23 сентября 1892 г.), исследование золотопромышленности Сибири (с 17 марта 1897 г.), сейсмические наблюдения в России (с 24 сентября 1897 г.), градусные измерения на островах Шпицбергена (с 19 ноября 1897 г.), пересмотр постановлений Горного департамента о золотом и платиновом промыслах (с 7 марта 1899 г.), организация экспедиции Э. В. Толля для исследования островов Новосибирского архипелага (с 23 декабря 1899 г.), постоянная центральная сейсмическая комиссия (с 8 марта 1900 г.), почвенная комиссия (с 26 ноября 1901 г.), магнитная комиссия (с 5 марта 1908 г.), снаряжение русской полярной экспедиции (с 4 марта 1909 г.), организация исследований радиоактивных минералов (с 15 сентября 1910 г.), комплексное исследование естественных производительных сил России (с 21 января 1915 г.).

По организации новых высших учебных заведений, по преподаванию, по охране авторских прав и по оказанию помощи нуждающимся ученым: учреждение горнотехнического учебного заведения в Екатеринославе (с 10 февраля 1898 г.), преобразование и открытие новых горных училищ (с 15 марта 1899 г.), авторские права на литературные, музыкальные и художественные произведения (с 1 мая 1899 г.), правила пересылки рукописей (с 3 февраля 1901 г.), постоянная комиссия для пособия нуждающимся литераторам, ученым и публицистам (с 5 мая 1901 г., с 24 июня 1904 г. — председатель этой комис-

сии); преподавание математики в средней школе (с 26 ноября 1916 г.), охрана памятников старины в районе военных действий (с 25 февраля 1915 г.).

По делам Академии наук: пересмотр академического устава (с 14 марта 1907 г.), новые штаты Академии (с 3 мая 1908 г.), устав Николаевской главной физической обсерватории (с 17 марта 1910 г.), сооружение в Петербурге памятника Ломоносову и постройка Ломоносовского института (с 10 декабря 1911 г.), издание коллективного труда «Россия» (с 12 января 1913 г.).

Заметим попутно, что участие во всех этих комиссиях не было своеобразным почетным членством, а требовало постоянной и кропотливой работы, а главное — влекло за собой составление многочисленных «бумаг». Пухлые тома дел этих комиссий до сих пор хранятся в Архиве Академии наук.

А. П. Карпинский, разделявший идею создания «международного плавучего института», т. е. организации непосредственно с борта исследовательского судна комплексного изучения Мирового океана, долгие годы потратил на ее воплощение. Сегодня излишне говорить о значимости подобных работ, ибо они составляют основу океанографии, океанологии и морской геологии, без которых мы не мыслим решения и глобальных чисто геологических проблем. Но в те годы эта идея А. П. Карпинского настолько опередила время, что ученые, с которыми он делился своими соображениями, в лучшем случае кивали согласно головами, но практически помочь ничем не могли. Еще при закрытии VII МГК 24 августа 1897 г. Александр Петрович, как его президент, произнес речь, в которой выразил пожелание, чтобы к следующей сессии Конгресса в 1900 г. в Париже Международный плавучий институт был создан. 22 апреля 1898 г. А. П. Карпинский вместе с Ф. Н. Чернышевым подал записку «Об устройстве Международного плавучего института». Проект этот был одобрен геологами на VII МГК, и Александр Петрович хотел, чтобы физико-математическое отделение Академии наук взяло на себя руководство в этом деле со стороны России. Академики, конечно, согласились, прекрасно понимая всю научную значимость этого грандиозного предприятия. Но согласия было мало, нужны были средства и пемалые, а их у Академии наук в те годы не было.

А. П. Карпинский не успокаивается. В 1900 г. в Париже на VIII сессии МГК он вновь делает доклад на эту тему и призывает ученых привлечь к этой идее внимание географических, зоологических и других конгрессов. Но и это не помогло... До 1917 г. эта очень важная и актуальная для науки и практики идея так и не была реализована. И лишь 10 марта 1921 г. В. И. Ленин подписал декрет об организации Плавучего морского научно-исследовательского института — Плавморнина. Эту дату по справедливости считают датой рождения отечественной океанологии,¹ к которой, как мы убедились, А. П. Карпинский имел самое непосредственное отношение.

Укажем еще на ряд важных научно-организационных мероприятий, предпринятых Академией наук при живейшем участии А. П. Карпинского. В 1900 г. он вместе с Ф. Н. Чернышевым добивается преобразования Минералогического музея в Национальный геологический музей, который должен был служить средством популяризации в обществе геологии и палеонтологии. Директором этого музея в разные годы работали К. А. Воллосович, А. А. Борисяк, И. Ф. Синцов, И. В. Мушкетов, В. И. Воробьев и др.²

Мы упоминали, что 3 мая 1908 г. А. П. Карпинский вошел в состав комиссии по выработке новых штатов Академии. Кроме него в ней работали академики Ф. Н. Чернышев, В. В. Радлов, С. Ф. Ольденбург и П. В. Никитин. Комиссия эта предложила Обществу собранию принять решение о необходимости создания Ломоносовского института, который «мог бы явиться достойным памятником великому русскому ученому».³ Общее собрание одобрило эту идею. В 1911 г. исполнилось 200 лет со дня рождения М. В. Ломоносова. Академики, входившие в состав комиссии, подготовили все необходимые бумаги: структуру института, проект здания, сметы на его строительство, массу записок в Городскую думу о выделении участка и т. д. Все, казалось бы, было продумано до мелочей. Оставалось получить место и можно было — после благодарственного молебствия — начинать рыть котлован. Но не тут-то было. Крючкотворная бюро-

¹ Термин «океанология» ввел Н. Н. Зубов.

² Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974. 521 с.

³ История Академии наук. Т. II. М., 1964, с. 462.

кратия и здесь умудрилась сорвать эту блестящую идею. Поначалу Дума три года не реагировала на бумаги из Академии наук. Затем в 1913 г. она все же отвела участок для института в конце Большого проспекта Васильевского острова, но сопровождала свое благодеяние такими требованиями (отдать городу одно из академических зданий, облицевать набережную, засыпать водное пространство в конце проспекта и т. д.), которые Академия, разумеется, исполнить не могла. Вот так еще не рожденный Ломоносовский институт был погребен под грудой входящих и исходящих бумаг. Александр Петрович, как и другие академики, много сил, энергии и времени отдал этому делу. И все вхолостую.

Еще один пример работы комиссии, в которую входил А. П. Карпинский. 15 сентября 1910 г. он удостоился чести быть избранным в комиссию «по вопросу об организации исследований радиоактивных минералов в России». Комиссия, тщательно продумав вопрос, испросила у Министерства народного просвещения 800—1000 руб. на эти работы, а точнее — на организацию экспедиции в Среднюю Азию для опробования месторождений радиоактивных минералов. Сумма мизерная, но министерство и в ней отказало. Академики и в первую очередь члены комиссии были возмущены. Выступая на заседании физико-математического отделения в сентябре 1910 г. В. И. Вернадский сказал, что отказ в столь ничтожной сумме на эти важные исследования «необычайно резко выясняет ненормальность положения высшего ученого сословия» России. Отказ в средствах для академической экспедиции, подчеркивал академик В. И. Вернадский, заслуживает быть занесенным «в летописи научной жизни нашей страны» и не может быть «оставлен Академией наук без ответа».⁴

Столь же сложной и волокитной была работа так называемой Постоянной полярной комиссии, в которой А. П. Карпинский сначала был рядовым членом, а впоследствии и председателем. 10 апреля 1914 г. Конференция Академии наук направила срочную депешу морскому министру по поводу снаряжения Академией экспедиции для исследования вновь открытых островов в Северном Ледовитом океане. Просьба Академии была более чем умеренной — устроить продовольственные склады в 2—3

---

⁴ Там же, с. 460.

пунктах побережья, используя для этого ледоколы «Таймыр» и «Вайгач», которые все равно отправлялись в плавание в те же районы. Однако морской министр, ссылаясь на перегруженность ледоколов, отказал.⁵

Но и работой в бесчисленных этих комиссиях не ограничивались обязанности Александра Петровича по Академии наук. Он бывал и непременным секретарем Академии. Должность эта хлопотная и очень ответственная. Только несколько месяцев «секретарства» в 1904 г. стоило ему столько душевных сил, что имеет смысл остановиться на этом подробнее.

... Мы уже отмечали, что в отношении А. П. Карпинского к людям всегда лежала доброта, доброжелательность и добропорядочность. И трудно себе представить, чтобы ответная реакция его товарищей по работе или коллег по Академии наук была иной. И лишь одно исключение из этого правила долгие годы омрачало настроение Александра Петровича — его взаимоотношения с Е. С. Федоровым, нашим великим ученым, реформатором кристаллографии.

Мы вынуждены коснуться этой щекотливой, но психологически интересной и поучительной темы не столько потому, что она дает дополнительный материал к характеристике А. П. Карпинского, сколько по причине одностороннего ее освещения в ранее опубликованных жизнеописаниях Е. С. Федорова, как научных,⁶ так и художественных.⁷ А односторонность всегда обращается несправедливостью к другому. Есть и еще одна немаловажная деталь, тонко подмеченная Я. Н. Кумоком: «Раскрытие этой темы невольно ведется так, что „оправдываться“ приходится Александру Петровичу. Истцом и обвинителем как бы выступает Евграф Степанович. Тут некоторая историческая аберрация. Она проистекает из наличия документов в архивах. Карпинский не любил жаловаться. Ни письменно, ни устно. Его архив не хранит никаких следов недовольства Федоровым (в отличие от архива последнего)» [91, с. 84].

---

⁵ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1914, д. 42.

⁶ Шафрановский И. И. Евграф Степанович Федоров. М.—Л., 1963. 282 с.

⁷ Кумок Я. Н. Евграф Федоров. М., 1971. 318 с.

В чем же тут дело? До какой крайности (в восприятии Е. С. Федорова) должны были дойти их отношения, если Евграф Степанович в своих неопубликованных воспоминаниях способен был написать такое: «При засыпании мне навязчиво мерещился образ Карпинского в виде какого-то чудовища, желающего меня пожрать, и от которого я не мог оборониться. И это ежедневно с постоянством какого-то физического закона. *Я до конца жизни не сумею понять, откуда образовались у меня такие дикие образы Карпинского* (курсив мой, — С. Р.). До настоящего для меня перелома в отношениях Карпинского ко мне наши отношения казались дружественными, хотя я, поглощенный в течение остального дня научными трудами, встречался с ним только по должности».⁸

Прошло уже достаточно времени, чтобы по осевшим в архивах документам и опубликованным работам других исследователей все же сделать попытку проанализировать причины столь необычного восприятия личности А. П. Карпинского. Мы не оговорились, именно «восприятия», ибо со стороны Александра Петровича нам не удастся усмотреть в его отношении к Евграфу Степановичу ничего для него нехарактерного. Здесь та же ровность, то же спокойствие, та же чуткость и то же доброжелательство, что неизменно излучал он всю жизнь.

Взаимоотношения Е. С. Федорова и А. П. Карпинского сложились окончательно во время работы Евграфа Степановича в Геологическом комитете в должности (точнее исполняющим должность, или и. д.) консерватора. Внешне же они проявились во время пребывания Е. С. Федорова адъюнктом Академии наук. Однако все по порядку. И прежде всего несколько слов о самом Е. С. Федорове.

То, что он гениальный ученый, открывший обоснованием 230 пространственных групп симметрии новую эру в кристаллографии, известно всем. Столь же хорошо известно, что он был и величайшим геометром, которого ставили в один ряд с Евклидом и Н. И. Лобачевским. Все это важно и для раскрытия нашей темы, поскольку в данном случае столкнулись не просто разные дарования, но разный склад мышления и разные характеры. И все это надо попытаться увидеть сквозь призму возбудимой психики Е. С. Федорова, корни которой в его тер-

---

⁸ Там же, с. 240—241.

нистом и необычном жизненном пути. Вот его основные вехи.

В раннем детстве у него обнаружили выдающиеся математические способности. В 16 лет он задумал и приступил к грандиознейшему из своих сочинений — «Начала учения о фигурах». Затем, не окончив, забрасывает начатое. Поступает в Николаевское военно-инженерное училище, что в Инженерном замке в Петербурге. Заканчивает его подпоручиком. Около двух лет служит в полку, расквартированном в Белой Церкви. Затем приезжает в Петербург и поступает в Медико-хирургическую академию, с упоением отдавая все свое время анатомии. Ему в это время 21 год. В 22 года его отчисляют из Академии, и он поступает в Технологический институт. Там он задержался всего на год. Что же дальше? А дальше будущий наш гениальный ученый с головой окунается в революционную деятельность. Становится активным членом подпольной организации «Земля и воля», принимает непосредственное участие в легендарном побеге П. А. Кропоткина, для освоения печатного дела едет за границу. По возвращении в Петербург организует, редактирует и издает одну из первых в России подпольных революционных газет «Начало» (1878 г.). Ему уже 25 лет, а в 27 он поступает в Горный институт, курс которого блестяще заканчивает в три года. Но ему уже 30, а он только ступил на выбранную им дорогу. А. П. Карпинскому же в это время 36 лет, и он уже 6 лет профессор Горного института, читавший лекции и экзаменовавший Е. С. Федорова. Справедливости ради, надо отметить, что Евграф Степанович, в 30 лет получивший только диплом горного инженера, ученым стал значительно раньше. Уже через год после окончания Горного института он печатает сочинение, начатое — напомним — в 16 лет, которое впоследствии обессмертило его имя — «Начала учения о фигурах». В том же 1885 г. он поступает в Геологический комитет на исполнение должности консерватора, а А. П. Карпинский становится директором этого учреждения. В Геолкоме на этой же должности Е. С. Федоров проработал 10 лет. Канцелярист он только на службе, дома же — ученый.

За эти 10 лет он создает учение о симметрии и структуре кристаллов, т. е. выводит 230 пространственных групп симметрии (1891 г.), изобретает двукружный го-

ниометр (1889) и универсальный столик для микроскопа (1891) — «Федоровский столик», как мы его теперь называем. Летом же ежегодно ездит на Северный Урал, совершенствуя методы геологической съемки, приемы микропетрографических исследований, разрабатывая основы классификации горных пород.

Однако новаторства в науке, а тем более революционные преобразования, даются нелегко, а воспринимаются еще труднее. Его кристаллографические открытия не понимают, а следовательно, не принимают всерьез и их автора, П. В. Еремеев и Н. И. Кокшаров, наиболее крупные тогда авторитеты в этой области, а его «Начала» не оценил даже П. Л. Чебышев. Как ученого кристаллолога не оценил в первые годы Е. С. Федорова и А. П. Карпинский, но считал его превосходным геологом, блестяще справлявшимся с порученной ему съемкой Северного Урала. Но для Евграфа Степановича эта сторона его деятельности была неглавной. Она давала ему только заработок, которого, кстати сказать, вскоре уже стало не хватать, чтобы прокормить разрастающуюся семью. Беспросветность его служебного положения в Петербурге, мучительное раздвоение между канцелярскими бумажками в рабочее время и безграничным полетом творческого воображения в вечерние часы, тягостное сознание своего непризнания — все это беспрестанно распяляло его воображение и будоражило и без того предельно возбудимую нервную систему. И он решается на отчаянный шаг: порывает с Геолкомом и уезжает в Богословск на скромную, но независимую должность горного инженера.

В 1895 г. он все еще и. д. консерватора Геолкома (это в России) и одновременно член Баварской Академии наук. Это сейчас мы можем только удивляться на такие несообразности. Он же страдал от них, страдал мучительно. В Богословске, однако, Евграф Степанович не задерживается. Уже в 1896 г. он принимает предложение занять кафедру в Московском сельскохозяйственном институте и переезжает в Москву. Только было он начал успокаиваться на тихой, оставляющей время для творчества работе, как новой щепоткой соли ожгли незажившую рану его самолюбия — в том же году его выдвигают, но не избирают, в адъюнкты Академии наук. В 1901 г. он все же становится адъюнктом, но в 1903 г. подает прошение об отставке.

Здесь мы пока прервем описание жизненной драмы этого ученого. В общих чертах нам теперь ясны корни его болезненно ранимого и неуживчивого характера. Попробуемся разобраться, что же так ожесточило его против А. П. Карпинского?

Я. Н. Кумок задает вопрос: «Почему Карпинский остался равнодушен к судьбе Федорова. Не помог?... Так считали Федоров и сочувствующие ему; версия оставалась и в истории науки» [91, с. 83]. Верна ли она? Думается, нет. Попробуем разобраться, в чем тут дело.

В 1883 г. Евграф Степанович заканчивает (досрочно и блестяще — с золотой медалью) Горный институт. Он уже глава семьи, которую надо кормить. А где мог работать горный инженер в те годы? — в горных округах, т. е. в глубокой провинции, либо в столицах. Уже тогда Е. С. Федоров стоял перед дилеммой: если заниматься любимой наукой, — значит, остаться в столице и жить на скудный, возможно, и случайный, заработок; уехать в провинцию — обречь себя (так ему думалось) на скучную работу: изыскивать для промышленников новые месторождения и доразведывать запасы старых. И он решает остаться в Петербурге, сознательно принеся в жертву материальное благополучие, т. е. интересы своей семьи. В Петербурге же выбор был скуден: Университет, Горный институт и Геологический комитет. Случайные курсы, лекции в Лесном и Путейском институтах в расчет не шли. В Университете вакансий не было. В Геологическом комитете, штат которого вплоть до 1897 г. состоял всего из 8 единиц, тоже. На кафедру кристаллографии, пока во главе ее стоял П. В. Еремеев, вход ему был закрыт. И он решает принять предложение дирекции Горного музея при Горном институте вести в нем временно практические занятия. Но за эту работу платили гроши, и он вынужден вечерами (тоже за гроши) переводить статьи и писать обзоры для технических журналов. А семья между тем росла. У него уже трое детей — сын и две дочери. Что же делать? И он идет на первую жертву: принимает предложение Горного департамента и отправляется в экспедицию на Северный Урал. Пять месяцев в поле, затем обработка материалов и отчет. И так в течение двух лет.

В Геологическом комитете в это время, в 1885 г., первая утрата — внезапно скопчался молодой и талантливый

геолог В. А. Домгер. На его место с должности консерватора переводят А. О. Михальского. Так открылась вакансия и. д. консерватора Геологического комитета. И тут впервые их пути сходятся: А. П. Карпинского — директора Комитета и Е. С. Федорова, ищущего постоянную службу в столице. Консерватору полагалось 75 руб., плата мизерная, но с учетом летних командировок жить было можно. К тому же должность была канцелярской и оставляла свободными для раздумий и творческой работы вечерние часы, а зачастую и дневные. И Евграф Степанович решается. Он идет к А. П. Карпинскому и просит взять его в Комитет. Напомним, что Александр Петрович уже в то время прекрасно знал Е. С. Федорова, причем не только как способного и прилежного студента, но и как человека, увлекающегося, как тогда казалось многим, абстрактными, далекими от геологии идеями. Об этом ему не раз говорили П. В. Еремеев и Н. И. Кокшаров, которых поначалу Евграф Степанович посвящал в свои исследования, давал им читать свои «Начала», в которых они ничего не поняли. Читал их и Александр Петрович. И тоже, разумеется, ничего не понял. Уже тогда отношение Евграфа Степановича к ним было на грани враждебного. Во всяком случае, к П. В. Еремееву и Н. И. Кокшарову. Но выбора нет, и Е. С. Федоров идет к А. П. Карпинскому.

Мы можем, не погрешив против истины, предположить, что даже на исполнение должности консерватора Александр Петрович взял его неохотно. Он знал (чутье на людей у него было поразительным), что канцелярская работа для автора «Начал», занявших целый том «Записок Минералогического общества», — вынужденное обстоятельство, и что такая работа уже вскоре наскучит ему и озлобит его, ибо Евграф Степанович уже имел возможность продемонстрировать свой характер в отношении П. В. Еремеева и Н. И. Кокшарова, которых Александр Петрович Карпинский искренно уважал и любил.

К тому же Александра Петровича справедливо беспокоили условия, которые выставил ему Горный департамент, давая согласие на прием в Комитет Е. С. Федорова: каждый год Евграф Степанович обязан выезжать на Северный Урал сроком не менее 5 месяцев, чтобы не прерывать работы, которые он уже вел от Горного депар-

тамента.⁹ Если учесть, что теперь он должен выезжать как штатный сотрудник Комитета, а вести работы непосредственно для Горного департамента, и значит, директор Геолкома уже не вправе командировать его в другие районы, то условия эти были более чем жесткими. Не будем забывать, что в Комитете было 8 человек и они должны были за предельно короткий срок покрыть съемкой Европейскую Россию, включая Урал.

Но даже на этих условиях А. П. Карпинский берет Е. С. Федорова в Комитет. 1 апреля 1885 г. Евграф Степанович пишет рапорт А. П. Карпинскому: «Имею честь уведомить Ваше Высокородие, что, вступив в должность, на основании приказа Вашего Высокородия от 28 марта с. г. за № 178, консерватора Геологического Комитета, все дела и имущество Геологического комитета принял от горного инженера Михальского в исправности».¹⁰

Как видим, Евграф Степанович охотно согласился вступить в эту «бумажную должность», которая давала ему возможность ежегодно подрабатывать полевыми исследованиями на Северном Урале и оставляла массу свободного времени для научного творчества.

Годы, проведенные Е. С. Федоровым в Комитете, оказались для него самыми плодотворными. Уже в 1886 г. выходят его «Этюды по аналитической кристаллографии», в 1888 г. — «Основные формулы аналитической геометрии в улучшенном виде», в 1889 г. — «Симметрия конечных фигур», в 1891 г. — «Краткое руководство по кристаллографии» и «Симметрия правильных систем фигур» (величайшее из его сочинений!), в 1893 г. — «Основания морфологии и систематики многогранников» и «Теодолитный метод в минералогии и петрографии» и многие другие выдающиеся его исследования. За неполные 10 лет работы в этой более чем скромной канцелярской должности Евграф Степанович опубликовал 128 своих трудов!

Между тем главной заботой Геологического комитета, как мы знаем, было составление геологической карты Европейской России. За это грандиозное предприятие взялись всего 6 человек: 3 старших и 3 младших геолога. Но их явно не хватало. Поэтому в поле ездили все, вклю-

---

⁹ ЦГИА, ф. 58, оп. 1, д. 1, л. 26.

¹⁰ Там же, л. 33.

чая и директора Комитета и консерватора. Мы знаем также, что итогом полевых исследований Александра Петровича явились составленные им уральские листы геологической карты. Евграф Степанович тоже ездил на Урал, но в составлении листов участия почти не принимал. Он писал «Отчеты о летних командировках», описывал придуманный им «метод лодочной съемки», занимался микропетрографическими исследованиями горных пород и т. д., т. е. добросовестно и даже талантливо — иначе он и не мог — исполнял то, что ему поручалось. Душа же его и мозг были настроены на другое.

Это «другое» поглощало и значительную часть его времени, а коллеги по Комитету, включая и А. П. Карпинского, к результатам его научного творчества относились с прохладцей, если не сказать — равнодушно, видя в них не более чем «витание в эмпиреях». Их можно понять. Труды Е. С. Федорова в основе своей математические, и геологам не по силам оценивать их. Поэтому напрасно И. И. Шафрановский бросает им упрек: «К сожалению, молодой Федоров не был своевременно оценен сотрудниками и руководителями (читай — А. П. Карпинским, — *С. Р.*) Комитета».¹¹ Что же говорить о геологах, если даже большинство современных Е. С. Федорову кристаллографов и математиков не понимали его сочинений.

Пример отчетливого неприятия идей своего мужа приводит в своих воспоминаниях жена Евграфа Степановича Л. В. Федорова. Речь в них идет об одной из первых демонстраций работы «федоровского столика». «Както Евграф предупредил, — пишет Людмила Васильевна, — чтобы я приготовила вечернюю закуску и чай, так как он пригласил Карпинского и Еремеева на демонстрацию придуманного им оптического столика к гониометру. Пришел и Карножицкий помочь Евграфу. Когда эта демонстрация кончилась, пошли ужинать.

Я думала, что их займет этот столик, особенно потому, что это изобретение их ученика, и они будут продолжать ученые разговоры. Ничего подобного. Еремеев паясничал, как неподобало бы серьезному ученому, и рассказывал анекдоты; Александр Петрович ухмылялся. Евграф в душе бесился, не улыбался даже на анекдоты;

---

¹¹ Шафрановский И. И. Евграф Степанович Федоров, с. 83.

как, должно быть, ему было обидно такое равнодушное отношение к его излюбленному детищу.

Когда распрощались, Карножицкий вышел с профессорами, потом вернулся и рассказал, что Еремеев вертел пальцем у лба и смотрел в упор на Карножицкого» [91, с. 81].

Евграфа Степановича все это, понятно, раздражало. Он уже сделал свои выдающиеся (это он сознавал) открытия, а на заседаниях Присутствия должен был вести протоколы, регистрировать корреспонденцию, ездить в банк за зарплатой сотрудников. Самолюбие его страдало и — жестоко. Но ведь А. П. Карпинский предупреждал его, чтобы он не строил иллюзий относительно своего места в Комитете! Однако это, по-видимому, вскоре забылось, и, твердо встав на ноги как ученый, он остро ощутил явное противоречие между своим предназначением и реальностью, олицетворением которой теперь для него стал А. П. Карпинский. Понятно, что заработка ему не хватало; понятно, что ему опротивели обязанности делопроизводителя; понятно, что его уязвляло, когда новый микроскоп получал С. Н. Никитин или Ф. Н. Чернышев, а ему, «вырабатывавшему новую систему микроскопов... доставалось на долю только то, что было забраковано другими».¹² Понятно, что его больно ранило забаллотирование в Петербургском лесном институте в 1889 г., в котором объявилась вакансия заведующего кафедрой минералогии и геогнозии, которую без оснований отдали сыну академика Н. И. Кокшарова. И так далее...

Постепенно Евграф Степанович отдалялся от своих товарищей по Комитету, работа в котором превратилась для него в тягостную обузу, а А. П. Карпинский теперь по ночам снился в виде «чудовища, желающего его пожрать». Отношение это, конечно, одностороннее — только с позиции Евграфа Степановича. Александр Петрович, возможно, не испытывал личных к нему симпатий. Не понимая его математических работ, как минералога и петрографа он ценил его высоко, что уже вскоре доказал на деле.

Но прежде произошло событие, еще более обострившее болезненное самолюбие Е. С. Федорова. В 1893 г.

---

¹² Там же.

консерватору Геолкома предложили баллотироваться в адъюнкты Академии наук! Он, разумеется, согласился. Но у него появился конкурент в лице 63-летнего профессора П. В. Еремеева. Негодующий Евграф Степанович, будучи уверен, что его не знают и не ценят в России (а как же расценить факт выдвижения в Академию?!), обратился за поддержкой к выдающемуся немецкому кристаллографу П. Гроту, который совместно с австрийским минералогом Г. Чермаком написал хвалебный отзыв об его ученых заслугах и направил его в Императорскую Академию наук, а Г. Чермак от себя — еще и рекомендацию на имя А. П. Карпинского. Такая, с позволения сказать, мера, предпринятая Евграфом Степановичем, вызвала единодушное неодобрение академиков, которые вполне доверяли своим коллегам, представлявшим нового кандидата, а в ходатайстве со стороны справедливо усмотрели нажим на их мнение в борьбе с конкурентом. И Е. С. Федорова провалили на выборах, предпочтя ему П. В. Еремеева. Сам он этот провал объяснил происками пресловутой «немецкой партии» в Академии. «Еремеев их кандидат», — пишет он жене.¹³ Позволим себе не согласиться с ним. Трудно увязать два таких противоположных обстоятельства, как то, что «немецкая партия» предпочла Федорову Еремеева, в то время как первый заручился поддержкой... немцев!

С этого момента Евграф Степанович злобится уже не только на А. П. Карпинского, но и на всю Академию наук. А напрасно. Уже в ноябре 1900 г. четверо академиков (Н. Н. Бекетов, Ф. Б. Шмидт, А. П. Карпинский и Ф. Н. Чернышев) представляют его в адъюнкты Академии наук. 13 декабря 1900 г. физико-математическое отделение единогласно избирает Е. С. Федорова адъюнктом по минералогии, а с 5 мая 1901 г. его утверждает Общее собрание Академии.

Казалось бы, мечта его сбылась. Он член Академии наук. Пока, правда, только адъюнкт, но в недалеком будущем и ординарный академик. Теперь он может отдавать своей любимой науке все свое время, а не заниматься урывками в вечерние и ночные часы. К тому же и полагавшееся ему содержание — 1500 руб. — было более чем сносным: оно соответствовало содержанию стар-

---

¹³ Там же, с. 92.

шего геолога Геологического комитета. Но надо было выполнить только одно неременное условие академического устава — перебраться на жительство в Петербург и работать в Академии наук... Всего-то... Любой бы без промедления стал укладывать чемоданы. Любой..., но не Е. С. Федоров.

Непреходящая боль самолюбия, раненного более чем 25-летним полулегальным положением ученого-теоретика и ударом, нанесенным Академией в 1893 г., не желает обращаться радостью от оказанной ему чести, которую он уже и за честь не считает. Ему неплохо и в Москве: он профессор и имеет достаточно времени для своих ученых занятий. И он идет на прямое нарушение устава Академии: переезжать в Петербург соглашается только на условиях (ни много, ни мало) организации при Академии наук минералогического института во главе с ним, Е. С. Федоровым. Это — беспрецедентное условие, поставленное вновь избранным адъюнктом, ибо по Уставу 1836 г. Академия наук структурировалась на кафедры и при ней существовали только музеи, никаких институтов не было. Этим было положено начало конфликта между Е. С. Федоровым и Императорской Академией наук.

Академия, понятно, не могла принять его условий, а он, рассчитав, что для выполнения их понадобится не менее двух лет, твердо заявляет: «раньше же этого срока... я не имею возможности переехать по семейным обстоятельствам».¹⁴ Итак, брошен открытый вызов Академии. 31 октября 1901 г. физико-математическое отделение «постановило предложить г-ну Федорову ныне же переехать на жительство в С.-Петербург или же подать просьбу об увольнении его от звания адъюнкта Академии».¹⁵ Звучит, как ультиматум, но Евграфа Степановича это не испугало. К тому же Академия все же не хотела расставаться с ним и не спешила с выполнением этого постановления, наоборот, даже пошла на нарушение Устава, разрешив ему пока проживать в Москве, а заседания Академии посещать «от случая к случаю». Более того, когда он задумал на лето 1903 г. отправиться на Кольский полуостров с целью сбора минералогической коллекции и испросил на это предприятие у Академии

---

¹⁴ К у м о к Я. Н. Евграф Федоров, с. 263—264.

¹⁵ Там же, с. 264.

1200 руб. (помимо содержания), то она и на это пошла — отпустила средства.

Однако Е. С. Федоров не забывает о своих изначальных условиях и 15 мая 1903 г. направляет ультимативное письмо на имя президента Академии великого князя К. К. Романова. Вот его текст: «Приняв на себя тяжкую ответственность члена Академии в России, столь нуждающейся в просвещении, я сделал представление о деле, настоятельно необходимом для развития минералогических знаний в отечестве,— основании минералогического института при Академии.

В ответ на это представление я получил заявление от Академии или немедленно переезжать в Петербург, т. е. бросить науку (?— С. Р.) — это на 34 году ученой деятельности — и отказаться от единственного дела, ради которого я могу принести такую жертву (?— С. Р.) или подавать в отставку от Академии. Вполне сознавая, что мне не место в Императорской СПб Академии, я осмеливаюсь всепокорнейше просить Ваше императорское высочество исполнить желание Академии (?— С. Р.) и ходатайствовать об увольнении меня из состава ее членов».¹⁶

Чуть ли не каждая фраза искажает действительное положение дела. Как же должна была наболеть его душа, как была еще сильна его справедливая обида на Академию, чтобы он, человек выдающегося ума, был способен настолько утратить чувство реальности и во всем и везде теперь видеть только козни и направленные против него интриги. Понятно, что в Академии трезво отнеслись к этому запальчивому посланию. Евграфу Степановичу ответил неременный ее секретарь Н. Ф. Дубровин. Он писал, что физико-математическое отделение выразило единогласное желание сохранить его в своей среде, а потому от имени всех академиков он просит его, Е. С. Федорова, взять назад свое прошение об отставке. Взял, несмотря на то что в этом письме ничего не говорится о минералогическом институте!

Казалось бы, все, конфликт улажен. Возможно, так оно и было бы, не случись нечто непредвиденное... 4 сентября 1904 г. на пост неременного секретаря Академии временно, взамен умершего Н. Ф. Дубровина, назначают А. П. Карпинского. И, как это ни парадок-

---

¹⁶ Там же, с. 265.

А. П. Карпинский, 10-е годы. (Публикуется впервые).

сально, именно этот факт предрешил развитие и исход дальнейших событий. Теперь все шаги, которые предпринимает Академия, Е. С. Федоров расценивает как личные выпады А. П. Карпинского — ведь переписку теперь ведет тот. Теперь нам трудно будет следить за логикой и последовательностью аргументации Евграфа Степановича — все преломляется в его сознании в искаженном виде — через призму личной неприязни к Александру Петровичу, а поэтому и любые шаги Академии воспринимаются им не иначе, как «дьявольские интриги».

15 апреля 1904 г. он пишет А. П. Карпинскому, который уже тогда, до официального назначения, приступил к исполнению обязанностей непрямого секретаря, что «он, оставаясь профессором Московского сельскохозяйственного института, будет известным образом нести обязанности члена Академии и считает свое прошение об отставке недействительным».¹⁷ В том же письме (пока

---

¹⁷ ЛО ААН, ф. 265, оп. 3, д. 5, л. 67.

вполне миролюбивом) Евграф Степанович просит высылать ему протоколы заседаний Академии и ходатайствовать в Министерстве путей сообщения о бесплатном для него проезде из Москвы в Петербург и обратно.

Сколько требований, сколько условий! И, заметим, сколько терпения проявила Академия и А. П. Карпинский во всем этом беспрецедентном деле. Александр Петрович, ценя в Е. С. Федорове, своем бывшем ученике и сотруднике, крупного ученого и закрывая глаза на все трудные стороны его характера, старается выполнить и эту, практически безнадёжную просьбу. Он пишет от имени Академии высоким чиновникам Министерства путей сообщения, но те не усмотрели серьезных оснований для выдачи бесплатного билета. В это же время идет рассмотрение и главной его просьбы — организации при Академии минералогического института. А. П. Карпинский торопит правление Академии с решением этого вопроса и 15 сентября 1904 г. получает ответ: «Правление затрудняется в изыскании средств к удовлетворению просьбы адъюнкта Академии статского советника Е. С. Федорова».¹⁸

Александр Петрович в тупике: везде отказ, а нужно сохранить Евграфа Степановича в Академии ценой выполнения хотя бы минимальных его требований — обеспечить и без того редкие его посещения заседаний без затраты личных средств на разъезды. Задача трудная, но Александр Петрович ее все же решает. 22 сентября 1904 г. он предлагает физико-математическому отделению следующее: «Вследствие существования в Московском сельскохозяйственном институте благоприятной обстановки для научных занятий Е. С. Федорова и отсутствия у Академии специальных средств, необходимых для поездок его (Федорова) из Москвы в Петербург он предлагает ходатайствовать о разрешении Федорову проживать в Москве при сохранении полагающегося ему содержания».¹⁹ Выход был действительно найден: Академия не вмешивается в его научные занятия, но так как заседания Академии все же изредка посещать надо, то «содержание» и будет служить теми разъездными, в коих отказало Управление железных дорог. Вроде бы этого

¹⁸ Там же, л. 2.

¹⁹ Рукописные материалы Е. С. Федорова в Архиве АН СССР. — Тр. Архива АН СССР, 1957, вып. 14, с. 21.

и хотел Евграф Степанович, судя по письму от 15 апреля 1904 г., а когда наконец Академия пошла ему навстречу, усмотрел в этом «оскорбительный для него акт».

«Я случайно узнал из протоколов заседания Академии о том, — гневно начинает свое ответное послание Е. С. Федоров, — что возбуждено ходатайство о ежегодной выдаче мне содержания в 1500 руб. Это ходатайство прямо противоречит закону... Осуществление... легло бы темным пятном на мое, как я надеюсь, еще не запятнанное имя и омрачило бы остаток моих дней».²⁰ Все это он изложил президенту Академии наук. Письмо зачитано на заседании физико-математического отделения 20 октября 1904 г. Получалось, что проживать в Москве и не посещать заседания Академии — по его мнению законно, а когда Академия сделала попытку узаконить этот незаконный факт, он счел, что это ляжет «темным пятном» на его имя.

А между тем, как справедливо отметил А. П. Карпинский, «решение это есть единственно законное и, может быть, единственно справедливое для урегулирования положения г. Федорова в Академии, *в данное время не соответствующее ее Уставу*» (курсив мой, — С. Р.). Чтобы сохранить Е. С. Федорова в своих рядах Академия наук идет, как видим, на явное нарушение своего Устава. Далее Александр Петрович продолжает: «г. Федоров может брать или не брать причитающееся ему содержание, но при изложенных обстоятельствах Академия не могла поступить иначе, сохранив при этом не только законность, но и справедливость и *полную доброжелательность*» (курсив мой, — С. Р.).

«Неожиданное и, можно сказать, ничем не оправдаваемое заявление г. Федорова о нанесенном ему оскорблении, — пишет далее А. П. Карпинский, — могущем положить пятно на его имя и омрачить остаток его дней, допускает, что Отделение является меньше его чутким в вопросах нравственного характера, и это одно должно бы удержать г. Федорова от той поспешности, которая отразилась на точности сделанных им указаний или, быть может, отчасти на неточности изложения, которое, во всяком случае, в докладе, носящем характер жалобы, должно бы быть более продуманным.

²⁰ К у м о к Я. Н. Евграф Федоров, с. 266.

Таким образом, — резюмирует А. П. Карпинский, — утверждение г. Федорова, что прошение его об отставке от 15 мая 1903 г.... подано им вследствие требования Академии, равно и утверждение, что по отношению к нему упорно отвергаются все неотъемлемые и принадлежащие ему по закону права, совершенно не соответствуют действительности. Неточность заявления г. Федорова, что он всю жизнь не имел никаких средств для серьезных научных занятий может быть подтверждена фактически».²¹

Спокойный и деловой тон заявления и. о. неперменного секретаря А. П. Карпинского еще больше выводит из себя Е. С. Федорова. Он вновь пишет в Академию разгневанное письмо, еще более нагромождая ни чем не аргументированные обвинения. А. П. Карпинский вновь вынужден (именно вынужден) отвечать ему: «Как настоящее объяснение г. Федорова, так и предыдущее, отклонением в сторону и заменой одних вопросов другими, служат не к разъяснению дела, а к его затушевыванию. Ни тогда, ни теперь г. Федоров не в состоянии был дать ни одного прямого ответа, который оказался бы верным».²²

Да, прямо скажем, злую шутку сыграла судьба с Александром Петровичем. Надо же было ему принять обязанности неперменного секретаря именно в то время, когда разыгралась эта история. Он даже слег от нервного напряжения, и на заседании 17 ноября 1904 г. представил свой очередной ответ на очередное письмо Е. С. Федорова, который написал, как он выразился, «лишь по необходимости».²³ Все это ему уже изрядно надоело, и он прекрасно понимал, что никакого логически обоснованного выхода из данного тупика найти невозможно. И все же он делает последнюю попытку: «... Учреждению минералогического института при Академии в том или другом виде я весьма сочувствую. Устройство хорошо обставленного минералогического кабинета является совершенно необходимым. Устройство института, имеющего главной целью помощь посторонним ученым, желательно, но требует обстоятельного всестороннего обсуждения, как это я заметил уже в заседании 20 октября, упомянув, что

---

²¹ ЛО ААН, ф. 265, оп. 3, д. 5, л. 67—68.

²² Там же, л. 12.

²³ Там же, л. 33.

и „сам г. Федоров *главную* цель (выделено А. П. Карпинским, — *С. Р.*) проектируемого им учреждения в прежнем и последнем своих заявлениях *определяет различно*“. (Это мое выражение г. Федоров переиначивает в *противоречие в целях*).

... Я вообще, — продолжает Александр Петрович, — с трудом могу понять цель так пазываемых *фактических* опровержений, сделанных на мои очень сдержанные и осторожные замечания г. Федоровым, оставившим наиболее важные и ответственные для него указания без ответа». ²⁴

Но и этот сдержанный и спокойный ответ А. П. Карпинского, разумеется, не возымел действия. Безграничное терпение Александра Петровича лопнуло. Он не может больше вести переписку по этому делу, ибо все его доводы, увещевания и попытки успокоить своего корреспондента разбиваются о слепое его неприятие всего происходящего. И он впервые в жизни признает полное свое бессилие, решив, возможно, что Е. С. Федоров ведет себя так потому, что ему отвечает он, Карпинский. И Александр Петрович в отчаянии взывает о помощи к своим коллегам по Академии:

«Ввиду последних заявлений Е. С. Федорова, поступивших в Академию во время исполнения мною должности неперменного секретаря и возникшей по этому поводу переписки, дающей основание ожидать дальнейших осложнений, я имею честь обратиться с предложением просить некоторых членов Академии, особенно Второго и Третьего отделений, недостаточно осведомленных с отношениями между Первым отделением и г. Федоровым, ознакомиться со всей относящейся к этому делу перепиской (по оригинальным рукописным материалам)». ²⁵

Конечно, ради этого не стали создавать арбитражную комиссию, а упросили А. П. Карпинского довести дело до конца, тем более что финал был не за горами. Действительно, на заседании физико-математического отделения 15 декабря 1904 г. Александр Петрович огласил не устававшим изумляться академикам очередное, очень резкое (по его адресу, в первую очередь), письмо Е. С. Федорова, в котором он буквально пугает академи-

---

²⁴ Там же, л. 86.

²⁵ Там же, л. 22.

ков своей отставкой: «Считаю долгом предупредить Академию, — заявляет Евграф Степанович, — что в непродолжительном времени я возобновляю свое прошение об отставке из Академии».²⁶ Предупреждение излишне, поскольку оно уже не настораживает академиков. Все к этому готовы, устали от этой, почти двухлетней непрерывной писанины и, можно быть уверенным, не попросят (на этот раз) Е. С. Федорова взять свое заявление обратно. Понимает это и сам Евграф Степанович. 7 января 1905 г. он пишет свое знаменитое и, надо сказать, очень смелое по форме заявление на имя президента Академии наук К. К. Романова. Оно, безусловно, делает ему честь как ученому-гражданину, но ни в коем случае не является отражением существа предшествовавших ему событий. Вот его текст.

Ваше императорское высочество!

Когда накануне моего выбора в члены-корреспонденты Баварской Академии наук, поставленный при своем непреодолимом научном влечении в безвыходное положение, но полный сил, имея весьма неправильное представление об Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, я обратился к ней за помощью, она меня грубо оттолкнула.

Она пожелала привлечь меня в качестве «адъюнкта», т. е. начинающего ученого, когда я стал инвалидом. Было так устроено, что, приняв выбор, я остался бы без средств для научных занятий и даже без средств к жизни (? — С. Р.). Конечно, зная теперь, что такое Академия, я должен был отказаться от этого выбора, но пока еще были остатки сил, мой отказ мог со стороны потомков вызвать справедливый упрек, что я не сделал попытки вынудить Академию оказать помощь делу русского просвещения устройством минералогического института. Ваше императорское высочество изволили видеть, что моя попытка вызвала со стороны Академии попытку запятнать мое имя (? — С. Р.), побудив принять участие в противозаконном дележе казенного пирога. Такова пропасть в воззрениях, целях, задачах скромных людей науки, подобных мне, и господ академиков, важных представителей нашей бюрократии, той самой бюрократии, которая как своих особо выдающихся представителей выдвигает Биронов, Арачеевых, Дм. Толстых, Плеве.

Не могу допустить для себя чести принадлежать к этому сословию, почему и решаюсь всепокорнейше просить Ваше императорское высочество дать моему прошению об увольнении из Академии, представленному в мае 1903 г., законный ход и считать меня окончательно выбывшим из Академии не только без оставления в какой-либо должности при ней, но даже без всякого звания, какое могло бы напоминать мне об Академии и тем

²⁶ Там же, л. 92.

отравлять духовный покой, столь необходимый в последние годы научной деятельности.

Если бы Академия была действительно рассадником просвещения, теперь с моей стороны было бы безнравственно занимать в ней место, так как при ослабших силах я уже не мог бы быть на этом месте полезным деятелем и только заграждал бы дорогу более к тому пригодным.

Вашего императорского высочества
всепокорнейший слуга Е. Федоров.²⁷

3 сентября 1905 г. Общее собрание Академии наук удовлетворило эту просьбу Е. С. Федорова. Прискорбный в истории науки факт, и не потому, конечно, что Евграф Степанович перестал быть членом Академии, ибо ученым он остался, а потому, что развитием этого конфликта руководили чувства, а не разум, и в результате — болезненное искажение действительного положения дел, из-за чего всегда — и в данном случае тоже — страдает само дело, ради которого и ломаются эти «эмоциональные копья».

Прошли годы. Отгремели войны. В России свершилась Октябрьская революция. И вот в голодную осень 1918 г. А. П. Карпинский, уже президент Российской Академии наук, идет домой к больному Е. С. Федорову и просит его дать свое согласие баллотироваться в Академию. Порядки теперь новые, да и время приглушило былые страсти. Евграфу Степановичу уже 65 лет. Он абсолютно сед, а постоянное недоедание настолько иссушило его, что ему можно дать и 80. Он лежит и почти не встает. Свое согласие А. П. Карпинскому он дает сразу. Текст представления, которое официально именовалось «Запиской об ученых трудах проф. Е. С. Федорова», подписали академики В. И. Вернадский, А. П. Карпинский, Н. С. Курнаков и А. Н. Крылов. 16 декабря 1918 г. Евграф Степанович был единогласно избран физико-математическим отделением, а 1 февраля 1919 г. — Общим собранием Академии. Но в этом качестве Е. С. Федорову пришлось пробыть недолго: 21 мая того же года он скончался. . .

Вернемся, однако, в бурный 1905 г. Для Академии он начался обсуждением заявления Е. С. Федорова об уходе из адъюнктов и участием многих ее членов в составлении

²⁷ Шафрановский И. И. Евграф Степанович Федоров, с. 149—150.

знаменитой «Записки о нуждах просвещения», более известной сейчас как «Записка 342 ученых». Между же этими событиями было 9 января — расстрел мирной демонстрации на Дворцовой площади Петербурга. Варварский этот акт настолько возмутил и взбудоражил Академию, что даже престарелые и чуждые политике ученые не смогли отмалчиваться. На повестке дня, как тогда казалось подавляющему большинству российской интеллигенции, стоял один, но главный вопрос — «созыв свободно избранных представителей всего народа, а до этого жизнь России... не может — и мы убеждены — не поидет сколько-нибудь нормальным порядком».²⁸ Так говорилось в резолюции Общего собрания С.-Петербургского общества взаимопомощи лаборантов и доцентов вузов, принятой 16 января 1905 г., и так же считали практически все члены Академии наук. Восемнадцать из них, не задумываясь, подписали «Записку 342 ученых», в которой, в частности, говорилось: «Правительственная политика в области просвещения народа, внушаемая преимущественно соображениями полицейского характера, является тормозом в его развитии, она задерживает его духовный рост и ведет государство к упадку».²⁹ Что касается средних школ, то «своим строем они подавляют личность как ученика, так и учителя и убивают такие качества человеческой души, развитие которых составляло бы их прямое назначение — любовь к знанию и умению самостоятельно мыслить». Высшие же учебные заведения, как констатируют авторы «Записки», «приведены в крайнее расстройство и находятся в состоянии полного разложения».³⁰ Не лучше обстоит дело и с наукой, с организацией научных исследований, не мыслимой без академических свобод. «Академическая свобода, — пишут деятели народного просвещения, — несовместима с современным государственным строем России. Для достижения ее недостаточны частичные поправки существующего порядка, а необходимо полное и коренное его преобразование. В настоящее время такое преобразование неотложно».³¹

²⁸ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1905, д. 1, л. 5.

²⁹ Записка о нуждах просвещения (342 ученых). — Всемирный вестник, 1905, № 4, с. 1—2.

³⁰ Там же, с. 2.

³¹ Там же, с. 3.

Это, конечно, не призыв к революции, но все же завуалированное требование уничтожения самодержавия, абсолютной монархической власти. Ученые требуют конституции: «Опыт истории свидетельствует, — пишут они, — что эта цель не может быть достигнута без привлечения свободноизбранных представителей всего народа к осуществлению законодательной власти и контролю над действиями администрации. Только на этих основах обеспеченной личной и общественной свободы может быть достигнута свобода академическая — это необходимое условие истинного просвещения».³² Еще Д. Дидро писал: «Нет ни прав, ни законов, ни свободы там, где государь распоряжается правами и законами по своему усмотрению».³³ Французский мыслитель советовал Екатерине II созвать в России законодательное собрание. Тогда шел 1777 г., теперь — 1905, но в России по-прежнему абсолютная монархия. Однако в 1905 г. она все же дрогнула: под мощным нарастанием революционного движения Николай II издал манифест, в котором обещал законом охраняемые свободы — слова, печати, собраний и т. д. Обещание, как и следовало ожидать, оказалось эфемерным. Но все же сам факт его появления знаменателен. И в общем хоре негодования народных масс не потонул голос российской интеллигенции — деятелей просвещения.

«Записку» эту подписали 18 членов Академии наук: Ф. Ф. Бейльштейн, Н. Н. Бекетов, И. П. Бородин, В. А. Беклемишев, А. Н. Веселовский, В. В. Заленский, К. И. Залеман, В. О. Ключевский, А. М. Ляпунов, А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Марков, С. Ф. Ольденбург, И. П. Павлов, В. В. Радлов, А. С. Фаминцын, Ф. Н. Чернышев, А. А. Шахматов и И. И. Янжул — лучшие люди Академии того времени! К ним присоединили свои голоса Н. И. Андрусов, Д. С. Белянкин, К. И. Богданович, В. И. Бауман, Л. С. Берг, В. Л. Бианки, Ф. Д. Батюшков, А. П. Герасимов, С. А. Ганешин, Н. С. Курнаков, В. Л. Комаров, Л. И. Лутугин, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, П. Ф. Лесгафт, Н. Ф. Погребов, А. С. Попов, И. Е. Репин, Д. С. Рождественский, В. А. Стеклов, В. Н. Сукачев, В. Н. Тонков, М. А. Шателен, Н. Н. Яков-

³² Там же, с. 3—4.

³³ Дидро Д. Собр. соч., т. X. М., 1947, с. 429.

лёв и многие, многие другие. Какие имена! Но где же подпись А. П. Карпинского? Она не значится под этой «Запиской».³⁴ Почему же он не подписал этот исторический документ?

Трудно ответить на этот вопрос однозначно, ибо сам Александр Петрович никаких указаний на сей счет не оставил. Скорее всего он сознательно уклонился от своего участия в ней, ссылаясь на то, что на «ниве просвещения» уже не трудится почти 10 лет, а занимается только наукой. К тому же он вообще не любил ввязываться в какую-либо «политику», и там, где это было возможно, придерживался этого принципа. Возможно, он не хотел подводить и президента Академии, который, хотя и принадлежал к императорской фамилии, по отношению к Академии соблюдал лояльность и был ей удобен: в ее дела особенно не вмешивался. Сам он пробовал силы в поэзии и драматургии, занимался переводами. В 1915 г. в Петрограде вышел двухтомник его избранных произведений под инициалами «К. Р.», куда вошло большое число его стихотворений, а также переводы из А. де Мюссе, В. Гюго, Шекспира («Король Генрих IV»), Гете («Ифигения в Тавриде») и т. п. Перевел он и «Гамлета» Шекспира, переводил Шиллера, а также многих древнегреческих поэтов и драматургов. «Но особенным успехом пользовались романсы его — точнее романсы, написанные на его стихи П. И. Чайковским: „Растворил я окно — стало душно невмочь...“, „О, дитя, под окошком твоим я тебе пропою серенаду...“, „Помнишь, порою ночью...“ (эти и иные романсы: «Повеяло черемухой», «Сирень», «Баркаролла», «Колокола», «Мне снилось» — были любимы и часто исполнялись Александром Петровичем в кругу друзей и близких)», — сообщает Я. Н. Кумок [91, с. 136].

Но он же был и президентом Академии наук, обязанным заботиться не только об организации научных исследований, но и следить за «умонастроениями» ее членов. А потому он не смог не реагировать на появление

---

³⁴ В монографии М. С. Бахраковой «Становление советской системы организации науки (1917—1922)» (М., 1973) утверждается, что «Записку» среди прочих ученых подписали В. М. Бехтерев, В. И. Вернадский, А. П. Карпинский, П. Н. Лебедев, П. П. Лазарев, К. А. Тимирязев. Подписей этих ученых там нет.

«Записки 342», среди которых 18 — члены вверенной ему Императорской Академии наук. И он пишет циркулярное письмо, которое рассылается всем, подписавшим эту «Записку» академикам. «Не отвлекаясь рассуждениями о необходимости начала политической свободы, — пишет Константин Романов, — деятели ученых и высших учебных учреждений должны бы сперва освободиться от казенного содержания, коим пользуются от порицаемого ими правительства».³⁵ Логика чисто барская — мы вам платим и вы не смеее быть нами недовольны... Столь же бесцеремонна и концовка этого послания, наставляющая господ академиков на «путь истинный», — вместо призывов к осуществлению законодательной власти вы, мол, лучше бы «позаботились о скромном и святом исполнении своего высокого и ответственного ученого и учебного долга».³⁶

Это, последнее, буквально взорвало академиков. Ботаник И. П. Бородин, не медля, подает прошение об отставке. Многие академики, для которых чувство человеческого достоинства превысило страх за свое академическое кресло и с детства воспитанное «верноподданническое» чувство, пишут президенту Академии возмущенные письма, в которых они отстаивают права на собственное мнение и гражданскую совесть. Эти прекрасные письма должны быть в будущем опубликованы полностью.

Вот краткие выдержки из них. «Я не только академик, а и человек и гражданин, — пишет крупнейший востоковед-индолог академик С. Ф. Ольденбург, — и мне неизвестен тот закон, и смею утверждать, что его нет, который запрещал бы мне высказывать открыто свои взгляды на просвещение в России».³⁷ Да, «нигде законом не требуется, — подхватывает эту мысль 70-летний ботаник академик А. С. Фаминцын, — чтобы находящиеся на государственной службе лица не могли бы иметь своего особого мнения и обязаны бы были лишь восхвалять правительственные мероприятия и распоряжения».³⁸ «Нарушен ли наш служебный долг тем, что мы составили и подписали „Записку 342 ученых“?, — спрашивает акаде-

---

³⁵ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1905, д. 38, л. 2.

³⁶ Там же, л. 2 об.

³⁷ Там же, л. 6—7.

³⁸ Там же, л. 11 об.

мик А. А. Шахматов, выдающийся русский языковед. — Да, он был бы нарушен в такой стране, которая сочла бы нужным освободить своих служащих от совести и от чувства долга и требовала бы от них лицемерия, прислужничества и продажности».³⁹

Столь же гневные письма направили великому князю академики Ф. Н. Чернышев, директор Геологического комитета; А. М. Ляпунов и А. А. Марков, великие русские математики; В. В. Заленский, известный зоолог; старейший в то время академик, 82-летний физиолог Ф. В. Овсянников; видный русский историк А. С. Лаппо-Данилевский.

Вот так проявила себя Академия в год первой русской революции, та Академия, от которой отшатнулся Е. С. Федоров, обвинив — и, конечно же, незаслуженно — ее членов в «кумовстве». А время, в течение которого Александр Петрович исполнял должность ее постоянного секретаря, оказалось для него самым тяжким. Он с трудом дождался, когда его наконец освободили от этих обязанностей.

К его счастью, он ни разу не был избран постоянным непремненным секретарем Академии. Он все время подменял их: то во время отлучки, то из-за болезни. Первый раз Александр Петрович остался за непремненного секретаря в 1896 г., когда президент Академии, вице-президент и непремненный секретарь отбыли в Москву на коронацию Николая II.⁴⁰ Ничего существенного и интересного в этот период не произошло. В 1904 г. скончался непремненный секретарь академик Н. Ф. Дубровин, и президент Академии, впредь до специальных выборов, назначил своей властью на эту должность А. П. Карпинского, правда, только «временно исполняющим обязанности...» Но и это «временное исполнение» стоило ему много сил и нервов...

...Он с нетерпением и тревогой ждал Общего собрания, на котором должны были избрать постоянного непремненного секретаря. Волновался он страшно. И было от чего. 2 октября 1904 г. при подаче записок с фамилиями кандидатов на эту должность А. П. Карпинский набрал 11 голосов, а С. Ф. Ольденбург — 12. Александр

³⁹ Там же, л. 16.

⁴⁰ ЛО ААН, ф. 265, оп. 3, д. 1, л. 1.

Петрович вздохнул с облегчением. Должность эта была не для него, а Сергей Федорович «рожден непременным секретарем». Так Академия наук еще в 1904 г. утвердила на одной из трех руководящих должностей человека, которому суждено было стать «ее совестью» в самые трудные первые послереволюционные годы.

Но Александру Петровичу еще дважды пришлось подменять нового непременного секретаря: в августе — сентябре 1909 г. и с 6 апреля по 27 ноября 1913 г.

2 июня 1915 г. «в бозе почил августейший президент Императорской Академии наук, Его императорское высочество, великий князь Константин Константинович»,⁴¹ а почти через год — 5 мая 1916 г. — умирает и вице-президент Академии П. В. Никитин, крупный специалист по греческой и римской словесности. Академия осталась без руководства. Тяготы мировой войны, которые России с каждым годом переносить было все труднее, полный развал хозяйства в стране, мощное нарастание революционного движения поглощали все думы царствующей особы. Ей, этой особе, было не до Академии наук. А традиции Академии требовали, чтобы во главе ее стоял человек «приставленный» к ней из «особ первых четырех классов». Поэтому, не надеясь на скорое назначение нового президента, Академия наук усиленно добивается, чтобы назначили хотя бы вице-президента — фактического (в этих условиях) ее руководителя. Вот как описал эти события в своем дневнике В. А. Стеклов.

5 мая. Сегодня скончался наш вице-президент П. В. Никитин. Неожиданно заболел в воскресенье, а сегодня умер!...

7 мая. Вчера после панихиды по Никитину собрались у Карпинского (по моему предложению). Ольденбург объяснил трудное положение Академии (нет ни президента, ни вице-президента). Высказались единогласно о желании в вице-президенты Карпинского.

9 мая. В 2 часа в кабинете непременного секретаря панихида по Никитину. Академия желает... вице-президентом Карпинского. Завтра Ольденбург переговорит с министром [91, с. 144].

Как видим, академики были единодушны: коль скоро обстоятельства предоставили право им самим выбирать вице-президента, кандидатура у них одна — А. П. Кар-

⁴¹ ЦГИА, ф. 740, оп. 18, д. 323, л. 1.

пинский. Министерство народного просвещения, не имея полномочий назначать на столь высокие посты, издает распоряжение о поручении ординарному академику А. П. Карпинскому временного исполнения обязанностей вице-президента Академии с 11 мая 1916 г. Через 4 дня последовало и высочайшее утверждение. «Согласен» на- чертал Николай II в Севастополе 15 мая 1916 г.⁴² По этому случаю 18 мая созвали экстраординарное общее собрание Академии, и академики с радостью приветство- вали нового фактического главу Академии наук.

Именно с этого времени Александр Петрович стал действительным руководителем Академии, направляя ее работу в трудные годы первой мировой войны. Но и это назначение не принесло радости А. П. Карпинскому. Ему без малого 70 лет. У него масса невыполненных личных научных работ, а он уже стар и на их реализацию вре- мени остается немного. А тут еще эта тяжелейшая на- грузка, которая усугубляется тревожной военной обста- новкой. Уже начали поговаривать, что немцы могут за- нять Петроград. Что тогда будет с Академией?

Друзья же спешат поздравить и его и Академию с этим назначением. Александр Петрович отвечает им: «Глубокоуважаемый Андрей Петрович,— пишет он А. П. Семенову-Тяп-Шанскому,— я сердечно благодарю Вас за Ваше доброе письмо и за Ваши пожелания, но повое назначение, хотя и временно исполняющим обязан- ности (что дает хотя некоторую надежду на скорое ос- вобождение), меня сильно угнетает во многих отноше- ниях».⁴³ Но делать нечего. Уклониться от назначения он не мог, и Александр Петрович, как всегда, деловито и не- спешно, приступает к новой для себя работе. *С этого вре- мени. т. е. с 15 мая 1916 г., для Академии наук началась новая эпоха ее многотрудной истории, неразрывно свя- занная с именем А. П. Карпинского.*

Расскажем еще об одной грани научно-организацион- ной деятельности А. П. Карпинского на посту директора Санкт-Петербургского, а затем Всероссийского минералогич- еского общества, одного из старейших естественно-науч- ных обществ нашей страны. Несколько слов из его истории.

⁴² Там же, ф. 744, оп. 1, д. 317, л. 4.

⁴³ ЛО ААН, ф. 722, оп. 2, д. 457, л. 7.

Учредительное собрание, провозгласившее рождение Санкт-Петербургского минералогического общества, состоялось 7 января 1817 г. в Михайловском замке. Оно же приняло первое «Постановление Санкт-Петербургского минералогического общества», т. е. его Устав, в первом же параграфе которого было сказано, что «предмет, которым сие Общество предполагает заниматься, есть минералогия во всем пространстве сего слова».⁴⁴ Это означает, что «с самого начала Минералогическое общество стремилось к своей работе привлечь исследователей не только минералов, но и горных пород, рудных образований и геологического строения территории России».⁴⁵ Руководство Обществом предполагалось двухступенчатым. Во главе его стоял президент, а фактическую руководящую работу должен был исполнять директор. Был, разумеется, и секретарь.

Первым президентом Минералогического общества был избран Б. И. Фитингер (с 1817 по 1824 г.). Затем президентами были А. Г. Строганов (1824—1844 гг.), А. Н. Демидов (1844—1865 гг.), герцог Н. М. Лейхтенбергский (1865—1890 гг.), принцесса Е. М. Ольденбургская (1891—1917 гг.). Легко заметить, что в дореволюционное время президентами Общества избирались влиятельные и высокопоставленные лица, меценатствующие любители естествознания. Делалось это сознательно, чтобы Общество в их лице имело надежных — прежде всего в финансовом отношении — покровителей. Ну, а всей научной работой руководил директор, который, как правило, выбирался из числа наиболее крупных ученых-геологов.

Так, директорами Общества, предшественниками А. П. Карпинского, были Л. И. Панснер (с 1817 по 1824 г.), К. К. де Местр (1824—1827 гг.), К. И. Милнус (1827 г.), Я. Г. Зембницкий (1827—1842 гг.), С. С. Куторга (1842—1861 гг.), Э. К. Гофман (1861—1865 гг.), Н. И. Кокшаров (1865—1892 гг.) и П. В. Еремеев (1892—1899 гг.). Его-то и сменил Александр Петрович на посту директора.

К этому времени он был уже одним из старейших членов Минералогического общества, ибо был выбран

⁴⁴ Соловьев С. П. Всесоюзное минералогическое общество и его роль в развитии геологических наук. Л., 1967, с. 12.

⁴⁵ Там же, с. 19.

еще 11 февраля 1869 г. А с 11 декабря 1884 г. он уже почетный его член. И добавим к тому же, что один из самых активных. Свою первую статью в «Записках С.-Петербургского минералогического общества» А. П. Карпинский публикует еще в 1874 г. (II сер., ч. 9, с. 212—310). Это была фундаментальная его работа, в которой он впервые обосновал наличие особой группы переходных слоев, названной им артинским ярусом. (На ее анализе мы уже останавливались в гл. 4). Затем он печатает в «Записках» 77 своих работ, в том числе одну монографию («Об аммонейх артинского яруса и некоторых сходных с ними каменноугольных формах», II сер., 1891, ч. 27, с. 15—208), массу статей, заметок и некрологов.

...Итак, 26 января 1899 г. на заседании Минералогического общества предстояло избрать нового директора. Председательствовала принцесса Е. М. Ольденбургская. Выборы, как это в те годы было принято, проводились «записками». Вот их результаты: академик А. П. Карпинский был предложен 31 голосом, по 4 голоса было подано за И. В. Мушкетова и Ф. Н. Чернышева, 3 — за Г. Д. Романовского, 2 — за В. И. Мёллера. В протоколе этого заседания отмечено, что все предложенные кандидаты (кроме А. П. Карпинского) «отказались от баллотировки шарами и просили не считать их в числе предложенных кандидатов на должность директора Общества».⁴⁶ Александр Петрович, таким образом, оказался избранным сразу «записками» без голосования «шарами». Редкая, но для него — повторяем — обычная ситуация.

Минералогическое общество Александр Петрович возглавлял до конца жизни, т. е. в течение 37 лет. Это рекордный срок за всю более чем 150-летнюю историю Общества.

В 1927 г., когда А. П. Карпинскому перевалило за 80 и стало трудно справляться с дополнительными, помимо Академии наук, нагрузками, он просил Общество освободить его от председательской должности. Но собравшиеся в Горном институте геологи упростили А. П. Карпинского не уходить с этого поста, а в помощь ему избирали академика В. И. Вернадского.⁴⁷

---

⁴⁶ Зап. С.-Петерб. минер. об-ва, 1899, ч. 37, вып. II, с. 53.

⁴⁷ Там же, 1928, ч. 57, вып. II, с. 320.

Из многочисленных докладов и сообщений, сделанных А. П. Карпинским на заседаниях Минералогического общества,⁴⁸ остановимся только на одном, но зато представляющем выдающийся интерес. 2 апреля 1902 г. в кратком сообщении он обратил внимание слушателей на исследования Брюнеса и Дэвида, дающие возможность *«определения элементов земного магнетизма в некоторых местах земной поверхности в давно минувшие времена»*⁴⁹ (курсив мой, — С. Р.). Это утверждение докладчика, обладавшего удивительной способностью предвидения возможных путей развития науки, на рубеже веков казалось (мягко говоря) абсурдным. На заседании разгорелась бурная дискуссия. Вся аудитория выступила оппонентом А. П. Карпинского. Но он спокойно парировал все доводы. К сожалению, в те годы геофизика еще не располагала конкретными аргументами, способными доказать реальность этого «невероятного его утверждения», а потому Александр Петрович направил дискуссию в методологическое русло и показал, что познание безгранично и ему «никаких пределов заранее не может быть положено».⁵⁰ В наши дни исследования палеомагнетизма бурно развиваются. Без них немыслимы современные глобальные обобщения по геологии Мирового океана, они являются одним из оснований «новой глобальной тектоники». Вот как далеко заглянул еще в 1902 г. Александр Петрович Карпинский.

Шли годы. Наступил 1917 — год Великой Октябрьской социалистической революции. В этом же году исполнилось 100 лет со дня основания Минералогического общества. К этому юбилею Общество готовилось заранее. Еще в 1915 г. на заседании специально избранной юбилейной комиссии было решено «не придавать празднованию юбилея особо торжественного характера и, во всяком случае, ограничиться такими расходами, которые допускают собственные средства Общества».⁵¹ Шла первая мировая война и было не до торжеств. Поэтому первый в истории Общества «круглый» юбилей был отмечен очень скромно. В отчете Общества за 1917 г. читаем:

⁴⁸ Все 77 работ А. П. Карпинский опубликовал в «Записках Минералогического общества» до 1917 г.

⁴⁹ Зап. С.-Петерб. минер. об-ва, 1902, ч. 40, вып. 1, с. 73.

⁵⁰ Там же, с. 74.

⁵¹ Там же, 1924, ч. 52, с. 526.

Минералогическое общество «в свой вековой юбилей не собрало в своих стенах даже русских представителей геологии и минералогии, понимая, что в годину народной беды не время устраивать пышные торжества».⁵²

Но торжественное заседание Общества все же состоялось. Те, кто смог, 7 января 1917 г. пришли в конференц-зал Горного института. Ряды слушателей блистали звездами, эполетами и орденами. На трибуне — директор Минералогического общества, академик А. П. Карпинский. Он произносит большую, приличествующую случаю речь. Подробно остановившись на истории возникновения Общества, его основных достижениях за минувшее столетие, он вынужден сосредоточить внимание на том, что в то время больше всего волновало ученых — на отношении людей науки к войнам вообще и к первой мировой войне в особенности. «Интеллектуальные богатства и связанная с ними высота нравственного уровня составляют истинное величие и значение народов и действительный источник их влияния на другие нации,— говорил Александр Петрович.— Угнетение же малочисленных и физически слабых народностей и насильственное навязывание им чуждой культуры всегда служит причиной дальнейших бедствий угнетаемых и угнетателей. И можно скорбеть,— продолжал он,— что нация, давшая столько умственных сокровищ другим народам, позволила увлечь себя темным делом, помрачившим рассудок даже многих видных представителей науки».⁵³ Золотые слова! Их по праву можно было произнести и в 1941 г.

Минералогическому обществу Александр Петрович уделял много внимания до конца своей жизни. И хотя после 1917 г. он не сделал на его заседаниях ни одного научного доклада, так как просто не хватало времени на их подготовку — всю его энергию поглощали бесчисленные хлопоты на посту президента Академии наук,— но заседания Общества он посещал регулярно и всегда выступал после интересовавших его докладов. «Как председатель собраний Александр Петрович никогда не подавлял докладчика,— вспоминает А. П. Герасимов,— в особенности молодого, ни своим авторитетом, ни высо-

---

⁵² Зап. Росс. минер. об-ва, 1926, ч. 55, с. 216.

⁵³ ЛО ААН, ф. 265, оп. 1, д. 112, л. 7.

ким положением. Наоборот, он всегда старался подбодрить новичка и в председательском резюме обыкновенно особенно отмечал положительные стороны доклада, мягко указывая на то, что он находил неправильным или недостаточно доказанным» [41, с. 45]. Такова еще одна грань этой удивительно деятельной и доброй натуры.

В июне 1916 г. исполнялось 50 лет научной деятельности А. П. Карпинского. Обычно к этой дате приурочивалось присвоение очередного чина и, коли юбилар был «тайным советником», то в дни юбилея он становился «действительным тайным». Еще 30 апреля 1916 г. вице-президент Академии наук П. В. Никитин обратился с письменной просьбой к министру народного просвещения графу П. Н. Игнатьеву о присвоении этого чина А. П. Карпинскому. 27 мая министр пишет аналогичное прошение на имя главноуправляющего «собственной Его императорского величества канцелярией» А. С. Танеева. И вдруг 8 июня, за 3 дня до юбилея, министр получает ответ от А. С. Танеева: «Тайному советнику г. Карпинскому пожалован орден Святого Благоверного Великого князя Александра Невского, вне правил».⁵⁴

11 июня министр поздравляет Александра Петровича с этой наградой — высшим орденом Российской империи. Но тот награде не рад. И причина здесь простая: за орден надо было... платить, и чем он выше, тем такса больше. (Таким путем правительство возмещало расходы на золото и драгоценные камни). Таковы были правила. Денег же у А. П. Карпинского — по крайней мере, лишних — не было. Зная это, его друзья еще за год до юбилея заботились, чтобы празднование его не очень сильно ударило юбиляра по карману. К. И. Богданович, директор Геологического комитета, еще в 1915 г. написал секретное письмо министру торговли и промышленности: «Посылаю Вам записку о трудах Карпинского. Кстати, награждением Александра Петровича „Александром Невским“ ему сделают только ущерб материальный, а у него сбережений нет никаких, семья большая. Было бы гораздо лучше произвести в действительные тайные советники, что повлияло бы на эмеритуру для его детей, а у него две дочери совершенно не обеспеченные и без

⁵⁴ ЦГИА, ф. 740, оп. 13, д. 125, л. 6.

надежды выйти замуж. Это все — по секрету».⁵⁵ Но просьбе этой не вняли.

Итак, наступило 11 июня 1916 г. — день знаменательного для А. П. Карпинского юбилея. Все организации, к нему причастные, — и Академия наук, и Геологический комитет, и Горный институт, и многочисленные ученые общества спешили выразить свою любовь, почтение и безграничное уважение этому нескгибаемому искателю Истины. Поступали адреса, письма, телеграммы. Дома не успевали принять одну делегацию, как раздавался звонок и впускали следующую. Отвечать на приветствия приходилось Александре Павловне, а юбилея... не было, и никто не знал, где он.

А он просто сбежал от этих почестей, так, по-мальчишески, взял и удрал. В письме в А. П. Семенову-Тянь-Шанскому Александр Петрович в этом признался: «... Юбилея я не праздновал, принимая некоторые меры, чтобы его забыли, и в день юбилея находился в неизвестном отсутствии, не тревожа даже моих близких родных».⁵⁶ Вот так: «Не тревожа даже близких родных». Это, заметим, не старческое кокетство и не проявление дурного расположения духа, а просто его характер, не терпящий преувеличенного внимания к себе, тем более в столь торжественные, казалось бы, моменты.

Где же он мог скрываться? Конечно же, на Сиверской, где уже около 20 лет каждое лето он снимал, или, как тогда говорили, «нанимал» дачу. Родные его, зная, что 11 июня исполняется столь почтенная дата его служения науке, отложили переезд туда. А он взял, да и уехал, — один...

Но приближалась еще одна круглая дата. 26 декабря 1916 г. Александру Петровичу исполнялось 70 лет. (Он всю жизнь считал днем своего рождения именно 26 декабря, т. е. по старому стилю). И уж тут-то ему скрыться было некуда. Да и не дали бы!

Шутка ли — 70. Давно уже стали взрослыми его дочери. У него растут два внука. Он возглавляет (фактически) Академию наук. Как ученый-геолог признан всем миром. Признание это выразилось, в частности, избранием его многими зарубежными академиями и научными

---

⁵⁵ Там же, ф. 23, оп. 3, д. 406, л. 3.

⁵⁶ ЛО ААН, ф. 722, оп. 2, д. 457, л. 9 (письмо от 18 июня 1916 г.).

А. П. Карпинский с женой и внуками на даче в Сиверской, до 1910 г. (Публикуется впервые).

обществами своим членом. Если признание ученого мерить этими мерками, то вот как оно развивалось: с 1892 г. он почетный член Бельгийского геологического общества и член-корреспондент королевского общества наук в Геттингене; в 1897 г. его избирают почетным членом Бельгийского общества геологии, палеонтологии и гидрологии, естественно-исторического общества в Макленбурге и Швейцарского общества любителей наук; в том же году он становится действительным членом Американского философского общества, а также членом-корреспондентом Академии естественных наук в Фила-

дельфии и Академии наук в Вене; в 1898 г. его избирают почетным членом научного общества в Мексике и Болонской Академии наук; он становится иностранным членом Национальной Академии в Риме и королевской Бельгийской Академии в Брюсселе; с 1899 г. он — член-корреспондент королевской Баварской Академии наук в Мюнхене, а с 1902 г. — ординарный иностранный член Лондонского геологического общества; в следующем году своим почетным членом его выбирает Академия наук литературы и искусства в Ачиреале (Сицилия); с 1914 г. он почетный член Японского геологического общества. Внушительный список! Не знал он, конечно, что ему предстоит прожить еще почти 20 лет, и этот список существенно удлинится.

Не обошли его и наградами. В русской гражданской иерархии он имел один из самых высоких чинов — тайного советника, и в соответствии с этим чином грудь его в дни особых торжеств украшали ордена и звезды. К ним он, однако, относился более чем равнодушно. Ценил лишь награды, полученные за научные труды. В 1892 г. Русское географическое общество отметило геологические исследования А. П. Карпинского одной из самых почетных своих наград — золотой Константиновской медалью. В 1897 г. почетную медаль в память Гейдена ему присудила Академия естественных наук в Филадельфии. В 1903 г. грудь А. П. Карпинского украсил очень красивый орден — шведский орден полярной звезды командорского креста первого класса со звездой, которого он был удостоен за участие в организации экспедиции 1902 г. по градусному измерению на островах Шпицбергена. И, наконец, 18 февраля 1916 г. он получил извещение из Англии: старейшее в мире Лондонское геологическое общество присудило ему почетную медаль Волластона за совокупность геологических и палеонтологических работ. Эта награда была, пожалуй, наиболее почетной.

Сам юбилей и на этот раз прошел более чем скромно, А. П. Карпинский настоял на этом. Но совсем избежать чествования ему не удалось. 9 декабря юбиляра приветствовали члены Русского палеонтологического общества, а в самый день его рождения — 26 декабря — в малом конференц-зале Академии наук — представители Геологического и Минералогического музеев Академии, Геологического комитета, Минералогического общества, Петроград-

ского общества естествоиспытателей, в котором он с 22 февраля 1903 г. был председателем отделения геологии и минералогии, Географического и Русского технического обществ. В приветствии Горного института, в частности, говорилось: «Горному институту Александр Петрович особенно близок и дорог не только как выдающийся ученый, но и как человек, вся жизнь которого связана с институтом, начиная с детских лет кадета Горного корпуса и кончая званием заслуженного профессора Горного института».⁵⁷ Его избрали пожизненным почетным членом Ученого совета родного ему института.

Опять квартиру его осаждали друзья и соратники. Но на этот раз юбиляр не отсутствовал «безвестно». С. Ф. Ольденбург уведомил всех академиков, что 26 декабря, в понедельник, в 2 часа дня им надлежит собраться на квартире академика А. П. Карпинского и даже указал форму одежды — сюртук. Все должно быть просто, по-домашнему. Это в духе юбиляра.

Те, кто не смог прийти, спешат выразить свои чувства Александру Петровичу письменно. «От глубины сердца,— пишет из Москвы академик Павел Иванович Вальден,— приношу Вам, глубокоуважаемый Александр Петрович, мои поздравления и благопожелания к предстоящему 26 декабря дню рождения — да будет Вам суждено и в наступающем *новом* (выделено автором,— С. Р.) десятилетии жизни с той же молодой энергией и в столь же очаровательном виде продолжать Вашу научную деятельность на славу Академии, на пользу Родины!».⁵⁸

«Нездоровье мешает мне лично поздравить Вас,— пишет академик Алексей Александрович Шахматов.— Прошу Вас принять мой сердечный привет и пожелание всего лучшего. Для Академии, а в частности, и для себя, желаю Вам сил, которые помогли бы Вам нести бремя, возложенное Вами на себя в интересах всех нас».⁵⁹

Да, бремя руководства Академией наук А. П. Карпинский нес в интересах Академии, ее членов и рядовых сотрудников. И несмотря на свой почтенный уже возраст, руководил он «с молодой энергией и в очаровательном виде».

⁵⁷ ЦГИА, ф. 25, оп. 1, д. 5980, л. 1.

⁵⁸ ЛО ААН, ф. 265, оп. 6, д. 108, л. 1.

⁵⁹ Там же, д. 672, л. 2.

Глава 15. Первый выборный президент Академии наук

Шла первая мировая война. Вот уже третий год она уносила тысячи человеческих жизней, разъедала и без того разваливающийся на глазах хозяйственный механизм Российской империи. Ее ход, как в зеркале, отражал все язвы помещичье-бюрократического строя монархии. Как это ни дико, но в начале войны старые царские бюрократы, боясь усиления промышленников, не хотели привлекать их для снабжения армии оружием и продовольствием. Войну они, очевидно, мечтали провести столь же красиво и эффектно, как проводили смотр гвардейским полкам на Марсовом поле в Петербурге. Но это, увы, не одно и то же. И уже вскоре под ее тяжестью зашатались казавшиеся незыблемыми устои монархического режима. Летом 1915 г. русская армия стала терпеть поражение за поражением и наконец в беспорядке хлынула с фронта. Царские сановники спохватились... 17 августа 1915 г. был опубликован закон о создании особых совещаний по обороне, перевозкам, топливу и продовольствию. Но было поздно. К концу 1915 г. в стране уже хозяйничал полнейший развал, нарастало разложение армии, остро ощущался надвигающийся голод. В 1916 г. он проявился в полную силу. Петроград получал только треть от необходимого количества хлеба, но и это — в среднем, а из-за неразберихи с транспортом бывали недели, когда его совсем не было.

Академик В. А. Стеклов записывает в своем дневнике: «Всем наконец становится ясно, что от правительства, доведшего страну до такого ужаса и позора, нечего ждать...» [91, с. 171].

Началась «министерская чехарда»: «двор», не будучи в состоянии дать объективную оценку надвигавшейся катастрофе, всю вину сваливал на правительство. Только за два года войны сменилось четыре председателя Совета министров (И. Л. Горемыкин, Б. В. Штюрмер, А. Ф. Трепов и Н. Д. Голицын), 3 министра иностранных дел, 3 военных министра и 6 министров внутренних дел! Совет министров в те годы иронически именовали «кувырк-коллегией».

Шестикратная за два года смена министров внутренних дел наиболее зримо фиксировала ту проблему, с которой правительство было не в состоянии справиться, —

лавинообразный рост революционного движения в стране. «Война всей своей тяжестью обрушилась на плечи рабочих и крестьян. Массы все больше и больше охватывало революционное возмущение. Страна стояла перед взрывом. Империалистическая война оказалась могучим ускорителем революции».¹

Царизм обрушил невиданные репрессии на народ. Тюрьмы были переполнены. В армии устраивали показательные расстрелы «смутьянов». Но и это не спасало агонизирующую империю. С осени 1916 г. в Петрограде и Москве практически не прекращаются стачки, демонстрации и забастовки. Заводы, которые должны были поставлять оружие фронту, большую часть времени простаивали. Начались и солдатские бунты, причем не только в действующей армии, но и в казармах Петрограда. Уже с начала февраля 1917 г. столица превратилась в военный лагерь. По городу днем и ночью разъезжали грузовики с вооруженными солдатами и матросами. «Жандармов и упорствующих офицеров вылавливали, обезоруживали и в пылу борьбы истребляли. Тюрьмы были разгромлены. Сотни активных революционеров вышли на свободу, сразу заняв свое место среди борцов».² В Петрограде объявили осадное положение. Наконец-то «двор» прозрел: он понял, что «голодный бунт» перерос в революцию. 300-летняя монархия доживала свои последние дни. . .

24 февраля в Петрограде бастуют около 200 тысяч рабочих. У демонстрантов лозунги: «Хлеба!», «Долой царя!». 25 февраля в Петрограде уже всеобщая забастовка. 26 февраля царь издает один из последних своих указов — о роспуске Государственной думы. В тот же день большевики выступили с призывом к созданию Временного революционного правительства, а вечером 27 февраля открылось первое заседание Петроградского Совета рабочих депутатов. Был избран и Временный комитет Государственной думы. Он-то и взял власть, арестовав старое царское правительство. В стране наступил период двоевластия, ибо наряду с этим Временным комитетом существовал и активно действовал Совет рабочих депутатов. Но он возглавлялся меньшевиками, которые доб-

---

¹ История гражданской войны в СССР. 2 изд. Т. 1. М., 1938, с. 29.

² Там же, с. 61.

ровольно отдали всю власть Временному правительству. Так плоды победы Февральской революции, осуществленной рабочими и крестьянами, попали в руки бывшей царской аристократии. И это не замедлило сказаться.

Уже первый состав Временного правительства, возглавлявшегося князем Г. Е. Львовым, вовсе не хотел ликвидировать монархию в стране, а лишь собирался убедить царя передать престол своему неизлечимо больному сыну Алексею. Но Николай II отрекся от трона и «за себя и за своего сына» в пользу брата Михаила. Тот также не принял прогнанный престол. 8 марта царская семья была арестована.

Но война продолжалась. Причем Временное правительство клятвенно заверило союзников, что Россия будет вести ее «до победного конца». Такую позицию В. И. Ленин назвал «революционным оборончеством», заклеив его как «злейшего врага дальнейшего движения и успеха русской революции».

3 апреля из Швейцарии через Швецию в Петроград прибывает В. И. Ленин. Большевики выходят из подполья и начинают активную борьбу за перевод революции с буржуазных на пролетарские рельсы. Этот путь В. И. Ленин теоретически обосновал в своих знаменитых «Апрельских тезисах». 20 и 21 апреля на улицах Петрограда проходят мощные демонстрации против войны. Временное правительство первого, откровенно монархического, состава вводит в свой кабинет меньшевиков и народных социалистов. Так возникает Коалиционное временное правительство. Во главе его по-прежнему князь Г. Е. Львов. Портфель военного и морского министра у эсера А. Ф. Керенского.

3 июня в Петрограде открывается I Всероссийский съезд Советов, на котором большевики еще в меньшинстве. Съезд этот «потонул в революционной фразе». Он солидаризировался с правительством Г. Е. Львова в отношении к войне.

16 июня военный министр А. Ф. Керенский отдает приказ по армии и флоту о начале наступления на фронте, а 18 июня в Петрограде происходит грандиозная демонстрация под лозунгом «Вся власть Советам!». Это была уже организованная манифестация недоверия Временному правительству.

1 июля открывается II общегородская конференция большевиков, которая решает провести еще одну демонстрацию рабочих и солдат под большевистскими лозунгами. Она состоялась 3 июля и была расстреляна юнкерами по приказу Временного правительства. Этим актом оно подвело окончательную черту под возможностями дальнейшего мирного развития революции. 5 июля были разгромлены редакции большевистских газета «Правда», «Окопная правда» и «Солдатская правда», а на следующий день был отдан приказ об аресте В. И. Ленина.

С 8 июля на пост председателя Временного правительства назначается А. Ф. Керенский, который к 24 июля сформировал новый — уже третий по счету — «кабинет». Свою деятельность этот «кабинет министров» начинает с восстановления смертной казни на фронте, вероятно, полагая, что эта мера спасет разложение русской армии.

Партия большевиков в новых сильно осложнившихся условиях продолжает вести непрерывную революционную работу в массах. 26 июля открывается VI съезд большевистской партии, взявший курс на вооруженное восстание.

Временное правительство окончательно всполошилось, почувствовав и поверив в боевой настрой большевистской партии. 28 июля оно издает постановление о праве запрета собраний и съездов, а 18 августа вносит в повестку дня вопрос о военной диктатуре. В это время (19 августа) немцы прорывают рижский фронт, а 21 августа овладевают Ригой. Встал вопрос о защите Петрограда от немцев и спасении революции.

В августе и сентябре появляются 5 работ В. И. Ленина, в которых дается четкое обоснование необходимости захвата власти большевиками: это — «Государство и революция», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Удержат ли большевики государственную власть?», «Кризис назрел» и «Советы постороннего». 10 октября на заседании ЦК РСДРП (большевиков) принята резолюция о постановке вооруженного восстания в порядок дня. До Октябрьской революции оставалось ровно две недели.

Приведенная нами хронологическая динамика событий, конечно же, хорошо известна. Но в данном случае

попробуем оценить их глазами российской интеллигенции того времени и прежде всего ученых, членов Академии наук.

Итак, рухнул царизм, рухнула веками охраняемая чиновнично-бюрократическая система, как паутина, опутавшая все сферы деятельности. И ученые ликовали. Февральская революция для них была своей. Вот как писал о событиях тех дней английский писатель Г. Уэллс: «Основная катастрофа произошла в 1917 г., когда чудовищно бездарный царизм стал окончательно невыносим. Он разорил страну, потерял контроль над армией и доверие всего населения. Его полицейский строй выродился в режим насилия и разбоя. Падение царизма было неизбежно... Первая русская революция превратила Россию в дискуссионный клуб и арену политической драки... Среди всей этой неразберихи позерствовал „благородный либерал“ Керенский».³

Да, интеллигенции, подавляющее большинство которой было весьма далеким от политики, трудно было разобраться в этой скоротечной цепи событий. Лишь незначительная часть членов Академии наук принадлежала к каким-либо партиям. Членами кадетской партии были историк А. С. Лаппо-Данилевский, принимавший участие в подготовке положения об Учредительном собрании, ботаник А. С. Фаминцын, языковед А. А. Шахматов и востоковед С. Ф. Ольденбург, который одно время даже «совмещал» обязанности постоянного секретаря Академии с постом министра народного просвещения в третьем составе Временного правительства. А его заместителем по министерству, или, как тогда говорили, «товарищем», был геолог В. И. Вернадский. Остальные академики, в том числе исполняющий обязанности вице-президента Академии А. П. Карпинский, ни к каким партиям не примыкали и политикой старались не заниматься. Но они видели происходившие события, были их свидетелями и с восторгом приняли Февральскую революцию. Разумеется, они не знали и не могли предполагать, к чему приведет эта лавина событий. Они видели лишь главное (с их точки зрения): пала монархия, на смену которой придет новый строй с демократической формой правления, разумеется, буржуазной.

---

³ Уэллс Г. Россия во мгле. Собр. соч., т. 15. М., 1964, с. 336.

Вот как оценил позицию ученых в событиях Февральской революции первый нарком просвещения А. В. Луначарский: «И вот, пришла, наконец, революция. К революции буржуазной, Февральской, Академия отнеслась дружелюбно, и в этом нет ничего удивительного; может быть, среди академиков и были какие-нибудь чудачки православно-самодержавных воззрений, но большинство состояло из объективных ученых, которые в общем предпочитали Европу России, довольно легко мирились с самодержавием, но без сожаления с ним расстались. Они ожидали лучшего. Левое меньшинство Академии состояло из настоящих либералов, из кадетов и кадетствующих. Февральскую революцию они встретили, как свою».⁴

Точно так же оценивается отношение российской интеллигенции к Февральской революции и в обстоятельном курсе «Истории КПСС»: «В обстановке всеобщего ликования *не искушенным в политике людям* (курсив мой, — С. Р.) казалось, что отныне воцарится классовый мир. Однако это была лишь иллюзия, усиленно распространявшаяся буржуазной печатью. В действительности классовая борьба еще более обострилась, вступив в новую фазу своего развития».⁵

Что же происходило в старинном здании Академии наук на набережной Невы? Уже 4 марта 1917 г. А. П. Карпинский направляет председателю Временного правительства первого состава князю Г. Е. Львову «единогласное постановление Конференции Академии наук», в котором ученые поспешили заверить новое правительство, по их мнению, исполняющее «волю народа», в своей солидарности с ним и готовности «представить те знания и средства, какими она (Академия) может служить России». «Великие события последних дней, — говорится в этом постановлении, — явно показали, что Россия объединяется в могучий и свободный народ, способный отстаивать свою культуру и оберегать ее от внутренней разрухи и от внешнего врага».⁶ Вот что прежде всего заботило академиков — сохранение веками возвращаемой национальной культуры. Их вполне устроил тот факт, что в результате революции Россия сбросит

⁴ Луначарский А. В. К 200-летию Всесоюзной Академии наук. — Новый мир, 1925, № 10, с. 108.

⁵ История КПСС, т. 3, кн. 1. М., 1967, с. 3.

⁶ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1917, д. 40, л. 3.

сила опостылевшую всем монархию, и, не пытаясь, а может, и не умея, вникнуть в расстановку противоборствующих сил в стране, они наивно, но искренне, полагали, что «Россия под верховным руководством Государственной думы вступила на истинный путь победы — объединения русского народа, его армии и правительства».⁷

Через два дня после февральских событий К. А. Тимирязев пишет А. М. Горькому: «Пока все кругом ликуют и не могут в себя прийти. Но затем, пожалуй, главное дело будет за словом, в первый раз без обмана свободным... Как прирожденный петербуржец, я им горжусь, самое главное в истории сделано им и прекрасно сделано, а там поживем — увидим»⁸ (курсив автора, — С. Р.). Несколько позднее Климентий Аркадьевич вспоминал: «Через несколько недель (конец февраля 1917 г., — С. Р.) старческие мечты превратились в молодую действительность. Глазами, которые застилали старческие слезы радости, мне привелось увидеть в руках демократической молодой России — рабочих, работниц и солдат — хоругви с начертанными на них словами: „Мир и братство народов“».⁹ А вот как описывал события и умонастроения интеллигенции тех дней академик И. П. Бардин: «Февральскую революцию мы встретили с бурным восторгом... *Мы были настроены конституционно. Монархию мы отрицали единодушно, но капитализм и буржуазную свободу приветствовали. В них мы видели источник прогресса*» (курсив мой, — С. Р.).¹⁰ В этих словах наиболее точная и наиболее правдивая оценка Февральской революции с позиций старого русского интеллигента, русского ученого.

Итак, бурное начало 1917 г. выбило ученых из привычной для них рабочей коллеи. На улицах непрерывные — день и ночь — демонстрации, стихийно возникающие митинги. Каждый мог быть оратором. Каждый мог излагать свою «платформу». И излагали, и говорили, и митинговали. Н. К. Крупская вспоминала, что можно было открыть окно в любой час ночи и обязательно уви-

---

⁷ Там же.

⁸ Горький и наука. М., 1964, с. 189.

⁹ Тимирязев К. А. Сочинения, т. IX. М.—Л., 1939, с. 253.

¹⁰ Соскин В. Л. Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск, 1973, с. 23.

деть или услышать до хрипоты надрывающихся ораторов. Работать в те дни было некогда. Было не до работы. «В жизни Геологического комитета, — писал А. А. Краснопольский, — как и всей страны, 1917 год прошел неровно, тревожно и вне нормальных условий для работы».¹¹

Ликование, однако, было лишь в первые месяцы революционного 1917 г. Уже к лету иллюзии в отношении «новой демократии» стали рассеиваться. Если ученые, весьма далекие от политики, не смогли вовремя оценить происшедшие события и увидели в них лишь свержение царизма, за которым должен воцариться «классовый мир», то за развитием военных событий они следили пристально. Каждую неудачу на фронте они болезненно переживали и больше всего их страшила возможная сдача Петрограда. Если в памятную для них русско-японскую войну они все беды справедливо относили на счет бездарного командования и полного безразличия к судьбе окраин России со стороны разлагающейся монархии, то события весны 1917 г. вдруг открыли им глаза на главное — народ не хочет больше воевать... Народу не нужна эта война... Народ устал... А уж его в безразличии к судьбе своей родины не обвинишь. А почему? — этого они, конечно, понять не могли.

Понятней для них было другое. Они вскоре убедились, что политика Временного правительства в отношении научных учреждений и прежде всего Академии наук мало чем отличается от политики царизма.

...Как бы помолодевшие академики с жаром принялись за составление планов научных исследований, за программы новых крупных научных предприятий, но наталкивались на глухую стену отчуждения. В апреле 1917 г. при Министерстве народного просвещения была создана Комиссия по ученым учреждениям. В нее вошли В. И. Вернадский, Н. С. Курнаков, С. Ф. Ольденбург, Д. С. Рождественский и др. Была намечена обширная программа (съезды, финансирование научных работ, создание новых исследовательских центров и т. д.). Но все это осталось на бумаге, поскольку Временное правительство не располагало средствами. (Только один день войны обошелся России в миллион рублей.)

---

¹¹ Изв. Геол. комитета, 1920, т. XXXIX, с. 22.

Еще раньше, в марте 1917 г., была организована «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук». Одним из ее инициаторов был А. М. Горький. В ее состав вошли академики Н. И. Андрусов, А. А. Белопольский, И. П. Бородин, В. И. Вернадский, В. В. Заленский, А. Н. Крылов, Н. С. Курнаков, А. А. Марков, В. И. Палладин, В. А. Стеклов (председатель совета этой Ассоциации) и др. Ее деятельность — опять же в силу отсутствия средств — выражалась главным образом в организации популярных лекций для трудящихся — новое и увлекшее старых академиков дело, ибо это не «старорежимное» меценатство, а искреннее желание «распространять положительные знания в народе». Но все это было слишком поверхностной демократизацией.

«От ученых, — пишет М. С. Бастркова, — не могли укрыться ни углубляющийся развал экономики, ни растущая зависимость России от „союзников“, ни усиление реакционности общеполитического курса сменявших друг друга „демократических“ кабинетов. Жестокие расправы с крестьянами,¹² расстрел рабочей демонстрации, разгром студенческих собраний и аресты прогрессивно настроенных профессоров не оставляли места для иллюзий и надежд ученых. Мечта о союзе „науки, опирающейся на демократию“ и „сильной наукой демократии“ оказалась неосуществимой...»¹³ Так постепенно «старческие мечты» (как выразился К. А. Тимирязев) уступили место реальности, весьма далекой от того, о чем мечталось.

Одно важное для Академии наук нововведение Временное правительство все же реализовало. Сразу же после Февральской революции Академия возбудила вопрос о праве избирать президента и вице-президента из числа действительных членов Академии, тогда как ранее § 36 Устава 1836 г. гласил: «Президент Академии избирается и определяется непосредственно его императорским величеством из особ первых четырех классов». Мы помним также, что еще 15 мая 1916 г. А. П. Карпинский был назначен временно исполняющим обязанности вице-

¹² 8 апреля 1917 г. Г. Е. Львов распорядился подавлять крестьянские волнения военной силой.

¹³ Бастркова М. С. Становление советской системы организации науки. М., 1973, с. 61.

президента Академии наук и фактически именно с этого времени руководил Академией. Историографы Академии наук справедливо отмечают, что «назначение академика вице-президентом ввиду отсутствия президента или какого-либо другого административного лица в Академии означало (в условиях действия старого Устава, — *С. Р.*), что она фактически предоставляется самой себе».¹⁴

Еще в декабре 1916 г. академик С. Ф. Ольденбург собрал подписи всех академиков под ходатайством о назначении А. П. Карпинского президентом. Бумагу эту хотели представить на рассмотрение царю через депутацию из трех академиков — по одному от каждого отделения. Но происшедшие затем события сделали это начинание неосуществимым.

И вот 16 марта 1917 г. комиссия по пересмотру Устава Академии наук представила на рассмотрение Временного правительства положение о выборности президента и вице-президента. 24 марта Общее собрание утвердило эти изменения в Уставе. А 20 апреля деятельный С. Ф. Ольденбург, боясь, что их предложение потонет в груде бумаг и общей неразберихе, пишет министру народного просвещения: «Со времени кончины в 1915 г. великого князя Константина Константиновича Академия наук оставалась без президента, так как таковой не назначался. Ныне, при изменившихся обстоятельствах государственного строя, Академия наук полагает, что было бы правильнее перейти к избранию президента самою Академией и притом из числа ее действительных членов. Такое избрание, по мнению Академии, должно быть срочным, а именно на 5 лет. При избрании президента, притом из среды самой Академии, естественно и вице-президент должен быть избираем и тоже из среды действительных членов Академии, как это и делалось уже более полувека со времени назначения академика Бупяковского вице-президентом.

В соответствии с высказанным выше положением конференция Академии подработала соответствующие статьи своего Устава и обращается к Вам, господин министр, с просьбой — исходатайствовать перед Временным правительством об утверждении предложенных Академией

---

¹⁴ Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974, с. 250.

перемен в ее уставе, касающихся статей, относящихся до президента и вице-президента.

Вместе с тем конференция постановила ходатайствовать перед Временным правительством о том, чтобы был рассмотрен вопрос о содержании президента, так как в действующих ныне штатах имеется не действительное нынче указание: „по собственному высочайшему назначению“». ¹⁵

Почти два месяца ждали академики решения по этому вопросу. Но вот 9 мая 1917 г. Временное правительство утвердило выборность президента и вице-президента Академии наук. Это была та единственная реальная польза, которую Академия получила от Временного правительства. Впервые за 192 года ее существования академики сами изберут своего президента! Изберут достойнейшего из своих товарищей!

Экстраординарное общее собрание назначили на 15 мая в 20 часов. Время хоть и позднее, но в Петрограде начинаются белые ночи, да и собрание затягивать не предполагали. Для всех вопрос — кому быть президентом Академии наук — ясен. Нельзя, конечно, сказать, что академики всегда были единодушны при дебатировании различных вопросов. Но в данном случае существовавшие в Академии группировки дружно выдвинули только одну кандидатуру на пост президента — ординарного академика Александра Петровича Карпинского!

Читаем сухой, но полный огромного значения отчет об воистину Экстраординарном общем собрании: «Ввиду утверждения Временным правительством от 9 мая 1917 г. статей устава Академии наук об избрании президента и вице-президента Академии наук Общим собранием из числа ординарных академиков сроком на 5 лет и, согласно решению Общего собрания, произведены записками выборы президента Академии на 5 лет с 15 мая 1917 г. по 15 мая 1922 г.

Присутствовало 27 академиков.

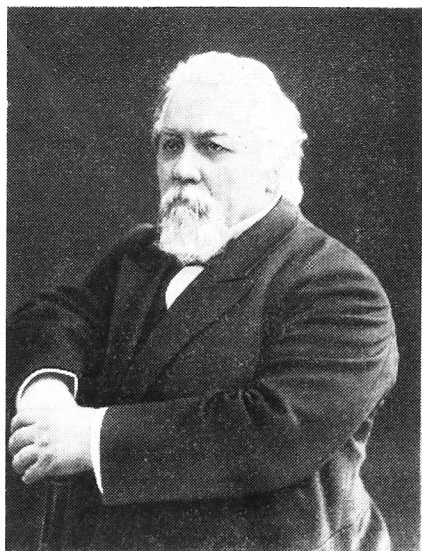
Избранным оказался единогласно, против голоса избираемого, академик А. П. Карпинский». ¹⁶

Вице-президентом Академии избрали академика И. П. Бородина, ботаника. Непременным секретарем ос-

¹⁵ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1917, д. 4, л. 9 («Содержание» президенту положили 5000 рублей в год).

¹⁶ Изв. Росс. Акад. наук, VI сер., 1917, т. XI, с. 1188.

Академик А. П. Карпинский — первый выборный президент Академии наук. (Публикуется впервые).

тался (пост этот был бессрочным, — С. Р.) С. Ф. Ольденбург.

Вот так: «Единогласно, против голоса избираемого». Впервые — не грех и повторить! — в истории Академии выборы на самый высокий пост и столь редкое единодушие! 19 июня 1917 г. Временное правительство утвердило А. П. Карпинского президентом императорской Академии наук. Да, императора не было, а Академия все еще называлась «императорской». И хотя академики сразу же после свержения монархии «озаботились» о переименовании Академии наук, но официально его утвердили только 11 июля. Об этом президенту А. П. Карпинскому сообщил министр народного просвещения С. Ф. Ольденбург: с 11 июля 1917 г., согласно постановлению Временного правительства, «бывшую императорскую Академию наук именовать Российской Академией наук».¹⁷

¹⁷ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1917, д. 4, л. 25.

В щекотливом и несколько двусмысленном положении пребывал в течение трех месяцев Сергей Федорович: он и начальник, и подчиненный нового президента Академии. Но, скажем прямо, министерский портфель был лишней для него обузой, ибо душой он по-прежнему был в родной для него Академии. Очень точно и остроумно оценил эту ситуацию академик В. А. Стеклов, находившийся в то время на лечении в Кисловодске. В письме к А. П. Карпинскому он, в частности, замечает: «Прежде всего поздравляю Вас с утверждением в должности президента Российской Академии наук.

С этим можно все-таки поздравить; это не то, что пост министра народного просвещения, с запятием какового я не поздравляю Сергея Федоровича, а, наоборот, искренне его жалею. Жалею и Академию, лишившуюся в нем трудно заменимого неременного секретаря.

Одна утеха, что министерская чехарда, начавшаяся давно, при „старом режиме“, теперь еще больше развилась и усовершенствовалась. Остается надеяться, что Сергей Федорович скоро опять вернется „целиком“ в Академию наук и опять займет пост неременного секретаря».¹⁸

Вернулся и занял! Академия от этого только выиграла.

В этом же письме, отправленном в августе 1917 г., Владимир Андреевич беспокоится о судьбе Академии, его тревожит, как обстоят дела с подготовкой ее эвакуации на случай взятия Петрограда немцами. Мы уже отмечали, что этот вопрос более всего беспокоил в те дни академиков.

А. М. Ляпунов — А. П. Карпинскому.
Одесса, 1 сентября 1917 г.

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Будьте так добры, сообщите мне... о положении дела в Петрограде. Газетные сообщения представляют дело в очень мрачном виде. Но сообщения эти крайне неопределенны. Таково ли действительно положение, что теперь в Петрограде нельзя достать почти никакой провизии? Чего можно ждать в этом отношении в ближайшем будущем? Затем, ввиду возможности нашествия немцев, если не осенью, то будущей весной, предполагается ли пропзвести эвакуацию различных учреждений и, в частности,

¹⁸ Там же, ф. 265, оп. 6, л. 558, л. 1.

Академию наук? Если последняя будет эвакуироваться, то куда и когда, и каким образом предполагается это сделать?

Вот вопросы, которые нас очень тревожат и до разрешения которых мы не решаемся возвращаться в Петроград. Впрочем, в настоящий момент и приехать-то туда невозможно...¹⁹

Александр Петрович моментально отвечает на это взволнованное письмо, но А. М. Ляпунова не покидает мысль, что он оторван от Академии, не в состоянии вернуться в Петроград; и хотя А. П. Карпинский твердо его заверил, что Академия (вся) эвакуироваться не будет, Александра Михайловича это не может успокоить...

А. М. Ляпунов — А. П. Карпинскому.

Одесса, 12 сентября 1917 г.

Чрезвычайно благодарен Вам за любезный ответ, который получил вчера. Вы пишете, что Академию пока не предполагается эвакуировать. Но за 5 дней со времени написания Вашего письма общее положение значительно ухудшилось и боюсь, что в момент получения Вами моего письма оно станет совершенно катастрофическим. Мне кажется, что необходимо сейчас же поднять вопрос об эвакуации Академии, чтобы спасти хотя бы самое ценное. Время не терпит, и надо торопиться, пока еще возможно воспользоваться немногими остающимися у государства транспортными средствами и пока еще не началось повальное бегство из Петрограда, во время которого какая-либо планомерная эвакуация будет невозможна.²⁰

А. М. Ляпунов советует эвакуировать Академию наук в Боржом или «в Кубанскую область, наиболее благополучную в продовольственном отношении». Судьба же самого А. М. Ляпунова, великого русского математика, одного из творцов современной теории вероятностей, сложилась трагически. В Одессу он выехал вместе с женой, у которой обострился туберкулез легких, и врачи настоятельно советовали ей переменить климат. Однако южный климат не помог Н. Р. Ляпуновой: 18 октября 1918 г. она скончалась. А. А. Марков (сын) вспоминал впоследствии: «Я слышал разговоры о том, что супруги Ляпуновы дали в свое время клятву не переживать друг друга».²¹ Так оно и вышло. В день похорон жены

¹⁹ Там же, д. 384, л. 1—2.

²⁰ Там же, л. 3—4.

²¹ Лапко А. Ф., Люстерник Л. А. Из истории советской математики. — Успехи математических наук, 1967, т. 22, вып. 6(138), с. 18.

А. М. Ляпунов застрелился. Он завещал похоронить себя в одной с ней могиле...

Интересная деталь. Далекие от политики ученые на самом деле считали, что главная опасность для Петрограда — оккупация его немцами. И потому заботились об эвакуации Академии наук и основных ее ценностей куда-либо в безопасное место. Но иначе рассуждали некоторые деятели искусства, также стремившиеся спасти национальные сокровища, но не от немцев, а от... большевиков. Как только угроза захвата власти большевиками стала реальностью, хранители коллекций Эрмитажа спешно перевезли большое число картин в Москву и свалили в беспорядке бесценные ящики в Кремле. Известный искусствовед, публицист и хранитель Эрмитажа, А. Н. Бенуа пишет в сентябре 1917 г. А. М. Горькому.

Дорогой Алексей Максимович! Отчего Вас здесь нет? Подумайте только, уже приступлено к эвакуации Эрмитажа и дворцов! Ведь это самоубийство бесцельное и нелепое; это выражение той паники, которая охватила все наше запутанное общество перед призраком большевизма — и именно большевизма, а не немцев, ибо вошло опять в общую поговорку — мы-де немцев не боимся, а боимся своих.²²

Это не секрет — «служивая» интеллигенция (учителя, профессора, работники музеев и чиновники министерств) боялась в те дни прежде всего своих, т. е. большевиков. Поэтому, когда те пришли к власти, многие из них стали активными саботажниками, не желавшими служить власти, которая вот-вот падет...

Ученые же Академии наук боялись прежде всего сдачи Петрограда немцам. А потому забота об эвакуации Академии стала главным делом А. П. Карпинского в первые месяцы его президентской деятельности. Он отдает распоряжения заведующим всех академических музеев и библиотеки составить специальные «эвакуационные сметы». Вскоре эти сметы поступили от Геологического и Минералогического музея, библиотеки, Ботанического сада, Пушкинского дома и от Архива конференции. Они учитывали лишь самые необходимые расходы и требо-

---

²² Варшавский С. П., Рест Ю. И. Билет на всю вечность (повесть об Эрмитаже). Л., 1978, с. 12.

вали минимум оборудования и подвижного состава (время все же военное), но и их не могло удовлетворить Временное правительство. Лишь незначительную часть коллекций Минералогического и Зоологического музея в сентябре 1917 г. удалось переправить в Москву, в университет. В Московское высшее техническое училище перевезли физическую лабораторию Академии наук.

2 сентября 1917 г. Александр Петрович проводит заседание комиссии по эвакуации. Постановили, что «ввиду отсутствия каких-либо определенных указаний на опасность со стороны неприятеля, *не эвакуировать Академию и не прекращать тематических работ самой Академии и ее ученых учреждений* (курсив мой,—С.Р.); ограничиться лишь сделанными ранее постановлениями об отсылке отдельных предметов и о вывозе некоторой части рукописей».²³ Большим мужеством надо обладать, чтобы в те дни принять такое решение. Правда, проявить это мужество «помогло» Временное правительство, ибо оно не в состоянии было организовать переброску в другую часть страны столь сложного механизма, каким уже тогда была Академия наук.

Кстати, о рукописях, которые предполагалось вывезти из Петрограда. Это был богатейший рукописный отдел Библиотеки Академии наук, содержащий уникальные и практически невосполнимые материалы. Они-то и заботили прежде всего А. П. Карпинского. Рукописи решили отправить в Саратов, в местный университет, испросив для этого у уполномоченного по разгрузке Петрограда 6 железнодорожных вагонов. С большим трудом получили вагоны, и сопровождающий этот бесценный груз библиотекарь Академии Ф. И. Покровский вез ректору Саратовского университета личное к нему письмо А. П. Карпинского: «Ввиду сообщенного Вами согласия Саратовского университета, Российская Академия наук препровождает при сем принадлежащие ей рукописи и старинные книги...

Принося в лице Вашем благодарность Саратовскому университету за неоценимую услугу, Российская Академия наук вверяет свое ценнейшее достояние Вашему попечению».²⁴

---

²³ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1917, д. 38, л. 23 об.

²⁴ Там же, л. 35.

Обратно в Академию наук эти материалы вернулись уже при Советской власти.

7 октября 1917 г. академик В. А. Стеклов предложил всех академиков — математиков, физиков и механиков — эвакуировать на год в Москву. Он имел в виду себя, а также Н. С. Курнакова, А. Н. Крылова, П. П. Лазарева и В. Н. Ипатьева. По разным причинам это не было выполнено.

...Неспокойные были дни. Никто не знал, что будет завтра. И уж, конечно, не знали этого академики, не успевавшие следить за бурно разворачивающимися событиями. Временное правительство явно не справлялось — в стране разруха, на фронтах поражение за поражением, в столице непрерывно продолжающаяся волна демонстраций, стачек, митингов.

Именно в это «время „тихий“ ученый вознесен на высший в руководстве Академией пост — в момент наивысшего накала революционной бури! Да ему ли в эту пору президенствовать? Тут нужен боец. Однако очень скоро со своей покойной мудростью Карпинский рассудил, что в том кроется огромная выгода для Академии; что он, чуждавшийся партий, политической борьбы и любых шумных акций, воплощает в себе чистоту науки, насколько она может быть чиста... Теперь не суть важно, что он, Карпинский, ученый с мировым именем. В русской Академии не мало ученых с мировыми именами. Он президент. Но небывалый президент. Он олицетворение Академии. Ее лик, ее слава, ее старость, ее седины, которые невозможно обидеть или абригзгать грязью» [91, с. 172—173].

Да, в тревожное время возглавил Александр Петрович Российскую Академию наук. И нужно было обладать воистину уникальным сочетанием спокойствия и доброты, неспешности и деловитости, трезвостью в оценке происходящих событий и твердой верой в будущее, чтобы Академия не прекращала свою деятельность, а престарелые академики, самых разных убеждений и жизненных принципов, спокойно могли работать, полностью полагаясь на мудрость, такт и достоинство своего семидесятилетнего президента.

Глава 16. Шаги к сотрудничеству

25 октября 1917 г. революционные рабочие, солдаты и матросы, ведомые большевистской партией, штурмом взяли Зимний дворец, арестовали Временное правительство — только «премьеру» А. Ф. Керенскому удалось скрыться, и в тот же день с трибуны II Всероссийского съезда Советов В. И. Ленин провозгласил Советскую власть в стране.

Такой поворот событий для членов Академии наук был огромной неожиданностью. Они к нему попросту не были готовы — ни морально, ни тем более политически. Во «временных правительствах», сменявших друг друга, они уже успели разочароваться, наблюдая за их беспомощными потугами по выведению страны из тяжелейшего военного и хозяйственного кризиса. Но им и в голову не могло прийти, что власть в стране перейдет в руки рабочих и крестьян.

Ученые Академии наук, в массе своей весьма далекие от политики, твердо знали только одно — при любых обстоятельствах должна быть сохранена национальная культура страны — наука, литература, искусство, памятники древности и т. п., одним словом, то, чем каждый образованный человек гордился, считая себя частицей этого национального богатства. Поэтому логика восприятия новой власти членами Академии наук была примерно такой: раз к власти пришли рабочие и солдаты — люди, в массе своей необразованные, которые поэтому не очень-то будут дорожить веками взращиваемой национальной культурой, значит, культура эта под угрозой уничтожения, а само правительство доверия не заслуживает... Не будет большой ошибкой, если мы скажем, что ученые просто испугались, а некоторые члены Академии (к счастью, таких были единицы), спешно побросав в чемоданы самое необходимое, укатили за границу. Эмигрировали историк М. И. Ростовцев, экономист П. Б. Струве и некоторые другие. Но подавляющая часть членов Академии во главе со своим президентом А. П. Карпинским не помышляла об эмиграции. Более того, они «ни на один день не прекращали свою работу», а уже через несколько месяцев дали официальное согласие на сотрудничество с Советским правительством.

Что же произошло? Неужели члены Академии «перековались» политически? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. Но нам важно все-таки объяснить эту метаморфозу, тем более, что решающее влияние на переход Академии наук от позиции пассивного нейтралитета к активному сотрудничеству с новой властью оказала личность ее президента.

... Спокойная уверенность, с какой Александр Петрович в эти ненастные дни ежедневно работал в своем президентском кабинете, и безграничный авторитет, которым он пользовался у своих коллег по Академии наук, явились немаловажным фактором, заставившим некоторых не в меру эмоциональных академиков поумерить страсти и так же спокойно, ничего не боясь, работать. Огромное значение имело и то, как новое правительство отнесется к Академии наук...

Если после февральских событий Академия сама выразила готовность всеми своими силами способствовать преумножению национальных богатств, то сейчас она выжидала, сама своих услуг не предлагала; на ее настрой решающее влияние должен был оказать первый шаг, первый реальный контакт с новым правительством.

Я. Н. Кумок справедливо отметил: «Историки обычно со смущением и как бы вскользь упоминают о том, что первая реакция Академии на вооруженное восстание была отрицательной. Между тем ничего удивительного или „стыдного“ для Академии тут нет; академики в большинстве своем старые люди, старой формации, выросли, воспитались в определенной идеологической обстановке и удостоились высшего ученого звания при царском режиме» [91, с. 160].

А вот что говорил впоследствии академик В. П. Волгин: «Академия наук представляла собой цвет русской интеллигенции, ее верхушку, и было бы странно предполагать, чтобы Академия наук смогла на другой день после Октябрьского переворота отдать свои силы делу строительства социализма в нашей стране».¹ Требовалось время, требовалась тонкая кропотливая работа по перевоспитанию старой русской интеллигенции. Требовалась,

---

¹ Академия наук СССР за 4 года (1930—1933). Речи и статьи неперменного секретаря академика В. П. Волгина. Л., 1934, с. 57.

наконец, уверенность в том, что старые специалисты и люди науки «... будут побеждены *морально*, а не только политически отсечены от буржуазии».² Ибо «... специалисты, — как писал В. И. Ленин, — неизбежно являются в массе буржуазными, в силу всей обстановки той общественной жизни, которая сделала их специалистами».³

Трудности контактов с учеными усугублялись еще и тем, что в народе, да и среди некоторых не в меру ретивых новых руководителей, бытовало «недоверие к ученым как прислужникам эксплуататоров, выходцам из иной социальной среды». Поэтому необходимо было «убедить, что без их помощи нельзя справиться со сложнейшей задачей организации всей жизни общества по-новому. Переход ученых на сторону Советской власти не означал революции в их взглядах и принятие сразу ими нового мировоззрения. Это был процесс чрезвычайно сложный и длительный. Но то, что значительная часть научной интеллигенции меньше чем через год после Октябрьской революции отдала на службу народу свой опыт, творческие силы, знания, — факт бесспорный».⁴ Эта оценка осмыслена прошедшими десятилетиями.

Любопытна интерпретация позиции Академии наук в первые послеоктябрьские дни А. В. Луначарским, поставленным партией на сложный и ответственный пост народного комиссара по просвещению. В его непосредственном ведении находилась Российская Академия наук, и именно ему вместе с ближайшими помощниками пришлось входить в непосредственный контакт с русскими академиками. В статье, написанной к 200-летию юбилею Академии, Анатолий Васильевич вспоминал: «Мы знаем, что научный мир в общем и целом отнесся к новой революции (Октябрьской, — *С. Р.*), как к неожиданному и нелепому происшествию. Подобная небывалая буря, обрушившаяся к тому же на голову каждого ученого и в области частного быта и в научной колоссальное количество неудобств, вызвала недовольство и ропот в самых широких научных кругах. Глубочайшая оторванность от общественной жизни, — продолжает А. В. Луначарский, — в которой существовала ученая каста, де-

---

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 167.

³ Там же, т. 36, с. 178.

⁴ История КПСС, т. 3, кн. 2. М., 1968, с. 422.

лала для них совершенно непонятным то, что происходило вокруг, и болезненно било по нервам...»

Далее — чрезвычайно важные для нас слова: «Я недостаточно знаком со внутренней жизнью Академии, чтобы сказать, чьей заслугой было то, что Академия наук, в общем и целом, как учреждение, как большинство ее состава, сумела поставить себя совершенно иначе»⁵ (курсив мой, — С. Р.).

Мы же можем это сказать и сказать вполне уверенно: это было заслугой семидесятилетнего ее президента, мудрого и дальновидного А. П. Карпинского. Факт это бесспорный, признанный впоследствии всеми работниками Академии. Надо сказать, что Александру Петровичу не сказанно повезло в том, что в эти трудные дни с ним рядом, бок о бок, работал Сергей Федорович Ольденбург, непреременный секретарь Академии, кристально чистой души человек, «наша совесть», как его называли товарищи по Академии наук. Мудрость и уверенность одного удачно дополнялись гибкостью и энергией другого. Академики были спокойны, ибо они знали — их президент никогда не примет решения в ущерб Академии и ее членов.

«Что могли мы требовать от Академии? — задает вопрос А. В. Луначарский. — Чтобы она внезапно всем скопом превратилась в коммунистическую конференцию, чтобы она вдруг перекрестилась марксистски и, положив руку на „Капитал“, поклялась, что она ортодоксальнейшая большевичка? Я думаю, что вряд ли мы перенесли бы такое событие без известного чувства гадливости. Ведь искренним подобное превращение быть не могло».⁶

Да, молниеносной трансформации в умах академиков не произошло и произойти не могло. Но в конечном итоге — и, кстати, очень быстро — они встали на путь искреннего (а не вынужденного силой) сотрудничества с Советской властью. А это значит многое и прежде всего то, что они поняли — не было в России иной партии, кроме партии большевиков, способной в дни полнейшей политической неразберихи, последовавшей вслед за свержением царизма, твердо взять власть в свои руки, прекратить бессмысленные политические дискуссии между

⁵ Луначарский А. В. К 200-летию Всесоюзной Академии наук. — Новый мир, 1925, № 10, с. 108—109.

⁶ Там же, с. 109.

враждующими партиями и группировками и направить все силы на восстановление полностью разваленной «бездарным царизмом» (Г. Уэллс) экономики страны и, конечно же, в первую очередь, науки. Осознать же это — значит, проникнуться доверием к новой власти. Ну, а признание ее идеологии — дело времени, которое неизбежно придет в процессе конкретного, в рамках поставленных задач, сотрудничества. «...Инженер придет к признанию коммунизма *не так*, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, — писал В. И. Ленин, — *а через данные своей науки*, ... *по-своему* придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д.».⁷

И Академия наук пришла к этому признанию и пришла «по-своему». К ее чести, она не принимала никакого участия в саботаже мероприятий Советской власти, что было характерным для некоторой части буржуазной интеллигенции. Члены Академии «как истинные патриоты, рассуждали примерно так: народ не захотел терпеть старую власть и совершил революцию. Прав ли он — покажет будущее. Но долг ученых — служить благу народа. Лучший способ для этого — заниматься наукой и делать это не в изоляции от государственной власти, а в контакте с ней».⁸

Контакт и взаимопонимание, однако, пришли не сразу. В первые недели Советской власти Академия наук работала «по-старому». 29 декабря 1917 г., выступая на Общем собрании, С. Ф. Ольденбург сказал: «...Работающие в Российской Академии наук должны сказать, что, не взирая ни на что, они работали, продолжают работать и будут работать для Родины и для науки...».⁹ Гордые и достойные слова! Можно даже услышать аплодисменты, которыми академики приветствовали их, а седовласый президент согласно закивал головой. Наверное, так оно и было.

Кто же они, слушавшие эту речь своего непременного секретаря, готовые работать «для Родины и для науки», не взирая на любые трудности? С кем приходилось вести

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 346.

⁸ Соскин В. Л. Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск, 1973, с. 33.

⁹ Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. Изд. 2-е в 2-х т. М., 1977, т. 2, с. 7.

нескончаемые беседы А. П. Карпинскому, одного переубеждая, другого успокаивая, в третьего вселяя надежду на будущее?

... Вот они, слава и гордость русской науки, на чью долю выпали тяжелейшие моральные и физические испытания, с честью и достоинством перенесенные ими. Это математики А. Н. Крылов, А. А. Марков и В. А. Стеклов, физики П. П. Лазарев и М. А. Рыкачев, химик Н. С. Курнаков, астроном А. А. Белопольский, геологи Н. И. Андрусов, В. И. Вернадский и А. П. Павлов, ботаники И. П. Бородин, В. И. Палладин и А. С. Фаминцын, биологи В. В. Заленский, Н. В. Насонов и И. П. Павлов, востоковеды В. В. Бартольд, П. К. Коковцов, В. В. Радлов и Ф. И. Успенский, историки П. Г. Виноградов, М. А. Дьяконов, В. С. Иконников и А. С. Лаппо-Данилевский, филологи В. М. Истрин, Н. А. Котляревский, Е. Ф. Карский, В. В. Латышев, Н. Я. Марр, Н. К. Никольский, А. В. Никитский, И. С. Пальмов, А. И. Соболевский, Я. Н. Смирнов и А. А. Шахматов.

И для всех них имя А. П. Карпинского было особенно уважаемым. Он, разумеется, не мог удержать тех, кто твердо вознамерился податься в эмиграцию, но таких, повторяем, были единицы. Но зато скольким он придал силы, уверенности и спокойствия. Скольких он убедил не прекращать трудиться, когда даже чисто физические силы были на исходе. Он в буквальном смысле боролся за каждого человека, ходил по академическим квартирам — благо большинство жило по одному адресу (бывшая Николаевская набережная, д. 1), частенько приглашал к себе «на чашку чая». «И в этой борьбе, — вспоминает академик А. Ф. Иоффе, ставший членом Академии в 1919 г., — он сумел предотвратить раскол Академии. Как один из участников этих событий, я могу сказать, что Александру Петровичу мы обязаны переходом на дело практического строительства социализма основного ядра старых ученых, старой Академии. А в этом ядре были такие колоссы науки, как Иван Петрович Павлов» [60, с. 47].

Прекрасные, достоверные воспоминания об этом периоде деятельности А. П. Карпинского оставили супруги О. А. и Д. С. Рождественские: «Ему дано было в преклонные годы, застигнутому творческой бурей (Октябрьской революцией, — С. Р.), не надломиться ее ураганом,

понять ее великое значение, *принять* ее, не извне, но изнутри, встретить ее не с опущенной, но с поднятой головой и с улыбкой приветия, вместе с дорогим, таким же, как и он, молодым (душой, — *С. Р.*) Сергеем Федоровичем Ольденбургом.

И в том, *как* он сумел ее принять, — был великий шанс для нашей Академии, и был шанс и для самой Революции. *И для нее* не безразлично было, что в его лице и на его примере она смогла уважить — уже в первые дни своего бурного расцвета — старость и старческую мудрость. И следы этого счастливого сочетания, — продолжают свое прекрасное письмо супруги Рождественские, — этой счастливой „встречи“, несомненно, чувствуются во многих областях нашей жизни. Потому что и буре нужна тишина, и молодости нужна старость. Но в часы великой спешки нужна „счастливая встреча“, чтобы это признать...» (выделено авторами, — *С. Р.*).¹⁰

Да, «встреча» была действительно счастливой. Ведь А. П. Карпинский возглавлял, причем не только номинально, средоточие ученых сил России — Академию наук. И кому, как не ему, «мудрейшему старцу», было не понять, что «без совета, без руководящего указания людей образованных, интеллигентов, специалистов обойтись нельзя»,¹¹ о чем В. И. Ленин писал уже в декабре 1917 г. И он, старый русский интеллигент, ученый с мировым именем, слава Академии наук, сам твердо и спокойно пошел навстречу новой власти и уверенно повел за собой своих ученых товарищей. Младшему из них, физику П. П. Лазареву, было в то время всего 39 лет, зато самому старшему, ботанику А. С. Фаминцыну, — уже 82 года.

... Однако посмотрим, как развивались события в самой Академии наук. Не прошло и месяца после Октябрьской революции, как А. П. Карпинский, «по настоянию некоторых членов Конференции», 18 ноября 1917 г. созвал заседание «ввиду того, что происшедшие события угрожают гибелью стране и необходимо, чтобы Российская Академия наук не молчала в такое исключительное время». ¹² Вот оно, самое свежее, так сказать, «по горя-

---

¹⁰ ЛО ААН, ф. 265, оп. 2, д. 43, л. 67—68.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 202.

¹² ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1917, д. 40, л. 34.

чим следам», восприятие академиками «происшедших событий». Они искренне в то время полагали, что события эти угрожают (ни много ни мало) «гибелью стране»...

Собрание избрало специальную комиссию для составления текста заявления. Академия наук желала, чтобы ее позицию знали. Молчать она не хотела. И уже через три дня, 21 ноября, академик А. С. Лаппо-Данилевский зачитал собравшимся товарищам проект «Обращения Конференции Академии наук».

А 23 ноября (в те дни все делалось исключительно оперативно) А. П. Карпинский созывает в малом конференц-зале совещание представителей вузов Петрограда. Они, разумеется, присоединились к этому «Обращению», которое однозначно отражало политическую платформу тех дней значительной части русской интеллигенции.

(В. И. Ленин писал, что интеллигент был «оглушен могучим крахом старого, треском, шумом, „хаосом“ (кажущимся хаосом) разваливающихся и проваливающихся вековых построек царизма и буржуазии, запуган доведением классовой борьбы до крайнего обострения».¹³ Только этим можно объяснить самую возможность появления такого «Обращения» Академии наук.)

Но что же делать? Платформа хоть и не большевистская, но и не враждебная. А без ученых, без интеллигенции Советскую власть не построишь. Очень четко и ясно об этом сказал В. И. Ленин: «...от раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство — в руках специалистов и в их головах».¹⁴

Итак, на повестке дня сложная и важная проблема: требовалось привлечь — и не медля — ученых к активному сотрудничеству с Советской властью. Прежде всего 9 ноября 1917 г. в Комиссии по народному просвещению создается специальный отдел, в ведение которого передается Академия наук. Через этот отдел и предполагалось в дальнейшем вести все сношения с Академией. Идею же В. И. Ленина об ориентировании научных ис-

---

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 191—192.

¹⁴ Там же, т. 38, с. 55.

следований на нужды социалистического строительства стали претворять в жизнь сразу же после установления в стране Советской власти. А. В. Луначарский вспоминал впоследствии: «Сейчас же после совершения пролетарского переворота волею партии я был поставлен на ответственный и тяжелый пост народного комиссара по просвещению. В один из первых дней я в своем кабинете увидел высокоуважаемых гостей — представителей Академии наук: президента А. П. Карпинского, вице-президента В. А. Стеклова (неточность — вице-президентом тогда был И. П. Бородин, — *С. Р.*) и непременного секретаря С. Ф. Ольденбурга».¹⁵ Это была своеобразная разведка, предпринятая руководством Академии с целью уяснения позиции нового правительства в отношении ученых. Надо полагать, что эта встреча не прошла даром, академики ушли успокоенными, и когда по линии Наркомпроса в Академию поступил первый официальный запрос о готовности ученых приступить к активной деятельности на пользу нового общества, Академия наук ответила быстро и положительно.

Огромное влияние на изменение психологического климата в Академии наук имели встречи академиков С. Ф. Ольденбурга и А. А. Шахматова с В. И. Лениным. Сергей Федорович посетил В. И. Ленина в Смольном 9 ноября 1917 г. В. И. Вернадский впоследствии записал: «Сергей Федорович отправился к Ленину по своей инициативе. Он сказал об этом Карпинскому, который дал ему „carte blanche“. Бородин (вице-президент) совсем растерялся». И далее: «В. И. Ленин произвел на Сергея огромное впечатление».¹⁶ А. А. Шахматов беседовал с Лениным по поводу реэвакуации из Саратова древних рукописей Академии наук. Разумеется, об этих встречах с главой Советской республики моментально узнали все члены Академии, и можно не сомневаться, что «огромное впечатление», которое В. И. Ленин произвел на С. Ф. Ольденбурга, передалось и А. П. Карпинскому и многим членам Академии наук.

И вот — «первая ласточка» грядущих переговоров Академии с Советским правительством. В начале января

---

¹⁵ Кольцов А. В. Ленин и становление Академии наук как центра советской науки. Л., 1969, с. 35.

¹⁶ Ленин и Академия наук, с. 26.

1918 г. С. Ф. Ольденбурга посетил Л. Г. Шапиро — член коллегии научного отдела Наркомпроса — и поставил вопрос о сотрудничестве ученых с Советской властью. Непременный секретарь доложил академикам об этой встрече на первом же Общем собрании 24 января. Постановили: «уполномочить неперменного секретаря ответить, что ответ Академии может быть дан *по каждому отдельному вопросу в зависимости от научной сущности вопроса по пониманию Академии* и от наличности тех сил, которыми она располагает» (курсив мой, — С. Р.).¹⁷ Академия, таким образом, уже 24 января 1918 г. приняла решение исключительной важности. Она, во-первых, дала свое принципиальное согласие на сотрудничество и, во-вторых, инициативу в выборе научных проблем, которые подлежали разработке, оставила за собой.

Вот что записал в своем дневнике после этого исторического собрания В. А. Стеклов: «Отказываться априори нет оснований, но в каждом частном случае Академия, в зависимости от ее мнения о том, стоит или нет разрабатывать предлагаемый вопрос, находит ли она его достаточно заслуживающим научного интереса, имеет подходящие научные силы, может согласиться или отказаться, единственно по научным соображениям, *но принципиально не отказывается и не может отказаться...*» [91, с. 176] (курсив мой, — С. Р.). Академики, как видим, и не помышляли об отказе от сотрудничества с новой властью. Более того, отказаться от сотрудничества они не могли принципиально. Почему? Ответ весьма прост: ученые не мыслили себя без работы, без исследований. Но вести эти исследования, замкнувшись в своем тесном и изолированном академическом мире, они также не могли, ибо научная работа требует приборов, оборудования, материалов, одним словом, должна финансироваться стоящим у власти правительством. Но, с другой стороны, ученые привыкли рассчитывать только на свои силы. Поэтому они и решили, что вопрос о контактах с Советской властью для них будет определяться теми *конкретными* задачами, которые будут поручены Академии наук.

Академики ждали официальных предложений с указанием конкретных дел. Со своей стороны, Наркомпрос

---

¹⁷ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1917, д. 40, л. 47.

создает в январе 1918 г. особый организационный центр — Отдел по мобилизации научных сил на службу крестьянской и рабочей России.¹⁸ Этот-то Отдел и разработал ожидавшиеся Академией *конкретные* предложения о сотрудничестве и возможных формах участия ученых в их разрешении. В конце января 1918 г. С. Ф. Ольденбурга вновь посещает Л. Г. Шапиро и передает ему «Положения к проекту мобилизации науки для нужд государственного строительства», которые в дальнейшем (для краткости) мы будем называть «Запиской Шапиро».

Долго и внимательно читал ее Сергей Федорович. Долго и внимательно изучал ее А. П. Карпинский. Читали и другие академики. Все же это был первый официальный документ (хоть и стояла под ним подпись Л. Г. Шапиро — всего лишь сотрудника, но не руководителя вновь созданного отдела при Наркомпросе), который они получили в ответ на свое принципиальное согласие о сотрудничестве. Они ожидали увидеть в нем перечень конкретных научных проблем, разрешение которых в первую очередь нужно молодому государству... Но не увидели их. «Записка Шапиро» акцентировала внимание на организационной стороне дела, а сами проблемы формулировались настолько общо и расплывчато, что увидеть за ними конкретное научное наполнение, сильное для Академии наук, было практически невозможно. Так, к «кругу задач мобилизуемой для нужд государственного строительства науки» в «Записке» отнесены: изучение естественных производительных сил страны, народнохозяйственного труда, вопросы политики народонаселения.

«...Этот документ, — читаем мы в обстоятельной монографии И. С. Смирнова, — не отражал во всей полноте точку зрения Советского правительства. Прежде всего общепризнанному национальному центру науки предлагалась *приватная записка*, которая затрагивала коренные вопросы работы и перспективу Академии».¹⁹

А. П. Карпинский отнесся со всей серьезностью к этой «Записке». 3 февраля он созывает Общее собрание, на котором С. Ф. Ольденбург зачитывает «Записку». Академики осознали, что хотя сама эта «Записка» в ка-

---

¹⁸ Смирнов И. С. Ленин и советская культура. М., 1960, с. 243.

¹⁹ Там же, с. 245.

кой-то мере разочаровала их, но они должны ответить на нее и ответить полно и квалифицированно. Избирается представительная комиссия в составе академиков С. Ф. Ольденбурга (председатель), А. С. Лаппо-Данилевского, Н. И. Андрусова, М. А. Дьяконова, Н. Я. Марра, Е. Ф. Карского, Н. С. Курнакова, В. А. Стеклова, В. Н. Ипатьева, А. А. Шахматова и А. Н. Крылова. В комиссию, как видим, вошли представители всех отделений Академии, а не только физико-математического, к которому подспудно была адресована «Записка Шапиро». Академики отложили буквально все дела и дено и ночью продумывали и готовили свой ответ. Уже на третий день он был готов. 6 февраля Сергей Федорович собрал заседание комиссии, чтобы изготовить окончательный текст для Общего собрания. Поступило и «отдельное мнение» ученого секретаря КЕПСа (Комиссии по изучению естественных производительных сил) А. Е. Ферсмана. Комиссия утвердила свой ответ в редакции А. С. Лаппо-Данилевского, умевшего ясно и четко — и красиво, к тому же, — излагать свои мысли.

20 февраля А. П. Карпинский вновь созывает Общее собрание Академии, на котором текст ответа комиссии на «Записку Шапиро» утверждается и, таким образом, он приобретает силу официального документа Академии.

Главная мысль, содержащаяся в этом ответе, — позитивная идея сотрудничества, готовность «приняться за постоянную научную и теоретическую разработку *отдельных задач* (курсив мой, — С. Р.), выдвигаемых нуждами государственного строительства»,²⁰ конечно же, импонировала Наркомпросу, но в то же время не гарантировала того, что Академия готова взяться за комплексное решение крупных народнохозяйственных проблем, которые уже стояли в повестке дня. И все же это решение Общего собрания по справедливости называют сейчас «историческим». «Это историческое решение, — указывает Б. В. Левшин, — прежде всего было важным для самой Академии наук. Оно поставило ее научные силы на службу интересам народа, тесно связало ее с деятельностью новой власти по решению самых актуальных для страны проблем народного хозяйства и развития науки, являясь официальным закреплением высшего органа Академии

---

²⁰ Там же, с. 247.

наук — ее Общего собрания — курса на прочное сотрудничество с государством рабочих и крестьян».²¹

Мы можем с гордостью сказать, что первым подписал протокол этого знаменательного Общего собрания президент Российской Академии наук А. П. Карпинский. Ведь ясно же, что от его личной позиции в этом вопросе во многом зависела и позиция всей Академии наук, и, отнесись он иначе к этому первому контакту с Советской властью, неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба высшего учебного органа страны.

Итак, Академия наук заявила о своей готовности «по требованию жизни и государства» принять за решение «отдельных задач», выдвигаемых нуждами народного хозяйства. Наркомпрос приступает далее к переговорам на самом высоком уровне. 5 марта 1918 г. А. В. Луначарский пишет обстоятельное письмо А. П. Карпинскому.

«Президенту Академии наук гражданину А. П. Карпинскому, — с некоторым удивлением прочел Александр Петрович непривычное ему слово „гражданин“.

В порядке личных переговоров неперемный секретарь Академии академик С. Ф. Ольденбург довел до сведения Народного комиссариата просвещения постановление Академии наук о ее принципиальном согласии предоставить свои научные и организационные силы для научных работ, выдвигаемых требованиями жизни, и о ее готовности подвергнуть предложение Народного комиссариата просвещения более детальному обсуждению. В ответ на это предложение, — читал далее Александр Петрович, — Народным комиссариатом просвещения были представлены Академии наук кратко сформулированные положения, которые имели целью наметить контуры предположений Комиссариата.

Настоящим письмом я вновь возвращаюсь к названному вопросу». (В этом месте А. П. Карпинский прервал чтение, положив справа лист бумаги, и приготовился фиксировать те конкретные задачи, которые Народный комиссар должен был перечислить. Но лист так и остался чистым, ибо А. В. Луначарский, естественно, не брал на себя смелость формулировать те «отдельные задачи», к решению которых готова была приступить Академия.

---

²¹ Ленин и Академия наук, с. 8.

Он видел проблему значительно шире, хотел, чтобы то же увидели и академики и, со своей стороны, определял лишь возможные организационные формы плодотворного сотрудничества Академии наук с Советским правительством). «Чрезвычайная серьезность народнохозяйственной проблемы и самый объем стоящих перед страной экономических задач требуют постановки исследования столь широкого, что вне коллективно организованной работы, вне планомерной координации отдельных усилий исследование это неосуществимо».

Далее Анатолий Васильевич указывал на необходимость создания некоего «организационного центра для широкого экономического обследования страны».

— Но ведь у нас есть КЕПС, — отметил про себя А. П. Карпинский и с удовольствием увидел, читая далее, что именно на опыт ее работы опирался А. В. Луначарский, предлагая лишь существенно расширить сферы ее деятельности.

«Комиссариат, конечно, понимает, — писал далее Нарком, — те неизбежные затруднения, которые при этом должны были бы встретиться у Академии, в связи с тем, что центр тяжести научного интереса Академии, как она ныне конструируется, лежит в области теоретических наук, в частности физико-математических и историко-филологических. От него не скрыто, что распространение организационной инициативы Академии на область наук социально-экономических потребовало бы значительного напряжения сил и создания организационной связи с дисциплинами, ныне мало представленными в Академии». Анатолий Васильевич предлагает Академии выйти за традиционные пределы ее научных интересов, ссылаясь при этом на опыт работы КЕПС и констатируя «те удивительные достижения, которыми эти попытки в результате были ознаменованы».²²

Заканчивается это письмо лестными для Академии наук словами: «... В тяжелой обстановке наших дней, быть может, только высокому авторитету Академии наук с ее традицией чистой, независимой научности удалось бы, преодолев все трудности, сгруппировать вокруг этого большого дела ученые силы страны».²³

---

²² Смирнов И. С. Ленин и советская культура, с. 248—249.

²³ Изв. Росс. Акад. наук, VI сер., 1918, № 14, с. 1391.

А. П. Карпинский, конец 10-х годов.

А. П. Карпинский поручил С. Ф. Ольденбургу и ряду других академиков ознакомиться с этим письмом и обсудить его на заседаниях Отделений Академии. Александр Петрович попросил также С. Ф. Ольденбурга ознакомиться с письмом А. В. Луначарского членов Совета КЕПС, а сам взялся за составление ответа, прекрасно понимая, что этот ответ будет расценен как официальная позиция Академии наук.

В течение пяти дней дважды заседал Совет КЕПС. Он составил подробную и содержательную «Записку», которую Александр Петрович одобрил и приложил к своему личному письму на имя А. В. Луначарского. Написал он его 11 марта. Письмо начал с обращения «по-старинке», в том духе, к которому привык и избавляться от которого было уже поздно.

«Милостивый государь, Анатолий Васильевич, — аккуратно вывел А. П. Карпинский. — Письмо Ваше на мое имя было доложено Конференции Российской Академии наук, которая всесторонне его обсудила и поручила Комиссии по изучению естественных производительных

сил... составить записку с изложением того, к чему Академия могла бы приступить немедленно, развивая, расширяя и дополняя уже начатое ею».²⁴ («Приступить немедленно» — знаменательные слова! Значит, вопрос о сотрудничестве с Советской властью в среде академиков более не обсуждался. Шли лишь споры о том, с чего лучше начать работу, имея в виду скорейшую практическую от нее пользу).

«Вопрос о надлежащем использовании научных сил страны, — пишет далее Александр Петрович, — и надлежащей их организации при выполнении научных задач, требующих объединения и согласования работ отдельных ученых, имеет исключительное значение именно у нас, где чрезвычайно велико несоответствие между количеством наличных сил и теми громадными задачами, какие перед нами ставит жизнь».²⁵ (Умудренный опытом человек и большой ученый предупреждает, что надо соразмерять планируемые задачи с возможностями их выполнения «наличными силами»).

«В течение первого полугодия после революции, — продолжает президент, — делались попытки широко организовать и сплотить ученых, что было невозможно при старом порядке, были составлены проекты всероссийских съездов: одного из представителей ученых учреждений и обществ, другого из представителей деятелей высшей школы, и при Министерстве народного просвещения были образованы две комиссии... Комиссии эти задалась целью организации и учета сил, работая в самом тесном единении с Академией наук и университетом. Была выска-

²⁴ В журнале «Вестник АН СССР» (1967, № 11, с. 19) приведено факсимиле начала этого письма. Написан этот отрывок рукой С. Ф. Ольденбурга. Он заканчивается словами: «...уже начатое ею». Ниже, его же рукой: «А. В. Луначарскому. Господину Народному комиссару по просвещению». Остается неясным, то ли С. Ф. Ольденбург начал это письмо, а А. П. Карпинский написал весь остальной текст, то ли С. Ф. Ольденбург написал письмо полностью. Перед опубликованным отрывком неперменный секретарь поставил дату «24 февраля/8 марта 1918 г.», тогда как под письмом А. П. Карпинского стоит дата 11 марта. Так или иначе, но пока во всех официальных документах Академии наук автором этого письма называется А. П. Карпинский, (в том числе и в названном нами номере журнала «Вестник АН СССР») и у нас нет достаточных оснований для пересмотра этого вопроса.

²⁵ В тексте письма курсив мой, — С. Р.

зана мысль об объединении всей высшей школы в одном ведомстве, были положены основы новым университетам на окраинах, университетам нового типа, где чистая наука должна была войти в тесное общение с техникой и прикладным знанием вообще, ибо для всякого ученого в настоящее время ясно, что подобное тесное общение плодотворно для обеих сторон и является истинным залогом настоящего, глубокого использования сил природы и сил человека для создания новой, улучшенной во всех отношениях жизни. . .

К несчастью, скоро наступил один из тех разрывов, которые составляют несчастье русской жизни и мешают ей развить настоящую преемственность, какая одна может явиться надежным залогом жизненного творчества». (Александр Петрович дает понять А. В. Луначарскому, что Академия наук сразу же после свержения царизма, т. е. после Февральской революции, приступила к коренным преобразованиям учебного и научного дела в стране с тем, чтобы создать «новую, улучшенную во всех отношениях жизнь». Но реализовать эти грандиозные предприятия она не успела, ибо произошла Октябрьская революция, а с ней, как полагал в то время А. П. Карпинский и думали все его ученые коллеги по Академии, «наступил один из тех разрывов, которые составляют несчастье русской жизни и мешают ей развить настоящую преемственность». Почему так думал престарелый президент? Да потому, что в первые дни после установления новой власти в реальной, повседневной жизни к ученым относились как к «прислужникам буржуазии» со всеми вытекающими отсюда последствиями. А из такого отношения члены Академии сделали поспешное обобщение, что так же относятся к ним и руководители, пришедшие к власти. Были, конечно, и другие — более глубинные причины. Однако сам настрой письма А. В. Луначарского должен был бы разубедить в этом А. П. Карпинского, но, как видим, не разубедил).

Далее Александр Петрович сам разъясняет свои опасения: «То глубоко ложное понимание труда квалифицированного, как труда привилегированного, антидемократического, *легло тяжелой гранью между массами и работниками мысли и науки*. Настоятельным и неотложным является поэтому для всех, кто уже сознал пагубность этого отношения к научным работникам, бороться с ним

и создать для русской науки более нормальные условия существования». (На этом заканчивается первая, констатационная часть письма президента Российской Академии наук. Далее он переходит к главному: он предлагает свою программу научного сотрудничества Академии с Советской властью и очерчивает тот круг задач, который, по его глубокому убеждению, является главным, хотя бы потому, что он выполним наличными силами).

«Академия наук, не перестававшая ни на один день работать и после Октябрьского переворота, — с гордостью сообщает А. П. Карпинский, — взяла на себя часть того дела, которое делала Комиссия по ученым учреждениям при Министерстве народного просвещения, и прежде всего двинула справочник „Наука в России“, в котором чувствуется острая необходимость... (Академия наук не ограничивает себя составлением этого Справочника по учету научных сил страны, «а имеет в виду... и объединение этих сил в самых разных областях знания»).

«При этом мне представляется особенно важным, — продолжает Александр Петрович, — *исходить из конкретных заданий в области наиболее существенного и неотложного с тем, чтобы объединив и испытав силы на этих определенных задачах, затем уже перейти к тому широкому обобщению, о котором говорите Вы, совершенно правильно указывая на его исключительное значение в настоящее время. Я считал бы только неправильным начинать с него, так как чрезвычайно легко было бы впасть в теоретичность и прийти к построениям недостаточно жизненным; при этом драгоценное время было бы затрачено на длинные теоретические переговоры о тех или других общих схемах, правильность которых все же выяснилась бы лишь на конкретной работе. (Выделенный нами тезис А. П. Карпинского — ключевой в его письме. Он отражает платформу Академии наук по реализации предложенного ей сотрудничества. И этот же тезис в работах по истории становления советской системы науки, в частности в монографиях М. С. Бастрковой, А. В. Кольцова, И. С. Смирнова и ряде других, на которые мы уже ссылались, подвергался критике за узкое понимание задач, выдвигаемых насущными проблемами социалистического строительства. Критика эта не совсем справедлива, ибо А. П. Карпинский подходил*

к предложенной ему, как главе Академии наук, программе с позиций ученого и руководителя, которому предстояло *реализовать* эту программу, претворить ее в жизнь и притом в кратчайшие сроки. Поэтому его опасения и сомнения основательны и оправданны. Когда же страна развернула научные и прикладные исследования широким фронтом, т. е. была создана широкая сеть исследовательских институтов, организованы комплексные геологические экспедиции, приступили к составлению плана ГОЭЛРО и т. д., Академия наук возглавила все эти работы и уже естественным путем расширила тот круг задач, который поначалу А. П. Карпинскому казался излишне обширным).

«В настоящем письме, — резюмирует Александр Петрович, — и приложенной к нему записке я рассматриваю вопрос главным образом в общей его постановке и рассчитываю к концу недели уже препроводить Вам ряд конкретных записок с указанием на работы, к которым, в связи с намечаемым Вами планом мобилизации науки, надлежало бы безотлагательно приступить, для скорейшего и наиболее плодотворного выявления всех наших производительных сил на нужды народные.

Прошу Вас принять уверения в совершенном почтении и преданности...».²⁶

«Письмо президента Академии наук представляло большой политический интерес как своего рода декларация ученых», — верно оценивает сущность этого документа И. С. Смирнов.²⁷

Итак, Академия наук именем своего президента завила Советское правительство в готовности приступить к скорейшему разрешению народнохозяйственных проблем. Однако у Академии были свои трудности, которые мешали ученым спокойно работать: нехватка бумаги для печатания трудов, недостаток в материалах и приборах для экспериментальных исследований. А тут еще слухи — закроют знаменитую академическую типографию. Обеспокоенный А. П. Карпинский вновь берется за перо и пишет Наркому по просвещению. Тот спешит рассеять эти нелепые слухи: «Типография Академии Российской республики, представляющая высокую ценность в отно-

---

²⁶ Изв. Росс. Акад. наук, с. 1393—1395.

²⁷ Смирнов И. С. Ленин и советская культура, с. 255.

шении ее приспособленности к нуждам академических изданий, должна работать с такой производительностью, какая вызывается потребностью работы Академии». ²⁸ Эта забота как будто отлегла. Но нужны средства (пусть для начала и не очень крупные) для налаживания работы ученых по новой, практически согласованной программе.

И вновь Александр Петрович садится за стол и пишет. На этот раз прямо в Совет Народных Комиссаров. 3 апреля 1918 г. он направляет с пометкой «срочно» «Отношение президента Российской Академии наук в Совет Народных Комиссаров». (Автограф этого письма пока не найден). Просит: утвердить бюджет Академии на 1918 г., ускорить печатание научных трудов, наладить регулярное снабжение библиотек книгами и периодическими изданиями... Трудно было исполнить эту последнюю просьбу президента — гражданская война и тиски блокады Советской республики исключали возможность поступления какой-либо научной информации из-за рубежа. Однако письмо А. П. Карпинского Совнарком не оставил без внимания. 9 апреля по личному поручению В. И. Ленина непосредственный контакт с Академией наук установил секретарь СНК и личный секретарь В. И. Ленина Н. П. Горбунов. А уже 12 апреля на заседании Совнаркома был заслушан доклад А. В. Луначарского «О предложении Академией наук ученых услуг Советской власти по использованию естественных богатств страны». В постановлении СНК отмечается: «Пойти навстречу этому предложению, принципиально признать необходимость финансирования соответственных работ Академии и указать ей как *особенно важную и неотложную задачу разрешение проблем правильного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил* (курсив мой, — С. Р.)». ²⁹

Получив экземпляр этого важного постановления СНК и узнав о поддержке им начинаний Академии наук, 16 апреля А. П. Карпинский вновь обращается в этот высший управляющий орган Советской республики. «Сложные и многообразные научные задачи, разрешение

²⁸ Изв. Росс. Акад. наук, VI сер., 1918, т. XII, № 12—18, с. 1198.

²⁹ Ленин и Академия наук, с. 40.

которых стоит в тесной связи с поднятием и выявлением производительных сил нашей столь потрясенной Родины, вызвали в течение последних лет, и особенно последнего года, усиленную работу Российской Академии наук и многих, близко к ней стоящих ученых учреждений и обществ»,³⁰ — начинает свое письмо Александр Петрович. Он просит у СНК скорейшего утверждения «испрашиваемых кредитов», разрешения вопроса о печатании трудов Академии, «сотни листов которых ждут очереди и неизвестно, когда ее дождутся, если не будут приняты срочные меры»;³¹ ввиду же сокращения производительности академической типографии просит предоставить «право печатания известного числа листов в год в I Государственной типографии за государственный счет»;³² вновь жалуется на нерегулярность снабжения библиотек новыми изданиями, даже вышедшими в России, и т. д. Одним словом, это уже не выработка принципов и основ сотрудничества, а деловое указание на те преграды, которые стоят на его пути.

Заканчивает свое письмо Александр Петрович словами: «Чрезвычайно внимательное отношение Комиссариата народного просвещения к научным потребностям Академии было уже отмечено выше, и копия с настоящего обращения сообщается одновременно и Комиссариату, но Академия полагала бы, что в интересах дела важно сохранить за нею право, которое она имела с своего основания, почти 200 лет тому назад, обращаться в особо важных случаях непосредственно к высшему органу власти, который всегда может обеспечить путем одновременного рассмотрения вопроса всеми заинтересованными ведомствами необходимую срочность».³³

СНК с исключительной внимательностью и оперативностью отнесся к этим просьбам А. П. Карпинского. По личному указанию В. И. Ленина уже в конце апреля 1918 г. Академии наук было предоставлено право печатать материалы КЕПС в I Государственной типографии, а смета Академии и «сверхсметный расход» для КЕПС был утвержден СНК 11 июня того же года.

---

³⁰ Там же.

³¹ Там же, с. 41.

³² Там же.

³³ Там же, с. 43.

Интересно, что именно к этому времени, т. е. к апрелю 1918 г., относится написанный В. И. Лениным «Набросок плана научно-технических работ», составленный им явно под впечатлением только что завершившегося обмена письмами между Наркомпросом и Академией наук. По всей вероятности, В. И. Ленина не очень удовлетворил масштаб намеченного сотрудничества, и он предложил свой вариант, к сожалению, оставшийся неизвестным Академии.³⁴ Адресован же он был именно ей: «Академии наук, начавшей систематическое изучение и обследование естественных производительных сил * России, следует немедленно дать от Высшего совета народного хозяйства поручение образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России». Сноска Ленина: «*NB: Надо ускорить *издание* этих материалов из всех сил, послать об этом бумажку и в Комиссариат народного просвещения, и в союз типографских рабочих, и в Комиссариат труда».³⁵

В. И. Ленин впервые поставил перед Академией наук задачу *комплексного* изучения естественных производительных сил страны и возрождения ее экономики, которое предопределяло и проблематику первоочередных исследований Академии. Этот документ «замечателен новизной постановки вопроса, широтой размаха, методологической силой и той органической связью с жизнью масс, которой дышит каждое государственное мероприятие В. И. Ленина», — пишет И. С. Смирнов.³⁶

Интересное было время. На одном полюсе (мы только что в этом убедились) — усилия по приобщению ученых к социалистическому строительству, на другом — планы по упразднению Академии наук; на одном — громадные усилия по сохранению национальной русской культуры и произведений искусства, на другом — полное отрицание культурного наследия прошлого. Развернулась ожесточенная «битва с Рафаэлями». «Кое-кто уже подхватывал в раже: а Ньютона забыли? Мелкобуржуазный нигилизм

---

³⁴ Эта работа В. И. Ленина была впервые опубликована Н. П. Горбуновым только 4 марта 1924 г. на страницах «Правды».

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 228.

³⁶ Смирнов И. С. Ленин и советская культура, с. 267.

с его мнимореволюционной фразеологией и левацкими призывами выбросить за борт всю мировую культуру угрожал в ту пору даже таким столпам отечественной науки, как Российская Академия...».³⁷

Действительно, одновременно с привлечением Академии наук к активному сотрудничеству с Советской властью в среде руководящих работников Наркомпроса активно вынашивалась и обсуждалась идея реформы Академии, т. е. преобразования ее в некую «Ассоциацию наук» — бесструктурное учреждение нового типа. Разумеется, первоначальные шаги в этом плане не обсуждались с Академией (ее даже не ставили об этом в известность). Но зато в апреле 1918 г., когда, заметим, уже была полностью согласована программа вовлечения Академии в социалистическое строительство, на заседании Государственной комиссии по просвещению о реформе Академии говорили открыто. Вот как описывает это знаменательное заседание И. С. Смирнов, тщательно изучивший всю историю этого вопроса.

«... Докладчик по вопросу „общего плана и программы работ научного отдела“ В. Т. Тер-Оганесов, считавший, что „в вопросах реформы ученых учреждений надо быть очень осторожным“, все же выдвигал идею создания Ассоциации наук, содержащую в потенции реорганизацию Академии. Он говорил „о желательности создания Ассоциации наук, куда вошли бы представители ученых обществ и ученых учреждений и куда можно было бы обращаться за разрешением вопросов по всем отраслям знания“...

Точку над *i* поставил М. Н. Покровский (см. ниже его воспоминания по этому вопросу, — *С. Р.*). Он сказал: „Научному отделу целесообразнее сосредоточить свое внимание на научных учреждениях в собственном смысле слова, не преследующих никаких учебных целей. Таким учреждением является прежде всего Академия наук, *которая и может быть реорганизована в Ассоциацию наук.* Желательно было бы знать план Научного отдела о реорганизации Академии наук и ряда других чисто научных учреждений: архивов, библиотек, обсерваторий“. М. Н. Покровский предлагал „просить докладчика представить подробный план реорганизации Академии наук“.

---

³⁷ Варшавский С. П., Рест Ю. И. Билет на всю вечность, с. 236--237.

Другие участники заседания предлагали поручить составление такого плана: самому М. Н. Покровскому, совместно с П. К. Штернбергом и В. Т. Тер-Оганесовым; Л. Г. Шапиро; специальной комиссии; коллегии научного отдела. Так что в необходимости реорганизации Академии наук, как видно, было полное единодушие. Трудно было только решить, на ком остановить свой выбор. Государственная комиссия постановила: „Считать, что задачей Научного отдела является в первую очередь конструирование и план реформы научных центров в рамках сделанных указаний на заседании Большой государственной комиссии“, т. е. па данном заседании» (курсив автора, — С. Р.).³⁸

Приняв такое решение, реформаторы из Наркомпроса уведомили и Академию наук, чтобы она успела морально подготовиться, а академики пообвыклись бы с новым своим званием — «действительный член Ассоциации наук». 26 июня 1918 г. тот же Л. Г. Шапиро «успокаивает» С. Ф. Ольденбурга: «Я думаю, что в результате наших личных переговоров одно должно было бы выясниться определенно: над задачей самодовлеющей реформы Академии бесконечно превалирует другая задача, положительная, — задача *организации науки* (выделено автором, — С. Р.), и как выражение ее — проект Ассоциации».³⁹

Получив такое послание, не на шутку встревоженный непереманный секретарь поспешил к президенту. Александр Петрович, кажется, впервые в жизни не знал, как успокоить С. Ф. Ольденбурга и как сохранить только что с таким трудом налаженный рабочий ритм Академии. Он надолго уединяется в своем кабинете. От имени Академии он пишет в Наркомпрос, резко протестуя против ее реформы: «Академическое учреждение, — пишет А. П. Карпинский, — научное и потому по самому существу своему чрезвычайно сложное», его организационное переустройство должно идти сугубо осторожно, «дабы эти реформы либо не являлись чисто бумажными, а потому нежизнеспособными, либо не оказались разрушительными, вместо того, чтобы быть созидательными».⁴⁰

³⁸ Смирнов И. С. Ленин и советская культура, с. 266—267.
³⁹ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1917, д. 41, л. 196.

⁴⁰ Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974, с. 260.

Ученые Академии и в первую очередь А. И. Карпинский понимали, что в новых условиях они не смогут уже работать по-старому, и доказали это свое понимание, сознательно предложив свои услуги к разрешению проблем, «выдвигаемых жизнью и государством». Они же сознавали, что нельзя более замыкаться в рамках давно устаревшего устава 1836 г. А потому предлагали (со своей стороны) расширить состав Академии, демократизировать выборы новых членов и т. д. Однако 22 июля 1919 г. Научный отдел Наркомпроса отклонил эти предложения, считая их «неудовлетворительными ввиду несоответствия духу времени».⁴¹

Для этого Отдела вопрос, оказывается, был решен значительно раньше. Еще в ноябре 1918 г. Научный отдел Комиссариата по просвещению Союза коммун Северной области (куда входил Петроград) направил в Комиссариат по просвещению Союза коммун Северной области записку «О реформе деятельности ученых учреждений и школ высших ступеней в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике». Это был наспех сделанный документ, содержащий грубые ошибки. «Что же касается разновидности, именуемой высшим ученым учреждением типа Академии наук,— лихо начинают авторы свое сочинение,— *то таковое под-лежит немедленному упразднению* (уже не реформа, не реорганизация, а упразднение, — С. Р.), как совершенно ненужные пережитки ложно-классической эпохи развития классового общества. Коммунистическая наука мыслима лишь как общенародное, коллективное, трудовое жизненное дело, а не как волхование в недоступных святилищах, ведущее к синекурам, развитию кастовой психологии жречества и сознательного или добросовестного шарлатанства».⁴²

Сейчас такие вещательные декларации читаются с пониманием. Но тогда?! Ведь шел 1918 г. В самом разгаре гражданская война. Такие заявления в то время могли восприниматься и как смертный приговор Академии. «Столь резко и столь несправедливо по отношению к ведущему научному центру страны еще никто не высказывался! — пишет А. В. Кольцов. — Такие „левацкие“

⁴¹ Там же.

⁴² Кольцов А. В. Ленин и становление Академии наук..., с. 61.

загибы пролеткультовского толка ничего доброго Академии наук не обещали».⁴³

26 ноября того же года С. Ф. Ольденбург дрожащим от волнения голосом читал эту «Записку» на Общем собрании Академии наук. Что тут было делать? Что предпринять, чтобы спасти Академию, имеющую почти 200-летнюю историю, от наскоков не в меру ретивых реформаторов. Решили (как всегда) образовать комиссию под председательством самого президента А. П. Карпинского. Написали обстоятельное, сдержанное письмо в Наркомпрос и с ужасом ждали своей участи.

15 августа 1919 г. С. Ф. Ольденбург пишет П. П. Лазареву, который в это время по личному указанию В. И. Ленина возглавлял работы на Курской магнитной аномалии: «На Академию из Москвы, говорят, надвигается черная туча: Артемьев и Тер-Оганесов имеют какие-то планы полного уничтожения в простом декретном порядке. Науку, конечно, никто и ничто никогда не уничтожит, пока жив будет хоть один человек, но расстроить легко. Поговорите с Красиным (нарком торговли и промышленности, член Президиума ВСНХ,— С. Р.), пусть он поговорит с Лениным, тот человек умный и поймет, что уничтожение Академии наук опозорит любую власть. Мы здесь заняты разными проектами реорганизаций для спасения дела (Комиссия по пересмотру устава Академии наук,— С. Р.), но упорно встает вопрос топлива, и смерть косит...».⁴⁴

Не будем забывать, в какое время это происходило. Шла гражданская война. Молодая республика была в кольце врагов, и, разумеется, все мысли В. И. Ленина в то время были сосредоточены на главном — на спасении революции. Но он находил время заниматься и сугубо мирными вопросами, в частности делами Наркомата по просвещению, и вовремя «охлаждал» излишне горячие головы. Вспоминает бывший заместитель Наркома просвещения, уже знакомый нам М. Н. Покровский: «Первый совет, который я от него (Ленина,— С. Р.) услышал, звучал совсем по-староверчески, до неприличия консервативно, можно сказать: „Ломайте поменьше!“ Это было в те дни, когда количеством лома некоторые горячие товарищи (не составлял исключения и автор воспомина-

⁴³ Там же.

⁴⁴ Ленин и Академия наук, с. 61.

ний,— С. Р.) мерили достоинство советского работника. А Ильич говорил: „Чем меньше наломаешь, тем лучше...“⁴⁵

Итак, ученые обратились за помощью к В. И. Ленину, «величайшему защитнику науки», как его называл М. И. Калинин. Узнав о планах коренной реорганизации Академии наук, он очень встревожился: поспешные реформы под флагом мнимого новаторства могли «отпугнуть ученых от нового строя и надолго затормозить процесс привлечения работников науки к социалистическому строительству».⁴⁶ Он срочно вызывает к себе А. В. Луначарского, который впоследствии подробно описал эту знаменательную беседу.

«Ленин... говорил: не надо давать некоторым коммунистам-фанатикам съесть Академию.

Да, В. И. Ленин не только не расхотел в этом вопросе с Наркомпросом, но очень часто заходил дальше, и я прекрасно помню две-три беседы, в которых он буквально предостерегал меня, чтобы кто-нибудь не „озорничал“ вокруг Академии. Один очень уважаемый молодой коммунист и астроном придумал чудесный план реорганизации Академии. На бумаге выходило очень красиво. Предварительным условием являлось, конечно, сломать существующее здание на предмет сооружения образцового академического града. В. И. Ленин очень обеспокоился, вызвал меня и спросил: „Вы хотите реформировать Академию? У вас там какие-то планы на этот счет пишут?“

Я ответил: „Академию необходимо приспособить к общегосударственной и общественной жизни, нельзя оставить ее каким-то государством в государстве. Мы должны ее ближе подтянуть к себе; знать, что она делает и давать ей некоторые директивы. Но, конечно, планы коренной реформы несвоевременны и серьезного значения мы им не придаем“.

Несколько успокоенный, Ильич ответил: „Нам сейчас вплотную Академией заняться некогда, а это важный общегосударственный вопрос. Тут нужна осторожность, такт и большие знания, а пока мы заняты более проклятыми вопросами. Найдется у вас какой-нибудь смельчак,

---

⁴⁵ Варшавский С. П., Рест Ю. И. Бллет на всю ветпость, с. 237.

⁴⁶ Смирнов И. С. Ленин и советская культура, с. 265.

наскочит на Академию и перебьет там столько посуды, что потом с вас придется строго взыскивать“». ⁴⁷

«Взыскивать», к счастью, не пришлось. Вовремя принятые В. И. Лениным меры отвели угрозу от Академии наук, и ученые смогли, наконец, спокойно — насколько спокойно можно было жить и работать в условиях гражданской войны и военной интервенции — заняться своими исследованиями. А. П. Карпинский как раз в это время готовит к переизданию «Очерки геологического прошлого Европейской России», пишет обстоятельную статью «К тектонике Европейской России», а также «представления в действительные члены Академии наук» А. Е. Ферсману и Е. С. Федорову.

Прошли годы. Улеглись организационные страсти вокруг Академии наук. Но ученые продолжали с благодарностью вспоминать того, кто встал на их защиту, кто помог обрести силу и уверенность в те трудные годы, — В. И. Ленина.

... 6 сентября 1925 г., выступая на торжественном заседании Конференции Академии наук, академик С. Ф. Ольденбург сказал: «Благодарную память мы храним к тому большому человеку, который умер на работе и из-за работы, Владимиру Ильичу Ленину. В самые трудные дни нашей жизни, когда казалось временами, что никакая работа уже невозможна, его личное вмешательство, его помощь словом и делом создавали возможность работы. Он фанатически любил науку и верил в нее, как в могучий жизненный фактор, который помогает людям в трудной и сложной жизни. Как человек дела, он немедленно воплощал свои слова в дела, и если мы теперь можем говорить о действительно возродившейся научной работе, то этим мы в самой полной степени обязаны ему...». ⁴⁸

А вот как вспоминал те годы А. П. Карпинский. В письме к А. В. Луначарскому от 10 октября 1929 г. он замечает: «За время разрухи, неизбежно следующей за всякой революцией, Вы с самого начала Октябрьской революции приняли меры к сохранению ученых уч-

⁴⁷ Луначарский А. В. К 200-летию Всесоюзной Академии наук, с. 110.

⁴⁸ Академия наук СССР за 200 лет. Речь С. Ф. Ольденбурга, читанная в торжественном заседании Конференции Академии 6 сентября 1925 г. Л., 1925, с. 19.

реждений и прежде всего Академии наук, что вполне соответствовало и намерениям В. И. Ленина, в чем Академия впоследствии неоднократно имела случай убедиться. После Великой Французской революции, — пишет далее Александр Петрович, — Парижская Академия на некоторое время перестала существовать, и даже история ее и самой страны омрачилась казнью одного из величайших ее гениев, открывшего элемент, без которого ничто на Земле живущее не могло бы существовать (в мае 1794 г. был казнен великий французский химик Лавуазье, открывший кислород, — С. Р.). Мы, академики, не настолько неблагодарны, чтобы не чувствовать к Вам особой признательности».⁴⁹

Глава 17. В годы гражданской войны

В начале лета надо было бы собираться на дачу. Но не торопились. Время тревожное (шел 1918 г.), да и Александра Павловна что-то с самой зимы хворает. Но потеплело, ей стало лучше, и она заторопила большое семейство. Александр Петрович хмурился. Он знал — нельзя ей далеко от города, вдали от врачей. Облегчение временное, ненадолго. Врачи долго скрывали и от него правду. Но в конце концов вынуждены были произнести это страшное слово — рак. Он все понимал, а потому не спорил с женой. В июне перебрались на Сиверскую.

Сиверская — любимое место отдыха Карпинских. Там жили уже около 20 лет, каждое лето. Своего дома не имели — все не собрать было денег. Снимали. Дача была удобной, просторной и совсем своей. Пока жив был Ф. Б. Шмидт, и он жил на Сиверской у Карпинских. Приезжали и другие — друзья и родные. Часто бывал Алексей Петрович с семейством. Да и свои дочери уже давно взрослые. Одним словом, большая, дружная семья, державшаяся заботами Александры Павловны.

Но лето 1918 г. было последним, когда все Карпинские собрались под одной крышей. В июле Александре Павловне стало хуже. Она слегла и больше уже не встала. . . Похоронили ее там же, на Сиверской. Не хотел того Александр Петрович, он заранее и для себя и для

⁴⁹ Прометей (Литературно-художественный альманах), 1966, вып. 2.

жены позаботился о месте на Смоленском кладбище, рядом с единственным их сыном Колей. Но судьба распорядилась иначе — и с женой его и с ним.

Тяжело переживал он ее смерть. За 44 года она стала частью его самого, и не знал он, как жить дальше. А тут еще столько забот по Академии: почти ежедневные заседания, составление программ работ в соответствии с только что достигнутой договоренностью с Наркомпросом, и все это — в условиях войны. Сил же нет, и он просит Академию разрешить ему хоть немного пожить на Сиверской. Разумеется, Академия пошла ему навстречу. С. Ф. Ольденбург даже выхлопотал ему дополнительное пособие: все знали, что у президента никогда не водились лишние деньги, а тут еще непредвиденные расходы на похороны.

«Глубокоуважаемый Сергей Федорович, — пишет А. П. Карпинский. — Посылаю Вам две доверенности на имя В. А. Рышкова и глубоко благодарю Вас и Ивана Парфеньевича (Бородин, вице-президент Академии наук, — С. Р.) за возможность провести еще несколько дней на Сиверской и за Ваши хлопоты. Я никак не ожидал получить ни дополнительное жалование за ноябрь и декабрь, ни пособие, особенно в таком большом размере. Последнее меня несколько удручает, хотя и сознаю, что без него не скоро мог бы выбраться из долгов, никогда до последнего времени лично для себя мною не делавшихся и всегда лишавших меня покоя. Глубокое и сердечное Вам спасибо за все».¹

Почти ежедневно ходил он в эти дни на могилу к Александре Павловне и подолгу сидел, опустив свою седую голову. И все последующие годы — а судьба отпустила ему еще около двадцати лет — он почти ежегодно приезжал на несколько месяцев сюда, «к ней», и лишь последнее лето перед переездом в Москву провел в Юках.

Со смертью Александры Павловны семейство Карпинских распалось. Теперь снимали две дачи: одну — для старшей дочери с детьми, в другой жили Татьяна Александровна и Александра Александровна, а вскоре появилась и внучка — Кися, как ее называли в семье.

---

¹ ЛО ААН, ф. 208, оп. 3, д. 256, л. 19 (письмо от 19 августа 1918 г.).

А. П. Карпинская.
(Публикуется впервые).

1918—1920 гг. были тяжелым временем для молодой Советской республики. На Советскую власть, помимо белогвардейцев, ополчились 14 иностранных держав. Кольцо блокады сжималось. Столица оказалась отрезанной от топливных и продовольственных центров. Участились случаи саботажа, вредительства и терроризма. Республике приходилось сражаться на два фронта — внешнем и внутреннем. 21 февраля 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял написанный В. И. Лениным декрет «Социалистическое отечество в опасности!».

«Выполняя поручение капиталистов всех стран, — писал Ленин, — германский милитаризм *хочет задушить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы — банкирам, власть — монархии.* Германские генералы хотят установить свой „порядок“ в Петрограде и в Киеве. *Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности.*»²

---

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 357.

Совет Народных Комиссаров постановил: все силы и средства страны — на оборону; ничего не оставлять врагу — взрывать железнодорожные пути и мосты, весь подвижной состав направлять в глубь страны; на подступах к Петрограду и Киеву — рыть окопы силами особых батальонов. *«В эти батальоны, — писал В. И. Ленин, — должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев; сопротивляющихся — расстреливать».*³ Закрыли все контрреволюционные издания, а их сотрудников — на рытье окопов. Неприятельских агентов, спекулянтов, громил, хулиганов, контрреволюционных агитаторов приказывалось расстреливать на месте преступления!

Суровые, но необходимые меры. Надо было спасать революцию.

11 марта 1918 г. правительство переехало в Москву. Однако А. В. Луначарский просил оставить его в Петрограде. В своем заявлении он, в частности, писал: «Правительство не может остаться равнодушным к дальнейшей судьбе громадного, первоклассного мирового центра. Петербургу придется круто. Он вынужден будет болезненно пережить процесс свертывания и в экономическом и в политическом отношении.

Конечно, правительство всемерно постарается облегчить этот мучительный процесс, но все же нельзя будет спасти Петербург от обострения продовольственного кризиса, от дальнейшего роста безработицы, а в связи с тем недовольства остающихся на месте масс и поредения их в ущерб революционности населения в целом...».⁴

Нарком был прав. Петрограду приходилось особенно круто. В мае 1918 В. И. Ленин говорил: «Вы знаете, товарищи, что после мучительнейшей войны, в которую ввел нас царский режим и соглашатели с Керенским во главе, нам непосредственно достались в наследство разложение и крайняя разруха. Теперь подходит самый критический момент, когда голод и безработица стучатся в дверь все большего числа рабочих, когда сотни и тысячи людей терпят муки голода, когда положение обострено тем, что хлеба нет, но он мог бы быть, когда мы

---

³ Там же, с. 358.

⁴ Варшавский С. П. Рес-т Ю. И. Билет на всю вечность. (Повесть об Эрмитаже). Л., 1978, с. 166—167.

знаем, что правильное распределение его зависит от правильного подвоза. Недостаток топлива, после того как от нас отрезан богатый топливом край, катастрофа железных дорог, которым, может быть, грозит приостановка движения, — вот те положения, которые создают трудности для революции».⁵

Трудностей же было хоть отбавляй. Летом 1918 г. англичане высадили десант в Мурманске. Пленные чехословаки подняли мятеж и даже захватили Самару и Уфу. В Москве с провокационными целями убивают германского посла графа фон Мирбаха, в результате — левозерковский мятеж. И в довершение 30 августа 1918 г. эсерка Каплан отравленными пулями стреляет в Ленина. ВЦИК призвал рабочий класс сплотить свои ряды: беспощадный массовый террор против всех врагов революции! Шла жестокая братоубийственная война, поставившая вопрос ребром: либо республика сплотит свои ряды и отстоит завоевания революции *любыми средствами*, либо захлебнется в крови и погибнет.

Точную характеристику ситуации тех дней оставил посторонний для России наблюдатель, английский писатель Г. Уэллс: «Среди этой необъятной разрухи руководство взяло на себя правительство, выдвинутое чрезвычайными обстоятельствами и опирающееся на дисциплинированную партию — партию коммунистов. Ценой многочисленных расстрелов оно подавило бандитизм, установило некоторый порядок и безопасность в измученных городах и ввело жесткую систему распределения продуктов...

Я сразу же должен сказать, — пишет далее Г. Уэллс, — что это — единственное правительство, возможное в России в настоящее время. Оно воплощает в себе единственную идею, оставшуюся в России, единственное, что ее спланирует».⁶

Да, рабоче-крестьянское правительство — единственное, которое способно было вывести Россию из затяжного кризиса войны и разрухи. Но война еще шла, разруха разрасталась и казалось — нет более предела человеческим силам. В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал, что в 1919 г. все

---

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 365—366.

⁶ Уэллс Г. Россия во мгле. Собр. соч., т. 15. М., 1964, с. 316.

думали — конец, «костлявая рука голода» задушит рабоче-крестьянскую республику.⁷ Заговоры участились, саботаж усилился, транспорт почти не работал, к городам и особенно к Петрограду все труднее было подвозить продукты. Но страна сражалась, сражался и Петроград. И выстояли. Велико было желание удержать власть. И удержали!

... В мае 1919 г. началось первое крупное наступление войск Юденича. Петроград объявили на осадном положении со всеми вытекающими отсюда последствиями (вспомним декрет СНК «Социалистическое отечество в опасности!»). В августе Красная Армия отбросила войска Юденича от города, но ненадолго. Уже в сентябре они снова перешли в наступление. В городе в те дни можно было видеть плакаты «Все на защиту Красного Питера!» 17 октября 1919 г. к рабочим и красногвардейцам Петрограда обратился В. И. Ленин: «Царские генералы еще раз получили припасы и военное снабжение от капиталистов Англии, Франции, Америки, еще раз с бандами помещичьих сынков пытаются взять красный Питер... Взяты Красное Село, Гатчина, Вырица. Перерезаны две железные дороги к Питеру. Враг стремится перерезать третью, Николаевскую, и четвертую, Вологодскую, чтобы взять Питер голодом.

Товарищи! Вы все знаете и видите, какая громадная угроза повисла над Петроградом. В несколько дней решается судьба Петрограда, а это значит наполовину судьба Советской власти в России».⁸

Войска Юденича были разбиты! Колыбель революции была спасена!

Вместе с рабочими и красногвардейцами как могли защищали город и ученые, оставшиеся в России в тяжелое для нее время. К. А. Тимирязев писал, что «в 1870 г. французские ученые гордились тем, что не покидали своего поста даже в дни осады Парижа».⁹ Гордились этим и русские ученые, члены Академии наук, которые во главе с А. П. Карпинским ни на один день не прекра-

---

⁷ Ленин и Академия наук. М., 1969, с. 23—25.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 230.

⁹ Тимирязев К. А. Сочинения, т. VII. М., 1939, с. 485.

щали свою работу, когда, казалось, уже не было сил двигаться, спорить и даже думать...

(Будучи в 1923 г. за границей С. Ф. Ольденбург встречался с некоторыми русскими эмигрантами — учеными, которые, по всей вероятности, уговаривали его остаться на Западе. Он писал жене: «Ведь мы русские, и позорно было бы покинуть свое отечество, раз можешь в нем работать для науки» [91, с. 166]).

Они были в осажденном Петрограде, они не покидали холодный, промерзший город, они были верны ему и тогда, когда паек снизился до минимума и его не хватало не только, чтобы работать, но просто, чтобы поддерживать таявшие силы. Силы придавала вера: в будущее, в науку, в разум.

Особенно суровой была зима 1919/20 г., унесшая не один десяток жизней русских ученых. Всю зиму здания не отапливались. Дома еще кое-как выходили из положения, насыщая «буржуйки» мебелью, книгами, рукописями. В тот год в Петрограде был строжайший режим экономии топлива: приостанавливали работу заводы, почти не ходили трамваи, в дома электроэнергия подавалась 8—10 часов в сутки. Перед этой зимой, предвидя неизбежные трудности, В. И. Ленин писал: «Мы добываем Колчака, мы победили Юденича, мы начали успешно наступать на Деникина. Мы улучшили значительно заготовку и ссыпку хлеба. Но топливный кризис грозит разрушить всю советскую работу».¹⁰ Да, топливо — это все. Без него нет движения по железным дорогам, а нет движения — нет хлеба. Замерзла Нева — прекратилось снабжение дровами...

Но вот эта страшная зима позади. С наступлением весны обнаружилось, что здание Академии сильно отсырело, книги и рукописи покрылись плесенью. Руководство Академии наук забило тревогу — срочно нужны были дрова, чтобы хоть как-то подсушить здание. Дело в том, что здание Академии слишком капитально, чтобы его можно было прогреть только за счет тепла наружного воздуха. Однако все обращения в Петросовет результатов не дали — дров не было. Тогда решились телеграфировать В. И. Ленину.

---

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 305.

Председателю Совета Народных Комиссаров
Владимиру Ильичу Ленину
Кремль, Москва.

Запасов дров Российской Академии наук осталось не более как на две недели, все попытки Академии достать дрова кончаются неудачей. Драгоценнейшим научным коллекциям и многим уцелевшим еще ученым грозит гибель, так как не будет возможности ни протопить отсыревшие помещения ученых и учреждений Академии, ни даже готовить пищу ученым и служащим. Необходимо ничтожное количество дров, хотя бы триста (300) кубов.

Просим о чрезвычайном срочном распоряжении.

Вице-президент Стеклов
Президент Карпинский
Непременный секретарь Ольденбург.¹¹

Не случайно подпись В. А. Стеклова стоит первой под этой телеграммой. На нем лежали теперь главные хозяйственные заботы об Академии. В. И. Ленин и на этот раз пришел на помощь ученым. Академия получила желанные 300 кубов, и Александр Петрович спешит обрадовать В. А. Стеклова: «Вопрос о дровах, поставляемых Акцентрам, урегулирован».¹²

Что делать, — дрова, одежда, пропитание стали теперь заботой не менее важной, чем сами научные исследования. Ведь от этих — казалось бы, далеких от науки — забот самым прямым образом зависела не только работоспособность ученых, но и их жизнь. Доставать же дрова и продовольствие было невероятно сложно. В декабре 1918 г. нормы выдачи хлеба в Петрограде достигли минимума, а под новый 1919 г. жители города вместо хлеба получили овес. Был введен так называемый классовый паек, по которому рабочие, имевшие паек первой категории, получали не более полуфунта хлеба в день. С осени 1918 г. к рабочим приравнивали профессоров. Но установить норму — это лишь полдела. Невероятно сложно было отоваривать продовольственные талоны. У магазинов выстраивались огромные очереди, часто стояли ночи напролет, а утром расходились по домам ни с чем — хлеб не привезли. В счастливые же дни, когда хлеб (точнее его подобие) был, то выдавали его «назад» по 3—4 купонам сразу... С наступлением зимы во многих домах лопнули водопроводные трубы, вышла из

¹¹ Ленин и Академия наук, с. 76 (телеграмма от 11 мая 1920 г.).

¹² Там же, с. 77 (телеграмма от 16 июня 1920 г.).

строю канализация. Весной 1919 г. стало полегче с хлебом, но пришла новая беда: в конце года на Петроград обрушилась эпидемия тифа.

И в таких условиях ученые не прекращали работу, хотя им было, может быть, сложнее, чем другим, приспособиться к такой жизни: они не просто не привыкли к добыванию пропитания, но органически были к этому неприспособлены. Особенно же тяжело было пожилым и одиноким труженикам науки. Они страдали больше других и чаще других погибали. А. М. Горький писал: «Прежде и больше всех от последствий блокады страдают дети, а затем — представители ученого мира, как люди кабинета и лаборатории, плохо приспособленные к практической жизни и мало искушенные в борьбе за кусок хлеба».¹³

Без преувеличения можно сказать, что годы, прожитые учеными в Петрограде в условиях гражданской войны, — героическая страница биографии Академии наук, героическая страница биографии ее президента Александра Петровича Карпинского.

А. М. Горький вспоминал впоследствии: «...Вот что хотел бы я сказать людям науки: я имел высокую честь возвращаться около них в труднейшие годы 19—20-ый. Я наблюдал, с каким скромным героизмом, с каким стойческим мужеством творцы русской науки переживали мучительные дни голода и холода, видел, как они работали, и видел, как умирали. *Мои впечатления за это время сложились в чувство глубокого и почтительного восторга пред Вами, герои свободной, бесстрашно исследующей мысли*».¹⁴ Так Алексей Максимович писал С. Ф. Ольденбургу 23 августа 1925 г. Им было что вспомнить, — и Горькому, и Ольденбургу, и Карпинскому.

А. М. Горький — А. П. Карпинскому.¹⁵

Глубокоуважаемый Александр Петрович.

Разрешите сердечно поблагодарить Вас и членов Академии наук, Вами возглавляемой, за почетное и слишком лестное для

¹³ Варшавский С. П., Рест Ю. И. Билет на всю вечность, с. 311.

¹⁴ Горький и наука. М., 1964, с. 149. (Курсив мой, — С. Р.).

¹⁵ Часть этого письма опубликована в сборнике «Горький и наука» (М., 1964, с. 139). Копия с полного его текста хранится в ЛО ААН. (Курсив мой, — С. Р.).

меня поздравление (с 35-летием литературной деятельности, — С. Р.).

Разрешите также и мне сказать несколько слов, может быть, не совсем уместных, но которые я должен сказать, повинуюсь чувству моего глубокого изумления и почтения пред творчеством работников науки и пред русскими ее творцами. Это почтительное изумление я испытал еще в юности, когда, полудикий человек, я впервые познакомился с чудесными достижениями положительных наук и с неутомимой работой ученых, окрыляющей разум и волю человека.

40 лет прошло с той поры — насколько мне позволял это мой недисциплинированный школой разум и моя не очень спокойная жизнь — я усердно, по мере сил, следил за фантастически быстрым ростом научных гипотез и теорий, за сменой их, за их отражениями в практической жизни, в технике. Именно работа Человека в этой области воспитала мое восхищение Человеком, мое непоколебимое уважение к нему и веру в его творческие силы.

Я немало читал о героях наук и мучениках ее, это внушило мне высокую оценку психологического типа ученого, оценку, подтвержденную личными встречами с такими людьми, как Сеченов, Боргман и др. И вот, наконец, случилось так, что мне, в течение трех лет, пришлось непосредственно наблюдать ученых Петербурга. *В эти годы я непосредственно убедился в обаянии и величии типа русского ученого.* Никогда не забуду О. Д. Хвольсона, который работал — писал книгу «Физика — ее значение» — в маленькой тесной комнатке при 2 градусах ниже нуля, одетый в зимнее пальто, в сапоги с галошами и нитяных перчатках. Работал — не жалуясь на эти ужасающие условия. *Фактов подобных я знаю много. Когда-нибудь кто-то напишет потрясающую книгу «Русские ученые в первые годы великой революции». Это будет удивительная книга о героизме, о мужестве, о непоколебимой преданности русских ученых своему делу — делу обновления, облагораживания мира и России.*

Не мне говорить о напряженной, изумительно богатой результатами, работе русских ученых за истекшие 10 лет.

Но, как русский человек, я почтительно и благодарно склоняю голову перед Вами, пред всеми работниками науки, которым, на мой взгляд, титул творцов принадлежит более, чем людям, работающим во всех иных областях.

19.10.1927 г.

Сорренто, А. Пешков.

Да, «непоколебимая преданность своему делу — делу обновления, облагораживания мира и России» вселяла силу в русских ученых и помогала им преодолевать все невзгоды голодной и холодной жизни. Прав был Горький — много фактов скромного героизма оставили они своим потомкам, «знания для них были дороже хлеба» (Г. Уэллс), и незаметный подвиг их ждет еще своего воплощения в литературе. «Со временем, — писал

Г. Уэллс, мысль которого, как видим, разделил и М. Горький, — какой-нибудь русский писатель расскажет нам, что это значило для русского сердца и ума».¹⁶

И не будем забывать, что все эти тяготы наравне со всеми переносил президент Российской Академии наук Александр Петрович Карпинский. Во многом ему было даже труднее — ведь он отвечал и за работу и за ученых, а он был много старше большинства членов Академии и ему было тяжело видеть, как молодые, еще совсем недавно полные сил и энергии ученые, пухли от голода и умирали.

Голодали все — и рабочие, и служащие, и ученые; голодал и президент Академии наук и Председатель Совета Народных Комиссаров. 22 мая 1918 г. В. И. Ленин в письме к питерским рабочим с горечью отмечал: «За непомерно тяжелым маем идут еще более тяжелые июнь, июль и август».¹⁷

Молодое Советское правительство делало все возможное, чтобы хоть немного облегчить страдания людей науки. Но много сделать в те годы было невозможно. С. Ф. Ольденбург, вспоминая свою встречу с В. И. Лениным, писал, что Владимир Ильич очень тяжело переживал страдания петроградских ученых. «Пусть ученые поймут, — сказал В. И. Ленин, — что мы хотели бы сделать для них гораздо больше того, что можем пока сделать. Но когда голодают все, мы не можем, даже для самых ценных и нужных нам людей, сделать сколько-нибудь значительно более, чем для других».¹⁸

Ученые это прекрасно понимали и обращались к главе правительства в самых экстренных и срочных случаях. Чаще же они «тревожили» свое непосредственное начальство из Наркомпроса, и те незамедлительно — опять же, если это было в их силах, — старались помочь Академии. 25 сентября 1918 г. А. П. Карпинский и С. Ф. Ольденбург направили в Народный комиссариат по просвещению обстоятельное письмо, в котором указали, что «в настоящее время люди умственного труда находятся в особо тяжелом положении, ... что в их среде наблюдается, по заключениям врачей, особо сильное физическое

---

¹⁶ Уэллс Г. Собр. соч., т. 15. М., 1964, с. 323.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 359.

¹⁸ Ленин и Академия наук, с. 93.

истощение, и ряды их тают с чрезвычайной быстротой вследствие болезней, многочисленных смертей и отъездов за границу».¹⁹ Руководство Академии просило: освободить ученых от добавочной трудовой повинности, не «уплотнять» их квартиры, перевести работников умственного труда в высшие категории по снабжению продуктами питания. 4 октября Сергей Федорович встретился с А. В. Луначарским. Итогом их беседы явилась комиссия, которую создали из представителей Наркомпроса, Коммуны Северной области, научных учреждений и высшей школы «для обсуждения вопроса о мерах, которые могли бы быть приняты в видах облегчения положения людей умственного труда».²⁰

Но что могла сделать эта комиссия, если положение в Петрограде с каждым месяцем становилось все тяжелее. И 17 февраля 1919 г. В. А. Стеклов и С. Ф. Ольденбург вновь пишут обстоятельную записку в Наркомпрос. Они сообщают, что ученые, «работающие непрерывно с утра до поздней ночи, лишены возможности надлежащим образом озаботиться добыванием продуктов питания, что при настоящих условиях требует затраты большого количества времени, какового они в своем распоряжении совершенно не имеют... В результате такого положения вещей, — пишут далее авторы записки, — уже с начала 1918 г. стали заметно обнаруживаться сначала признаки переутомления, а затем истощение на почве недоедания... Получаемое теперь содержание, особенно для многосемейного человека, совершенно недостаточно; многие из академиков принуждены распродавать свое имущество и, что особенно печально, части своих библиотек, чтобы хоть сколько-нибудь обеспечить себе и семье сносное пропитание. Но и это не помогает и не может помочь, как не поможет и увеличение содержания, которое никак не сможет угнаться за растущей дороговизной, а самое главное потому, что даже и при избытке содержания академик все равно не будет в состоянии обеспечить себе пропитание за отсутствием такового. Продукты питания нужно разыскивать, нужно и можно добывать лишь такими путями, которыми академик физически не может воспользоваться, если бы и хотел. (Авторы имеют в виду много-

---

¹⁹ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1917, д. 42, л. 319.

²⁰ Там же.

численные «толкучки», появившиеся в Петрограде. Там у спекулянтов, которым, кстати, грозил расстрел за спекуляцию продуктами, можно было купить все. Но этот путь добывания пищи был академикам недоступен, — *С. Р.*). Переобремененный сверх меры вышеуказанной работой, — с горечью констатируют В. А. Стеклов и С. Ф. Ольденбург, — он не имеет и часу свободного времени. Придется либо забросить исполнение прямых своих обязанностей, либо подвергнуть себя опасности потерять силы от истощения».²¹

На этот раз Наркомпрос все же нашел способ хоть частично облегчить жизнь ученым. Уже 19 февраля 1919 г. Отдел ученых учреждений и вузов Союза Коммуны Северной области сообщил А. П. Карпинскому, что 100 ученым предоставлено право на красноармейский паек — самый крупный в то время. Через месяц выделили дополнительно еще 25 пайков. Конечно же, стало легче, но не намного и не всем. 4 октября 1919 г. на Общем собрании Академии с большой речью об улучшении быта ученых выступил академик И. П. Павлов, а 6 марта 1920 г. на ту же тему выступил Н. С. Курнаков. Осенью 1920 г. академик А. Е. Ферсман подготовил новую записку, в которой были перечислены мероприятия для «сохранения и поддержания научной работы». Записку эту позднее передали В. И. Ленину (об этом далее), поэтому ее тщательно читали и корректировали В. А. Стеклов и А. М. Горький.

И в ней упор делался на большие вопросы тех дней: тяжелые условия для работы и недостаточность питания. Из-за отсутствия отопления в Академии и в жилых домах ученые принуждены были работать «при температурах, близких к нулю (вспомним профессора физики О. Д. Хвольсона. Случай, так потрясший М. Горького, как видим, не единичный, — *С. Р.*), и тем не менее эта работа не останавливалась и ее преемственное течение не нарушалось».²²

В 1919 г. А. П. Карпинский был уже самым старшим (по избранию) членом физико-математического отделения, а если не считать жившего за границей слависта И. В. Ягича, то и самым старшим во всей Академии. Он

---

²¹ Там же, л. 421 и 421 об.

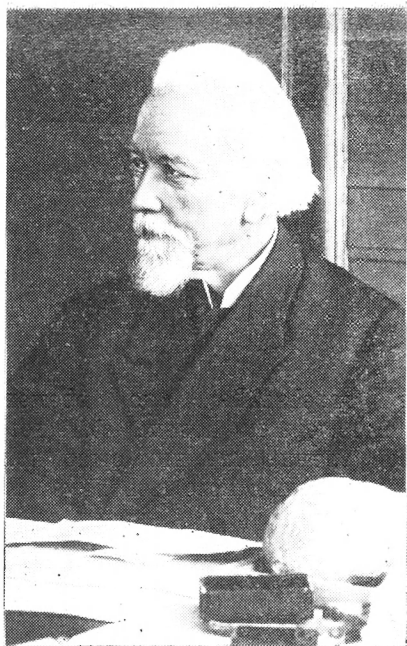
²² ЛО АНН, ф. 2, оп. 1-1920, д. 7, л. 11.

вообще стал «самым-самым». Занимал самый высокий в Академии наук пост, был самым старшим по академическому стажу и почти самым старшим по возрасту. Старше его на 6 лет был историк В. С. Иконников, умерший в 1923 г., и на 2 года — византист Ф. И. Успенский, скончавшийся в 1928 г.

Сильно поредевшую за эти годы Академию надо было пополнять. В 1918—1920 гг. в Академию наук было избрано 10 человек. В 1918 г. академиками стали ботаник С. Г. Навашин, индолог Ф. И. Щербатской, египтолог Б. А. Тураев (умер в 1920 г.); в 1919 г. — геологи А. Е. Ферсман и Е. С. Федоров (умер в том же году). В 1920 г. в действительные члены Академии наук избираются физик А. Ф. Иоффе, зоологи А. Н. Северцов и В. М. Шимкевич, ботаник В. Л. Комаров и историк С. Ф. Платонов. (А. П. Карпинский был непосредственно причастен к избранию трех академиков. Он представлял А. Е. Ферсмана, Е. С. Федорова и А. Ф. Иоффе). 31 мая 1919 г. Общее собрание избрало вице-президентом Академии наук выдающегося математика Владимира Андреевича Стеклова. Он сменил на этом посту тяжело заболевшего И. П. Бородина.

Масса забот навалилась в эти годы на старческие плечи А. П. Карпинского. Главной из них, безусловно, была научная работа Академии, которая строилась теперь на иных принципах и требовала от академиков осознания важности и актуальности тех задач, которые ставило перед Академией Советское правительство. Масса чисто житейских забот, явившихся следствием послереволюционной разрухи, усугубившейся шедшей еще гражданской войной, отнимала в то время чуть ли не все физические силы президента. Он не столько по обязанности, сколько по доброте душевной следил за жизнью своих товарищей по Академии наук, вникал в их многочисленные бытовые невзгоды и, чем мог, всегда старался помочь: шла ли речь о продовольственных пайках, о дровах, об одежде или об освобождении от дополнительной трудовой повинности. Ряд академиков, отрезанных от Петрограда фронтами гражданской войны, уже второй год пребывали в безвестности относительно Петрограда, Академии, своей работы и даже относительно того, могут ли они в таком своем положении по-прежнему считать себя полноправ-

*Почетный директор Геологического
комитета в своем кабинете (ныне
каб. 133).*

ными членами Российской Академии наук. Всем им Александр Петрович безотлагательно писал, всех старался успокоить и всех просил с первой же оказией вернуться в Петроград, хотя жить там было совсем не сладко.

Много беспокойства доставляло академикам проводившееся в ту пору «уплотнение» их квартир. Они никак не могли уразуметь — зачем это? Кому это понадобилось? Половина Петрограда подалась бог весть куда, и многие особняки и бывшие доходные дома стоят пустыми, а тут это злосчастное уплотнение, отнимающее последнее, что у них оставалось, — домашний уют и тишину, без которых ученый не может плодотворно работать. Однако ретивые молодые администраторы из Петросовета явно переусердствовали в этом деле. За ученых вновь вступился В. И. Ленин.

21 октября 1920 г. он пишет записку в Президиум Петроградского Совета.

Уважаемые товарищи! По-моему, дать в Питере (архисвободном городе, по части квартир) лишнюю комнату ученым для кабинета и для лаборатории, ей-ей, не грех. Даже следовало бы вам самим взять на себя инициативу.

Очень прошу вас двинуть это дело, а если вы несогласны с этим, то не отказать мне черкнуть пару слов тотчас, чтобы я видел, в чем тут препятствие.

С коммунистическим приветом В. Ульянов (Ленин).²³

Записка В. И. Ленина явилась реакцией на письмо А. М. Горького, в котором он жаловался Центральной комиссии по улучшению быта ученых на самоуправство петроградских товарищей и требовал прекратить вселение жильцов в квартиры ученых.

Трудно было ожидать, чтобы профессора и академики, привлечение которых на сторону активного сотрудничества с Советской властью В. И. Ленин считал важнейшей задачей огромного политического значения, с пониманием отнеслись бы к уплотнению их жилищ. Тем более, что это противоречило и директивам правительства, предписывавшим реквизировать и национализировать дворцы, особняки и доходные дома бывшей царской аристократии и потеснить в их роскошных квартирах представителей буржуазного класса, но никак не уплотнять квартиры русских ученых. Многочисленные перегибы с уплотнением квартир, с конфискацией научных библиотек ученых шли вразрез с активно проводившейся политикой приобщения ученых к сотрудничеству с Советской властью и объективно вредили ей. Перегибы же в этом плане носили столь массовый характер, что когда была создана Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦеКУБУ), то одной из основных ее задач считалось «ограждать квартиры ученых от вселения в целях уплотнения».²⁴

В том же письме в ЦеКУБУ, на основе которого В. И. Ленин написал уже цитированную нами записку, А. М. Горький приводит и такой факт. «Геолог

---

²³ Ленин и Академия наук, с. 80.

²⁴ Горький и наука, с. 131.

Я. С. Эдельштейн в 1918 г. был командирован Геологическим комитетом в Сибирь. Ввиду продолжительного отсутствия Эдельштейна из Петрограда, Геологический комитет своевременно сносился с местным жилищным отделом и с комиссией по бронированию квартир о принятии мер к охране квартиры Эдельштейна и его имущества. Возвратившись из командировки, геолог Эдельштейн застал свою квартиру заселенной, причем жилищным отделом ему было заявлено, что, быть может, ему лучше поместиться в какой-либо другой квартире...».²⁵

Много сил, энергии и нервов приходилось тратить А. П. Карпинскому и другим ученым, чтобы защитить свое право работать в привычной для себя домашней обстановке. Работать же они, повторяем, не прекращали ни на один день. «Я люблю *науку*, — писал К. А. Тимирязев, — она одна учит, как искать и находить истину; я верю в прогресс — без этой веры в будущее не хватило бы сил переносить настоящее. Я надеюсь на *молодое поколение*, надеюсь, что сильное *знанием*, оно поведет свой народ по пути прогресса»²⁶ (курсив автора, — С. Р.). Прекрасные слова, точно передающие настрой ученых в те трудные годы. Столь же оптимистично смотрел в будущее и академик В. И. Вернадский. 9 февраля 1918 г. он пишет из Киева своему ученику и другу А. Е. Ферсману: «Для меня ясно... одно — надо употребить все силы, чтобы не прервалась и усилилась научная (и всякая культурная) работа в России...»

В конце концов я не сомневаюсь в конечном торжестве и отношусь спокойно к формам новых государственных строений: слишком велика *масса народа* и слишком много в ней *талантливости*»²⁷ (курсив автора, — С. Р.).

Трудно в те годы было А. П. Карпинскому собирать Общие собрания Академии, но они проходили регулярно в положенное время. На одном из них, 5 мая 1918 г., рассматривался отчет заведующего академическим книжным складом. Мы бы не стали вспоминать сегодня об этом «проходном» мероприятии, если бы содержание даже этого отчета не демонстрировало тот дух, которым жила

---

²⁵ Там же, с. 132.

²⁶ Тимирязев К. А. Сочинения, т. IX. М., 1939, с. 53.

²⁷ Ферсман А. Е. Жизнь и деятельность. Сборник воспоминаний. М., 1965, с. 419.

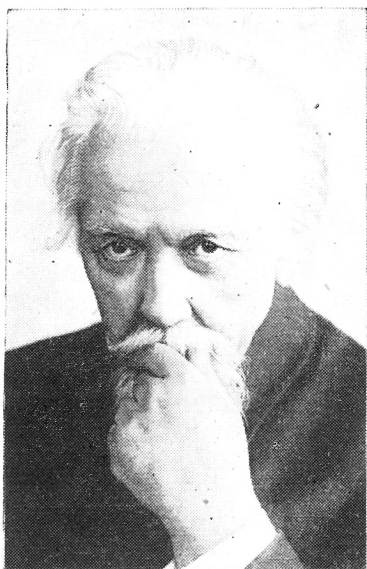
тогда Академия, и тот оптимизм, с которым ученые взирали в будущее. «Не иначе, как с чувством особого удовлетворения, — начинает свой отчет завскладом, — ощущения особой бодрости и веры в то, что, как бы долго ни тянулась ночь, как бы ни была она мрачна, но рассвет неизбежен, Заведующий Книжным складом долгом своим считает начать свой отчет об операциях склада за минувшую четверть сего года».²⁸ К чему эта патетика? А к тому, что, как это ни удивительно, научная продукция, несмотря на все трудности военного времени и послереволюционную разруху, не перестала привлекать внимание интересующейся наукой публики. Интерес к знаниям не угас. И это для Академии было главным!

Читаем отчет дальше: «И такое количество изданий (больше, чем в самые интенсивные издательские годы, — *С. Р.*) пришло и вышло из склада в то время, когда так называемые „технические условия“ должны были бы, казалось, парализовать всякую деятельность, когда над издательской деятельностью навис дамоклов меч всяких кризисов: типографских, бумажных и т. п.; когда железнодорожная и почтовая разруха в стране достигли размеров невероятных; когда десятками ежедневно возвращались „почтовые отправления“ обратно в склад с надписями: „по военным обстоятельствам“, а за последнее время: „за прекращением обмена почт и движения“.²⁹ И это, добавим, несмотря на то что из-за „значительного истощения персонала склада от плохого питания“ число присутственных дней для сотрудников сократили до двух в неделю».

А. П. Карпинский число своих «присутственных» дней не сократил. По-прежнему его небольшую сутуловатую фигуру видели в Академии ежедневно. Однако как исхудал президент: щеки ввалились, отчего лицо как-то вытянулось, и на нем еще резче обозначились многочисленные морщины. Стар он, а по тогдашним понятиям — даже очень стар. Но не сдается — в работе не отстает от молодых. Интересуется всеми начинаниями своих коллег, всеми новостями — скудными, к сожалению, — его любимой геологической науки; ходит даже на заседания недавно возникшего Всероссийского палеон-

²⁸ Изв. Росс. Акад. наук, 1918, VI сер., т. XII, № 1—11, с. 1383.

²⁹ Там же, с. 1383—1384.

*А. П. Карпинский, 20-е годы.
(Публикуется впервые).*

тологического общества, первым почетным членом которого он состоит; сам проводит заседания в Университете (Общество естествоиспытателей) и в Горном институте (Минералогическое общество).

Но главной его заботой стала организация научных исследований в Академии и поддержание сил ученых. Он не одинок в этих своих заботах. У него надежные помощники в лице В. А. Стеклова и С. Ф. Ольденбурга. Усилиями этой «великой тройки» сильно поредевшие ряды ученых не сломились перед трудностями гражданской войны, не пали духом, а продолжали спокойно, по мере слабых своих сил, работать. С А. П. Карпинским всегда работалось спокойно, в любых условиях.

Уже с весны 1918 г. у Академии наук установились тесные деловые контакты с Народным комиссариатом по просвещению и, конечно же, с его главой Анатолием Васильевичем Луначарским, к помощи которого А. П. Карпинский прибегал всякий раз, когда требовалось личное вмешательство Наркома. Были, однако, вопросы, которые

и Наркомпрос не в силах был разрешить. Тогда писали или телеграфировали в Совнарком, чаще всего лично В. И. Ленину. В лице руководителя первого в мире рабоче-крестьянского государства ученые всегда находили надежную поддержку, да и сам Владимир Ильич никогда не забывал о нуждах ученых и, сколько мог, помогал им. Они видели и каждодневно ощущали эту заботливую поддержку, и это придавало им силы в противостоянии трудностям военного времени.

В 1920 г. Советскую Россию посетил известный английский писатель Герберт Уэллс, книгу которого «Россия во мгле», явившуюся итогом осмысления этой поездки, мы уже неоднократно вспоминали. Доброжелательно и с симпатией относясь к молодой республике, он, разумеется, не мог достаточно глубоко вникнуть в сущность преобразований, происходивших в стране, и осмыслить те перспективы, которые они сулили. Он видел лишь глазами постороннего, хотя и сочувствующего, наблюдателя внешние признаки быта, сопутствующие революционным процессам, реализуемым к тому же в условиях гражданской войны, — разруху, голод, безработицу и запустение в больших городах. Он встречался с учеными Академии наук, в частности с А. П. Карпинским, видел их осунувшиеся изможденные лица и жадно загорающиеся при упоминании о науке глаза. Он видел их сильно потертые и изношенные костюмы, несуразную обувь на ногах и сделал для себя вывод: «Новый, незрелый еще общественный строй, ведущий борьбу с грабежами, убийствами, с дикой разрухой, не нуждается в ученых, он забыл о них».³⁰ В этом писатель заблуждался. И если бы он рискнул высказать эту мысль кому-либо из ученых, с которыми ему удалось встретиться, то они, без сомнения, постарались бы разубедить его. И хотя Г. Уэллс встречался с В. И. Лениным, но говорили они на другие темы, и потому он не мог знать, сколько усилий прилагал Владимир Ильич к тому, чтобы облегчить и поддержать научную жизнь страны.

«В трудные переходные моменты, — писал академик А. Е. Ферсман, — когда русские ученые не могли приспособиться к тяжелым материальным условиям, только бла-

---

³⁰ Уэллс Г. Собр. соч., т. 15. М., 1964, с. 328.

годаря энергичному вмешательству В. И. Ленина были приняты срочные меры к поддержанию научной работы».³¹ В качестве главной срочной меры явилась организация по прямому указанию Ленина Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦеКУБУ), сыгравшей решающую роль в сохранении для страны ее научного потенциала. Исключительную энергию в деятельности этой комиссии проявил М. Горький, пользовавшийся уже в те годы безграничной популярностью в самых широких слоях общества и большим доверием со стороны правительства. «Академия наук не может также не вспомнить... и того, — писал ему А. П. Карпинский, — как в тяжелые годы интервенции и гражданской войны Вы подняли голос за ученых и художников, а затем приняли непосредственное и руководящее участие в организации помощи этим работникам».³²

Итак, ЦеКУБУ. Шел 1919 г. В разгаре гражданская война. Социалистическая республика отрезана от всех важнейших продовольственных и топливных районов. Внутри страны непрекращающиеся акты саботажа, диверсий и терроризма. Уже к концу 1918 г. все продовольственные запасы были исчерпаны. Наступил страшный голод, наиболее резко проявившийся в Петрограде. «Банкир Рябушинский, — вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич, — с радостью провозгласил за границей, что Октябрьской революции приходит конец, что „костлявая рука голода“ задушит социалистическое рабоче-крестьянское правительство. На голод ставили ставку решительно вся белогвардейщина, все интервенты и большая часть западноевропейских буржуазных правительств».³³ И в таких условиях В. И. Ленин нашел возможность организовать централизованную помощь в снабжении продуктами ученых и литераторов Петрограда и Москвы, которые были наименее приспособленными к сильно изменившимся условиям и более других страдали от этого. И, опять же, больше других доставалось ученым Петрограда. «Приходилось слышать, — продолжает свои воспоминания В. Д. Бонч-Бруевич, — что там положение

---

³¹ Кольцов А. В. Ленин и становление Академии наук как центра Советской науки. Л., 1969, с. 7.

³² Горький и наука, с. 157 (письмо от 6 октября 1927 г.).

³³ Ленин и Академия наук, с. 65.

ученых, литераторов, художников ужасное. Петроградский Совет, во главе которого в то время стояли не очень-то заботливые и понимающие положение вещей люди, мало принимали мер для поддержания питания этих слоев населения».³⁴

Академия наук, со своей стороны, принимала все меры к тому, чтобы ускорить решение правительства о централизованном снабжении ученых важнейшими продуктами питания. 17 февраля 1919 г. В. А. Стеклов и С. Ф. Ольденбург составили текст обращения Академии наук в Совнарком. С большим вниманием его прочел А. П. Карпинский, сделал массу пометок и замечаний и предложил обсудить его на Общем собрании Академии. При Правлении Академии наук уже с начала 1919 г. функционировал специальный «продовольственный комитет» (И. П. Бородин, С. Ф. Ольденбург и В. А. Стеклов).

Предложение ученых о пайковом снабжении было принято Совнаркомом. Проект декрета «Об улучшении положения научных специалистов», подготовленный заместителем наркома по просвещению М. Н. Покровским, был утвержден 23 декабря 1919 г. Заседание проходило под председательством В. И. Ленина. Совнарком постановил: «1) предоставить усиленное довольствие наиболее выдающимся специалистам тех научных отраслей, которые являются существенными для разрешения указанных выше задач (т. е. поднятие производительности народного хозяйства и культуры, а также обеспечение нужд рабоче-крестьянской обороны, — *С. Р.*); 2) освободить этих специалистов от всякого рода повинностей (трудо-вой, воинской и т. п.), не имеющих отношения к их научным занятиям; 3) создать для научной работы этих специалистов жилищные условия, обеспечивающие их минимальными, безусловно для такой работы необходимыми удобствами».³⁵

Декрет этот был встречен учеными с большим и вполне понятным энтузиазмом, ибо он разрешил те проблемы, которые долгое время их мучили и мешали плодотворно работать. Декрет предусматривал также выра-

---

³⁴ Там же, с. 67.

³⁵ Ленин и Академия наук, с. 63.

ботку списка специалистов (500 ученых и 50 литераторов), на которых он распространится, а также «норм натурального обеспечения ученых». Для претворения этого декрета в жизнь и была образована ЦеКУБУ, подчиняющаяся непосредственно Совнаркому. Уже 13 января 1920 г. в «Петроградской правде» было опубликовано постановление Президиума исполкома Петроградского Совета об учреждении Петроградской комиссии по улучшению быта ученых специалистов (ПетроКУБУ), во главе которой стал М. Горький. Академия наук направила в эту Комиссию С. Ф. Ольденбурга и А. Е. Ферсмана.

Конечно, 500 пайков — капля в море. Они не могли удовлетворить и половины остро нуждающихся в них ученых, и 17 мая 1920 г. ЦеКУБУ увеличила число пайков для научных работников Петрограда до 2000. Одновременно было решено выдавать им «по одной паре обуви, одному костюму (или материи на костюм), три пары белья (или материи на белье) и шести пар носков (или чулок) в год. Что касается теплого белья, то таковое выдавать отдельным лицам лишь в зависимости от степени нуждаемости в нем».³⁶ На август 1920 г. на учете ПетроКУБУ было 1849 лиц, которым следовало выдавать усиленный паек. Кажущееся несоответствие между отпущенным числом пайков и требуемым объясняется тем, что из списка «волевым путем» были исключены ассистенты. Решение это было в корне неверным, о чем М. Горький незамедлительно сообщил в Совнарком В. И. Ленину.³⁷

Как видим, практическая реализация этого гуманного декрета была не простым делом. Ученым приходилось тратить много сил и нервов не только на обоснование своих прав на паек, но и просто на его получение. Трудностей здесь было много. Часть из них вызывалась объективными причинами, и ученые это прекрасно понимали. Так что практически после принятия этого постановления снабжение ученых продуктами и одеждой в первое время улучшилось лишь в малой степени. В. А. Стеклов и С. Ф. Ольденбург много вечеров провели в квартире А. П. Карпинского, обсуждая возможные дальнейшие шаги. Положение было щекотливым. Еще и

---

³⁶ Там же, с. 75.

³⁷ Там же, с. 77—78.

года не прошло с момента принятия декрета, в котором были учтены все их пожелания, а они вынуждены вновь обращаться с жалобой в правительство о «Катастрофическом положении научной работы в России». Но что делать... На этом настаивают академики. А И. П. Павлов еще 6 марта 1920 г. резко заявил о необходимости обратиться к советскому руководству. Вынесли этот вопрос на Общее собрание, которое, как это и следовало ожидать, постановило обратиться с соответствующей «Запиской» в Совнарком. Это было 6 ноября, а уже 22 ноября 1920 г. текст этой «Записки» был утвержден на Общем собрании Академии наук. Первой под ней стоит подпись президента Академии А. П. Карпинского.

«Российская Академия наук, убежденная в исключительном значении науки для плодотворного строительства народной и государственной жизни, — начинают академики очередную свою «Записку», — считает своим долгом довести до сведения Совета Народных Комиссаров о том критическом положении, в котором находятся русская наука и русские ученые. Она считает своим долгом указать на меры, какие должны быть безотлагательно приняты, дабы не гибла русская наука и не гибли напрасно русские ученые, указать на то, что наука и ученые требуют для надлежащего своего использования индивидуализации и индивидуального, а не механического централизующего все подхода...».³⁸ Что же предлагали академики?

Во-первых, восстановить научное общение между Россией и Западом путем систематических научных командировок и регулярного обмена литературой. Во-вторых, ускорить печатание научных трудов, «тысячи листов которых лежат в рукописи».³⁹ В-третьих, предоставить свет и топливо в лаборатории, библиотеки и музеи. В-четвертых, наладить быт ученых, который пока не дает возможности для «интенсивной работы творческой мысли», ибо ученый этот «должен и думать, и творить, и пилить, и колоть, и носить дрова, ходить за водой, выстаивать в очередях, налаживать разлезающуюся и промокающую обувь и т. д. и т. д., работать в холоде, зачастую надевая теплые

---

³⁸ Там же, с. 82.

³⁹ Там же, с. 83.

перчатки, чтобы можно было писать, ловить часы света и часто с горечью в самом разгаре плодотворного творчества бросать работу, так как потухает огонь. Картина поистине ужасных условий, в которых ныне должны работать русские ученые, — констатируют авторы «Записки», — настолько всем известна, да и громадная смертность и заболеваемость в их среде настолько велики, что говорить подробнее об этой стороне дела излишне». ⁴⁰ В-пятых, урегулировать оплату труда. «Достаточно указать на прямые задержки в течение недель уплаты содержания в научных учреждениях Петрограда, повлекшие за собой буквально голодание многих служащих». ⁴¹ В-шестых, необходимо «спасти и поставить на настоящий путь молодое поколение подрастающих ученых, которое должно скоро принять на свои плечи все бремя работы вымирающего старшего поколения». ⁴²

В заключение «Записки» академики, гордые патриотизмом русских ученых, не поддавшихся соблазну эмиграции и принявших на себя все тяготы работы в условиях гражданской войны, пишут: «Перед русскими учеными, оставшимися в России, стоит грозный и ответственный вопрос — смогут ли они добиться того, чтобы, наконец, был услышан их голос и чтобы научная работа в России действительно могла вестись плодотворно и целесообразно. Те громадные жертвы, которые уже принесены за эти годы и крупнейшими мирового значения учеными силами и рядовыми работниками, жертвы, не имеющие себе равных в истории науки, громко говорят миру о том, *как русские ученые поняли свою обязанность перед народом и страной* (курсив мой, — С. Р.), но жертвы имеют смысл и оправдание лишь тогда, когда они приносят пользу и помогают делу. Если положение не изменится, то ясно, что погибать будут только ученые, не наука, которая бессмертна и всегда найдет пути, чтобы продолжать свое победное шествие к знанию. Ясно, что если одни из русских ученых погибнут в России жертвою ненормальных условий, то другие последуют примеру сотен своих товарищей, работающих и теперь плодотворно на мировую науку за пределами России. Но

---

⁴⁰ Там же, с. 84.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

такой выход вряд ли может быть кем-либо признан пормальным и желательным». ⁴³

Помимо А. П. Карпинского «Записку» подписали академики В. А. Стеклов, С. Ф. Ольденбург, В. М. Истрин и А. Е. Ферсман. Копию ее направили в Наркомпрос, который весьма сочувственно отнесся к предложениям ученых. Была создана специальная комиссия во главе с А. В. Луначарским, в которую вошли Н. П. Горбунов, Н. А. Семашко, О. Ю. Шмидт, А. Б. Халатов, Д. Н. Артемьев, В. Т. Тер-Оганесов, С. Ф. Ольденбург, В. А. Стеклов и А. Е. Ферсман. Она разработала ряд конкретных мероприятий по удовлетворению требований ученых. В частности, как только закончилась военная блокада, начались налаживаться и международные научные контакты. Так, в 1920 г. за границу ездили академики А. Ф. Иоффе, М. И. Неменов и А. Н. Крылов; в следующем — В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург и др. По инициативе В. И. Ленина 21 марта 1921 г. СНК принял постановление о создании специального информационного органа ВСНХ — Бюро иностранной науки и техники (БИНТ) НТО в Берлине.

В 1922 г. при Академии наук начало работать Бюро по книгообмену с зарубежными странами. 30 декабря 1922 г. СНК выделил Академии наук на издание ее трудов 7 млн. рублей и 15.5 млн. рублей (в дензнаках 1922 г.) на хозяйственные расходы, ремонт зданий и расходы «по ученой части», а в следующем году Академия уже имела средства для покупки за границей приборов и оборудования для лабораторий. И, наконец, заметим, что уже в 1922 г. ежемесячные пайки получало 22589 деятелей науки и техники.

...Вернемся к «Записке». Ее оригинал ученые решили вручить лично В. И. Ленину, для чего собирались снарядить своих делегатов в Москву. Конечно же, надо было бы ехать А. П. Карпинскому: того требовал и его вес в Академии, да и субординация. Но очень ослаб за это время президент. Как-никак 74 года. Он очень переживал, что не может сам встретиться с Лениным. Решили командировать более молодых и энергичных академиков: В. А. Стеклова и С. Ф. Ольденбурга, который к тому же лично знал главу Советского правитель-

⁴³ Там же, с. 85.

ства. Вместе с ними поехал начальник Военно-медицинской академии В. Н. Тонков и Председатель Петро КУБУ А. М. Горький. Прием был назначен на 27 января 1921 г.

Об этой исторической встрече неоднократно потом вспоминали и В. А. Стеклов, и С. Ф. Ольденбург. А по приезде в Петроград они, разумеется, первым делом зашли к А. П. Карпинскому и успокоили его — по всем 6 пунктам Совнарком принял положительные решения. «Мы хорошо понимаем, — говорил Ленин на этой встрече, — что мало еще поставить ученого в лучшие личные материальные условия, необходимо еще поставить в лучшие условия и его научную работу, и это сделать иногда всего труднее... Скажите нам, что Вам всего нужнее для работы, не забывайте только, что средства наши пока малы и спрашивайте теперь еще только самое необходимое».⁴⁴

Сразу же после ухода ученых В. И. Ленин написал Н. П. Горбунову: «т. Горбунов! Об этом проекте я сейчас говорил с Вами по телефону. Просьба: ускорить *все* это дело и все обилие проектов (6 пунктов «Записки», — С. Р.) так, чтобы в субботу, скажем, уже пошло в Малый СНК».⁴⁵

Был разработан проект соответствующего декрета, который уже 1 февраля 1921 г. слушался в Совнаркоме. Принят же он был 6 декабря 1921 г. Этим декретом устанавливалось: дополнительное академическое обеспечение научных работников; число пайков увеличили до 7000; ввели премирование ученых за научные, научно-учебные и научно-популярные работы и т. д. Одним словом, было сделано все возможное, чтобы облегчить жизнь и работу ученым.

Однако пройдет еще не один год, прежде чем научная работа будет обеспечена всем необходимым, а ученые смогут освободить себя от посторонних мешающих работе нагрузок. Пока же, в 1922 г. темпы налаживания научных исследований были явно медленными, не поспевающими за все возрастающими хозяйственными нуждами страны. И 6 марта 1922 г. А. П. Карпинский созывает совещание представителей всех учреждений Академии

---

⁴⁴ Там же, с. 93 (воспоминания С. Ф. Ольденбурга).

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 56.

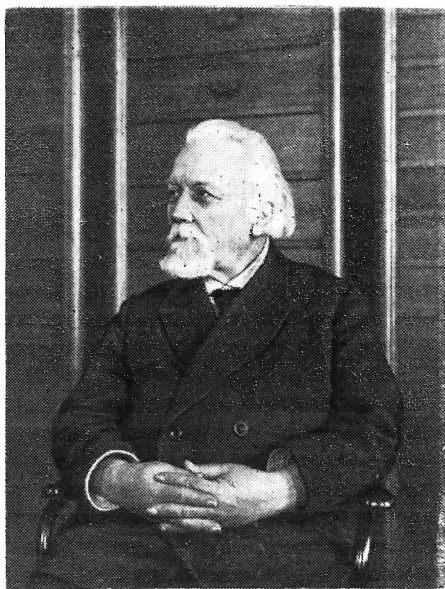
наук, чтобы обсудить «вопросы об угрожающем положении, в котором находятся ученые учреждения, вследствие отсутствия средств и недостатка в материалах для научной работы и о принятии срочных мер для спасения научной работы в России».⁴⁶ Совещание приняло постановление, в котором предлагалось учредить непосредственно при Совнаркоме и под непосредственным руководством Председателя Совнаркома, т. е. В. И. Ленина, особого Временного Комитета науки, который мог бы оперативно и, главное, действительно откликаться на повседневные и быстро меняющиеся запросы научной работы.

Нетерпение ученых вполне понятно. Гражданская война закончилась, блокада с Советской республики снята, и им хотелось как можно быстрее ввести научную жизнь страны в нормальную колею. Но что делать, если возможности государства пока еще очень невелики — в стране разруха, безработица, сильнейший голод в Поволжье. Конечно, главное внимание надо было уделять этим проблемам. Ученые это прекрасно понимали, они не могли не ощущать на себе, сколько было сделано за эти годы «для спасения науки в России». И если масштабы этих дел не всегда их удовлетворяли, что объяснялось пока еще небольшими реальными возможностями, которыми располагало рабоче-крестьянское правительство, то главное все же было перед глазами — наука в России не только не погибла, но продолжала интенсивно развиваться, и даже в тяжелые годы гражданской войны было сделано очень многое для подъема народного хозяйства страны. (Более подробно об этом в следующей главе). И благодарный голос ученых обращался прежде всего к тому, кто за бремением государственных забот ни на минуту не выпускал из виду нужды российских ученых, нужды Российской Академии наук, — к Владимиру Ильичу Ленину.

21 января 1928 г. на траурном митинге научных работников Ленинграда, посвященном памяти В. И. Ленина, старый уже президент Академии наук СССР Александр Петрович Карпинский произнес от имени ученых проникновенные слова: «Я никогда не имел случая лично встречаться с покойным. Но работа по Академии наук —

---

⁴⁶ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1922, д. 12, л. 1.

*А. П. Карпинский в Геологическом
комитете, 20-е годы.*

работа, которой Владимир Ильич придавал такое исключительно важное государственное значение, — неоднократно делала для меня необходимым обращение к главе правительства. В качестве президента Академии я обращался к Владимиру Ильичу в служебном порядке, а в некоторых случаях писал ему личные, вполне откровенные письма, где не стеснялся отмечать и те стороны нового, тогда еще только создававшегося строя, которые казались мне неправильными. Из всех решений и распоряжений Владимира Ильича, которые являлись результатом этих сношений и писем, я мог вынести одно твердое убеждение: человеку, который был поставлен во главе правительства громадной страны в эпоху величайшей в мире революции были особенно близки и дороги интересы науки и культуры...

...В этой всегдашней помощи науке, — продолжал Александр Петрович, — в этих заботах об ученых — одна из крупнейших заслуг Владимира Ильича, быть может,

и до сих пор еще недостаточно оцененная... Великий смысл этой помощи — в глубокой вере в силу научного знания и в то значение, какое оно должно иметь для государственного строительства».⁴⁷

Глава 18. Организация научных исследований

В 1921 г. А. П. Карпинскому исполнилось 75 лет. И хотя уже давно был принят декрет о «новом стиле», своим днем рождения он по-прежнему считает 26 декабря — привычка, от которой на склоне лет отказаться очень трудно.

Коллегия Наркомпроса заранее позаботилась, чтобы к этой юбилейной дате преподнести президенту Российской Академии наук наиболее ценный подарок. Что же в те дни можно было сделать? Разумеется, обеспечить и его самого и его семью лучшим питанием. И в постановлении, которое было принято 15 декабря 1921 г., первым пунктом записано: «Просить ЦеКУБУ установить для него обеспечение в возможно высокой степени».¹ И только в следующих пунктах речь идет о предоставлении ему средств передвижения и об издании в честь юбиляра специального сборника трудов по геологии, «отпустив для этой цели необходимое количество бумаги и соответствующий кредит».

Уже 12 января 1922 г. Петроградское управление научных и научно-художественных учреждений Академического центра Наркомпроса сообщило А. П. Карпинскому, что ПетроКУБУ выделила ему 4 полных семейных академических пайка. Это было много по тем временам, даже очень много. Александру Петровичу было неловко получать такое количество продуктов. Не оставил его без внимания и Президиум Петроградского исполкома. Однажды утром у подъезда дома № 1 по бывшей Николаевской набережной остановился пыхтящий и чихающий автомобиль. Но и здесь Александр Петрович остался верен себе, точнее своим многолетним привычкам. Отослав шофера в гараж и пешком дойдя до Акаде-

---

⁴⁷ Ленин и Академия наук, с. 242—243.

¹ Кольцов А. В. Ленин и становление Академии наук как центра Советской науки. Л., 1969, с. 228.

мии, он написал в Петроградский исполком письмо, прося заменить автомобиль на «извозчика». Так он и ездил «на извозчике», вплоть до переезда в Москву в 1935 г.

Последний пункт юбилейного постановления был выполнен, правда, частично — сказались трудности с изданием. Но зато журнал «Природа» за 1922 г. (№ 3—5) был полностью посвящен А. П. Карпинскому. В этом же выпуске журнала была помещена выписка из протокола заседания Парижской Академии наук о присуждении ему почетной награды — премии имени Ж. Кювье за совокупность работ по геологии и палеонтологии. Радостная, хоть и несколько запоздавшая награда. И Геологический комитет, разумеется, не оставил без внимания юбилей А. П. Карпинского, посвятив ему 41-й том своих «Известий».

Академия наук готовилась особенно торжественно отметить эту дату, значимую не только для самого А. П. Карпинского, но и для всей Академии. Но напрасно они старались... Конечно же, Александр Петрович наотрез отказался от всяких торжеств: товарищей своих он с удовольствием примет у себя дома. Пришлось ограничиться домашним празднеством.

... В воскресенье, 8 января 1922 г. (уже по новому стилю!) в час дня на квартире президента собралась практически вся Академия наук. Дочери юбиляра приготовили скромное угощение, извлекли чудом сохранившиеся еще от «старого времени» несколько бутылок вина.

С бокалом в руке приветственную речь произнес незаменимый помощник Александра Петровича по Академии наук Владимир Андреевич Стеклов. «... Есть пословица, — начал он свою речь, — что не место красит человека, а человек место; но по отношению к этому высокопочетному месту, как место президента Академии наук, до сих пор было наоборот: место обыкновенно более красило человека. Вы же явились не только первым избранным президентом, но и таким человеком — смело говорю это, — который впервые по своим достоинствам оказался в полном соответствии с занимаемым им высоким ученым положением. Вы, по своим достоинствам и ученого, и человека, в такой же мере украшаете звание президента, как это высокое звание Вас. Редкая, исключительная гармония! (Все присутствующие поставили бокалы и радостно

заплодировали. Александр Петрович стоял как будто бы даже недовольный: не любил он дифирамбов в свой адрес, даже в такой день). Как ученый, — продолжал Владимир Андреевич, — Вы приобрели мировую известность.. Как человек, Вы вызываете всеобщие симпатии по необычайной доброте, деликатности и мягкости Вашего характера и вместе с этим непрерывно проявляете те самые чувства чести и внутреннего достоинства, которые так высоко ценил наш Коперник геометрии — гениальный Лобачевский.

По обычаю, — поднял бокал В. А. Стеклов, — я должен был бы выразить Вам от себя лично и от имени Академии всякого рода наилучшие пожелания, но... я решительно затрудняюсь, чего Вам желать, когда Вы, кажется, достигли уже всего, чего пожелать можно. Всякое пожелание выйдет плоским и банальным. Для Вас надо придумать что-то особенное, но что? Разве пожелать бессмертия... Так физического бессмертия желать нелепо, а духовное бессмертие Вы уже себе обеспечили как своими выдающимися учеными трудами, так и своими личными качествами, как человека...».² Так мы и не узнали, чего же пожелал юбиляру В. А. Стеклов. Скорее всего «многие лета...», в которые еще будут согревать Академию заботы Александра Петровича Карпинского, ибо знал он, что давно уже Академия и ее президент слиты воедино, и нет для Александра Петровича лучшего пожелания, чем процветание родной ему Академии наук.

9 января состоялось юбилейное заседание Московского отделения Геологического комитета, на котором было заслушано три специальных доклада, развивающих идеи А. П. Карпинского. А. Д. Архангельский рассказал о значении трудов А. П. Карпинского в изучении тектоники Европейской России и в познании ее геологического прошлого. Я. В. Самойлов проанализировал минералогические исследования юбиляра, а М. Э. Ноинский остановился на значении работ А. П. Карпинского в изучении пермокарбоновых образований России. Это заседание было особенно радостно Александру Петровичу, ибо он был и остался прежде всего геологом, и для него жизненность высказанных им ранее геологических идей имела особую цену.

---

² ЛО ААН, ф. 265, оп. 2, д. 49, л. 18—19.

Совет Всероссийского палеонтологического общества, 1924 г. Сидят (слева направо): М. Э. Янишевский, А. П. Карпинский, Н. Н. Яковлев, А. А. Борисьяк; стоят: А. Н. Рябинин, П. И. Степанов, М. Д. Залесский, Б. К. Лихарев.

Приятно ему было получить известие и из Московского общества испытателей природы, на одном из заседаний которого академик А. П. Павлов посвятил ему специальный доклад «Попытка распознать доархейскую эру в истории Земли и определить ее дальнейшее влияние на эволюцию геоида». Да, так глубоко в геологическую историю, а точнее — даже в догеологическую историю земли, Александр Петрович не решался заглядывать. И он с огромным интересом прочел присланный ему текст этого любопытнейшего доклада.

В мае 1922 г. истекало первое пятилетие президентской деятельности А. П. Карпинского, и 20 мая Конференция Академии наук единогласно избирает его президентом на новый пятилетний срок. В 1924 г. ему назначают персональную пенсию — 192 руб. в месяц, желая облегчить материальное положение его семьи. Но Александр Петрович и здесь не изменил своим принципам: он не считает себя вправе за одну работу получать двойное

вознаграждение и спешно отказывается и от академического обеспечения по линии ЦекУБУ и от «содержания» по Геологическому комитету, почетным директором и членом Присутствия которого он, как мы помним, состоял с 1903 г.... Дома, конечно, ворчат. Ну, и пусть себе...

Вернемся, однако, на несколько лет назад и посмотрим, как Александр Петрович вместе со своими помощниками налаживал научные исследования в Академии наук по новой, согласованной с Наркомпросом программе сотрудничества с Советской властью. Прежде всего начали с внутриакадемических реформ: уж больно архаичной представлялась им теперь структура Академии и ее устав, принятый... в 1836 г.! В конце августа 1918 г. А. П. Карпинский возглавил комиссию по реформе секретариата Академии, которая 6 сентября 1918 г. приняла решение об учреждении новых должностей: академиком-секретарей Отделений Академии наук, тем самым расширив и демократизировав руководящие принципы ее работы. В декабре того же года Александр Петрович возглавляет новую комиссию — на сей раз по пересмотру устава Академии наук и «положений об академических учреждениях». Кардинальных перемен в уставе было, правда, немного. Сделали лишь более демократическими выборы новых академиков. Но и это было шагом вперед. 18 января 1919 г. Общее собрание одобрило предложения комиссии.

А 27 января Александр Петрович спешит уведомить А. В. Луначарского о тех преобразованиях, которые, по его твердому убеждению, соответствуют «моменту» и облегчат выполнение Академией новых, возложенных на нее, задач. «Те события исключительного значения, — пишет А. П. Карпинский, — которые совершились в России в 1917—1918 гг. и которые имели такое громадное значение для нашей Родины, не могли, конечно, не отразиться на столь жизненном и рабочем учреждении, как Академия, не могли в разных отношениях не ускорить того процесса внутренних изменений, который... начался еще в самом конце прошлого столетия».³

---

³ Кольцов А. В. Ленин и становление Академии наук..., с. 174.

30 июля 1919 г. все эти нововведения, которые были доложены Общему собранию в виде записки под названием «Соображения о некоторых желательных преобразованиях строя Российской Академии наук», были одобрены академиками. «Соображения» подписали А. П. Карпинский, А. Н. Крылов, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, В. А. Стеклов, А. А. Шахматов и А. Е. Ферсман.

Академия наук, разумеется, не прекращала своих научных исследований и до утверждения этих нововведений. В годы гражданской войны проблемой номер один было сырье. Советская республика, отрезанная от основных сырьевых баз Сибири, Востока и Юга России, задыхалась без сырьевых ресурсов. С 26 ноября 1918 г. стала функционировать специальная комиссия по исследованию Курской магнитной аномалии (КМА), которая в 1920 г. была передана в систему ВСНХ. Возглавлял ее известный уже тогда геолог И. М. Губкин. Деятельное участие в ее работе принимали академики П. П. Лазарев и А. Н. Крылов. Работу эту поставил под свой личный контроль В. И. Ленин. Крупные исследования под руководством Н. С. Курнакова велись по комплексной проблеме «Кара-Богаз-Гол». Огромная программа работ по изучению гидрологии, геологии, гидрохимии залива была завершена всего за два года. С 1918 г. Академия наук вела интенсивные исследования по радиевой проблеме, а с 1920 г. включилась в реализацию грандиозной программы электрификации страны, плана ГОЭЛРО. Комиссию ГОЭЛРО возглавил Г. М. Кржижановский.

Для помощи в работе этой комиссии Академия наук с 16 по 24 мая 1920 г. провела в Петрограде, в Географическом обществе, обширную конференцию по комплексному изучению северных районов страны в связи с реализацией планов по электрификации. На конференции было сделано более 70 докладов, в которых обстоятельно анализировалась гидрология и геология Севера, водное и лесное хозяйство, рациональное размещение наиболее энергоемких предприятий, развитие транспорта, сельского хозяйства, животноводства, рыбной промышленности. Почти все дни на заседаниях председательствовал А. П. Карпинский. Под его руководством в рамках КЕПС возник особый отдел по исследованию Севера, который уже в 1920 г. предпринял первую инспекционную поездку на Кольский полуостров. А еще в 1918 г., тоже в рамках

КЕПС, были созданы Отделы каменных строительных материалов во главе с Ф. Ю. Левинсоном-Лессингом, нерудных ископаемых (А. Е. Ферсман) и редких элементов и радиоактивных веществ, будущий Государственный радиевый институт (В. И. Вернадский).

В конце мая 1920 г. Александр Петрович в возрасте 74 лет во главе специально назначенной Правительственной комиссии едет на Кольский полуостров. Вместе с ним выехали президент Русского географического общества Ю. М. Шокальский, директор Минералогического музея Академии наук А. Е. Ферсман и старший геолог Геологического комитета А. П. Герасимов. Цель поездки — решение судьбы Мурманской железной дороги. Дело в том, что из-за нехватки подвижного состава и топлива предполагалось южную часть дороги присоединить к Октябрьской, а северную — законсервировать. И только в том случае, если комиссия даст свое заключение о целесообразности сохранения дороги в полном объеме, ее сохранят. А это зависело от перспектив экономического развития края: его недр, лесного хозяйства и т. д.

Путешествие было связано с большими трудностями: дорога была недостроена, топливо для паровоза изыскивали в пути. Часто паровоз, с трудом тащивший несколько вагонов, останавливался, и сопровождавшие комиссию красноармейцы с топорами в руках выходили на рубку леса, чтобы кое-как «подкормить» паровоз еще на несколько десятков верст. 20 мая поезд остановился на станции Имандра. Солдаты пошли на заготовку дров, а комиссия (в ее составе все-таки три геолога) поднялась на ближайшую от станции вершину Маннепахка, чтобы собрать образцы слагающих ее пород. Но тут произошло неожиданное: почти все собранные образцы минералов оказались неизвестными ни талантливому и знающему минералогию А. Е. Ферсману, ни опытнейшему А. П. Карпинскому. Спешно собрали целый рюкзак, отметили на карте коренные выходы и поспешили к вагонам. Впоследствии, по приезде в Петроград, сделали шлифы и необходимые анализы и определили, что это редкие минералы Хибинских тундр: эвдиалит, лампрофиллит, астрофиллит и др. Было решено срочно снарядить специальную геологическую экспедицию в этот богатейший край. Во главе с А. Е. Ферсманом уже 25 августа того же года она выехала на первые рекогносцировочные исследования. Про-

работали всего 10 дней. 22 сентября 1920 г. Александр Евгеньевич докладывал результаты экспедиции физико-математическому отделению Академии наук. Участь Мурманской железной дороги была, таким образом, решена. Ее спешно достроили и начали планомерное и интенсивное исследование недр Кольского полуострова. Много лет этому делу отдал академик А. Е. Ферсман и с неослабным вниманием следил за результатами его работы А. П. Карпинский.

Все эти исследования Академия наук вела по единому плану изучения естественных производительных сил страны, в рамках специально созданной еще в годы мировой войны комиссии — КЕПС.

Несколько слов из истории этой комиссии. 21 января 1915 г. академики А. П. Карпинский, Б. Б. Голицын, В. И. Вернадский, Н. С. Курнаков и Н. И. Андрусов внесли на рассмотрение физико-математического отделения предложение о создании при Академии наук специальной комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС). Вызвано это было нуждами военного времени. 4 февраля того же года Общее собрание постановило образовать КЕПС и включила в ее состав, помимо названной нами инициативной группы, еще академиков А. С. Фаминцына, М. А. Рыкачева, В. В. Заленского, И. П. Бородин, Н. В. Насонова, И. П. Павлова и В. И. Палладина. В дальнейшем в ее состав вошли и другие известные ученые-естественники. Первым председателем КЕПС был В. И. Вернадский. В дальнейшем ее возглавляли академики Н. С. Курнаков, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг и А. Е. Ферсман.

Однако деятельность этой комиссии в первое время была весьма ограниченной — у царского правительства не было средств. Ситуация парадоксальная: острая нужда в сырье и нет средств на его освоение. В 1916 г. КЕПС все же организует немногочисленные поездки специалистов для знакомства с месторождениями бокситов, глин, исландского шпата, никеля и т. д. Одной из главных своих задач комиссия видела в издании сводного труда с обзорами состояния природных богатств страны: полезных ископаемых, энергетических ресурсов, растительных и животных богатств, химических производств и т. д. За 1915—1916 гг. КЕПС издала 12 таких очерков. Напечатали также 20 отчетов и отдельных записок. С 1917 г. под

эгидой КЕПС начал выходить сборник «Естественные производительные силы».⁴

В. И. Вернадский в записке «О ближайших задачах Комиссии по изучению производительных сил России», изданной в 1915 г., писал: «Главным поводом к ее учреждению явилось убеждение Академии наук, что самое широкое и самое энергичное использование естественных производительных сил Российской империи, связанное с подъемом труда и творчества нашего народа в этом направлении, есть насущная задача нашего времени. Ее решение является необходимым условием для того, чтобы страна наша могла не только быстро залечить раны, нанесенные ей великой, переживаемой нами войной, но и достигнуть того расцвета и той культурной мощи, какие соответствуют как природным богатствам, нам принадлежащим, так и тем неисчерпаемым силам, какие таятся в глубинах нашего народа».⁵ Все это так, но даже такой глубокий мыслитель, как В. И. Вернадский, не мог, конечно, предвидеть, что пройдет всего два года и «неисчерпаемые силы народа» проснутся, разбуженные громом Октябрьской революции.

Пока же приходилось трудно. Любые начинания Комиссии натывались на глухую стену непонимания. На все был один ответ: «Нет средств, господа. Что поделаешь, война...». Вот только один характерный пример.

... В 1915 г. было открыто новое вольфрамовое месторождение на Кавказе. Для его изучения на месте требовалось всего 500 рублей. Но и их не давали. На одном из заседаний КЕПС в конце 1916 г. нервы у А. Н. Крылова не выдержали. В его мозгу никак не укладывалось: работа ведется государственная, а правительство не имеет каких-то 500 руб. Вот как он сам вспоминает это заседание.

«Председательствовал А. Е. Ферсман, ученый секретарь Комиссии, пока профессор, член Горного совета тайный советник К. И. Богдановичу делал доклад „О месторождениях вольфрама“, который есть в Тукистане и на Алтае. Для изучения тукистанских руд (здесь память

---

⁴ Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974. 521 с.

⁵ Там же, с. 248.

изменила А. Н. Крылову: речь шла о кавказском месторождении вольфрама, — *С. Р.*) надо снарядить туда экспедицию, испросив на нее 500 руб. Про вольфрам же на Алтае он промолчал.

— Кому угодно высказаться по поводу доклада Карла Ивановича? — спросил Ферсман.

Я попросил слова:

— Насчет туркестанских рудников дело обстоит просто — вот 500 руб., — и, вынув бумажку с портретом Петра, передаю ее Ферсману. — С Алтаем дело сложнее. Карл Иванович не указал, что рудники находятся на землях великих князей Владимировичей. Вольфрам — это быстрорежущая сталь, т. е. более чем удвоение выделки шрапнелей. Если где уместна реквизиция или экспроприация, то именно здесь: не будет шрапнелей — это значит проигрыш войны, а тогда не только Владимировичи, но и вся династия «к чертовой матери полетит».

Именно так и было мною сказано. Карл Иванович не знал куда деться, Ферсман перешел к следующему вопросу, не углубляя предыдущего». ⁶

Да, именно так все это происходило. 10 мая 1917 г. академик В. И. Вернадский (председатель КЕПС) доложил физико-математическому отделению Академии наук «о получении от академика А. Н. Крылова в дар 500 руб. для Комиссии на исследование кавказского месторождения вольфрама». ⁷

Непосредственное и активное участие во всех начинаниях КЕПС с самого ее основания принимал А. П. Карпинский.

... Во время первой мировой войны ощущалась острая необходимость во флюорите, как добавке во флюс при выплавке черных металлов. Александр Петрович с увлечением посещал организованный в 1914 г. В. И. Вернадским минералогический кружок при Геологическом и минералогическом музее Академии наук. На этом кружке, «не стесняясь ни формой изложения, ни степенью законченности исследования (хотя в большинстве случаев доклады были до сих пор довольно тщательно обработаны), сообщения вызвали обмен мнений, верных или неверных, но почти всегда способствовавших дальнейшему ходу

⁶ Крылов А. Н. Мои воспоминания. М.—Л., 1945, с. 335.

⁷ Изв. Росс. Акад. наук, VI сер., 1917, т. XI, с. 900.

исследований».⁸ На одном из заседаний этого кружка А. Е. Ферсман сделал интересный доклад о ратовките — землистой разновидности плавикового шпата. Интерес к флюориту, повторяем, был велик, а от правильной трактовки генезиса этого минерала зависело направление и поисковых работ. Александр Петрович заинтересовался этой задачей и выполнил для ее разрешения специальное исследование.

Ратовкит был обнаружен еще в 70-х годах XIX в. в окрестностях г. Ржева Тверской губернии среди известняков и мергелей московского яруса среднего карбона. На упомянутом уже заседании кружка при обсуждении доклада А. Е. Ферсмана его учитель В. И. Вернадский высказал предположение, что ратовкит образуется вследствие выноса фтора или его соединений фумаролами во время отложения известняков. При этом он подчеркнул, что решением этой задачи должны заняться не минералогии, а геологи.⁹ Это и явилось основой для появления специального исследования А. П. Карпинского.

В этой работе Александр Петрович пытается доказать, что обогащение фтором только что отложившихся карбонатных осадков происходило под действием ювенильных вод, поднимающихся по тектоническим трещинам фундамента, хотя, пишет он, «в настоящее время нельзя установить связь с какими-либо породами, которые могли бы послужить источником фтора в каменноугольный период».¹⁰ Заключение свое он называет, как того и следовало ожидать, «конечно же, предварительным». «Мне кажется, — пишет А. П. Карпинский, — что целая группа минералогов, воодушевленная при их коллективной работе идеями о действительном значении веществ, принимающих количественно почти незаметное участие в составе земной коры, может пролить новый свет на геологические явления крупного масштаба».¹¹

---

⁸ Карпинский А. П. О происхождении накоплений плавикового шпата в отложениях Московского яруса каменноугольной системы и о некоторых других геологических явлениях. — Изв. Акад. наук, VI сер., 1915, т. IX, № 15, с. 1540.

⁹ Чураков А. Н. Русская платформа и окаймляющие ее щелочные породы. — Изв. АН СССР, сер. геол., 1947, № 1, с. 83—104.

¹⁰ Карпинский А. П. О происхождении..., с. 1541.

¹¹ Там же, с. 1555.

В дальнейшем гипотезу А. П. Карпинского несколько детализировал Б. П. Кротов, полагая, что флюорит отлагался в замкнутом бассейне повышенной солености. Ее активно поддерживали литологи В. П. Батурин, Л. В. Пустовалов и др. А вот изначальную трактовку этого процесса (по Карпинскому) восприняли Я. В. Самойлов, А. Е. Ферсман и позднее М. С. Швецов. Одним словом, крупных разногласий по этому вопросу не было. Сам Александр Петрович полагал, что он дал лишь геологическое обоснование точке зрения В. И. Вернадского. Итак, насущные задачи дня выдвинули острую проблему, на которую живо и с большим интересом откликнулись ведущие геологи того времени.

Мы уже упоминали, что в рамках КЕПС А. П. Карпинский возглавлял Отдел по исследованию Севера. Проблеме этой он придавал огромное значение, связывая с развитием и освоением этого края процветание и всего социалистического отечества. Еще 31 мая 1918 г. на заседании Отдела по исследованию Севера он говорил: «... На долю русского севера и, прежде всего, Мурмана, остающегося теперь единственным выходом для внешней торговли и культурных сношений России с Западной Европой и Америкой, выпадает особенное значение. Мы должны обратить особое внимание на изучение Северного края с его неисчерпаемыми и все еще малоисследованными богатствами, и нам нужно возможно шире популяризировать знания о его жизненных и естественных ресурсах, дабы продуктивно их использовать, а следовательно, поднимать культуру и благосостояние всего отечества».¹² Не забудем, что говорилось это весной 1918 г., когда о «подъеме культуры и благосостояния отечества» за счет использования неисчерпаемых ресурсов Севера мог сказать лишь человек, умеющий заглянуть в завтрашний день страны.

Многоплановой и очень интенсивной была научная и научно-организационная деятельность А. П. Карпинского в эти первые послереволюционные годы. В 1918 г. он — председатель практически всех многочисленных комиссий, созданных в Академии наук. То же и в 1919 г. В част-

---

¹² ЛО ААН, ф. 132, оп. 1, д. 218, л. 88.

ности, он принимает активное участие в организации перевозки уникальной «Северо-Двинской галереи проф. В. П. Амалицкого» в Геологический музей Академии наук. Это единственные в своем роде редчайшие экземпляры скелетов крупных пресмыкающихся, обнаруженных при раскопках на Северной Двине, близ Котласа. Сам В. П. Амалицкий скончался в Кисловодске в 1918 г., и его уникальное собрание могло пропасть для науки. Александр Петрович довел до конца начатое им грандиозное предприятие (не забудем транспортные трудности в годы Гражданской войны!) и сам 10 июня 1923 г. открыл эту галерею в помещении Геологического и минералогического музея в Петрограде.¹³

В 1920 г. руководимый им Отдел Севера КЕПС был преобразован в Северную научно-промысловую экспедицию ВСНХ, и Александр Петрович избирается членом Президиума Ученого Совета этой экспедиции. В следующем году он избирается общим руководителем по подготовке к печати нового издания Геологической карты Европейской России 60-верстного масштаба. (Не забыл Геологический комитет, кто руководил работой еще при первом издании этой карты в 1893 г.). А. П. Карпинский избирается также почетным председателем оргкомитета I Всероссийского геологического съезда, созванного в Петрограде весной 1922 г.

7 марта 1922 г. он получает персональное приглашение на XIII сессию МГК в Брюсселе (поехать туда он, к сожалению, не смог), в том же году выступает с большой речью на торжественном заседании Академии наук по случаю 100-летия со дня рождения великого французского ученого Луи Пастера. В 1924 г. он приветствует от имени Академии наук неугасимого борца Н. А. Морозова, «шлиссельбуржца Морозова», как его тогда называли. Осенью едет в село Михайловское на чествование памяти А. С. Пушкина (100-летие со дня его ссылки) и произносит от Академии наук трогательную прочувствованную речь. 19 ноября 1924 г. А. П. Карпинский едет за границу для ознакомления с последними достижениями геологии в Европе. И так далее.

---

¹³ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1908, д. 47.

С каждым последующим годом его деятельность на научно-просветительском поприще становится все более интенсивной.

Вот только краткий (разумеется, далеко не полный) перечень речей, с которыми выступал А. П. Карпинский в 20-е годы: при праздновании 200-летнего юбилея Академии наук; на Всесоюзном съезде агрономов; на III Конференции работников учреждений Главнауки; на торжественном заседании Академии наук, посвященном экспедиции Р. Амундсена на Северный полюс; на юбилейных торжествах в связи со 150-летием Ленинградского горного института; на открытии I Всероссийского минералогического съезда и Всесоюзного съезда почвоведов; на заседании Русского географического общества по случаю 100-летия П. П. Семенова-Тян-Шанского; на открытии выставки проектов памятника Пушкину и при открытии музея-квартиры Пушкина; на торжественном вечере, посвященном 10-летию Красной Армии и Флота; на заседании Академии наук, посвященном завершению 45-летней работы П. К. Пекарского над словарем якутского языка; на открытии Тихоокеанской выставки в Академии наук; на заседании Русского физико-химического общества в связи со 100-летием со дня рождения Марселина Бертелло; на торжественном заседании Академии наук, посвященном 60-летию со дня рождения М. Горького; на открытии Международного арктического конгресса в Ленинграде; на праздновании 100-летия со дня рождения Л. Н. Толстого; на торжественном заседании, посвященном 200-летию Типографии Академии наук; на вечере в Ленинградском университете, посвященном памяти Р. Амундсена; на вечере, посвященном 100-летию со дня рождения А. М. Бутлерова; на заседании Академии наук по случаю 50-летия выхода в свет «Происхождения видов» Ч. Дарвина. И еще множество других.

Каков диапазон! Какова энергия у этого 80-летнего старца! Заметим, что делал он все это не только потому, что «положение обязывало». Нет. Это было потребностью ученого, старого русского интеллигента, человека огромной внутренней культуры.

А сколько он ездил в эти годы! 19 ноября 1924 г. (мы уже упоминали об этом) он отправляется в научное турне по странам Европы. С 15 мая 1926 мая г. он в Мадриде — участвует в работе XIV сессии МГК, затем посещает Ан-

глию, Италию и Францию. Всего за границей он пробыл 4 месяца. Только успел вернуться, как собрался в Киев на II Всесоюзный геологический съезд. И это не считая довольно частых поездок в Москву по делам Академии.

Составляя же очередной отчет о командировке, он пишет С. Ф. Ольденбургу: «... Прошу Вас безжалостно выбросить все, что найдете лишним (старческая болтовня дает себя знать: забывает то, что нужно, и помнит ненужное)».¹⁴

... Конечно же, он стар, даже очень стар и теперь часто поминает свою память. Но достаточно просмотреть тексты его выступлений, его многочисленные научные работы этих лет, чтобы понять, — Александр Петрович чуть-чуть кокетничает: его энергии и его памяти могут позавидовать молодые.

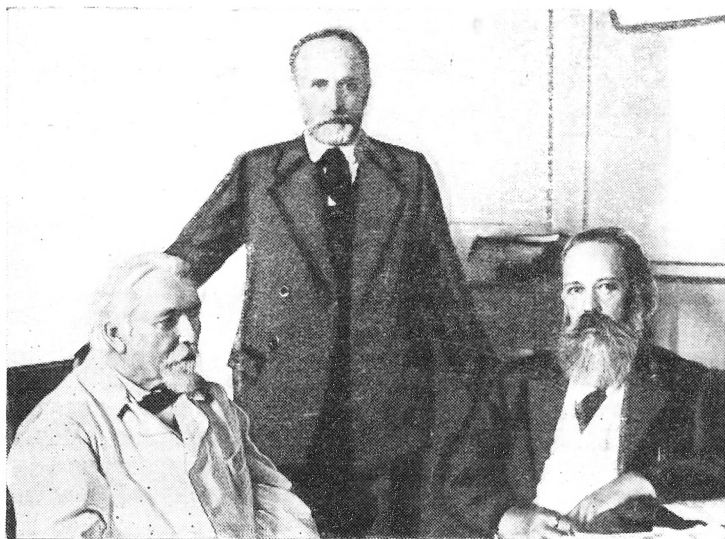
Вернемся, однако, к хронологической канве наиболее важных в жизни А. П. Карпинского событий. Наступил 1925 г., юбилейный для Академии наук. Исполнилось 200 лет со дня ее основания. Почтенный возраст! Но Академия молода, как никогда. В ее состав за 8 лет Советской власти избраны 29 человек, а общая численность сотрудников увеличилась с 220 человек 1917 года до 873. Самым старшим (по времени избрания) академиком в 1925 г. был уже ее президент. Он, как мы помним, был избран в Академию наук в 1886 г. Следующие за ним С. Ф. Ольденбург, А. А. Белопольский, А. И. Соболевский и Ф. И. Успенский стали академиками в 1900 г.¹⁵

Накануне юбилея Академии произошло крупное событие. 17 июля 1925 г. на заседании Президиума вице-президент В. А. Стеклов зачитал заявление о том, что «согласно сообщению Управляющего делами Совнаркома СССР Н. П. Горбунова вышел декрет о признании Российской Академии наук, имеющей Всесоюзное значение. Причем предполагается, — читал далее Владимир Андреевич, — что Академия будет состоять при Совете Народных Комиссаров СССР. Одновременно решено срочно образовать особую комиссию с участием представителей всех

---

¹⁴ ЛО ААН, ф. 208, оп. 3, д. 256, л. 28 (письмо от 2 декабря 1928 г.).

¹⁵ Академия наук СССР. Ее задачи, разделение и состав. Л., 1925. 90 с.

А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург, В. А. Стеклов, лето 1925 г.

союзных республик для рассмотрения проекта нового устава Российской Академии наук».¹⁶ А ровно через 10 дней, 27 июля 1925 г., было принято постановление ЦИК и Совнаркома СССР о признании Российской Академии наук высшим всесоюзным научным учреждением страны и передаче ее в ведение Совета Народных Комиссаров. С этого дня она стала именоваться Академией наук СССР!

Событие это — огромного исторического значения! Оно означало прежде всего резкое расширение масштабов работ Академии, увеличение ее численного состава, приобщение к научным исследованиям всех союзных республик, создание в них своих республиканских Академий и т. д. По плечу ли все эти многочисленные новые заботы президенту? Ведь в следующем, 1926 г. ему исполнится 80 лет. Шутка ли? Оказалось, что опасения эти напрасны. По плечу! И Александр Петрович сумел доказать это,

---

¹⁶ ДО ААН. ф. 2, оп. 1-1925, д. 35, л. 22 об.

хотя были моменты, когда ему казалось, что возраст не дает ему возможности нести эту ответственность, и он просил освободить его от президентских обязанностей. Но, поостыв, с еще большей энергией принимался за работу.

... В сентябре 1925 г. в Ленинграде и Москве проходили юбилейные для Академии наук торжества. Президиум Академии загодя разослал приглашения всем зарубежным Академиям и наиболее крупным иностранным ученым. Откликнулись все Академии, исключая Баварскую. Это было крупной победой! Интернациональное братство ученых восторжествовало!

Академия наук прекрасно подготовилась к юбилею. Отремонтировали главное здание, украсили парадную лестницу мозаичным панно М. В. Ломоносова «Полтавская битва», выпустили специальный «Справочник для участников празднования 200-летнего юбилея Академии наук» (Л., 1925, 74 с.).

К вечеру 5 сентября все было готово для приема советских и иностранных гостей. А. П. Карпинский вместе с С. Ф. Ольденбургом и своей старшей дочерью Евгенией Александровной (в то время уже работавшей личным его секретарем) встречали гостей. Французов, немцев и англичан Александр Петрович приветствовал сам на их родных языках. К датчанам, шведам, испанцам, итальянцам, финнам обращалась с приветственными словами Евгения Александровна, в совершенстве владевшая почти всеми европейскими языками. Прием в Академии наук длился до поздней ночи. Гости познакомились друг с другом, ощутили радушие хозяев и уже к концу вечера чувствовали себя как дома. В оживленном, приподнятом настроении был А. Е. Ферсман, возглавлявший академический комитет по приему иностранных гостей.

6 сентября, в воскресенье, к часу дня гости собрались в большом белоколонном зале Ленинградской филармонии. Многие знали этот зал как зал Дворянского собрания. Теперь же здесь царство звуков и красоты... В президиуме М. И. Калинин, А. В. Луначарский, А. П. Карпинский. Перед началом заседания оркестр под управлением А. К. Глазунова исполнил им же написанную «Торжественную увертюру». С приветствиями к Академии наук обратились М. И. Калинин и А. В. Луначарский.

Затем из-за стола президиума поднялся низенький седенький старичок и, обведя зал радостно заблестевшими глазами, своим характерным, несколько глуховатым голосом обратился к гостям Академии наук с большой речью. Он рассказал о славной двухвековой истории высшего учебного органа страны, помянул добрым словом корифеев русской и мировой науки и развил любимый свой тезис об интернациональном характере науки, о мировом братстве ученых всех стран: «Братство, о котором я упомянул, — говорил Александр Петрович, — братство без искусственных рамок, налагаемых самим человечеством, не играющих никакой роли в истинной науке, является насущной потребностью каждого действительного ученого, покоряющегося лишь одной Истине и с полным удовлетворением предпочитающего чужое лучшее своему хорошему».¹⁷ Это его научное credo, которому он следовал всю жизнь и хотел, чтобы также относились к науке все, кто решил посвятить ей свою жизнь.

Стар стал Александр Петрович, ох, как стар. (Теперь нам частенько придется повторять это). Ему 79 лет. И даже выступая перед гостями Академии наук, он чувствует свой возраст, свой опыт, груз прожитых лет. И обращается он с вершины своей мудрости: «Три четверти века тому назад, когда началась моя жизненная карьера, развитие науки еще давало возможность следить за разными ее отраслями, к чему, например геологов, обязывала связь их науки почти со всеми физико-математическими и естественноисторическими науками. Теперь, — продолжал А. П. Карпинский, — при громадном росте точных знаний, становится необходимым больше специализироваться. И многие старые ученые оказываются в трагическом положении. Будучи точными (беспристрастными) наблюдателями, они сами становятся объектами собственных наблюдений, раскрывающих неизбежное с преклонным возрастом падение способностей, памяти, вдохновения при сохранении интереса ко всему тому, что так быстро развивается в непосильном уже для них раз-
мере».¹⁸

Заветнейшими своими мыслями делился Александр Петрович (или, если быть точным, собирался делиться,

---

¹⁷ ЛО ААН, ф. 265, оп. 1, д. 123, л. 10 и 10 об.

¹⁸ Там же, л. 13 и 13 об.

поскольку в нашем распоряжении лишь сохранившиеся в его архиве черновые наброски этой речи) с учеными разных стран. Как много ему еще хочется сделать в науке, но уже нет ни времени, ни сил. Однако оружия он не сложил и многое все же сделать успеет.

Торжества между тем продолжались. И все дни (а длились они ровно 10 дней) А. П. Карпинский среди гостей. Вот краткое расписание этих торжеств. 6 сентября вечером — банкет для ученых в розовом мраморном зале Русского музея. 7 сентября с 10 часов утра гости осматривали научные учреждения Академии наук, а вечером собрались в Мариинском театре. Специально для ученых давали любимую оперу А. П. Карпинского — «Руслан и Людмила» Глинки. 8 сентября — загородные экскурсии: ученые посетили Пулковскую обсерваторию, осмотрели Павловский дворец и Павловскую обсерваторию, Екатерининский дворец в Детском Селе, любовались Петергофскими фонтанами.

В тот же день продолжалось знакомство с научными учреждениями и историческими памятниками Ленинграда. 9 сентября посетили Библиотеку Академии наук и осмотрели развернутые в ней выставки; в 13 часов Ленгорисполком устроил торжественный прием в честь ученых, а вечером гости аплодировали балетной труппе Мариинского театра. 10 сентября Ленсовет устроил прощальный банкет для ученых. В тот же день вечерним поездом гости, а вместе с ними и большая группа ленинградских ученых во главе с А. П. Карпинским, выехали в Москву. Торжества перенеслись в столицу.

11 сентября в Большом зале Московской консерватории торжественное заседание, на следующий день осмотр Кремля и встреча со студентами I Московского университета, на которой А. В. Луначарский произнес свою знаменитую речь на пяти языках (русском, немецком, французском, английском и латыни). В заключительный день, 14 сентября, Правительство и Моссовет устроили большой прощальный банкет.

Вот так — с размахом и чисто русским гостеприимством отметила страна 200-летний юбилей Академии наук СССР.

Не прошло и полугода, как Александра Петровича ждали новые торжества. Товарищи по Академии наук по-

желали отметить сорокалетие его избрания в Академию. Отмечали торжественно, как и подобает такому событию, и ни на какие просьбы А. П. Карпинского (а он, разумеется, просил не придавать этому значения) не соглашались. Изготовили одну золотую и 10 бронзовых медалей с барельефом юбиляра. Скульптор И. Я. Гинцбург отлил два бронзовых бюста А. П. Карпинского. Само чествование проходило в конференц-зале Академии наук. Приветственную речь произнес В. А. Стеклов. (Это было одно из последних его выступлений в Академии. Вскоре он заболел, уехал в Крым и не вернулся). Выступил и старинный друг Александра Петровича, выдающийся русский юрист А. Ф. Кони. А. В. Луначарский приехать не смог, но прислал телеграмму: «Горячий привет Все-союзному старосте науки». Александр Петрович ответил: «Сердечно благодарю талантливого и красноречивого Анатолия Васильевича за глубоко тронувшее меня приветствие». 20 февраля 1926 г. А. Е. Ферсман писал в «Правде»: «Какого бы вопроса не коснулись наши работы, мы — его ученики, бессильные перед его подкупающей ясностью, ограниченные в своих горизонтах и лишь достраивающие заложенную им постройку науки».

А. П. Семенов-Тянь-Шанский прислал очень теплое письмо: «За несколько недель до своей смерти мой дядя Яков Карлович Грот (вице-президент Академии наук, филолог, биограф и исследователь творчества Г. Р. Державина. Скончался в 1893 г., — *С. Р.*) неожиданно для меня жаловался на огорчения, испытываемые им в Академии. Он сетовал на недостаток чистых душ, которым можно было бы передать духовное наследие... Я назвал Ваше имя и услышал от старика следующие, навсегда мне памятные слова: „Да! Вот это — истинно чистая душа у нас в Академии“».

За одно это — за чистоту и ясность душевную, которую так трудно бывает сохранить в жизни, особенно нужные в дни, нам посланные судьбою, — мы, Ваши скромные спутники, должны быть Вам навсегда невыразимо признательны.

Продолжайте же, глубокоуважаемый и дорогой Александр Петрович, светить нам в жизни Вашим исключительным примером и давать нам то глубокое душевное

удовлетворение, которого мы не находим уже нигде в современной жизни!». ¹⁹

Да, юбилей, юбилей. . . На склоне лет их оказывается очень много. Это и радостно и грустно. Вот и опять юбилей, на сей раз 80-летие со дня рождения. Здесь уж Александр Петрович проявил твердость. Никаких торжеств! Никаких заседаний! Друзей он, как всегда, принимал дома. А вскоре после этого события новое испытание — президентские выборы на очередное пятилетие. Как ни упорствовал Александр Петрович (он твердо считал, что высокий административный пост в науке человек может занимать только до 70-летнего возраста), выбрали все же его. 11 мая 1927 г. С. Ф. Ольденбург официально извещает президента:

«Препровождая Вам при сем, для сведения, выписку из протокола Общего собрания по означенным выборам, не могу, вместе с тем, и лично от себя, как непременный секретарь, и от всех членов Конференции не выразить общей нашей искренней радости, что работы Академии наук будут по-прежнему идти под Вашим опытным руководством, и что мы по-прежнему будем иметь президентом не только крупнейшего мирового ученого, но и человека, к которому все, его знающие, одинаково питают чувства искреннего уважения и глубочайших симпатий».

Все это, конечно, приятно. И все же он чувствует, что уже стар для руководства Академией, что жить осталось немного, а сколько еще не отданных долгов науке. Он теперь при любой возможности поминает свой возраст, свою ослабевшую память, усиленно давая понять коллегам, что он устал, что ему хочется просто поработать для науки, только для его геологии. . . Однако и без Академии он не может. Он настолько сроднился с ней, что, кажется, оставь ему только академическое звание, но лиши возможности жить бурной академической жизнью, и он не выдержит — зачахнет. И это он сознавал вполне отчетливо. Но память, память. . . «Я теперь часто забываю о том, что необходимо помнить, — пишет он С. Ф. Ольденбургу. — Напишите на листочке то, о чем Вы просили переговорить с И. П. Павловым. Несмотря на то что я переспросил Вас, никак не могу теперь вспомнить». ²⁰

---

¹⁹ ЛО ААН, ф. 722, оп. 1, д. 77, л. 1—2.

²⁰ ЛО ААН, ф. 208, оп. 3, д. 256, л. 25.

Дел же очень много — и срочных, и неотложных, и разнообразных. Разрабатывается новый устав Академии, и А. П. Карпинский принимает в развернувшейся дискуссии деятельное участие; проходят непрерывно съезды, конференции, подходят юбилейные даты умерших и еще живущих его товарищей, и Александр Петрович тут и обязательно выступает с речью. «На вопрос, чем я занимаюсь в настоящее время, — говорил он в интервью для журнала «Огонек», — легче было бы ответить, чем я не занимаюсь. Между тем мне минуло уже 81 год, а научных долгов у меня много, т. е. много сделанных работ, удовлетворивших мои личные научные интересы, но не изложенных для опубликования».²¹

Глава 19. Новые принципы работы Академии наук

Переименование Российской Академии наук в Академию наук СССР означало не простую замену слов в ее названии. Новое наименование высшего ученого учреждения страны означало прежде всего новую организацию научных исследований в масштабах всей страны. А это, в свою очередь, неизбежно влекло за собой изменение структуры Академии, ее устава, увеличение числа действительных членов, организацию филиалов Академии наук в наиболее перспективных в хозяйственном отношении районах страны и т. д. Одним словом, для Академии наук наступило время *полностью* подчинить свои задачи целям и задачам социалистического строительства в СССР.

Нельзя сказать, чтобы руководство Академией, и прежде всего А. П. Карпинский, не чувствовало веяний времени. Неизбежность перемен в работе они четко осознавали, но всячески желали, чтобы эти перемены не были болезненными для Академии и осуществлялись постепенно. Особенно явно эта тенденция проявилась при обсуждении нового академического устава, бурные дебаты вокруг которого начались еще в 1926 г. Каждый из членов Академии получил стереотипную записку от пре-

---

²¹ Карпинский А. П. Союз науки и труда. — Огонек, 1928, № 6,

зидента, наглядно иллюстрирующую спокойный, деловой и по-домашнему уютный стиль его руководства.

Многоуважаемый Сергей Федорович.

Перед Академией наук СССР стоят в настоящее время два вопроса чрезвычайной для нее важности — о новом уставе Академии наук и о выборах вице-президента (в 1926 г. скончался В. А. Стеклов, — С. Р.).

По моему глубокому убеждению, оба эти вопроса, прежде официального их рассмотрения в Конференции, требуют подробного и всестороннего обсуждения в нашей товарищеской среде при участии всех действительных членов Академии.

Полагая, что Вы разделите этот взгляд, обращаюсь к Вам с просьбой не отказать принять участие в указанном обсуждении и пожаловать ко мне (б. Николаевская набережная, д. 1) на чашку чая, в понедельник 15 сего ноября в 7 часов вечера.

Искренне Вас уважающий.

А. Карпинский.¹

Академики, конечно, пришли «на чашку чая». Но согласия достигнуть не удалось, и 20 ноября 1926 г. вновь собрались на квартире президента. Проект нового устава Академии наук был разработан специальной комиссией Совнаркома с участием представителей от Академии наук и был разослан для обсуждения правительствам РСФСР, УССР, БССР и Закавказской СФСР. Все замечания, высказанные при обсуждении, стекались в Академию наук, и ей надлежало учесть их при подготовке окончательного варианта устава. А вот как учесть все замечания, если зачастую они оказывались взаимоисключающими или вели к «коренной ломке» (так, по крайней мере, казалось академикам) всей структуры Академии наук.² Сложные вопросы, и долго еще академики не могли прийти к единому мнению. Собирались и 8 января 1927 г., и 1 февраля. А Совнарком торопит — Академии наук нужен новый устав.

В очередной раз дочери Александра Петровича сервировали стол для приема ученых гостей 3 февраля 1927 г. За огромным обеденным столом сидели академики С. Ф. Ольденбург, В. И. Вернадский, Е. Ф. Карский, Н. К. Никольский, Ф. И. Шербатской, А. Е. Ферсман, И. Ю. Крачковский и др. Предложений было много.

---

¹ ЛО ААН, ф. 2. оп. 1-1926, д. 53, л. 108.

² Там же, л. 113.

В. И. Вернадский, например, предлагал должность президента по аналогии с должностью постоянного секретаря сделать бессрочной, а Ф. И. Щербатской, напротив, полагал, что и постоянного секретаря надо выбирать на определенный срок. Академическая комиссия отклонила оба эти предложения. А вот новшество, высказанное Н. К. Никольским, — о расширении Президиума Академии наук до 6 человек (президент, вице-президент, непременный секретарь и по одному представителю от трех отделений), — было одобрено академиками.

Так или иначе, к весне 1927 г. проект устава был готов, и 7 июня С. Ф. Ольденбург докладывал Экстраординарному общему собранию, что Совет Народных Комиссаров, внося некоторые поправки, утвердил новый устав. С 18 июля 1927 г. устав Академии наук СССР вошел в силу. Вот какие поправки были внесены в первоначальный проект: вместо одного вице-президента теперь два, вместо трех отделений — два, а число действительных членов Академии увеличено до 70.3 апреля 1928 г. Совнарком принял новую поправку к уставу, добавив еще 15 вакансий академиков.

Устав этот, однако, просуществовал недолго. Жизнь требовала новых коррективов в организации научных исследований и еще большего их согласования с насущными потребностями народного хозяйства. В конце 1929 г. началось новое интенсивное обсуждение структуры Академии и ее устава.

А. П. Карпинский на Общем собрании Академии наук 30 октября 1929 г. высказывает давно вынашиваемую им идею — установить предельный «срок по возрасту» для лиц, занимающих административные посты. Он даже называет цифру — 70 лет, но Собрание его не поддерживает.³

С 18 по 20 декабря 1929 г. прошла специальная сессия Академии наук, обсудившая результаты работы академической комиссии под руководством А. Е. Ферсмана над структурой и уставом Академии. Цели и задачи новой перестройки хорошо сформулировал И. М. Губкин, выступая еще до сессии на специальном заседании этой комиссии: «Академия наук, — сказал он, — явилась уч-

---

³ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1929, д. 126, л. 7.

реждением, где живет свободная творческая мысль; она, конечно, не может оставаться стихийной зрительницей того, что происходит в нашем государстве. И эта свободная творческая научная мысль и должна, понимаете ли, пойти в данную историческую эпоху на служение тем великим задачам, которые перед нашей эпохой в настоящее время стоят. Мы не можем остаться равнодушными. Мы должны все свои силы... направить по этой линии и помочь государству в разрешении этих великих задач».⁴

Из этих слов отчетливо проступают основные, волновавшие Академию проблемы: как организовать работу внутри нее и как координировать свои исследования с организациями неакадемического профиля? Как строить сами исследования — по единому утвержденному плану или по идеям, высказываемым ведущими учеными? Последний вопрос оказался наиболее острым и вызвавшим наибольшие разногласия (о нем отдельно).

Каково же мнение по всем этим вопросам А. П. Карпинского?

19 ноября 1929 г. он передает комиссии по пересмотру устава Академии наук специальную записку, в которой просит ее принять во внимание «нижеследующие... пожелания.

1. Существующее право всех научных и научно-технических учреждений предлагать кандидатов в члены Всесоюзной Академии наук желательно сохранить, предоставив это право и отдельным ученым, могущим заявлять о своем личном желании войти в состав действительных членов Академии (как это принято во Французской Академии). Все представления должны быть детально мотивированы.

2. Существующие правила избрания в академики — сложные и тяжеловесные, могущие приводить к нежелательным результатам и даже конфликтам, желательно изменить. Избрание должно быть предоставлено исключительно академическим собраниям...

3. Желательно установить предельный жизненный срок для исполнения административных академических должностей (президента, вице-президентов, директоров больших научных учреждений)...

---

⁴ Там же, л. 52 об. и 53.

4. Академия наук управляется Общим собранием. Президиум и связанные с ним учреждения являются исполнителями постановлений Общего собрания и ответственные перед ним. . .

5. Желательно установить чередование заседаний отделений Академии, чтобы члены ее имели возможность посещать все заседания (лично я чувствую большую потерю от невозможности посещать заседания гуманитарного отделения, где я был одним из самых внимательных слушателей)». ⁵

Очень болезненно переживал Александр Петрович нововведения в Академии наук. И хотя разумом он понимал их неизбежность и полезность, никак не мог примириться с необходимостью отвыкать от привычного стиля работы. И больнее всего его задевала необходимость планирования научной работы. Этого он никак уразуметь не мог. . .

Да, возраст, возраст. Возможно, это он заставляет так цепко держаться старых привычек, старого стиля и старых традиций. Возможно. По крайней мере, ему кажется, что он в новых условиях не в состоянии управлять Академией. И хотя теперь у него пять помощников, но он-то один. Он президент. А ему ведь 84-й год. И он усиленно просит своих товарищей по Академии освободить его от президентства: стар он и не подходит к этой должности.

. . . 20 декабря 1929 г. на Общем собрании Академии наук, когда повестка дня была уже исчерпана, слово взял А. П. Карпинский. Он просит дать ему возможность, пока он «не исчез с жизненного горизонта» выполнить те научные работы, которые давно задуманы, но президентские обязанности не оставляют для этого времени. Одним словом, просит (и действительно!) освободить его от груза президентских забот. «Уходить с места, подобного тому, какое я занимаю, — говорил Александр Петрович, — не просто. . . Но я хочу сказать, что я не могу просто дольше оставаться на том месте, на котором я нахожусь. К этому я и веду свою речь и прошу мне в этом отношении помочь. . .

Я очень долго живу, очень долго; помню и 60-е годы, когда подъем был ужасно сильный, помню судебные реформы, освобождение крестьян, введение мировых су-

---

⁵ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1930, д. 17, л. 396—397.

дей — это было очень светлое время с большим общественным подъемом.

... Я сам лично вращался среди рабочих. Под моим руководством производились разведки... Одним словом, работал как рабочий, вместе с рабочими — об этом могут засвидетельствовать мои ученики, всегда был с ними в дружных отношениях. Когда я приезжал в какие-нибудь отдаленные места, где не видели чиновников или видели другого сорта, чем я (а на меня тоже как на чиновника сначала смотрели), так они до того были поражены человеческим отношением, что отказывались от всякой платы, с трудом приходилось ее давать, говоря — это для детей; говорил, что я очень люблю детей и не могу иначе...

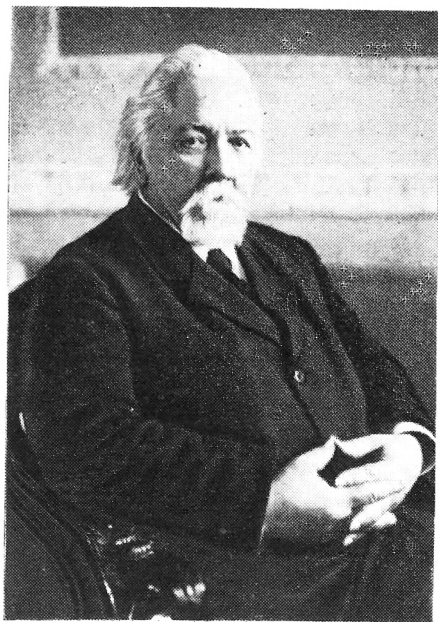
Я рассматриваю всю свою жизнь. Однажды мой знакомый стоял у трамвая, а около находилась моя квартира. Тогда мне подавалась казенная лошадь, чтобы отвезить сюда. Двое людей заспорили между собой, говоря: это из „прежних“, потому у него такая лошадь. Другой говорит „да ведь это казенная...“ У меня никогда никакой лошади не было... Проглядывая всю свою жизнь, я все-таки думаю, что я не только не „бывший“ и не вполне настоящий, но, может быть, будущий. Я так думаю...

Все это я говорю к тому, что я должен, видимо, уйти с того поста, который занимаю».⁶

Александр Петрович был очень взволнован, да он и не скрывал своего волнения. В растерянности академики. Они прекрасно понимали душевный порыв своего старшего президента, они были тронуты его подкупающей доверительностью и предельно откровенными словами. Но они сознавали также, что пока жив и (слава богу!) в добром здравии Александр Петрович, другого президента не надобно. От лица присутствующих к нему обратился Г. М. Кржижановский. Он согласился с обоснованностью его доводов, согласился с тем, что при любых перестройках не должна утратиться преемственность научной работы, которая не только не должна прерывать нити с прошлым, но более того, — поведет «Академию наук на новую, еще более высокую ступень... Я думаю, — продолжал Глеб Максимилианович, — действительно линия ведет туда, куда намечает Александр Петрович: через борь-

---

⁶ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1929, д. 126, л. 152, 177—179.

А. П. Карпинский, 1930 г.

бу, через новую стройку, где классов не будет. В этом отношении у нас с Вами позиция одинакова... Я думаю, что мы сумеем найти в работах этой комиссии исход из положения в том смысле, чтобы удержать в Академии наук на том или другом основании, в том или ином виде, ту интеллектуальную мощность и значимость, которую мы имеем в лице Александра Петровича Карпинского».⁷

В стенограмме собрания после этих слов лаконичное «аплодисменты». Но можно себе представить чувства академиков и чувства самого Карпинского... Он нужен, еще очень нужен родной ему Академии наук! И, конечно же, он остался на президентском посту.

Между тем проект устава обсуждался еще более трех месяцев и лишь 4 апреля 1930 г. был одобрен Общим собранием. 23 мая того же года Президиум ЦИК СССР утвердил «Устав Академии наук СССР».

---

⁷ Там же.

Вернемся, однако, к проблеме планирования научных исследований, которая на первых порах учеными старой школы встречалась в штыки. Не принимал плановой основы в научной работе И. П. Павлов, не принимал ее А. П. Карпинский, не принимали многие другие выдающиеся русские ученые. «В начале 20-х годов, — писал в своих воспоминаниях бывший начальник Главнауки Ф. Н. Петров, — планирование в науке многим казалось делом нереальным, „большевистской выдумкой...“ Некоторые ученые заявляли, что не понимают, как можно планировать науку, ведь планирование ограничивает, по их мнению, индивидуальное творчество ученого».⁸

Такое заблуждение относительно возможностей плановой основы научной работы вполне объяснимо. Ученые откровенно не понимали, чего от них хотят, а планирующие органы не могли дать ясный ответ на все недоуменные вопросы. Отсюда все недоразумения.

... 17 сентября 1927 г. А. Н. Крылов пишет из Парижа П. П. Лазареву: «В самом деле: о каких планах деятельности идет речь — ежегодных или на 25 лет, учреждений или отдельных лиц? Ведь самая существенная „деятельность“ Академии должна состоять в личной творческой работе академиков — что же и каждый академик должен представлять план своей деятельности и по утверждению такового следовать ему неуклонно?» [91, с. 246].

Предполагалось планировать стратегию научных исследований, т. е. выделить ряд ключевых (для данной науки) проблем и по каждой из них составить программу исследований в виде увязанных между собой научно-исследовательских тем. Такая работа, безусловно, не «подрывает основы индивидуального творчества ученого», но зато труд всего научного коллектива становится целенаправленным с ощутимой для науки и практики отдачей.

Ученые же на первых порах полагали, что они обязаны планировать и заранее предвидеть каждый свой шаг, каждый «извив мысли», что, разумеется, сделать невозможно и требовать такое бессмысленно. Но, к счастью, такого рода недоразумения быстро рассеялись.

---

⁸ Петров Ф. Н. 65 лет в рядах Ленинской партии. М., 1962, с. 99.

2 февраля 1927 г. Сергей Федорович Ольденбург произнес речь на традиционном ежегодном торжественном годовом собрании Академии наук, в которой он выразил мнение ученых Академии о стратегии научных исследований в условиях социалистического строительства. «... Если, с одной стороны, — говорил непреременный секретарь, — именно теперь необходима особенно интенсивная и планомерная работа научных учреждений и ученых для успешной индустриализации страны, то столь же необходимо и свободное научное исследование, преследующее лишь цель дальнейшего познания природы и человека, независимо от практических приложений добытых результатов. Для всякого теперь ясно, что без так называемой чистой науки техника хиреет и вырождается, но ясно, вместе с тем, и то, что наука, которая хотела бы оторваться от жизни, осуждена на гибель».⁹ Иными словами, здесь утверждается, что наряду с удовлетворением сегодняшних запросов практики, наука должна обеспечивать и «задел на завтра», т. е. развиваться со значительным опережением практических нужд. Только в этом случае обеспечено устойчивое прогрессивное развитие и науки и практики. Да, но где каждодневная грань между «наукой чистой» и «наукой прикладной»? Можно ли ее наметить для каждого конкретного исследования?

Эти-то вопросы и мучили ученых. Особенно, когда они приступили к составлению плана работ на ближайшие два года (1928—1929) и ближайшее пятилетие (1928—1933). Вся страна тогда составляла первый пятилетний план развития народного хозяйства. Не должны были остаться в стороне и ученые. Однако, повторяем, идея осуществления научной работы на основе «пошагового планирования» вызывала откровенное непонимание.

... Каждый академический институт должен был представить в Президиум Академии наук разработанный проект своей структуры и план работ на пятилетие. Вот что представил академик И. П. Павлов: «Что касается до плана научных исследований, — писал он, — то таковой дать нахожу невозможным, так как движение работы определяется вопросами, возникающими во время самой работы».¹⁰ 12 мая 1930 г. Иван Петрович представил сле-

⁹ Академия наук СССР в 1926 г. Л., 1927, с. 3.

¹⁰ Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974, с. 293.

дующую структуру руководимого им института: «Физиологический институт является единым учреждением, не имеющим никакой специальной структуры. Управление всей научной частью Физиологического института находится в ведении директора — академика. Что касается научного Совета, то такового не имеется, а вопросы, связанные с научной работой, обсуждаются совместно на еженедельных общих собраниях всех штатных и нештатных сотрудников ФИН».¹¹

Подобное отношение к этим нововведениям устойчиво сохранялось у И. П. Павлова. В 1932 г. он пишет в Академию наук по поводу плана на 1933: «Относительно плана на 1933 год и вторую пятилетку должен повторить, что я уже не раз заявлял: я знаю только одно, что я вместе с моими сотрудниками будем изучать дальше физиологию высшей нервной деятельности... и только. Никакой другой программы дать не могу... Я в самом деле сейчас не могу сказать, чем, какими частными вопросами мы будем заниматься после летнего перерыва. Мы начнем с повторения чего-нибудь старого и надуманного за перерыв, но на чем остановимся серьезно и общими силами, что, действительно, займет нас всего больше и составит важное приобретение будущей работы, определится только ходом самой работы и наверное будет очень в стороне от того, с чего начнем. И это не только не мешает делу, а вернее сказать, способствует тому, что новый материал накладывается неудержимо...».¹²

Интересно, как реагировал президент, получив такой ответ от одного из ведущих ученых Академии наук? Думаем, что он согласился с ним.

... Еще 20 декабря 1929 г. Александр Петрович говорил на Общем собрании: «... Академия, конечно, должна заниматься, прежде всего, научной работой. Каждому ученому, а тем более академику, известно, какие цели должны иметься. Вот Вы, — обратился президент к А. Д. Архангельскому, — занимаетесь чем-нибудь определенным, а наука выдвинет новые вопросы, которые заставят Вас заниматься тем, о чем Вы сейчас не думаете, — никаких предельных свободной мысли ученого нельзя и не должно по-

¹¹ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1930, д. 17, л. 520.

¹² Мозжухин А. С., Самойлов В. О. И. П. Павлов в Петербурге—Ленинграде. Л., 1977, с. 250—251.

ставить».¹³ Сейчас эти слова выглядят наивными. Разумеется, нет «пределов свободной мысли ученого» и ученым не пришлось бы «наступать на горло собственной песне» даже в том случае, если бы они работали над выполнением какой-либо плановой темы. И вскоре они это поняли, и, разумеется, понял и А. П. Карпинский — как только был готов первый вариант плана. А пока?

А пока он утверждал, что предвидеть результаты научной работы невозможно. Он даже ссылаясь на исторические прецеденты: «Когда Ньютон, — говорил в той же речи Александр Петрович, — наблюдал спектр, он открыл замечательное явление, что свет распределяется по известным цветам. Из этого возникли и другие детали, которых Ньютон не представлял».¹⁴

Надо сказать, что новое пополнение Академии, в частности в лице И. М. Губкина и А. Д. Архангельского, отнеслось к необходимости планирования своей работы более трезво. Очевидно, не стесненные путами многолетних традиций, они поняли, что плановая работа не пленит свободу творчества. Академики в то время объединялись внутри Отделений по группам, в соответствии с разрабатывавшимися ими проблемами. И они должны были прежде всего координировать свою работу внутри групп, чтобы исключить дублирование. «Мне бы казалось совершенно правильной та мысль, — говорил И. М. Губкин, — что увязка с работой научно-исследовательских учреждений *должна происходить именно в группах* на почве деловой работы, на почве планирования» (курсив мой, — С. Р.).¹⁵

В таких дебатах прошел 1929 г. и первая половина 1930 г. И хотя еще 6 апреля 1929 г. в Москве Научно-исследовательский совет ВСНХ и Госплана СССР совместно с Академией наук и Коммунистической Академией созвали специальное совещание по основам планирования научной работы, ясности в этом вопросе в академических кругах не было.

2 февраля 1931 г. на торжественном годовом собрании Академии наук новый неперемный ее секретарь В. П. Волгин, анализируя состояние дел за 1930 г., заметил: «В сущности говоря, отрицание возможности

---

¹³ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1929, д. 126, л. 51.

¹⁴ Там же, л. 53 об.

¹⁵ Там же, л. 53.

плана в научной работе ведет к отрицанию в ней всякой целеустремленности. Неудивительно, что один из крупных работников Академии наук противопоставляет идее плана представление о научной работе как о цепи счастливых случайностей (намек на И. П. Павлова, — С. Р.). Академия наук не может стать на такую точку зрения, как явно противоречащую фактам и отрицающую всякую организацию научного труда».¹⁶ В 1930 г. в Академии наук была создана специальная организационно-плановая комиссия во главе с академиком Н. Я. Марром. А 3 октября 1930 г. Общее собрание утвердило «общие принципы планирования научной работы Академии». Уже тогда было достигнуто более или менее единое понимание основ планирования, после чего было рассеяно предубеждение отдельных ученых, и по всем важнейшим направлениям работы Академии наук такие планы были разработаны. «Планы, — совершенно справедливо говорил В. П. Волгин, — должны представлять связную систему тем, сгруппированных вокруг основных проблем и проблем наиболее актуальных».¹⁷

В начале 1931 г. все академические институты составили свои тематические планы, которые в целом были одобрены на апрельской сессии Академии наук, а в ноябре 1932 г. Общее собрание утвердило и пятилетний план работы Академии. Но еще до его утверждения геологическая группа Академии наук (А. Д. Архангельский, А. А. Борисяк, В. И. Вернадский, К. К. Гедройц, И. М. Губкин, А. П. Карпинский, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, В. А. Обручев и А. Е. Ферсман) составила специальный доклад «Задачи Академии наук в области геологических дисциплин» (Л., 1929, 16 с.), в котором было предложено так организовать геологические исследования Академии наук, чтобы они *не дублировали* других и в первую очередь работы Геологического комитета, а решали только те задачи, которые другими организациями оставлены без внимания. Что это, как ни планируемая стратегия научных исследований? Разработана же она еще в 1929 г.

А вот как выглядел проблемный план Академии наук по геологическим дисциплинам на второе пятилетие

---

¹⁶ Академия наук СССР за 4 года (1930—1933). Л., 1934, с. 16.

¹⁷ Там же, с. 17.

(1933—1937), в составлении которого А. П. Карпинский принимал самое живое участие. Итак, проблемы:

1) геологической карты (съемка территории СССР в миллионном масштабе, проработка стратиграфии осадочных образований Союза);

2) литогенеза (изучение процесса образования горных пород на основе палеогеографии и литохимии, установление закономерностей образования полезных ископаемых во времени и в зависимости от фациальных условий);

3) тектоники (теоретическая и экспериментальная разработка вопросов тектоники; установление циклов тектогенеза на территории Союза);

4) стратиграфии, морфологии, динамики развития и процессов образования четвертичных отложений (изучение законов развития доисторического человека);

5) гидрогеология (выявление основных закономерностей формирования подземных вод и их приложение в инженерном деле).¹⁸

Такой план, разумеется, уже не вызывал опасений стеснения свободы научного творчества. Страх перед планом у ученых исчез! Исчез он и у Александра Петровича Карпинского.

В 1930 г. А. П. Карпинскому шел 84-й год, а его бодрости и энергии могли позавидовать куда более молодые его товарищи по Академии. Он не пугается даже отправиться в длительную заграничную поездку. Заметим попутно, что это не устрасило его и через пять лет, когда ему шел уже 89-й год. Так вот, 14 июня 1930 г. он вместе с А. А. Борисяком и Е. А. Толмачевой выезжает в двухмесячную командировку в Германию, Бельгию и Францию. Цель поездки — участие в работе V Международного конгресса по горному делу, металлургии и прикладной геологии в Льеже (Бельгия), а также в праздновании 100-летия Французского геологического общества и 50-летия Французского минералогического общества.

... Плыли на пароходе до Штеттина, два дня в ожидании бельгийской визы провели в Берлине. В Льеж прибыли 21 июня накануне открытия Конгресса. Заседания

---

¹⁸ План работы Академии наук СССР на второе пятилетие (1933—1937). Ч. 1. Л., 1932. 143 с.

проходили в большом зале Льежского университета. С приветственной речью к делегатам обратился известный бельгийский геолог Фурмарье.

Александр Петрович намеревался выступить с 4 докладами, но жесткий регламент заседаний позволил ему выступить только один раз. Он выбирает сложную, давно занимающую его проблему «О происхождении коренных месторождений платины уральского типа». Александр Петрович не раз отмечал, что в этом вопросе он одинок, его воззрения не разделяются коллегами,¹⁹ но это не смущало его. Он все ждал доводов, которые бы опровергли его точку зрения, но не получал их. Вот и в Льеже: «Ни одного возражения против ряда фактических аргументов в пользу моих выводов я не встретил», — с горечью писал впоследствии Александр Петрович. Он ждал дискуссии, возражений, споров, но то ли авторитет докладчика и его возраст сковали аудиторию, то ли она просто осталась равнодушной к этой проблеме, одним словом, молчание зала разочаровало А. П. Карпинского и больно его задело.

Приглашали его и в Брюссель на национальный конгресс по различным отраслям знаний, но тот совпадал по времени с заседаниями в Париже, и Александр Петрович вынужден был расстаться с бельгийскими учеными.

В Париже юбилейные торжества были поставлены на широкую ногу: экскурсии по всей Франции и даже Северной Африке, многочисленные встречи с выдающимися учеными страны, банкеты и т. д. Сами же юбилейные заседания проходили в «громадном амфитеатре» Сорбонны. Приветственные речи председателя Французского геологического общества А. Лакруа, его предшественника на этом почетном посту — Термье, многочисленные научные сообщения ученых разных стран увлекли А. П. Карпинского. Сам же он вновь смог выступить только с одним докладом «О кристаллах льда в снежинках».

На обратном пути в Ленинград Александр Петрович и его спутники посетили ряд университетских городов: Страсбург, Фрейбург, Баден и Мюнхен. Затем через Берлин добрались до Штеттина, где, как вспоминает

---

¹⁹ А. П. Карпинский трактовал месторождения платины как постинтрузивный продукт, обязанный своим происхождением взрывному действию летучих компонентов, заключавшихся в глубинном дунитовом массиве.

А. П. Карпинский, «меня ждал, наконец, трехдневный настоящий отдых на пароходе».

Предпринимает он заграничную поездку и в следующем 1931 г.: тоже на два месяца (с 7 мая по 7 июля) и тоже с дочерью. Но на этот раз их маршрут пролегал через Германию в Италию. Главная же цель поездки — 50-летний юбилей Итальянского геологического общества. Заседания проходили в старинном и красивом городе Палермо. Участвовал Александр Петрович и в годовом заседании Римской Академии наук, иностранным членом которой он состоял. На обратном пути он вновь заехал в Мюнхен и даже остановился в той же гостинице, что и в прошлом году.

«Дорогой Алексей Алексеевич, — пишет он из этой гостиницы А. А. Борисяку, — ... Устал я очень, отчего плохо работается, а дело все более усложняется. Со Sm. Woodward'ом и Watson'ом у меня вышли (пока в письменном виде) разногласия относительно природы описанного мною кожного чешуйчатого покрова²⁰. ... Я прошу Вас передать препаратору, что мне бы очень хотелось приготовить микроскопический препарат из чешуек, которые виднеются на узкой стороне препарируемого экземпляра.

Очень, очень устал. Приеду, вероятно, к 1 июля».²¹

Да, возраст берет-таки свое. «Очень, очень устал. ...» А не успел приехать домой, как непрерывные заседания, конференции, встречи. И на каждой надо выступить. Он не отказывается. Выступает.

... 27 июля 1931 г. А. П. Карпинский приветствует в Академии наук английских ученых во главе с Дж. Хаксли. 2 сентября выступает с большой речью на французском языке на открытии I Международной сессии Научного совета Сейсмологического института. (Среди слушателей — директор Геологического института в Геттингене Г. Штилле). 27 сентября 1932 г. Александр Петрович приветствует А. М. Горького по случаю 40-летия его литературной деятельности, а академики Н. С. Державин и С. Ф. Ольденбург сделали специальные доклады. 1 фев-

²⁰ Карпинский А. П. О проблематическом ископаемом из палеозойских слоев Северного Урала. — Докл. Акад. наук, «А», 1930, № 15, с. 387—390 (см. гл. 11).

²¹ ЛО ААН, ф. 265, оп. 6, д. 720, л. 5—6 (письмо от 24 июня 1931 г.).

раля 1933 г. он открывает в большом конференц-зале Академии наук торжественное заседание, посвященное 50-летию научной деятельности его старого испытанного товарища по Академии Сергея Федоровича Ольденбурга, уже тяжело больного, но все же приехавшего на вечер.

26 декабря 1933 г. умер бывший Нарком просвещения академик А. В. Луначарский. А. П. Карпинский выступает с памятными речами на общеакадемическом митинге, на вечере памяти Луначарского, организованном общественными организациями Академии наук... Каждый год — десятки выступлений на самые разнообразные темы.

Академик В. П. Волгин вспоминает: «Он не только систематически участвовал в работе Президиума Академии наук, он был также членом многочисленных комиссий научно-организационного характера. Пересмотр устава, реформа секретариата, реорганизация склада и типографии, постройка здания для Ломоносовского института, разработка вопроса о создании музея науки и техники и положения о комиссии для пособия нуждающимся ученым, — все эти вопросы привлекали внимание Александра Петровича, всем им он отдавал долю своего времени и своей громадной энергии» [37, с. 13].

Но, несмотря на «громадную энергию», он все чаще и чаще жалуется на усталость. «... Я уже несколько дней нездоров и с трудом хожу, — пишет Александр Петрович С. Ф. Ольденбургу 18 февраля 1932 г., — хотя бываю везде, где по службе мне следует быть».²² Он просит Сергея Федоровича, который собирался в Дом ученых на вечер памяти Д. И. Менделеева, извиниться за него, так как приехать он не сможет, нет сил. Не смог он приехать и на собрание в Дом ученых в честь жены Д. И. Менделеева, художницы А. И. Менделеевой. И причина опять грустная: «Сегодня, — пишет А. П. Карпинский 15 сентября 1934 г., — часть моей семьи уезжает в Архангельск, причем с некоторыми уезжающими, особенно моей правнучкой, я расстаюсь, вероятно, *навсегда* (выделено автором, — С. Р.). И я боюсь, что не буду в состоянии сохранить надлежащее настроение».²³

²² ЛО ААН, ф. 208, оп. 3, д. 256, л. 33.

²³ ЛО ААН, ф. 739, оп. 2, д. 58, л. 1 (в Архангельск уезжал А. И. Толмачев с женой и дочкой).

Работа между тем продолжалась. И трудиться надо было, не считаясь ни с силами, ни с возрастом. Одной из новых форм работы Академии наук явились тематические (часто выездные) сессии. Многие ученые возражали против них, полагая, что сужение тематики понижает интерес к сессиям. На этот раз престарелый президент показал пример того, как надо относиться к новому. «Академия наук, — говорил Александр Петрович, — есть такое коллегиальное учреждение, в котором ученые, помимо своих собственных работ, обязаны до известной степени помогать друг другу в тех специальностях, которые, может быть, и дальше от того или иного ученого, но к которым необходимо привлечь внимание всех».²⁴

Уже в 1931 г. состоялись две выездные сессии Академии наук. В июне сессия прошла в Москве. Ее тема — «Что может дать наука для осуществления лозунга: догнать и перегнать капиталистические страны». Вторая сессия (ноябрьская) состоялась в Ленинграде. Тема ее была весьма актуальной: «Производственные ресурсы и перспективы развития производительных сил Ленинградской области». Торжественное открытие сессии состоялось 25 ноября в большом зале Ленинградской филармонии. Открыл ее президент Академии наук СССР А. П. Карпинский. Сессия эта также была выездной, хотя и проходила «дома»: 35 бригад Академии наук посетили многие промышленные предприятия города. С одной из них на заводе «Русский дизель» побывал А. П. Карпинский и был избран «почетным ударником завода».

Но особенно памятной и волнующей для А. П. Карпинского была выездная сессия Академии наук 1932 г., ибо проходила она в его родном Екатеринбурге (ныне Свердловске), в котором он не был с конца прошлого века! Александр Петрович не мог не поехать туда. И хотя дочери усиленно отговаривали, он был тверд. Оказывается, и старость имеет свои преимущества — старики упрямы!

Итак, он в Свердловске. С трудом узнает когда-то знакомый до мелочей город. Сколько перемен... Хотя в целом город изменился мало. «Свердловск 1932 г. не утратил еще вполне черт старого провинциального русского г. Екатеринбурга с его немощеными или плохо

²⁴ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1929, д. 126, л. 148.

мощеными улицами, тучами пыли, старомодными деревянными и каменными домами, неуклюжими бульварами, традиционными каланчами, на вышках которых продолжают еще сонно крутиться дежурные пожарные, с небольшими и технически отсталыми промышленными предприятиями» [133, с. 7].

Открытие сессии состоялось 4 июня на сцене городского театра. Тема ее актуальна для уральцев: «Проблемы Урало-Кузбасского комбината». Зал поэтому переполнен. На трибуне Александр Петрович Карпинский. Его доклад обзорный: «О некоторых проблематических геологических процессах и ископаемых Урала». П. И. Лебедев вспоминал впоследствии: «Александр Петрович перед докладом беспокоился и волновался, как рядовой участник этой ответственной сессии. Отвергая все наши попытки, попытки окружавших его геологов, развесить на досках приготовленные им чертежи, Александр Петрович сам стремился приколоть их кнопками и расположить их в нужном порядке. . . Доклад был прослушан с глубоким вниманием и вызвал оживленное обсуждение» [94, с. 56]. В нем А. П. Карпинский дал обзор своим старым работам по Уралу. Он говорил о березите, о никелевых месторождениях в Ревдинском округе, о платиновых месторождениях: («До сих пор представителем моей точки зрения являюсь я один»²⁵), о своих палеонтологических работах. Выступил он, конечно, и при закрытии сессии в Свердловске. Далее ученые переехали в Новосибирск, где сессия продолжила работу. Туда, однако, Александр Петрович не поехал — это было уже выше его сил. Но для комсомольцев Свердловска он успел написать небольшую заметку для их газеты, в которой приветствовал новый почин молодежи — «использовать свои летние прогулки и экскурсии для целей разведки недр».²⁶

Летние месяцы 1932 г. А. П. Карпинский с дочерьми и внучкой проводит на Сиверской. Но и тут его не оставляют в покое. Корреспондентку интересует: что читает президент Академии наук? Приходится отвечать: «Летом, во время кратковременного пребывания за городом, — терпеливо говорит Александр Петрович, — куда я беру с собой только одну какую-нибудь из своих незакон-

²⁵ Карпинский А. П. О некоторых проблематических геологических процессах и ископаемых Урала. Доклад. Л., 1932, с. 3.

²⁶ ЛО ААН, ф. 265, оп. 3, д. 19, л. 1.

А. П. Карпинский в Сыктывкаре, 1933 г. (Публикуется впервые).

ченных работ, я отдыхаю иногда и за чтением изящной литературы. Но, к сожалению, на это времени у меня мало. Разумеется, такой порядок (или, вернее, беспорядок) чтения не может считаться типичным для научного работника, и в данном случае он чисто индивидуален и является следствием и личного характера, и условий жизни, и возраста».²⁷

С осени вновь напряженная работа. С 12 по 19 ноября в Ленинграде проходит торжественная юбилейная сессия

²⁷ Там же, оп. 3, д. 46, л. 21.

Академии наук, посвященная 15 годовщине Октябрьской революции. Вновь на трибуне Большого зала Филармонии А. П. Карпинский. И вновь с бригадой ученых он едет на заводы Ленинграда: «Красный путиловец» (вместе с ним С. Г. Струмилин, Н. М. Тулайков, А. Е. Ферсман и В. Ю. Ган) и «Русский дизель» (вместе с А. Ф. Иоффе, И. М. Виноградовым, В. В. Осинским и П. М. Никифоровым). На последнем заводе его приветствовали, как своего, ведь он почетный ударник. «Я живу уже 86 лет, — говорил А. П. Карпинский рабочим, — сколько вещей, казавшихся прекрасной сказкой, увлекательной фантазией, стали за последнее время явью».²⁸

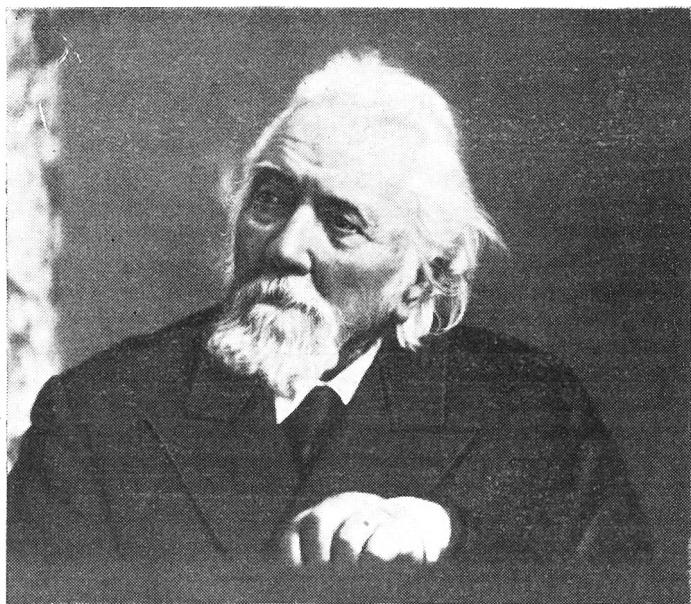
Но, пожалуй, самое героическое предприятие осуществил А. П. Карпинский летом 1933 г. — в возрасте 87 лет он возглавил академическую бригаду, выехавшую в северные районы страны: Вологду, Архангельск, Котлас и Сыктывкар. Поездка длилась две недели — с 5 до 20 июня. Вместе с Александром Петровичем ездили А. Е. Ферсман и С. Л. Самойлович, а также оба внука президента: Павел и Александр Толмачевы. В Сыктывкар приплыли на пароходе. Вот как вспоминает эту поездку А. И. Толмачев: «Мы жили на пароходе, а обеды и ужины были организованы для нас в здании Детского дома... И когда машина, в которой приезжал Александр Петрович, останавливалась у калитки сада, веселые крики: „дедушка Карпинский, дедушка Карпинский“ возвещали всем о прибытии человека, только что появившегося в городе, но так быстро завоевавшего симпатии его жителей. И Александр Петрович шел через сад веселый, неизменно в окружении шумной детворы».²⁹ Его избрали пожизненным членом Президиума Коми облисполкома, и он долго еще носил на пиджаке депутатский значок.

В конце 1933 г. в жизни Академии наук произошло важное событие. Для достижения более полной связи работы Академии с практикой социалистического строительства и установления планомерного и тесного сотрудничества с наркоматами и Госпланом 14 декабря 1933 г. ЦИК СССР принял постановление «О передаче Академии наук СССР в ведение Совета Народных Комиссаров СССР». А 25 апреля 1934 г. Совнарком постановил перевести Академию в Москву.

²⁸ Вестн. Акад. наук СССР, 1932, № 12, с. 17.

²⁹ ЛО ААН, ф. 265, оп. 2, д. 49, л. 6—7.

А. П. Карпинский, 1933—1935 гг. (Публикуется впервые).

Работала специальная правительственная комиссия, определявшая порядок перевода научных учреждений с тем, чтобы в минимальной степени это отразилось на научной работе. В первую очередь переезжал Президиум Академии, а также физико-математические, химические, геологические и частично биологические учреждения. Сроки на переезд были отпущены жесткие — с августа по октябрь 1934 г. За это время в Москву из Ленинграда перебрались академики А. А. Борисяк, С. И. Вавилов, В. И. Вернадский, И. М. Виноградов, В. А. Кистяковский, Н. С. Курнаков, Г. А. Надсон, В. А. Обручев, А. А. Рихтер, А. Е. Ферсман и др. Членам Академии наук было выделено 58 квартир площадью 4350 м², т. е. в среднем 75 м² на каждую семью (как тут не вспомнить эпопею с «уплотнением» времен гражданской войны). Для Президиума был предназначен прекрасный дворец в Нескучном саду.

А как же А. П. Карпинский?.. Он еще в Ленинграде. И похоже не торопится с переездом. Он понимал неиз-

бежность перевода Академии в столицу, понимал, что гораздо проще и лучше для дела, когда находишься «под рукой» у начальства и можно без проволочек решать любые вопросы. Все это он понимал. И все же не мог расстаться с городом, в котором прожил почти 77 лет. Жить ему оставалось немного и не хотелось в конце жизни делать такие крутые развороты. Но он президент! И не может президент оставаться в Ленинграде, когда Академия в Москве. Конечно, он знал это, но все оттягивал решающий для себя шаг.

В июне 1934 г. он едет в Москву, осматривает помещение Президиума (конечно, не то, что Ленинградское, но все же неплохое: Нескучный дворец уютен), здания для институтов; вместе с архитекторами и строителями выбирает места для строительства новых учреждений, а 28 июня едет в Кремль. Его принимает Председатель ЦИК СССР М. И. Калинин.

Но и дома, в Ленинграде, у президента много хлопот: не так-то просто и не так-то быстро удастся организовать перевод научных учреждений Академии в столицу. 10 ноября 1934 г. Александр Петрович пишет В. Л. Комарову.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Леонтьевич.

Я очень, очень сожалею, что не мог выехать в Москву на Казахстанскую конференцию, куда я, ввиду ее большого научного интереса, непременно хотел приехать и остаться в Москве до ноябрьской сессии Академии.

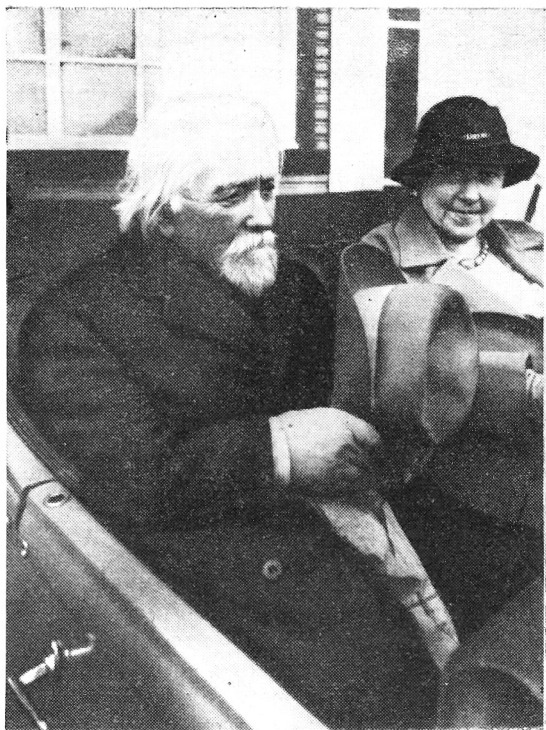
Я полагал, что мое нездоровье не могло препятствовать этой поездке, но мои родные, к мнению которых присоединился и доктор, нашли это невыполнимым. Но случилось и другое обстоятельство: моя внучка,³⁰ ученица последнего класса в семиклассной советской школе, после первой массовой явки всех учениц в школу захворала дифтеритом и отрезала меня от общения с внешним миром. В моей большой квартире я совершенно изолирован от больной и считаю себя совершенно безвредным для других, которые, однако, могут думать иначе...

В связи с переездом Академии в Москву у меня страшно много работы и притом спешной. Занят без перерыва и ночи почти не сплю...³¹

А. П. Карпинский еще житель Ленинграда, а его выбирают членом Моссовета: торопят, торопят президента в Москву, а он все оттягивает.

³⁰ Александра Васильевна Балтаева-Нехорошева.

³¹ Цитировано по фотокопии письма, хранящегося у А. В. Балтаевой.

А. П. Карпинский с дочерью Евгенией Александровной после возвращения из поездки в Англию, июль 1935 г.

И вот наступает 1935 г. 6 февраля на VII Всесоюзном съезде Советов А. П. Карпинский избирается членом ЦИК СССР — почетная и ответственная нагрузка! Членский значок он не снимет до самой смерти.

... В апреле снова представляется возможность оттянуть переезд. Саратовскому университету им. Н. Г. Чернышевского и Саратовскому медицинскому институту 25 лет. Академия наук направляет свою делегацию на эти торжества. Александр Петрович просит включить и его. Как его не отговаривали, настоял. 9 апреля вместе с академиками А. Д. Архангельским и Н. Д. Зелинским выехал в Саратов.

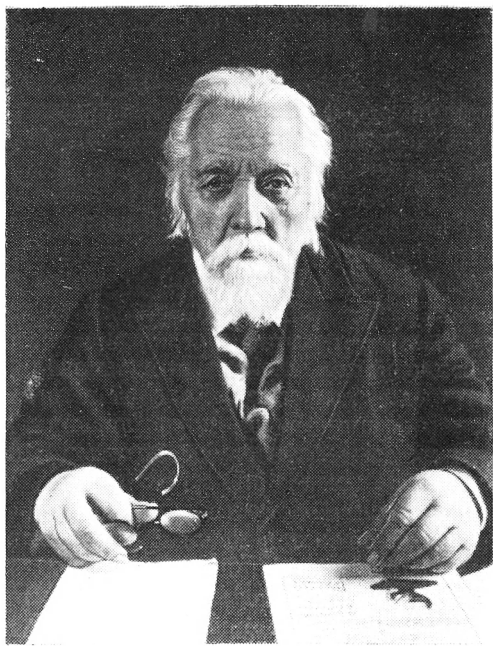
... В мае новое «обстоятельство» — операция глаза. Дело в том, что в последние годы Александр Петрович стал резко терять зрение. «Микроскоп съел мой правый глаз», — невесело шутил он. Он уже не мог читать, с трудом писал. Голова же по-прежнему ясная, и он вполне еще может работать. Да, все это так. Но операцию ведь можно сделать в столице. В Москве великолепные клиники, прекрасные врачи... Нет! Только в Ленинграде и никаких клиник. Только дома! Упрямый народ — старики...

21 мая 1935 г. он пишет непременно секретарю: «Вследствие предстоящей мне в текущем месяце глазной операции я, к сожалению, лишен возможности принять участие в работах открывающейся 25-го мая сессии Академии». Кажется, это первая сессия Академии наук с 1886 г., которую пропустил А. П. Карпинский.

Между тем его тщательно обследовали. Проверили сердце, давление. Все в порядке. Профессор Хербст удивлен: в 88 лет такое сердце! Операцию взялся делать опытный офтальмолог Ю. Н. Протопопов. И он не смог убедить упрямого пациента лечь в клинику. Пришлось приезжать с саквояжем на квартиру. 28 мая 1935 г. искусный доктор за пятнадцать минут удалил катаракту и, наложив на глаза тугую повязку, приказал лежать, не двигаясь. Александра Александровна, младшая его дочь, не отходила от отца все 18 дней, пока он должен был лежать. Днем выручала внучка, читавшая деду вслух, а по ночам приходилось «смотреть в оба», так как больной зачастую забывался и порывался сдернуть мешавшую ему повязку.

И вот наконец долгожданный день. Александр Петрович очень волновался, пока Ю. Н. Протопопов снимал повязку. Но раскрыл глаза и радостно, по-детски, заулыбался. Он видит! И не плохо видит. Он даже может сосчитать мраморные колонны у особняка на противоположном берегу Невы. Теперь он будет работать только в очках — так велел доктор. 17 июня в «Известиях» на первой полосе заметка — «Академику Карпинскому возвращено зрение».

Итак, наконец он едет... Да. Но не в Москву, а в Лондон. Александр Петрович получил приглашение на празднование 100-летнего юбилея старейшего в мире Геологи-

*А. П. Карпинский перед переездом в Москву,
1935 г.*

ческого общества Великобритании. Он решает воспользоваться им. 25 июня 1935 г. вместе со своим верным помощником и заботливым опекуном Е. А. Толмачевой-Карпинской он садится на пароход «Ян Рудзутак» и отплывает в свою последнюю в жизни командировку. В Англии провел он около двух недель: присутствовал при торжественном открытии музея прикладной геологии и, конечно, на празднествах в честь 100-летия английского Геологического общества. На торжественном заседании председательствовал выдающийся английский ученый — физик Э. Резерфорд. 10 июля сэр Роберт Хадфильд — металлург, почетный член АН СССР с 1933 г. — устроил завтрак в Карлтон Хауз Террас (Лондон) в честь А. П. Карпинского. Александр Петрович произнес речь на английском языке.

В Лондоне он купил массу редких книг по геологии: все для Библиотеки Академии наук. Обратно в Ленин-

град плыли на теплоходе «Смольный». Домой вернулся 18 июля.

Ну, теперь-то уж, конечно, в Москву?.. Нет. Он устал после командировки. Татьяна Александровна (его средняя дочь) с помощью своих знакомых художников сняла для отца небольшой домик в Юкках, на базе Академии художеств. Часто вечерами беседовал он с И. И. Бродским, жившим по соседству, с удовольствием присутствовал при шумных дискуссиях художников и искусствоведов, приходивших к дочери. Одна из гостей их дома, художница С. Г. Венгеровская, даже нарисовала карандашный — и довольно удачный — портрет Александра Петровича и вместе с небольшой заметкой «Как я рисовала А. П. Карпинского» опубликовала его в «Красной газете» в 1936 г., уже после смерти президента Академии наук. С. Г. Венгеровская вспоминает живость и оптимизм Александра Петровича и его слова: «Я хочу жить... Интересно жить... Люблю жизнь...»

В Юкках он прожил месяц. Оттягивать переезд в Москву более нельзя. 22 августа 1935 г. «Известия» сообщают: «Президент Академии наук СССР академик А. П. Карпинский переезжает в Москву!» Ему выделили целый двухэтажный особняк на Пятницкой, дом 33. Специально к его приезду отремонтировали: художники восстановили лепные украшения в комнатах, отделали стены гобеленами, реставрировали зимний сад. Даже мебель во всех 12 комнатах была расставлена.

Управление Октябрьской железной дороги выделило для президента специальный вагон-салон. 30 августа на вокзале устроили ему теплые и торжественные проводы — были представители всех академических институтов Ленинграда. Не скрывал он: не хочет уезжать, ох, как не хочет! Но надо — Академия уже год как в Москве.

И вот — Москва! На вокзале он видит радостные лица А. А. Борисяка и А. Е. Ферсмана. Цветы, объятия... На площади ждет машина. Теперь она его, «президентская». Приехав же в особняк, он только развел руками: «Здесь все так хорошо, что мне просто стыдно жить в такой квартире» [101, с. 14].

А когда перед новым 1936 г. корреспондент газеты попросил его написать о самых важных событиях уходящего года, Александр Петрович признался: «Самым за-

метным, если не самым крупным, событием в моей жизни за 1935 год надо считать мой переезд в Москву, но потому лишь, что в возможность этого, как я убедился, никто не верил, ни в Ленинграде, ни в Москве».³²

«Никто не верил», а ждали. Академия очень любила своего старого президента, он был ей нужен. «Мы можем прямо сказать, — отмечал впоследствии Глеб Максимилианович Кржижановский, — что в эти последние годы, когда Академия перестраивалась на новых путях, когда нам чрезвычайно важно было сомкнуть ряды, в этой трудной работе он своим поучительным примером ободрял нас и создавал то согласие в наших рядах, без которого нам трудно было бы работать».³³

Глава 20. Накануне четырех юбилеев

1936 год А. П. Карпинский встретил в Москве, в новом президентском особняке, в кругу семьи. Чувствовал он себя хорошо: был бодр, энергичен, полон планов на предстоящий год. Накануне нового года он писал: «Мое основное пожелание для себя лично на будущий год — закончить подготовку к печати двух остальных выпусков моих исследований на восточном склоне Урала, ибо это будет ликвидацией того, что я считаю своим научным долгом».¹

Более тридцати лет собирался Александр Петрович завершить эту капитальную работу. Собственно, не столько закончить ее написание, сколько собрать уже написанное, но разошедшееся по рукам; посмотреть на этот труд «новыми глазами», дополнить свежими данными и сдать в печать. Еще в 1909 г. он писал: «Ввиду того что провинциальным читателям „Горного журнала“ и лицам, интересующимся рассматриваемыми месторождениями, затруднительно собрать относящиеся до последних литературные данные и указания, мне казалось не лишним опубликовать в „Горном журнале“ одну из заключительных глав моей большой работы об Урале...

---

³² ЛО ААН, ф. 265, оп. 3, д. 13, л. 2.

³³ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1936, д. 4, л. 2.

¹ ЛО ААН, ф. 265, оп. 3, д. 13, л. 2.

давно уже написанную и в рукописи известную некоторым геологам» (курсив мой, — С. Р.).²

Выполнить этот труд Александру Петровичу так и не удалось — не успел он собрать воедино все разошедшиеся главы. (Не смогли этого сделать в последующие годы и издатели «Собрания сочинений А. П. Карпинского». Они, правда, разыскали большинство глав, но не все, а найденные составили целый том этого «Собрания». Работа, видимо, была действительно капитальной).

На 1936 г. приходились четыре «круглые» юбилейные даты: 90 лет со дня рождения президента Академии наук, 70 лет его научной деятельности, 50 лет со дня избрания в Академию и 20 лет с момента выбора на президентский пост. Не успел он отметить лишь первую из названных — свое девяностолетие. . .

Академия наук задолго готовилась к этим торжествам. Было решено отметить все даты сразу — в январе 1937 г. Выбрали даже представительный юбилейный комитет: В. Л. Комаров, А. Д. Архангельский, А. А. Борисяк, Э. В. Брицке, Н. П. Горбунов, И. М. Губкин, А. М. Деборин, Г. М. Кржижановский, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, В. А. Обручев, А. А. Скочинский, А. Е. Ферсман и Н. М. Федоровский. Разрабатывалась программа торжеств, рассылались приглашения и уведомления, готовили юбиляру много приятных сюрпризов.

7 февраля 1936 г. исполнилось ровно 50 лет с того достопамятного дня, когда молодой А. П. Карпинский впервые по-хозяйски поднялся по ступеням величественного здания Петербургской Академии наук. В этот день он стал ее адъюнктом. Общее собрание Академии наук направило своему президенту приветствие в связи с этой датой, а новый непреременный секретарь академик Н. П. Горбунов в тот же день, на открытии сессии Отделения общественных наук, посвященной 100-летию со дня рождения Н. А. Добролюбова, произнес большую теплую речь об Александре Петровиче Карпинском «Замечательный юбилей».

Разумеется, А. П. Карпинский понимал, что ему не удастся на этот раз (как он сделал 20 лет тому назад) скрыться от этих торжеств. Не удастся провести их так,

---

² Карпинский А. П. Мезозойские угленосные отложения восточного склона Урала. — Горный журнал, 1909, т. III, № 7, с. 53.

как ему хотелось бы: скромно, у себя дома, в кругу родных и друзей. Слишком он был на виду и слишком популярной стала фигура президента Академии наук. С неотвратимостью надвигающихся юбилеев он уже смирился. Заботило его только одно — очень уж ему не хотелось, чтобы на него смотрели только как на живую историю, чудом сохранившееся ископаемое эпохи (страшно подумать!) Николая I. Сил у него уже, правда, маловато, зато голова ясная.

С удовольствием посещает он все заседания Академии и отдыхает, слушая других. С юношеской жадностью он впитывает все новое, что появилось за эти годы в науке. «Нужна была особая одаренность, — писал Б. Л. Личков, — чтобы за эти 70 лет научной работы, достигнув 90-летнего возраста, не только не отстать от окружающей жизни и от хода науки, но быть в рядах ее авангарда и все время двигать науку вперед» [98, с. 10]. «На девятом десятке жизни, — говорил впоследствии С. И. Вавилов, — Александр Петрович своим личным присутствием, своими вдохновенными словами поднимал дух, настроение многих научных собраний, совещаний, конференций. Академия наук, в которой он проработал свыше полувека, была для него родной и своей во всей ширине и глубине» [35, с. 10].

Да, Академия наук была для него «родной и своей». Но был ли он «своим» для Академии? В последние годы это его крайне беспокоило. Новое пополнение, значительно омолодившее этот центр научной мысли страны. — как-то оно воспринимает старого президента? Знаменательно в этом плане признание его старшей дочери Евгении Александровны: «Я хочу особенно отметить последние месяцы жизни Александра Петровича, после его переезда в Москву, когда систематическое привлечение его к участию в жизни Академии и во всех ее начинаниях *восстановило и укрепило в нем сознание того, что он Академии нужен*, не покидавшее его до самого конца» (курсив мой, — С. Р.).³ И эту свою «нужность» Академии Александр Петрович старался поддержать активным участием во всех ее начинаниях. Последний год жизни А. П. Карпинского весьма насыщен.

---

³ ЛО ААН, ф. 265, оп. 2, д. 42, л. 3.

... 22 августа 1935 г. его избирают почетным председателем Оргкомитета XVII сессии Международного геологического конгресса в Москве, до открытия которой остается меньше двух лет. 28 сентября того же года А. П. Карпинский становится членом Редсовета академического издания полного собрания сочинений А. С. Пушкина, которым Академия наук решила почтить 100-летие со дня гибели гения русской поэзии. 10 октября Александр Петрович в МГУ. Он приехал сказать свое слово в память скончавшегося академика М. А. Мензбира, крупнейшего зоолога. 23 ноября Александр Петрович выступает на заседании Совнаркома СССР по вопросу о новом уставе Академии наук.

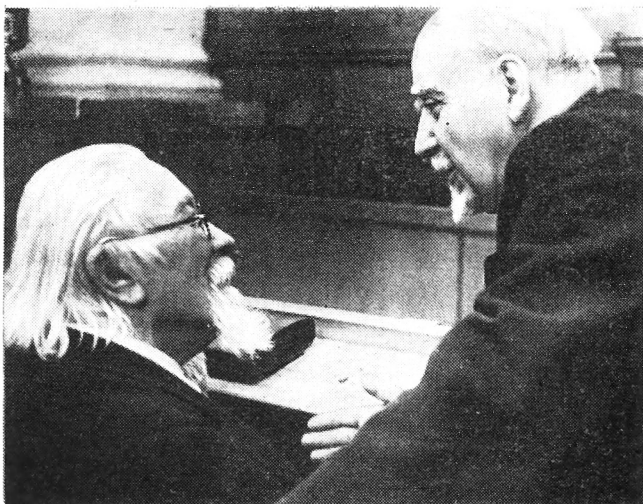
По-прежнему он в гуще и геологических работ: участвует в заседаниях геологической группы Академии, подбирает для публикации свои старые рукописные работы по восточному склону Урала, консультирует молодых геологов и т. д.

... В 1935 г. на Южном Урале, в полосе развития артинских отложений работал молодой геолог, сотрудник ЦНИГРИ (преобразованный Геологический комитет) А. В. Хабаков. Он хочет собрать коллекцию артинских аммоноидей, т. е. повторить сборы А. П. Карпинского более чем сорокалетней давности. Сколько воды утекло с тех пор. Даже старожилы не припомнят упоминавшихся Александром Петровичем названий местности. А уж на картах их нет и подавно. И А. В. Хабаков пишет президенту Академии наук: спрашивает — где находится гора Ханыш, «возле которой была собрана часть описываемых Вами аммоней (в работе об аммонейх артинского яруса)... Надеюсь показать Вам некоторые замечательные находки сразу же по приезде — в октябре».⁴ Разумеется, Александр Петрович ответил А. В. Хабакову. Но новых названий он не знал, он смог только более подробно описать, где надо искать наиболее важные обнажения. Осенью они встретились, и А. П. Карпинский искренне радовался, что его старая работа не забыта, что ею пользуются и поныне и что новое поколение геологов старается развивать высказанные им идеи.

20 ноября 1935 г. А. П. Карпинский вновь, уже в пятый раз, избирается президентом Академии наук СССР

---

⁴ Там же, оп. 6, д. 632, л. 3.

*А. П. Карпинский и Г. М. Кржижановский беседуют
в перерыве заседаний второй сессии ЦИК СССР VII
созыва (январь 1936 г.).*

на очередной пятилетний срок. Причем и на этот раз избирается единогласно (70:0). А 23 ноября Совет Народных Комиссаров утверждает новый устав Академии, по которому она становится центром не только теоретических, но и прикладных наук. Открывается Отделение технических наук, резко расширяется сеть научно-исследовательских институтов. И такой громадной армией ученых должен был руководить 90-летний президент. Это отнюдь не дань традиции или привычки. Нет, он действительно был нужен Академии — этот не очень-то подвижный, но по-прежнему мудрый и спокойный старец...

В конце 1935 г. он немного прихворнул и даже пропустил из-за этого ноябрьскую сессию Академии (президентом его выбрали заочно, в его отсутствие), но зато в 1936 г. встретил бодрым и полным сил.

... 17 января в Академию наук пригласили несколько десятков московских школьников, отличников учебы, чтобы они могли встретиться с ведущими учеными страны. Выступил на этой встрече и А. П. Карпинский. Он звал молодежь в науку, говорил о том, что Наука принимает только пытливых, знающих людей, и совето-

вал школьникам с юных лет развивать в себе то, без чего ученый состояться не может, — любовь к факту, умение найти ему место в общей системе знаний, критическое отношение ко всему, что обычные люди принимают на веру.

Ночью 27 февраля позвонили из Ленинграда — умер Иван Петрович Павлов, великий русский ученый, сверстник А. П. Карпинского, старый и ершистый его друг. Александр Петрович страшно разволновался... Да, зажил, зажил он на этом свете. Вот и Ивана Петровича нет, а он даже не в состоянии приехать, чтобы похоронить одного из последних старейшин Академии. Он садится за стол и спешит выразить на бумаге переполнявшие его чувства. К утру статья «Огромная утрата» готова. Напечатали ее в ближайшем номере (№ 3) «Вестника Академии наук СССР» за 1936 г.

Но жизнь продолжается, и очень насыщенная событиями жизнь старого президента — не исключение. С 6 по 9 марта А. П. Карпинский принимает активное участие в совещании руководителей филиалов и баз Академии наук, на котором он выслушивал многочисленные доклады представителей филиалов Академии, фиксировал (для памяти) важнейшие их нужды и заботы, участвовал в разработке общей линии по координации работы Академии. А уже с 14 марта — сессия Академии наук, посвященная главным образом путям развития физики. Сессия продлилась неделю, и все дни участники видели в президиуме согбенную фигуру А. П. Карпинского. Оперев голову на правую руку, он внимательно слушал докладчиков, а при закрытии сессии произнес речь.

Утром 21 марта А. П. Карпинский приехал в Ломоносовский институт. Здесь началось трехдневное совещание геологической группы Академии наук. Это совещание пропустить он никак не мог: ведь он не только президент Академии, но и геолог. Проблемы же, которые предстояло им обсудить, знакомы Александру Петровичу еще с геологовских времен — это геологическая изученность территории СССР и состояние работ по составлению геологической карты Союза. Для обозрения были выставлены составленные ранее карты и среди них, конечно, 60-верстка 1893 и 1915 гг., выпущенная Геологическим комитетом под редакцией А. П. Карпинского.

... Как давно и как недавно это было — напряженная работа кучки первых геолкомовцев, стыковка листов карты за длинным «присутственным» столом в уютном, но тесном особняке Васильевского острова. А теперь эти карты устарели. Надо разворачивать работу по составлению новых карт — и не только Европейской России, а всего Советского Союза. Чувствовал он — не дожидаться ему конца этой работы и потому особенно внимательно и придирчиво вслушивался в выступления геологов.

Наступил апрель 1936 г., тоже напряженнейший месяц в жизни президента Академии наук. 11 апреля Александр Петрович принимает активное участие в заседании юбилейного Пушкинского комитета Академии, ведь не за горами 100-летняя годовщина со дня гибели поэта. А вечером 19 апреля к особняку на Пятницкой улице была подана машина: А. П. Карпинский вместе с делегацией Академии наук поехал приветствовать X Съезд комсомола.

Когда Александр Петрович, которого заботливо вели под руки молодые ученые, появился на сцене, зал встал и овацией приветствовал старейшину Советской науки. Ему тяжело было стоять. Подали стул, и А. П. Карпинский сел. Съезд же стоял и аплодировал. Когда овации смолкли, Александр Петрович тяжело поднялся со стула и подошел к трибуне. В напряженной тишине зала звучал, усиленный микрофонами, его старческий, но очень бодрый голос: «... Запасайтесь беспощадной самокритикой, скромностью, так свойственной почти всем искателям истины, с благодарностью прислушиваясь к основательным возражениям на ваши выводы, ибо, по выражению Леонардо да Винчи, „противник, ищущий Ваши ошибки, полезнее для вас, чем друг, желающий их скрыть“». ⁵ Надолго запомнили молодые делегаты съезда эти слова.

22 апреля Президиум Академии наук принимал министра иностранных дел Норвегии Халвдан Кот. Александр Петрович произнес приветственную речь. На следующий день А. П. Карпинский вновь в Ломоносовском институте. На сей раз геологическая группа Академии обсуждает проблему олова. И все три дня активнейшее участие в этом совещании принимает А. П. Карпинский.

---

⁵ Вестн. Акад. наук, 1936, № 7, с. 1.

В мае 1936 г. биологическая группа Академии наук провела очередную научную сессию. С речью на ней выступил А. П. Карпинский. Он говорил о конхоспирали, о необходимости привлечения математики для более глубокого познания биологических закономерностей, о проблемах эволюции. Несколькими днями ранее, 5 мая, он едет в Зоологический институт при МГУ на вечер памяти академика М. А. Мензбира и делится своими воспоминаниями. А 7 мая геологическая группа Академии наук созывает четырехдневное совещание по экспериментальной минералогии и петрографии. И все дни в зале внимательно слушающий А. П. Карпинский.

Сколько энергии, жажды знаний и просто желания активной жизни у этого почти девяностолетнего старца! Бесконечные приемы, конференции, заседания, чествования и т. п. — в какой-то мере мероприятия обязательные для А. П. Карпинского — обязывало положение. Но участвовал в них он совсем не по этой причине: он просто не мог, будучи живым, не жить активной деятельной жизнью. Не мог он доживать свои дни в президентском особняке, сделав из него приемную президента Академии наук. Не таков он был всю жизнь, не таким он остался и в последние месяцы своей жизни. Ходил он с трудом, чаще всего его водили под руки, и тем не менее каждый день куда-то собирался, куда-то спешил. Нет заседаний в Академии, зато в Третьяковке выставка одного из любимых его художников, старого его петербургского знакомого И. Е. Репина. И 13 мая он спешит туда и подолгу сидит перед хорошо знакомыми полотнами.

Подшло лето. Дачу сняли в Удельной, под Москвой. Но выехал туда Александр Петрович только 15 июня. Накануне он вместе с большой группой ученых Академии (Н. П. Горбунов, И. М. Губкин, А. Д. Архангельский и др.) был принят Г. К. Орджоникидзе. Разговор шел об увеличении сырьевой базы для тяжелой промышленности. На прощанье сфотографировались.

Но вот и дача. Можно, казалось бы, и отдохнуть. Он так и собирался: отложить все дела и хотя бы месяц понаслаждаться чудесной подмосковной природой. Было у него, правда, одно дело — обещал журналу «Юный натуралист» статью, но он уже продумал, о чем писать, и дело это не представлялось ему сложным. Однако неожиданно 19 июня он почувствовал резкие боли в желудке.

Группа ученых Академии наук во главе с А. П. Карпинским на приеме у Г. К. Орджоникидзе. Сидят (слева направо): Г. К. Орджоникидзе, А. П. Карпинский, А. Д. Архангельский, А. В. Винтер; стоят: Г. М. Кржижановский, И. М. Губкин, Б. Е. Веденеев.

Пришлось лечь в постель. Срочно прибывшие из Москвы врачи поставили диагноз — острый энтероколит в тяжелой форме. Предписали строгий постельный режим. С ним дочери — Евгения и Александра. Тут же и шестнадцатилетняя внучка. Врачи оставили дежурных медсестер и уехали.

Он терпеливо переносил свои страдания. Временами боль отпускала, и тогда он просил читать ему вслух, а 27 июня даже сам взялся за перо, вспомнив о статье для «Юного натуралиста». Эту свою последнюю статью, адресованную детям, Александр Петрович писал с перерывами с 27 июня по 6 июля. Назвал он ее «Как я разгадал одну загадку природы».⁶ Вспомнил в ней свое дет-

⁶ Юный натуралист, 1936, № 8, с. 4—5.

ство на Урале, первые детские впечатления о наблюдениях за пузырьками болотного газа и то, как они емугодились спустя 70 лет, когда он пытался установить природу палеодиктион, загадочной проблематики, показанной ему академиком В. А. Обручевым.

3 июля состояние больного резко ухудшилось. Упал пульс, сердце работало с перебоями. Но 7 июля — вновь улучшение: появился аппетит, температура стала нормальной. 9 июля «Правда» сообщает о состоянии здоровья президента Академии наук А. П. Карпинского. 10 июля вновь резкое ухудшение: появилась аритмия сердечной деятельности. 11 июля все центральные газеты печатают очередной бюллетень, подписанный лечащим врачом, профессором Р. А. Лурия. 13 июля газеты сообщили: «Положение больного тяжелое». 14 июля он просит свою старшую дочь позвонить в Москву и передать его извинения, — по всей вероятности, он пропустит 15 июля заседание Президиума. Вечером 14 июля за четыре часа до смерти он еще самостоятельно вставал, а за два часа впал в забытие.

Вспоминает внучка А. П. Карпинского Александра Васильевна Балтаева-Нехорошева, которую в семье Карпинских называли Кисей: «Александр Петрович не сердился, не раздражался, был приветлив с сестрами милосердия, с врачами, с навещавшими его знакомыми. Просил только знакомых заходить к нему на минутку. Он быстро уставал. Умирал он в жаркую летнюю ночь. Где-то близко проходила гроза. Было очень душно. Из-за комаров окна были затянуты марлей. Марлю сняли. Это мало помогло. Зарницы освещали комнату. Электричество едва горело. Зажгли свечу. Почти одновременно со смертью Александра Петровича электричество погасло. Погасла и догоревшая свеча».⁷

15 июля в 1 час 50 минут ночи Александр Петрович Карпинский скончался.

А. Е. Ферсман, навестивший Александра Петровича 11 июля, вспоминал: «Я видел, как он напрягает внимание, слушая мои рассказы о последней поездке за гра-

---

⁷ Воспоминания эти А. В. Балтаева-Нехорошева писала по просьбе Г. А. Князева, бывшего директора Архива Академии наук. Но они остались неопубликованными. Она любезно познакомилась с ними автора этих строк.

ницу, о научных новостях у французских и бельгийских геологов, о новых задачах нашей работы на Урале... Оказалось, что до самых последних дней Александр Петрович был в курсе всех этих научных событий».⁸

Наутро 16 июля все академические учреждения вывели траурные флаги. В конференц-зал Президиума Академии наук стали собираться академики. К 12 часам зал был полон. В тот же день гроб с телом А. П. Карпинского перевезли в Москву и установили в Большом зале Консерватории. За два дня мимо гроба прошло свыше 200 000 человек. Похоронили А. П. Карпинского на Красной площади, у Кремлевской стены.

До своего четвертого юбилея — девяностолетия — Александр Петрович Карпинский не дожил чуть менее полугода...

---

⁸ Комсомольская правда от 16 июля 1936 г.

Минули годы...

Через несколько дней после смерти А. П. Карпинского супруги О. А. и Д. С. Рождественские прислали Евгению Александровне письмо, в котором есть замечательные строки: «Судьба, природа и история, а также его собственная мудрость и забота близких дали Александру Петровичу жизнь долгую как бы для того, чтобы выполнить свою прекрасную задачу до конца. Но самая эта долгая жизнь, самая неувыдающая молодость того, кто вчера ушел навсегда в огне, — как бы приучили нас к мысли о его „божественном бессмертии“. И, как сказал один русский историк об одном русском поэте: „мы думали, что он живет и не может не жить, как небо синее и не может не синеть...“».¹ «Люди нашего возраста, — писал академик В. И. Вернадский старшей дочери А. П. Карпинского, — переживают этот уход иначе, чем молодое поколение. Мне хотелось бы, чтобы Вы возможно скоро дали нашей стране „Жизнь и переписку А. П. Карпинского“, Вашего отца, к которому Вы стояли так близко всю его жизнь...».² Пожеланию этому, однако, не суждено было сбыться, хотя Евгения Александровна пережила отца почти на 30 лет.

Совет Народных Комиссаров СССР 17 июля 1936 г. принял Постановление «Об увековечении памяти Президента Академии наук СССР академика А. П. Карпинского», а Президиум Академии наук создал соответствующую комиссию под председательством академика

---

¹ ЛО ААН, ф. 265, оп. 2, д. 43, л. 68.

² Там же, л. 14.

А. Е. Ферсмана. Программу мероприятий наметили обширную, но выполнить смогли не все.

... Ни в Ленинграде, ни в Москве нет памятника А. П. Карпинскому, не изданы его труды в серии «Классики науки», ни одно из геологических учреждений не носит сейчас его имени. А все эти мероприятия были предусмотрены.

В 1947 г. геологическая общественность нашей страны отметила 100-летие со дня рождения «отца русской геологии». 3, 4 и 5 февраля 1947 г. продолжалась юбилейная сессия Академии наук. Проходила она в Московском Доме ученых. Была развернута выставка трудов А. П. Карпинского. На отдельных стендах — многочисленные фотографии, освещающие все этапы его долгой жизни. Сессию открыл президент Академии наук СССР академик С. И. Вавилов. С докладами выступили академики В. П. Волгин, В. А. Обручев, А. Н. Заварицкий и профессор Л. Ш. Давиташвили. Юбилейной дате посвятили свои номера журналы «Известия Академии наук СССР. Серия геологическая» и «Вестник Академии наук СССР».

Наиболее важным событием этих дней явилось учреждение Советом Министров СССР Золотой медали и премии имени А. П. Карпинского. Учреждены были также стипендии имени А. П. Карпинского для докторантов, аспирантов и студентов ведущих геологических организаций и вузов страны. Перед строившимся тогда главным зданием Академии наук в Москве было решено установить памятник А. П. Карпинскому...

Первую золотую медаль имени А. П. Карпинского получил академик В. А. Обручев «за совокупность работ в области геологических наук». «Высокая награда, — говорил Владимир Афанасьевич, — дает мне большое удовлетворение; она показывает, что моя работа соответствовала заветам моего незабвенного учителя и продолжила его изыскания на новые области нашей обширной Родины, для познания геологического строения которой он сам сделал так много».³

С тех пор прошло 30 лет. Золотыми медалями имени академика А. П. Карпинского Президиум Академии наук СССР награждал 12 человек. Медаль получили: в 1947 г. —

---

³ Вестн. Акад. наук СССР, 1947, № 4, с. 17.

академик В. А. Обручев; в 1948 г. — академик Д. В. Наливкин; в 1949 г. — академик Д. С. Белянкин; в 1950 г. — член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР В. А. Варсанофьева; в 1952 г. — доктор наук А. А. Чернов; в 1958 г. — иностранный член Академии наук СССР Ли Сы Гуан; в 1962 г. — академик А. Г. Бетехтин; в 1964 г. — академик Д. И. Щербаков; в 1967 г. — академик Н. М. Страхов; в 1970 г. — член-корреспондент Академии наук СССР И. И. Горский; в 1973 г. — академик А. Л. Яншин и в 1976 г. — академик В. И. Смирнов.⁴

Премией имени А. П. Карпинского с 1947 по 1978 г. были награждены: Д. М. Раузер-Черноусова, В. И. Громов, Н. Н. Яковлев, Д. С. Коржинский, Б. Ф. Дьяков, В. Е. Руженцев, М. Ф. Двали, Н. А. Штрейс, А. Л. Яншин, В. И. Яворский, Б. П. Жижченко, Н. П. Херасков, А. И. Тугаринов, Г. В. Войтович, Ю. А. Кузнецов, В. А. Крашенинников, И. В. Лучицкий и Е. А. Романкевич. Совсем недавно, в 1979 г., Гамбургский фонд содействия научным и культурным связям между народами европейских стран учредил для советских ученых ежегодную премию имени А. П. Карпинского. Первым ее лауреатом стал крупный советский ученый, ведущий специалист в области мембранной биологии, вице-президент Академии наук СССР, академик Ю. А. Овчинников.

Очень много усилий было предпринято, чтобы издать основные труды А. П. Карпинского в серии «Классики науки». Евгения Александровна Толмачева в начале 50-х годов вела по этому поводу обширную переписку с А. Г. Бетехтиным, Д. И. Щербаковым и др. Сначала мыслили издать два больших тома, потом сократили до одного. Этот том был полностью подготовлен к изданию, но так и не увидел свет...

Интересна и история Геологического музея имени А. П. Карпинского. Сам музей был основан в 1716 г. одновременно с учреждением в Санкт-Петербурге Кунсткамеры. В XVIII в. он пополнился коллекциями М. В. Ломоносова, Н. Я. Озерецковского и В. М. Севергина и к началу XIX в. отделился от Кунсткамеры в самостоятельный Минералогический музей. В последующие годы в него интенсивно поступают геологи-

---

⁴ Сведения о награждениях Золотой медалью и премией имени А. П. Карпинского сообщил автору профессор В. В. Тихомиров.

*Бюст А. П. Карпинского работы
И. Я. Гинцбурга, 1926 г.*

ческие и палеонтологические материалы, и с 1898 г. он получает наименование Геологического музея Академии наук. В 1903 г. в связи с 200-летием основания Петербурга ему присваивается имя Петра Великого. В 1912 г. новое переименование — теперь это Геологический и минералогический музей имени Петра Великого. В 1930 г. этот музей преобразуется в Ломоносовский институт минералогии и геохимии с Минералогическим музеем. В 1934 г. в связи с переводом Академии наук в Москву началась консервация музея. Проводилась она спешно и бессистемно. Тогдашнее его руководство «отнеслось крайне беззаботно к ценностям геологического музея. С поспешностью, ничем не вызываемой и необъяснимой, коллекции были сложены в ящики и перевезены в Москву. В здании на Калужской с трудом разместились только минералогические коллекции».⁵ Здание в Москве на Б. Калужской, д. 16, — это бывший

⁵ Искюль Н. В., Талдыкина К. С. Путеводитель по геологическому музею им. А. П. Карпинского. М.—Л., 1962, с. 17.

манеж Нескучного сада. Для музея он был не приспособлен и требовал капитального ремонта. После ремонта в нем разместилась в основном минералогическая часть коллекций и Музею было присвоено имя А. П. Карпинского.

Когда в 1947 г. в связи со столетней годовщиной со дня рождения А. П. Карпинского было принято решение о создании в Ленинграде Геологического музея, то нераспакованные ящики с палеонтологическими коллекциями были возвращены в Ленинград и составили существенную часть экспозиции нового Геологического музея имени А. П. Карпинского. Таким образом, с открытием этого музея Московский Минералогический музей с 1949 по 1954 г. ничьего имени не носил, а в 1955 г. он получил имя А. Е. Ферсмана. До 1962 г. Геологический музей имени А. П. Карпинского размещался в Ленинграде по адресу: Тучкова набережная, д. 2. Он занимал два зала общей площадью 800 м². Но в 1963 г. помещение этого музея было присоединено к Лаборатории геологии докембрия Академии наук (ныне это Институт геологии и геохронологии докембрия). Коллекции музея были, как это и следовало ожидать, свернуты, а помещение заняли сотрудники этой академической лаборатории.

Решения о ликвидации Геологического музея имени А. П. Карпинского как будто бы не было, но тем не менее в настоящее время он не существует. . .

Любопытна и история с переименованием бывшего поселка Богословских заводов в город Карпинск. На родине ученого стремились увековечить его память, назвав поселок, а теперь уже город, где он родился, его именем. Их хлопоты увенчались успехом, и в 1941 г. поселки Богословский и Угольные копи стали городом Карпинском.

Но ученый родился не там, а на бывшем Фроловском руднике, входившем в состав Турьинских медных рудников, которые в настоящее время стали городом Краснотурьинском. В Краснотурьинске, на действительной родине А. П. Карпинского, чтят память великого русского ученого. 7 января 1962 г., в день 115-летия со дня его рождения состоялось торжественное открытие мемориальной доски на том месте, где стоял дом Карпинских, который, естественно, не сохранился. Именем А. П. Кар-

нинского назвали одну из центральных улиц города; в городском краеведческом музее имени А. С. Попова (который, кстати, также родился в бывшем поселке Турьинские рудники) есть большой раздел, посвященный А. П. Карпинскому. В ближайшем будущем в городе будет установлен памятник ученому, который изготавливается в Москве.

Имя А. П. Карпинского увековечивает гора на Приполярном Урале, залив у полуострова Таймыр, бухта на берегу Тихого океана, одна из вершин Тянь-Шаня, а также две вершины Памира, ледник на Новой Земле, действующий вулкан на юге острова Парамушир (Курильские острова). Есть и минерал карпинскийит — сложный силикат. Одна из улиц Ленинграда носит имя А. П. Карпинского.

В этом плане сделано, как видим, немало, но в то же время и явно недостаточно.

...Теперь уже нет реальной возможности восстановить в Ленинграде Геологический музей имени А. П. Карпинского, поскольку в городе существуют два выдающихся геологических музея с богатейшими минералогическими и палеонтологическими коллекциями. Это старейший Горный музей при Горном институте имени Г. В. Плеханова и Центральный геолого-разведочный музей имени академика Ф. Н. Чернышева.

Но есть другая возможность восстановить историческую справедливость. В 1982 г. наша страна будет отмечать столетие государственной геологической службы и столетие первого в России государственного геологического учреждения — Геологического комитета (теперь ВСЕГЕИ). А. П. Карпинский стоял у самых истоков этих исторических предприятий и, как мы уже отмечали, «формально был третьим, а, по существу же, первым директором Геологического комитета». Возглавлял он его в течение 18 лет и еще 26 лет был его почетным директором. При нем и под его непосредственным руководством развернулась работа по геологическому картированию страны, когда небольшая кучка выдающихся русских геологов за 10—15 лет вывела Россию в ряд передовых (по постановке геологической службы) стран.

И будет вполне естественным актом, если к столетней годовщине Геолкома — ВСЕГЕИ его украсит славное имя «отца русской геологии» Александра Петровича Карпинского.

...«Геологу нужна вся Земля», — любил говорить А. П. Карпинский. Эти его слова в наши дни становятся все более актуальными. Теперь мы знаем, что целостная концепция геологического строения Земли не складывается из суммы представлений о строении и истории развития отдельных регионов; что нельзя получить полного знания о строении Земли, не учитывая геологию Мирового океана; что невозможно закартировать крупные геологические структуры, не взглянув на Землю из Космоса; что недопустимо, наконец, получать новые устойчивые закономерности, обрабатывая огромные массивы аналитической информации и не используя при этом современную электронно-вычислительную технику.

Геология сейчас переживает пору своего обновления. Она шагнула за новые, неведомые ранее горизонты. Как порадовался бы этому Александр Петрович Карпинский!

Основные даты жизни и деятельности А. П. Карпинского

- 1846 г. — 26 декабря (7 января 1847 г. н. с.) в поселке Фроловского рудника Богословского Завода на Урале родился А. П. Карпинский.
- 1858 г. — 7 августа. Поступил в Корпус горных инженеров в С.-Петербурге.
- 1866 г. — 11 июня. Окончил Горный институт с малой золотой медалью, чином поручика и дипломом горного инженера.
25 июня. Назначен в распоряжение главного начальника Уральских горных заводов.
2 сентября. Определен на работу в Златоустовский горный округ.
- 1867 г. — 1 августа. Назначен смотрителем Миасских золотых промыслов. 1—28 декабря. Отпуск в Петербурге.
- 1868 г. — 4 января. По распоряжению министра финансов оставлен в Петербурге для решения вопроса о назначении на должность адъюнкта Горного института.
- 1869 г. — 11 февраля. Избран в действительные члены Петербургского минералогического общества.
11 мая. Защитил диссертацию на звание адъюнкта по кафедре геологии, геогнозии и рудных месторождений.
14 мая. Избран в действительные члены Петербургского общества естествоиспытателей.
- 1870 г. — Опубликовал статью «О петрографических законах».
- 1871 г. — 30 апреля. Командирован на три месяца на Урал с целью изучения кристаллических образований Уральского хребта.
- 1872 г. — 6 мая. Командирован вместе с профессором Н. П. Барботом де Марни в южные губернии России для геологических исследований по линиям строящихся железных дорог.
- 1873 г. — 10 июня. Командирован в Оренбургский край для геологических исследований в бассейне р. Сакмары.
9 ноября. Женился на Александре Павловне Брусницыной.
- 1874 г. — Открытие артинского яруса.
10 августа. Родилась дочь Евгения.

- 1875 г. — 31 марта. Командирован на три месяца в Псковскую губернию для поисков месторождений каменной соли. 17 января. Родилась дочь Татьяна.
- 1876 г. — Июнь. Командирован на пять месяцев на восточный склон Урала для поисков месторождений каменного угля.
- 1877 г. — 7 мая. Утвержден профессором Горного института по кафедре геологии, геогнозии и рудных месторождений.
- 1878 г. — 19 сентября. Избран в члены Русского комитета по унификации геологических изображений на II МГК в Болонье (Италия).
- 1879 г. — 20—30 декабря. Участие в работе VI Съезда русских естествоиспытателей и врачей.
- 1880 г. — 15 января. Избран почетным членом Уральского общества любителей естествознания.
- 1881 г. — 23 мая. Командирован на восточный склон Урала для продолжения разведок на каменный уголь. 2 июня. Родилась дочь Мария. 5 октября. Получил II премию II МГК в Болонье за сочинение «Опыт систематической унификации графических обозначений в геологии».
- 1882 г. — 15 марта. Секретарь на первом заседании вновь организованного Геологического комитета. 6 июня. Утвержден старшим геологом Геологического комитета. 10 ноября. Избран представителем России в Международную комиссию по изданию Геологической карты Европы.
- 1883 г. — 4 апреля. Командирован Геолкомом на три месяца в Кыштымский и Уфалейский горные округа Урала. Открытие «зачаточной кражевой полосы» на юге России — «линии Карпинского».
- 1884 г. — 4 мая. Командирован Геолкомом на три месяца для геологических исследований в Пермской и Оренбургской губерниях. 13 октября. Назначен исполняющим должность директора Геологического комитета. Опубликовал Геологическую карту восточного склона Урала.
- 1885 г. — 25 февраля. Назначен директором Геологического комитета.
- 1886 г. — 7 февраля. Избран Общим собранием Академии наук в действительные члены Академии на степень адъюнкта по геологии. 21 апреля. Родилась дочь Александра.
- 1887 г. — Опубликовал «Очерк физико-географических условий Европейской России в минувшие геологические периоды».
- 1888 г. — Опубликовал статью «О правильности в очертаниях, распределении и строении континентов».
- 1889 г. — 4 марта. Избран Общим собранием Академии наук в экстраординарные академики по геологии.
- 1890 г. — 28 июня. Командирован на 2,5 месяца в Казанскую и Таврическую губернии и на Урал для геологических исследований.

- 1891 г. — Опубликовал монографию «Об аммониях артинского яруса и некоторых сходных с ними каменноугольных формах».
- 1892 г. — 12 августа. Командирован в Швейцарию и Францию для участия в совещании в Лозанне по изданию Геологической карты Европы.
26 ноября. Избран в члены-корреспонденты королевского Общества наук в Геттингене.
Награжден Русским Географическим обществом золотой Константиновской медалью.
30 октября. Умерла Мария Фердинандовна, мать А. П. Карпинского.
- 1893 г. — 22 ноября. Избран почетным членом Петербургского общества естествоиспытателей.
- 1894 г. — 15 мая. Утвержден в звании заслуженного профессора Горного института.
Опубликовал статью «Общий характер колебаний земной коры в пределах Европейской России».
- 1895 г. — 16 ноября. Избран почетным членом Московского общества испытателей природы.
- 1896 г. — 17 апреля. Избран Общим собранием Академии наук в ординарные академики.
2 сентября. Оставил преподавательскую работу в Горном институте.
- 1897 г. — 19 мая. Присуждение Академией естественных наук в Филадельфии почетной медали в память Гайдена.
Июнь—июль. Избран в члены-корреспонденты Академии наук в Филадельфии и Академии наук в Вене.
30 июля—6 августа. Руководство Уральской экскурсией членов VII МГК в Петербурге.
17—24 августа. VII МГК в Петербурге. А. П. Карпинский — президент Конгресса.
- 1898 г. — 27 февраля. Избран почетным членом Болонской Академии наук.
20 августа. Избран иностранным членом Национальной Академии в Риме.
13 декабря. Избран иностранным членом королевской Бельгийской Академии в Брюсселе.
- 1899 г. — 9 февраля. Избран директором Петербургского минералогического общества.
29 октября. Командирован во Францию для участия в совещаниях Международной петрографической комиссии. 17 ноября. Избран членом-корреспондентом Баварской Академии наук в Мюнхене.
Опубликовал монографию «Об остатках едестид и о новом их роде *Helicoprion*».
- 1900 г. — 16—27 августа. VIII МГК в Париже. Участие в составе бюро Конгресса. Присуждение премии им. Л. Спендиарова.
- 1901 г. — 20—30 декабря. Участие в XI Съезде русских естествоиспытателей и врачей в Петербурге.
- 1902 г. — сентябрь—октябрь. Поездка в Гренобль (Франция) на VI Международный конгресс по климатологии, гидрологии и геологии.

- 1903 г. — 22 февраля. Избран председателем Отделения геологии и минералогии Петербургского общества естествоиспытателей.
19 марта. Избран почетным членом Академии наук, литературы и искусства в Ачиреале (Сицилия).
28 апреля. Уволен (согласно прошению) от должности директора Геологического комитета с присвоением звания почетного директора Геологического комитета.
20—27 августа. Участие в работе IX МГК в Вене.
12 декабря. Назначен членом Горного совета.
- 1904 г. — 25—27 мая. Участие в съезде Международной ассоциации Академий в Лондоне.
4 сентября. Назначен временно исполняющим должность неперменного секретаря Академии наук.
- 1905 г. — 8 января. Назначен членом комиссии по общему вопросу об академических премиях.
- 1906 г. — Опубликовал монографию «О трохилисках».
- 1907 г. — 14 марта. Избран в состав комиссии по пересмотру академического устава.
- 1908 г. — 5 марта. Избран в состав Магнитной комиссии.
- 1909 г. — 4 марта. Избран председателем комиссии по снаряжению Русской полярной экспедиции.
7 марта. Назначен вр. и. о. неперменного секретаря Академии наук.
- 1910 г. — 5—12 августа. Участие в работе XI МГК и II Агрогеологической международной конференции в Стокгольме.
- 1911 г. — 10 декабря. Избран в состав комиссии по постройке Ломоносовского института.
- 1912 г. — 15 февраля. Назначен членом комиссии по вопросу об оказании содействия немецкой экспедиции на Таймырский полуостров.
- 1913 г. — 12 января. Избран членом комиссии по вопросу об издании коллективного труда «Россия».
- 1914 г. — 23 мая. Избран почетным членом Японского геологического общества.
- 1915 г. — 21 января. Избран членом КЕПС.
9 декабря. Избран первым почетным членом вновь организованного Русского палеонтологического общества.
- 1916 г. — 18 февраля. Награжден Лондонским геологическим обществом почетной медалью Волластона за геологические и палеонтологические работы.
15 мая. Назначен временно исполняющим обязанности вице-президента Академии наук.
11 июня. 50-летний юбилей научной деятельности.
- 1917 г. — 15 мая. Избран Общим собранием президентом Российской Академии наук на 5 лет.
17 июля. Присуждено звание пожизненного почетного члена Горного ученого комитета.
28 августа. Избран председателем Общества горных инженеров.
- 1918 г. — 15 июля. Кончина жены Александры Павловны.
6 сентября. Председательство в комиссии по реформе секретариата Академии наук.

- 26 ноября. Избран председателем Особой комиссии для пересмотра устава Академии наук.
- 1919 г. — Опубликованы «Очерки геологического прошлого Европейской России».
- 1920 г. — 3 июня. Избран в состав Президиума Ученого совета Северной научно-промысловой экспедиции ВСНХ.
- 1921 г. — 19 апреля. Избран общим руководителем по подготовке к печати нового издания Геологической карты Европейской России.
12 декабря. Парижская Академия наук присудила А. П. Карпинскому премию им. Ж. Кювье.
- 1922 г. — 18 июня. Избран в состав Организационного бюро Конференции научных учреждений по вопросу об изучении производительных сил России, созываемой Госпланом в Москве.
- 1923 г. — 5 мая. Участие в составе Издательской комиссии Академии наук.
- 1924 г. — 11 сентября. Поездка в село Михайловское на чествование памяти А. С. Пушкина (столетие со дня его ссылки).
19 ноября. Командирован за границу для ознакомления с последними достижениями геологии в Европе.
- 1925 г. — 22 июня. Избран действительным членом Украинской Академии наук.
4—7 сентября. Участие в праздновании 200-летия Академии наук. Выступления с приветствиями 6 и 7 сентября.
19 декабря. Избран иностранным членом Академии естествоиспытателей в Галле.
- 1926 г. — 20 февраля. Чествование Академией наук 60-летия научной деятельности А. П. Карпинского, 40-летия со дня избрания в академики и предстоящего 80-летия со дня рождения. Награждение именной золотой медалью.
3 мая. Выступление с приветствием на праздновании 150-летия Горного института.
24—31 мая. Участие в работе XIV МГК в Мадриде.
17 июня. Избран почетным членом Академии наук имени Джованни Капеллини в Специи (Италия).
28 сентября—10 октября. Участие в работе II Всесоюзного геологического съезда в Киеве.
- 1927 г. — 1 января. Выступление с речью на открытии I Всероссийского съезда минералогов в Ленинграде.
5 января. Речь на Всесоюзном съезде почвоведов в Ленинграде.
10 февраля. Вступительное слово на торжестве открытия музея-квартиры А. С. Пушкина.
31 мая. Участие в заседании Совета Народных Комиссаров при рассмотрении и утверждении нового устава Академии наук.
- 1928 г. — 5 января. Приветственная речь на приеме Японской миссии в Академии наук.
24 марта. Выступление с речью на торжественном заседании Академии наук, посвященном 60-летию со дня рождения М. Горького.
27 мая. Избран членом Академии наук в Турине.

- 10 сентября. Речь в Толстовском музее Академии наук на праздновании 100-летия со дня рождения Л. Н. Толстого.
- 25 ноября. Речь на торжественном собрании, посвященном 200-летию типографии Академии наук.
- 13 декабря. Избран действительным членом Белорусской Академии наук.
- 1929 г. — 13 сентября. Принял на своей квартире делегацию американских ученых во главе с Морганом.
- 1930 г. — 15 июня. Командирован на Международный конгресс по горному делу, металлургии и прикладной геологии в Льеже и на Международный съезд в Париже по случаю 100-летия Французского геологического общества и 50-летия Французского минералогического общества.
- 1931 г. — 15 мая. Командирован в Палермо (Сицилия) на юбилей Итальянского геологического общества.
- 27 июля. Прием в Академии наук английских ученых во главе с Хаксли.
- 1932 г. — 4—8 июня. Участие в выездной сессии Академии наук в Свердловске.
- 23 сентября. Избран почетным председателем Совета Уральского филиала Академии наук СССР.
- 1933 г. — 5—20 июня. Поездка с бригадой Академии наук в Северный край.
- 5 ноября. Участие в радиоперекличке «Октябрьский рапорт научных центров СССР».
- 1934 г. — 23 января. Открыл Чрезвычайную сессию Академии наук, посвященную памяти В. И. Ленина.
- 26 июня. Речь на первом заседании Президиума Академии наук СССР в Москве.
- 28 июня. Прием А. П. Карпинского Председателем ЦИК СССР М. И. Калининым.
- 11 декабря. Избран членом Московского Совета.
- 1935 г. — 6 февраля. Избран членом ЦИК СССР на VII Всесоюзном Съезде Советов.
- 5 июня. Назначен руководителем Северо-Двинско-Печорской комплексной экспедиции.
- 25 июня. Поездка в Лондон на празднование 100-летия Геологического общества Великобритании.
- 22 августа. Избран почетным председателем Оргкомитета XVII МГК в Москве (1937 г.).
- 23 ноября. Выступление на заседании Совнаркома СССР по вопросу об уставе Академии наук.
- 1936 г. — 19 апреля. Выступление с речью на X Всесоюзном съезде ВЛКСМ.
- 19 июня. Начало предсмертной болезни А. П. Карпинского.
- 15 июля. Кончина А. П. Карпинского в Удельной под Москвой.
- 17 июля. Похороны А. П. Карпинского на Красной площади в Москве. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР об увековечении памяти президента Академии наук СССР академика А. П. Карпинского.

1. Александр Петрович Карпинский. — В кн.: Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания. СПб., 1889, с. 14.
2. Александр Петрович Карпинский. — Геологический вестник, 1917 (1918), т. III, № 1—6, с. 5—7.
3. Александр Петрович Карпинский. — Природа, 1932, № 2, с. 99—100.
4. Александр Петрович Карпинский. — Социалистическая наука и техника, 1936, № 7, с. 3—4.
5. А. П. Карпинский (1846—1936). — Наука и техника, 1936, № 5, с. 10.
6. Александр Петрович Карпинский (некролог). — Горный журнал, 1936, № 10, с. 3—4.
7. А. П. Карпинский. Указатель основных трудов со вступительной статьей А. А. Борисяка, Л.—М., 1936. 32 с.
8. А. П. Карпинский (1847—1936). О жизни и деятельности основоположника советской геологии. Сборник. М., 1937. 93 с.
9. Александр Петрович Карпинский (1846—1936). Библиографический сборник. Составлен В. А. Фейдер. М.—Л., 1938. 312 с.
10. А. П. Карпинский. Библиографический указатель трудов со вступительной статьей Н. М. Страхова. Л.—М., 1947. 176 с.
11. Александр Петрович Карпинский (к 100-летию со дня рождения). — Разведка недр, 1947, № 2, с. 5—8.
12. Александр Петрович Карпинский (личные воспоминания М. О. Клера). — Зап. Уральск. геологич. об-ва, 1948, вып. 2, с. 7—11.
13. Архангельский А. Д. А. П. Карпинский и Большой Донбасс. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 35—37.
14. Баян О. А. Отец русской геологии. Л., 1955. 262 с.
15. Беляков М. Ф. Эпизоды из борьбы А. П. Карпинского за приоритет русской науки. — Природа, 1950, № 4, с. 85.
16. Белянкин Д. С. Петрографическое наследство академика А. П. Карпинского. — Изв. АН СССР, сер. геологич., 1937, № 4, с. 607—636.

---

* Без учета публикаций в центральных и местных газетах.

17. Белянкин Д. С. Петрографические исследования А. П. Карпинского и его направление в петрографии. — В кн.: Очерки по истории геологических знаний. Вып. 1. М., 1953, с. 193—198.
18. Бетехтин А. Г. Работы А. П. Карпинского по изучению рудных месторождений на Урале. — Изв. АН СССР, сер. геологич., 1947, № 1, с. 75—82.
19. Болдырев А. К. Работы А. П. Карпинского в области минералогии и учения о месторождениях полезных ископаемых. — Зап. Всеросс. Минер. об-ва, 1937, ч. 66, № 1, с. 30—36.
20. Борисяк А. А. К юбилею А. П. Карпинского. — Природа, 1916, № 12, с. 1457—1462.
21. Борисяк А. А. Геология и палеонтология. — В кн.: Юбилейный сборник Горного института. Л., 1926, с. 108.
22. Борисяк А. А. Александр Петрович Карпинский (к 85-летию со дня рождения). — Вестн. АН СССР, 1932, № 1, с. 1—8.
23. Борисяк А. А. Александр Петрович Карпинский. — Социалистическая реконструкция и наука, 1936, № 7, с. 18—24.
24. Борисяк А. А. Русские охотники за ископаемыми. — В кн.: Чарльз Г. Штернберг. Жизнь охотника за ископаемыми. М.—Л., 1936, с. 247—312.
25. Борисяк А. А. А. П. Карпинский в палеонтологии. — Природа, 1936, № 10, с. 26—29.
26. Борисяк А. А. Академик Карпинский. — Техника — молодежи, 1936, № 9, с. 56—60.
27. Борисяк А. А. Крупнейший мировой ученый. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 29—32.
28. Борисяк А. А. Крупнейший мировой ученый. — В кн.: Александр Петрович Карпинский. Указатель основных работ. М.—Л., 1936, с. 5—10.
29. Борисяк А. А. Памяти А. П. Карпинского. — Фронт науки и техники, 1936, № 8, с. 12.
30. Борисяк А. А. Александр Петрович Карпинский. — Изв. АН СССР, сер. геологич., 1937, № 4, с. 591—603.
31. Борисяк А. А. Предисловие к I тому «Собрания сочинений А. П. Карпинского». М.—Л., 1945, с. 5—10.
32. Борисяк А. А. Александр Петрович Карпинский. — В кн.: Люди русской науки. Вып. 1. М.—Л., 1948, с. 411—418.
33. Борисяк А. А. Александр Петрович Карпинский. — В кн.: Люди русской науки. Вып. 2. М., 1962, с. 46—53.
34. Бояршинова Э. И. А. П. Карпинский — создатель школы русских геологов. (Библиографическая памятка). Свердловск, 1952. 4 с.
35. Вавилов С. И. Вступительное слово на Общем собрании Академии наук СССР, посвященном 100-летию со дня рождения А. П. Карпинского. — Вестн. АН СССР, 1947, № 4, с. 9—11.
36. Верпацкий В. И. Крупнейший натуралист. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 38—39.
37. Волгин В. П. А. П. Карпинский как президент АН СССР. — Вестн. АН СССР, 1947, № 4, с. 12—16.
38. Волгин А. Г. О кембри Урала (Заслуги А. П. Карпинского в области изучения Урала). — Изв. АН СССР, серия геологич., 1937, № 4, с. 681—692.

39. Геккер Р. Ф. А. П. Карпинский и изучение проблематических окаменелостей. — Бюлл. МОИП, отдел геологич., 1949, т. 24, № 2, с. 101—111.
40. Герасимов А. П. Александр Петрович Карпинский (некролог). — Зап. Всеросс. минер. об-ва, 1936, ч. 65, № 2, с. 215—218.
41. Герасимов А. П. Профессор Карпинский и Всероссийское минералогическое общество. — Природа, 1936, № 10, с. 44—46.
42. Герасимов А. П. Краткий очерк жизни и деятельности А. П. Карпинского. — Зап. Всеросс. минер. об-ва, 1937, ч. 66, № 1, с. 1—8.
43. Горбунов Н. П. Замечательный юбилей. (Речь на открытии сессии Академии наук СССР 7 февраля 1936 г.). — Вестн. АН СССР, 1936, № 2, с. 2—3.
44. Горбунов Н. П. Классик естествознания и гражданин советской страны. — Природа, 1936, № 10, с. 5—7.
45. Горбунов Н. П. Классик естествознания и гражданин советской страны. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 18—20.
46. Григорович-Березовский Н. А. Памяти академика А. П. Карпинского. — Геология на фронте индустриализации, 1936, № 7, с. 7—8.
47. Губкин И. М. Отец советской геологии. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 24—28.
48. Губкин И. М. Основоположник советской геологии. — Разведка недр, 1936, № 14, с. 2.
49. Губкин И. М. Отец советской геологии. — В кн.: А. П. Карпинский. М., 1937, с. 17—29.
50. Давиташвили Л. Ш. А. П. Карпинский как палеонтолог. — Изв. АН СССР, серия геологич., 1947, № 1, с. 51—74.
51. Деборин А. М. Ученый, демократ, патриот. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 21—23.
52. Жемчужников Ю. А. Молодой А. П. Карпинский и его творческий метод. — В кн.: Очерки по истории геологических знаний. Вып. 2. М., 1953, с. 197—203.
53. Жизненный путь А. П. Карпинского. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 15—16.
54. Жуковский К. А. Академик А. П. Карпинский. — Акад. наук УРСР, 1936, № 7—8, с. 15—22.
55. Заварицкий А. Н. Петрографические работы А. П. Карпинского. — Природа, 1936, № 10, с. 12—19.
56. Заварицкий А. Н. Петрографические работы А. П. Карпинского. — Зап. Всеросс. минер. об-ва, 1937, ч. 66, № 1, с. 22—29.
57. Заварицкий А. Н. О петрографических работах А. П. Карпинского. — Изв. АН СССР, сер. геол., 1947, № 1, с. 23—32.
58. Зелинский Н. Д. Из личных воспоминаний о А. П. Карпинском. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 63—65.
59. Иванов А. А. Памяти А. П. Карпинского. — Зап. Уральск. геологич. об-ва, 1948, вып. 2, с. 3—6.
60. Иоффе А. Ф. Борьба за советскую науку. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 47.
61. Искюль Н. В., Талдыкина К. С. Александр Петрович Карпинский (1847—1936). — В кн.: Путеводитель по геологи-

- ческому музею. имени А. П. Карпинского. М.—Л., 1962, с. 14—20.
62. Каратаев Н. М. А. П. Карпинский (некролог). — Вестник знания, 1936, № 7, с. 483—484.
  63. Карпинский (Александр Петрович). Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. XIVa, с. 585.
  64. Карпинский Александр Петрович. — Большая энциклопедия, под ред. С. Н. Южакова. Т. 10. СПб., 1902, с. 569.
  65. Карпинский Александр Петрович. — Энциклопедический словарь товарищества братьев А. и И. Гранат и Ко., 7-е изд. Т. 23, с. 531.
  66. Карпинский Александр Петрович. — МСЭ, т. III, 1929, с. 742.
  67. Карпинский Александр Петрович. — БСЭ, т. 31, 1937, с. 610—613.
  68. Карпинский Александр Петрович. — БСЭ, 1953, т. 20, с. 248—250.
  69. Карпинский Александр Петрович. — БСЭ, 1973, т. 11, с. 455—456.
  70. Келлер Б. А. Искатель и защитник научной истины. — Природа, 1936, № 10, с. 7—8.
  71. Князев Г. А. А. П. Карпинский в Академии наук (1886—1936). — Природа, 1936, № 10, с. 52—57.
  72. Козин Я. Д. Памяти президента Академии наук СССР академика Александра Петровича Карпинского (1846—1936). — Изв. Азерб. фил. Акад. наук, 1937, вып. 2, с. 5—8.
  73. Колубовский И. Труды академика А. П. Карпинского (к годовщине со дня смерти). — Вестник знания, 1937, № 7, с. 69—71.
  74. Кончина и похороны А. П. Карпинского. — Природа, 1936, № 10, с. 59—63.
  75. Копицкий В. Ф. А. П. Карпинский о значении единства науки и практики в социалистическом строительстве. — В кн.: Сборник трудов кафедр общественных наук Харьковского зооветеринарного ин-та. Вып. 1. Харьков, 1968, с. 229—250.
  76. Копицкий В. Ф. Основные принципы научного метода А. П. Карпинского. — В кн.: Материалы научной конференции Харьковского зооветеринарного института. Харьков—Лозовеньки, 1968, с. 5—7.
  77. Копицкий В. Ф. Диалектика в геологических работах А. П. Карпинского. — В кн.: Материалы конференции Харьковского зооветеринарного института. Харьков—Лозовеньки, 1968, с. 7—8.
  78. Копицкий В. Ф. А. П. Карпинский — выдающийся русский дарвинист. — В кн.: Материалы конференции Харьковского зооветеринарного института. Харьков—Лозовеньки, 1968, с. 290—301.
  79. Копицкий В. Ф. Мировоззрение, общественная и научная деятельность А. П. Карпинского. Автореф. канд. дисс. М., 1970. 19 с.
  80. Королицкий М. С. А. П. Карпинский (из личных воспоминаний). — Природа, 1936, № 10, с. 57—59.
  81. Косыгин Ю. А. Академик А. П. Карпинский — основатель школы русских геологов. М., 1950. 24 с.

82. Кржижановский Г. М. Речь от Академии наук СССР на траурном митинге памяти А. П. Карпинского на Красной площади в Москве 17 июля. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 9—11.
83. Криштофович А. Н. А. П. Карпинский как палеоботаник. — Природа, 1936, № 10, с. 29—34.
84. Криштофович А. Н. Александр Петрович Карпинский и ботаника. — Советская ботаника, 1936, № 6, с. 6—10.
85. Кротов Б. П. Работы А. П. Карпинского в области изучения железных руд СССР. — Изв. АН СССР, серия геол., 1937, № 4, с. 655—679.
86. Крыжановский В. И. Великий образ. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 69—70.
87. Крылов А. Н. Памяти А. П. Карпинского. — Природа, 1936, № 10, с. 50—51.
88. Крылов А. Н. Памяти А. П. Карпинского. — В кн.: Мои воспоминания. М., 1945, с. 481—485.
89. К столетию со дня рождения А. П. Карпинского. — Изв. АН СССР, сер. геол., 1946, № 6, с. 3—4.
90. Кузнецов Е. А. Развитие взглядов на тектонику Урала от А. П. Карпинского до наших дней. — Изв. АН СССР, серия геол., 1937, № 4, с. 637—653.
91. Кумок Я. Н. Карпинский. В серии «ЖЗЛ». М., 1978. 304 с.
92. Курнаков Н. С. Выдающийся представитель мировой науки. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 40—41.
93. Курочкин Г. Д. Основоположник советской геологии А. П. Карпинский. — Природа, 1947, № 2, с. 74—77.
94. Лебедев П. И. Памяти А. П. Карпинского. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 54—56.
95. Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Памяти друга. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 44.
96. Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Памяти А. П. Карпинского. — Природа, 1936, № 10, с. 48—49.
97. Либрович Л. С. Значение работ А. П. Карпинского по геологии Урала. — Зап. Всеросс. минер. об-ва, 1937, ч. 66, № 1, с. 9—14.
98. Личков Б. Л. Карпинский и современность. М.—Л., 1946. 74 с.
99. Материалы Общего собрания Академии наук 3 февраля 1947 г., посвященного 100-летию со дня рождения А. П. Карпинского. — Вестн. АН СССР, 1974, № 4, с. 9—22.
100. Мейлицев Гр. Встречи с Карпинским. — В альмапахе «Белые ночи». Л., 1971, с. 321—340.
101. Медоев Г. П. Александр Петрович Карпинский (1847—1936). — Изв. АН КазССР, сер. геол., 1949, вып. 10, с. 3—14.
102. Милановский Е. В. К юбилею президента Академии наук СССР академика А. П. Карпинского. — Горный журнал, 1936, № 3, с. 195—197.
103. Мушкетов Д. И. А. П. Карпинский как тектоник. — Природа, 1936, № 10, с. 8—12.
104. Мушкетов Д. И. Выдающийся ученый. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 71.
105. Надсон Г. А. Великий ученый и обаятельный человек. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 42—43.

106. Наливкин Д. В. Профессор А. П. Карпинский и Урал. — Природа, 1936, № 10, с. 19—22.
107. Наливкин Д. В. Палеогеография Русской платформы и работы А. П. Карпинского. — Изв. АН СССР, серия геол., 1947, № 1, с. 13—22.
108. Наливкин Д. В. Великий русский ученый Александр Петрович Карпинский (1847—1936). — В кн.: Выдающиеся ученые Горного института. Л., 1948, с. 23—31.
109. Наливкин Д. В. Александр Петрович Карпинский (1847—1936). — В кн.: Очерки по истории геологических знаний. Вып. 19. М., 1978, с. 20—32.
110. [Н. Д.] Александр Петрович Карпинский (некролог). — Наука и жизнь, 1936, № 8, с. 48—51.
111. Обращение Президиума Академии наук: «Всем Академиям наук и научным геологическим учреждениям всего мира», — Вестн. АН СССР, 1936, № 7.
112. Обращение Академии наук СССР к научным работникам Союза по поводу кончины А. П. Карпинского. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7.
113. Обручев В. А. Научные труды А. П. Карпинского, касающиеся Сибири. — Природа, 1936, № 10, с. 23—25.
114. Обручев В. А. Памяти А. П. Карпинского. Речь на пленарном заседании XVII МГК 21 июля 1937 г. — В кн.: Труды XVII сессии МГК в СССР. Т. I. М., 1939, с. 150—151.
115. Обручев В. А. Александр Петрович Карпинский (к 10-летию со дня смерти). — Вестн. АН СССР, 1946, № 10, с. 92—95.
116. Обручев В. А. Жизнь и научная деятельность А. П. Карпинского. — Изв. АН СССР, серия геол., 1947, № 1, с. 5—12.
117. Обручев В. А. Академик Александр Петрович Карпинский. — Изв. АН СССР, сер. геол., 1951, № 3, с. 3—7.
118. Обручев В. А. Он был моим учителем. — В кн.: О. А. Баян. Отец русской геологии. Л., 1955, с. 5—6.
119. Обручев Дм. В. Изучение едестид и работы А. П. Карпинского. — Тр. Палеонтол. ин-та АН СССР, 1953, т. 45, 86 с.
120. Орбели Р. А. Александр Петрович Карпинский. — В кн.: Эпрон XVI—XVIII. Л., 1936, с. 19—22.
121. Памяти А. П. Карпинского. — Геология на фронте индустриализации, 1936, № 7, с. 7—8.
122. Перовский С. А. А. П. Карпинский. — Вестник знания, 1936, № 9, с. 643—646.
123. Письмо Президиума АН СССР семье А. П. Карпинского. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7.
124. Погребов Н. Ф. Профессор Карпинский как директор Геологического комитета. — Природа, 1936, № 10, с. 41—44.
125. Погребов Н. Ф. Об исследовательском стиле А. П. Карпинского (из воспоминаний). — В кн.: Очерки по истории геологических знаний. Вып. 13. М., 1971, с. 56—59.
126. Последний путь. — В кн.: А. П. Карпинский. М., 1937, с. 70—78.
127. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 17 июля 1936 г. «Об увековечении памяти президента Академии наук СССР академика А. П. Карпинского». — Вестн. АН СССР, 1936, № 7.

128. Правительственное сообщение о смерти президента АН СССР академика А. П. Карпинского. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7.
129. Преображенский П. И. Геологическая структура южной части Ленинградской области через 60 лет после работ А. П. Карпинского. — Природа, 1936, № 10, с. 34—40.
130. Речь В. И. Межлаука от ЦК ВКП(б) и СНК СССР на траурном митинге на Красной площади 17 июля. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 7—8.
131. Речь академика В. А. Обручева от геологических учреждений на траурном митинге на Красной площади 17 июля. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 12—14.
132. Рябинин А. Н. А. П. Карпинский как профессор. — Природа, 1936, № 10, с. 46—48.
133. Самойлович А. Н. Отрывки впечатлений. — Вестн. АН СССР, 1932, № 9, с. 5—16.
134. [С. Б.] Александр Петрович Карпинский (1846—1936). — Книжные новости, 1936, № 21, с. 8.
135. Советская страна чтит своих ученых. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 5—6 (передовая «Правды» от 16 июля 1936 г.).
136. Соловьев С. П. Вклад А. П. Карпинского в познание горных пород. — В кн.: Проблемы минералогии и петрографии. Л., 1972, с. 9—18.
137. Стрельников Н. З. А. П. Карпинский и его роль в развитии геологии. — Уч. зап. Алма-Атинск. гос. пед. ин-та, 1953, т. 4, вып. 2, с. 175—186.
138. Стрельников Н. З. Палеонтологические работы А. П. Карпинского и его влияние на развитие палеонтологии. — Уч. зап. Алма-Атинск. гос. пед. ин-та, 1953, т. 5, с. 69—84.
139. Стрельников Н. З. А. П. Карпинский — директор Геологического комитета (1885—1903). — Уч. зап. Алма-Атинск. гос. пед. ин-та, 1955, т. 6, с. 106—124.
140. Стрельников Н. З. Геотектонические работы А. П. Карпинского. — Уч. зап. Алма-Атинск. гос. пед. ин-та, 1955, т. 7, с. 147—157.
141. Стрельников Н. З. О петрографических и минералогических работах А. П. Карпинского. — Уч. зап. Казахск. гос. пед. ин-та, 1958, т. 19, с. 128—151.
142. [С. Ш.] А. П. Карпинский (к 50-летию со дня избрания в академика). — Вестник знания, 1936, № 3, с. 222—223.
143. Терпигоров А. М. Памяти учителя. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 45—46.
144. Тетяев М. М. Значение работ А. П. Карпинского в области геотектоники. — Зап. Всеросс. минер. об-ва, 1937, ч. 66, № 1, с. 17—21.
145. Толмачев А. И. Карпинский и молодое поколение. — В кн.: А. П. Карпинский. М., 1937, с. 49—57.
146. Толмачева Е. А. Отец и товарищ. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 60—62.
147. Толмачева-Карпинская Е. А. Карпинский в жизни. — В кн.: А. П. Карпинский, М., 1937, с. 41—48.
148. Толмачева-Карпинская Е. А. Александр Петрович Карпинский. — В кн.: А. П. Карпинский, Библиографический сборник. М.—Л., 1938, с. VII—XXIII.

149. Голмачева О. А. Большой ученый, большой человек. — Альманах «Хочу все знать». Л., 1968, с. 161—167.
150. Тульчинский К. Александр Петрович Карпинский (некролог). — Бюлл. Арктич. ин-та, 1936, № 8—9, с. 333—337.
151. Тяжелая утрата. — Проблемы советской геологии, 1936, т. VI, № 8, с. 651—655.
152. Федоровский Н. М. Памяти А. П. Карпинского. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 48—53.
153. Фейдер В. А., Шафрановский К. И. Основные даты жизни и деятельности А. П. Карпинского. — В кн.: А. П. Карпинский. М., 1937, с. 83—91.
154. Ферсман А. Е. Большому человеку. К 40-летию академической деятельности А. П. Карпинского. — Огонек, 1926, № 10, с. 10.
155. Ферсман А. Е. Юбилей А. П. Карпинского. — Научные работники, 1927, № 1, с. 130.
156. Ферсман А. Е. Памяти А. П. Карпинского. — Успехи химии, 1936, т. V, вып. 718, с. 954—956.
157. Ферсман А. Е. Научное наследие А. П. Карпинского. — Книга и пролетарская революция, 1936, № 8, с. 13—15.
158. Ферсман А. Е. Лучший памятник великому ученому. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 33—34.
159. Ферсман А. Е. Воспоминания об Александре Петровиче Карпинском. — В кн.: А. П. Карпинский. М., 1937, с. 30—40.
160. Чернов А. А. Палеонтологические работы А. П. Карпинского. — В кн.: Юбилейный сборник, посвященный 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. М.—Л., 1947, с. 9—21.
161. Черноусов Я. М. Академик А. П. Карпинский. Свердловск, 1962. 106 с.
162. Чураков А. Н. Крупнейший деятель науки. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 57—59.
163. Чураков А. Н. Русская платформа и окаймляющие ее щелочные породы. — Изв. АН СССР, сер. геол., 1947, № 1, с. 83—104.
164. Чураков А. Н. Александр Петрович Карпинский (к 100-летию со дня рождения). — Наука и жизнь, 1947, № 2, с. 35—40.
165. Шатский Н. С. О работах А. П. Карпинского по тектонике Восточно-Европейской (Русской) платформы. — Изв. АН СССР, сер. геол., 1947, № 1, с. 33—50.
166. Шатский Н. С. А. П. Карпинский как ученый (к 100-летию со дня рождения). — Советская геология, 1948, сб. 28, с. 3—15.
167. Шмидт Ф. Б. Отзыв о трудах А. П. Карпинского. — В кн.: Отчет Русского географического общества за 1892 г., СПб., 1893. Приложение, с. 5—16.
168. Щербаков Д. И. А. П. Карпинский и геологическая молодежь. — Вестн. АН СССР, 1936, № 7, с. 66—68.
169. Щербаков Д. И. Александр Петрович Карпинский и советская геология. — Вестн. АН СССР, 1937, № 6, с. 1—5.
170. Яковлев Н. Н. А. П. Карпинский (некролог). — Ежег. Всеросс. палеонтол. об-ва, 1937, т. XI (1934—1935), с. 3—6.

171. Яковлев Н. Н. Работы А. П. Карпинского по палеонтологии. — Зап. Всерос. мин. об-ва, 1937, ч. 66, № 1, с. 15—16.
172. Borissiak A. Prof. A. P. Karpinsky. — Nature, 1936, v. 138, N 3490, p. 495.
173. Karpinsky A. P. — The Mining Journal, 1936, v. 194, N 5268, p. 756.
174. Karpinskij — Der Grosse Brockhaus, Bd IX, Lpz, 1931, S. 743.
175. Karpinskij Alexander Petrowitch. — Meyers Lexikon, Bd VI. 1927, S. 1063.

- Абих Г. В. 119, 142, 252, 281
 Абрамович И. И. 7
 Агассис Л. 194
 Александр (см. Толмачев А. И.)
 Александр II 48
 Александр III 125, 140
 Александр Михайлович (см. Карпинский А. М.)
 Александр Михайлович (великий князь) 280
 Александра (см. Нехорошева А. А.)
 Александра Александровна (см. Нехорошева А. А.)
 Александра Павловна (см. Карпинская А. П.)
 Алексей (см. Карпинский Ал. П.)
 Алексей (сын Николая II) 322
 Алексей Петрович (см. Карпинский Ал. П.)
 Аленицын 93
 Амалицкий В. П. 230, 406
 Амундсен Р. 27, 407
 Андреев П. З. 28, 29
 Андрусов Н. И. 247, 263, 280, 305, 328, 342, 348, 400
 Аносов П. П. 34
 Аносова 34
 Антипов А. И. 232
 Антонов А. И. 142
 Аракчеев А. А. 302
 Армашевский П. Я. 127, 135, 147
 Артемьев Д. Н. 362, 390
 Архангельский А. Д. 91, 92, 261, 270, 272, 280, 396, 424—426, 437, 442, 448, 449, 465
 Ауэрбах И. Б. 124, 142
 Ахматов М. Н. 280
 Балашов И. П. 239
 Балтаева А. В. 7, 29, 366, 436, 450
 Барбот де Марни Н. Н. 115
 Барбот де Марни Н. П. 50, 53, 54, 61, 62, 66, 67, 74, 96, 112, 120, 123, 124, 128, 142, 459
 Бардин И. П. 326
 Барранд И. 103
 Бартольд В. В. 342
 Басков Е. А. 7
 Бастрасова М. С. 306, 328, 354
 Батурин В. П. 405
 Батюшков Ф. Д. 24, 305
 Батюшкова М. Н. 25
 Бауман В. И. 305
 Баян О. А. 6, 465, 470
 Бейльштейн Ф. Ф. 256, 305
 Бек В. В. 50
 Бекетов Н. Н. 256, 294, 305
 Беккер Н. Н. 98
 Беклемишев В. А. 305
 Беллини В. 28
 Белов Н. В. 108
 Белопольский А. А. 328, 342, 408
 Белоусов В. В. 272
 Беляков М. Ф. 465
 Белянкин Д. С. 65, 77, 78, 107, 305, 454, 465, 466
 Бенуа А. Н. 334
 Берг Л. С. 305
 Бернштейн М. Д. 29
 Бертелло М. 407
 Бессонов А. Г. 193
 Бетехтин А. Г. 164, 165, 454, 466
 Бехтерев В. М. 306
 Бианки В. Л. 305
 Бирон Э.-И. 302
 Бишоф К. Г. 165
 Блеле Б. К. 141

Богачев В. 57
 Богданович К. И. 115, 138, 140,
 161, 245, 246, 305, 315, 402
 Богословский Н. А. 232
 Бок И. С. 121
 Болдырев А. К. 466
 Бонч-Бруевич В. Д. 369, 385, 392
 Боргман 374
 Борисяк А. А. 6, 9, 15, 20, 69,
 103, 115, 136, 140, 174, 179,
 191, 207, 209, 232, 270, 272,
 273, 280, 283, 397, 426, 427,
 429, 435, 440, 442, 465, 466, 473
 Боровиков Л. И. 7
 Бородин И. П. 305, 307, 328, 330,
 342, 345, 366, 378, 386, 401
 Бояршинова Э. И. 466
 Бранко В. 174
 Брицке Э. В. 442
 Бродский И. И. 440
 Бронн Г. Г. 35
 Брусницын Л. И. 97
 Брусницын Ф. П. 51, 57, 84, 97,
 147
 Брусницына А. П. (см. Карпин-
 ская А. П.)
 Брусницына Е. П. 38
 Брюннес Б. 313
 Бубнов С. Н. 91
 Буняковский В. Я. 48, 254, 329
 Бутлеров А. М. 252—254, 407
 Бух Л. 119, 141
 Бэкон Ф. 276

 Вааген В. 240
 Вавилов С. И. 435, 443, 453, 466
 Вагнер П. И. 142
 Валуев П. А. 124
 Вальден П. И. 280, 319
 Вальтер И. 200
 Ван ден Брук Э. 200, 201
 Варсапофьева В. А. 454
 Варшавский С. П. 334, 359, 363,
 368, 373
 Вебер В. Н. 115, 152, 246
 Вегенер А. 181, 269, 278
 Веденеев Б. Е. 449
 Венгеровская С. Г. 440, 448
 Вернадский В. И. 240, 272, 280,
 284, 303, 306, 312, 324, 327,
 328, 342, 345, 381, 390, 400—
 405, 416, 417, 426, 435, 452, 466
 Вернейль Ф. Э. 119, 174
 Вернер А.-Г. 9

Веселовский А. Н. 305
 Веселовский К. С. 253, 255
 Вильд Г. И. 255, 256
 Виноградов И. М. 434, 435
 Виноградов П. Г. 342
 Винтер А. В. 449
 Вознесенский В. А. 152, 153, 232
 Войтович Г. В. 454
 Волгин В. П. 338, 425, 426, 430,
 453, 466
 Волков С. И. 47
 Волластон У. Х. 318, 462
 Воллосович К. А. 283
 Вологдин А. Г. 466
 Вольф М. 280
 Воробьев В. И. 283
 Воробьева О. А. 16
 Воронихин А. Н. 42
 Воскресенский Г. 39
 Вудворт А. С. 194, 199—201, 209
 Вульф Г. В. 280
 Высоцкий Н. К. 232, 245, 247
 Вюртенбергер 174

 Гадолин А. В. 255, 256
 Гайэтт А. 174, 191
 Гап В. Ю. 434
 Ганешин С. А. 305
 Гаюн Р.-Ж. 51
 Гебауер Ф. Ю. 84, 147, 168, 218
 Гедройц А. Э. 127, 143
 Гедройц К. К. 426
 Гейден 318
 Гейм А. 145
 Геккель Э. 175
 Геккер Р. Ф. 7, 209, 216, 224, 466
 Гельмерсен Г. П. 50, 53, 59, 119,
 120, 122—124, 127, 128, 133,
 135, 139, 141—144, 149, 242,
 251, 252, 280
 Герасимов А. П. 10, 22, 23, 28,
 103, 104, 115, 238, 245, 246,
 248, 305, 314, 400, 467
 Гесс Г. И. 49
 Гете И.-В. 70, 306
 Гинцбург И. Я. 413, 455
 Глазунов А. К. 28—30, 101, 410
 Глинка М. И. 28, 58, 412
 Голицын Б. Б. 401
 Голицын Н. Д. 320
 Головкинский Н. А. 9, 93, 95,
 109, 120, 136, 180, 183, 230,
 231, 247, 258, 263, 266
 Голубятников Д. В. 246

Горбунов Н. П. 356, 358, 390,
391, 408, 442, 448, 467
Горемыкин И. Л. 320
Горский И. И. 249, 454
Горький А. М. 5, 27, 326, 328,
334, 373—375, 377, 380, 385,
387, 391, 407, 429, 463
Гофман Э. К. 120, 311
Грамматчиков Н. А. 42
Грасгоф Б. 34
Грасгоф Ф. Б. 34, 39
Гревингк К. И. 142
Грессли А. 112
Гривнака К. И. 37
Григорович-Березовский Н. А.
467
Григорьев Н. В. 232
Громов В. И. 454
Грот П. Х. 294
Грот Я. К. 413
Губкин И. М. 246, 399, 417, 425,
426, 442, 448, 449, 467
Гумбольдт А. 6, 119, 159
Гюго В. 306

Давиташвили Л. Ш. 176, 191,
208, 453, 467
Данилов 57
Дарвин Ф. 280
Дарвин Ч. 110, 170, 175, 181,
190, 407
Двали М. Ф. 454
Деборин А. М. 18, 442, 467
Деви В. П. 57
Девиль С. К. 81
Делянов И. Д. 255
Демидов А. Н. 311
Демин А. А. 246
Деникин 371
Державин Г. Р. 413
Державин Н. С. 429
Дидро Д. 305
Дикке Дж. 216, 218
Дин Б. 195
Динер К. 191, 280
Добролюбов Н. А. 442
Добролюбова Т. А. 212
Докучаев В. В. 121, 127, 128,
143, 233, 242
Долгополов М. О. 57
Долло Л. 280
Домгер В. А. 128, 133, 135, 139,
147, 242, 290
Драгунов В. И. 7

Дубровин Н. Ф. 296, 308
Дьяков Б. Ф. 454
Дьяконов М. А. 342, 348
Дэвид П. 313
Дэна Дж. 9

Евгения (см. Толмачева Е. А.)
Евгения Александровна (см.
Толмачева Е. А.)
Евклид 286
Екатерина II 33, 43, 305
Еремеев П. В. 50, 51, 54, 96,
114, 115, 123, 127, 128, 143,
233, 256, 288—290, 292—294,
311
Ерофеев В. Г. 50, 52, 53, 59, 96,
120, 122—125, 129, 133, 135,
140, 143, 242
Ершов В. И. 29

Жакоб Ш. 8
Жемчужников Ю. А. 467
Женюрка (см. Толмачева Е. А.)
Жижченко Б. П. 454
Жорж (см. Тиме Г. А.)
Жуковский К. А. 467

Заварицкий А. Н. 68, 70, 75, 77,
78, 108, 453, 467
Залеман К. Г. 256, 305
Заленский В. В. 305, 308, 328,
342, 401
Залесский М. Д. 397
Замятин А. Н. 246
Зандбергер Г. 216
Зандбергер Ф. 217, 218
Зелинский Н. Д. 437, 467
Земблицкий Я. Г. 311
Зубов Н. Н. 283
Зюсс Э. 6, 10, 89, 179, 277, 278

Иваницкий А. Б. 141
Иванов А. 42
Иванов А. А. 467
Иванов Н. А. 49
Иванов Н. В. 7
Иванов С. А. 280
Игнатьев В. Н. 336, 348
Игнатьев П. Н. 315
Иекель О. 194, 199, 200
Иконников В. С. 342, 378

- Иностранцев А. А. 63, 121, 127, 128, 143, 173, 227—229, 233, 242, 397
- Иосса Г. А. 50, 123, 124
- Иоффе А. Ф. 280, 342, 378, 390, 434, 467
- Искюль Н. В. 455, 467
- Истмен Ч. 195, 199, 201, 203
- Истрин В. М. 342, 390
- Кавадеров Ал. 42, 45, 46
- Калинин М. И. 363, 410, 419, 436, 464
- Калицкий К. П. 246
- Каплан Ф. 369
- Каратаев Н. М. 468
- Кардовский Д. Н. 29
- Карножицкий А. Н. 292, 293
- Карпинская А. П. 63, 97—100, 249, 365—367, 459, 462
- Карпинская (Беккер М. А.) 98
- Карпинская М. П. 38, 41, 99
- Карпинская М. Ф. 34, 38—41, 99, 461
- Карпинская Т. А. 25, 29, 98—101, 366, 440, 460
- Карпинский А. М. 34, 59
- Карпинский Ал. П. 38, 41, 57, 59, 100, 365
- Карпинский И. 59
- Карпинский М. М. (дед А. П. Карпинского) 34, 44, 59
- Карпинский М. М. (дядя А. П. Карпинского) 35, 36, 59
- Карпинский М. П. 38, 41, 59
- Карпинский Павел М. 36, 40, 59
- Карпинский Петр 59
- Карпинский Петр М. 34—41, 44, 59
- Карский Е. Ф. 342, 348, 416
- Квенштедт Ф.-А. 216, 217
- Кейзерлинг А. А. 119
- Келлер Б. А. 6, 31, 468
- Келлер Б. М. 156
- Керенский А. Ф. 322—324, 337, 368
- Кистяковский В. А. 435
- Кися (см. Балтаева А. В.)
- Клаач Г. 200, 201, 205
- Клеопов И. Л. 122
- Клер М. О. 206, 465
- Ключевский В. О. 305
- Князев Г. А. 252, 253, 255, 450, 468
- Ковалевский А. О. 239, 256
- Ковалевский Е. П. 141
- Козин Я. Д. 468
- Коковцов П. К. 342
- Кокшаров Н. И. 50, 98, 120, 121, 123, 127, 141, 143, 251, 252, 255, 256, 288, 290, 293, 311
- Колмогоров А. Н. 277
- Колубовский И. 468
- Колчак 371
- Кольцов А. В. 7, 345, 354, 361, 385, 398
- Коля (сын А. П. Карпинского) 99, 366
- Комаров 57
- Комаров В. Л. 305, 378, 436, 442
- Комков Г. Д. 283, 329, 341, 360, 402, 423
- Кони А. Ф. 413
- Коп Э. 194
- Копицкий В. Ф. 468
- Коржинский Д. С. 454
- Коробков А. И. 7
- Королицкий М. С. 13, 20, 22, 28, 32, 468
- Корчагина-Александровская Е. П. 29
- Коссинский В. В. 143
- Костычев С. П. 280
- Косыгин Ю. А. 209, 468
- Кот Х. 447
- Котляревский Н. А. 342
- Котульский В. К. 246
- Коцовский Н. Д. 96
- Кочубей Г. А. 281
- Красин Л. Б. 362
- Краснопольский А. А. 115, 128, 138, 173, 174, 203, 232, 242, 244, 245, 327
- Красный Л. И. 7
- Крачковский И. Ю. 416
- Крашенинников В. А. 454
- Крашенинников Г. Ф. 112
- Кржижановский Г. М. 13, 21, 25, 399, 428, 441, 442, 445, 449, 469
- Криштофович А. Н. 215, 219, 224, 469
- Кропоткин П. А. 287
- Кротов Б. П. 405, 469
- Кротов П. И. 127, 135, 173, 174
- Крупская Н. К. 132, 326
- Крыжановский В. И. 14, 469
- Крыжицкий 24

- Крылов А. Н. 22, 23, 26, 49, 303, 328, 336, 342, 348, 390, 399, 402, 403, 422
 Кубасов А. 39
 Кузнецов Е. А. 88, 469
 Кузнецов Ю. А. 454
 Кулибин Н. А. 50
 Кумок Я. Н. 6, 66, 133, 285, 289, 295, 299, 306, 338, 469
 Куплетский Б. М. 80, 81
 Купфер А. Т. 252
 Курнаков Н. С. 114, 303, 305, 327, 336, 342, 348, 377, 399, 401, 435, 469
 Курочкин Г. Д. 469
 Куторга С. С. 142, 311
 Кэмпбелл В. 280
 Кювье Ж. 173, 395, 463

 Лавров П. А. 27
 Лавуазье А. 365
 Лагорио А. Е. 217, 230, 231, 233, 247
 Лагузен И. И. 96, 121, 143, 233
 Лазарев П. П. 306, 336, 342, 343, 362, 399, 422
 Лайель Ч. 6, 9
 Лакруа А. 280, 428
 Ламарк Ж.-Б. 110
 Лапко А. Ф. 333
 Лаппо-Данилевский А. С. 305, 308, 324, 342, 344, 348
 Ласпейрес 75, 76
 Латышев В. В. 342
 Лебедев Г. Г. 96
 Лебедев П. И. 432, 469
 Лебедев П. Н. 254, 306
 Лебедзинский 165
 Левинсон-Лессинг Ф. Ю. 22, 63, 64, 66, 79—81, 233, 239, 240, 280, 305, 400, 401, 426, 442, 469
 Левицкий И. 107
 Левшин Б. В. 283, 329, 341, 360, 402, 422
 Лейди И. 194
 Лейхтенбергский М. 48
 Лейхтенбергский Н. М. 120—123, 311
 Ленин В. И. 283, 322, 323, 326, 337, 339, 341, 343—345, 349, 356—358, 362—365, 367—373, 375, 377, 379, 384—387, 390—393, 399, 464
 Леночка (см. Толмачева Елена А.)
 Ленц Р. Э. 49
 Ленц Э. Х. 49
 Лепехин И. И. 141
 Лермонтова Е. Д. 24, 25
 Лесгафт П. Ф. 305
 Леш А. А. 84, 147
 Либрович Л. С. 169, 180, 469
 Ли Сы Гуан 454
 Литке Ф. П. 251
 Лихарев Б. К. 397
 Личков Б. Л. 272, 278, 443, 469
 Лобачевский Н. И. 286, 396
 Ломоносов М. В. 27, 270, 280, 283, 410, 454
 Луначарский А. В. 5, 28, 325, 339, 340, 345, 349—353, 356, 363, 364, 368, 376, 383, 390, 398, 410, 412, 413, 430
 Лурия Р. А. 450
 Лутугин Л. И. 94, 114, 115, 140, 151, 166, 232, 242, 245, 305
 Лучицкий И. В. 454
 Львов Г. Е. 322, 325, 328
 Люстерник Л. А. 333
 Ляпунов А. М. 305, 308, 332—334
 Ляпунов Б. М. 27
 Ляпунова Е. К. 27
 Ляпунова Н. Р. 333
 Ляпустин Д. 39

 Майер К. 213
 Макаров С. О. 152
 Мария (см. Карпинская-Беккер М. А.)
 Мария (см. Карпинская М. П.)
 Мария Петровна (см. Карпинская М. П.)
 Мария Фердинандовна (см. Карпинская М. Ф.)
 Марков А. А. 254, 256, 305, 308, 328, 342
 Марков А. А. (сын) 333
 Марков К. В. 218
 Марковский А. П. 7
 Марр Н. Я. 342, 348, 399, 426
 Меглицкий Н. Г. 142
 Медоев Г. П. 469
 Межлаук В. И. 471
 Мейлицев Гр. 469
 Мейстер А. К. 243, 246
 Менделеев Д. И. 252—254, 256, 430
 Менделеева А. И. 396, 430

- Менегhini 213
 Мензбир М. А. 444, 448
 Мевнер В. В. 95
 Мастер К. К. 311
 Мечников И. И. 271
 Мёллер В. И. 83, 96, 114, 115, 123, 124, 127—129, 133, 137, 143, 156, 174, 227, 228, 312
 Миддендорф А. Ф. 119
 Миклухо-Маклай М. Н. 115
 Милановский Е. В. 272, 469
 Миллус К. И. 311
 Мирбах 369
 Михаил (см. Карпинский М. П.)
 Михаил (брат Николая II) 322
 Михаил Петрович (см. Карпинский М. П.)
 Михальский А. О. 115, 133, 138, 147, 150, 156, 162, 232, 234, 242, 245, 290, 291
 Мозжухин А. С. 424
 Морган 464
 Морозевич О. А. 232
 Морозов Н. А. 406
 Москвин Н. А. 101
 Моцарт В.-А. 58
 Мур Р. 112
 Мурчисон Р. 6, 83, 84, 109, 119, 135, 142, 144, 149, 174, 252, 261
 Мусоргский М. П. 28
 Муфель М. 57
 Мушкетов Д. И. 278, 469
 Мушкетов И. В. 96, 97, 105, 114, 115, 121, 128, 129, 136, 137, 143, 152, 241, 242, 283, 312
 Мюллер А. 175
 Мюллер И. 119
 Мюссе А. 306

 Навашин С. Г. 378
 Надсон Г. А. 16, 21, 435, 469
 Наливкин В. А. 115, 232
 Наливкин Д. В. 270, 272, 454, 470
 Насонов Н. В. 342, 401
 Науман К. Ф. 75, 76, 276
 Наумов П. С. 29
 Неменов М. И. 390
 Нехорошев В. П. 129, 132, 140
 Нехорошев В. Т. 98
 Нехорошева А. А. 98, 366, 438, 449, 460
 Нечаев А. В. 263
 Ниггли П. 280

 Никитин П. В. 283, 309, 315
 Никитин С. Н. 111, 128, 130, 134—136, 146, 147, 150, 151, 156, 196, 228—230, 232, 242, 248, 258, 261, 293
 Никитский А. В. 342
 Никифоров П. М. 434
 Николаев В. В. 24
 Николаев Н. И. 263, 266
 Николай I 30, 43
 Николай II 308, 310, 322
 Николь У. 62
 Никольский Н. К. 342, 416, 417
 Ноинский М. Э. 396
 Носов А. А. 142
 Ньюбери Дж. 194, 204
 Ньютон И. 358, 424

 Обручев В. А. 8, 26, 103, 109, 115, 213, 245, 246, 280, 426, 435, 442, 450, 453, 454, 470, 471
 Обручев Д. В. 192, 194, 196, 201, 204, 205, 207, 208, 470
 Овчинников Ю. А. 454
 Ог Э. 191, 280
 Огильви А. Н. 248
 Озерецковский Н. Я. 454
 Озерский А. Д. 142
 Оливьери А. И. 141
 Ольшнев П. А. 42, 44, 50
 Ольга Александровна (великая княгиня) 242
 Ольденбург С. Ф. 24, 25, 283, 305, 307—309, 319, 324, 327, 329, 331, 332, 340, 341, 343, 345—349, 351, 352, 360, 362, 364, 366, 371—373, 375—377, 383, 386, 387, 390, 391, 399, 408—410, 414, 416, 417, 423, 429, 430
 Ольденбургская Е. М. 155, 311, 312
 Орбели Р. А. 470
 Орджоникидзе Г. К. 448, 449
 Осинский В. В. 434
 Остен-Сакен 154
 Остроградский М. В. 49
 Оуэн Р. 194
 Офьянников Ф. В. 308

 Павлинов П. Я. 29
 Павлов А. П. 147, 173, 229, 230, 233, 246, 263, 280, 342, 397

- Павлов И. П. 5, 18, 271, 305, 342, 377, 388, 401, 414, 422—424, 426, 446
- Павлов М. А. 33, 36, 49—51
- Павел (см. Толмачев П. И.)
- Палладин В. И. 328, 342, 401
- Паллас П. С. 84, 141
- Пальмов И. С. 342
- Пандер Х. И. 83, 118, 142, 174, 216—220
- Паншер Л. И. 311
- Пастер Л. 27, 406
- Пекарский П. К. 407
- Перовский С. А. 470
- Пестерева А. З. 39
- Петр Великий 455
- Петр Карпинский (см. Карпинский Петр М.)
- Петр Михайлович (см. Карпинский Петр М.)
- Петров Ф. Н. 422
- Пешков А. (см. Горький А. М.)
- Платонов С. Ф. 378
- Плеве В. К. 302
- Плеханов Г. В. 42, 112, 457
- Погребов Н. Ф. 72, 115, 140, 155, 169, 232, 234, 235, 242, 305, 470
- Покровский М. Н. 359, 360, 362, 386
- Покровский Ф. И. 335
- Попов А. С. 305, 457
- Посников Г. 37
- Походяшин М. 37
- Преображенский П. И. 246, 471
- Протопопов Ю. Н. 438
- Пузыревский Н. П. 142
- Пузыревский П. А. 50, 120, 121
- Пустовалов Л. В. 405
- Пушкин А. С. 20, 27, 406, 407, 444, 463
- Радлов В. В. 283, 305, 342
- Рамзай В. 280
- Раселли Ф. И. 123, 124
- Раузер-Черноусова Д. М. 454
- Редикорцев В. И. 38
- Редикорцева М. П. (см. Карпинская М. П.)
- Резерфорд Э. 439
- Рейтерн М. Х. 98, 122
- Ренгартен В. П. 248
- Реневье Э. 199
- Репин И. Е. 29, 305, 448
- Рост Ю. И. 334, 359, 363, 368, 373
- Ржонсницкая М. А. 7
- Ржонсницкий Г. А. 115
- Римский-Корсаков Н. А. 28
- Ришпас П. Б. 232
- Рихтер А. А. 435
- Рождественская О. А. 342, 343, 452
- Рождественский Д. С. 305, 327, 342, 343, 452
- Розанов А. Н. 263
- Розе Г. 81, 119
- Романкевич Е. А. 454
- Романов А. В. 57
- Романов К. К. 296, 302, 306, 307, 309, 329
- Романовская Л. Д. 38
- Романовский Г. Д. 38, 60—62, 96, 114, 115, 121, 122, 128, 143, 171, 173, 246, 312
- Романовский С. И. 93, 112, 124, 183, 258, 263
- Ростовцев М. И. 337
- Рот И. 75, 76
- Ротплетц 238
- Ругевич К. Ф. 230
- Руженцев В. Е. 454
- Рыкачев М. А. 280, 342, 401
- Рышко В. А. 366
- Рябинин А. Н. 115, 152, 153, 397, 471
- Рябушинский П. П. 385
- Самойлов В. О. 424
- Самойлов Я. В. 396, 405
- Самойлович С. Л. 434, 471
- Сауков А. А. 17
- Святальский Н. И. 246
- Севергин В. М. 454
- Северцов А. Н. 191, 378
- Семашко Н. А. 390
- Семашко Ю. И. 281
- Семенов Л. К. 283, 329, 341, 360, 405, 423
- Семенов-Тянь-Шанский А. П. 19, 310, 316, 413
- Семенов-Тянь-Шанский П. П. 407
- Сеченов И. М. 254, 374
- Сизова О. А. 141
- Синцов И. Ф. 121, 127, 134, 283
- Скальковский К. 42
- Скочинский А. А. 442
- Славянов Н. Н. 248

- Смирнов В. И. 454
 Смирнов И. С. 347, 350, 354, 355, 358—360, 363
 Смирнов Я. И. 342
 Смит Дж. П. 191
 Собинов Л. В. 28
 Соболев Д. Н. 91, 92
 Соболевский А. И. 342, 408
 Соваж 199
 Соймонов В. Ю. 118
 Соколов В. А. 115
 Соколов В. Д. 261
 Соколов Д. И. 42, 45
 Соколов Н. А. 133, 138, 139, 150, 152, 230, 232, 242, 247
 Соколовский Л. А. 123
 Соловьев С. П. 311, 471
 Сомов И. И. 48, 49
 Сорби Г. 62, 63
 Сорокин А. И. 128
 Соскин В. Л. 326, 341
 Спендиаров Л. 236, 237, 240
 Стальнов Г. И. 246
 Станиславский К. С. 28, 30
 Стеклов В. А. 305, 309, 320, 328, 332, 336, 342, 345, 346, 348, 372, 373, 376—378, 383, 386, 387, 390, 391, 395, 396, 399, 408, 409, 413, 416
 Степанов П. И. 154, 155, 397
 Столетов А. Г. 254
 Страхов Н. М. 7, 454, 465
 Стрельников Н. З. 471
 Строганов А. Г. 311
 Струве А. О. 128, 143
 Струве П. Б. 337
 Струмилин С. Г. 434
 Сукачев В. Н. 305
 Сущин К. Д. 81, 106
- Талдыкина К. С. 455, 467
 Танеев А. С. 315
 Татаринцов А. С. 50
 Татьяна (см. Карпинская Т. А.)
 Татьяна Александровна (см. Карпинская Т. А.)
 Термье П. 428
 Тер-Оганесов В. Т. 359, 360, 362, 394
 Терпигорев А. М. 115, 471
 Тетяев М. М. 91, 92, 257, 263, 266, 471
 Тимашева В. В. 24
 Тиме Г. А. 48, 49, 114, 115
- Тиме Е. И. 29
 Тимирязев К. А. 254, 266, 306, 326, 328, 370, 381, 387
 Тихомиров В. В. 7, 454
 Толль Э. В. 152, 232, 242, 247, 281
 Толмачев А. И. 23, 31, 430, 434, 471
 Толмачев П. И. 434
 Толмачева Е. А. 11, 14, 18, 21, 26, 31, 35, 59, 69, 98, 100, 101, 114, 208, 240, 410, 427, 437, 439, 443, 449, 452, 454, 459, 471
 Толмачева Елена А. 31
 Толмачева О. А. 7, 472
 Толстой Д. А. 251, 253, 255, 280, 302
 Толстой Л. Н. 27, 407, 464
 Тонков В. Н. 305, 391
 Траутшольд Г. А. 121, 142, 194, 195, 217, 228
 Трепов А. Ф. 320
 Тугаринов А. И. 454
 Тулайков Н. М. 434
 Тульчинский К. 472
 Тураев Б. А. 378
 Тэйлор Ф.-Б. 278
- Уоллес А. 110
 Успенский Ф. И. 342, 378, 408
 Уэллс Г. Дж. 324, 341, 369, 374, 375, 390, 391
- Фаминцын А. С. 252—254, 305, 307, 324, 342, 343, 401
 Федоров Е. С. 80, 115, 133, 137, 139, 140, 173, 239, 242, 254, 280, 285—303, 308, 364, 378
 Федорова Л. В. 292
 Федоровский Н. М. 442, 472
 Фейдер В. А. 7, 465, 472
 Феофилактов К. М. 142
 Ферсман А. Е. 11, 16, 17, 271, 280, 348, 364, 377, 378, 381, 384, 387, 390, 399, 400—405, 410, 413, 416, 417, 426, 434, 435, 440, 442, 450, 453, 456, 472
 Фигуровский Н. А. 253
 Филиппсон 238
 Фитингер Б. И. 311
 Фольборт А. Ф. 216, 218
 Форбс Э. 109
 Фохт К. К. 230

Фредерикс Г. Н. 88, 160
Фукс Т. 201
Фурмарье 428

Хабаков А. В. 245, 246, 444
Хадфильд Р. 439
Хазард 106
Халатов А. Б. 390
Халфин Л. Л. 84, 181
Хаксли Дж. 429, 464
Хвольсон О. Д. 370, 377
Хворова И. В. 180
Хербст 438
Херасков Н. П. 454
Хизер Х. 211
Хичкок Э. 194
Хлапонин А. И. 232
Хлебников 36
Холл Дж. 9, 194
Хорошевский В. В. 143
Хэй О. 197, 200, 201, 204—207

Ценковский Л. С. 254
Циттель К. 191, 194, 238

Чайковский П. И. 306
Чебышев П. Л. 254, 288
Чермак Г. 77, 294
Чернов А. А. 173, 175, 212, 219, 454, 472
Черноусов Я. М. 6, 37, 472
Чернышев Ф. Н. 51, 94, 100, 111, 115, 117, 128, 130, 132, 133, 135, 137, 138, 147, 150, 151, 154—156, 158, 166, 172—174, 228—230, 232, 233, 239—242, 244, 245, 247, 248, 263, 280, 282, 283, 293, 294, 305, 308, 312, 457

Чернышевский Н. Г. 437
Черский И. Д. 281
Чураков А. Н. 404, 472

Шапиро Л. Г. 346—348, 360
Шателен М. А. 305
Шателен М. А. (жена М. П. Карпинского) 38

Шатский Н. С. 33, 91, 92, 111, 257, 261, 270, 272, 273, 472
Шафрановский И. И. 140, 285, 292, 303
Шафрановский К. И. 472
Шахматов А. А. 305, 308, 319, 324, 342, 345, 348, 399
Шведов М. С. 405
Шекспир В. 306
Шилинговский П. А. 29
Шиллер И. 306
Шимкевич В. М. 378
Шлеттер 217
Шлигельмильх А. К. 252
Шмидт О. Ю. 390
Шмидт Ф. В. 100, 121, 127, 128, 134, 143, 147, 229, 230, 233, 242, 251, 252, 254—256, 294, 365, 472
Шокальский Ю. М. 280, 400
Шоффа 237
Штернберг П. К. 360
Штилле Г. 91, 429
Штрейс Н. А. 454
Штукенберг А. А. 127, 135, 137, 173, 174, 230
Штюмер Б. В. 320
Шуберт 211
Шухерт Ч. 270

Щербаков Д. И. 69, 271, 454, 472
Щербатской Ф. И. 378

Эдельштейн Я. С. 246, 381
Эйхвальд Э. И. 118
Эренберг Х. 216

Юденич 370—372

Ябе Х. 211
Яворовский П. К. 245
Яворский В. И. 454
Ягич И. В. 377
Яковлев Н. Н. 115, 132, 177, 491, 232, 305, 454, 472, 473
Янжул И. И. 305
Янишевский М. Э. 397
Яншин А. Л. 7, 95, 454
Ячевский Л. А. 245

Оглавление

	Стр.
Предисловие	5
Пролог	
«Величие ума своего он сочетал с величием своего сердца...»	8
Часть первая	
«К Горному институту он всю жизнь относился с нежной любовью...»	33
Глава 1. Горпаяцкая династия	33
Глава 2. Петербургский корпус горных инженеров	42
Глава 3. Адъюнктская диссертация	59
Глава 4. Формирование исследовательского стиля	67
Глава 5. Профессор Горного института	96
Часть вторая	
«Формально он был третьим, а по существу первым директором Геологического комитета...»	116
Глава 6. Создание Геологического комитета	116
Глава 7. Геологическая карта Европейской России	140
Глава 8. Личное участие А. П. Карпинского в исследованиях Геологического комитета	158
Глава 9. «Об аммонейх артинского яруса...»	169
Глава 10. Helicoripion	191
Глава 11. Проблематики и трохилиски	209
Глава 12. Седьмой Международный геологический конгресс	225
Часть третья	
«Академия наук была для него родной и своей...»	251
Глава 13. Избрание в Академию наук. Палеогеографические и палеотектонические реконструкции	251
Глава 14. Научно-организационная деятельность	279

	Стр.
Глава 15. Первый выборный президент Академии наук	320
Глава 16. Шаги к сотрудничеству	337
Глава 17. В годы гражданской войны	365
Глава 18. Организация научных исследований	394
Глава 19. Новые принципы работы Академии наук	415
Глава 20. Накануне четырех юбилеев	441
Эпилог	
Минули годы	452
Основные даты жизни и деятельности А. П. Карпинского.	459
Литература об Александре Петровиче Карпинском	465
Именной указатель	474

Сергей Иванович Романовский
Александр Петрович Карпинский
1847—1936

Утверждено к печати
редколлегией серии
«Научно-биографическая литература»

Редактор издательства Г. Л. Кирикова
Художник М. И. Разулевич
Технический редактор Г. А. Бессонова
Корректоры О. И. Буркова, Н. И. Журавлева,
Г. А. Мошкина и Г. И. Суворова

ИБ № 20004

Сдано в набор 17.11.80.
Подписано к печати 25.08.81. М-19020.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Печ. л. 15¹/₈. Усл. печ. л. 25.41. Уч.-изд. л. 27.14.
Тираж 6000. Изд. № 7724. Тип. зак. 1954.
Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

Александр Петрович **КАРПИНСКИЙ**

С.И. Романовский

С.И. Романовский

**Александр Петрович
КАРПИНСКИЙ**

1 р. 70 к.

«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ